

13

7

СВЯТАЯ - БОЖЬЯ

СВЯТАЯ - БОЖЬЯ

СВЯТАЯ - БОЖЬЯ

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

СОЧИНЕНІЯ

А. Θ. ПИСЕМСКАГО.

ТОМЪ XII.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

СОЧИНЕНИЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XII.

МАСОНЫ

ЧАСТИ ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7
Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостинный дворъ, №№ 17 и 18.

Петровка, д. Михалкова, № 5.

1884.

<http://rcin.org.pl>

24.186/12

МАСОНЫ.

Романъ въ пяти частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зима 1835 года была очень холодная; на небѣ каждый вечеръ видѣли большую комету съ длиннымъ хвостомъ; въ обществѣ ходили разные тревожные слухи о томъ, что съ Польшей будетъ снова война, что появилась повальная болѣзнь—гриппъ, отъ которой много умирало, и что, наконецъ, было поймано и посажено въ острогъ нѣсколько пророковъ, предвѣщавшихъ скорое преставленіе свѣта. Въ Крещенье холодъ дошелъ до 25 градусовъ. Луна, несмотря на то, что подернута была морознымъ туманомъ, освѣщала довольно ясно пустынные улицы одного изъ губернскихъ городовъ. По главной улицѣ этого города быстро ѣхала щегольская тройка въ пошевняхъ. Коренная, кровный рысакъ, шла крупной

рысью, а пристяжные скакали, держа голову около самой земли. Кучеръ стоялъ въ передкѣ на ногахъ и едва удерживалъ натянутыми, какъ струны, возжами разгорячившихся лошадей. На барскомъ мѣстѣ въ пошевняхъ сидѣлъ очень маленькаго роста мужчина, закутанный въ медвѣжью шубу, съ лицомъ гордо приподнятымъ вверхъ, съ голубыми глазами, тоже закинутыми къ небесамъ, и съ небольшими, торчащими, какъ у таракана, усиками,—точно онъ весь стремился упорхнуть куда-то въ высь. Лѣтъ маленькому господину было около пятидесяти. У подъѣзда большаго каменнаго дома, ярко освѣщеннаго во всѣхъ окнахъ, кучеръ остановилъ лошадей. Маленькій господинъ, выскочивъ изъ пошевной и почти пробѣжавъ наружное съ двумя гипсовыми львами крыльцо, сталъ затѣмъ проворно взбираться по широкой лѣстницѣ, устланной краснымъ ковромъ и убранной цвѣтами, пройдя которую, онъ гордо вошелъ въ биткомъ набитую ливрейными лакеями переднюю. Здѣсь онъ сбросилъ съ себя свою медвѣжью шубу и очутился во фракѣ, украшенномъ на одномъ изъ бортовъ тоненькой цѣпочкой, унизанной медальками и врестиками. Изъ передней маленькій господинъ, съ прежней гордой осанкой, направился въ очень большую залу съ хорами, съ колоннами, освѣщенную люстрами, кенкетами, канделябрами,—залу съ многочисленной публикой, изъ числа которой паръ двадцать, подъ звуки полковыхъ музыкантовъ, помѣщенныхъ на хорахъ, танцевали французскую кадрили. Около стѣнъ залы сидѣли нетанцующія дамы съ открытыми шеями и разряженныя, на сколько только хватило у каждой

денегъ и вкусу, а также стояло множество мужчинъ, между коими виднѣлись чиновники въ вицъ-мундирахъ, дворяне въ своихъ отставныхъ военныхъ мундирахъ, а другіе просто въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, и, наконецъ, вупцы въ длиннополыхъ, чуть не до земли, сюртукахъ и всѣ почти съ огромными, неуклюжими медалями на кавалерскихъ лентахъ. Словомъ, это былъ ни болѣе, ни менѣе какъ оффиціальнѣйшій балъ, который давалъ губернскій предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Григорьевичъ Крапчикъ, въ честь ревизующаго губернію сенатора графа Эдлерса. Нашъ маленькій господинъ, пробираясь посреди танцующихъ и немножко небрежно кланяясь на всѣ стороны, стремился къ хозяину дома, который стоялъ на небольшомъ возвышеніи подъ хорами и являлъ изъ себя, по своему высокому росту, худощавому стану, огромнымъ рукамъ, гладко остриженнымъ волосамъ и грубой, какъ-бы солдатской фizioноміи, скорѣе стараго, отставнаго тамбурмажора, чѣмъ представителя жантильомовъ. Какъ лицо служащее, Крапчикъ тоже былъ въ вицъ-мундирномъ фракѣ и съ анненской лентой на бѣломъ жилетѣ. Увидавъ приближающагося къ нему маленькаго господина, онъ воскликнулъ:

— Наконецъ-то вы, Егоръ Егорычъ, пріѣхали!

— Дѣла, все дѣла! — отвѣчалъ тотъ скороговоркой.

И при этомъ они пожали другъ другу руки и не такъ, какъ обыкновенно пожимаются руки между мужчинами, а какъ-то очень отдѣливъ большой палецъ отъ другихъ пальцевъ, причемъ хозяинъ

чуть-чуть произнесъ: «А... Е...» на что Марейнъ слегка какъ-бы шикнулъ: «ши!» На указательныхъ пальцахъ у того и у другаго тоже были довольно оригинальные и совершенно одинакіе чугунные перстни, на печаткахъ которыхъ была вырѣзана адамова голова съ лежащими подъ ней берцовыми костями и надписью наверху: *sic eris* *).

— Катринъ, развѣ ты не видишь: Егоръ Егорычъ Марейнъ!—сказалъ съ удареніемъ губернской предводитель проходившей въ это время мимо ихъ довольно еще молодой дѣвицѣ въ розовомъ креповомъ, отдѣланномъ валянсѣе — кружевами, платьѣ, въ брилліантовомъ ожерельѣ на груди и съ брилліантовой діадемой на головѣ; но при всемъ этомъ богатствѣ и изяществѣ туалета дѣвица сія была какъ-то очень аляповата; черты лица имѣла грубая съ весьма замѣтными слѣдами пробивающихся усовъ на верхней губѣ и при этомъ еще бѣлплась и румянилась: природный цвѣтъ лица ея, вѣроятно, былъ очень черенъ! Впрочемъ, всѣ эти недостатки ея скрашивались нѣсколько выразительными и почти жгучими глазами и роскошными, черными волосами. Особа эта была единственная дочь хозяина и, отчасти, представляла фамильное сходство съ нимъ. Самъ господинъ Крапчикъ, по слухамъ, былъ восточнаго происхожденія: не то грузинъ, не то армянинъ, не то грекъ!

— Какъ я рада васъ видѣть, м-г Марейнъ!— произнесла Катринъ, слегка присѣдая.

---

*) Такимъ будешь!

Марейнъ, съ своей стороны, вѣжливо, но сухо ей поклонился. Катринъ послѣ того пошла далѣе,—занимать другихъ гостей.

— А графъ пріѣхалъ? — спросилъ Марейнъ хозяина.

— Давно пріѣхалъ!... Вонъ онъ разговариваетъ съ Клавской!...—отвѣчалъ тотъ, показывая глазами на плѣшиваго старика съ синей лентой Бѣлаго орла, стоявшаго около танцующихъ, вблизи одной, если хотите, красивой изъ себя дамы, но, въ то же время, съ какимъ-то наглымъ и безстыжимъ выраженіемъ въ лицѣ. Марейнъ нѣсколько мгновений смотрѣлъ въ показанную ему сторону чрезъ свой двойной лорнетъ. Во все это время Клавская рѣшительно не обращала никакого вниманія на танцующаго съ нею кавалера—какого-то доморощеннаго юношу и безпрестанно обертывалась къ графу, громко съ нимъ разговаривала, рассуждала и явно старалась представить изъ себя царицу бала. Сенаторъ, въ свою очередь, тоже разсыпался передъ ней въ любезностяхъ и при этомъ своими мягкими манерами онъ обнаруживалъ въ себѣ не столько суроваго жреца Фемиды, сколько ловкаго придворнаго, что подтверждали и двѣ каммергерскія пуговицы на его форменномъ фракѣ.

— Стало быть, мнѣ правду говорили, что онъ плѣнился этой госпожей?—спросилъ Марейнъ губернскаго предводителя.

— Черезъ недѣлю же какъ пріѣхалъ!... Заранѣе это у нихъ было придумано и подготовлено,—произнесъ тотъ нѣсколько язвительнымъ голосомъ.

— Но кѣмъ?

— Нашимъ общимъ съ вами другомъ.

— Губернаторомъ?

— Конечно!... двоюродная племянница ему... Обойдутъ старика совершенно, такъ что все будетъ шито и крыто.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ!... я не допущу этого!...—проговорилъ хоть и шепотомъ, но запальчиво Марейнъ.

— Пожалуйста, пожалуйста! — упрасивалъ его губернский предводитель, — а то, вѣдь, это, ей-богу, ни на что не похоже!... Но сами вы лично знакомы съ графомъ?

— Въ глаза его никогда не видалъ! — отвѣчалъ Марейнъ.

— Угодно вамъ, чтобы я васъ представилъ?

— Хорошо.

Между тѣмъ кадрили кончилась. Сенаторъ пошелъ по залѣ. Общество передъ нимъ, какъ море передъ большимъ кораблемъ, стало раздаваться направо и налево. Трудно описать всѣ мелкіе оттѣнки страха, уваженія, вниманія, которые начали отражаться на лицахъ чиновниковъ, купцовъ и даже дворянъ. На срединѣ залы къ сенатору подошелъ хозяинъ съ Марейнымъ и проговорилъ:

— Ваше сіятельство, позвольте вамъ представить: полковникъ Марейнъ!

Послѣдній замѣтно старался болѣе обыкновеннаго топорщиться.

Сенаторъ весьма благосклонно протянулъ ему руку.

— Миѣ объ васъ очень много говорили министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ юстиціи!—прибавилъ онъ къ тому.

— Да, они меня знаютъ! — отвѣчалъ почти небрежно Марейнъ.

Сенатору, кажется, не понравился тонъ его отвѣта. Не сказавъ ему болѣе ни слова, онъ пошелъ далѣе и въ первой-же небольшой гостиной, гдѣ на нѣсколькихъ столахъ играли въ карты, остановился у одного изъ нихъ. За столикомъ этимъ, увы! игралъ — обреченная жертва ревизіи — мѣстный губернаторъ, тоже уже старикъ, съ лошадиною профилею, тупыми, телячьими глазами и въ анненской лентѣ. Когда къ нему приблизился сенаторъ, на лицѣ губернатора, подобно тому какъ и на лицахъ другихъ чиновниковъ, отразились нѣкоторое смущеніе и затаенная злоба. Сенаторъ сталъ смотрѣть на игру.

— Вы очень разсѣянно играете: вамъ слѣдовало ходить съ бубенъ! — замѣтилъ онъ губернатору.

— Я вообще дурно играю! — отозвался тотъ, силясь улыбнуться.

— Въ такомъ случаѣ, остерегитесь: Михайло Сергѣичъ отличный игрокъ! — продолжилъ сенаторъ, разумѣя подъ этимъ именемъ своего правителя дѣлъ, съ которымъ губернаторъ игралъ въ пикетъ.

— Какой я нынче, ваше сіятельство, игрокъ, — особенно въ пикетъ! Со службой совсѣмъ разучился! — отвѣчалъ правитель дѣлъ, сухопарый, или, точнѣе сказать, какой-то даже оглоданный петербургскій чиновникъ, съ расчесанными бакенбардами, съ старательно-вычищенными ногтями, въ нѣсколькихъ фуфайкахъ и сверхъ ихъ въ щегольскомъ бѣлѣ. Фамилія его была Звѣздкинъ, а чинъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ. Въ пе-

тербургскомъ чиновничьемъ мірѣ онъ слылъ за великаго дѣльца, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за великаго плута. Его нарочно подсунули изъ министерства графу Эдлерсу, такъ-какъ всѣмъ почти было извѣстно, что почтенный сенаторъ гораздо болѣе любитъ увлекаться вихремъ свѣтскихъ удовольствій, чѣмъ скучными обязанностями службы; вслѣдствіе всего этого можно было подозрѣвать, что губернаторъ врядъ-ли ненарочно старался играть разсѣянно: въ его прямыхъ расчетахъ было проигрывать правителю дѣла!

Посмотрѣвъ еще нѣсколько времени на игру, графъ пошелъ далѣе въ слѣдующую большую гостиную. Хозяинъ дома, бывшій, должно быть, не смотря на свою грубоватую наружность, человѣкомъ весьма хитрымъ и наблюдательнымъ и, повидимому, старавшійся не терять графа изъ виду, поспѣшилъ, будто бы совершенно случайно, въ сопровожденіи даже ничего этого не подозрѣвавшаго Марейна, перейти изъ залы въ маленькую гостиную, изъ которой очень хорошо можно было усмотрѣть, что графъ не остановился въ большой гостиной, исключительно наполненной самыми почтенными и пожилыми дамами, а направился въ боскетную, гдѣ и усѣлся въ совершенно уединенномъ уголку возлѣ madame Клавской, точно изъ-подъ земли тутъ выросшей.

— Опять ужъ парочкой!— шепнулъ предводитель Марейну.

— О, дуракъ, старый развратникъ! — пробормоталъ тотъ съ досадою и съ презрѣніемъ.

— Да!— протянулъ предводитель:— не такого-бы по нашимъ дѣламъ намъ надобно прислать сенатора.

Въ отвѣтъ на это Марейнъ пожалъ плечами и сдѣлалъ изъ лица мину, какъ-бы говорившую: «но гдѣ-жь ихъ взять, когда другихъ и нѣтъ?»

— Но скажите, по крайней мѣрѣ,—не отставалъ отъ него предводитель:—не привезли-ли вы какихъ-нибудь извѣстій о нашемъ главномъ дѣлѣ?

— Никакихъ и много!—отвѣчалъ своимъ обычнымъ отрывистымъ тономъ Марейнъ.

По лицу губернскаго предводителя пробѣжало любопытство, смѣшанное какъ-бы съ нѣкоторымъ страхомъ.

— Мое нетерпѣнiе, ей богу, такъ велико, — началъ онъ полупшепотомъ и заискивающимъ голосомъ,— что я умолялъ-бы васъ теперь-же сообщить мнѣ эти извѣстiя.

— Но здѣсь нельзя говорить объ этомъ!... Надобно уйти куда-нибудь!—возразилъ ему Марейнъ.

— Это очень легко сдѣлать: прошу васъ пожаловать за мной,—подхватилъ предводитель и, еще разъ взглянувъ мелькомъ, но пристально на сидѣвшаго въ боскетной сенатора, провелъ Марейна чрезъ кабинетъ и длинный корридоръ въ свою спальню, освѣщенную двумя восковыми свѣчами, стоявшими на мозаиковомъ съ бронзовыми ободочками столикѣ, помѣщенномъ передъ небольшимъ диванчикомъ. Полъ спальни былъ покрытъ чернымъ ковромъ съ нашитыми на немъ золотыми какъ-бы каплями или слезами. По одной изъ стѣнъ ея въ альковѣ виднѣлась большая кровать подъ штофнымъ пологомъ, собраннымъ вверху въ большое золотое кольцо, и кольцо это держалъ не амуръ, не генiй какой-нибудь, а летящiй ангелъ съ смертоноснымъ мечомъ въ рукѣ, какъ-бы за тѣмъ,

чтобы почіющему на этомъ ложѣ каждоминутно напоминать о смерти. Передній уголъ комнаты занимала большая божница, завершавшаяся вверху полукуполомъ, въ которомъ былъ нарисованъ въ багрянницѣ благословляющій Богъ съ тремя лицами, но съ единымъ лбомъ и съ еврейскою надписью: *Иегова*. Подъ нимъ висѣли иконы, или, точнѣе сказать, картины религіознаго содержанія: Христосъ въ терновомъ вѣнкѣ, несущій крестъ съ подписью: *nostra salus* (наше спасеніе); *Іоаннъ Креститель* съ *амцемъ* и подписью: *delet peccata* (вземляй грѣхъ міра) и *Магдалина въ пустынь* съ подписью: *poenitentia* (покаяніе). По боковымъ стѣнкамъ божницы представлялись чисто какіе-то символы: на правой изъ нихъ *столбъ, а около него якорь* съ поясненіемъ: *spe et fortitudine* (надеждою и твердостью); а на лѣвой—святая чаша съ обозначеніемъ: *Redemptio mundi* (искупленіе міра). Но собственно иконъ православнаго пошиба не было ни одной. Передъ божницею свѣтилась и опять тоже не столько лампадка, а скорѣе лампа съ зеленымъ зонтикомъ спереди. Такимъ образомъ вся эта святыня какъ будто-бы навѣяна была изъ чужа, изъ католицизма, а между тѣмъ Крапчикъ только по-русски и умѣлъ говорить, никакихъ иностранныхъ книгъ не читалъ и даже за-границей никогда не бывалъ. Далѣе на стѣнѣ, противоположной алькову, надъ огромной рабочей конторкой, заваленной приходорасходными книгами, счетами, мѣшечками съ образцами сѣмянъ ржи, ячменя, овса, планами на земли, фасадами на постройки, висѣлъ отлично гравированный портретъ какъ-бы рыцаря въ шапочкѣ и въ мантии, изъ-подъ которой виднѣлись стальные

латы, а внизу подъ портретомъ подпись: *Eques a victoria*, подъ которою, вѣроятно, рукою ужь самого хозяина было прибавлено: *Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгъ-люнебургскій, великій мастеръ всѣхъ соединенныхъ ложъ.*

Введя гостя своего въ спальню, губернской предводитель предложилъ ему сѣсть на диванчикъ. Марейнъ, подъ вліяніемъ своихъ собственныхъ мыслей, ничего, кажется, не видѣвшій, гдѣ онъ, опустился на этотъ диванчикъ. Хозяинъ все съ болѣе и болѣе возрастающимъ нетерпѣніемъ въ лицѣ помѣстился рядомъ съ нимъ.

— Значитъ, нѣтъ никакой надежды на наше возрожденіе?—заговорилъ онъ.

— Никакой, ни малѣйшей!—отвѣчалъ Марейнъ, постукивая своей маленькой ножкой:—я говорю это утвердительно, потому что по сему поводу мнѣ переданы были слова самого Государя.

— Государя?... — переспросилъ предводитель съ удивленіемъ и недовѣріемъ.

Марейнъ въ отвѣтъ утвердительно кивнулъ головой.

Сомнѣніе все еще не сходило съ лица предводителя.

— Мнѣ повелѣно было объяснить, — продолжалъ Марейнъ, кладя свою миниатюрную руку на могучую ногу Браучива:—кто я, къ какой принадлежу лѣжѣ, какую занимаю степень и должность въ ней и какая разница между масонами и энциклопедистами или, какъ тамъ выражено: *волтеріанцами*, и почему въ обществѣ между ими и нами существуетъ такая вражда. Я на это написалъ все, не утаивъ ничего!

Предводитель былъ озадаченъ.

— Но, почтенный братъ, не нарушили-ли вы тѣмъ нашъ обѣтъ молчанія? — глухо проговорилъ онъ.

Марейнъ совершенно вспѣтушился.

— Это вздоръ-съ вы говорите! — забормоталъ онъ.—Я знаю и исполняю правила масоновъ не хуже вашего! Я не болтунъ, но передъ Государемъ моимъ я счелъ-бы себя за подлеца говорить неправду или даже скрывать что-нибудь отъ него.

Все это Егоръ Егорычъ произнесъ съ сильнымъ удареніемъ.

— Это, конечно, на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ-бы то же самое каждый,—поспѣшилъ вывернуться губернскій предводитель:—и я изъявляю только мое опасеніе касательно того, чтобы враги наши не воспользовались вашей откровенностью.

— Это ужь ихъ дѣло, а не мое!—рѣзко перебилъ его Марейнъ:—но я написалъ, что я христіанинъ и масонъ, принадлежу къ такой-то ложѣ... Болѣе двадцати лѣтъ исполняю въ ней обязанность гросмейстера... Между господами энциклопедистами и нами вражды мелкой и меркантильной не существуетъ, но есть вражда и несогласіе понятій: у насъ, масоновъ,—Богъ, у нихъ — разумъ, у насъ—вѣра, у нихъ—сомнѣніе и отрпцаніе; цѣль наша—устройство и очищеніе внутренняго человѣка, ихъ цѣль—дать ему благосостояніе земное...

— Хорошо, хорошо! — началъ ужь похваливать предводитель.

— Знанія ихъ, — продолжалъ Марейнъ, — болѣе

внѣшнія. Наши — высшія и безпредѣльныя. Ученіе наше — средняя линія между религіей и законами... Мы не подкапыватели общественныхъ порядковъ... для насъ одинаковы всѣ народы, всѣ образы правленія, всѣ сословія и всѣхъ степеней образованія умы... Какъ добрые сѣятели, мы въ бурю и при солнцѣ, на почву добрую и каменистую стараемся сѣять!..

— Превосходно, превосходно!—воскликнулъ предводитель и, кажется, съ совершенно искреннимъ увлеченіемъ.

Въ свою очередь, и Марейнъ, говоря послѣднія слова, исполнился какого-то даже величія: про него вся губернія знала, что онъ до смѣшнаго идеалистъ, заклѣтой масонъ и честнѣйшій человѣкъ.

— А имѣете-ли вы свѣдѣнія, какъ принято было ваше письмо? — допытывался у него предводитель, явно стремившійся болѣе къ земнымъ и конечнымъ цѣлямъ, чѣмъ къ небеснымъ.

— Имѣю, и самыя вѣрныя, потому что миѣ офиціально написано, что Государю благоугодно благодарить меня за откровенность, и что насъ, масоновъ, онъ никогда иначе и не разумѣлъ.

— Мы такіе и есть и такими всегда останемся!— не удержался и воскликнулъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ предводитель.

Марейна разсердило, что его перебиваютъ.

— Дослушайте, пожалуйста, и дайте договорить, а тамъ ужь и дѣлайте ваши замѣчанія,—произнесъ онъ досадливымъ голосомъ и продолжалъ прежнюю свою рѣчь:—иначе и не разумѣлъ, но... (и Марейнъ при этомъ поднялъ свой указательный палецъ) все-таки желательно, чтобъ въ Россіи не было ни масо-

новъ, ни энциклопедистовъ, а были-бы только истинно-русскіе люди, истинно-православные, любили-бы свое отечество и оставались-бы вѣрно-подданными.

— Мы и православные, и вѣрноподданные!—подхватилъ губернской предводитель.

— Нѣтъ, это еще не все, мы еще и другое!—перебилъ его снова съ нѣскольکو ядовитой усмѣшкой Мареннъ...—Мы,—вы видно забываете, что я вамъ говорю,—мы—люди, для которыхъ душа человѣческая и ея спасеніе дороже всего въ мірѣ, и для насъ не суть важны ни правительства, ни границы странъ, ни даже религіи.

— Религіи, положимъ, важны: братья масоны могутъ быть лишь христіане.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ и нѣтъ! — закричалъ на него Мареннъ:— Вы это говорите со словъ Лопухина *), и я, пожалуй, скажу: да, христіанномъ; но какимъ? христіаниномъ по духу!... Истинный масонъ, крещенъ онъ или нѣтъ, всегда духомъ христіанинъ, потому что догмы наши въ самомъ чистомъ видѣ находятся въ евангеліи, предполагая, что оно не истолковывается съ вѣроисповѣдными особенностями; а то хороша будетъ наша всѣхъ обрѣтающая и всѣхъ призывающая любовь, когда мы только будемъ брать изъ католиковъ, лютеранъ, православныхъ, а люди другихъ исповѣданій—плевать на нихъ, гяуры они, козлища!

---

*) Масонъ временъ Новикова, написавшій нѣскольکو масонскихъ сочиненій.

— Если такъ понимать, то конечно!—произнесъ уклончиво предводитель и далѣе какъ-бы затруднялся высказать то, что онъ хотѣлъ:—А съ васъ, скажите, взята подписка о непринадлежности къ масонству?—выговорилъ онъ, наконецъ.

— Никакой!... Да я-бы и не далъ ея: я какъ былъ, есмь, такъ и останусь масономъ! — отвѣчалъ Марейнъ.

Губернскій предводитель грустно усмѣхнулся и началъ было:

— Опять-таки въ нашихъ правилахъ сказано, что если монаршая воля запретить наши собранія, то мы должны повиноваться тому безпорно и безъ малѣйшаго нарушенія.

— И опять-таки вы слышали звонъ, да не уразумѣли, гдѣ онъ! — перебилъ его съ обычною своею рѣзкостью Марейнъ.—Сказано: «запретить собранія наши», — тому мы должны повиноваться, а ужь никакъ это не касается нашего внутренняго устройства: на религію и на совѣсть узды класть нельзя! Въ противномъ случаѣ, такое правило заставить человѣка или лгать, или изломать всю свою духовную натуру.

— Прекрасно-съ, я согласенъ и съ этимъ! — снова уступилъ предводитель. — Но какъ же тутъ быть?... Вы вотъ можете оставаться масономъ и даже открыто говорить, что вы масонъ, — вы не служите!... Но какъ же мнѣ въ этомъ случаѣ поступить?—заклучилъ онъ, какъ бы въ формѣ вопроса.

— А вамъ кто велить служить? какая необходимость въ томъ? — произнесъ почти съ презрѣніемъ Марейнъ.

— Привычка, пятидесятилѣтняя привычка служить, больше ничего! — объяснилъ предводитель.

— Не говорите этого! не говорите!... Это или неправда, или какое-то непонятное заблужденіе ваше! — прикрикнулъ на него Марейнъ. — Я, впрочемъ, радъ этимъ невздамъ на насъ, очень радъ!... Пусть въ нихъ всѣ, какъ металлы въ горнилѣ, пообчистятся, и увидится, въ комъ есть золото и сколько его!

Губернскій предводитель немного сконфузился при этомъ: онъ никакъ не желалъ подобнаго очищенія, опасаясь, что въ немъ, пожалуй, крупинки золота не обрѣтется, такъ какъ онъ былъ *ищушимъ* масонства и, наконецъ, удостоился онаго вовсе не ради нравственнаго усовершенствованія себя и другихъ, а чтобы только окраситься цвѣтомъ образованнаго человѣка, каковыми тогда считались всѣ масоны, и чтобы увеличить свои связи, посредствомъ которыхъ ему уже и удалось достигнуть почетнаго званія губернскаго предводителя. Въ настоящее же время его мечтой была надежда сломить губернатора и самому сѣсть на его мѣсто.

— Меня больше всего тутъ удивляетъ, — заговорилъ онъ послѣ короткаго молчанія и съ недоумѣвающимъ выраженіемъ въ лицѣ, — намъ не довѣряютъ, насъ опасаются, а между тѣмъ вы, напримѣръ, словами вашими успѣли вызвать — бездѣлица!...—ревизію надъ всей губерніей.

— Я не словами вызвалъ, а крикомъ, крикомъ! — повторилъ двукратно Марейнъ: — я кричалъ всюду: въ гостиныхъ, въ клубахъ, на балахъ, на улицахъ, въ церквахъ.

— Другой, пожалуй, кричи: его заставили бы только замолчать, а васъ нѣтъ.

— Они хорошо и сдѣлали, что не заставляли меня! — произнесъ, гордо поднявъ свое лицо, Марейнъ: — я дѣйствую не изъ собственныхъ неудовольствій и выгодъ! Меня на волосъ чиновники не затрогивали, а когда бы затронули, такъ я и не сталъ бы такъ поступать, памятуя слова великой молитвы: «остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», но я всюду видѣлъ, слышалъ, какъ они поступаютъ съ другими, а потому пусть ужь не посѣтуютъ.

— Вы далеко не все слышали, далеко, что я, напримѣръ, знаю про этихъ господъ, сталкиваясь съ ними, по моему положенію, на каждомъ шагу, — подзадоривалъ его еще болѣе губернской предводитель.

Въ это время, однако, вошедшій въ спальню лакей возвѣстилъ:

— Ваше превосходительство, его сіятельство графъ Эдлерсъ уѣзжаетъ.

— Какъ уѣзжаетъ? — воскликнулъ съ испугомъ Крапчикъ и почти бѣгомъ побѣжалъ къ своему именитому гостю.

II.

Марейну очень не понравилась такая торопливость и суетливость хозяина. «Что это такое? зачѣмъ все это и для чего?» — спрашивалъ онъ себя, пожимая плечами и тоже выходя чрезъ корридоръ и

кабинетъ въ залу, гдѣ увидалъ окончательно возмущившую его сцену: хозяинъ униженно упрашивалъ графа остаться на балѣ хоть нѣсколько еще времени, но тотъ упорно отказывался и отвѣчалъ, что это невозможно, потому что у него дѣла, и рядомъ же съ нимъ стояла мадамъ Клавская, тоже, какъ видно, уѣзжавшая и объяснявшая свой отъѣздъ тѣмъ, что она очень устала и что ей не совсѣмъ здоровится. Собственно, Клавскую упрашивала остаться дочь хозяина, мадемуазель Катринъ; но всѣ ихъ мольбы остались тщетными. Гости уѣхали. Хозяева пошли ихъ провожать чуть не до сѣней. Марейнъ сейчасъ же началъ протестовать и собралъ около себя цѣлый кружокъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! — почти кричалъ онъ: — наши балы устраиваются не для ихъ кошачьихъ свиданій!... Это пощечина всему обществу.

— Конечно, конечно! — соглашались вполголоса нѣкоторые изъ мужчинъ. Дамы тоже были не мало поражены: однѣ пожимали плечами, другія тупились, третьи переглядывались значительными взглядами, хотя въ то же время — нельзя этого утаить — многія изъ нихъ сдѣлали бы съ величайшимъ удовольствіемъ то, что сдѣлала теперь Клавская.

Хозяинъ, наконецъ, возвратился въ залу и, услыжавъ все еще продолжавшіеся возгласы Марейна, подошелъ къ нему.

— Что такое, Егоръ Егорычъ, вы шумите? Что васъ разгивало? — спросилъ онъ его съ улыбкою.

— Если вы этого не понимаете, тѣмъ хуже для

вась!... для вась хуже! — отвѣчалъ съ нѣкоторымъ даже отъѣнкомъ презрѣнія маленькій господинъ.

— Понимать тутъ нечего, вы, по вашему поэтическому настроенію, такъ способны преувеличивать, что готовы изъ всякой мухи сдѣлать слона.

— Это — муха, ничтожная муха, по его!... а не слонъ самоуниженія и самооплеванія!...

— Егоръ Егорычъ, пощадите отъ такихъ выраженій! — произнесъ уже обиженнымъ голосомъ предводитель.

Марейнъ, впрочемъ, врядъ ли бы его пощадилъ и даже, пожалуй, сказалъ бы еще что-нибудь поильнѣй, но только вдругъ, какъ бы отъ прикосновенія волшебнаго жезла, онъ смолкъ, стихъ и даже поблѣднѣлъ, увидавъ входившее въ это время въ залу цѣлое семейство вновь пріѣхавшихъ гостей и которое состояло изъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ съ бакнями-то ангело-подобными лицами и довольно пожилой матери, сохранившей еще замѣтные слѣды красоты. Дама эта была нѣкая вдова-адмиральша Юлія Матвѣевна Рыжова. Она наслѣдовала послѣ мужа очень большое состояніе, но, по добротѣ своей и непрактичности, совершенно почти разстроила его. Ея сантиментальный характеръ отчасти выразился и въ именахъ, которыя она дала дочерямъ своимъ, и — странная случайность! — инстинктъ матери какъ бы заранѣе подсказалъ ей главныя свойства каждой дѣвушки: старшую звали Людмилою и дѣйствительно она была мечтательное существо; вторая — Сусанна — отличалась необыкновенною стыдливостью; а младшая — Муза — обнаруживала большую склонность и способность къ музыкѣ.

Всѣ эти три дѣвицы воспитывались въ институтѣ, и лучше всѣхъ изъ нихъ училась Сусанна, а хуже всѣхъ Людмила, но зато она танцевала боже-ственно, какъ фея. Рядомъ съ этимъ семействомъ шелъ высокій и стройный мужчина. Какъ левъ величественный, онъ слегка поматывалъ своей красивой головой на широкую грудь. Его лицо имѣло отчасти насмѣшливое выраженіе, а проходившія вмѣстѣ съ тѣмъ по этому лицу глубокія борозды ясно говорили, что этотъ господинъ (ему было никакъ не больше тридцати пяти лѣтъ) достаточно пожилъ и наслаждался жизнью. Онъ былъ дальній родственникъ Рыжовой и въ семьѣ ея просто именовался Валеріаномъ, а въ обществѣ Валеріаномъ Ченцовымъ и слылъ тамъ за неотразимаго покорителя женскихъ сердецъ и за сильно-азартнаго игрока. Марѣину Ченцовъ тоже приходился племянникомъ. Между имъ и дядей существовали какія-то странныя отношенія: Марѣинъ въ глаза и за-глаза называлъ Ченцова безпутнымъ и погибшимъ, но, не смотря на то, нерѣдко помогалъ ему деньгами, и деньгами не маленькими. Ченцовъ же, по большей части сердя дядю безъ всякой надобности разными циническими выходками, вдругъ иногда обращался къ нему какъ бы къ родной матери своей съ полной откровенностью и даже любовью.

Мадемуазель Катринъ посиѣнила подойти къ пріѣхавшимъ дамамъ.

— Какъ поздно, какъ поздно!... Мы съ папа были въ отчаяніи, и думали, что вы не пріѣдете,— говорила она, обмѣниваясь книксенами съ дѣвушками и ихъ матерью. <http://rcin.org.pl>

— Ахъ, это я виновата, я, — отвѣчала послѣдняя: — ко мнѣ сегодня пріѣхалъ мой управляющій и привезъ такія тяжелыя и непріятныя извѣстія, что я чуть не умерла.

Все это обѣ дамы говорили на французскомъ языкѣ: Катринъ нѣсколько грубовато и не безъ ошибокъ, а адмиральша — какъ парижанка.

Ченцовъ, между тѣмъ, тоже поклонившійся мадемуазель Крапчикъ, тутъ же пригласилъ ее на кадрили.

Какъ ни была набѣлена Катринъ, но можно было замѣтить, что она вспыхнула отъ удовольствія.

— Вы желаете со мной танцовать? — переспросила она.

Ченцовъ повторилъ свое приглашеніе.

— Извольте, — отвѣчала Катринъ.

Марейнъ, тоже болѣе бормоча, чѣмъ выговаривая свои слова, пригласилъ старшую дочь адмиральши, Людмилу, на кадрили. Та, переглянувшись съ Валеріаномъ, дала ему слово.

Подошелъ Крапчикъ и, не преминувъ опривѣтствовать этихъ новыхъ гостей, спросилъ Ченцова:

— Вы будете играть сегодня?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Ченцовъ: въ переводѣ это значило, что у него нѣтъ ни копѣйки денегъ.

Губернскій предводитель удалился въ маленькую гостиную и тамъ сѣлъ около все еще продолжавшаго играть съ губернаторомъ правителя дѣлъ Звѣздкина, чтобы по крайней мѣрѣ хоть къ нему вмѣсто сенатора приласкаться.

Пары стали устанавливаться въ кадрили, и пока

музыканты усаживались на свои мѣста, въ углу залы между двумя очень ужъ пожилыми чиновниками, бывшими за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ въ кружкѣ около Марейна, начался вполголоса разговоръ, который считаю нужнымъ передать.

— Марейну спасибо, ей-богу, спасибо, что онъ такъ отдѣлалъ этого нашего губернскаго маршала, — сказалъ одинъ изъ нихъ, одѣтый въ сѣрый ополченскій чапанъ, въ штаны съ красными лампасами, и, вообще, съ довольно, кажется, честною наружностью. Ополченецъ этотъ былъ засѣдатель земскаго суда, уже отчисленный по сенаторской ревизіи отъ службы и съ перспективою попасть подъ слѣдствіе. Бесѣдовавшій съ нимъ другой чиновникъ, толстый, какъ сороковая бочка, съ злыми, воспаленными зеленоватыми глазами, состоялъ старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія и разумѣлся правой рукой губернатора по вымоганію взятокъ.

— И Марейнъ-то вашъ хорошъ, — превредный болтунъ и взбрехъ! — отозвался совѣтникъ на слова засѣдателя: — по милости его, можетъ быть, мы и испиваемъ теперь наши горькія чаши.

— Это такъ!... — согласился тотъ: — но кто поддулъ Марейна, какъ не губернский предводитель?

— Что-жъ поддулъ! — возразилъ гнѣвно совѣтникъ: — если-бы у господина Марейна хоть на копынку было въ головѣ мозгу, такъ онъ долженъ былъ-бы понимать, какого сорта птица Крапчикъ: во-первыхъ-съ (это ужъ совѣтникъ началъ перечислять по пальцамъ), еще бывши гатчинскимъ офицеромъ, онъ наушничалъ Павлу на товарищѣ и за

то, когда Екатерина умерла, получилъ въ награду двѣсти душъ. Второе, женился на чучелѣ, на уродѣ, потому только, что у той было полторы тысячи душъ, и, какъ разсказываютъ, когда они еще были молодыми, съ этакого вотъ тоже, положимъ, балу, онъ, возвратясь съ женой домой, сейчасъ принялся ее бить. «Злодѣй, — спрашиваетъ она, — за что?...» «А за то, говоритъ, что я вотъ теперь тысячу женщинъ видѣлъ, и ты всѣхъ ихъ хуже и гаже!» Мила она ему была?

Засѣдатель усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Третіе-съ, — продолжалъ совѣтникъ все болѣе и болѣе съ озлобленными глазами, — это ужъ вы сами должны хорошо знать, и скажите, какъ онъ собираетъ оброкъ съ своихъ мужиковъ? По слухамъ, до-смерти нѣкоторыхъ засѣкалъ, а вы, земская полиція, все покрывали у него.

— Что-жь тутъ земской полиціи дѣлать! — подхватилъ, разводя руками, засѣдатель: — господинъ Крапчикъ не простой дворянинъ, а губерскій предводитель.

— Ну, да, конечно!... Вотъ онъ и показалъ вамъ себя, поблагодарилъ васъ!... — отозвался совѣтникъ: — вы мало что въ будущей, но и въ здѣшней жизни наказаніе за него получите.

— А правда-ли, что онъ дочь свою выдаетъ за Марѣина? — спросилъ засѣдатель.

— И выдастъ, по пословицѣ: деньги къ деньгамъ!... — сказалъ совѣтникъ.

— Именно деньги къ деньгамъ! — подхватилъ печальнымъ голосомъ засѣдатель.

Раздавшаяся музыка заглушила; наконецъ, и совсѣмъ прекратила ихъ бесѣду.

Катринъ, ставъ съ Ченцовымъ въ кадрили, сейчасъ-же начала многознаменательный и оживленный разговоръ.

— Скажите, правда-ли, что у madame Рыжовой очень разстроены дѣла по имѣнію? — спросила она, кажется, не безъ умысла.

— Наши съ та tante дѣла—какъ сажа бѣла!— отвѣчалъ захохотавъ Ченцовъ:—она вчера ждала, что управляющій ей прибудетъ къ ней съ тремя тысячами денегъ, а онъ ей привезъ только сорокъ куриць и двадцать поросенковъ, но и то больше помершихъ волею Божіей, а не поваромъ приколотыхъ.

— Ну что это?... бѣдная!...—произнесла какъ бы и съ чувствомъ сожалѣнія Катринъ: — и какъ вамъ не грѣхъ надъ такими вещами смѣяться?... Вы ужасный человѣкъ!... ужасный!...

— Чѣмъ?... чѣмъ?...—спрашивалъ Ченцовъ.

— Я знаю чѣмъ!... для васъ ничего нѣтъ святаго!

— Напротивъ!... напротивъ!... — возражалъ ей подъ тактъ музыки Ченцовъ.

— Но что-же для васъ есть святое?... говорите!...—поставила уже прямо свой вопросъ Катринъ, вскидывая на Ченцова свои жгучіе глаза.

— Востокъ и восточныя женщины! — отвѣчалъ онъ.

Катринъ сильно покраснѣла подъ бѣлилами.

— Востокъ?—протянула она.

— Да, и доказательство тому — я ужасно, на примѣръ, люблю поэму Баратынскаго «Цыганка». Читали вы ее?—спросилъ Ченцовъ.

— Нѣтъ! — проговорила Катринъ, сначала не понявшая, къ чему вель этотъ вопросъ.

— Прочтите!... Это отличнѣйшая вещь!... Сюжетъ ея въ томъ, что нѣкто Елецкій любитъ цыганку Сару... она живетъ у него въ домѣ, и вотъ описывается одно изъ ихъ утръ.

«Въ покоѣ томъ-же занимая
 Диванъ, цыганка молодва
 Сидѣла блѣдная лицомъ
 . . . . .
 Рукой сердитою чесала
 Цыганка черные власы
 И ихъ на темныя красы
 Нагихъ плечей своихъ метала!»

Декламируя это, Ченцовъ прямо смотрѣлъ на черные волосы Катринъ: между тогдашними лове-ласами было въ сильномъ ходу читать дамамъ сти-хотворенія, какое къ какой подходило.

— Отчего сердитой рукой?—полюбопытствовала Катринъ.

— Оттого, что она подозрѣваетъ, что у нея есть соперница—одна дѣвушка нашего круга, mademoi-selle Волховская, на которой Елецкій хочетъ же-ниться и про которую цыганка говорить:

«Да и по жомъ твоя душа
 Ужь такъ смертельно заболѣла,
 Ее вчера я рассмотрѣла —
 Совѣмъ, совѣмъ нехороша!»

— Она такъ говоритъ, конечно, изъ ревности!—замѣтила Катринъ.

— Вѣроятно!—согласился Ченцовъ.

— Ревность, я думаю, ужасное чувство!

Произнося послѣднія слова, Катринъ какъ-бы невольно взглянула на Людмилу.

— Еще-бы!—подхватилъ Ченцовъ и перемѣнилъ разговоръ:—вы вотъ поете хорошо,—началъ онъ.

— А вы находите это?—спросила съ вспыхнувшимъ отъ удовольствія взоромъ Катринъ.

— Нахожу, и главное: съ чувствомъ, съ душой, какъ говорится...

Катринъ нѣсколько стыдливо потупила глаза.

— А знаете ли вы этотъ романсъ,—продолжалъ Ченцовъ, видимо рѣшившійся окончательно отуманить свою даму,—какъ его....

«Она безгрѣшныхъ сновидѣній
Тебѣ на ложе не пошлетъ
И для небесъ, какъ добрый геній,
Твоей души не сбережетъ!
Вглядись въ пронзительныя очи—
Не небомъ свѣтятся они!...
Въ нихъ есть неправедныя ночи,
Въ нихъ есть мучительныя сны!»

Цѣль была достигнута: Катринъ все это стихотвореніе отъ перваго до послѣдняго слова приняла на свой счетъ и даже выраженія: «*неправедныя ночи и мучительныя сны*». Радость ея при этомъ была такъ велика, что она не въ состояніи была даже скрыть того и, обернувшись къ Ченцову, проговорила:

— Отчего вы никогда не пріѣдете къ намъ обѣдать?... на цѣлый-бы день?... Я-бы вамъ, если хотите, спѣла.

— Но я боюсь, что вашъ батюшка обыграетъ меня въ карты!—объянилъ Ченцовъ.

— О, я не позволю даже ему съѣсть за карты!...—воскликнула Катринъ:—пріѣдете?

— Пріѣду!—отвѣчалъ Ченцовъ.

Марейнъ и Людмила тоже начали свой разговоръ съ Юліи Матвѣевны, но только совершенно въ иномъ родѣ.

— Мать ваша,—заговорилъ онъ,—меня серьезно начинаетъ беспокоить: она старѣется и разрушается съ каждымъ часомъ.

— Ахъ, да!—подхватила Людмила:—съ ней все истерика... Сегодня два раза за докторомъ послали... Такъ это скучно, ей-богу!

Марейнъ нахмурился.

— Не ропщите!... Всякая хорошая женщина прежде всего не должна быть дурной дочерью!—проговорилъ онъ своей скороговоркой.

— Но неужели-же я дурная дочь? — произнесла чувствительнымъ голосомъ Людмила.

— Нѣтъ!—успокоилъ ее Марейнъ:—и я сказалъ это къ тому, что если хоть малѣйшее зернышко есть чего-нибудь подобнаго въ вашей душѣ, то надобно поспѣшить его выкинуть, а то оно произрастетъ и, пожалуй, дастъ плоды.

Людмила, кажется, и не разслушала Марейна, потому что въ это время какъ-бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ глядѣла на Ченцова и на Катринъ, и чѣмъ оживленнѣе промежь ихъ шла бесѣда, тѣмъ недоумѣніе это увеличивалось въ ней. Марейнъ, между тѣмъ, будучи весь охваченъ и ослѣпленъ

сіяющей, какъ всегда ему это казалось, красотой Людмилы, продолжалъ свое:

— Ваше сердце такъ еще чисто, какъ *tabula rasa*, и вы можете писать на немъ вашей волей все, что захотите!... У каждаго человѣка три предмета, достойные любви: Богъ, ближній и онъ самъ! Для Бога онъ долженъ имѣть сердце благоговѣйное, для ближняго—сердце нѣжной матери, для самого себя—сердце строгаго судьи!

Людмила при словахъ Егора Егорыча касательно совершенной чистоты ея сердца потупилась, какъ будто-бы втайнѣ она сознавала, что тамъ не совсѣмъ было безъ пятнышка...

— Въ молодомъ возрастѣ,—толковалъ Марейнъ далѣе,—когда еще не налегли на нашу душу слои предразсудочныхъ понятій, порочныхъ привычекъ, ожесточенія или упадка духа отъ неудачъ въ жизни,—каждому легко наблюдать свой темпераментъ!

— А я вотъ до сихъ поръ не знаю моего темперамента,—перебила его Людмила.

— За то другіе, кто внимательно за вами наблюдали, знаютъ его и почти безошибочно могутъ сказать, въ чемъ состоятъ его главныя наклонности! возразилъ ей Марейнъ.

— Въ чемъ-же онъ состоятъ? скажите!... Я знаю, что вы наблюдали за мной!...—произнесла не безъ нѣкотога восторга Людмила.

Марейнъ потеръ себѣ лобъ.

— У васъ,—началъ онъ послѣ короткаго молчанія:—наипаче всего развита фантазія; вы гораздо болѣе способны прозрѣвать и творить въ области духа, чѣмъ въ области видимаго міра; вы не склонны

ни къ домовитости, ни къ хозяйству, ни къ рукодѣльямъ.

— Ахъ, я ничего этого не умѣю, ничего!—призналась Людмила.

Марейнъ самодовольно улыбнулся и, гордо приосанившись, проговорилъ:

— Угадай, поэтому, я, но не печальтесь о томъ... Припомните слова Спасителя: «Марія же благоую часть избра, яже не отъимется отъ нея».

То, что онъ былъ хоть и совершенно идеально, но при всемъ томъ почти безумно влюбленъ въ Людмилу, догадывались всѣ, не выключая и старухи адмиральши. Людмила тоже вѣдала о страсти къ ней Марейна, хотя онъ никогда ни однимъ звукомъ не намекнулъ ей объ этомъ. Но за то Ченцовъ по этому поводу безпрестанно подтрунивалъ надъ ней и доводилъ ее иногда чуть не до слезъ. Видя въ настоящую минуту, что онъ ужъ черезчуръ любезничаетъ съ Катринъ Крапчикъ, Людмила, кажется на зло ему, рѣшилась сама быть болѣе обыкновеннаго любезною съ Марейнымъ.

— А скажите, что вотъ это такое?—заговорила она съ нимъ ласковымъ голосомъ:—я иногда, когда смотрюсь въ зеркало, вдругъ точно не узнаю себя и спрашиваю: кто-же это тамъ, — я или не я? И такъ мнѣ сдѣлается страшно, что я убѣгу отъ зеркала и цѣлый день ужъ больше не загляну въ него.

Марейнъ приподнялъ кверху свои голубые глаза.

— Это означаетъ, — началъ онъ докторальнымъ тономъ,—что въ эти минуты душа ваша отдѣляется отъ вашего тѣла и, если можно такъ выразиться,

наблюдаетъ его издали и спрашиваетъ самое себя: что это такое?

— Но какъ-же я не умираю, когда меня душа оставляетъ?—сдѣлала весьма разумный вопросъ Людмила.

Марейнъ, однако, имѣлъ уже готовый отвѣтъ на него.

— Въ человѣкѣ, кромѣ души, объяснилъ онъ:— существуетъ еще агентъ, называемый *Архей*—сила жизни, и вотъ вы этой жизненной силой и продолжаете жить, пока къ вамъ не возвратится душа... На это есть очень прямое указаніе въ нашей русской поговоркѣ: *души она*,—положимъ мать, сестра, жена, невѣста,—*не слышитъ по немъ...* Значитъ, вся ея душа съ нимъ, а между тѣмъ эта мать или жена живетъ физическою жизнью, то есть этимъ Археемъ.

— Вотъ что,—понимаю!—произнесла Людмила и затѣмъ мелькомъ взглянула на Ченцова, словно-бы душа ея была съ нимъ, а не съ Марейнымъ, который ничего этого не подмѣтилъ и хотѣлъ было снова заговорить: онъ никому такъ много не высказывалъ своихъ мистическихъ взглядовъ и мыслей, какъ сей прелестной, но далеко не глубокою-мыслящей дѣвушкѣ, и явно, что болѣе, чѣмъ кого-либо, желалъ посвятить ее въ таинства герметической философіи. Кадриль, однако, кончилась, и за ней скоро послѣдовала мазурка, которую Ченцовъ танцевалъ съ Людмилой и, какъ лучший мазуристъ, стоялъ съ ней въ первой парѣ. Остроумно придумывая разныя фигуры, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ же принялся зубоскалить надъ Марейнымъ и его восторженнымъ

обожаніемъ Людмилы, на что она не безъ досады возражала: «ну, да, влюблена, умираю отъ любви къ нему!» и въ то-же время взглядывала и на стоявшаго у дверей Марейна, который, опершись на косякъ, со сложенными, какъ Наполеонъ, на крестъ руками, и поднявъ, по своей манерѣ, глаза вверхъ, весь былъ погруженъ въ какое-то созерцательное состояніе; вылетавшіе повременамъ изъ груди его вздохи говорили, что у него невесело на душѣ; по-видимому, его болѣе возмущалъ часто раздававшійся громкій смѣхъ Ченцова, такъ какъ каждый разъ Марейна при этомъ даже подергивало. Наконецъ, Ченцовъ вдругъ пересталъ зубоскалить и прошепталъ Людмилѣ серьезнымъ тономъ:

— Завтра маманъ ваша уѣдетъ въ монастырь на панихиду?

— Да,—отвѣчала она.

— А сестры ваши тоже?

— Да.

— Но вы?

— Я дома останусь!

— Можно пріѣхать къ вамъ?

— Можно! — это слово Людмила чуть-чуть ужъ проговорила.

Съ самаго начала мазурки всѣ почти маменьки, за исключеніемъ развѣ отъявленныхъ картежницъ, высыпали въ залу наблюдать за своими дочками. Всѣ онѣ, по собственному опыту, знали, что мазурка—самый опасный танецъ, потому что во время ея чувства молодежи попреимуществу разгораются и высказываются. Наша адмиральша, сидѣвшая до этого въ большой гостиной и слегка

тамъ, на основаніи своего чина, тонировавшая, тоже выплыла вмѣстѣ съ другими матерями и начала внимательно всматриваться своими близорукими глазами въ танцующихъ, чтобы отыскать посреди ихъ своихъ красоточекъ, но тщетно; ея досадные глаза, сколько она ихъ ни шурила, кромѣ какихъ-то неопредѣленныхъ движущихся фигуръ, ничего ей не представляли: физическая близорукость Юліи Матвѣевны почти превосходила ея умственную непредусмотрительность.

— Гдѣ Людмила танцуетъ?—спросила она, надеясь на собственные усилія, усѣвшуюся рядомъ съ ней даму, вся и все, должно быть, хорошо видѣвшую.

— Вонъ она!... Вонъ съ Ченцовымъ танцуетъ!—объяснила ей та.

— Вижу, вижу!... — солгала ничего не разсмотрѣвшая адмиральша.

— А Сусанна?...—разспрашивала она сосѣдку.

— Да я, мамаша, здѣсь, около васъ!...—отозвалась неожиданно Сусанна, на всѣхъ, впрочемъ балахъ старавшаяся стать поближе къ матери, чтобы не заставлять ту беспокоиться.

— Ну, вотъ гдѣ ты!...—говорила адмиральша, совершенно не понимавшая, почему такъ случилось, что Сусанна всегда была вблизи ея.

— А Муза гдѣ?

— Муза съ Лябьевымъ танцуетъ,—отвѣтила Сусанна.

Старуха съ удовольствіемъ мотнула головой. Лябевъ былъ молодой человекъ, часто игравшій съ Музою на фортецяно въ четыре руки.

Мазурка затянулась часовъ до четырехъ, такъ что хозяинъ, сѣвшій послѣ губернатора играть въ пикетъ съ сенаторскимъ правителемъ дѣлъ и сыгравшій съ ними нѣсколько королей, нашелъ, наконецъ, нужнымъ выйти въ залу и, махнувъ музыкантамъ, чтобы они перестали играть, пригласилъ гостей къ давно уже накрытому ужину въ столовой, гостиной и кабинетѣ. Всѣ потянулись на его зовъ, и Катринъ почти насильно посадила рядомъ съ собой Ченцова: но онъ съ ней больше не любезничалъ и вмѣсто того весьма часто переглядывался съ Людмилой, сидѣвшей тоже рядомъ съ своимъ обожателемъ — Марейнымъ, который впродолженіи всего ужина топорищился, надувался и собирался что-то такое говорить; но, кромѣ самыхъ пустыхъ и мало-значащихъ фразъ, ничего не сказалъ.

Послѣ ужина всѣ стали развѣзжаться. Ченцовъ пошелъ-было за Марейнымъ.

— Дядя, вы у Архипова въ гостиницѣ остановились?—крикнулъ онъ ему.

— У Архипова,—отвѣчалъ тотъ неохотно.

— Довезите меня!... я тамъ-же стою,—у меня нѣтъ извозчика,—продолжалъ Ченцовъ.

— Негдѣ мнѣ!... я на одиночкѣ!... сани у меня узкія!—пробормоталъ Марейнъ и поспѣшилъ уйти: онъ очень сердитъ былъ на племянника за безцеремонный и тривіальный тонъ, который позволялъ себѣ тотъ въ обращеніи съ Людмилой. Ченцовъ сталъ оглядывать переднюю, чтобы увидѣть кого-либо изъ молодыхъ людей, съ которыми онъ могъ-бы доѣхать до гостиницы; но таковыхъ не оказалось. Положеніе его начинало становиться не совсѣмъ

приятнымъ, потому что семейство Юліи Матвѣевны, привезшее его, уже уѣхало домой, а онъ іріостался на нѣсколько минутъ, чтобы допить свое шампанское. Идти же съ бала пѣшкомъ совершенно было не принято по губернскимъ приличіямъ. Изъ этой бѣды его выручила одна дама, — косая, не первой уже молодости, и, какъ говорила молва, давнишній, — когда Ченцовъ былъ еще студентомъ, — предметъ его страсти.

— Валеріанъ Николаичъ, поѣдьте со мной, я васъ доведу, — сказала она, услыхавъ, что дядя отказалъ ему въ томъ.

Ченцовъ сначала было сдѣлалъ гримасу, но, подумавъ, последовалъ за косой дамой и, посадивъ ее въ возокъ, мгновенно захлопнулъ за ней дверцы, а самъ помѣстился на облучкѣ рядомъ съ кучеромъ.

— Валеріанъ Николаичъ, куда вы это сѣли?... сядьте со мной въ возокъ!... — кричала ему дама.

— Не могу, я васъ боюсь, — отвѣчалъ онъ.

— Чего вы боитесь?... Что за глупости вы говорите!...

— Вы меня станете тамъ цѣловать, — объяснилъ ей Ченцовъ прямо, не взирая на присутствіе кучера.

Дама обидѣлась, тѣмъ болѣе, что у нея врядъ-ли не было такого намѣренія, въ которомъ онъ ее заподозрилъ.

Когда они ѣхали такимъ образомъ, Ченцовъ случайно взглянулъ въ лѣвую сторону и увидалъ комету. Хвостъ ея былъ совершенно красный, какъ-бы кровавый. У Ченцова почему-то замерло сердце, затосковало, и передъ нимъ, какъ-бы въ быстро смѣняющейся камеръ-обскурѣ, вдругъ промелькнула его

прошлая жизнь со всѣми ея безобразіями. На нѣсколько мгновеній ему сдѣлалось неловко и почти страшно. Но онъ, разумѣется, не замедлилъ отогнать отъ себя это ощущеніе и у гостиницы Архипова, самой лучшей и самой дорогой въ городъ, проворно соскочивъ съ облучка и небрежно проговоривъ косою дамъ: «merci», пошелъ, молодцовато помахывая головой, къ параднымъ дверямъ своего логовища, думая въ то-же время про себя: «вотъ дурь-то на святой Руси!... не орутъ ихъ, кажется, и не сѣютъ, а онѣ все-таки родятся!»

Имѣтъ такое циническое понятіе о женщинахъ Ченцовъ, ей-Богу, былъ до нѣкоторой степени вправѣ: очень ужъ онѣ его баловали и все ему прощали!

III.

Въ противоположность племяннику, занимавшему въ гостиницѣ цѣлое отдѣленіе, хоть и глупо, но роскошно убранное,—за которое, впрочемъ, Ченцовъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, не платилъ еще ни копейки,—у Егора Егорыча былъ довольно темный и небольшой номеръ, состоящій изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ въ одной помѣщался его камердинеръ, а въ другой жилъ самъ Егоръ Егорычъ. Комнату свою онъ, вставая каждый день въ шесть часовъ утра, прибиралъ собственными руками, то-есть мель въ ней полъ, приносилъ дровъ и затапливалъ печь, ходилъ лично на колодезь за водой и, наконецъ, самъ чистилъ свое платье. Старый камердинеръ его при этомъ случаѣ только надзиралъ за нимъ, чтобы

какъ-нибудь баринъ, по слабосильности своей, не уронилъ чего и не зашибъ себя. Вообще Марѣинъ велъ аскетическую и почти скупую жизнь; единственными предметами, требующими большихъ расходовъ, у него были: превосходный конскій заводъ съ скаковыми и рысистыми лошадьми, который онъ держалъ при усадьбѣ своей, и тутъ-же нѣсколько уже лѣтъ существующая больница для простаго народа, устроенная съ полнымъ комплектомъ сидѣловъ, фельдшеровъ, съ двумя лекарскими учениками, и въ которой, наконецъ, самъ Егоръ Егорычъ практиковалъ и лечилъ: перевязывать раны, вскрывать пузыри послѣ мушекъ, разрѣзывать нарывы, закатить сильнѣйшаго слабительнаго больному было весьма любезнымъ для него дѣломъ. Приведя въ порядокъ свою комнату, Егоръ Егорычъ съ часъ обыкновенно стоялъ на молитвѣ, а потомъ пилъ чай. Въ настоящее утро онъ, несмотря на то, что легъ очень поздно, поступилъ точно такъ же и часовъ въ девять утра сидѣлъ совсѣмъ одѣтый у письменнаго стола своего. Передъ нимъ лежалъ листъ чистой почтовой бумаги, а въ сторонѣ стоялъ недопитый стаканъ чаю. Кромѣ того, на столѣ виднѣлись длинныя женскія перчатки, толстая книга въ бархатномъ переплетѣ, съ золотыми ободочками, таковыми-же ангелами и надписью на срединѣ доски: *Иегова*. Далѣе на столѣ лежалъ ключикъ костяной съ привязанною къ нему мѣдною лопаточкой; потомъ звѣзда какая-то, на которой три рога изобилія составляли букву *A*, и, наконецъ, еще звѣзда болѣе красивой формы, на красной съ бѣлыми каймами лентѣ, представляющая кольцеобразную змѣю, внутри которой было сіяніе,

а въ сіяніи—всевидящее око. Ключикъ и лопаточка были общимъ знакомъ масонства; звѣзда съ буквою А—знакомъ ложи, вторая-же чуть-ли не была знакомъ великаго мастера.

Приложивъ руку къ нахмуренному лбу, Марейнъ что-то такое соображалъ или сочинялъ и потомъ принялся писать на почтовомъ листѣ крупнымъ и тщательнымъ почеркомъ:

«Высокочтимая сестра!

«Вчерашній разговоръ нашъ навелъ меня на размышленія о необходимости каждому наблюдать свой темпераментъ. Я вамъ говорилъ, что всего удобнѣе человѣку дѣлать эти наблюденія въ эпоху юности своей; но это не воспрещается и еще паче того слѣдуетъ дѣлать и въ лѣта позднѣйшія, ибо объ прежнихъ нашихъ дѣйствіяхъ мы можемъ судить правильнѣе, чѣмъ объ настоящихъ: за сегодняшній поступокъ нашъ часто заступается въ насъ та страсть, которая заставила насъ проступиться, и нашъ разумъ, который согласился на то!... Слѣдуя сему правилу и углубляясь ежедневно въ самые затаенные изгибы моего сердца, я усматриваю ясно, что, по волѣ провидѣнія, получилъ вмѣстѣ съ грѣховной природой человѣка—страсть Аббадоны — гордость! Во всѣхъ дѣйствіяхъ моихъ я мню, что буду имѣть въ нихъ успѣхъ, что всё оии будутъ на благо мнѣ и ближнимъ, и токмо милосердый Богъ, не хотящій меня поклннуть, не рѣдко сниспосылаетъ мнѣ уроки смиренія и симъ лишь, хоть на время, исцѣляетъ мою бѣдствующую и худую душу отъ злѣйшаго недуга ея»...

Марейнъ такъ расписался, что, вѣроятно, скоро бы кончилъ и все письмо; но къ нему въ номеръ вошелъ Ченцовъ. Егоръ Егорычъ едва успѣлъ повернуть почтовый листъ вверхъ ненаписанной стороной. Лицо Ченцова имѣло насмѣшливое выраженіе. Вначалѣ, впрочемъ, онъ довольно ласково поздоровался съ дядей и сѣлъ.

— Хочешь чаю?—спросилъ тотъ его.

— А вамъ не жаль его будетъ?—спросилъ Ченцовъ.

Марейнъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Вы вчера пожалѣли-же вашей лошади больше, чѣмъ меня,—проговорилъ Ченцовъ.

Марейнъ покраснѣлъ.

— У меня сани узки,—пробормоталъ онъ.

— Ну, полноте на сани сворачивать,—пожалѣли каураго!... — подхватилъ Ченцовъ: — а это что такое? — воскликнулъ онъ потомъ, увидавъ на столѣ бѣлыя перчатки, — это съ дамской ручки?... Вы, должно быть, даму какую-нибудь съ бала увезли!... Я бы подумалъ, что Клавскую, да ту сенаторъ еще раньше вашего похитилъ.

Марейнъ поспѣшно взялъ бѣлыя перчатки, а также масонскіе знаки, и все это положилъ въ ящикъ стола.

— Да ужъ не скроете!... теперь я видѣлъ, и если не расскажу объ этомъ всему городу, не я буду! — продолжалъ Ченцовъ.

— Всему міру можешь рассказывать, всему! — сказалъ ему съ сердцемъ Марейнъ.

Въ это время камердинеръ Егора Егорыча—Антипъ Ильичъ, старичокъ весьма благообразный, ру-

мяненькій, чисто выбритый, въ бѣломъ жабо и въ сюртукѣ хоть поношенномъ, но безъ малѣйшаго нятнышка, вынесъ гостю чаю. Про Антипа Ильича все знали, что аккуратности, кротости и богомолья онъ былъ примѣрнаго и, состоя тоже вмѣстѣ съ бариномъ въ масонствѣ, носилъ въ ономъ званіе *титularнаго члена* *). Злясь на дядю, Ченцовъ не оставилъ въ покоѣ и камердинера его:

— Отче Антипій!—отнесся онъ къ нему:—правда-ли, что вы каждый день вечеромъ ходите въ соборъ молиться Тихвинской Божіей Матери?

— Правда!... — отвѣчалъ на это старикъ совершенно спокойно.

— И правда-ли, что вы ей такъ молитесь: «Матушка!.. Матушка!.. Богородица!.. Богородица!..»—подтрунивалъ Ченцовъ.

— Правда! — отвѣчалъ и на это спокойно старикъ.

— И что, будто-бы, однажды пьяный сторожъ, который за печкой лежалъ, крикнулъ вамъ: «что ты, старый хрычъ, тутъ бормочешь?» а вы, не разслушавъ и думая, что это Богородица съ вами заговорила, откликнулись ей: «А-съ, Мать—Пресвятая Богородица, а-съ?...» Правда?

— Правда! — подтвердилъ, нисколько не смутившись, Антипъ Ильичъ.

Марейнъ также на этотъ разговоръ не разсердился и не улыбнулся.

---

*) Т - е. члена, который не въ состояніи былъ платить денежныхъ повинностей.

Ченцова это еще болѣе взорвало, и онъ кинулся на неповинную ужъ и въ чемъ толстую книгу.

— Что это за книжища?... очень она меня интересуетъ!—сказалъ онъ, пододвигая къ себѣ книгу и хорошо зная, какая это книга.

Марейнъ строго посмотрѣлъ на него, но Ченцовъ сдѣлалъ видъ, что какъ будто бы не замѣтилъ того.

— Библия! — произнесъ онъ, открывъ первую страницу и явно насмѣшливымъ голосомъ, а затѣмъ, перелистывая около трети книги, остановился на картинкѣ, изображающей царя Давида съ небольшою курчавою бородой, въ коронѣ, и держащимъ въ рукахъ что-то въ родѣ лиры: А, Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше, играя!

Все это Ченцовъ дѣлалъ и говорилъ, разумѣется, чтобы раздосадовать Марейна, но тотъ оставался невозмутимъ.

— А что, дядя, царь Давидъ былъ выше или ниже васъ ростомъ?—заклучилъ Ченцовъ.

— Вѣроятно выше,—отвѣчалъ вротко и серьезно Марейнъ: онъ съ твердостію выдерживалъ урокъ смиренія, частію чтобы загладить свою вчерашнюю раздражительность, подъ вліяніемъ которой онъ былъ на балѣ, а частію и вслѣдствіе нагляднаго примѣра, сейчасъ только даннаго ему его старымъ камердинеромъ: Марейнъ, по его словамъ, имѣлъ привычку часто всматриваться въ поступки Антипа Ильича, какъ въ правдивое и непогрѣшимое нравственное зеркало.

— Напротивъ, мнѣ кажется!... — не унимался Ченцовъ: — я вотъ видалъ какъ рисуютъ — Давидъ всегда маленькій, а Голиаеъ страшный сравнительно

съ нимъ верзигло... Удивляюсь, какъ не онъ Давида, а тотъ его ухлопалъ!

Тутъ ужъ Марейнъ слегка усмѣхнулся.

— Велика, видно, Ѳедора, да дура! — проговорилъ онъ.

Что слова: *Ѳедора, да дура* относилсь къ Ченцову, онъ это понялъ хорошо; но не высказалъ того и рѣшился доѣхать дядю на другомъ, болѣе еще дѣйствительномъ для того предметѣ.

— Я давно васъ, дядя, хотѣлъ спросить, что дѣйствительно-ли великій плуть и шарлатанъ Калюстро былъ изъ масоновъ?

Марейнъ сначала всыхнулъ, а потомъ сильно нахмурился; Ченцовъ не ошибся въ расчетѣ, Егору Егорычу болѣе всего былъ тяжелъ разговоръ съ племянникомъ о масонствѣ, ибо онъ въ отношеніи его считалъ себя много и много виноватымъ: въ дни своихъ радужныхъ чаяній и надеждъ на племянника Егоръ Егорычъ предполагалъ образовать изъ него искреннѣйшаго, душевнаго и глубокомысленнаго масона; но, кромѣ того духовнаго воспріемства, думалъ сдѣлать его наслѣдникомъ и всего своего матеріальнаго богатства, исходатайствовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы къ фамиліи *Ченцовъ* была присоединена фамилія *Марейнъ* по тому поводу, что Валеріанъ былъ у него единственный родственникъ мужскаго пола. Охваченный всѣми этими мечтаніями, начинающій уже старѣться холостякъ принялся — когда Ченцовъ едва только произведенъ былъ въ гусарскіе офицеры — раскрывать передъ нимъ свои мистическія и масонскія ученія. Что касается до самого гусара, то онъ врядъ-ли изъ жажды просвѣщенія, а не изъ

простаго любопытства, притворился, что, будто-бы, съ готовностію выслушиваетъ преподаваемыя ему наставленія, и въ концѣ-концовъ просилъ дядю поскорѣе ввести его въ ложу. Марейнъ былъ такъ неостороженъ, что согласился. Валеріанъ былъ принять въ число братьевъ, но этимъ и ограничились все его масонскіе подвиги: обрядъ посвященія до того показался ему глупъ и смѣшонъ, что онъ на другой-же день сталъ рассказывать въ разныхъ обществахъ, какъ съ него снимали не одинъ, а оба сапога, какъ распарывали брюки, надѣвали ему на глаза совершенно темныя очки, водили его черезъ камни и ямины, пугая, что это горы и пропасти, приставляли къ груди его циркуль и шпагу, какъ потомъ ввели въ самую ложу, гдѣ, будто-бы, ему (тутъ ужъ Ченцовъ начиналъ отъ себя прибавлять), для испытанія его покорности, посыпали голову пепломъ, плевали даже на голову, заставляли его кланяться въ ноги великому мастеру, который при этомъ, въ доказательство своего сверхъестественнаго могущества, глоталъ зажженную бумагу. Вся эта болтовня вновь принятаго брата дошла до нѣкоторыхъ членовъ ложи. Назначено было экстренное собраніе, и тамъ бѣднаго Марейна осыпали цѣлымъ градомъ обвиненій за то, что онъ былъ *поручителемъ* подобнаго негодяя. Егоръ Егорычъ, не меньше своихъ собратьевъ сознавая свой проступокъ, до того вознегодовалъ на племянника, что, вычеркнувъ его собственноручно изъ списка учениковъ ложи, дѣтъ пять послѣ того не пускалъ къ себѣ на глаза; но когда Ченцовъ увезъ изъ монастыря молодую монахиню, на которой онъ обвѣнчался-было,

и которая однако вскорѣ его бросила и убѣжала съ другимъ офицеромъ, вызвалъ сего послѣдняго на дуэль и, бывъ за то исключенъ изъ службы, прислалъ обо всѣхъ этихъ своихъ несчастіяхъ дядѣ письмо, полное отчаянія и раскаянія, въ которомъ просилъ позволенія пріѣхать, — Марешнъ не выдержалъ характера и разрѣшилъ ему это. Ченцовъ явился совершенно убитый и растерянный, такъ что Егоръ Егорычъ прослезился, увидавъ его, и сейчасъ-же исполнилъ заставить себя простить все несчастному, хотя, конечно, прежней любви и довѣрія не возвратилъ ему.

— Это несомнѣнно, что великій магъ и волшебникъ Калиостро масонъ былъ, — продолжалъ, между тѣмъ, настоящую бесѣду Ченцовъ: — намъ это сказывалъ нашъ полковой командиръ, бывший прежде тоже ярымъ масономъ; и онъ говорилъ, что Калиостро принадлежалъ къ сектѣ иллюминатовъ. Есть такая секта?

— Не секта, а союзъ, котораго, однако, никогда никто не считалъ за масоновъ, объяснилъ неохотно Марешнъ.

— Отчего-жь ихъ не считаютъ? — допытывался Ченцовъ.

— Потому что ихъ ученіе имѣло всегда революціонное, а не примирительное стремленіе, что прямо противорѣчитъ духу масонства, — проговорилъ съ той-же неохотой Марешнъ.

— Это чортъ ихъ дери!... революціонное или примирительное стремленіе они имѣли! — воскликнулъ Ченцовъ, — но главное, какъ рассказывалъ намъ полковой командиръ, они, каналы, золото умѣли дѣ-

дать: изъ неблагородныхъ металловъ превращать въ благородные.—Вы знавали, дядя, такихъ?

— Нѣтъ, не знавалъ,—отвѣчалъ съ грустной полунасмѣшкой Марейнъ.

— Эхъ, какой вы право!...— снова воскликнулъ Ченцовъ:—самаго настоящего и хорошаго вы и не узнали!... Если-бы меня масоны научили дѣлать золото, я-бы какіе угодно имъ готовъ былъ совершить подвиги и произвести въ себѣ внутреннее обновленіе.

— А когда-бы ты хоть разъ искренно произвелъ въ себѣ это обновленіе, которое тебѣ теперь, какъ я вижу, кажется такимъ смѣшнымъ, такъ, можетъ быть, и не пожелалъ-бы учиться добывать золото, ибо понялъ-бы, что для человѣка существуютъ другія сокровища.

Всю эту тираду Егоръ Егорычъ произнесъ, помахивая головой и съ такою, видимо, вѣрою въ правду имъ говоримаго, что это смутило даже нѣсколько Ченцова.

— Ну, это, дядя, вы ошибаетесь!—началъ тотъ не такимъ ужъ увѣреннымъ тономъ:—золота я и въ царствѣ небесномъ пожелаю, а то сидѣть тамъ все подѣ деревьями и кушать яблочки—скучно!... Женщины тамъ тоже, должно быть, все изъ старыхъ монахинь...

— Перестань болтать!—остановилъ его съ чувствомъ тоски и досады Марейнъ:—кромѣ ужъ кощунства, это очень неумно, неостроумно и несмѣшно.

— Вамъ, дядя, хорошо такъ рассуждать! у васъ нѣтъ никакгхъ желаній и денегъ много, а у меня наоборотъ!... За неволю о томъ говоришь, чѣмъ

болишь!... Вчера, чортъ возьми, безъ денегъ, сегодня безъ денегъ, завтра тоже, и такъ безконечная перспектива *idem per idem!*...—проговорилъ Ченцовъ и, вытянувшись во весь свой длинный ростъ на стулѣ, склонилъ голову на грудь. Насмѣшливое выраженіе лица его перемѣнилось на какое-то даже страдальческое.

— И что-жь въ результатѣ будетъ?... — продолжалъ онъ разсуждать: — по необходимости продашь себя въ мужья какой-нибудь коровѣ съ золотыми сосками.

Всѣ эти слова племянника Егоръ Егорычъ выслушалъ сначала молча: видимо, что въ немъ еще боролось чувство досады на того съ чувствомъ сожалѣнія, и послѣднее, конечно, какъ всегда это случилось, восторжествовало.

— Развѣ у тебя нѣтъ денегъ?—спросилъ онъ съ живостью и замѣтно довольный тѣмъ, что побѣдилъ себя.

— Ни копѣйки!...—отвѣчалъ Ченцовъ.

— Такъ ты-бы давно это сказалъ,—забормоталъ, по обыкновенію, Марейнъ: — съ того-бы и началъ, чѣмъ городить околесную; на, возьми! — закончилъ онъ и, вытащивъ изъ боковаго кармана своего толстую пачку ассигнацій, швырнулъ ее Ченцову. Тотъ, однако, не бралъ деньги.

— Нѣтъ, дядя, я не въ состояніи ихъ взять!—отказался онъ:—ты слишкомъ великодушенъ ко мнѣ. Я пришелъ съ гадкимъ намѣреніемъ сердить тебя, а ты мнѣ платишь добромъ.

Отъ полноты чувствъ Ченцовъ сталъ даже говорить дядѣ: «ты», вмѣсто «вы».

— Никакого нѣтъ тутъ добра, никакого! — все несвязнѣй и несвязнѣй бормоталъ Марейнъ:—денежныя раны несмертельны... нисколько... никому!...

— Какъ несмертельны!... это ты такой безсребренникъ, а развѣ много такихъ людей!...—говорилъ Ченцовъ.

— Много, много! — перебилъ его Марейнъ: — деньги давать легче, чѣмъ брать ихъ, — это я понимаю!...

— Ты-то, я знаю, что понимаешь!

Разговоръ затѣмъ на нѣсколько минутъ пріостановился; въ Ченцовѣ тоже происходила борьба: взять деньги ему казалось на этотъ разъ нодло, а не взять—значило лишить себя возможности существовать такъ, какъ онъ привыкъ существовать. Съ нимъ, впрочемъ, постоянно встрѣчалось въ жизни нѣчто подобное. Всякій разъ, дѣлая что нибудь, по его мнѣнію, *неладное*, Ченцовъ чувствовалъ къ себѣ отвращеніе и въ то-же время всегда выбиралъ это *неладное*.

— Эхъ,—вздыхнулъ онъ:—дѣлать видно нечего,—надо брать; но только вотъ что, дядя!... Вотъ тебѣ моя клятва, что я никогда не позволю себѣ шутить надъ тобою.

— И не позволяй, не позволяй!—сказалъ ему на это Марейнъ, погрозивъ пальцемъ.

— Не позволю, дядя, — успокоилъ его Ченцовъ, небрежно скомкавъ денежную пачку и суя ее въ карманъ: — а если-бы такое желаніе и явилось у меня, такъ я сврою его и задушю въ себѣ, — присовокупилъ онъ.

— Ни-ни-ни! — возбранилъ ему Марейнъ: — ду-

шевные недуги, какъ и физическіе, лечатся легче, когда они явны, и я прошу и требую отъ тебя быть со мною откровеннымъ.

— Не могу, дядя, очень ужъ я скверенъ и развратенъ!... Передо мной давно и очень ясно зіяетъ пропасть, въ которую я — и, вѣроятно, невдолгъ — кувырнусь со всей головой, какъ Донъ-Жуанъ съ статуей командора.

— Вздоръ, вздоръ! — бормоталъ Марейнъ: — отчаяніе для каждаго человѣка унизительно.

— Что дѣлать, дядя, если впереди у меня ничего другаго нѣтъ! Прошай!

— Опять тебѣ повторяю: отчаяніе недостойно христіанина! — объяснилъ ему еще разъ Марейнъ.

Но Ченцовъ ему на это ничего не отвѣтилъ и быстро ушелъ, хлопнувъ сильно дверью.

Оставшись одинъ, Марейнъ впалъ въ смущенное и глубокое раздумье: голосъ его сердца говорилъ ему, что въ племянникѣ не совсѣмъ погасли *искры доброты и изящныхъ душевныхъ качествъ*; но, какъ ихъ раздуть въ очищающее пламя, Егоръ Егорычъ не могъ придумать. Онъ хорошо понималъ, что въ Ченцовѣ сильно бушевали грубыя, плотскія страсти, а кромѣ того и разумъ его былъ омраченъ мелкими житейскими софизмами. Придумавъ и отмѣнивъ множество способовъ къ исцѣленію во тьмѣ ходящаго родственника, Егоръ Егорычъ пришелъ, наконецъ, къ заключенію, что веревки его разума коротки для такого дѣла и что это надобно возложить на безконечное милосердіе Провидѣнія, *еже вся содѣваетъ и еже вся вѣсть*. Успокоившись на семъ рѣшеніи, онъ мыслями своими обратился на болѣе пріятный и от-

радный предметъ: въ далеко еще не остывшемъ сердцѣ его, какъ мы знаемъ, жила любовь къ Людмилѣ, старшей дочери адмиральши. Надежды влюбленнаго полу-старика въ этомъ случаѣ, подобно нѣкогда питаемымъ чаяніямъ касательно Валеріана, заходили далеко. Егоръ Егорычъ мечталъ устроить душу Людмилы по строгимъ правиламъ масонской морали, чего, казалось ему, онъ и достигнулъ въ нѣкоторой степени; но, говоря по правдѣ, имъ ничего тутъ, ни на іоту не было достигнуто. Не ограничиваясь этими безкорыстными планами, Егоръ Егорычъ надѣялся, что Людмила согласится сдѣлаться его женою и пойдетъ съ нимъ рука объ руку въ земной юдоли. Съ послѣднею цѣлью имъ и начато было вышесказанное письмо, которое онъ окончилъ такъ:

«До **какихъ** высокихъ градусовъ достигаетъ во мнѣ самомнѣніе, являетъ примѣръ сему то, что я рѣшаюсь послать къ вамъ прилагаемыя въ семь пакетъ бѣлыя женскія перчатки. По статутамъ нашего ордена мы можемъ передать ихъ лишь той женщинѣ, которую больше всѣхъ почитаемъ. Васъ я паче всѣхъ женщинъ почитаю и *прошу вашей руки и сердца*. Письмо мое вы немедленно покажите вашей матери, и чтобы оно ни минуты не было для нея тайно. Мать есть второе наше я. Въ случаѣ, если отвѣтъ вашъ будетъ мнѣ неблагопріятенъ, не передавайте онаго сами, ибо вы, можетъ быть, постараетесь смягчить его и поумалить мое безуміе; но пусть мнѣ скажетъ его ваша мать со всей строгостью и суровостью, къ какой только способна ея кроткая душа, и да будетъ

миѣ сіе—говорю это, какъ говорилъ-бы на исповѣди—въ поученіе и назиданіе.

«Покорный вамъ и радѣющій объ вамъ Firma tu-
res *)».

Подписанное Егоромъ Егорычемъ имя было его масонскій псевдонимъ, который онъ еще прежде открылъ Людмилѣ. Положивъ свое посланіе вмѣстѣ съ бѣлыми женскими перчатками въ большой, непроницаемый конвертъ, онъ кликнулъ своего камердинера. Тотъ вышелъ.

— Поди, отвези это письмо... къ Людмилѣ Николаевнѣ... и отдай его ей въ руки, — проговорилъ Егоръ Егорычъ съ разстановкой и покраснѣвъ въ лицѣ до ушей.

— Слушакъ-съ!—отвѣчалъ покорно Антипъ Ильичъ; но Марѣину почувались въ этомъ отвѣтѣ какіе-то неодобряющіе звуки, тѣмъ болѣе, что старикъ, произнеся слово: *слушаю-съ*, о чемъ-то тотчасъ-же вздохнулъ.

«Если не онъ самъ сознательно, то душа его вѣрно печалится обо миѣ», подумалъ Марѣинъ и ждалъ, не скажетъ-ли ему еще чего-нибудь Антипъ Ильичъ, и тотъ дѣйствительно сказалъ:

— Ей самой—вы говорите — надо въ руки передать?

— Ей!—отвѣтилъ ему съ усиленіемъ надъ собой Марѣинъ.

Но Антипъ Ильичъ этимъ не удовольствовался и снова спросилъ:

*) Твердая скала.

— А если я ихъ не увижу и горничная ихная выйдетъ ко мнѣ, то отдавать-ли ей?

На лбу Марейна выступалъ уже холодный потъ.

— Отдай и горничной! — разрѣшилъ онъ, махнувъ мысленно рукой на все, что изъ того-бы ни вышло.

Антипъ Ильичъ, опять о чемъ-то вздохнувъ, неторопливо повернулся и пошелъ.

«Сами ангелы Божіи внушаютъ этому старику скорбѣть о моемъ безуміи!...» подумалъ Марейнъ и вслухъ проговорилъ: «Ты вели себѣ заложить лошадь».

— Зачѣмъ? и пѣшкомъ дойду, — возразилъ было Антипъ Ильичъ, зная, что баринъ очень скупъ на лошадей; но на этотъ разъ вышло не то:

— Пожалуйста, повъзжай, а не пѣшкомъ иди! — почти умоляющимъ голосомъ воскликнулъ тотъ,

Егору Егорычу очень хотѣлось поскорѣе узнать, что велитъ ему сказать Людмила, и у него даже была маленькая надежда, не напишетъ-ли она ему письмо.

— Хорошо, лошадь заложать, коли вы приказываете! — отвѣчалъ, повидимому, совершенно флегматически Антипъ Ильичъ; но Марейну снова слышалось въ отвѣтѣ старика неудовольствіе.

IV.

Домъ Рыжовыхъ отстоялъ недалеко отъ гостиницы Архинова. Ченцовъ, имѣвшій обыкновеніе ничего и никого не щадить для краснаго слова, давно прозвалъ этотъ домъ за его наружность и за об-

разъ жизни, который вели въ немъ его владѣльцы, *хаотическимъ домомъ*. Онъ увѣрялъ, что Марейнъ потому такъ и любить бывать у Рыжовыхъ, что ему у нихъ все напоминаетъ первобытный хаосъ, когда земля была еще нестроена и когда только-что сотворенные люди были совершенно чисты, хоть уже и обнаруживали нѣкоторое поползновеніе въ грѣшку. Во всей этой ироніи его была нѣкоторая доля правды: самый домъ представлялъ почти развалину; на его крышѣ и стѣнахъ краска слупилась и слѣзла; во многихъ окнахъ виднѣлись разбитыя и лопнувшія стекла; паркетъ внутри дома покосился и растрескался; въ нѣкоторыхъ комнатахъ существовала жара невыносимая, а въ другихъ — холодъ непомерный; по большей части, часовъ еще съ четырехъ утра въ немъ появлялся огонекъ. Это значило, что адмиральша собиралась къ заутрени, и ее въ этомъ случаѣ всегда сопровождала Сусанна. Часовъ съ семи начиналось ставленіе самоваровъ и нагрѣваніе утюговъ для разглаживанія барышнинныхъ юбокъ, кофточекъ, воротничковъ. Завтракъ тянулся часовъ до двухъ, потому что адмиральша и Сусанна пили чай часу въ девятомъ; Муза — въ десять часовъ, и затѣмъ сейчасъ же садилась играть на фортепiano; а Людмила хоть и не спала, но нѣжилась въ постели почти до полудня, строя въ своемъ воображеніи всевозможные воздушные замки. Между тѣмъ горничныя, — и все, надобно сказать, молоденькія и хорошенькія, — безпрестанно перебѣгали изъ людской въ домъ и изъ дому въ людскую, хихикая и перебраниваясь съ чужими лакеями и *форейторами*, производившими еще спозаранку на-

бѣгъ къ Рыжовымъ. Благодаря такой свободѣ нравовъ, нѣкоторые изъ горничныхъ, болѣе неосторожныя, дѣлался въ известномъ положеніи, что всегда причиняло большое безпокойство старой адмиральшѣ. Тщательно скрывая отъ дочерей положеніе несчастной горничной, она спѣшила ее отправить въ деревню, и при этомъ не только-что не бранила *блуд-няжку*, а, напротивъ, утѣшала, просила не падать духомъ и беречь себя и своего будущаго ребенка, а сама между тѣмъ приходила въ крайнее удивленіе и восклицала: «Этого я отъ Аннушки (или Паши какой-нибудь) никакъ не ожидала, никакъ!» Вообще Юлія Матвѣевна всѣ житейскія непріятности, — а у ней ихъ было не мало, — встрѣчала съ совершенно искреннимъ недоумѣніемъ. «Что хотите, я этого не думала!... Въ голову даже не приходило!» — повторяла она многократно, словно будто бы была молоденькая смольнянка, только-что впервые открывшая глаза на Божій міръ и на то, что въ немъ творится. — Молодые люди ѣздили къ Рыжовымъ всегда гурьбой и во всякій часъ дня — поутру, послѣ обѣда, вечеромъ. Старуха адмиральша и всѣ ея дочери встрѣчали обыкновенно этихъ, иногда очень запоздавшихъ посѣтителей, радушно, и барышни сейчасъ же затѣвали съ ними или танцы, или разныя *petits jeux*, а на святкахъ такъ и жмурки, причемъ Сусанна красѣла до-нельзя и больше всего остерегалась, чтобы какъ-нибудь до нея не дотронулся неосторожно кто-либо изъ молодыхъ людей; а тѣмъ временемъ поваръ Рыжовыхъ, бывшій постоянно къ вечеру пьянъ, бѣжалъ въ погребокъ и мясныя лавки, выпрашивалъ тамъ по большей части въ долгъ

вина и провизіи и принимался стряпать ужинъ. Озлобленію его при этомъ предѣловъ не было: проклиная баръ своихъ и гостей ихнихъ, онъ подливалъ, иногда по неимѣнію, а иногда и изъ досады, въ котлеты, вмѣсто масла, воды; жареное или не дожаривалъ, или совсѣмъ пережаривалъ; въ сбитыя сливки, — вѣроятно, для скорости изготавленія, — подбавлялъ немного мыла; но, не смотря на то, ужинъ и подаваемое къ нему отвратительное вино уничтожились до-чиста.

Въ то утро, которое я буду теперь описывать, въ хаотическомъ домѣ было нѣсколько потише, потому что старуха, какъ и заранѣе предполагала, уѣхала съ двумя младшими дочерьми на панихиду по мужъ, а Людмила, сказавшись больною, сидѣла въ своей комнатѣ съ Ченцовымъ: онъ прямо отъ дяди проѣхалъ къ Рыжовымъ. Дверь въ комнату была нѣсколько притворена. Но прибылъ Антипъ Ильичъ и вошелъ въ совершенно пустую переднюю. Онъ кашлянулъ разъ, два; наконецъ къ нему взглянула одна изъ горничныхъ.

— Миѣ Людмилу Николаевну нужно видѣть... у меня письмо къ нимъ, — проговорилъ ей Антипъ Ильичъ.

— Она не одѣта еще!... Дайте, я ей отдамъ письмо!... отъ кого оно?

— Отъ господина моего, — отвѣчалъ Антипъ Ильичъ, по аккуратности своей не совсѣмъ охотно выпуская изъ рукъ письмо.

— Сейчасъ снесу его! — подхватила горничная и юркнула въ корридоръ.

Антипъ Ильичъ, увидавъ въ передней залавокъ,

опустился на него и погрузился въ размышленія. Марейнъ хоть и подозрѣвалъ въ своемъ камердинерѣ наклонность къ глубокимъ размышленіямъ, но врядъ ли это было такъ: старикъ, впадая въ задумчивость, вовсе, кажется, ничего не думалъ, а только прислушивался къ разнымъ болѣвостямъ своимъ — то въ спинѣ, то въ рукахъ, то въ ногахъ. Людмила тѣмъ временемъ стояла около Ченцова, помѣщавшагося на диванѣ въ очень нецеремонной позѣ и курившаго трубку съ длиннымъ, длиннымъ чубукомъ. Запахъ Жукова табаку сильно наполнялъ комнату. Ченцовъ заставлялъ и Людмилу курить.

— Ну, попробуйте! — говорилъ онъ.

Людмила брала изъ его рукъ трубку и начинала курить.

— Затягивайтесь!... такъ вотъ!.. въ себя тяните! — приказывалъ ей Ченцовъ.

Людмила и это дѣлала, но тутъ-же, закашлявшись, отдавала Ченцову трубку назадъ.

— Не могу, не могу и никогда не стану больше! — говорила она.

— Что за вздоръ такой: не можете!... Я васъ непременно приучу, — стоялъ на своемъ Ченцовъ.

Комната Людмилы представляла нѣсколько лучшее убранство, чѣмъ остальной хаотическій домъ: у нея на окнахъ были цвѣты; на туалетномъ краснаго дерева столикѣ помѣщалось круглое въ рѣзной рамѣ зеркало, которое было обставлено разными красивыми бездѣлушками; на выступѣ изразцовой печи стояло нѣсколько фарфоровыхъ куколокъ; полъ комнаты былъ сплошь покрытъ ковромъ. Здѣсь нельзя умолчать о томъ, что Юлія Матвѣевна хоть и тща-

тельно скрывала это, но Людмилу, какъ свою первеницу, любила больше двухъ младшихъ дочерей своихъ и для нея обыкновенно тратила послѣднія деньжонки. Между тѣмъ въ Людмилѣ была страсть къ щеголеватости во всемъ: въ туалетѣ, въ бѣльѣ, въ убранствѣ комнаты; тогда какъ Сусанна почти презирала это, и въ ея спальнѣ былъ только большой образъ съ лампадкой и довольно жесткій диванъ, на которомъ она спала; Муза тоже мало занималась своей комнатою, потому что никогда почти не оставалась въ ней, но, одѣвшись, сейчасъ-же сходила внизъ, къ своимъ фортепянамъ.

Одѣта Людмила на этотъ разъ была въ кокетливый утренній капотъ, съ волосами какъ будто-бы даже непричесанными, а только приколотыми шпильками, и—надобно отдать ей честь—поражала своей красотой и миловидностью; особенно у ней хороши были глаза, — большіе, черные, бархатистые и съ поволокой, вслѣдствіе которой они все словно-бы гдѣ-то блуждали.... Въ сущности, всѣ три сестры имѣли одно общее семейное сходство: всѣ онѣ, если можно такъ выразиться, были какъ-бы не отъ міра сего: Муза воздыхала о звукахъ, — и не о тѣхъ, которыя раздавались въ ея игрѣ и игрѣ другихъ, а о какихъ-то невѣдомыхъ, далекихъ и когда-то ею слышанныхъ. Сусанну увлекала религіозная сторона жизни: церковь, ея обряды и больше всего похороны. Стихъ: «прійдите ко мнѣ, братіе и друзіе, съ послѣднимъ лобызаніемъ!» или прмось: «не рыдай мене, мати, зряще во гробъ!» почти немолчно раздавались въ ея ушахъ. Сусанна, думая, что эти галлюцинаціи предвѣщали ей скорую смерть, и боясь тѣмъ мать

испугать, упорно о томъ молчала; Людмила-же вся жила въ образахъ: еще въ дѣтствѣ она, по преимуществу, любила слушать страшныя сказки, сидѣть по цѣлымъ часамъ у окна и смотрѣть на луну, слѣдить лѣтнимъ днемъ за облаками, воображая въ нихъ фигуры горъ, звѣрей, птицъ. Начитавшись потомъ, по выходѣ изъ института, романовъ и по большей части рыцарскихъ, которыхъ она нашла огромное количество въ библіотекѣ покойнаго отца, она не преминула составить себѣ идеалъ мужчины, который, по ея фантазіи, неизрѣнно долженствовалъ быть или рыцарь, или сарацинъ какой-нибудь, въ родѣ Малекъ-Аделя, или, по крайней мѣрѣ, красивый, кавалерійскій офицеръ. Весьма естественно, что, при такомъ воззрѣніи Людмилы, — Ченцовъ, ловкій, отважный, бывшій гусарскій офицеръ, превосходный верховой ѣздокъ на самыхъ рьяныхъ и злыхъ лошадяхъ, почти вполне подошелъ къ ея идеалу; а за этими качествами, какой онъ собственно былъ человекъ, Людмила нисколько не думала; да если-бы и думать стала, такъ немного-бы поняла.

Когда горничная, неторопливо и не вдругъ отворивъ дверь, вошла въ комнату барышни, то Людмила сейчасъ поспѣшила отойти отъ Ченцова и немного покраснѣла при этомъ.

— Что тебѣ надобно? — спросила она горничную несвойственнымъ ей строгимъ тономъ.

— Письмо къ вамъ отъ Егора Егорыча Маренна! — проговорила та, подавая письмо Людмилѣ, которая ей торопливо проговорила:

— Хорошо, можешь уйти!... Пусть — кто принесъ — подождетъ!

Горничная ушла.

Людмила начала читать письмо, и на лицѣ ея попеременно являлась усмѣшка, потомъ удивленіе и, наконецъ, какъ-бы испугъ.

Ченцовъ внимательно слѣдилъ за нею.

— Что такое можетъ писать къ вамъ мой дядюшка?—спросилъ онъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Ну, ужь это не ваше дѣло, извините! — сказала Людмила.

— Почему-жь не мое?.. — воскликнулъ Ченцовъ и, вскочивъ съ дивана, сталъ отнимать у Людмилы письмо, которое, впрочемъ, она скоро отдала ему.

Съ первыхъ строкъ дядинаго посланія Ченцовъ началъ восклицать:

— Прелесты!.. прелестъ что такое!.. но къ чему, однако все это сводится?.. Ба!.. вотъ что!.. поздравляю, поздравляю васъ!.. — говорилъ онъ, дѣлая Людмилѣ ручкой.

Та нѣсколько разсердилась на него.

— Но что-же вы намѣрены отвѣчать на сіе письмо?—заклучилъ Ченцовъ.

— Вы, я думаю, должны это знать!..—произнесла Людмила, гордо поднявъ свою хорошенькую головку.

Ченцовъ самодовольно усмѣхнулся.

— Но вы, однако, обратите вниманіе на безцѣныя выраженія вашего обожателя! — продолжалъ онъ:—выраженіе такого рода, что ему дана, по волѣ Провидѣнія, страсть Аббадоны!... Ахъ, чортъ возьми, втакой плюгавецъ, со страстью Аббадоны!.. что онъ чаеть и жаждетъ получить урокъ смиренія!.. прекрасно!.. отказывать ему въ этомъ грѣшно!.. дайте ему этотъ урокъ, и хорошенькій!.. Терпите, молъ,

дѣдушка; терпѣли-же вы до пятидесяти лѣтъ, что всѣмъ женщинамъ были протпвны,—потерпите-же и до смерти: тѣмъ угоднѣе вы Господу-Богу будете... Но постоитъ: гдѣ-же его перчатки?.. покажите мнѣ ихъ!

— Не покажу!.. надъ этимъ нельзя такъ смѣяться!..—проговорила Людмила и начала довольно сердитой походкой ходить по комнатѣ: красивый лобъ ея сдѣлался нахмурень.

— Все равно, я сегодня видѣлъ эти перчатки, да мнѣ и самому когда-то даны были такія и я ихъ тоже преподнесъ только не одной женщинѣ, а нѣсколькимъ, которыхъ уважалъ.

Тактика Ченцова была не скрывать передъ женщинами своихъ любовныхъ походовъ, а напротивъ еще выдумывать ихъ на себя,—и удивительное дѣло: онъ не только что не падалъ тѣмъ въ ихъ глазахъ, но скорѣй возвышался и поселилъ въ нѣкоторыхъ желаніе отбить его у другихъ. Людмила, впрочемъ, была, повидимому, недовольна его шутками и все продолжала взадъ и впередъ ходить по комнатѣ.

— Подойдите ко мнѣ, птичка моя! — заговорилъ Ченцовъ вдругъ совершенно инымъ тономъ, понявъ, что Людмила была не въ духѣ.

Она не подходила.

— Подойдите!...—прошепталъ онъ уже страстно, измѣнившись въ одно мгновеніе, какъ хамелеонъ, изъ безсердечнаго, холоднаго насмѣшника въ пылкаго и нѣжнаго итальянца; глаза у него загорѣлись, въ лицо бросилась кровь.

— Не подойду!—объявила, наконецъ, Людмила.

— Почему?

— Потому что у васъ нѣтъ бѣлыхъ перчатокъ!... Вы ихъ раньше меня другимъ роздали! — отвѣтила Людмила и граціозно присѣла передъ Ченцовымъ.

— О, прелесть моя!... — воскликнулъ онъ, простирая къ ней руки:—у меня есть бѣлыя перчатки!... есть!... и для тебя одной я хранилъ ихъ!...

— Не вѣрю!...

— Вѣрь, вѣрь и подойди! — повторялъ Ченцовъ тихимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненнымъ какой-то демонической власти голосомъ.

Людмила, однако, не слушалась его.

— А что значить для васъ mademoiselle Крапчикъ?—спросила она, поднявъ опять гордо голову свою.

Ченцовъ никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса.

— Ничего не значить! — отвѣчалъ онъ не заикнувшись.

— Однако, зачѣмъ-же вы вчера на балѣ были такъ любезны съ ней?... И я, Валеріанъ, скажу тебѣ прямо... я всю ночь проплакала... всю.

Ченцовъ всплеснулъ руками.

— Господи, что-же это такое?—произнесъ онъ.—Развѣ такіе ангелы, какъ ты, могутъ беспокоиться и думать о другихъ женщинахъ?—Что ты такое говоришь, Людмила?!

— А я вотъ думаю и беспокоюсь, — отозвалась Людмила, улыбаясь и стараясь не смотрѣть на Ченцова.

— Безуміе, — больше ничего!... Извольте подойти ко мнѣ.

У Людмилы все еще доставало силы не повиноваться ему.

— Людмила, я разсержусь, видить Богъ — разсержусь! — почти крикнулъ на нее Ченцовъ, ударивъ кулакомъ по ручкѣ дивана.

Этого Людмила уже не выдержала.

— Ну, вотъ я и подошла! — сказала она, дѣйствительно подходя и вставъ работѣнно передъ своимъ повелителемъ.

Ченцовъ вострепенулся, привлекая къ себѣ Людмилу, и она, какъ кроткая овечка, упала къ нему на грудь. Ченцовъ началъ сжимать ее въ своихъ объятіяхъ, цѣловать въ голову, въ шею: чувственный и любострастный звѣрь въ немъ проснулся окончательно, такъ что Людмила съ большимъ усиліемъ успѣла, наконецъ, вырваться изъ его объятій и убѣжала изъ своей комнаты.

Ченцовъ остался въ раздраженномъ, но довольномъ состояніи. Сбѣжавъ сверху, Людмила, взволнованная и пылающая, спросила горничныхъ, гдѣ посланный отъ Марейна, и когда тѣ сказали, что въ передней, она вышла къ Антипу Ильичу.

Старикъ, при входѣ ея, немедля всталъ и привѣтствовалъ барышню почтительнымъ поклономъ.

— Ахъ, это вы! — начала съ уваженіемъ Людмила и затѣмъ несвязно присовокупила: — Кланяйтесь, пожалуйста, Егору Егорычу, попросите у него извиненія за меня и скажите, что мамыши теперь дома нѣтъ и что она будетъ ему отвѣчать!

Антипъ Ильичъ хоть и не понялъ хорошенько ея словъ, но тѣмъ не менѣе снова ей почтительно поклонился и ушелъ, а Людмила опять убѣжала наверхъ.

V.

Ожидая возвращенія своего камердинера, Егоръ Егорычъ былъ какъ на иголкахъ; онъ то усаживался плотно на своемъ креслѣ, то вскакивалъ и подбѣгалъ къ окну, изъ котораго можно было видѣть, когда подъѣдетъ Антипъ Ильичъ. Прошло такимъ образомъ около часу. Но вотъ входная дверь номера скрипнула. Понятно, что это прибылъ Антипъ Ильичъ; но онъ еще довольно долго снималъ съ себя шубу, обтиралъ свои намерзшія бакенбарды и сморкался. Егора Егорыча даже подергивало отъ нетерпѣнія. Наконецъ, камердинеръ предсталъ предъ нимъ.

— Что, какой отвѣтъ?—забормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Отвѣтъ-съ такой...—И Антипъ Ильичъ нѣсколько затруднился, какъ ему, съ его обычною точностью, передать отвѣтъ, который онъ не совсѣмъ понималъ:—Барышня миѣ сами сказали, что онѣ извиняются, а что маменьки ихней дома нѣтъ.

— Но гдѣ-же маменька ея?—перебилъ его Егоръ Егорычъ, поблѣднѣвъ въ лицѣ: онъ предчувствовалъ, что вѣсти нехорошія будутъ.

— Этого я не знаю-съ! — доложилъ Антипъ Ильичъ.

Егоръ Егорычъ вскочилъ съ кресель.

— Какъ-же ты не знаешь?... какъ тебѣ не стыдно это?!..—заговорилъ онъ гнѣвнымъ и плачевнымъ голосомъ.—Добро-бы ты былъ какой-нибудь мальчижъ

вѣтренный, но ты человекъ умный, аккуратный, а главнаго не узналъ.

— Это виновать, не догадался! — отвѣчалъ Антипъ Ильичъ, видимо смущенный. — Если прикажете, я опять сейчасъ съѣзжу и узнаю.

— Нельзя этого, нельзя, Антипъ Ильичъ! — воскликнулъ тѣмъ-же досадливо-плачевнымъ тономъ Егоръ Егорычъ: — изъ этого выйдетъ скандалъ!... Это, Богъ знаетъ что могутъ подумать.

Антипъ Ильичъ рѣшительно недоумѣвалъ, почему баринъ такъ разгнѣвался и отчего тутъ Богъ знаетъ что могутъ подумать. Егоръ Егорычъ съ своей стороны также не зналъ, что ему предпринять. Къ счастью, вошелъ кучеръ.

— Лошадь откладывать или нѣтъ? — отнесся онъ негромко къ Антипу Ильичу.

— Конечно, откладывать!... конечно!... — подхватилъ за него Егоръ Егорычъ: — что, я поѣду гулять что-ли, кататься, веселиться!...

Кучера нѣсколько удивили такія странныя слова и тонъ голоса барина.

— Ты не знаешь-ли, куда уѣхала старая адмиральша? — попытался его спросить Антипъ Ильичъ.

— Она уѣхала въ Новоспасскій монастырь! — объяснилъ ему кучеръ.

— Зачѣмъ? — вскрикнулъ, обернувшись къ нему лицомъ, Егоръ Егорычъ.

— Люди сказывали, что панихиду служить по покойномъ адмиралѣ! — отвѣтилъ и на это кучеръ.

— Это тридцать верстъ отсюда?... тридцать верстъ!... — кричалъ Марейнъ.

— Больше-съ,—верстъ сорокъ будетъ!—замѣтилъ вучерьъ.

— Будетъ сорокъ!—подтвердилъ и Антипъ Ильичъ.

Этимъ они еще больше разсердили Егора Егорыча.

— Когда-жь она возвратится? Черезъ недѣлю, черезъ двѣ, черезъ мѣсяць?—вскрикивалъ онъ, подпрыгивая даже на креслѣ.

— Нѣтъ-съ, гдѣ же черезъ мѣсяць?—сказалъ вучерьъ, начинавшій уже немного и трусить барина:— а что точно что: онъ взяли овса и провизіи для себя!... горничную и всѣхъ барышень.

— Какъ всѣхъ барышень? — произнесъ окончательно опѣшенный Марейнъ:—а ты говоришь, что видѣлъ барышню? — обратился онъ съ укоромъ къ Антипу Ильичу.

— Старшая, Людмила Николаевна, дома! — проговорилъ тотъ утвердительно:—госпожа адмиральша, можетъ, съ двумя младшими уѣхала.

— Надо-быть, что съ двумя!—сообразилъ смѣтливый вучерьъ: — всего въ одномъ возкѣ четверомѣстномъ поѣхала; значить, если-бы еще барышню взяла, — пятеро-бы съ горничной было, и не услылись-бы всѣ!

Егоръ Егорычъ почти не слышалъ его словъ и въ изнеможеніи завинулъ голову на спинку кресла: для него не оставалось уже никакого сомнѣнія, что отвѣтъ отъ Рыжовыхъ будетъ неблагопріятный ему.

— Но не сказала-ли тебѣ еще чего-нибудь Людмила Николаевна?—спросилъ онъ снова умоляющимъ голосомъ Антипа Ильича.

— Сказали всего только, что сама адмиральша

будеть вамъ отвѣчать!—дополнилъ Антипъ Ильичъ, постаравшійся припомнить до послѣдняго звука все, что говорила ему Людмила.

— Хорошо, будетъ, ступайте!...—сказалъ Егоръ Егорычъ. Онъ поспѣшилъ поскорѣе услатъ отъ себя прислугу, чтобы скрыть отъ нихъ невыносимую горечь волновавшихъ его чувствованій.

Антипъ Ильичъ и кучеръ ушли.

Чтобы хоть сколько-нибудь себя успокоить, Егоръ Егорычъ развернулъ библію, которая, какъ нарочно, открылась на *Пѣснь пѣсней Соломона*. Напрасно Егоръ Егорычъ, пробѣгая поэтическія и страстныя строки этой пѣсни, усиливался воображать, какъ прежде всегда онъ и воображалъ, что упоминаемый тамъ женихъ—Христось, а невѣста—церковь. Но тутъ (Егоръ Егорычъ былъ увѣренъ въ томъ) дьяволь мутиль его воображеніе, и ему представлялось, что женихъ—это онъ самъ, а невѣста—Людмила. Егоръ Егорычъ разсердился на себя, закрылъ библію и крикнулъ:

— Заложить мнѣ лошадей, тройку, въ пошевни!

Его намѣреніе было ѣхать къ сенатору, чтобы на томъ сорвать вспыхнувшую въ немъ досаду, доходящую почти до озлобленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ своихъ масонскихъ воззрѣній, онъ мысленно говорилъ себѣ: «нетерпѣливъ я и строптивъ, очень строптивъ!»

Лошади скоро были готовы. Егоръ Егорычъ, надѣвъ свой фракъ съ крестиками, поѣхалъ. Гордое лицо его имѣло на этотъ разъ очень мрачный оттѣнокъ. На дворѣ сенатора онъ увидалъ двухъ будоч-

никовъ, двухъ жандармовъ и даже квартальнаго. Всѣ они до мозгу костей иззябли на морозѣ.

— Стерегутъ его, точно сокровище какое!... — сердито пробурчалъ про себя Марейнъ.

Сенаторъ въ это время, по случаю непрерывныхъ къ нему визитовъ и представленій, сидѣлъ въ кабинетѣ за рабочимъ столомъ, раздушенный и на-помаженный, въ форменномъ съ каммергерсовскими пуговицами фракѣ и въ звѣздѣ. Ему дѣлалъ докладъ его оглоданный правитель дѣлъ, стоя на ногахъ, что, впрочемъ, всегда нѣсколько стѣсняло сенатора, вѣжливаго до нѣжности съ подчиненными, такъ что онъ каждый разъ просилъ Звѣздкина садиться, но тотъ, въ силу, вѣроятно, своихъ лакейскихъ наклонностей, отпѣкивался подъ разными предлогами.

Марейнъ, какъ всегда онъ это дѣлалъ при свиданіяхъ съ сильными міра сего, вошелъ въ кабинетъ топорщась. Сенаторъ, не смотря, что остался имъ не совсѣмъ доволенъ при первомъ ихъ знакомствѣ, принялъ его очень вѣжливо и даже съ почтеніемъ. Онъ самъ пододвинулъ ему поближе къ себѣ кресло, на которое Егоръ Егорычъ сейчасъ-же и сѣлъ.

Правитель дѣлъ, кажется, ожидалъ, что сей впервые еще являвшійся посѣтитель поклонится и ему, но когда Егоръ Егорычъ не удостоилъ даже его взглядомъ, онъ былъ этимъ замѣтно удивленъ и, отойдя отъ стола, занялъ довольно отдаленно стоявшій стулъ.

— Не были-ли мы вмѣстѣ съ вами подъ Бородинымъ?—началъ сенаторъ, обращаясь къ Марейну:— фамилія ваша мнѣ чрезвычайно знакома.

— Я былъ подъ Бородинымъ! — отвѣчалъ лаконически Егоръ Егорычъ.

— И не были ли вы тамъ ранены?... Я припоминаю это по своей службѣ въ штабѣ! — продолжалъ сенаторъ, желая тѣмъ, конечно, сказать любезность гостю.

— Я былъ не раненъ, а переломилъ себѣ только ногу, упавъ съ убитой подо мною лошади! — отчеканилъ рѣзко Марейнъ.

— О, это все равно!... — слегка воскликнулъ сенаторъ: — это такая-же рана, какъ и другія; но скоро, однако, вы излечились?

— Очень не скоро!... Сначала я былъ совершенно хромъ, и ужъ потомъ, когда мы гнали назадъ Наполеона, и я слѣдовалъ въ аріергардѣ за арміей, мнѣ въ Германіи сказали, что для того, чтобы воротить себѣ ногу, необходимо снова ее сломать... Я согласился на это... Мнѣ ее врачи сломали, и я опять сталъ съ прямой ногой.

— Вы, видно, владѣете большимъ присутствіемъ духа! — замѣтилъ сенаторъ опять-таки съ цѣлью польстить этому на видѣ столь миниатюрному господину, но крѣпкому, должно быть, по характеру.

— А иначе что-жь! — возразилъ Марейнъ: — я долженъ былъ-бы оставить кавалерійскую службу, которую я очень любилъ.

— Да, мы всѣ тогда любили нашу службу! — присовокупилъ какъ-бы съ чувствомъ сенаторъ.

Марейнъ иоморщился: его покорибила фраза графа: мы всѣ! «Кто-же эти всѣ? Значить, и самъ графъ тоже, а это не такъ!» сердито подумалъ онъ.

— А вы вчера долго оставались на балѣ? — на-

правиль тотъ будто-бы случайно разговоръ на другой предметъ.

— Долго!—отвѣчалъ отрывисто Марейнъ.

— А я, къ сожалѣнію, никакъ не могъ остаться... Мнѣ такъ совѣстно передъ Петромъ Григорьевичемъ, но у меня столько дѣлъ и такія все запутанныя, противорѣчивыя!

— Въ чемъ вы собственно встрѣчаете противорѣчія?—спросилъ Марейнъ.

— Во многомъ! — отвѣтилъ сначала неопредѣленно сенаторъ:— Михайло Сергѣичъ, я слышу, въ залѣ набралось много посѣтителей; потрудитесь къ нимъ выйти, примите отъ нихъ прошенія и рассмотрите ихъ тамъ!—сказалъ онъ правителю дѣлъ, который немедля-же всталъ и вышелъ изъ кабинета.

Оставшись съ глазу на глазъ съ Марейнымъ, сенаторъ пріосанился немного и видимо готовился приступить къ бесѣдѣ о чемъ-то весьма важномъ.

— Главныя противорѣчія,—началъ онъ неторопливо и потирая свои руки: — это въ отношеніи губернатора... Одни утверждаютъ, что онъ чистый вампиръ, вытянувшій изъ губерніи всю кровь, чего я, къ удивленію моему, по дѣламъ совершенно не вижу... Кромѣ того, другія лица, не принадлежащія къ партіи губернскаго предводителя, мнѣ говорятъ совершенно противное...

— Я, графъ, самъ принадлежу къ партіи губернскаго предводителя! — хотѣлъ сразу остановить и срѣзать сенатора Марейнъ.

— Это я знаю,—подхватилъ тотъ уклончиво:— но при этомъ я слышанъ и о вашей полной не-

зависимости отъ чужихъ мнѣній: вы никогда и никому не бываете вполне подчинены!... Такова, pardon, объ васъ общая молва.

— Молва очень лестная для меня!—проговорилъ Марейнъ, насупившись и твердо увѣренный, что сенаторъ нарочно льститъ ему, чтобы пообрѣзать у него когти.

— О, безъ сомнѣнія!—продолжалъ сенаторъ:—а потому мнѣ чрезвычайно было-бы важно слышать ваше личное мнѣніе по этому предмету.

— Я уже высказывалъ и здѣсь, и въ Петербургѣ мое мнѣніе по этому предмету и до сихъ поръ не перемѣнилъ его!—рубилъ на-прямь Марейнъ.

— И оно состояло?..—спросилъ сенаторъ.

— Состояло въ томъ, что я считаю губернатора явнымъ и открытымъ взяточникомъ!

Сенатора замѣтно покорило такое рѣзкое выраженіе Егора Егорыча.

— Есть господа, которые оправдываютъ его тѣмъ, — продолжалъ тотъ: — что своего состоянія у него нѣтъ, жена больна, семейство большое, сыновья служатъ въ кавалергардахъ; но почему-же не въ арміи?.. почему?

— О, Боже мой!..—произнесъ, нѣсколько возвысивъ голосъ, сенаторъ: — вы даже то, что сыновья губернатора служатъ въ гвардіи, и то ставите ему въ вину.

— Ставлю, потому что онъ ради этого нами властвуетъ какъ воевода, пріѣхавшій къ вамъ на кормленіе.

— Но чѣмъ-же можно доказать, что онъ похожъ на воеводу?

— Можно-съ, но мнѣ гадко повторять, что объ немъ рассказываютъ: ни одинъ возъ съ сѣномъ, ни одна барка съ хлѣбомъ не смѣютъ появиться въ городѣ, не давши ему чрезъ полиціймейстера взятки.

— И вы сами бывали свидѣтелемъ чего-нибудь подобнаго?

— Фи!.. — произнесъ съ гримасой Марейнъ: — буду и свидѣтелемъ этого, а если-бы и увидалъ даже, такъ отвернулся-бы.

— А на слова другихъ нельзя безусловно полагаться.

— Отчего нельзя?.. отчего? — почти уже закричалъ Марейнъ:—это говорятъ всѣ, а гласъ народа— гласъ Божій.

— Не всегда, не говорите этого, не всегда, — возразилъ сенаторъ, все болѣе и болѣе принимая величавую позу:—допуская, наконецъ, что во всѣхъ этихъ рассказахъ, какъ во всякой сплетнѣ, есть малая доля правды, то и тогда раскапывать и раскрывать, какъ вотъ сами вы говорите, такую грязь тяжело и главное трудно... По нашимъ законамъ человѣкъ, дающій взятку, такъ-же отвѣчаетъ, какъ и берущій.

— Ну, трудность бываетъ двухъ сортовъ!—снова воскликнулъ Марейнъ, хлопнувъ своими ручками и начавъ ихъ нервно потирать:—одна трудность простая, когда въ самомъ дѣлѣ трудно открыть, а другая сугубая!..

Фразы этой, впрочемъ, не договорилъ Егоръ Егорычъ, да и сенаторъ, кажется, не желалъ слышать ея окончанія, потому что, понюхавъ въ это время табаку изъ своей золотой, осыпанной бриллиантами,

табакерки, поспѣшилъ очень ловко преподнести ее Егору Егорычу, проговоривъ:

— Не угодно-ли?

— Не нюхаю!—отвѣчалъ тотъ отрывисто, но на табакерку взглянулъ и, смекнувъ, что она была подарокъ изъ дворцоваго кабинета, заподозрилъ, что сенаторъ сдѣлалъ это съ умысломъ, для внушенія вящаго уваженія къ себѣ:—«вотъ кто я, смотри!»— и Марейнъ, какъ водится, разсердился при этой мысли своей.

— Я-съ человѣкъ частный... ничтожество!..—заговорилъ онъ прерывчатымъ голосомъ:— не мое, можетъ быть, дѣло судить дѣйствія правительственныхъ лицъ; но я разъ всталъ обвинителемъ и докончу это... Если справедливы непріятные слухи, которые дошли до меня при пріѣздѣ моемъ сюда, я опять поѣду въ Петербургъ и оиать буду кричать.

Сенаторъ величаво улыбнулся.

— Крикунъ-же вы!—замѣтилъ онъ:— и чего-же вы будете еще требовать отъ Петербурга, — я не понимаю!.. Изъ Петербурга меня прислали ревизовать вашу губернію и будутъ, конечно, ожидать результатовъ моей ревизіи, которыхъ пока никто не знаетъ, ни даже я самъ.

У Марейна вертѣлось на языкѣ сказать: «Не хитрите, графъ, вы знаете хорошо, каковы-бы должны быть результаты вашей ревизіи; но вы опутаны грѣхомъ; вы, къ стыду вашему, сблизились съ племянницей губернатора, и вамъ ужь нельзя быть между имъ и губерніей судьей безпристрастнымъ и справедливымъ!..» Однако, привычка сдерживать и умѣрять въ себѣ гнѣвливость, присутствія которой

въ душѣ Егоръ Егорычъ не любилъ и боялся больше всего, хотя и поддавалъ ей безпрестанно, восторжествовала на этотъ разъ и онъ ограничился тѣмъ, что, не надѣясь долго совладѣть съ собою, счелъ за лучшее прекратить свой визитъ и началъ сухо раскланиваться.

Сенаторъ, по своей придворной тактикѣ, распротился съ нимъ въ высшей степени любезно, и только когда Егоръ Егорычъ совсѣмъ уже уѣхалъ, онъ немедленно позвалъ къ себѣ правителя дѣлъ и сталъ ему пересказывать съ видимымъ чувствомъ досады.

— Вообразите, этотъ нимперле *) пріѣзжалъ пугать меня!

Правитель дѣлъ, считавшій своего начальника, равно какъ и самого себя, превыше всякихъ губернскихъ авторитетовъ, взглянулъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на графа.

— Чѣмъ-же онъ васъ пугалъ?—спросилъ онъ.

— Да опредѣлительно и сказать нельзя чѣмъ, но пугалъ, что вотъ онъ получилъ здѣсь какіе-то слухи неиріятные и что поѣдетъ кричать объ этомъ въ Петербургъ.

Сенаторъ въ сущности очень хорошо понялъ, о какихъ слухахъ намекалъ ему Марейнъ.

— О комъ и о чемъ слухи?—поинтересовался правитель дѣлъ, вѣроятно, нѣсколько опасавшійся, что нѣтъ ли и объ его личныхъ дѣйствіяхъ какихъ-нибудь толковъ.

---

*) Очень маленькая и самая рѣзвая куколка въ нѣмецкомъ кукольномъ театрѣ, объѣзжавшемъ тогда всю Россію.

— Не сказалъ!... Все это, конечно, вздоръ, и тутъ одно важио, что хотя Марейна въ Петербургъ и разумѣютъ всѣ почти за сумасшедшаго, но у него есть связи при дворѣ.... Ему племянницей, кажется, приходится одна Фрейлина тамъ... поетъ очень хорошо русскія пѣсни... Я слыхалъ и видалъ ее—недурна!—объяснилъ сенаторъ и затѣмъ пустился посвящать своего наперсника въ разныя тонкія комбинаціи о томъ, что такая-то часто бываетъ у такихъ-то, а эти, такіе, у такого-то, который имѣетъ вліяніе на такого-то. Тема на этотъ разговоръ была у графа неистощимая и весьма любимая имъ. Что касается до правителя дѣлъ, то хотя онъ и былъ, по своему происхожденію и положенію, очень далекъ отъ придворнаго круга, но тѣмъ не менѣе понималъ хорошо, что все это имѣетъ большое значеніе и, вслѣдствіе этого, призадумался нѣсколько. Его главнымъ образомъ безпокоило то, что Марейнъ даже не взглянулъ на него, войдя къ сенатору, какъ будто-бы презиралъ что ли его или былъ за что-то сердитъ на него.

— Могу я докладывать? — спросилъ онъ, видя, что сенаторъ больше ужъ не желаетъ говорить.

— О, пожалуйста! — отвѣтилъ тотъ и для освѣженія мозга понюхалъ табаку изъ своей золотой табакерки.

Правитель дѣлъ началъ докладъ, по обыкновенію, стоя.

— Дѣло по жалобѣ на устройство городничимъ Надеждинымъ рыбныхъ садковъ въ свою пользу!—заговорилъ онъ ровнымъ и безстрастнымъ голосомъ.

— Продѣлки этого господина вопіющія! — пере-

билъ его сенаторъ: — Мнѣ говорили объ нихъ еще въ Петербургѣ!.. Заставлять обывателей устраивать ему садки,—это ужъ и не взятка, а какая-то натуральная повинность!

— Въ Петербургѣ, мнѣ кажется, ваше сіятельство, ошибочно взглянули на это дѣло!—возразилъ съ нѣкоторымъ одушевленіемъ правитель дѣлъ:—городничій вызванъ нами.

— Знаю я!—подхватилъ сенаторъ, очень довольный тѣмъ, что зналъ это.

— Онъ былъ у меня!..—доложилъ правитель дѣлъ, хотя, собственно, онъ долженъ былъ-бы сказать, что городничій представлялся къ нему, какъ стали это дѣлать, чрезъ двѣ-же недѣли послѣ начала ревизіи, почти всѣ вызываемые для служебныхъ объясненій чиновники, являясь къ правителю дѣлъ даже ранѣе, чѣмъ къ сенатору, причемъ, какъ говорили злые языки, выпадала немалая доля благостыни въ руки Звѣздкина.

— Городничій мнѣ доставилъ,—продолжалъ онъ:—собранныя имъ удостовѣренія отъ мѣстныхъ обывателей,—вотъ они!

И правитель дѣлъ показалъ цѣлую кипу бумагъ, при одномъ видѣ которыхъ сенаторъ обмеръ.

— Но что такое въ нихъ говорится?—поспѣшилъ онъ спросить.

— Говорится во всѣхъ одно и то-же!—отвѣчалъ правитель дѣлъ и, взявъ, будто-бы, на выдержку одну изъ бумагъ, началъ ее чптать буквально:

— «Я, нижеподписавшійся, второй гильдіи купецъ и рыбопромышленникъ, симъ удостовѣряю, что по здѣшнимъ цѣнамъ устройство рыбнаго садка, съ

посадкою въ оный рыбы, стоитъ пять рублей на ассигнаціи».

— Какъ пять рублей?!—воскликнулъ сенаторъ:— а въ Петербургѣ что онъ стоитъ?

— Въ Петербургѣ дороже, да тамъ и велики они очень, а садовъ городничаго всего сажень въ длину и въ ширину.

— Фу, ты, Боже мой!—произнесъ сенаторъ, пожимая плечами:— вотъ и суди тутъ!... Какъ-же все это не противно и не скучно?...

Правитель дѣлъ молчалъ, вовсе не находя съ своей стороны въ службѣ ничего ни противнаго, ни скучнаго.

— Бросить это дѣло; оно выѣденнаго яйца не стоитъ!..—приказалъ сенаторъ.

Правитель дѣлъ поспѣшно написалъ на первоначальной бумагѣ резолюцію: *оставить безъ послѣдствій* и предложилъ ее къ подписи сенатору, который, не взглянувъ даже на написанное, подмахнулъ: «Ревизующій сенаторъ графъ Эдлерсъ».

— Далѣе какія дѣла?..—сказалъ онъ.

— Далѣе дѣло объ кадкѣ капусты и объ засѣдателѣ земскаго суда Дрыгинѣ.

При этомъ отвѣтѣ правитель дѣлъ не удержался и усмѣхнулся.

— Какъ объ капустѣ и объ Дрыгинѣ?... Что такое это?—проговорилъ сенаторъ съ недоумѣніемъ,— онъ этого дѣла ужь не помнилъ.

— Г. Дрыгинъ самъ здѣсь!.. угодно вамъ его видѣть?—доложилъ правитель дѣлъ.

— Но, можетъ быть, онъ какой-нибудь грубый, пьяный?—замѣтилъ съ безгливостью сенаторъ.

— Напротивъ, онъ изъ отставныхъ военныхъ!—
сказалъ правитель дѣлъ.

Сенаторъ поуспокоился.

— А въ чемъ Дрыгинъ обвиняется?—нашелъ онъ
нужнымъ узнать.

— Въ томъ, что, при проѣздѣ черезъ деревню
Вѣтриху, онъ съѣлъ тамъ цѣлый ушатъ капусты.

Сенаторъ окончательно былъ озадаченъ.

— Mon Dieu, mon Dieu! — произнесъ онъ, вски-
дывая глаза къ небу.

Правитель дѣлъ поспѣшилъ позвать засѣдателя
изъ залы, и, когда тотъ вошелъ, то оказался тѣмъ
отчпсленнымъ отъ службы засѣдателемъ, котораго
мы видѣли на балѣ у предводителя и который былъ
въ томъ-же ополченскомъ мундирѣ. Наружный видъ
засѣдателя произвелъ довольно пріятное впечатлѣніе
на графа.

Вы обвиняетесь въ томъ, что при проѣздѣ че-
резъ деревню Вѣтриху съѣли цѣлый ушатъ капу-
сты! — слѣдовало-бы договорить сенатору; но онъ
не въ состояніи былъ того сдѣлать и выразился
такъ:—*издержали ушатъ капусту.*

— Ваше высокопревосходительство! — началъ
Дрыгинъ тономъ благороднаго негодованія:—если-бы
я былъ не человѣкъ, а свинья, и уничтожилъ-бы
впродолженіи нѣсколькихъ часовъ цѣлый ушатъ ка-
пусты, то умеръ-бы, а я еще живъ!

Сенаторъ краснѣлъ.

— Почему-же на васъ такой извѣтъ? — сказалъ
онъ, стараясь не утратить нѣкоторой строгости.

— Деревня Вѣтриха, какъ, можетъ быть, не безъ-
извѣстно вашему высокопревосходительству, принад-

лежитъ губерискому предводителю, который давно мой гонитель...

Проговоривъ это, Дрыгинъ почтительно склонилъ передъ сенаторомъ голову.

Здѣсь я, впрочемъ, по безпристрастію историка, долженъ объяснить, что, конечно, засѣдатель не съѣлъ въ одинъ обѣдъ цѣлаго ушата капусты, но, попробовавъ ее и найдя очень вкусною, велѣлъ поставить себѣ въ сани весь ушатъ и свезъ его своей женою, большой хозяйкѣ.

— А между тѣмъ, ваше высокопревосходительство,—продолжалъ Дрыгинъ съ тѣмъ-же оттѣнкомъ благороднаго негодованія:—за эту клевету на меня я отозванъ отъ службы и, будучи отцомъ семейства, оставленъ безъ куска хлѣба.

Сенаторъ взглянулъ на своего правителя.

— Отозванъ-съ! — подтвердилъ тотъ, угадавъ взглядъ начальника.

— Вы можете отправляться къ вашей должности!—отнесся сенаторъ къ Дрыгину, который вспыхнулъ даже отъ радости.

— Ваше высокопревосходительство!—началъ онъ, прижимая руку къ сердцу, но болѣе того ничего не могъ высказать, а только, сморгнувъ наверхнувшіяся на глазахъ его слезы, поклонился и вышелъ.

Сенаторъ остался совсѣмъ взбудораженный.

— Я теперь припоминаю, что я отозвалъ этого несчастнаго по просьбѣ губерискаго предводителя!—признался онъ своему правителю.

— Можетъ быть-съ!—отозвался тотъ уклончиво.

— Непремѣнно со словъ Крапчика!—подхватилъ сенаторъ:—онъ, я вамъ говорю, какой-то злой духъ

для меня!... Все, что онъ мнѣ ни посовѣтовалъ, во всемъ я оказываюсь глупцомъ!... Я велю, наконецъ, не пускать его къ себѣ.

Правитель дѣлъ потупился, заранѣе увѣренный, что если-бы Крапчикъ сію-же минуту къ графу пріѣхалъ, то тотъ принялъ-бы его только что не съ распростертыми объятіями: очень опытный во всѣхъ мелкихъ чиновничьихъ интригахъ, Звѣздкинъ не вполне понималъ гладко стелющую манеру обхожденія, которой держался его начальникъ.

Покончивъ съ засѣдателемъ, сенаторъ хотѣлъ-было опять приступить къ слушанію дѣла, но въ это время вошелъ въ кабинетъ молодой человекъ очень благообразный изъ себя, франтоватый и привезенный сенаторомъ изъ Петербурга въ числѣ своихъ канцелярскихъ чиновниковъ. Молодой человекъ этотъ былъ въ тотъ день дежурнымъ.

— Excellence, madame Klavsky est venue vous chercher et vous engage de faire une promenade!—доложилъ онъ, грассируя нѣсколько голосомъ.

— Tout de suite, mon cher!... dites à madame, que je suis à elle dans un instant!...—воскликнулъ радостно сенаторъ, и съ несвойственною старикамъ поспѣшностью побѣжалъ въ гардеробную измѣнить нѣсколько свой туалетъ.

VI.

Madame Клавская въ это время, вся въ соболяхъ и во всемъ величіи своей полноватой красоты, сидѣла очень спокойно въ парныхъ саняхъ, которыя

стояли у сенаторскаго подъѣзда. Ченцовъ давно еще сочинилъ про нее такого рода стихотвореніе:

Madame Клавская бабица
 Вальсируетъ на заказъ
 И, какъ юная вдовица,
 Ищетъ мужа среди насъ;
 Но мы знаемъ себѣ цѣну
 И боимся ея плѣну.

Клавская дѣйствительно прежде ужасно кокетничала съ молодыми людьми, но послѣднее время вдругъ перестала совершенно обращать на нихъ вниманіе; кромѣ того, и во виѣшней ея обстановкѣ произошла большая перемѣна: прежде она обыкновенно выѣзжала въ общество съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ родныхъ или знакомыхъ, въ туалетѣ хотъ и кокетливомъ, но очень небогатомъ, а теперь, напротивъ, что ни балъ, то на ней было новое и дорогое платье; каждое утро она каталась въ своемъ собственномъ экипажѣ на парѣ сѣрыхъ съ яблоками жеребцовъ, съ кучеромъ, кафтанъ котораго кругомъ былъ опушенъ котикомъ. Все это нѣкоторые объясняли прямымъ источникомъ изъ кармана сенатора, а другіе—тѣмъ, что къ madame Клавской одновременно со Звѣздкинымъ стали забѣгать разные чиновники, которымъ угрожала опасность по ревизіи; но какъ бы то ни было, въ одномъ только никто не сомнѣвался, что графъ былъ отъ нея безъ ума.

— Madame, me permettez-vous de prendre place auprès de vous?—говорилъ онъ почти раболѣпнымъ голосомъ, выбѣжавъ къ ней въ настоящее утро на рундучекъ своего крыльца.

— Pourquoi pas,—отвѣчала ему ужаснѣйшимъ проносомъ Клавская и пододвинулась къ одной сторонѣ саней. Сенаторъ сѣлъ съ ней рядомъ, и лошади понесли ихъ по гладкимъ улицамъ губернскаго города. Когда они проѣзжали невдалекѣ отъ губернаторскаго дома, то Клавская, все время закрывавшая себѣ муфтой лицо отъ холода, проговорила негромко:

— Заѣдьте, пожалуйста, къ дядѣ позавтракать!... Онъ очень, бѣдный, разстроенъ и будетъ утѣшенъ вашимъ визитомъ... Поваръ у него отличный!

Сенаторъ на первыхъ порахъ поморщился немного.

— Я очень уважаю вашего дядю, и мнѣ отъ души его жаль, но заѣзжать къ нему, *comprenez-vous*... Онъ губернаторъ здѣшній, я—ревизующій сенаторъ.

Говоря это, онъ, вается, трепеталъ отъ страха, чтобы не разсердить очень своимъ отказомъ Клавской.

— Полноте, что за мелочи!—возразила она ему убѣждающимъ и нѣжнымъ тономъ:—кого и чего вы опасаетесь? Если не для дяди, такъ для меня заѣдьте къ нему,—я ѣсть хочу!

— Извольте, извольте!.. — не выдержалъ долѣе графъ:—я для васъ готовъ быть у старика... Онъ, я знаю, не такъ виноватъ, какъ говорятъ про него враги его.

— Ахъ, онъ ангелъ!—воскликнула Клавская:—и если за что страдаетъ, такъ за доброту свою!..—присовокупила она и остановила муфтой вучера у губернаторскаго подъѣзда.

Сенаторъ выскочилъ изъ саней первый, и въ то время, какъ онъ подавалъ руку Клавской, чтобы высадить ее, мимо ихъ пронесся на своей тройкѣ Марѣинъ и сдѣлалъ видъ, что онъ не видалъ ни сенатора, ни Клавской. Тѣ тоже какъ будто-бы не замѣтили его.

Егоръ Егорычъ, чтобы размыкать гложущую его тоску, обскакалъ почти весь городъ и теперь ѣхалъ домой; но тутъ вдругъ переимѣнилъ намѣреніе и велѣлъ кучеру везти себя къ губернскому предводителю, съ которымъ ему главнымъ образомъ желалось подѣлиться снова вспыхнувшимъ въ его сердцѣ гнѣвомъ. Услыхавъ отъ лакея, что Краичикъ былъ еще въ спальнѣ, Егоръ Егорычъ не стѣснялся этимъ и направился туда. Губернскій предводитель въ это время, сидя передъ своей конторкой, сводилъ итоги расходамъ по вчерашнему балу и былъ видимо не въ духѣ: расходовъ насчитывалось болѣе, чѣмъ на три тысячи. Марѣинъ влетѣлъ къ нему, по обыкновенію, вихремъ, такъ что губернскій предводитель немножко даже вздрогнулъ.

— Какими судьбами?—произнесъ онъ.

Марѣинъ бросилъ небрежно свою шапку на диванчикъ и принялся ходить по комнатѣ.

— Сейчасъ я былъ у сенатора и убѣдился, что онъ старая остзейская лиса и больше ничего!—сказалъ онъ.

— Стало-быть, вы объяснялись съ нимъ о чемъ-нибудь?—спросилъ губернскій предводитель со свойственнымъ ему въ извѣстныхъ случаяхъ любопытствомъ.

— Объяснялся... Графъ самъ первый началъ и спросилъ: что за человекъ губернаторъ? я говорю: онъ дрянъ и взяточникъ!

Губернскій предводитель съ удовольствіемъ усмѣхнулся.

— Что же графъ на это?

— Графъ говоритъ, что нѣтъ, и что онъ о губернаторѣ слышалъ много хорошаго отъ людей, не принадлежащихъ къ вашей партіи!

— Моей партіи?—переспросилъ губернскій предводитель съ недоумѣніемъ и отчасти съ неудовольствіемъ.

— Ну, вашей, моей, какъ хотите назовите!—кипятился Марѣинъ.—Но это все еще цвѣточки!... цвѣточки! Ягодки будутъ впереди, потому что за пять минутъ передъ симъ, при проѣздѣ моемъ мимо палатъ начальника губерніи, я вижу, что *monsieur le comte et madame Klavsky* вдвоемъ на парныхъ саняхъ подкатили къ дверямъ его превосходительства и юркнули въ оныя.

Губернскій предводитель развелъ руками.

— Странно!...—сказалъ онъ:—графъ до сегодня былъ у губернатора всего одинъ разъ, оплачивая ему визитъ.

— Но я не лгу-же это и не выдумываю!... Я собственными глазами видѣлъ и *monsieur comt'a*, и Клавскую, и это имъ даромъ не пройдетъ!.. нѣтъ!.. Я завтра-же скачу въ Петербургъ и все тамъ разблаговѣщу, все!...

Губернскій предводитель соображалъ нѣкоторое время.

— Не совѣтую,—проговорилъ онъ:—это будетъ

слишкомъ поспѣшно съ вашей стороны и бесполезно для самого дѣла!

— Но вы въ этомъ случаѣ — поймите вы — совершенно сходитесь въ мнѣніяхъ съ сенаторомъ, который тоже говоритъ, что я слишкомъ спѣшу, и все убѣждалъ меня, что Петербургъ достаточно уже облагодѣтельствовалъ нашу губернію тѣмъ, что прислалъ его къ намъ на ревизію; а я буду тамъ доказывать, что господинъ графъ не годится для этого, потому что онъ плотоугодникъ и развратникъ, и что его, прежде, чѣмъ къ намъ, слѣдовало послать въ Соловки къ какому-нибудь монаху для напутствованія и назиданія.

— Всему этому только улыбнутся въ Перербургѣ, — началъ было губернскій предводитель, но, замѣтивъ, что Марейнъ готовъ былъ вспѣтушиться, поторопился присовокупить: — Вы только, пожалуйста, не сердитесь и выслушайте меня, что я вамъ доложу. По моему напротивъ, надобно дать полное спокойствіе и возможность графу дурачиться; но когда онъ начнетъ уже дѣлать незаконныя распоряженія, къ которымъ его, вѣроятно, только еще подготавливаютъ, тогда и собрать не слухи, а самыя дѣла, да съ этимъ и ѣхать въ Петербургъ. И я, если вы позволите, поѣду съ вами: вы — какъ человекъ извѣстный тамъ, а я — въ качествѣ губернскаго предводителя здѣшняго дворянства.

Марейнъ начиналъ понимать практическую справедливость Крапчика, но все-таки не могъ съ нимъ вдругъ согласиться.

— Но гдѣ-жь мы узнаемъ эти дѣла? не таскать-

ся же по все́мъ канцеляріямъ?... Мы, слава Богу, не французскіе страпчіе.

— Вы объ этомъ не безпокойтесь! Все узнается по городскимъ слухамъ подробно и съ полною достоверностью, — за это я вамъ ручаюсь, — и смотрите, что можетъ произойти!... Вы, вашимъ вліяніемъ, вызвали ревизію надъ губернаторомъ, а потомъ мы сообща, можетъ быть, наклпчемъ острастку и на сенатора.

Отъ послѣдней мысли своей губернской предводитель даже въ лицѣ расцвѣлъ, но Марейнъ продолжалъ хмуриться и сердиться. Дѣло въ томъ, что вся эта предлагаемая Крапчикомъ система выжиданія и подглядыванья за сенаторомъ претила Марейну, и не столько по исповѣдуемой имъ религіи масонства, въ которой онъ зналъ, что подобныя приемы допускались, сколько по врожденнымъ ему нравственнымъ инстинктамъ: Егоръ Егорычъ любилъ дѣйствовать лишь прямо и открыто.

— Не лучше-ли, — началъ, онъ съ глубокомысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ и видимо придумавъ совершенно другой способъ: — не лучше-ли, чѣмъ стропить возни, написать этому старому дураку строго-моральное письмо, въ которомъ напомнить ему объ его обязанностяхъ христіанина и гражданина?

Крапчикъ втайнѣ готовъ былъ выркнуть, услыжавъ такое измышленіе Егора Егорыча, но, разумѣется, воздержался и только съ легкою полу-улыбкою возразилъ:

— Развѣ подобное письмо подѣйствуетъ на столь зачерствѣлаго человѣка и испугаетъ его?

— Это такъ!... такъ! — согласился и Марейнъ,

воображенію котораго точно нарочно почти въявь представилась котообразная фигура сенатора, да еще высаживающаго изъ саней подъ ручку шадам е Клавскую.

— Прощайте!—сказалъ онъ загѣмъ, торопливо хватая свою шапку.

— Куда-же вы?... оставайтесь у насъ обѣдать,—сталъ было удерживать его хозяинъ.

— Не могу, и ѣсть ничего не хочу!—отговаривался Марейнъ.

— Но позвольте, по крайней мѣрѣ, мнѣ послать сказать Катринъ, что вы здѣсь, а то она мнѣ будетъ выговаривать, что я не оповѣстилъ ее объ васъ.

— Нѣтъ, некогда, некогда!—бормоталъ Марейнъ и, проговоривъ еще разъ: «прощайте!» уѣхалъ.

— Сумасшедшій торопыга!—произнесъ Крапчикъ, оставшись одинъ и снова принимаясь просматривать счетъ, но вошелъ лакей и доложилъ, что пріѣхалъ новый гость—Ченцовъ.

— Зачѣмъ и кто его принялъ?—крикнулъ Крапчикъ.

— Я-съ,—отвѣтилъ, сробѣвъ, лакей.

— Дуракъ! ну, поди и скажи, что выйду въ кабинетъ...

Лакей ушелъ. Крапчикъ, поприбравъ нѣсколько на конторкѣ свои бумаги, пошелъ неохотно въ кабинетъ, куда вмѣстѣ съ нимъ торопливо входила и Катринъ съ лицомъ еще болѣе грубоватымъ, чѣмъ при вечернемъ освѣщеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сіяющимъ отъ удовольствія.

— Вы, надѣюсь, обѣдаете у насъ?—было первое слово ея гостю.

— Обѣдаю,—отвѣчалъ Ченцовъ.

Крапчикъ-же едва удостоилъ сказать ему:—здравствуйте!

Катринъ была увѣрена, что божественный Ченцовъ (она иначе не воспоминала его въ своихъ мечтахъ) явился собственно для нея, чтобы исполнить ея приказаніе приѣхать къ нимъ съ утра, но расчетъ mademoiselle Катринъ оказался при самомъ началѣ обѣда, невѣренъ.

— Мы сыграемъ сегодня съ вами? — спросилъ Ченцовъ хозяина.

Выраженіе глазъ его стало не столь сердито.

— Сыграемъ, если хотите,—отвѣчалъ онъ, впрочемъ, совершенно безстрастно.

Mademoiselle Катринъ поблѣднѣла.

— Но какъ-же вы мнѣ еще вчера сказали, что не будете играть?—проговорила она Ченцову.

— Языкъ на то и данъ человѣку, чтобы лгать! отшутился онъ.

— Правило прекрасное! — замѣтила Катринъ и надулась; Крапчикъ-же замѣтно сдѣлался любезнѣе съ своимъ гостемъ и сталъ даже подливать ему вина. Ченцовъ, съ своей стороны, хоть и чувствовалъ, что Катринъ сильно имъ недовольна, но что-жъ дѣлать? поступить иначе онъ не могъ: ощутивъ въ карманѣ своемъ подаренныя дядею деньги, онъ не въ силахъ былъ удержаться, чтобы не попробовать на нихъ счастья слѣпой фортуны, особенно съ такимъ золотымъ мѣшкомъ, каковъ былъ губернской предводитель.

Послѣ обѣда гость и хозяинъ немедленно усѣлись въ кабинетъ за карточный столъ, совершенно уже не

обращая вниманія на Катринъ, которая не пошла за ними, а сѣла въ маленькой гостиной, находящейся рядомъ съ кабинетомъ, и велѣла подать себѣ работу— вязаніе бисернаго шнурка, который она думала при какомъ-нибудь мало-мальски удобномъ предлогѣ подарить Ченцову.

Между играющими начался, какъ водится, банкъ. Если-бы кто спросилъ, въ чемъ собственно состоялъ геній Крапчика, то можно безошибочно отвѣчать, что, будучи, какъ большая часть полувосточныхъ человѣковъ, отъ природы золь, честолюбивъ, умень внѣшнимъ образомъ, безъ всякихъ, о чемъ-бы то ни было, твердыхъ личныхъ убѣжденій, онъ главнымъ своимъ призваніемъ на землѣ имѣлъ—быть банкометомъ какого-нибудь огромнаго общеевропейскаго банка. Не смотря на то, что Петръ Григорьевичъ почти вѣждодневно игралъ въ банкъ или другія азартныя игры, но никто еще и никогда не замѣтилъ на черномазомъ лицѣ его, выигрываетъ онъ или проигрываетъ. Карты обыкновенно Крапчикъ клалъ медленно, аккуратно одна на другую, какъ-бы о томъ только и помышляя, но въ то-же время все видѣлъ и все подмѣчалъ, что дѣлалъ его партнеръ, и безошаднѣйшимъ образомъ пользовался малѣйшей оплошностью того. Въ настоящемъ случаѣ повторилось то-же самое. Крапчикъ прежде всего выложилъ на столъ три тысячи рублей серебромъ и сталъ метать. Ченцовъ, сѣвшій играть съ восемьюстами рублей (хорошо еще, что онъ предварительно заплатилъ хозяину гостинницы двѣсти рублей), началъ горячиться; видимыя имъ около предводителя три тысячи рублей ужасно его раздражали. Снастіе на первыхъ

порахъ ему повезло: онъ сразу взялъ карту, загнулъ ее и взялъ вторую; загнувъ на весь выпрышъ, не отписавъ изъ него ничего, снова взялъ, и когда поставилъ на червонную даму, чуть-ли не имѣя при этомъ въ виду милостивый и выразительный обликъ Людмилы, то Крапчикъ замѣтилъ ему:

— Вы ничего не оставляете себѣ?

— Ничего!—отвѣчалъ небрежно Ченцовъ и выигралъ карту; тутъ ужъ онъ потянулъ изъ денегъ предводителя значительную пачку. Крапчикъ только молча наблюдалъ, правильно-ли Ченцовъ отсчитываетъ себѣ деньги, на которыя тотъ положилъ прежнюю червонную даму.

— Вся сумма идетъ?—сказалъ Крапчикъ.

— Вся!.. гну-сь!..—воскликнулъ Ченцовъ, и голосъ его при этомъ слегка дрогнулъ, а по лицу пробѣжало какое-то страдальческое ощущеніе.

Крапчикъ убилъ эту карту и тотчасъ-же придвинулъ къ себѣ всю выигранную у него Ченцовымъ сумму и метать не продолжалъ.

— Угодно вамъ заплатить мнѣ проигрышъ? — спросилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Затруднительно мнѣ это! — произнесъ протязно и комическимъ тономъ Ченцовъ.

Крапчика поразили нѣсколько такой отвѣтъ.

— Но на что-же вы играли, если не имѣли денегъ?—проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Я-то видѣлъ, на что игралъ!

И Ченцовъ указалъ пальцемъ на лежавшія передъ хозяиномъ деньги.

— А вотъ вы на что играли, я не знаю!—присовокупилъ онъ.

Крапчикъ на это ничего не сказалъ и принялся молча собирать раскиданныя карты въ колоду.

Ченцовъ, наконецъ, захохоталъ.

— Я пошутилъ,—вотъ вамъ!—воскликнулъ онъ и выкинулъ изъ кармана всѣ дядины деньги, которыя Крапчикъ аккуратно пересчиталъ и заявилъ:

— Здѣсь недостаетъ болѣе двухсотъ рублей!

— Заплачу ихъ вамъ завтра-же! — подхватилъ, слегка покраснѣвъ, Ченцовъ и попросилъ дать ему вина.

Хозяинъ позвалъ лакея и велѣлъ ему принести бутылку шампанскаго. Ченцовъ сейчасъ-же принялся пить изъ нея и выпилъ почти всю залпомъ.

— А не хотите-ли вы сыграть со мной въ долгъ? сказалъ онъ, видимо сжигаемый неудержимою страстью къ игрѣ.

Крапчикъ подумалъ немного.

— Но кто-же мнѣ за васъ заплатитъ въ случаѣ проигрыша?—спросилъ онъ.

— Дядя!... Полагаю, что онъ не захочетъ, чтобы меня посадили въ тюрьму, или чтобы я пустилъ себѣ пулю въ лобъ?—отвѣчалъ Ченцовъ.

Крапчикъ еще нѣкоторое время подумалъ.

— Извольте!...—сказалъ онъ и, кликнувъ лакея, приказалъ ему принести новую бутылку шампанскаго.

Катринъ, не проронившая ни одного звука изъ того, что говорилось въ кабинетѣ, негромко велѣла возвращавшемуся оттуда лакею налить и ей стаканъ шампанскаго. Тотъ исполнилъ ея приказаніе и, когда поставилъ начатую бутылку на столъ къ играющимъ, то у Крапчика не прошло это мимо глазъ.

— Отчего она не полна?—сказалъ онъ лакею, показывая на бутылку.

— Катеринѣ Петровнѣ я налилъ стаканъ,—объяснилъ тотъ почтительно.

Крапчикъ поморщился, а Ченцовъ вскрикнулъ:

— Bravo, mademoiselle Катринъ! Пожалуйте сюда и чокнемтесь.

— Не хочу я съ вами чокаться!—отказалась Катринъ: голосъ ея былъ печаленъ.

Игра между партнерами началась и продолжалась въ томъ-же духѣ. Ченцовъ пилъ вино и ставилъ, безъ всякаго расчета, карты; а Крапчикъ игралъ съ еще болѣе усиленнымъ вниманіемъ и въ результатѣ выигралъ тысячь десять.

— Ну, будетъ!—забастовалъ онъ наконецъ.

— Мнѣ поэтому надобно дать вамъ заемное письмо?—проговорилъ, почти смѣясь, Ченцовъ: выпитое вино не мало способствовало его веселому настроенію духа.

— Да, ужь потрудитесь—отвѣчалъ Крапчикъ и, вынувъ изъ письменнаго стола нужный для писемъ этого рода гербовый листъ, подалъ его вмѣстѣ съ перомъ и чернильницей Ченцову, который, въ свою очередь, тоже совершенно спокойно и самымъ правильнымъ образомъ написалъ это заемное письмо: онъ привыкъ и умѣлъ это дѣлать. Получивъ обязательство и положивъ его въ карманъ, Крапчикъ ожидалъ и желалъ, чтобы гость убирался; но Ченцовъ и не думалъ этого дѣлать; напротивъ, оставивъ хозяина въ кабинетѣ, онъ перешелъ въ маленькую гостиную къ Катринѣ и сѣлъ съ нею рядомъ на диванъ. Крапчику это очень не понравилось. Какъ-бы

не зная, что ему предпринять, онъ тоже вышелъ въ маленькую гостиную и отнесся къ дочери:

— Ты развѣ еще не хочешь спать?

— Нѣтъ!—произнесла та грубо и отрывисто.

— Мы еще будемъ ужинать съ mademoiselle Катринъ!—поддержалъ ее Ченцовъ.—Vous voulez, que je soupe avec vous!—обратился онъ къ ней.

— Хочу! — отвѣтила и ему лаконически Катринъ.

Крапчикъ, понуривъ, какъ быкъ, голову, ушелъ къ себѣ въ спальню.

Катринъ распорядилась, чтобы дали имъ тутъ-же на маленькій столъ ужинъ, и когда принесшій вино и кушанье лакей хотѣлъ было, по обыкновенію, остаться служить у стола и встать за стуломъ съ тарелкой въ рукѣ и салфеткой, завязанной однимъ кончикомъ за петлю фрака, такъ она ему сказала:

— Можешь уйти!.. Я позову, когда нужно будетъ.

Лакей исполнилъ это приказаніе. Ченцовъ слушалъ съ какой-то полуулыбкой всѣ эти распоряженія Катринъ.

— Вы проигрались?—заговорила она.

— И очень даже сильно!—не потаялъ Ченцовъ.

— Но зачѣмъ-же вы играли съ отцомъ? Вы знаете, какой онъ опытный и спокойный игрокъ; а вы ребенокъ какой то сравнительно съ нимъ.

— О, чортъ бы его драгъ!—отозвался безъ церемоніи Ченцовъ:—я игрывалъ и не съ такими еще господами... почище его будутъ!.. Стоитъ-ли объ этомъ говорить! Чокнемтесь лучше, по крайней

мёрвѣ, хоть теперь!...—присовокупилъ онъ, наливая по стакану шампанскаго себѣ и Катринъ.

Она покорно чокнулась съ нимъ, выпила вино и проговорила, беря себя за голову:

— Ахъ, я не знаю, что вы способны со мною сдѣлать!...

— Я съ женщинами обыкновенно дѣлаю то, что онѣ сами желаютъ!—возразилъ Ченцовъ.

— Да, но вы ихъ увлекаете, а это еще хуже!—замѣтила Катринъ.

— Вы полагаете?—спросилъ не безъ самодовольства Ченцовъ.

— Полагаю! — произнесла съ удареніемъ Катринъ.

Ченцовъ очень хорошо видѣлъ, что въ настоящія минуты она была воскъ мягкій, изъ котораго онъ могъ выдѣлать все, что ему хотѣлось, и у него на мгновеніе промелькнула-было въ головѣ блажная мысль отплатить этому подлецу Крапчику за его обыгрыванье кое-чѣмъ почувствительнѣе денегъ; но, взглянувъ на Катринъ, онъ сейчасъ-же отказался отъ того, смутно предчувствуя, что смиреніе ея передъ нимъ было не совсѣмъ искреннее и только на время надѣтая маска.

— А вы знаете, я васъ боюсь!—высказалъ онъ ей тутъ-же прямо.

— Отчего?—полувоскликнула Катринъ.

— Оттого, что вы похожи на меня!...

— Я знаю, что похожа, но не боюсь васъ!...

— А я, видитъ Аллахъ, боюсь точно также, какъ боюсь и вашего отца въ картахъ.

— Нѣтъ, вы меня не боитесь!.. Отца, пожалуй,

вы должны олазаться, потому что онъ не любитъ васъ, а я нѣтъ.

— И вы что-же въ отношеніи меня? — донытывался Ченцовъ.

— Угадайте! — сказала Катринъ, взмахнувъ на него своими черными глазами.

Ченцовъ пожалъ плечами.

— Угадывать я не мастэръ! — отвѣчалъ онъ. Ему кажется, хотѣлось, чтобы Катринъ сама ему призналась въ любви, но она удержалась.

— А вотъ это мнѣ иногда представляется, — продолжалъ Ченцовъ, уже вставая и отыскивая свою шляпу: — что современемъ мы съ вами будемъ злѣйшіе враги на смерть... на ножи...

Такое предположеніе удивило и оскорбило Катринъ.

— Можетъ быть, вы мнѣ будете врагъ, а я вамъ никогда! — произнесла она съ увѣренностью.

— Будете! — повторилъ Ченцовъ: — и еще болѣе горшій врагъ, чѣмъ я; а затѣмъ вашу ручку!

Катринъ съ удовольствіемъ подала ему руку, которую онъ поцѣловалъ какъ-бы съ чувствомъ и пошелъ нетвердой походкой.

Катринъ проводила его до дверей передней, гдѣ справилась, есть-ли у него лошадь, и, когда узнала, что есть, то прошла въ свою свѣтлицу на верхъ, но заснуть долго не могла: очень ужъ ее сначала разсердилъ и огорчилъ Ченцовъ, а потомъ какъ будто-бы и порадовалъ!...

VII.

Въ свою гостиницу Ченцовъ пріѣхалъ очень пьяный и, проходя по корридору, опять-таки совершенно случайно взглянулъ въ окно и увидалъ комету съ ея хвостомъ. При этомъ онъ уже не страхъ почувствовалъ, а какую-то злую радость, похожую на ту, которую онъ испытывалъ на дуэли, глядя въ дуло направленнаго на него противникомъ пистолета. Ченцовъ и на комету постарался также смотрѣть, но вдругъ слышались чьи-то шаги. Онъ обернулся и увидалъ Антипа Ильича.

— Отче Антипій! — крикнулъ онъ ему: — ты видишь ли эту комету?

— Вижу! — отвѣчалъ старикъ.

— Что она такъ глазѣетъ и отчего у нея такой красный хвостъ?

Антипъ Ильичъ посмотрѣлъ своими кроткими глазами на свѣтило небесное и проговорилъ медленно:

— Видно, погибла чья-то душа неповинная.

— Чортъ знаетъ что такое: душа неповинная!... — воскликнулъ Ченцовъ: — а у меня такъ вотъ душа не невинная, а *винная!*

— Ваше дѣло! — отвѣтилъ старикъ и пошелъ было.

— Но куда же ты бѣжишь? — остановилъ его Ченцовъ.

— Егоръ Егорычъ нездоровы, — бѣгу въ ап-

теку! — доложилъ Антипъ Ильичъ и проворно ушелъ.

Что-то въ родъ угрызенія совѣсти отозвалось въ душѣ Ченцова: онъ, почти угадывая причину болѣзни дяди, въ которой и себя отчасти считалъ виноватымъ, подумалъ-было зайти къ Егору Егорычу, но не сдѣлалъ этого, — ему стыдно показалось явиться къ тому въ пьяномъ видѣ!

Предчувствіе Антона Ильича, какъ оказалось это спустя уже десятки лѣтъ, почти-что было вѣрно. Въ то самое Крещеніе, съ котораго я началъ мой рассказъ, далеко-далеко, болѣе чѣмъ на тысячеверстномъ разстояніи отъ описываемой мною мѣстности, въ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ, случилось такого рода происшествіе: поутру передъ волоковымъ окномъ мѣщанскаго домика стояло двое нищихъ, — одинъ старикъ и, повидимому, слѣпой, а другой — его жолакъ — молодой съ лицомъ, залѣпленнымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пластырями. Оба ниціе въ одинъ голосъ вопили: «Подайте, Христа-ради, слѣпому, убогому!» Въ это время на крыльцѣ присутственныхъ мѣсть, бывшихъ какъ разъ противъ мѣщанскаго домика, появился чей-то молодой, должно быть, прикащикъ въ мерлушечьемъ тулупчикѣ и валеныхъ сапогахъ. Другой молодецъ и тоже, должно быть, прикащикъ, проходившій по тротуару, окликнулъ его:

— Зачѣмъ ты это, Вася, тамъ былъ?

— Плакатный выправлялъ!... вечеромъ въ Нижній ѣду... расчетъ дѣлать хозяинъ посылаетъ! — сказалъ Вася, сходя съ лѣстницы и пойдя съ товарищемъ вмѣстѣ по улицѣ.

— И много, Вася, денегъ везешь? — спрашивалъ тотъ.

— Уйму, братецъ!... уйму!... ажно страшно!... — отвѣчалъ Вася.

— Ничего!... важивалъ, вѣдь, прежде! — успокоивалъ его товарищъ.

Нищіе, и особенно молодой изъ нихъ, замѣтно прислушивались къ этому разговору. Изъ волоковаго окна между тѣмъ выглянуло, заплывшее жиромъ, сизо-багровое лицо какой-то женщины, вторая толстой и до плеча голой рукой подала имъ огромный кусище пирога и проговорила при этомъ:

— Не посятуйте, родимые!... чѣмъ богаты...

Пробурчавъ что-то такое на это, молитву или благодарность, старикъ засунулъ пирогъ въ свою и безъ того ужъ биткомъ набитую суму и вмѣстѣ съ жожакомъ пошелъ далѣе христарадничать по улицѣ, а затѣмъ они совсѣмъ вышли изъ города и скрылись за ближайшимъ лѣскомъ.

На другой день Крещенія, поздно вечеромъ и именно въ тотъ самый часъ, когда Ченцовъ разговаривалъ съ Антипомъ Ильичемъ объ кометѣ, въ крошечную спальню доктора Сверстова, служившаго въ связанномъ городишкѣ уѣзднымъ врачомъ, вошла его пожилая, сухопарая супруга съ стрыми, но лишенными блеска глазами и съ совершенно плоскою грудью.

— Сергѣй Николаевичъ, Сергѣй Николаевичъ! — проговорила она, осторожно будя мужа: — отъ правника къ тебѣ разсылный: тѣло надобно завтра поднимать какого-то убитаго!...

Докторъ сейчасъ же поднялся на своей постели.

Всякій живописецъ, всякій скульпторъ пожелалъ бы рисовать или лѣпить его фигуру, какою она явилась въ настоящую минуту: курчавая голова доктора, слегка сѣдоватая, была включена до послѣдней степени; рубашка разстегнута; сухія ноги его живописно спускались съ кровати. Всей этой наружностью своей онъ болѣе напоминалъ како го-нибудь художника, чѣмъ врача.

— Тѣло?... А когда же всѣ выѣзжаютъ? — переспросилъ докторъ жену.

— Завтра утромъ, — отвѣчала она.

— Хорошо, скажи только фельдшеру, чтобы онъ заблаговременно приготовилъ мнѣ инструменты, — проговорилъ докторъ.

— Приготовимъ! — сказала докторша и, нѣсколько величественной походкой выйдя изъ спальни мужа, прошла къ себѣ тоже въ спальню, гдѣ, впрочемъ, она сгала еще вязать шерстяные носки. Докторъ же улегся снова въ постель; но тревожимый разными соображеніями по предстоящему для него дѣлу, не заснулъ и проворочался до раннихъ обѣдней, пока за нимъ не заѣхалъ исправникъ, съ которымъ онъ и отправился на мѣсто происшествія.

Госпожа Сверстова, или какъ издавна и странно называлъ ее мужъ, *gnädige Frau*, желая тѣмъ выразить глубокое уваженіе къ ней, оставшись дома одна, забыла даже пообѣдать и напилась только ячменнаго кофею. Она, какъ нѣмка по рожденію и воспитанію, конечно, съ гораздо большимъ бы удовольствіемъ вкушала мовко, но тотъ былъ слинкомъ дорогъ, а потому она пріучила себя къ нашему русскому, хлѣбному кофею, который, кромѣ своей

дешевизны, былъ, какъ она полагала, полезенъ для ея слабой груди. Почтенную даму сію, какъ и самого доктора, беспокоила мысль, чтобы не произошло пререканій между супругомъ ея и членами полиціи, что случалось почти при поднятіи каждаго трупа скоропостижно умершаго или убитаго. Члены полиціи имѣли постояннымъ правиломъ своимъ по дѣламъ этого рода дѣлать срывы съ кого только возможно; но Сверстовъ, никогда ни по какому дѣлу не бравшій ни копѣйки, страшно возставалъ противъ такихъ поборовъ и не доносилъ о томъ по начальству единственно изъ чувства товарищества, такъ какъ и самъ былъ все-таки чиновникъ. Домой онъ въ этотъ разъ не возвращался до поздней ночи. Gnädige Frau начала все болѣе и болѣе волноваться; наконецъ, раздавшіеся исправническіе колокольцы возвѣстили о прибытіи Сверстова. Онъ прямо прошелъ въ свою спаленку и сѣлъ тамъ за ужинъ, еще заранѣе накрытый ему предупредительною супругою и который обыкновенно у него состоялъ изъ щей съ бараниной, гречневой каши съ свинымъ саломъ и графинчика водки. Все это gnädige Frau подала мужу собственноручно и изъ того, что онъ прежде всего выпилъ сряду три рюмки водки, она заключила, что Сверстовъ былъ сильно не въ духѣ.

— Кого это убили? — спросила она, садясь съ боку стола.

— Ивана Селиверстова сына, — милѣйшій, прелестный мальчикъ!... — воскликнулъ докторъ и принялся жадно хлѣбать щи: бывая на слѣдствіяхъ, онъ ниеогда почти тамъ ничего не ѣлъ, чтобы

избѣжать поклеповъ въ опиваніи и объѣданіи обывателей.

— За что же и кто его убилъ? — продолжала разспрашивать gnädige Frau.

— Вѣроятно, изъ-за денегъ! Говорятъ, онъ вхалъ съ уплатой отъ хозяина, — этого сквалыги Турбина... тысячъ пятьдесятъ везъ!

— Ахъ, эти купцы русскіе, mein Gott, mein Gott!... — перебила мужа gnädige Frau: — и отчего они посылаютъ деньги не по почтѣ, а съ прикащиками, понять этого я не могу.

— Думаютъ, что на почтѣ пропадутъ ихъ деньги, — дичь! — подхватилъ Сверстовъ и выпилъ еще рюмку водки.

Въ глазахъ gnädige Frau промелькнуло неудовольствіе. Для нея было большимъ горемъ, что докторъ такъ любилъ эту гадкую русскую водку. Дѣло въ томъ, что она вступила въ бракъ со Сверстовымъ уже вдовою; въ первомъ же замужествѣ была за лютеранскимъ пасторомъ въ Ревелѣ, который тоже пилъ и довольно много, но только благородное баварское пиво, выписываемое имъ бочками изъ-за границы. Тщетно gnädige Frau убѣждала своего втораго супруга пить тоже пиво, но онъ въ одномъ только этомъ случаѣ не слушался ея и предпочиталъ наше простое, пѣнное всѣмъ другимъ ниткамъ.

— Но гдѣ же найденъ убитый? — снова принялась она разспрашивать.

— Верстахъ въ пятнадцать отсюда и знаешь, какъ спуститься съ горы отъ Афанасьева къ рѣчкѣ,

на мосту онъ и лежитъ съ необыкновенно кроткимъ и добрымъ выраженіемъ въ лицѣ, — эхъ!...

И при этомъ восклицаніи Сверстовъ закинулъ свою курчавую голову назадъ и потрясъ ею.

— Его непремѣнно зарѣзали бритвой, — рассказывалъ онъ далѣе: — вообрази, артерія *carotis* на шеѣ перехвачена пополамъ, хоть бы мнѣ такъ отпрепарировать моимъ анатомическимъ ножомъ... Говорю это моимъ сотоваришамъ по дѣлу... говорю: если бритвой, такъ его непремѣнно убилъ человѣкъ, который брѣтется и который еще будетъ бриться, потому что онъ бритву не бросилъ, а унесъ съ собой!... Въ толкъ ничего взять не могутъ; но ихъ, это начудили мужики изъ села Волжина, и понимаешь, какая тутъ подлая подкладка? Въ Волжинѣ мужики все богатые, и нельзя ли кого-нибудь изъ нихъ притянуть къ дѣлу! Они хуже этихъ подорожныхъ разбойниковъ... хуже!... Тѣхъ, хоть недалеко вотъ тутъ, по сосѣдству, на каторгу ссылаютъ, а этимъ что?... живутъ себѣ и благоденствуютъ!

— Но кто везъ этого молодого прикащика? — любопытствовала *gnädige Frau*.

— Одинъ онъ ѣхалъ, на хозяйской лошади, чтобы оставить ее въ селѣ Волжинѣ и взять оттуда сдаточныхъ...

— А лошадь гдѣ же?... съ нимъ на мосту?

— Никакой нѣтъ лошади!... Убийцы, вѣроятно, на ней и ускакали!...

— Но за ними слѣдовало бы сейчасъ же погнаться.

— Погнались теперь и самъ становой Турбинъ!...

— Не теперь бы, а еще вчера это слѣдовало!— говорила все съ большимъ и большимъ одушевленіемъ gnädige Frau: о, она была дама энергическая и прозорливая, сумѣла бы найтись во всякихъ обстоятельствахъ жизни!

— Слѣдовало-бы,—согласился съ ней и мужъ:— но поди ты,—развѣ имъ до того? Полиція наша только и ладитъ какъ-бы взятку сорвать, а Турбинъ этотъ съума совсѣмъ снятилъ: вретъ что-то и болтаетъ о своихъ деньгахъ, а что человекъ изъ-за него убили,—это ему ничего!

— Купецъ русскій, — замѣтила съ презрѣніемъ gnädige Frau: она давно и очень сильно не любила торговыхъ русскихъ людей за то, что они дѣйствительно многократно обманывали ее и особенно при продажѣ дамскихъ матерій, которыя чрезъ недѣлю же у ней, при всей бережливости въ носкѣ, дѣлались тряпки-тряпками; тогда какъ, — gnädige Frau безъ чувства не могла говорить объ этомъ,—тогда какъ платье, которое она сшила себѣ въ Ревелѣ изъ голубаго камлота еще передъ свадьбой, было до сихъ поръ новешенько.

— У меня одно екнуло въ сердцѣ,—воскликнулъ вдругъ Сверстовъ:—что я, и никто другой, какъ я, рано-ли, поздно-ли, но отыщу убійцу этого мальчишка!

— Помоги тебѣ Богъ!—сказала gnädige Frau и, взявъ со стола прежде всего водку, а потомъ и тарелки, унесла всю эту утварь въ кухню.

— Ты ляжешь спать?—сказала она, возвратясь къ мужу и видя, что онъ сидитъ, облокотясь на столъ, мрачный и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то восторженный.

— Нѣтъ, я писать еще буду!—проговорилъ онъ.

— Что?...—спросила gnädige Frau, имѣвшая привычку знать все, что предпринималъ мужъ.

— Письмо!...

— Къ кому?

— Послѣ скажу!... Завтра потолкуемъ объ этомъ; а то я растеряю нить моихъ мыслей.

Gnädige Frau поняла справедливость словъ мужа и окончательно ушла въ свою комнату, а Сверстовъ тотчасъ принялся писать предполагаемое имъ письмо, окончивъ которое, онъ не медля-же загасилъ свѣчу, хлопбынулся на свою постель и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Утромъ-же слѣдующаго дня, когда gnädige Frau, успѣвшая еще въ Ревелѣ отучить мужа отъ чаю и приучить пить кофе, принесла къ нему въ спальню кофейникъ, чашку и баранки, онъ пригласилъ ее сѣсть на обычное мѣсто около стола и съ нѣкоторою торжественностію объявилъ:

— Я написалъ нашему высокопочтенному Егору Егорычу Марейну письмо!

— О чемъ? — спросила gnädige Frau кратко, но довольно благосклонно.

— Слушай!—отвѣтилъ ей докторъ и началъ читать самое письмо:

«Солнце мое, свѣтъ очей моихъ, Егоръ Егорычъ! Вы первый и больше всѣхъ учили меня покорности Провидѣнію, и я тщился быть такимъ; но призываю Бога во свидѣтели: чаша терпѣнія моего переполнилась. Что я нагъ и босъ,—я никогда не ропталъ на то, какъ не роптала и моя gnädige Frau: людямъ, которымъ лишь нужно пронять себя и прикрыть»

свое тѣло, немного надо. Но есть, великій учитель мой, вещи не по силамъ нашей душѣ и нашему самоуваженію. Помня, что мы образъ Бога на землѣ, — жить посреди повальнаго взяточничества, которое совершается непотаенно и передъ трупомъ убитаго, и передъ одромъ умирающаго и голодающаго въ больницѣ, и передъ живымъ тѣломъ бѣднаго рекрута — непереносимо. Предчувствую, что вы, по вашей высокой мудрости, подумаете, что съ грѣхопаденіемъ человѣка вездѣ тако; и гдѣ-же ты, куда спасешься?... Знаю, великій учитель, что вездѣ; но только не близъ васъ, не въ вашемъ Вилеемѣ, не въ вашей больницѣ, въ которую я просилъ-бы васъ взять меня въ качествѣ доктора. На сколько я врачъ искусный, не мое дѣло судить; но скажу, не смиренствуя лукаво, что я врачъ милосердный и болѣющій о своихъ больныхъ, а любовь и болѣнье о ближнемъ, вы сами неоднократно преподавали, подсказываютъ многое человѣку. Не дальше, какъ сегодня, я былъ свидѣтель... но нѣтъ, языкъ мой нѣмѣетъ передавать вамъ и возмущать вашу чистую душу рассказами о непотребствахъ людей. Вы мнѣ и безъ того повѣрите и, какъ милостивый самарянинъ, поспѣшите перевязать мои служебныя раны и доставите мнѣ блаженство лично узрѣть васъ и жить около васъ».

«Глубоко преданный вамъ *Lupus*».

Gnädige Frau выслушала все письмо съ полнѣйшимъ вниманіемъ, и ясно было, что ее въ немъ нѣчто смущало.

— По моему, — начала она своимъ суховатымъ голосомъ: — твоя просьба можетъ стѣснить Егора Егорыча.

— Какимъ образомъ?—произнесъ съ удивленіемъ Сверстовъ, которому и въ голову не приходила подобная мысль.

— Такимъ образомъ, что Егоръ Егорычъ долженъ будетъ назначить тебѣ жалованье, а это увеличить расходы его на больницу, которая и безъ того ему дорого стоитъ!

Замѣчаніе жены на мгновеніе смутило доктора, но потомъ лицо его снова просіяло.

— А зачѣмъ мнѣ жалованье?—возразилъ онъ:— пусть Егоръ Егорычъ дастъ намъ только комнатку, а у него ихъ сорокъ въ деревенскомъ домѣ, и тотъ обѣдецъ, которымъ онъ дворню свою кормить, и кормить, я знаю, отлично!

— Но какъ-же намъ быть совсѣмъ безъ копѣйки денегъ своихъ? что ты за глупости говоришь?—произнесла ужь съ неудовольствіемъ gnädige Frau.

— Деньги я заработаю на практикѣ, которая, вѣроятно, будетъ у меня тамъ! — фантазировалъ докторъ.

Gnädige Frau сомнительно покачала головой: она очень хорошо знала, что если-бы Сверстовъ и нашелъ тамъ практику, такъ и то, любя больше лечить или бѣдныхъ, пли въ дружественныхъ ему домахъ, немного-бы приобрѣлъ; но, съ другой стороны, для нея было несомнѣнно, что Егоръ Егорычъ согласится взять въ больничные врачи ея мужа не иначе какъ съ жалованьемъ, а потому gnädige Frau, деликатная и честная до щепетильности, сочла для себя нравственнымъ долгомъ посовѣтовать Сверстову прибавить въ письмѣ своемъ, что, буде Егоръ Егорычъ хоть сколько-нибудь найдетъ неудобнымъ учреж-

дать должность врача при своей больницѣ, то, Бога ради, и не двалалъ-бы того.

— Это вотъ хорошо, отлично!... Умница ты у меня!...—воскликнулъ Сверстовъ и, въ постскриптумѣ написавъ слово въ слово, что ему приказывала жена, спросилъ ее:

— Въ такомъ видѣ, значитъ, отправлять письмо можно?

— Можно,—разрѣшила ему gnädige Frau.

Въ благодарность за такое позволеніе Сверстовъ поцѣловалъ жену. Она, въ свою очередь, тоже довольно нѣжно чмокнула его.

Изъ всей этой сцены читатель, конечно, убѣдился, что между обоими супругами существовали полное согласіе и любовь, но я долженъ сказать еще нѣсколько словъ и объ ихъ прошедшемъ, которое было не безъ поэзіи. Сверстовъ, начиная съ самой первой школьной скамьи,—бѣдный бурсакъ, по натурѣ своей совершенно непрактическій, но бойкій на слова, очень способный къ ученью, по выходѣ изъ медицинской академіи, какъ одинъ изъ лучшихъ казенно-коштныхъ студентовъ, былъ назначенъ флотскимъ врачомъ въ Ревель, куда пріѣхавъ, нанялъ себѣ маленькую комнату со столомъ у моложавой вдовы-пасторши Эмилии Клейнбергъ и предпочелъ эту квартиру другимъ съ лукавою цѣлью усовершенствоваться, при разговорахъ съ хозяйкою, въ нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ онъ былъ отчасти слабъ. Объ этомъ намѣреніи онъ сказалъ съ первыхъ-же словъ молодой хозяйкѣ, которая ничего не возразила на его желанія, а, напротивъ, изъявила полную готовность. Ученье началось быстро и успѣшно; сначала настав-

ница и ученикъ говорили по-нѣмецки, разумѣется, объ обыденныхъ предметахъ, а потомъ разговоръ ихъ сталъ переходить и на нравственные, сердечные вопросы. Все это разрѣшилось тѣмъ, что Сверстовъ и пасторша воспылали другъ въ другу пламенною страстью, которую они не замедлили скрѣпить брачными узами. Тутъ молодой врачъ съ искреннимъ удовольствіемъ увидалъ, что его жена не только *gnädige Frau*, но и много-свѣдущая масонка, благодаря покойному пастору, бывшему сильнымъ дѣятелемъ ложи *строгю наблюденія*, который старался передать молодой женѣ главныя догмы масонства и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомилъ ее съ разными нѣмецкими и русскими масонами. Достаточно было двухъ-трехъ задушевныхъ бесѣдъ между супругами, чтобы Сверстовъ, слыхавшій еще прежде таинственные рассказы о масонствѣ и всегда его представлявшій себѣ чѣмъ-то высоко-нравственнымъ, потребовалъ отъ жены сдѣлать его масономъ. *Gnädige Frau* было отъ радно и очень легко, по ея связямъ, исполнить это. Сверстовъ оказался рьянымъ *ищущимъ*, такъ что весьма скоро его приняли *ученикомъ* въ одну изъ московскихъ масонскихъ ложъ, гдѣ потомъ возвели въ степень *товарища*, а наконецъ, и *мастера*. За это-же время, пріѣзжая раза два въ годъ въ нѣжно-любимую имъ Москву для присутствованія въ собраніяхъ своей ложи, онъ познакомился съ Егоромъ Егорычемъ Марейнымъ, который сразу сталъ ему близкимъ другомъ и наставникомъ. Между тѣмъ для масонства наступала крутая пора, и Сверстовъ вдругъ, по распоряженію высшаго начальства, переведенъ былъ на службу изъ многолюднаго и ци-

визированнаго Ревеля совсѣмъ на востокъ Россіи, въ маленькій, полудикій уѣздный городишко, въ видахъ акп-бы наказанія за строптивый и непокорный характеръ передъ старшимп. Gnädige Frau, не желая еще болѣе разстраиать мужа, и безъ того рвавшаго на себѣ волосы отъ учиненной съ нимъ несправедливости, дѣлала видъ, что такая перемѣна для нея ничего не значитъ, хотя въ душѣ она глубоко страдала. Какъ-бы то ни было, оба супруга покорились своей участи и переѣхали въ свою ссылку, въ которой прожили теперь около десяти уже лѣтъ, находя себѣ единственное развлеченіе въ чтеніи и толкованіи библіи, а также и внимательномъ изученіи французской книги Сень-Мартена: «Des erreurs et de la vérité». Но всему-же, наконецъ, бываетъ предѣлъ на свѣтѣ: Сверстову, болѣе чѣмъ когда-либо расорившемуся на послѣднемъ слѣдствіи съ исправникомъ и становымъ, точно свыше ниспосланная, пришла въ голову мысль написать своему другу Маршину письмо съ просьбою спасти его отъ казенной службы, что онъ, какъ мы видѣли, и исполнилъ, и пока его посланіе довольно медленно проходило тысячеверстное пространство, Егоръ Егорычъ, пожалуй, еще болѣе страдалъ, чѣмъ ученикъ его. Главною причиною его мученій, конечно, было то, что онъ на свой запросъ Людмилѣ получилъ отъ адмиральши отвѣтъ почти черезъ недѣлю. Старуха нетвердымъ и неразборчивымъ почеркомъ писала ему:

«Cher ami!

Je vous prie de venir chez moi à sept heures; je

me sens si malheureuse, que je ne puis rien vous dire de plus. Je vous attends donc.

«Votre dévouée.»

Марейнъ понялъ, въ чемъ состояло несчастіе адмиральши, будучи убѣжденъ, что она собственно желала выдать Людмилу за него, но та, вѣроятно, не согласилась, на этотъ бракъ. Какъ ни тяжело было для Егора Егорыча такое предположеніе, но, помня слова свои изъ письма къ Людмилѣ, что отказъ ея онъ приметъ какъ спасительный для него урокъ, онъ не позволилъ себѣ волноваться и кипятиться, а, тихо и молча дождавшись назначеннаго ему часа, поѣхалъ къ Рыжовымъ. Въ хаотическомъ домѣ Егоръ Егорычъ засталъ полнѣйшую тишину, и, встрѣченный оборваннымъ лакеемъ, онъ, по указанію того, прошелъ къ Юліи Матвѣевнѣ въ холодную и слабо освѣщенную двумя сальными свѣчами гостиную. Постукивая своими небольшими каблучками и стараясь, попрежнему, сохранить присутствіе духа, Егоръ Егорычъ раскланялся съ адмиральшей, которая сидѣла на среднемъ диванѣ и, при появленіи гостя, успѣшила понюхать изъ держимой ею въ рукахъ склянки съ одеколономъ.

Разговоръ начался между ними не скоро. Марейнъ, помѣстившійся невдалекѣ отъ хозяйки, держалъ голову потупленною внизъ, а адмиральша робко взглядывала на него, какъ-будто-бы она что-то такое очень дурное совершила и намѣрена еще совершить противъ Егора Егорыча. Пересиливъ себя, впрочемъ, адмиральша заговорила первая, запинаясь нѣсколько на словахъ:

— Я вамъ не писала долго... потому это... что ничего и не знала... Людмила такая... сдѣлалась послѣднее время... нелюдимка и странная!

И при этомъ она, по своему обыкновенію, развела съ удивленіемъ руками.

Марейнъ молчалъ и не поднималъ головы.

— Но сегодня,—продолжала адмиральша:—Людмила мнѣ сказала, что получила отъ васъ... въ племѣ... предложеніе на бракъ, но что пока... она... не можетъ принять его.

Адмиральша тутъ солгала: Людмила прямо ей сказала, что она никогда не согласится на бракъ съ Марейнымъ, точно также какъ и ни съ кѣмъ другимъ.

Марейнъ продолжалъ упорно молчать.

— Но вы поймите, какой это ударъ для меня!.. Я только объ этомъ и мечтала! — объяснила далѣе адмиральша, и слезы текли уже по ея щекамъ.

— Успокойтесь, успокойтесь!—забормоталъ, наконецъ, Марейнъ, хоть и самъ тоже замѣтно беспокойный: — мы съ вами, можетъ быть, виноватѣе другихъ!.. Старость не способна понимать молодость.

— Ахъ, конечно, конечно!..—воскликнула обрадованнымъ голосомъ адмиральша, видѣвшая, что ея дорогой другъ не очень на нее разсердился.

— Мы съ вами виноваты, а не Людмила,—повторилъ Марейнъ и, вставъ, мотнулъ въ знакъ прощанія головой адмиральшѣ.

Она была до крайности поражена такой поспѣшностью ея друга, но останавливать его не посмѣла, и Егоръ Егорычъ, проворно уйдя отъ нея и порывисто накинувъ себѣ на плечи свою медвѣжью шубу, уѣхалъ домой и снова заперся почти на замокъ отъ

всѣхъ. Напрасно къ нему прїѣзжали сенаторъ, губернаторъ, губернской предводитель, написавшій сверхъ того Егору Егорычу письмо, спрашивая, что такое съ нимъ,—на все это Антипъ Ильичъ, по приказанію барина, вкраткѣ отвѣчалъ, что господинъ его боленъ, не можетъ никого принимать и ни съ кѣмъ письменно сноситься; но когда пришло къ Егору Егорычу письмо отъ Сверстова, онъ какъ-бы ожилъ и велѣлъ себѣ подать обѣдъ, питаясь до этого однимъ только чаемъ съ просфорой, которую ему, съ вынужденіемъ за здравіе, каждое утро Антипъ Ильичъ приносилъ отъ обѣдни.

Отвѣтъ своему другу Егоръ Егорычъ написалъ въ тотъ же день, и онъ былъ слѣдующаго содержанія:

«Сердечно-любимый братъ!

«Вы не ошиблись, что я поспѣшу къ вамъ на помощь и приму васъ къ себѣ съ распростертыми объятіями, о чемъ мнѣ, сознаюсь теперь съ великимъ стыдомъ, приходило неоднократно на мысль; но недостаточно еще, видно, воспитанное во мнѣ соболѣзнованіе о ближнемъ, тѣмъ паче о такомъ ближнемъ, какъ вы, разсѣвало мое духовное представленіе о вашемъ житьѣ-бытьѣ и не дѣлало удара на мою волю вашимъ братскимъ молоткомъ. Дивлюсь тому и укоряю себя еще болѣе, что я самолично, хотя и не служу, но зрю всюду вокругъ себя и вѣдаю ваши служебныя раны. Мой домъ, мѣсто доктора при больницѣ, съ полнымъ содержаніемъ отъ меня вамъ и вашей супругѣ, съ платою вамъ тысячи рублей жалованья въ годъ съ того момента, какъ я сѣлъ за сіе письмо, готовы къ вашимъ услугамъ, и ежели вы называете

меня вашимъ солнцемъ, такъ и я васъ именую взаимно тѣмъ-же оживляющимъ свѣтиломъ, на подвигѣ котораго будетъ стоять, при личномъ моемъ свиданіи съ вами, освѣтить и умиротворить мою бѣдствующую и грѣшную душу. Я завтра-жеуѣзжаю въ Кузьмищево.

«Firma rupes».

Какъ свазалъ Егоръ Егорычъ въ своемъ письмѣ, такъ и сдѣлалъ, и на другой день дѣйствительно усккалъ въ свое Кузьмищево.

VIII.

На масляницѣ губернское общество было взволновано извѣстіемъ о новомъ официальномъ балѣ, который намѣренъ былъ дать сенаторъ обществу за оказанное ему гостепріимство. Дамы, разумѣется, прежде всего обезпокоились о нарядахъ своихъ, ради которыхъ не безъ мелодраматическихъ еценъ, конечно, принялись опустошать карманы своихъ супруговъ или родителей, а мужчины больше толковали о томъ, кто былъ именно приглашенъ сенаторомъ и кто нѣтъ, и по точному счету оказалось, что приглашенные были по преимуществу лица не враждовавшія противъ губернатора, а враги его, напротивъ, почти всѣ были не позваны. Губерискій предводитель, впрочемъ, былъ однимъ изъ первыхъ, получившихъ приглашеніе. Сѣздъ назначенъ былъ къ 9 часамъ. Раньше другихъ на балъ пріѣхалъ губернаторъ и не съ семействомъ своимъ, а съ племянницей — мадаме Клавской, разодѣтой, по тогдашнему

времени, шикознѣйшимъ образомъ. Сенаторъ встрѣчалъ гостей своихъ у входныхъ дверей въ танцевальную залу, привѣтствуя съ большимъ тактомъ и тонкимъ отличіемъ каждаго. Губернатору, напиримѣръ, онъ изъявилъ сожалѣніе, что супруга того не пріѣхала, вѣроятно, по нездоровью. Въ отвѣтъ на это губернаторъ что-то такое промывчалъ. Передъ Клавской графъ склонилъ голову и проговорилъ:

— Вы сегодня прелестивѣе, чѣмъ когда-либо!

Madame Клавская отвѣтила ему нѣжной улыбкой и величественно пошла по залѣ, помахивая опахаломъ на свою немножко черезчуръ раскрытую грудь, и для чего она это дѣлала—неизвѣстно, потому что въ залѣ даже было холодно. Ченцовъ появился на балѣ одновременно съ молодыми сенаторскими чиновниками, разодѣтыми какъ лондонскіе дэнди. Онъ самъ, не менѣе франтовато одѣтый и болѣе всѣхъ молодцоватый и видный, былъ съ ними со всѣми на «ты», называя ихъ нѣсколько покровительственнымъ тономъ «архивными юношами»; причемъ тѣ, будучи чистокровными петербуржцами, спрашивали его:

— А что это за чучелы такія, эти архивные юноши?

— А такіе-же, какъ и вы, ухаживатели за разными скучающими Татьянами!..—не полѣзъ въ карманъ за словомъ Ченцовъ.

— Здравствуйте, левъ нашъ! — вздумалъ было слегка подтрунить надъ нимъ сенаторъ, до котораго ужъ доходили слухи, что Ченцовъ чортъ знаетъ что такое рассказываетъ про него и про madame Клавскую.

— У васъ дамой-хозяйкой будетъ Лукерья Се-

меновна? (имя Клавской)—спросилъ ему въ отвѣтъ Ченцовъ, будто-бы бывшій ужасно этимъ беспокоимъ.

— Она, — отвѣтилъ сенаторъ и, обративъ все свое вниманіе на вошедшаго съ дочерью губернскаго предводителя, рассыпался передъ нимъ въ любезностяхъ, на которыя Крапчикъ отвѣчалъ довольно сухо; мало того: онъ, взявъ съ нѣскольکو армейскою грубостью графа подъ руку, отвелъ его въ сторону и проговорилъ:

— Я, ваше сіятельство, получилъ сегодня поутру отъ васъ бумагу съ жалобой на меня раскольника Ермолаева.

— Да, да! — подтвердилъ смѣясь сенаторъ.

— Что-же это, вопросные пункты, что-ли, для меня? — продолжалъ явно озлобленнымъ тономъ Крапчикъ.

— О, нѣтъ, mon cher!.. comment vous pouvez croire cela!.. — воскликнулъ сенаторъ, вовсе не подозревая, что Крапчикъ ни одного звука не понималъ по-французски.

Звѣздкинъ, стоявшій не вдалекѣ отъ сенатора, успѣшилъ подойти къ нему и вмѣшался въ разговоръ.

— Графу нужно знать ваше мнѣніе по поводу этого прошенія, — сказалъ онъ.

— Но въ прошеніи упомянуто этимъ — извините вы меня — мерзавцемъ хлыстомъ и объ архіереѣ здѣшнемъ!.. и у того, можетъ быть, вы будете спрашивать мнѣнія? — проговорилъ не безъ насмѣшки Крапчикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кидая сердитые взгляды на правителя дѣлъ.

— И преосвященнаго спросимъ, — отвѣчалъ тотъ

совершенно спокойно и съ явнымъ сознаниемъ своего достоинства.

Сенатору насвучило слушать ихъ служебныя препирания, и онъ съ ласковой улыбкой сталъ оглядывать прочее общество.

Катринь, между тѣмъ, замѣтивъ Ченцова, поспѣшно и съ радостнымъ лицомъ устремилась къ нему.

— Вы, надѣюсь, танцуете со мной?—сказала она.

— Танцую!.. — пропзнесъ протяжно и какъ-бы нехотя Ченцовъ.

Въ числѣ вновь прибывавшихъ гостей пріѣхала, наконецъ, и адмиральша съ своими красочками. О, сколько безпокойствъ и хлопотъ причинилъ старушкѣ этотъ вывозъ дочерей: свѣжаго, новаго бальнаго туалета у барышенъ не было, да и денегъ, чтобы сдѣлать его, не обрѣталось; но привезти на такой блестящій балъ, каковой предстоялъ у сенатора, молодыхъ дѣвушекъ въ тѣхъ-же платьяхъ, въ которыхъ онѣ являлись на нѣсколькихъ балахъ, было-бы рѣшительно невозможно, и бѣдная Юлія Матвѣевна, совсѣмъ почтивъ истерикъ, объѣздила всѣхъ мѣстныхъ модистовъ, умоляя ихъ сшить дочерямъ ея наряды въ долгъ; при этомъ сопровождала ее одна лишь Су-санна, и не ради туалета для себя, а ради того, чтобы Юлія Матвѣевна какъ-нибудь не умерла дорогой.

Первую кадрили сенаторъ лично своей особой танцевалъ съ madame Клавской. Катринь, рассчитывавшая на Ченцова, попыталась повторить ему:

— Я съ вами танцую!

— Вторую кадрили, — отвѣтилъ онъ ей небрежно.

Оказалось, что первую кадрили Ченцовъ танцевалъ съ Людмилой, которая была на себя не похожа:

она похудѣла, подурнѣла, имѣла какой-то странный цвѣтъ лица.

— Вы больны?—спросилъ ее Ченцовъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Ужасно больна! — сказала Людмила: — я не знаю, что такое со мной: у меня головокруженіе... я ничего ѣсть не могу...

Ченцовъ закусилъ себѣ губы и, отвернувшись отъ Людмилы, началъ смотрѣть на Катринъ, которая, видимо уничтоженная и опечаленная, танцевала съ однимъ изъ самыхъ щеголеватыхъ сенаторскихъ чиновниковъ, но говорить съ своимъ кавалеромъ не могла и, только отчасти вознаграждена была, танцуя вторую кадрили съ Ченцовымъ, съ которымъ она тоже мало говорила, но зато вѣжливо пожимала ему руку, чувствуя при этомъ, что онъ хотъ продолжалъ кусать себѣ усы, но отвѣчалъ ей тоже пожатіемъ.

Рыжовы, такъ какъ Людмилѣ сдѣлалось очень ужъ нехорошо, оставались не долго на балу, а вмѣстѣ съ ними исчезъ и Ченцовъ. Что касается до губернскаго предводителя, то онъ, сохраняя мрачный видъ, пробылъ до конца бала. Катринъ, съ исчезновеніемъ Ченцова, нѣсколько разъ подходила къ отцу и умоляла его уѣхать. Крапчикъ не внималъ ей и все нѣкоторымъ преданнымъ ему лицамъ что-то такое негромко говорилъ или почти даже шепталъ. Преданные лица, въ свою очередь, выслушивали его: одни съ удивленіемъ, другія съ невеселыми лицами, а третьи даже какъ-бы и со страхомъ.

На другой день Крапчикъ, какъ только заблаговѣстили къ вечернѣ, ѣхалъ уже въ каретѣ шестернымъ съ фореиторомъ и съ саженымъ почти гайду-

комъ на запяткахъ въ загородный Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ имѣлъ свое пребываніе мѣстный архіерей Евгеній, аки-бы слушать ефимоны; но, увидавъ, что самого архіерея не было въ церкви, онъ, не достоявъ службы, послалъ своего гайдука въ покой ко владыкѣ спросить у того, можетъ-ли онъ его принять, и получилъ отвѣтъ, что владыка очень радъ его видѣть. Евгеній былъ архіерей, любимый дворянствомъ и самъ очень любившій дворянъ. Онъ не прямо изъ лавры поступилъ въ монашество, но лѣтъ десять профессорствовалъ и, только ужъ овдовѣвъ, постригся, а потому жизнь свѣтскую вѣдалъ хорошо; кромѣ того, по характеру, былъ человѣкъ общительный, умный, довольно свободномыслящій для монаха и при этомъ еще весьма ученый, особенно по части церковной исторіи. Наружность владыка имѣлъ пріятную: полноватый, несовершенно еще сѣдой, съ расчесанными бородой и волосами, въ шелковой темно-гранатнаго цвѣта рясѣ, съ кокетливо-навитыми на рукѣ янтарными четками, съ однимъ лишь докторскимъ крестомъ на груди, который тогда имѣли не болѣе какъ пять-шесть архіереевъ, онъ вышелъ въ остиную на встрѣчу къ Крапчику, который былъ во фракѣ и звѣздѣ, и, склонивъ нѣсколько голову, подошелъ къ благословенію владыки. Тотъ его правой рукой благословилъ, а лѣвой пожалъ ему руку, проговоривъ съ улыбкой:

— А ужъ чугуннаго перстенька больше не носите?

— Давно не ношу! — отвѣчалъ Крапчикъ, замѣтно сконфуженный этимъ вопросомъ.

Евгеній движеніемъ руки пригласилъ гостя садиться на кресло, а самъ сѣлъ на диванъ. Убранство

гостиной владыки, за исключеніемъ нѣсколькихъ уродливо-нарисованныхъ масляными красками портретовъ бывшихъ архіереевъ въ золотыхъ потемнѣвшихъ рамкахъ, все выглядывало весело и чисто. На краснаго дерева переддиванномъ столѣ горѣли двѣ восковыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, подъ которыми были подложены съ стеклярусными краями бумажные коврики. На всѣхъ трехъ диванахъ, стоявшихъ въ гостиной, лежали красивыя подушки. Все это, вѣроятно, было вышито чьей-нибудь благочестивой женской рукой.

— Что у васъ въ мірѣ происходитъ?.. трусъ, плачь и смятеніе?..— началъ владыка не безъ усмѣшки.

— Плачь и смятеніе!— отвѣчалъ Крапчикъ.

Владыка позвонилъ стоявшимъ на столѣ колокольчикомъ. Вошелъ служка въ длиннополомъ сюртукѣ. Владыко ничего ему не проговорилъ, а только указалъ на гостя. Служка понялъ этотъ знакъ и вынесъ губернскому предводителю чай, ароматическій запахъ котораго распространился по всей комнатѣ. Архіерей славился тѣмъ, что у него всегда подавался дорогой и душистый чай, до котораго онъ самъ былъ большой охотникъ. Крапчикъ, однако, отказался отъ чаю, будучи, видимо, чѣмъ-то озабоченъ.

— Я пріѣхалъ къ вашему преосвященству за совѣтомъ! — сказалъ онъ нѣсколько подобострастнымъ тономъ.

— Радъ служить, на сколько имѣю ума на то!..— отвѣчалъ архіерей.

— Вашему преосвященству, конечно, извѣстно, — продолжалъ Крапчикъ: — что послѣднее время въ нашей губерніи возникло нѣсколько дѣлъ о скопцахъ.

— Къ сожалѣнію, да, извѣстно!.. — отвѣчалъ Евгенийъ.

— Причиной тому былъ отчасти и я по тому случаю, что въ этомъ именно уѣздѣ, гдѣ скопцы начали открываться, есть у меня небольшая усадьба, подаренная мнѣ еще покойнымъ моимъ благодѣтелемъ, императоромъ Павломъ... Не бывая въ ней долгое время, я рѣшился, наконецъ, года три-тому назадъ вмѣстѣ съ дочерью провести тамъ лѣто; сосѣдніе дворяне, разумѣется, стали посѣщать меня и рассказываютъ мнѣ, что въ околоткѣ—то тутъ, то тамъ—начали появляться скопцы и, между прочимъ, одинъ небогатый помѣщикъ со слезами на глазахъ объявилъ, что у него въ имѣньицѣ найдено десять молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ тутъ не оказалось ничего—гладко!..

При этомъ губернскій предводитель показалъ себѣ на грудь.

Архіерей передвинулъ три-четыре бусинки на четкахъ и проговорилъ тономъ печали:

— Во второй ужъ, значить, чистотѣ онѣ были?

— Такъ, такъ!—подхватилъ Крапчикъ: — такъ онѣ и при слѣдствіи показывали, что были въ первой и во второй чистотѣ; но согласитесь, что нельзя-же мнѣ было, какъ губернскому предводителю, остаться тутъ бездѣйственнымъ... Думаю, если такъ будетъ продолжаться, то, чего добраго, у насъ заберутъ всѣхъ нашихъ крестьянъ, передерутъ ихъ плетями и сошлютъ въ Сибирь... Я вызываю исправника къ себѣ и говорю ему, что буду зорко слѣдить по этого рода дѣламъ за дѣйствіями земской полиціи, а потому заранѣе прошу его не ссориться со мной. Прииуг-

нуль, знаете, его немножко, а то корова-то ужь очень дойная: пожалуй, всё-бы закулены были, не исключая даже самого губернатора!..

На это владыка выразилъ наклоненіемъ головы согласіе: по своему направленію онъ тоже принадлежалъ къ партіи недовольныхъ начальникомъ губернии.

— И того не выключаю! — повторилъ Крапчикъ: — но такъ какъ господинъ губернаторъ тогда былъ еще со мной хорошъ и ему прямо на моихъ глазахъ совѣстно было обнаружить себя, то онъ и принялъ мою сторону — розыски дѣйствительно пошли очень сильные; но я этимъ не удовольствовался, и меня больше всего интересовало, кто-жь надъ этими несчастными дураками совершаетъ это?.. Оказывается, что всё они говорятъ, что ихъ изуродовалъ какой-то неизвѣстный странникъ, который проходилъ мимо и всёмъ имъ обѣщалъ царство небесное за то!.. Явно, что это выдумка и ложь, и мнѣ пришло въ голову поѣхать посоветоваться съ тамошнимъ почтмейстеромъ, умнѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, извѣстнымъ самому даже князю Александру Николаичу Голицыну... Онъ обо всёхъ этихъ ужасныхъ случаяхъ слышалъ и на мой вопросъ отвѣчалъ, что это, вѣроятно, дѣло рукъ одного раскольника-хлыста, Федота Ермолаева, богатаго маляра изъ деревни Свистова, который, — какъ извѣстно это было почтмейстеру по службѣ, — имѣетъ на крестьянъ сильное вліяніе, потому что, производя въ Петербургѣ по лѣтамъ сто-тысячные подряды, онъ зимой обыкновенно съѣзжаетъ сюда, въ деревню, и закабаливаетъ здѣсь всякаго рода рабочихъ, выдавая имъ на ихъ

нужды задатки, а съ весной уводитъ ихъ съ собой въ Питеръ; сверхъ того, въ продолженіе лѣта, высылаетъ черезъ почту домашнимъ этихъ крестьянъ десятки тысячъ,—воротило и кормилецъ, понимаете, всей округи... Мнѣ это предположеніе почтмейстера показалось правдоподобнымъ... Я передаю о томъ исправнику и совѣтую ему, чтобы онъ къ дѣлу о скопцахъ привлечь и этого хлыста... Исправникъ сначала-было поершился, но, видя мою настойчивость, вызвалъ Ермолаева, опросилъ его и посадилъ въ острогъ... Тогда является ко мнѣ священникъ изъ того прихода, гдѣ жилъ этотъ хлыстовщикъ, и сталъ мнѣ объяснять, что Ермолаевъ вовсе даже не раскольникъ, и что хотя судился по хлыстовщинѣ, но отрекся отъ нея и нынѣ усердный православный, что доказывается тѣмъ, что ежегодно изъ Петербурга онъ привозитъ удостовѣреніе о своемъ бытіи на исповѣди и у святаго причастія; мало того-съ: усердствуя къ ихъ приходской церкви, устроилъ въ оной на свой счетъ новый иконостасъ, выкрасилъ, позолотилъ его и украсилъ даже новыми иконами, и что, будто-бы, секта хлыстовъ съ скопческою сектою не имѣетъ никакого сходства, и что даже онѣ враждуютъ между собою.

Евгеній при этомъ усмѣхнулся и самодовольно погладилъ свою бороду: замѣтно было, что онъ давно и хорошо зналъ то, о чемъ предполагалъ говорить.

— Двѣ эти секты и во враждѣ и въ согласіи,—сказалъ онъ:—какъ часто это бываетъ между родителями и дѣтьми; все-таки, хлыстовщина прама-теръ скопчества.

— Но какимъ же образомъ, ваше преосвященство,—возразилъ Крапчикъ:—мнѣ вашъ общій съ вами знакомый, Егоръ Егорычъ Марейнъ, какъ-то разъ говорилъ, что скопцы у насъ были еще въ древности, а хлысты, рассказываютъ, не очень давно появились?

— Скопцы, дѣйствительно, у насъ были въ древности,—отвѣчалъ Евгеній:—и въ началѣ нынѣшняго тысячелѣтія занимали даже высшія степени нашей церковной іерархіи. Іоаннъ, митрополитъ кievскій, родомъ грекъ, и Еѳимъ, тоже кievскій митрополитъ, бывший до иночества старшимъ бояриномъ при князѣ Изяславѣ; но это были лица единичныя, случайныя!... Собственно-же какъ секта, скопчество явилось изъ христовщины или изъ хлыстовщины, какъ называютъ эту секту наши православные мужички!...

— Но я, ваше преосвященство, говоря откровенно, даже не знаю хорошенько, въ чемъ и сама-то христовщина состоитъ, а между тѣмъ-бы интересно было это для меня,—извините моей глупой любознательности.

Крапчикъ дѣйствительно былъ любознательнъ и любилъ всякое дѣло, какъ ищейка-собака, вынюхать до малѣйшей подробности и все потомъ внѣшнимъ образомъ запомнить.

— Напротивъ, — возразилъ ему владыка: — я очень радъ съ вами бесѣдовать. Хлыстовщина, по моему мнѣнію, есть одна изъ самыхъ невѣжественныхъ сектъ. Въ догматикѣ ея рассказывается, что Богъ Саваоѳъ, видя, что христіанство пало на землѣ отъ пришествія нѣкоего антихриста изъ мо-

нашескаго чина, разумѣя, безъ сомнѣнія, подъ этимъ антихристомъ патріарха Никона, сошелъ самъ на землю въ лицѣ крестьянина Костромской губерніи, Юрьевецкаго уѣзда, Данилы, или, какъ другіе говорятъ, Капитона Филипповича; а между тѣмъ въ Нижегородской губерніи, сколько мнѣ помнится, у двухъ столѣтнихъ крестьянскихъ супруговъ Сусловыхъ родился ребенокъ-мальчикъ, котораго ни попъ и никто изъ крестьянъ крестить и воспринять отъ купели не пожелали... Тогда старики Суслвы пошли бродить по разнымъ селамъ и деревнямъ, чтобы найти для сына своего духовнаго и крестнаго отца, и встрѣтился имъ на дорогѣ старецъ велій, боголѣпный, и это былъ именно Капитонъ Филипповичъ, который Сусловымъ окрестилъ ихъ сына, принялъ его отъ купели и нарекъ Іисусомъ Христомъ... Вслѣдъ за такого рода легендой молодой Сусловъ уже въ дѣйствительности является большимъ распространителемъ хлыстовщины въ Москвѣ.

Губернскій предводитель разводилъ только въ удивленіи руками.

— Нравственное же ихъ ученіе, кромѣ невѣжества, вредное,—продолжалъ разговарившійся владыка:—оно учить: вина не пить, на мірскія сходбища не ходить, посты постить, радѣнья, т. е. ихъ службы, совершать, а главное — холостымъ не жениться, а женатымъ разжениться...

— Но послѣднее, я полагаю,—замѣтилъ губернскій предводитель, нѣсколько потупляя глаза:—многихъ отъ ихъ толку должно было отклонять, потому что подобный подвигъ не всякому подъ-силу.

— А кому не подь-силу,—объяснилъ владыка,—тому дозволялось, по взаимной склонности, жить съ согласницей, ибо, по ихъ ученію, скверна токмо есть въ бракѣ, вакъ въ союзѣ, скрѣпляемомъ антихристовою церковію.

— Но какъ-же они поступали съ дѣтьми, которыя у нихъ, вѣроятно, все-таки рождались?—спросилъ Крапчикъ.

Евгеній нахмурился.

— Тяжело и рассказывать,—началъ онъ:—это что-то мрачное и изувѣрское. Дѣтей они весьма часто убивали, сопровождая это разными, придуманными для того, обрядами: ребенка, на примѣръ, рожденнаго отъ учителя и хлыстовки, они наименовали: *агнцемъ непорочнымъ*, и отецъ этого ребенка самъ закалывалъ его, тѣло-же младенца сжигали, а кровь и сердце изъ него высушивали въ порошокъ, который клали потомъ въ ихъ причастный хлѣбъ, и ересіархъ, раздавая этотъ хлѣбъ на радѣніяхъ согласникамъ, говорилъ, что въ хлѣбѣ семъ есть частица закланнаго агнца непорочнаго.

— Но неужели-же эти преступленія продолжаются и до сихъ поръ? — воскликнулъ губернский предводитель.

— Говорятъ, что нѣтъ, и что нынѣ они дѣтей своихъ или подкидываютъ кому-либо, или увозятъ въ города и отдаютъ въ воспитательные дома, — объяснилъ владыка.

— То-то-съ, нынче, кажется, это невозможно,—проговорилъ губернский предводитель:—я вотъ даже слышалъ, что у этого именно хлыста Ермолаева въ домѣ бывали радѣнія, на которыя собиралось на-

роду человѣкъ по сту; но чтобы происходили тамъ подобныя звѣрства—никто не рассказываетъ, хотя, конечно, и то надобно сказать, что ворота и ставни въ его большущемъ домѣ, когда къ нему набирался народъ, запирались, и что тамъ творилось, никто изъ православныхъ не могъ знать.

Евгеній при этомъ улыбнулся.

— А мнѣ такъ удалось случайно быть свидѣтелемъ ихъ радѣнія,—сказалъ онъ.

— Вамъ? — переспросилъ Крапчикъ съ любопытствомъ.

— Мнѣ, во времена моей еще ранней юности,—продолжалъ владыка: — мы, вѣдь, поповичи, ближе живемъ къ народу, чѣмъ вы, дворяне. Я-же былъ бѣдненькій сельскій семинаристъ, и насъ, по обычаю, цѣлой ватагой возили съ нашей вакаціи въ училище въ городъ на лодкѣ, и разъ нашъ кормчій вечеромъ присталъ къ одной деревнѣ и всѣхъ насъ свелъ въ эту деревню ночевать къ его знакомому крестьянину, и когда мы поѣли нашихъ дорожныхъ колобковъ, то были уложены спать въ небольшой избенкѣ въ повалку на полу. Я былъ мальчуганъ живой и подвижный; мнѣ что-то не заспалось, и прежде всего я догадался, что насъ изъ сѣней снаружи, должно быть, заперли, а потомъ начинаю слышать въ сосѣдней избѣ шумъ, гамъ, пѣніе и топанье великое, и въ то-же время вижу сквозь щель въ перегородкѣ свѣтъ изъ той избы... Я всталъ потихоньку и принялся смотрѣть въ эту щель: передо мной мало-по-малу стала открываться просторная изба; на стѣнахъ ея висѣли фонари... Въ избѣ было народу человѣкъ со-рокъ—женщинъ и мужчинъ—и въ числѣ ихъ нашъ

лодочникъ... Всѣ они были въ бѣлыхъ рубахахъ и босикомъ... Посреди избы стоялъ чанъ... Вислѣдствіи я узналъ: чанъ сей хлысты должны были наполнить своими слезами, молясь о возвращеніи къ нимъ ихъ Иисуса Христа—этого именно Суслова.

— Но неужели-же они и наплакивали **цѣлый** чанъ?—спросилъ предводитель.

— Не думаю! Вѣроятно, ихъ вожаки подливали въ него воды, чтобы увѣрить простаковъ; но что обрядъ наплакиванья у ихъ существовалъ, это мнѣ, еще ребенку, кинулось тогда въ глаза, и, какъ теперь, я вижу передъ собою: все это сборище бѣгало, кружилось и скакало вокругъ чана, и при этомъ одна не старая еще женщина съ распущенными, вскосмаченными волосами, больше всѣхъ радѣла и неистовствовала, причемъ всѣ они хлестали другъ друга прутьями и восклицали: «ой, Богъ!.. ой, Духъ!.. ой, Богъ!.. ой, Духъ!».. Въ другихъ мѣстностяхъ, говорятъ, они вмѣстѣ съ этимъ восклицаютъ: «хлышу, хлыщу, Христа ищу!».. но я того не слыжалъ. Наконецъ, всѣ они, по знаку неистовствующей женщины, остановились, наклонились надъ чаномъ и, какъ думаю, плакали.

— Но что-же собственно они изображали этимъ своимъ бѣснованіемъ и для чего они его дѣлали?— произнесъ съ удивленіемъ Крапчикъ.

— Для того-же, полагаю, зачѣмъ вертятся фавры, шаманы наши сибирскіе, — чтобы привести себя въ возбужденное состояніе; и послѣ радѣній ихъ обыкновенно тотчасъ-же нѣкоторые изъ согласниковъ начинаютъ пророчествовать, потому что, какъ объяснилъ мнѣ уже здѣсь одинъ хлыстъ на

увѣщаніи въ консисторіи, что, умеревъ посредствомъ бичеваній объ Адамѣ, они воскресали о Христѣ и чувствовали въ себѣ наитіе Святаго Духа. И вообще, — продолжалъ Евгеній съ нѣсколько уже суровымъ взоромъ: — для каждаго хлыста главною заповѣдью служить: отречься отъ всего, что требуютъ отъ него церковь, начальство, общежитіе, и слушаться только того, что ему говоритъ его внутренній голосъ, который онъ считаетъ послѣ радѣній вселившимся въ него отъ Духа Святаго, или что повелѣваетъ ему его наставникъ изъ согласниковъ, въ коемъ онъ предполагаетъ еще большее присутствіе Святаго Духа, чѣмъ въ самомъ себѣ.

— Но кромѣ того, ваше преосвященство, какъ я вотъ слышалъ (это Крапчикъ началъ говорить тихо), слышалъ, что послѣ радѣній между хлыстами начинается этотъ, такъ называемый, ихъ ужасный свальный грѣхъ!

Владыка закрылъ глаза и, кивкомъ головы подтвердивъ то, что сказалъ Крапчикъ, заговорилъ, видимо одушевившись:

Изъ этого собственно и получило начало свое скопчество: люди, вѣроятно, болѣе суровые, строгіе, возмущившись этими обычаями, начали учить, примѣняя невѣжественно слова священнаго писанія, что аще око твое соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себѣ, и аще десная твоя соблазняетъ тя, усѣди ю и верзи отъ себѣ.

— Но, согласитесь, ваше преосвященство, послѣ всего того, что я имѣлъ счастье слышать отъ васъ, — не правъ-ли я былъ, требуя отъ земской полиціи и отъ духовенства, чтобы они преслѣдовали объ эти

секты?—Что это такое? Что-то сверхъестественное, нечеловѣческое?—вопросалъ уже авторитетнымъ тономъ Крапчикъ.

— Напротивъ, очень человѣческое! — возразилъ Евгений съ усмѣшкой: — испоконъ-вѣковъ у людей было стремленіе поиграть въ попы... въ наставники... устроить себѣ церковь по собственному вкусу.

Крапчикъ не совсѣмъ понималъ и не догадывался, что хочетъ сказать Евгений, а потому молчалъ.

— А развѣ ваше масонство не то-же самое? — спросилъ тотъ уже прямо.

Губернскаго предводителя даже подало при этомъ нѣсколько назадъ.

— Ваше преосвященство, что же общаго между нами и хлыстами?—сказалъ онъ почти обиженнымъ голосомъ.

— Общее — устроить себѣ свою религію и мораль... Въ сознаніи людей существуетъ извѣстное число великихъ истинъ, которыя и уподобьте вы въ нашемъ воображеніи цвѣтнымъ, прозрачнымъ камешкамъ калейдоскопа. Вамъ извѣстенъ этотъ инструментъ?

Крапчикъ, думая, что калейдоскопъ что-нибудь очень ученое, отвѣчалъ откровенно:

— Нѣтъ!

— Я вамъ покажу его!

И Евгений съ живостью всталъ и вынесъ изъ кабинета своего довольно большой калейдоскопъ.

— Смотрите въ это стеклышко трубки!

Губернскій предводитель сталъ глядѣть въ показанное ему стекло калейдоскопа.

— Что вы видите?—спросилъ его Евгений.

— Здѣзду какую-то! — сказалъ Крапчикъ.

— Поверните трубку!

Крапчикъ повернулъ.

— Что передъ вами?

— Какой то четверугольникъ!

— Мрачный или свѣтлый?

— Мрачный!

— Поверните еще!..

Крапчикъ повернулъ и ужь самъ воскликнулъ:

— А это ужь крестъ какой-то и очень красивый...
похожъ нѣсколько на нашъ георгиевскій крестъ!

— Такъ и съ великими истинами! — продолжалъ Евгений, уже снова усаживаясь на диванъ:— Если вы знакомы съ исторіей религій, сектъ, философскихъ системъ, политическихъ и государственныхъ устройствъ, то можете замѣтить, что эти прирожденные чело-вѣчеству великія идеи только измѣняются въ своихъ сочетаніяхъ, но число ихъ остается одинакимъ, и ни одинаго новаго камешка не прибавляется, и эти камешки являются то въ фигурахъ мрачныхъ и таинственныхъ, какова религія индійская,—то въ ясныхъ и красивыхъ,—какъ вѣра грековъ,—то въ нескладныхъ и исковерканныхъ представленіяхъ разныхъ нашихъ иновѣрцевъ.

Крапчикъ, совершенно неспособный понимать отвлеченныя сравненія, но не желая обнаруживать этого передъ архіереемъ, измыслилъ спросить того:

— Но отчего, ваше преосвященство, происходилъ этотъ маленькій шумъ и трескъ, когда я повертывалъ трубку?

Евгеній слегка улыбнулся и отвѣтилъ:

— Отъ движенія камешковъ, отъ перемѣны ихъ сочетаній... Въ исторіи, при измѣненіи этихъ соче-

таній, происходитъ еще большій шумъ, грохотъ, разгромъ... Кажется, какъ-будто-бы весь ширъ долженъ рухнуть!

Крапчикъ, опять-таки, ничего не понялъ изъ словъ владыки и прибѣгнулъ къ обычной своей фразѣ: «Если такъ, то конечно!» а потомъ, подумавъ немного, присовокупилъ:

— А я вотъ въ пріятной бесѣдѣ съ вами и забылъ о главной своей просьбѣ: я-съ на дняхъ получилъ отъ сенатора бумагу съ жалобой на меня вотъ этого самаго хлыста Ермолаева, о которомъ я докладывалъ вашему преосвященству, и въ жалобѣ этой упомянуты и вы.

Проговоривъ это, Крапчикъ проворно вынулъ изъ кармана жалобу Ермолаева и подалъ ее владыкѣ, которую тотъ, не прибѣгая къ очкамъ, сталъ читать вслухъ:

«Три года я, ваше высокоосіятельство, нахожусь въ заключеніи токмо по питаемой злобѣ на меня франмасоновъ, губернскаго предводителя Крапчика и нашего уѣзднаго почтмейстера, а равно какъ и архіерея здѣшной епархіи, преосвященнаго владыки Евгенія. Еще съ 1825 года, когда я работалъ по моему малярному мастерству въ казармахъ гвардейскаго экипажа, и донесъ тогдашнему санктъ-петербургскому генералъ губернатору Милорадовичу о бунтѣ, замышляемомъ тамъ между солдатами противъ нынѣ благополучно царствующаго государя императора Николая Павловича, и когда господинъ петербургскій генералъ-губернаторъ, не внявъ моему доносу, приказалъ меня наказать при полиціи розгами, то злоба сихъ фармазоновъ продолжается и до днесь, и сотво-

рили они, аки-бы я скопецъ и распространитель сей вѣры. Но я не токмо что и въ расколѣ нынѣ не пребываю, а былъ я допрежъ того христовщикъ, по капитоновскому согласію, а скопцы-же вѣры иной—селинановской, и я никогда не скопчествовалъ и прибѣгаю нынѣ къ стопамъ вашего сіятельства, слезно прося приказать меня освидѣтельствовать и изъ заключенія моего меня освободить».

— Зачѣмъ-же собственно къ вамъ сенаторъ прислалъ это прошеніе? — спросилъ Евгеній, кончивъ читать.

— Чтобы я далъ свое мнѣніе или заключеніе,— я ужь не знаю, какъ это назвать; и къ вамъ точно такой-же запросъ будетъ, — отвѣчалъ усмѣхаясь Крапчикъ.

— Нѣтъ, я на его запросъ ничего не отвѣчу,— проговорилъ, съ неудовольствіемъ мотнувъ головой, архіерей: — я не подвластенъ господину сенатору; надо мной и всѣмъ моимъ вѣдомствомъ можетъ назначить ревизію только святѣйшій правительствующій синодъ, но никакъ не правительствующій сенатъ.

— Стало-быть, и я могу не отвѣчать!—воскликнулъ Крапчикъ.

— Нѣтъ, я не думаю, чтобы вы могли... Вы, все-таки, стоите въ числѣ лицъ, надъ которыми онъ производитъ ревизію.

— Но что-жь я ему напишу,—вотъ это для меня всего затруднительнѣй! — продолжалъ восклицать Крапчикъ.

— Напишите, что вы дѣйствительно содѣйствовали преслѣдованію секты хлыстовъ, такъ какъ она есть невѣжественная и вредная для народной нрав-

ственности, и что хлысты и скопцы едино суть, и скопчество только есть дальнѣйшее развитіе хлыстовщины, — научилъ его владыка.

— Такъ я и напишу! — произнесъ Крапчикъ, уже вставая.

— Такъ и напишите! — повторилъ Евгеній, тоже вставая.

Крапчикъ подалъ ему руку подъ благословеніе, а получивъ оное и поцѣловавъ благословившую его десницу владыки, почтительно раскланялся и удалился.

VII.

Сосунцы была послѣдняя деревня по почтовому тракту передъ поворотомъ на проселокъ, ведущій къ усадьбѣ Егора Егорыча — Кузьмищеву. Въ Сосунцахъ изъ числа двѣнадцати крестьянскихъ дворовъ всего одна изба была побольше и попригляднѣй. Она принадлежала крестьянину Ивану Дорофееву, который во всемъ ближайшемъ околodкѣ торговалъ мясомъ и рыбой, а поэтому жилъ довольно зажиточно. Разъ, это ужъ было въ концѣ поста, часу въ седьмомъ вечера, въ избѣ Ивана Дорофеева, какъ и въ прочихъ избахъ, сумерничали. Самъ Иванъ Дорофеевъ, мужикъ лѣтъ около сорока, курчавый и съ умными глазами, въ красной рубахѣ и въ сильно-смазанныхъ дегтемъ сапогахъ, спалъ на лавкѣ и первый услышалъ своимъ привычнымъ ухомъ, что кто-то подѣхалъ къ его дому и постучалъ въ окно, должно быть, кнутовищемъ.

— Сейчас! мигомъ!—отозвался Иванъ Дорощевъ и въ одной рубахѣ выскочилъ на улицу.

У воротъ его стояла рогожная кибитка, заложенная парой — гусемъ.

— Иванъ Дорощенчъ, пусти, братъ, погрѣться!...—послышалось изъ кибитки.

— Батюшка, Сергѣй Ниволаичъ!... Вотъ кого Богъ принесъ!... — воскликнулъ Иванъ Дорощевъ, узнавъ по голосу доктора Сверстова, который затѣмъ сталъ вылѣзать изъ кибитки и оказался въ мерлушечей шапкѣ, бараньемъ тулупѣ и въ валежныхъ сапогахъ.

— Давненько, сударь, не жаловали въ наши мѣста, — говорилъ Иванъ Дорощевъ, съ удовольствіемъ осматривая крупную фигуру доктора, всегда и прежде того, при проѣздахъ своихъ къ Егору Егорычу, кормившаго у него лошадей.

— За то теперь, братъ, я ужъ пріѣхалъ съ женой, — объявилъ ему Сверстовъ.

— Какъ и подобаетъ кажинному человѣку, — подхватилъ Иванъ Дорощевъ, подсобляя въ то-же время доктору извлечь изъ кибитки gnädige Frau, съ ногъ до головы закутанную въ капоръ, шерстяной платокъ и мѣховой салопъ.

— На лѣсенку эту извольте идти!... — продолжалъ онъ, указывая пріѣзжимъ на свое крыльцо.

Тѣ начали взбираться по грязнымъ и обмерзшимъ ступенькамъ лѣстницы. На верхней площадкѣ Иванъ Дорощевъ просилъ ихъ пообождать маненько и затѣмъ крикнулъ:

— Парасковья, свѣти!... Ну, скорѣй, толстобокая!... Нечего тутъ прокладаться!

На этотъ крикъ Парасковья показалась въ дверяхъ избы съ огромной горящей лучиной въ рукѣ, и она была вовсе не толстобокая, а напротивъ: стройная и красивая баба въ ситцевомъ сарафанѣ и въ красномъ платкѣ на головѣ. Gnädige Frau и докторъ вошли въ избу. Парасковья поспѣшила горящую лучину воткнуть въ свѣтецъ. Сверстовъ прежде всего началъ разоблачать свою супругу, которая была замѣтно утомлена длинной дорогой, и когда она осталась въ одномъ только ваточномъ капотѣ, то сейчасъ же опустилась на лавку.

— Самоварчикъ прикажете?—спросилъ вошедшій за ними Иванъ Дорофеевъ: у него одного во всей деревнѣ только и былъ самоваръ.

— Нѣтъ, братъ, мы кофей пьемъ! Спроси тамъ у извозчика погребецъ нашъ и принеси его сюда!—сказалъ ему докторъ.

— И забылъ совсѣмъ, дуракъ, что вы чаю не кушаете! — произнесъ Иванъ Дорофеевъ и убѣждалъ за погребцомъ.

Въ избѣ, между тѣмъ, при появленіи проѣзжихъ, въ маломъ и старомъ населеніи ея произошло нѣкоторое смятеніе: изъ-за перегородки, ведущей отъ печки къ стѣнѣ, появилась лѣтъ десяти дѣвочка, очень миловидная и тоже въ ситцевомъ сарафанѣ; усѣвшись около свѣтца, она какъ-будто-бы даже немного и кокетничала; курчавый сынишка Ивана Дорофеева, года на два, вѣроятно, младшій противъ дѣвочки и очень похожій на отца, свѣсилъ съ полатей голову и чему-то усмѣхался: его, кажется, болѣе всего поразила раздѣваемая мужемъ gnädige Frau, дѣлавшаяся все худѣй и худѣй; наконецъ, даже

грудной еще ребенокъ, лежавшій въ зыбкѣ, открылъ свои большіе голубые глаза и сталъ ими глядѣть, но не на людей, а на огонь; на голбцѣ-же въ это время ворочалась и слегка простанывала столѣтняя прабабка ребятишекъ.

Иванъ Дорощеевъ воротился въ избу.

— Вашъ вислоухій извозчикъ и погребецъ-то не знаетъ что такое!... Рылся, рылся я въ саняхъ-то...—проговорилъ онъ, ставя на столъ погребецъ, обитый оленьей шкуркой и жестяными полосами.

— И мнѣ этотъ извозчикъ показался глуповать,—замѣтилъ Сверстовъ.

— Чего ужъ тутъ взять?... Тятю съ мамой еле выговариваетъ, а его посылаютъ господь возить!.. Хозяева у насъ тоже по этой части: набираютъ народу зря!—проговорилъ Иванъ Дорощеевъ.

— Чтобы лошадей-то онъ выкормилъ хорошенько!—обезпокоился Сверстовъ.

— Все это я устроилъ и самому ему даже велѣлъ въ черной избѣ полопать!...—отвѣчалъ бойко Иванъ Дорощеевъ, и потомъ, взглянувъ прищурившись на ларецъ, онъ присовокупилъ:—А вѣдь эта вещь не изъ нашихъ мѣстъ!

— Изъ Сибири, прямо оттуда!—объяснилъ Сверстовъ и отнесся въ женѣ:— Ну, супруга, если не устала очень, изготовь кофейку!

Gnädige Frau, конечно, очень устала, но со свойственной ей твердостью духа принялась вынимать всевозможныя кофейныя принадлежности и систематически разставлять ихъ.

— Не прикажете-ли на шесткѣ огоньку разло-

жить?—спросилъ Иванъ Дорофеевъ, хорошенько не знавшій, что далѣе нужно докторшѣ.

— Спиртъ есть у меня! — произнесла не безъ важности gnädige Frau и зажгла спиртовую лампу подѣ кофейникомъ тоненькой лучинкой, зажженной у свѣтца.

Вода, заранѣе уже налитая въ кофейникъ, начала недолгѣ закипать вмѣстѣ съ насыпаннымъ въ нее кофеемъ. Дѣвочка и мальчикъ съ полатей смотрѣли на всю эту операцію съ большимъ любопытствомъ, да не меньше ихъ и сама Прасковья: кофею у нихъ никогда никто изъ проѣзжающихъ не варилъ.

— Спиртъ-то, Божій-то даръ жгутъ!—произнесъ укоризненно-комическимъ голосомъ Иванъ Дорофеичъ.

— Да, братъ, это, пожалуй, и грѣхъ! — повторилъ за нимъ Сверстовъ.

— Да какъ-же не грѣхъ, помилуйте! Мы-бы его лучше выпили,—продолжалъ Иванъ Дорофеевъ.

— Дѣйствительно, лучше-бы выпили, — согласился съ нимъ Сверстовъ:—впрочемъ мы все-таки выпьемъ!... У насъ есть другой шнапсъ! — заключилъ онъ; затѣмъ, не глядя на жену, чтобы не встрѣтить ея недовольнаго взгляда, и проворно вытащивъ изъ погребца небольшой графинчикъ съ ерофеичемъ, докторъ налилъ двѣ рюмочки, изъ которыхъ одну пододвинулъ къ Ивану Дорофееву, и воскликнулъ:

— Кушай!

— Благодаримъ за то!—отвѣтилъ тотъ, проглотивъ залпомъ наперстки подобную рюмочку; но Свер-

стовъ тянулъ шнапсъ медленно, какъ-бы желая продлить свое наслажденіе: онъ зналъ, что gnädige Frau не дастъ ему много этого блага.

Кофе, наконецъ, былъ готовъ. Gnädige Frau налила себѣ и мужу по чашкѣ.

— Ну ужъ это извини, я выпью медвѣдку!—воскликнулъ Сверстовъ и, опять проворно вынувъ изъ погребца еще графинчикъ уже съ ромомъ, налилъ изъ него къ себѣ въ чашку немалую толику,

Gnädige Frau, бывшая къ рому все-таки болѣе снисходительна, чѣмъ къ гадкимъ русскимъ водкамъ, старалась не замѣчать, что творить ея супругъ.

— Не хотите-ли чашечку? — сказала она Парасковья, желая съ ней быть такою-же любезною, какимъ былъ докторъ съ Иваномъ Дорофеевымъ.

— О, сударыня, что вы беспокоитесь! — произнесла та застыдившись.

— Выпейте!... — сказала ей тихо, но повелительно gnädige Frau и налила чашку, которую Парасковья неумѣло взяла въ руки, но кофей только попробовала.

— Нѣтъ, барыня, мы не пьемъ этого!—отказалась она и поставила чашку обратно на столъ.

— Наши дуры-бабы этого не разумѣютъ!...—объяснилъ Иванъ Дорофеевъ.

Gnädige Frau было немножко досадно, что добро ей должно пропадать даромъ.

— А вотъ погоди-ка, я этому бурчашкѣ дамъ!—подхватилъ докторъ. — Пожалуйте сюда!... — крикнулъ онъ мальчику, все еще остававшемуся на полатяхъ.

Тотъ, однимъ кувыркою спустившись на полъ, предсталъ предъ доктора.

— На, пей!... Это сладкое! — скомандовалъ ему докторъ.

Мальчикъ, смѣло глядя на него и не расчухавъ, конечно, что онъ пьетъ, покончилъ чашку.

— Молодецъ!...— похвалилъ его Сверстовъ и хотѣлъ-было погладить по головѣ; но рука доктора остановилась въ волосахъ мальчика, — до того они были курчавы и густы.

— Хорошій будетъ человекъ, хорошій!—повторялъ докторъ, припоминая, какъ онъ самъ въ дѣтствѣ былъ густоволосъ и курчавъ.

Иванъ Доросеевъ на все это улыбался.

— Мальчикъ шустрый!—проговорилъ онъ.

— Вижу это я, вижу!..—воскликнулъ Сверстовъ.

— А дѣвочка не выпьетъ-ли кофею?—спросила gnädige Frau, желавшая обласкать болѣе женскую половину и видѣвшая, что въ кофейникѣ оставалось еще жидкости.

— Нѣту-тка, родимая, нѣтъ!—отвѣчала за дочь Парасковья.

— Да дѣвочкѣ-то вы сахару дайте, —это онъ у насъ любятъ!...—подхватилъ Иванъ Доросеевъ.

Gnädige Frau подала изъ своей сахарницы самый большой кусокъ дѣвочкѣ, которая сначала тоже застыдилась, но потомъ ничего: принялась бережно сосать кусокъ.

— Поужинать чего не прикажете-ли приготовить вамъ?—обратился Иванъ Доросеевъ къ Сверстову.

— Нѣтъ,—отказался тотъ:—мы къ ужину еще въ Кузьмищево, къ Егору Егорычу поспѣемъ.

— Туда поспѣемъ!...— подтвердила и gnädige Frau все какъ-то боязливо осматриваясь кругомъ.

Родившись и воспитавшись въ чистоплотной нѣмецкой семьѣ и сама затѣмъ въ высшей степени чистоплотно жившая въ обоихъ замужествахъ, gnädige Frau чувствовала невыносимое отвращеніе и страхъ къ тараканамъ, которыхъ, къ ужасу своему, увидала въ избѣ Ивана Дорофеева многое множество, а потому нетерпѣливо желала поскорѣе уѣхать; но докторъ, въ силу изреченія, что блаженъ человекъ, иже и скоты милуетъ, не торопился, жалѣя лошадей, и сталъ бесѣдовать съ Иваномъ Дорофеевымъ, отъ котораго непремѣнно потребовалъ, чтобы тотъ съѣлъ.

— Скажи ты мнѣ, другъ любезный, повѣришь!.. Что, въ Кузьмищевѣ Егоръ Егорычъ, или нѣтъ?— спросилъ онъ.

— Надо быть, что въ Кузьмищевѣ, — отвѣчалъ тотъ:— не сколь то же давно пріѣзжали ко мнѣ отъ него за рыбой!

— Да и теперь еще онъ тамъ! Вчерася-тка, какъ тебя не было дома, останавливался и кормилъ у насъ ихній Антипъ Ильичъ, — вмѣшалась въ разговоръ Парасковья, обращаясь болѣе къ мужу.

— А зачѣмъ и куда старикъ проѣзжалъ?— полюбопытствовалъ Сверстовъ.

— Извѣстно, сударь, старецъ набожный: говѣть ѣдетъ въ губернской городъ, — служба тамъ, сказывалъ онъ, идетъ по церквамъ лучше супротивъ здѣшняго.

— Ай!..— взвизгнула на всю избу gnädige Frau,

всакивая съ лавки п начиная встряхивать свой капоть.

— Что-такое?—вскрикнулъ и докторъ, не менѣе ея испугавшійся.

— Тараканъ... Тараканъ! — имѣла только силы сказать gnädige Frau.

— Фу, ты, Боже мой!.. — произнесъ докторъ и принялся на женѣ встряхивать капоть. — Порасшугайте ихъ, проклятыхъ!—прибавилъ онъ хозяйевамъ, показывая на стѣну.

Парасковья сейчасъ-же начала разгонять таракановъ, а за ней и дѣвочка, наконецъ, и курчавый мальчуганъ, который, впрочемъ, больше прихлопывалъ ихъ къ стѣнѣ своей здоровой рученкой, такъ что только мокренько оставалось послѣ каждаго таракана. Бѣдныя насѣкомыя, съ роду не видавшія такой острастки на себя, мгновенно всѣ куда-то попрятались. Не видя болѣе враговъ своихъ, gnädige Frau поуспокоилась и сѣла опять на лавку: ей было совѣстно такого малодушія своего, тѣмъ болѣе, что она обнаружила его передъ посторонними.

Сверстовъ, тоже опять усѣвшійся, снова принялся толковать съ Иваномъ Дорощеевымъ.

— Вы все изъ тѣхъ-же мѣстъ, гдѣ и прежде жили?—началъ тотъ первый.

— Все изъ тѣхъ-же!.. — протянулъ Сверстовъ.

— А какъ тамъ, что за народъ такой живетъ?—интересовался Иванъ Дорощеевъ.

— Разный: русскіе, армяне, татары!.. — перечислялъ Сверстовъ.

— Поди ты, Господи, сколько у насъ разныхъ народовъ есть, и всѣ, значить, они живутъ и пи-

таются у насъ! — подивился Иванъ Дорощеевъ и взглянулъ при этомъ на жену, которая тоже, хотъ и молча, но дивилась тому, что слышала... Бесѣду эту прервалъ и направилъ въ совершенно другую сторону мальчуганъ въ зыбкѣ, который вдругъ заревѣлъ. Первая подбѣжала къ нему главная его нянька, старшая сестренка, и, сунувъ ребенку въ ротъ соску, стала ему, грозя пальчикомъ, приговаривать: «Нишкни, Миша, нишкни!»... И Миша затихъ.

Докторъ, любившій маленькихъ дѣтей до страсти, не удержался и вскричалъ: — Это что еще за существо новое? — и сейчасъ-же подошелъ къ зыбкѣ.

— Да, вѣдь, какая прелесть,—посмотри, gnädige Frau! — продолжалъ онъ.

Gnädige Frau встала и подошла: она также любила дѣтей и думала, что малютокъ не заползъ-ли въ ухо какой-нибудь маленькій тараканикъ.

— Прелесть что такое!.. прелесть!—не унимался восклицать Сверстовъ.

Ребенокъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ прелесть: съ голенькими рученками, ноженками и даже голымъ животишкомъ, бѣлый, какъ крупчатое тѣсто, онъ то корчился, то разгибался въ своей зыбкѣ.

— И здоровенькій, какъ видно!—продолжалъ имъ любоваться Сверстовъ.

— Здоровъ, слава тѣ, Господи!—отозвалась уже мать:—такой гулена,—все на улицу теперь просится.

— Нѣтъ, на улицу рано!.. холодно еще!—запретилъ докторъ и обратился къ стоявшему тутъ-же Ивану Дорощееву:—А что твоя старая бабка давно ужъ умерла.

Онъ еще прежде, въ послѣдній свой приѣздъ къ

Егору Егорычу, лечилъ бабуку Ивана Доросеева, и тогда ужъ она показалась ему старою-престарою.

При этомъ вопросъ Парасковья слегка усмѣнулась.

— Какое умерла? — произнесъ тихо Иванъ Доросеевъ: — на голбцѣ еще лежитъ до сей поры!.. Какъ человекъ-то упрется по этой части, такъ его и не сковырнешь.

— Я, впрочемъ, посмотрю ее! — сказалъ Сверстовъ.

— Сдѣлайте божескую милость! — проговорилъ съ удовольствіемъ Иванъ Доросеевъ, который хотя и посмѣивался надъ старухой, но былъ очень печенъ объ ней. Сверстовъ немедля-же полѣзъ на голбець, и Иванъ Доросеевъ, взглявши за нимъ, сталъ ему свѣтить лучиной. Бабушка была совсѣмъ засохшій, сморщенный грибокъ. Сверстовъ повернулъ ее къ себѣ лицомъ. Она только простонала, не вѣдая, кто это и зачѣмъ къ ней влѣзли на печь. Сверстовъ сначала приложилъ руку къ ея лбу, потомъ къ рукамъ, къ ногамъ и, слѣзая затѣмъ съ печи, сказалъ:

— Плоха, очень плоха!.. Однако, все-таки, дня черезъ два, черезъ три, ты приѣзжай ко мнѣ въ больницу къ Егору Егорычу!.. Я дамъ ей кой-какого снадобья.

— Слушаю-съ, — произнесъ Иванъ Доросеевъ. — А вы надолго ѣдете къ Егору Егорычу?

— Надолго, навсегда — лечить васъ буду! — воскликнулъ Сверстовъ.

Gnädige Frau не ошпблась, предполагая, что мужъ ея будетъ устраивать себѣ практику больше у мужиковъ, чѣмъ у баръ.

Въ избу вошелъ извожикъ.

— Я выкормилъ лошадей-то, — объявилъ онъ ка-кимъ-то почти дивимъ голосомъ.

Сверстовъ принялся расплачиваться торопливо и щедро: онъ всё уже почти деньжонки, которыя выручилъ за проданное имъ имущество въ уѣздномъ городкѣ, просадилъ дорогой. Иванъ Дорофеевъ проводилъ своихъ гостей до повозки и усадилъ въ нее gnädige Frau и Сверстова съ пожеланіемъ благополучнаго пути.

Кибитка тронулась. Иванъ Дорофеевъ долго еще глядѣлъ имъ въ слѣдъ.

— Экъ у него, дурака, лошади-то болтаются, словно мотовилы! — дивовалъ онъ, видя, какъ у глуповатаго извозчика передняя лошадь сбивалась съ дороги и тыкалась рыломъ то къ одному двору, то къ другому.

X.

За Сосунцовскимъ полемъ сейчасъ-же начинался густой лѣсъ съ очень узкою черезъ него дорогою, и чѣмъ дальше наши путники ѣхали по этому лѣсу, тѣмъ все выше показывался сосны по сторонамъ, которыя своими растопыренными вѣтвями, покрытыми снѣгомъ, какъ бы напоминали собой привидѣнія въ саванахъ. Въ воздухѣ вѣяло свѣжей сыр-ватостью. Сквозь тонкія облака на небѣ чуть-чуть мѣстами мерцали звѣзды и ядро кометы, а хвоста ея было не видать за туманомъ. Неуклюжій извозчикъ, точно комокъ чего-то, чернѣлся на облучкѣ. За лѣсомъ пошло какъ-бы нескончаемое поле, и по

ограинамъ его, то тутъ, то тамъ, смутно виднѣлись деревни съ кое-гдѣ мелькающими огоньками въ избахъ. Встрѣтился длинный мостъ, на которомъ, при проѣздѣ кибитки, подъ ногами коренной провалилась цѣлая накатина; лошадь, вѣроятно, привыкшая къ подобнымъ случаямъ, не обратила никакого вниманія на это, но за то она вмѣстѣ съ передней лошадейю шарахнулась съ дороги прямо въ суеть, увидавъ вѣтряную мельницу, которая молоча и махала своими крыльями. Изъ людей и вообще изъ какихъ-либо живыхъ существъ не попадалось никого, и только вдали какъ-будто-бы что-то такое пробѣжало,—и врядъ-ли не стая волковъ.

Отъ всѣхъ этихъ картинъ на душѣ у Сверстова становилось необыкновенно свѣтло и весело: онъ былъ истый великоруссъ; но gnädige Frau, конечно, ничѣмъ этимъ не интересовалась, тѣмъ болѣе, что ее занимала и отчасти тревожила мысль о томъ, какъ ихъ встрѣтитъ Марейнъ, котораго она такъ мало знала... Прошелъ такимъ образомъ еще часъ ѣзды съ повторяющимися видами перелѣсковъ, полей съ деревьями въ сторонѣ, когда, наконецъ, показалось на высокой горѣ возделѣнное Кузьмищево. Сверстовъ окончательно исполнился восторгомъ. Онъ съ бѣненіемъ сердца помышлялъ, что чрезъ какія-нибудь минуты онъ встрѣтится, обнимется и побесѣдуетъ съ своимъ другомъ и учителемъ. Кузьмищево, между тѣмъ, все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе обрисовывалось: уже можно было хорошо различить церковь и длинное больничное зданіе, стоявшее въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ усадьбы; затѣмъ конскій дворъ съ торчащимъ на вышкѣ его деревяннымъ

конемъ, а потомъ и прочія болѣе мелкія постройки, окружающія каменный двухъ-этажный господскій домъ. Въ окнахъ всѣхъ этихъ зданій видѣлся свѣтъ, кромѣ господскаго дома, въ которомъ не видать было ни малѣйшаго огонька. Сверстовымъ овладѣло опасеніе, не боленъ-ли Егоръ Егорычъ или не уѣхалъ-ли куда, и только ужь съ подтѣвзомъ кибитки къ крыльцу дома, огонекъ показался въ одной задней комнатѣ. Сверстовъ мгновенно сообразилъ, что это именно была спальня Егора Егорыча, и мысль, что тотъ боленъ, еще болѣе утвердилась въ его головѣ. Не помня себя, онъ выскочилъ изъ кибитки и началъ взбираться по знакомой ему лѣстницѣ, прошелъ потомъ залу, гостиную, диванную посреди совершеннаго мрака и, никого не встрѣчая, прямо направился къ спальнѣ, въ которой Егоръ Егорычъ сидѣлъ одинъ-одинѣхонекъ; при появленіи Сверстова онъ тотчасъ узналъ его и, вскочивъ съ своего кресла, воскликнулъ. Сверстовъ тоже воскликнулъ, и оба бросились другъ другу въ объятія и у обоихъ текли слезы по морщинистымъ щекамъ.

— Я пріѣхалъ съ женой!.. — было первое слово Сверстова.

— Знаю, проси!.. еюда проси! — произнесъ Егоръ Егорычъ, весь какъ-бы трепетавшій отъ волненія.

Сверстовъ побѣждалъ за женой и только что не на рукахъ внесъ свою *gnädige Frau* на лѣстницу. Въ дворнѣ тѣмъ временемъ узналось о пріѣздѣ гостей, и вся горничная прислуга разомъ набѣжала въ домъ. Огонь засвѣтился во всѣхъ почти комнатахъ. Сверстовъ, представляя жену Егору Егорычу, ничего не сказалъ, а только указалъ на нее рукою.

Марейнъ, въ свою очередь, поспѣшилъ пододвинуть gnädige Frau кресло, на которое она сѣла, будучи весьма довольна такою любезностью хозяина.

— Чаю!—закричалъ-было Егоръ Егорычъ.

— Чаю не надо, а поужинать дайте!—перебилъ его Сверстовъ.

— Ужинъ подавайте! — перемѣнилъ, вслѣдствіе этого, свое приказаніе Егоръ Егорычъ.

— Ну, что вы, здоровы?—спрашивалъ Сверстовъ, смотря съ какой-то радостной нѣжностью на своего учителя.

— Здоровъ,—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ невдругъ.

— Духомъ бодръ?

— Нѣтъ, не бодръ, напротивъ: унылъ!

— Вотъ это скверно!—заключилъ Сверстовъ.

Тутъ gnädige Frau сочла нужнымъ сказать нѣсколько словъ отъ себя Егору Егорычу, въ которыхъ не совсѣмъ складно выразила, что хотя она ему очень мало знакома, но пріѣхала съ мужемъ, потому что не разставаться-же ей было съ нимъ, и что теперь всѣ ея старанія будутъ направлены на то, чтобы нисколько и ничѣмъ не обременить великодушнаго хозяина и бытъ для него хоть чѣмъ-нибудь полезною.

— Oh, madame, de grâce!.. soyez tranquille; quant à moi, je suis bien heureux de vous posséder chez moi!—забормоталъ ужь по-французски Марейнъ, сконфуженный до-нельзя щепетильностью gnädige Frau.

— Не ври, жена, не ври!—прикрикнулъ на ту Сверстовъ.

Но gnädige Frau, конечно, этого не испугалась

и въ душѣ одобряла себя, что на первыхъ-же порахъ она высказала мучившую ее мысль.

— Подано кушанье! — проговорила въ дверяхъ старая и толстая женщина, Марья Ѡадѣевна, бывшая ключницей въ домѣ.

— Ну-съ, — сказалъ Егоръ Егорычъ, вставая и предлагая *gnädige Frau* руку, чтобы вести ее къ столу, чѣмъ та окончательно осталась довольною.

За ужиномъ Егоръ Егорычъ, по своему обыкновенію, а *gnädige Frau* отъ усталости—ничего почти не ѣли, но за то Сверстовъ все ѣлъ и все выпилъ, чтó было на столѣ, и, одушевляемый радостью свиданія съ другомъ, былъ совершенно не утомленъ и нисколько не опьянѣлъ. *Gnädige Frau* скоро поняла, что мужу ея и Егору Егорычу желалось остаться вдвоемъ, чтобы побесѣдовать пооткровеннѣе, а потому, ссылаясь на то, что ей спать очень хочется, она попросила у хозяина позволенія удалиться въ свою комнату.

— Oh, madame, je vous prie! — забормоталъ тотъ снова по-французски: съ дамами Егоръ Егорычъ могъ говорить только или на свѣтскомъ языкѣ галловъ, или въ масонскомъ духѣ.

Gnädige Frau пошла не безъ величія, и когда въ корридорѣ ее встрѣтили и пошли провожать четыре горничныя, она посмотрѣла на нихъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ: всѣ онѣ были расфранченныя, молодыя и красивыя. Это *gnädige Frau* не понравилось, и она даже заподозрила тутъ Егора Егорыча кое въ чемъ, такъ какъ знала множество примѣровъ, что русскіе помѣщики, сколько на видъ ни казались они добрыми и благородными, но съ своими крѣпостными

горничными часто бываютъ въ неприличныхъ и гадкихъ отношеніяхъ. Съ удаленіемъ gnädige Frau, друзья тоже удалились въ спальню Егора Егорыча. Здѣсь, мнѣ кажется, возможнымъ сказать нѣсколько словъ объ этой комнатѣ; она была хоть и довольно большая, но совершенно не походила на масонскую спальню Крапчика; единственными украшеніями этой комнаты служили: прекрасный портретъ англійскаго поэта Эдуарда Юнга, написанный съ него въ его молодости и представлявшій мистическаго поэта съ длинными волосами, со сфлоненною нѣсколько на бокъ печальною головою, съ простертыми на колѣна руками, персты коихъ были гложены одинъ между другаго.

— Отчего вы не бодры духомъ? — заговорилъ Сверстовъ.

Егоръ Егорычъ нѣсколько времени думалъ, какъ и съ чего ему начать.

— Оттого, что, передъ тѣмъ какъ получить мнѣ твое письмо, я совершилъ неблагоразумнѣйшій проступокъ.

Сверстовъ вопросительно взглянулъ на друга.

— Я вознамѣрился было жениться! — добавилъ Егоръ Егорычъ.

— На комъ?—спросилъ тотъ.

— На одной молодой и прелестной дѣвицѣ.

— И прекрасно!.. Честнымъ пиресомъ, значить, да и за свадебку!—воскликнулъ Сверстовъ, имѣвшій привычку каждый шагъ своего друга оправдывать и одобрять.

— Д-да, но, въ сожалѣнію, эта дѣвица не при-

няла моего предложенія!—произнесъ протяжно и съ горькой усмѣшкой Марейнъ.

— Это по моему дурно и странно со стороны дѣвицы!—подхватилъ Сверстовъ; ему дѣйствительно почти не вѣрилось, чтобы какая-бы тамъ ни была дѣвица могла отказать его другу въ рукѣ.

— Дурно тутъ поступила не дѣвица, а я!.. — возразилъ Марейнъ:—я долженъ былъ знать,—продолжалъ онъ съ удареніемъ на каждомъ словѣ: — что бракъ мнѣ не приличествуетъ ни по моимъ лѣтамъ, ни по моимъ склонностямъ, и въ слабое оправданіе могу сказать лишь то, что меня не чувственные потребности влекли къ браку, а болѣе высшія: я хотѣлъ имѣть жену масонку.

— А развѣ дѣвица эта масонка?

— Нѣтъ, но она могла-бы и достойна была-бы сдѣлаться масонкой, если-бы пожелала того!—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ: въ этой мысли главнымъ образомъ убѣждали его необыкновенно поэтическіе глаза Людмилы.

— Повѣрьте, все къ лучшему, все! — принялся ужъ утѣшать своего друга Сверстовъ.

— Иначе я никогда и не думалъ и даже предчувствовалъ отказъ себѣ! — проговорилъ съ покорностью Марейнъ.

— Ergo,—зачѣмъ-же падать духомъ?..

— Тяжело ужъ очень было перенести это!—продолжалъ Егоръ Егорычъ тѣмъ-же покорнымъ тономъ:—вначалѣ я исполнился гнѣвомъ...

— Противъ дѣвицы этой?—перебилъ его Сверстовъ.

— Нѣтъ, я исполнился гнѣвомъ противъ всѣхъ

и всего; но еще Божья милость велика, что онъ скоро затихъ во мнѣ; за то мною овладѣли два еще горшіе врага: печаль и уныніе, которыхъ я до сихъ поръ не побѣдилъ, и какъ я ни борюсь, но мнѣ непрестанно набѣгаютъ на душу смрадомъ отчаянія преисполненныя волны и какъ-бы ропотомъ своимъ шепчуть мнѣ: «тебѣ теперь тяжело, а дальше еще тягчѣе будетъ»...

Сверстову до невѣроятности понравилось такое поэтическое описаніе Егоромъ Егорычемъ своихъ чувствъ, но онъ, не желая еще болѣе возбуждать своего друга къ печали, скрылъ это и сказалъ даже укоризненнымъ тономъ:

— Э, полноте, пожалуйста, такъ говорить... Я, наконецъ, не узнаю въ васъ нашего спокойнаго и мудраго наставника!..

Егоръ Егорычъ промолчалъ на это. Увы, онъ никакъ ужъ не могъ быть тѣмъ, хоть и кипящимся, но все-таки смѣлымъ и отважнымъ руководителемъ, какимъ являлся передъ Сверстовымъ прежде, проповѣдуя обязанности христіанина, гражданина, масона. Дѣло въ томъ, что въ душѣ его нынѣ горѣла иная, болѣе активная и, такъ сказать, эстетико-органическая страсть, ибо хоть онъ говорилъ и самъ вѣрилъ въ то, что желаетъ жениться на Людмилѣ, чтобы сотворить изъ нея масонку, но красота ея была въ этомъ случаѣ все-таки самымъ могущественнымъ стимуломъ.

— Однако, надобно же вамъ что-нибудь предпринять съ собой.. Нельзя такъ оставаться!..—продолжалъ Сверстовъ, окончательно видѣвшій, до ка-

кой степени Егоръ Егорычъ было удрученъ и придавленъ своимъ горемъ.

— Научи!..—отвѣчалъ тотъ ему кротко.

Сверстовъ сталъ себѣ чесать и ерошить голову, какъ-бы для того, чтобы къ мозгу побольше прилило крови.

— Ну, устройте ложу,—придумалъ онъ:—у себя вотъ тутъ, въ усадьбѣ!.. Набирайте ищущихъ между мужиками!.. Эти люди готовѣе, чѣмъ кто-либо... особенно раскольники!

Егоръ Егорычъ слушалъ друга нахмурившись.

— Этого нынче нельзя,—не позволятъ!..—возразилъ онъ.

— Что-жь, вы боитесь, что-ли, за себя?.. Я опять васъ не узнаю!

— Я не за себя боюсь, а за другихъ; да никто и не пойдетъ, я думаю,—сказалъ Егоръ Егорычъ.

— Это мы посмотримъ, посмотримъ; я вотъ попригляжусь къ здѣшнимъ мужичкамъ, когда ихъ лечить буду!..—говорилъ докторъ, мотая головой: онъ втайнѣ давно имѣлъ намѣреніе попытаться распространять масонство между мужиками, чтобы сдѣлать его такимъ образомъ болѣе народнымъ, чѣмъ оно до сихъ поръ было.

Марейнъ, между тѣмъ, глубоко вздохнулъ. Видимо, что мысли его были обращены совершенно на другое.

— Это все то, да не то!..—началъ онъ, поднимая свою голову: — мнѣ прежде всего слѣдуетъ сдѣлаться аскетомъ, человѣкомъ не отъ міра сего, и разобраться въ своемъ душевномъ сундукѣ, чтобы устроить тамъ хоть мало-мальскій порядокъ.

— Что вы за безуміе говорите? — воскликнул докторъ. — Вамъ, слава Богу, еще не выжившему изъ ума, сдѣлаться аскетомъ!.. Этой полумертвечиной!.. Этимъ олицетвореннымъ эгоизмомъ и почти идіотизмомъ!

— Ты не заговаривайся такъ! — остановилъ его вдругъ Марепнъ: — я знаю, ты не читалъ ни одного изъ нашихъ аскетовъ: ни Іоанна Лѣствичника, ни Нила Сорскаго...

— Не читалъ, не читалъ!.. — сознался докторъ.

— Такъ вотъ прочти и увидишь, что это не мертвечина, а жизнь настоящая и полная радостей.

— Прочту, непременно прочту, — говорилъ Сверстовъ, пристыженный нѣсколькими словами Егора Егорыча.

— Да, а пока удержи твой языкъ хулить то, чего ты не знаешь!.. — поучалъ его тотъ.

— Но форму ихъ жизни я знаю, и она меня возмущаетъ! — отстаивалъ себя докторъ: — вы вообразите, что бы было, если-бъ всѣ люди обратились въ аскетовъ?.. Родъ человѣческой долженъ былъ-бы прекратиться!.. Никто-бъ ничего не дѣлалъ, потому что всѣ-бы занимались богомысліемъ.

— Нѣтъ, въ подвиги аскетовъ входитъ не одно богомысліе, а полное и всестороннее умное дѣланіе, потребность котораго ты, какъ масонъ, долженъ признавать.

— Это я признаю!

— Такъ чѣмъ-же, послѣ этого, тебя смущаетъ жизнь аскетовъ? — Весь ихъ трудъ и состоитъ въ этомъ умномъ дѣланіи, а отсюда и выводы, какая гармонія и радость должны обитать въ ихъ душахъ.

— Тогда это неравенство! — Это, значитъ, дѣленіе людей на касты. Одни, какъ калмыцкіе попы, прямо погружаются въ блаженную страну — Nirvāṇa — и сливаются съ Буддой, а другіе — чернь, должны ствующіе работать, размножаться и провалиться потомъ въ страну Ерякъ — къ дьяволу.

— Кастъ тутъ не существуетъ никакихъ!.. — отвергнулъ Марѣинъ: — всякій можетъ быть симъ избраннымъ, и великій архитекторъ міра устроилъ только такъ, что ина слава солнцу, ина лунѣ, ина звѣздамъ, да и звѣзда отъ звѣзды различествуетъ. Я, конечно, по гордости мѣей, сказалъ, что буду аскетомъ, но врьдѣ-ли достигну того: лѣсгвица для меня на эгомъ пуги еще нескончаемая...

Въ это время въ спальнѣ неожиданно-негаданно появился Антипъ Ильичъ, такъ что Егоръ Егорычъ вздрогнулъ даже, увидавъ его.

— Ты развѣ вернулся? — спросилъ онъ.

— Сейчасъ только пріѣхалъ, — отвѣчалъ Антипъ Ильичъ съ лицомъ, сіяющимъ кротостью, и кладя на столъ передъ бариномъ заздравную просфору и большой пакетъ: — Отъ господина Крапчика! — объяснилъ онъ о пакетѣ.

Сверстовъ, между тѣмъ, воскликнувъ: «узнаешь-ли ты меня, Антипъ Ильичъ?» — подошелъ къ старику съ распростертыми объятіями.

— Какъ, сударь, не узнать, — отвѣчалъ тотъ добрымъ голосомъ, и оба они обнялись и поцѣловались, но не въ губы, а по-масонски, прикладывая щеку къ щекѣ, послѣ чего Антипъ Ильичъ, поклонившись истово барину своему и гостю, ушелъ.

— Вотъ онъ скорѣй меня удостоится сдѣлаться аскетомъ,—скагалъ, указавъ на него глазами, Егоръ Егорычъ, и распечатывая неторопливо письмо Крапчика.

— Онъ не аскетъ, а ангелъ какой-то! — произнесъ Сверстовъ.

Чтеніе письма видимо причинило Егору Егорычу досаду.

— Вотъ, пожалуй, снова призывактъ меня на житейскій подвигъ! — вскрикнулъ онъ, вставая на столъ письмо.

— Этимъ письмомъ?

— Да.

— Можно прочесть?

— Должно даже тебѣ прочесть.

Сверстовъ, надѣвъ торопливо очки, прсбѣжалъ письмо.

— И что-жь, по вашему, этотъ подвигъ слишкомъ ничтоженъ для васъ? — отнесся онъ къ Мар. еину уже съ нѣкоторою строгостью.

— Знаю, что не ничтоженъ, но мнѣ-то онъ не по моему душевному настроенію, — отвѣтилъ тотъ съ тоской въ голосъ.

— Отбросьте это душевное настроеніе!... Это, повторяю вамъ еще разъ, аскетическій эгоизмъ... равнодушіе Пилата, умывшаго себѣ руки! — почти кричалъ Сверстовъ, не слыхавшій даже, что въ губерніи происходила сенаторская ревизія и знавшій только, что Крапчикъ масонъ: изъ длиннаго-же письма того онъ понялъ одно, что рѣчь шла о чиновничьихъ плутняхъ, и этою было довольо.

— Повзжайте и повзжайте! — повторялъ онъ:—

это вамъ говорю я... человекъ, который, вы знаете, какъ любить васъ и какъ высоко я цѣню вашу гражданскую мощь и мудрость!

— Но ты забываешь, что я опять впаду въ гнѣвъ и озлобленіе!— возражалъ ему тѣмъ-же тоскливымъ голосомъ Егоръ Егорычъ.

— Впадайте, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше: гнѣвъ честный и благородный всегда нашимъ ближнимъ бываетъ во спасеніе!—не унимался Сверстовъ.

— Я поѣду... — произнесъ протяжно и послѣ нѣкотораго размышленія Марейнъ: живая струйка гражданина, столь присущая ему, замѣтно начала въ немъ пробиваться.

— Благодарю, глубоко благодарю; вы ничѣмъ-бы не могли доставить мнѣ такой радости, какъ этимъ; а теперь прощайте!... Вамъ, я вижу, многое еще надобно обдумать и сообразить!

Затѣмъ, поцѣловавъ другъ друга въ голову, Сверстовъ ушелъ: gnädige Frau справедливо говорила объ немъ, что какъ онъ былъ при первомъ знакомствѣ съ нею студентомъ-буршемъ, такимъ пребывалъ и до старости.

Первоначально Егоръ Егорычъ дѣйствительно впалъ было въ размышленіе о предстоявшемъ ему подвигѣ, но потомъ вдругъ отъ какой-то пришедшей ему на умъ мысли встрепевулся и позвалъ свою старую ключницу, по обыкновенію, единственную особу въ домѣ, бодрствовавшую въ безсонныя ночи барина: преданіе въ дворнѣ даже говорило, что когда-то давно Егоръ Егорычъ и ключница питали другъ къ другу сухую любовь, въ результатѣ ко-

торой ключница растолстѣла, а Егоръ Егорычъ вы-сохъ.

— Оадѣевна!—сказалъ ей Егоръ Егорычъ:—по-зови ко мнѣ Антипа Ильича.

Ключница была удивлена такимъ приказаніемъ барина, никогда поздно не тревожившаго старика; но, ни слова не сказавъ, пошла.

Антипъ Ильичъ не замедлилъ придти: онъ еще, не смотря на усталость отъ дороги, не спалъ и стоялъ на молитвѣ.

— Ты,—началъ прерывчатымъ и задыхающимся голосомъ Егоръ Егорычъ:—заходилъ къ Рыжовымъ?

— Заходилъ,—отвѣчалъ старикъ.

— Что-же онъ?

— Старая адмиральша и Людмила Николаевна уѣхали въ Москву на всю весну,—проговорилъ Антипъ Ильичъ какъ-бы самую обыкновенную вещь.

— А прочія двѣ барышни гдѣ-же?—спросилъ Егоръ Егорычъ, выпучивъ даже глаза.

— Прочія въ домѣ своемъ остались и къ нимъ переѣхала одна старушка—монашенка и сродственница, кажется, ихняя.

— А племянника моего видѣлъ?—присовокупилъ Егоръ Егорычъ, влекомый какимъ-то предчувствіемъ.

— Нѣтъ, онъ тоже уѣхалъ.

— Куда?

— Неизвѣстно, не знаютъ.

Выслушавъ эти новости, Егоръ Егорычъ склонилъ голову; но когда Антипъ Ильичъ ушелъ, онъ снова встрепенулся, снова кликнулъ старую ключницу и, объявивъ, что сейчасъ-же ночью выѣзжаетъ

въ губерскій городъ, велѣлъ ей идти къ кучеру и приказать тому немедленно закладывать лошадей.

Старуха, начинавшая совершенно не понимать, что такое происходитъ съ бариномъ, исполнила и это его приказаніе.

Егоръ Егорычъ, наскоро собравъ свои бумаги и положивъ всё, какія у него были въ столъ деньги, себѣ въ карманъ, написалъ Сверстову коротенькую записку:

«Прощай! я выѣзжаю въ губерскій городъ; распоряжайтесь у меня какъ въ своемъ имѣніи; если встрѣтите вамъ надобность въ деньгахъ, спросите ихъ у управляющаго,—весьма скоро отпишу вамъ подробнѣе».

Черезъ часъ какой-нибудь Егоръ Егорычъ успѣлся въ свои пошевни, въ которыя прислуга едва успѣла положить его еще нераспакованный съ пріѣзда въ деревню чемоданъ. Кучеръ поѣхалъ-было, по обыкновенію, легкой рысцой, но Егоръ Егорычъ, покачиваясь, какъ истуканъ, всѣмъ тѣломъ при всякомъ ухабѣ, почти непрестанно восклицалъ: «Пошелъ!... пошелъ!...» Кучеръ, наконецъ, не сталъ сдерживать лошадей и тѣ, очень, кажется, довольныя, что могутъ поразмяться, несмя несли, и больше всѣхъ заявляла себя передовая лошадь: она какъ будто-бы даже играя, то понуривала своей породистой головой, то вытягивала ее вверхъ и въ то-же время ни разу не сбилась съ пути. Все это въ прежнее время Егору Егорычу, какъ старому кавалеристу и коннозаводчику, доставило-бы великое наслажденіе; но теперь онъ ничего не замѣчалъ.

Попутру gnädige Frau проснулась ранѣе мужа и,

усѣвшися въ сосѣдней комнатѣ около приготовленнаго для нея туалетнаго столика, приняла съ размышлять опять о томъ-же, какъ имъ будетъ житься въ чужомъ все-таки домѣ. Вошедшая къ ней одна изъ красныхъ горничныхъ и хотѣвшая было подать gnädige Frau умываться, отъ чего та отказалась, такъ какъ имѣла привычку всегда сама умываться, доложила затѣмъ, что Егоръ Егорычъ отъ нихъ удралъ. Не соображая уже болѣе ничего другаго, она поспѣшно вошла въ свою спальню, разбудила мужа и передала ему новость и записку Егора Егорыча.

— Да, я знаю это, я еще вчера совѣтовалъ ему такъ поступить! — проговорилъ полусоннымъ голосомъ Сверстовъ,

— Но какъ же мы теперь? — возразила gnädige Frau все еще въ недоумѣніи и съ безпокойствомъ.

— А вотъ какъ мы, — прочти! — отвѣчалъ Сверстовъ, сунувъ ей въ руку записку, и повернувшись къ стѣнѣ, снова закрылъ глаза.

По прочтеніи любезной и обязательной записки Егора Егорыча gnädige Frau устыдилась своего подозрѣнія, что подобный превосходный человѣкъ потяготится ими и даже ускачетъ отъ нихъ.

XI.

Всѣ успѣхи въ жизни своей Крапчикъ нисколько не приписывалъ себѣ, а, напротивъ, говорилъ, что ради житейскихъ благъ онъ ип единымъ пальцемъ не пошевелилъ, но что все это шло на него по

великой милости Божіей. Последнее же время эта милость Божія виднымъ образомъ отвернулась отъ него: во-первыхъ, послѣ того какъ онъ далъ сенатору объясненіе по дѣлу раскольника Ермолаева, сей послѣдній былъ выпущенъ изъ острога и самое дѣло о скопкахъ уголовною палатою рѣшено, по каковому рѣшенію Ермолаевъ былъ совершенно оправданъ; Крапчикъ очень хорошо понималъ, что все это совершилось подъ давленіемъ сенатора и дѣлалось тѣмъ прямо въ пику ему; потомъ у Крапчика съ дочерью съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возрастали непріятности: Катринъ съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ изъ губернскаго города Ченцовъ, и уѣхалъ даже неизвѣстно куда, сдѣлалась совершеннѣйшей тигрицей; главнымъ образомъ она, конечно, подозрѣвала, что Ченцовъ послѣдовалъ за Рыжовыми, но иногда ей подумывалось и то, что не отъ долга-ли карточнаго Крапчику онъ уѣхалъ, а потому можно судить, какія чувства къ родителю раждались при этой мысли въ весьма некроткой душѣ Катринъ. Она прежде всего перестала приходить поутру здороваться съ отцомъ, причемъ онъ обыкновенно ее крестилъ, а Катринъ цѣловала у него руку; вечеромъ она тоже не стала соблюдать этой церемоніи, такъ что Крапчикъ, наконецъ, замѣтилъ ей, почему она этого не дѣлаетъ. Катринъ усмѣхнулась, пожала плечами и объявила, что она теперь не маленькая дѣвочка и что ей наскучило разыгрывать подобныя комедіи. Сколько ни досадно было Крапчику выслушать таковой отвѣтъ дочери, но онъ скрылъ это и вообще за послѣднее время сталъ замѣтно пасовать передъ Катринъ, и не

столько по любви и снисходительности къ своему отпрыску, сколько потому, что отпрыскъ этотъ началъ обнаруживать характеръ врядъ-ли не посердитѣй и не поупрямѣй напилькина, и при этомъ еще Крапчикъ не могъ не принимать въ расчетъ, что значительная часть состоянія, на которое онъ, живя дурно съ женою, не успѣлъ у нея выцарапать духовной, принадлежала Катринъ, а не ему. Такимъ образомъ все это сдѣлаетъ совершенно понятною ту мрачную и тяжелую сцену, которая произошла между отцомъ и дочерью за обѣдомъ, — единственнымъ временемъ, когда они видались между собою.

— Вы не слыхали, куда Ченцовъ уѣхалъ?—начала Катринъ, измученная до послѣдней степени неизвѣстностью о дорогомъ ей, все-таки, человѣкѣ.

— А чортъ его знаетъ! — отвѣчалъ Крапчикъ сердитымъ тономъ.

— Я думала, что не одинъ чортъ, а и вы это знаете,—проговорила Катринъ, явно желая сказать отцу дерзость.

— Почему-жь ты это думала?—спросилъ Крапчикъ, какъ-бы не понявъ ея намѣренія.

— Потому что онъ долженъ вамъ, а то, если онъ не пріѣдетъ сюда больше, съ кого-же вы взыщете его проигрышъ?

Крапчикъ улыбнулся.

— Дядя за него заплатитъ!—пояснилъ онъ.

— Какъ это благородно!—произнесла, пожимая плечами, Катринъ.

— Къ чему такое восклицаніе твое?... Ченцовъ самъ мнѣ поставилъ поручителемъ за себя дядю!—

сказалъ Крапчикъ, все еще старавшійся сдерживать себя.

— Онъ это сказалъ, вѣроятно, думая, что вы и съ него не захотите получить этихъ денегъ.

Говоря это, Катринъ очень хорошо знала, что укорить отца въ жадности къ деньгамъ—значило нанести ему весьма чувствительный ударъ, такъ какъ Крапчикъ, въ самомъ дѣлѣ, дрожавшій надъ каждою копѣйкой, по наружности всегда старался представить изъ себя человѣка щедраго и чуть-чуть что не мота.

— Нѣтъ, Ченцовъ этого не думалъ!—возразилъ онъ, притворно разсмѣявшись:—какъ игрокъ и игрокъ серьезный, Ченцовъ понимаетъ, что карточный долгъ священнѣ всякаго!... Я съ нимъ игралъ не на щепки, а на чистыя деньги, которыя у него лежали передъ глазами.

— Хорошо, что у васъ много денегъ; а у него ихъ нѣтъ, но играть онъ любитъ!...—воскликнула Катринъ.—Кромѣ того онъ пьянъ былъ совершенно, —нельзя-же пьянаго человѣка обыгрывать!

Терпѣніе Крапчика истощилось, и онъ не совладѣлъ долѣе съ собой.

— Если ты будешь смѣть такъ говорить со мной, я провяну тебя!—зашипѣлъ онъ, крѣпко прижавъ свой могучій кулакъ къ столу. — Я не горничная твоя, а отецъ тебѣ, и ты имѣешь дерзость сказать мнѣ въ глаза, я что шулеръ, обыгрывающій навѣрняка своихъ партнеровъ!

— Я не знаю, что такое шулеръ и не-шулеръ,—проговорила, гордо сложивъ руки на груди, Катринъ: — но я слышала сама, что вы приказывали

принести вина, когда Ченцовъ и безъ того уже былъ пьянъ.

— Это не я-съ приказываль, а онъ самъ себѣ, пьяница, требоваль!—закричалъ уже Крапчикъ на всю столовую: — и ты съ нимъ пила и чокалась и сидѣла потомъ вдвоемъ до трехъ часовъ ночи, неизвѣстно что дѣлая и о чемъ бесѣдая.

— О, я по очень простой причинѣ такъ долго бесѣдовала съ Ченцовымъ!... Я уговаривала его не платить вамъ своего долга, который я вамъ заплачу за него, и вы можете этотъ долгъ завтра же вычесть изъ денегъ, которыя получаютъ съ имѣнія покойной матери моей и у которой я, все-таки, наслѣдница!

Крапчикъ еще въ первый разъ выслушалъ отъ дочери эти страшныя для него слова, но, какъ человѣкъ практическій, онъ заранѣе предчувствовалъ, что они когда-нибудь будутъ ему сказаны, а потому, не слишкомъ смутившись, проговорилъ твердо и отчетливо:

— Изъ этихъ денегъ я не рѣшусь себѣ взять ни копейки въ уплату долга Ченцова, потому что, какъ можно ожидать по теперешнимъ вашимъ поступкамъ, мнѣ, вѣроятно, объ нихъ придется давать отчетъ по суду, и мнѣ тамъ совѣстно будетъ объявить, что такую-то сумму дочь моя мнѣ заплатила за своего обожателя.

— То-то, въ несчастію, Ченцовъ не обожатель мой, но если-бы онъ былъ имъ и предложилъ мнѣ выйдти за него замужъ,—что, конечно, невозможно, потому что онъ женатъ,—то я сочла-бы это за величайшее счастье для себя; но за вашего противнаго

Марейна я никогда не пойду, хоть-бы у него было не тысяча, а сто тысячъ душъ!

Сказавъ это, Катринъ встала порывисто изъ-за стола и, швырнувъ изъ-подъ себя стулъ на полъ, ушла къ себѣ на верхъ.

Крапчкъ остался очень разсерженный, но далеко не потерявшійся окончательно: конечно, ему досадно было такое рѣшительное заявленіе Катринъ, что она никогда не пойдетъ за Марейна; но, съ другой стороны, захочетъ-ли еще и самъ Марейнъ жениться на ней, потому что весь городъ говорилъ, что онъ влюбленъ въ старшую дочь адмиральши, Людмилу? Кромѣ того, Крапчика весьма порадовало признаніе дочери въ томъ, что Ченцовъ не обожатель ея, слѣдовательно тутъ нечего было опасаться какого-нибудь большаго скандала съ Катринъ, тѣмъ болѣе, что Ченцовъ теперь, какъ слышалъ о томъ Петръ Григорьичъ, удралъ за Людмилой, съ которою этотъ развратникъ давно уже возжался. Возна-мѣрившись послѣднее обстоятельство разузнать по-подробнѣе, Крапчкъ рѣшилъ мысленно, что обо всемъ этомъ пока нечего много беспокоиться: но между тѣмъ прошелъ день, два, три, Катринъ все сидѣла у себя наверху и не сходила внизъ ни чай пить, ни обѣдать, такъ что Крапчикъ спросилъ, наконецъ, ея горничную: «что такое съ барышней?» Та отвѣчала, что барышня больна.

— Тогда пусть она пошлетъ за докторомъ!... Я не смѣю этого сдѣлать, не зная, угодно-ли это будетъ ей, или нѣтъ! — произнесъ Крапчикъ съ насмѣшкой.

Горничная сходила къ барышнѣ и, возвратясь

отъ нея, донесла, что Катерина Петровна не желаетъ посылать за докторомъ.

Въ первое мгновеніе у Крапчика промелькнула было безпокойная мысль: «ну, а что если дочь умереть отъ несчастной любви къ Ченцову?» Въ томъ, что она была влюблена въ этого негодяя, Крапчикъ нисколько уже не сомнѣвался. Но къ нему и тутъ пришла на помощь его разсудительность: во-первыхъ, рассчитывалъ онъ, Катринъ никакъ не умретъ отъ любви, потому что наслѣдовала отъ него крѣпкую и здоровую натуру, способную не только вынести какую-нибудь глупую и неудавшуюся страсть, но что-нибудь и посильнѣе; потомъ, если-бы даже и постигнуло его, какъ отца, такое несчастіе, то, безъ сомнѣнія, очень тяжело не имѣть близкихъ наслѣдниковъ, но что-жь прикажете въ этомъ случаѣ дѣлать? Въ смерти дочери онъ, конечно, нисколько не будетъ себя считать виновнымъ, а между тѣмъ самъ лично избавится отъ множества огорченій, которыя Катринъ, особенно послѣднее время, дѣлала ему каждоминутно и—что обиднѣе всего—нарочно и съ умысломъ.

Отъ такого рода размышленій Крапчика отвлекла новая непріятность, гораздо горшая, чѣмъ всѣ прежнія. Здѣсь, впрочемъ, необходимо вернуться нѣсколько назадъ: еще за годъ передъ тѣмъ Петръ Григорычъ задумалъ перемѣнить своего управляющаго и сказалъ о томъ кое-кому изъ знакомыхъ; желающихъ занять это мѣсто стало являться много, но всѣ они какъ-то не нравились Крапчику: то былъ глупецъ, то явный пьяница, то очень оборванъ. Наконецъ, передъ самой масляницей ему доложили, что пришелъ какой-то молодой человекъ тоже съ пред-

ложеніемъ себя въ управляющіе. Крапчикъ велѣлъ пустить его къ себѣ въ кабинетъ, и предъ его очи предсталъ дѣйствительно молодой человѣкъ. Крапчикъ внимательно оглядѣлъ его съ головы до ногъ. Молодой человѣкъ оказался очень опрятно одѣтымъ, даже болѣе того: все на немъ было съ иголочки, какъ-бы сейчасъ только купленное; волосы у молодого человѣка были рыжіе, слегка кудреватые; глаза тоже почти рыжіе, но умные и плутоватые; по своему поклону онъ показался Крапчику похожимъ на семинариста.

— Вы изъ духовнаго званія?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ-съ, я изъ мѣщанъ!—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Уроженецъ здѣшній?

— Никакъ нѣтъ-съ, изъ дальнихъ мѣстъ!

— Какъ-же вы сюда попали?

Что-то въ родѣ небольшого румянца пробѣжало при этомъ вопросѣ по лицу молодого человѣка, и глаза его какъ-бы болѣе обыкновеннаго забѣгали.

— Родитель мой первоначально торговалъ, потомъ торговлю прикончилъ и вскорѣ померъ... Я, такимъ образомъ, сталъ одинъ, безъ всякой семьи, и вздумалъ ѣхать въ Петербургъ, но, проѣзжая здѣшній городъ, вижу, что онъ многолюдный,—рѣшилъ, что дай пока здѣсь попробую счастья.

— Но какъ вы узнали, что мнѣ нуженъ управляющій?

— Да я, извините, такъ сказать, не имѣвъ здѣсь никого знакомыхъ, заходилъ въ нѣкоторые господскіе дома и спрашивалъ, что нѣтъ-ли мѣстечка, и

на вашемъ дворѣ мнѣ сказали, что вамъ нуженъ управляющій.

Крапчикъ нахмурился: ему непріятно было, что прислуга вмѣшивается въ его дѣла; но что касается до наружности и отвѣтовъ молодаго человѣка, то всѣмъ этимъ оставался доволенъ.

— Вы прежде управляли какимъ-нибудь имѣніемъ?—сказалъ онъ.

— Никогда, но сельскую часть немного знаю.

— Гдѣ-же вы ее узнали?

— Родитель мой зеленью торговалъ... Огороды у него подгородные на арендѣ были и запашка небольшая.

— Оставилъ вамъ отецъ послѣ себя какое-нибудь состояніе?

— Да, такъ маленькій капиталецъ — тысячь въ нять!

И при этомъ молодой человѣкъ, проворно вынувъ изъ кармана билетъ приказа общественнаго и ризрѣнія, предъявилъ его Крапчику.

Тотъ осмотрѣлъ тщательно билетъ.

— Значить, вы уже здѣсь положили ваши деньги въ приказъ.

— Здѣсь!.. Живешь на постояломъ дворѣ, гдѣ-жь чуть деньги прятать, а билетъ-то тоненькій: сунешь его въ карманъ и ходишь покойно.

Крапчику такая предусмотрительность со стороны молодаго человѣка понравилась.

— Вотъ видите-съ,—началъ онъ:—доселѣ у меня были управляющіе изъ мопхъ крѣпостныхъ людей, но у всѣхъ у нихъ оказывалось очень много родныхъ въ имѣніи и разныхъ кумовъ и сваговъ, во-

торымъ они миротворили; а потому я рѣшился взять съ воли управляющаго, но не иначе какъ съ залогомъ, который, въ случаѣ какой-нибудь крупной плутни, я удержу въ свою пользу.

— Да не угодно-ли вамъ этотъ билетъ залогомъ у меня взять, а мнѣ выдать записочку, что онъ находится у васъ въ обезпеченіи?

Готовность молодаго человѣка дать отъ себя залогъ опять-таки пришлась по душѣ Крапчику.

— Вы, конечно, грамотный? — продолжалъ онъ спрашивать молодаго человѣка.

— Грамотный!—отвѣчалъ тотъ.

— Потрудитесь мнѣ написать ваше имя, отчество и званіе, присядьте на этотъ стулъ, и вотъ вамъ бумага и перо!

Молодой человѣкъ исполнилъ это приказаніе, и та посадка, которую онъ при этомъ принялъ, та умѣлость, съ которою онъ склонилъ голову на бокъ и взялъ въ руки перо, а также и красивый, бойкій почеркъ опять-таки напомнили Крапчику болѣе семинариста, чѣмъ лавочника.

— А на счетахъ и ариеметику вы знаете?

— Знаю-съ!

— Первую и вторую часть?

— Только первую! — объяснилъ, слегка подумавъ, молодой человѣкъ.

— Но гдѣ-жь вы всему этому научились?

— Сначала у священника нашего, а потомъ въ училищѣ!

— Въ духовномъ или свѣтскомъ?—допытывался Крапчикъ.

Молодой человѣкъ опять-таки позамялся нѣсколько.

— Въ свѣтскомъ!.. гдѣ-жь въ духовномъ!—отвѣтилъ онъ.

— Паспортъ вы, конечно, имѣете?

— Имѣю-съ!

И молодой человекъ подалъ паспортъ на имя мѣщанина Василя Иванова Тулузова. Крапчикъ очень внимательно прочелъ всѣ примѣты, написанныя въ паспортѣ, и онѣ ему показались схожими съ молодымъ человекомъ.

— И шрамъ на лѣвой рукѣ даже обозначенъ!— замѣтилъ онъ.

— Шрамъ есть у меня! — подхватилъ молодой человекъ и, загнувъ рукавъ у сюртука, показалъ весьма небольшой и еще красноватый рубецъ.

— Давно онъ у васъ?—разспрашивалъ Крапчикъ, какъ-бы подталкиваемый какимъ-то тайнымъ подозрѣніемъ.

— Недавно-съ!.. передъ отъѣздомъ почти оцарапнулъ себѣ это гвоздемъ! — объяснилъ молодой человекъ.

— Какое-же вы жалованье желаете получать? — поставилъ, наконецъ, послѣдній вопросъ отъ себя Крапчикъ.

— Жалованье, ваше превосходительство, у насъ, на примѣръ, по торговой части владется, глядя по заслугѣ, и что вы мнѣ назначите,—тѣмъ я и доволенъ буду.

«Значить, надѣется на себя!»—подумалъ не безъ удовольствія Крапчикъ, но вслухъ, однако, проговорилъ довольно суровымъ голосомъ:

— На всѣхъ этихъ условіяхъ я могу васъ взять къ себѣ!.. Имѣніе мое, которое вамъ поручится, по

хлѣбопашеству незначительное; но оно значительно по оброчнымъ сборамъ!.. Скотина, мой теперешній управляющій, накопилъ пропасть недоимки, которую вы прежде всего должны собрать. Способъ для того такой: вы объѣзжайте всѣхъ сосѣднихъ подрядчиковъ, которые вотъ именно великимъ постомъ подражаютъ рабочимъ и выдаютъ имъ задатки, и объявите имъ, чтобы крестьянамъ мопмъ, на которыхъ у меня числится недоимка, они денегъ на руки не выдавали, а вручали бы ихъ вамъ; если же подрядчики не сдѣлаютъ того, вы не выдавайте недоимщикамъ паспортовъ.

Въ прежнее время обыкновенно Крапчикъ поролъ жестоко крестьянъ, которые не доплачивали ему оброка; но нынѣ, имѣя въ виду все-таки висѣвшую надъ губерніей ревизію, рѣшился дѣйствовать болѣе законнымъ путемъ.

— Это легко сдѣлать!.. недоимку соберу... — произнесъ самонадѣянно молодой человѣкъ.

— Итакъ, вы завтра-же можете и ѣхать! — заключилъ Крапчикъ.

— Если прикажете, завтра-же поѣду, — сказалъ покорнымъ тономъ молодой человѣкъ и, получивъ на билетъ Приказа Общественнаго Призрѣнія отъ Крапчика росписку, ушелъ, а на другой день и совсѣмъ уѣхалъ въ имѣнье.

На третьей недѣлѣ поста, именно вскорѣ послѣ того какъ Крапчикъ поссорился съ дочерью, новый его управляющій прислалъ ему совершенно грамотное и весьма почтительное донесеніе, пересыпанное фразами: «ваше превосходительство», «по приказанію вашего превосходительства», «какъ благоугодно бу-

детъ вашему превосходительству». Въ донесеніи этомъ управляющій прежде всего объяснилъ, что недоимка съ крестьянъ имъ почти вся собрана, а затѣмъ слѣдовало довольно неприятное извѣстіе, что на дняхъ, по чьему-то безыменному доносу, къ нимъ въ имѣніе пріѣзжала земская полиція, въ сопровожденіи сенаторскаго чиновника, дѣлать дознанія о злоупотребленіяхъ, будто-бы господиномъ Крапчикомъ, помѣщичьей власти, но что онъ, управляющій, вода крестьянъ къ допросамъ, строго воспрещалъ имъ, что либо показывать на господина, угрожая, въ противномъ случаѣ, ссылкой на поселеніе, и что вслѣдствіе этого никто изъ крестьянъ ничего не показалъ въ подтвержденіе доноса.

За все это Крапчикъ, конечно, прежде всего поблагодарилъ Бога и похвалилъ мысленно распорядительность своего управляющаго; но новая выходка сенатора противъ него,—и выходка столь враждебная,—взбѣсила его до-нельзя, такъ что Крапчикъ, не медля ни минуты, облекся въ мундиръ, звѣзду, ленту, во всѣ свои кресты и медали и поѣхалъ къ его сіятельству объясниться. Войдя съ апломбомъ въ залу сенатора, онъ громогласно объявилъ дежурному чиновнику, что онъ губернской предводитель Крапчикъ и имѣетъ надобность видѣть графа. Възливый чиновникъ на первыхъ порахъ пошелъ-было проворно въ кабинетъ сенатора; но, возвратясь оттуда гораздо уже медленнѣе, сказалъ Крапчику, что графъ боленъ и не можетъ принять его.

— Но я пріѣхалъ по экстренному дѣлу и готовъ видѣть графа даже въ постели!—настаивалъ Крапчикъ.

Чиновникъ опять ушелъ въ кабинетъ, гдѣ про-

изошла нѣсколько даже комическая сцена: графъ, видимо, бывший совершенно здоровъ, но въ то-же время чрезвычайно разстроенный и недовольный, когда дежурный чиновникъ доложилъ ему о новомъ требованіи Крапчика принять его, обратился почти съ запальчивостью къ стоявшему передъ нимъ навытяжкѣ правителю дѣлъ:

— Вотъ плоды, которые мы пожинаемъ по поводу послѣдняго распоряженія,— вотъ они!

— Ваше сіятельство, мы должны были сдѣлать это распоряженіе!—сказалъ тотъ, не поднимая своихъ опущенныхъ глазъ.

— А если должны, такъ вы и ступайте объясняться съ господиномъ Крапчикомъ, а я не намѣренъ себя мучить, никакъ!..

— Я готовъ объяснить!—отвѣчалъ правитель дѣлъ.

— Прошу васъ!—проговорилъ сенаторъ и нервно понюхалъ табаку изъ осыпанной брилліантами табакерки.

Дѣло въ имѣніи Крапчика было чисто измышлено Звѣздкинымъ, который, явно уже дѣйствуя заодно съ madame Клавской, старался вредить, чѣмъ только возможно, всѣмъ врагамъ губернатора, въ числѣ коихъ Крапчикъ, конечно, былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ. Выйдя, по приказанію сенатора, въ залу къ губернскому предводителю, онъ не поклонился даже ему, равно какъ и Крапчикъ не сдѣлалъ для того ни малѣйшаго движенія. Оба они, кромѣ ужь вражды, представляли собой какія-то двѣ почти климатическія противоположности: Звѣздкинъ былъ петербургскій чиновничій парвеню, семинаристъ по

происхожденію, злой и обидчивый по наклонности своей къ чахоткѣ, а Крапчикъ—полувосточный человѣкъ и тоже своего рода выскочка, здоровый какъ желѣзная кочерга, не смотря на свои шестьдесятъ восемь лѣтъ, и уязвленный теперь въ самую суть свою.

— Графъ никакъ не можетъ принять васъ,—началь не совсѣмъ твердымъ голосомъ Звѣздкинъ:—а онъ мнѣ поручилъ объясниться съ вами.

Крапчикъ сердито понурилъ головой.

— Если графу такъ угодно понимать и принимать дворянъ, то я повинуюсь тому,—проговорилъ онъ:—но во всякомъ случаѣ прошу васъ передать графу, что я пріѣзжалъ къ нему не съ какимъ-нибудь пустымъ, свѣтскимъ визитомъ, а по весьма серьезному дѣлу: сегодня мною получено отъ моего управляющаго письмо, которымъ онъ мнѣ доноситъ, что въ одномъ изъ имѣній моихъ какой-то чиновникъ господина ревизующаго сенатора дѣлалъ дознаніе о моихъ злоупотребленіяхъ, какъ помѣщика,—дознаніе, по которому ничего не открылось.

— Ничего не открылось!—подтвердилъ и правитель дѣлъ.

— Такъ для чего-жь его и производили?.. — воскликнулъ съ злобнымъ хохотомъ губернской предводитель.

— Подоносу!—отвѣчалъ ему спокойно Звѣздкинъ.

— Позвольте-съ!—воскликнулъ снова Крапчикъ:—во-первыхъ, по безыменнымъ доносамъ законъ повелѣваетъ ничего не дѣлать, ни къ чему не приступать.

— Да, но только этотъ законъ не распространяется на ревизующихъ губерніи сенаторовъ!—воз-

разплъ Звѣздкинъ: — по Высочайше утвержденной инструкціи, данной графу въ руководство, онъ можетъ дѣлать дознанія не только что по доносамъ, но даже по слухамъ, дошедшимъ до него.

— Любопытно-бы было видѣть эту инструкцію, — сказалъ насмѣшливо Крапчикъ: — но, кромѣ того, слухъ слуху рознь. Это ужъ я говорю не какъ помѣщикъ, а какъ губернской предводитель дворянства: назначать неосмотрительно дознанія по этого рода дѣламъ значитъ прямо вызывать крестьянъ на бунтъ противъ помѣщиковъ, а это я не думаю, чтобы было пріятно Государю.

На это ужъ правитель дѣлъ улыбнулся.

— Графу очень хорошо извѣстно, что пріятно Государю и что нѣтъ, — объяснилъ онъ, видимо стараясь все своротить на графа, который, съ своей стороны, приложивъ ухо къ двери, подслушивалъ, что говоритъ его правитель дѣлъ и что Крапчикъ.

— Не знаю-сь, что извѣстно графу, но я на дняхъ уѣзжаю въ Петербургъ и буду тамъ говорить откровенно о положеніи нашей губерніи и дворянства, — сказалъ сей послѣдній въ заключеніе и затѣмъ, гордо поднявъ голову, вышелъ изъ залы.

Сенаторъ, прежде чѣмъ Звѣздкинъ возвратился въ кабинетъ, поспѣшилъ занять свое кресло, и когда тотъ войдя доложилъ съ нѣскольکو подобострастною улыбкой, что Крапчикъ успокоился и уѣхалъ, графъ вдругъ взглянулъ на него непріязненно и проговорилъ:

— Ничего, я вижу, вы не понимаете, или притворяетесь, что не понимаете!

Звѣздинъ былъ опѣшенъ и поспѣшилъ принять совершенно форму иалки.

— Вы можете ѣхать къ вашимъ занятіямъ въ губернское правленіе, — объявилъ ему сенаторъ.

Звѣздинъ счелъ возможнымъ только удалиться.

Графъ остался въ размышленіи: тысячи соображеній у него прошли въ головѣ, и яенѣ всего ему опредѣлилось, что взятая имъ на себя ревизія губерніи отзовется не легко для него въ Петербургѣ, и что главный исполнитель всѣхъ его предначертаній, Звѣздинъ, — плуть великій, котораго надобно опасаться. Чтобы разсѣять себя хоть сколько-нибудь отъ такихъ непріятныхъ мыслей, графъ ухалъ къ madame Клавской на весь остальной день и даже на значительную часть ночи.

Крапчикъ-же, возвратясь прямо домой отъ сенатора и увидавъ въ своей передней стоявшаго Антипа Ильича, пришелъ въ великую радость.

— Егоръ Егорычъ здѣсь? — спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ Антипъ Ильичъ: — я пріѣзжалъ сюда говѣть, а они въ Кузьмищевѣ, и я зашелъ къ вамъ, не будетъ-ли какого приказанія къ барину.

— Даже большое! — воскликнулъ Крапчикъ. — А ты подожди, я сейчасъ напишу ему письмо.

Антипъ Ильичъ поклонился въ изъявленіе того, что онъ будетъ дожидаться письма.

Крапчикъ изготовилъ Егору Егорычу весьма длинное посланіе, въ которомъ, не упоминая о своихъ личныхъ непріятностяхъ, описалъ другія дѣйствія сенатора и описалъ ихъ въ ужасающемъ видѣ, заклиная и умоляя Егора Егорыча немедленно

пріѣхать въ губернской городъ съ тѣмъ, чтобы писать и дѣйствовать сообща!

Какого рода впечатлѣніе письмо это произвело на Егора Егорыча и на доктора, мы уже знаемъ.

XII.

Былъ ясный мартовскій день съ легонькимъ морозцемъ. Въ залѣ хаотическаго дома Рыжовыхъ, освѣщенной яркимъ солнцемъ, раздавались звуки фортепіано, на которомъ часа уже три неустанно играла Муза. Исполняемая ею арія была несовсѣмъ отчетлива и понятна, вѣроятно, потому, что Муза фантазировала и играла свое. Непривычка къ творчеству чувствовалась сильно въ этихъ упражненіяхъ юной музыкантши, но, тѣмъ не менѣе, за нею нельзя было не признать талантливой изобрѣтательности, нѣкоторой силы чувства и пріятности въ самой манерѣ игры: съ восторженнымъ выраженіемъ въ своемъ продолговатомъ личикѣ и съ разгорѣвшимися глазами, Муза, видимо, была поглощена своимъ творчествомъ. Такимъ образомъ она давно ужъ творила и только иногда ничего изъ своихъ фантазій не могла записать на ноты. Вдругъ на дворъ къ Рыжовымъ влетѣла вся въ мыль тройка Егора Егорыча, а вмѣстѣ съ нею и онъ самъ, торча незамѣтной фигуркой изъ своихъ широкихъ пошевней, закрытыхъ полостью. У крыльца Егоръ Егорычъ что-то такое пробормоталъ кучеру и почти съ меньшей быстротой, какъ несся и на тройкѣ, влетѣлъ въ

переднюю, а затѣмъ и въ залу, такъ что Муза едва успѣла пріостановиться играть.

— Играйте, играйте!..—крикнулъ онъ ей.

Муза повиновалась ему и стала было играть, но Марѣицъ недолго слушалъ ее и, усѣвшисъ на ближайшій къ фортепіано стулъ, спросилъ:

— Гдѣ ваша мать и Людмила?

— Онѣ уѣхали въ Москву, — отвѣчала Муза, все еще остававшаяся подъ вліяніемъ своего творчества.

Егоръ Егорычъ, кажется, желалъ поразспросить еще, но, потерявъ себѣ лобъ, передумалъ и сказалъ:

— А гдѣ Сусанна Николаевна?

Странное дѣло: Сусанну Егоръ Егорычъ никогда не называлъ однимъ именемъ, какъ называлъ онъ Людмилу и Музу, а всегда съ прибавленіемъ отчества, точно желая тѣмъ выразить какое-то инстинктивное уваженіе къ ней.

— Сусанна съ тетей у обѣдни, — проговорила Муза, опять-таки болѣе занятая своей музыкальной фантазіей, чѣмъ вопросами Егора Егорыча.

Онъ замѣтилъ наконецъ это и снова предложилъ своей скороговоркой:

— Играйте, играйте!.. Мнѣ очень пріятно васъ слушать.

Муза принялась было продолжать свою фантазію, но у нея стало выходить что-то очень нескладное: при постороннихъ лицахъ она рѣшительно не могла спокойно творить. Впрочемъ, къ общему удовольствію обоихъ собесѣдниковъ, въ это время вмѣстѣ съ теткой-монахиней возвратилась Сусанна. Войдя въ залу и увидавъ Егора Егорыча, она удивилась и, по обыкновенію, покраснѣла. Монахиня-же, увидавъ

мужчину, попятилась, какъ-бы отъ чорта какого, назадъ въ переднюю, а потомъ и совсѣмъ ушла въ свою комнату. Тетя эта была родная сестра адмиральши и своей стыдливостью и дикостью превосходила во сто разъ Сусанну. Не выходя нигуда, кромѣ церкви, она большую часть времени проводила въ уединеніи и въ совершенномъ бездѣйствіи, все что-то такое шепча сама съ собой, и только иногда принималась разбирать свой сундукъ съ почти уже истлѣвшими свѣтскими платьями и вдругъ одѣвалась въ самое нарядное изъ нихъ, садилась передъ небольшимъ зеркальцемъ, начинала улыбаться, разводила руками и тоже шептала. Вообще, она давно походила на сумасшедшую, именно съ того времени, какъ въ двѣнадцатомъ году подъ Краснымъ убитъ былъ ея женихъ, послѣ чего она начала тосковать, повременамъ даже заговариваться и кончила тѣмъ, что поступила въ монастырь, завѣщавъ въ него свое состояніе.

Егоръ Егорычъ, какъ только появилась Сусанна, вскочивъ со стула и проговоривъ: — Ахъ, я очень радъ васъ видѣть! — подхватилъ ее, хоть и ловко, но почти насильно, подъ руку и увелъ съ собой въ гостиную. Бѣдная Сусанна еще болѣе покраснѣла, но послѣдовала за нимъ и усѣлась на томѣсто, которое занимала Юлія Матвѣевна при последнемъ объясненіи съ Егоромъ Егорычемъ; онъ тоже занялъ свое прежнее мѣсто.

— Вы давно сюда въ городъ пріѣхали?—начала Сусанна, чтобы что-нибудь сказать.

— Недавно!... сейчасъ только!... Зачѣмъ и для

чего ваша мать и Людмила уѣхали въ Москву? ...— бормоталъ Егоръ Егорычъ.

При этомъ у Сусанны вдругъ глаза наполнились слезами.

— Сестра сдѣлалась очень больна! — отвѣчала она.

— Чѣмъ? — спросилъ Егоръ Егорычъ, потупляя лицо.

— Не знаю! — проговорила тихимъ, но совершенно искреннимъ голосомъ Сусанна.

Тогда Егоръ Егорычъ снова поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее пристально.

Слезы у Сусанны уже текли по щекамъ.

— Но и вы больны!... вы страшно похудѣли и плачете! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, это я такъ!... — возразила Сусанна, стараясь смигнуть опять наполнившія ея глаза слезы: — я только очень скучаю по мамашѣ и по сестрѣ!... Мы еще такъ надолго никогда не разлучались.

Егоръ Егорычъ нѣкоторое время размышлялъ.

— Но отчего-же мать ваша не взяла васъ и Музы съ собой?—проговорилъ онъ затѣмъ.

— Мамаша говорила, что у нея денегъ нѣтъ, чтобы ѣхать всѣмъ намъ!—объяснила Сусанна.

— Это безжалостно и глупо съ ея стороны было оставить васъ!... — совсѣмъ ужъ вспылилъ Егоръ Егорычъ:—Если у ней не было денегъ, отчего она мнѣ не написала о томъ?

Сусанна робко молчала.

— Тутъ то, да не то!... да!... не то тутъ!—про-

изнесъ Егоръ Егорычъ и затѣмъ, снова подумавъ немного, присовокунилъ:

— А гдѣ мой племянникъ, Ченцовъ,—не знаете ли вы?

— Нѣтъ! — отвѣчала Сусанна, тоже, повидимому, совершенно искренно.

Между тѣмъ, звуки фортепіано, на которомъ съ возрастающей энергіей принялась играть Муза, оставшись одна въ залѣ и явно придя въ норму своего творчества, громко раздавались по всему дому, что еще болѣе наэлектризовывало Егора Егорыча и подавало ему пару.

— Адресъ вашей матери вы знаете?—спрашивалъ онъ.

— Да!...—протянула Сусанна.

— Дайте его мнѣ!... Я тоже ѣду въ Москву... Хотите, и вы поѣдете со мной?... Я васъ и сестру вашу свезу въ Москву.

Сусанна на первыхъ порахъ была удивлена и смущена такимъ предложеніемъ: конечно, ей безконечно хотѣлось увидать поскорѣе мать, но въ то-же время ѣхать съ Егоромъ Егорычемъ, хоть и немолодымъ, но все-таки мужчиной, ей казалось нѣсколько страшно.

— Я право не знаю!—сказала она:—согласитесь ли на это Муза.

— Позовите Музу!... мы ее спросимъ!—командовалъ Егоръ Егорычъ: у него образовался цѣлый планъ въ головѣ, какимъ образомъ устроить всю эту несчастную семью.

Сусанна сходила за сестрой, которая пришла, но съ лицомъ недовольнымъ: Музѣ досадно было,

что ее прервали на лучшемъ мѣстѣ творимой ею фантазіи.

Марейнъ началъ чисто ораторствовать, красно-рѣчиво доказывая, что обѣимъ сестрамъ, какъ дѣвушкамъ молодымъ, нѣтъ никакого повода и причины оставаться въ губернскомъ городѣ, тѣмъ болѣе, что онѣ, нѣжно любя мать свою, конечно, слушаютъ и страдаютъ, чему доказательствомъ служить даже лицо Сусанны, а потому онъ желаетъ ихъ свезти въ Москву и поселить тамъ.

Всѣ эти слова Егора Егорыча Сусанна слушала, трепеща отъ восторга, но Муза — нѣтъ, по той причинѣ, что, по отъѣздѣ матери и сестры, ей оказалось весьма удобнымъ жить въ большомъ и почти пустынномъ домѣ и разыгрывать свои фантазіи, тогда какъ, понятно, что въ Москвѣ у нихъ будутъ небольшія комнаты, да, пожалуй, и фортепiano-то не окажется.

— Нѣтъ, я не поѣду!... Мамаша желала, чтобы мы здѣсь остались, и я останусь!—произнесла она рѣшительно: какъ натура артистическая, Муза была до нѣкоторой степени эгоистка и искусство свое ставила превыше всѣхъ отношеній къ самымъ близкимъ ей людямъ.

Марейнъ потеръ себѣ лобъ и, любя снисходить ко всѣмъ пожеланіямъ людей и догадываясь, что Сусаннѣ очень хочется ѣхать къ матери, а Музѣ нѣтъ, что было для Егора Егорыча непонятно и досадно, онъ однако быстро рѣшилъ:

— Вы, Муза, оставайтесь здѣсь съ вашей старушкой-монахиней, а вы, Сусанна Николаевна, поѣдьте со мной.

— Хорошо!—отвѣтила послѣдняя, болѣе не раздумывая.

— Итакъ, завтра поутру я заѣду за вами! — заключилъ Марейнъ, уже расшаркиваясь передъ барышнями и цѣлуя ручку у той и у другой.

Пріѣхавъ въ свой номеръ въ гостиницу Архипова, онъ немедленно послалъ къ губернскому предводителю нарочнаго съ просьбою посѣтить его.

Крапчикъ, похудѣлый и какой-то позеленѣлый, скоро явился къ Егору Егорычу и сразу-же проговорилъ голосомъ, осипшимъ отъ желчной рвоты, которою онъ страдалъ передъ тѣмъ все утро.

— Медлить намъ нельзя-съ!... Всѣ наши планы касательно ревизіи разрушаются... Сенаторъ творитъ на каждомъ шагѣ беззаконія!

— Я не могу прямо ѣхать въ Петербургъ, я долженъ прежде заѣхать въ Москву!... — возразилъ ему бормоча Марейнъ.

Крапчика поразило и разсердило такое извѣстіе.

— По какой-же собственно надобности вамъ такъ необходимо ѣхать въ Москву?—спросилъ онъ.

— Я везу къ кузинѣ Рыжовой одну изъ дочерей ея, которая очень скучаетъ объ ней!—проговорилъ Егоръ Егорычъ, потупляясь отъ сознанія въ душѣ, что онъ неполную правду говоритъ въ этомъ случаѣ.

— Кто-же это скучаетъ,—мать или дочь?—переспросилъ Крапчикъ, какъ-бы не понявъ того, что сказалъ Егоръ Егорычъ.

— Дочь, но и мать, вѣроятно, скучаетъ!—пояснилъ тотъ.

— Что-жь матери скучать!—возразилъ съ недо-

вольнымъ смѣхомъ Крапчикъ:—она не одна въ Москвѣ поѣхала, а съ старшей своей дочерью.

— Да!—подтвердилъ Егоръ Егорычъ: — и Людмила, говорятъ, сильно больна.

— Не думаю, чтобъ очень сильно! — протянулъ Крапчикъ, кажется, начавшій уже догадываться, зачѣмъ Егоръ Егорычъ скачетъ въ Москву, а не прямо ѣдетъ въ Петербургъ, и рѣшившій за то преподнести ему нѣчто не совсѣмъ пріятное:—тутъ много по поводу ихъ отъѣзда разсказываютъ...

— Что такое?... что именно?—воскликнулъ Марейнъ.

— Разная болтовня идетъ, и этакая непріятная и обидная!

— Какая-же?— говорите! — началъ ужъ пристаывать Марейнъ:—мнѣ вы должны сказать и не можете утаивать отъ меня,—я единственный защитникъ и заступникъ за этихъ дѣвушекъ.

— Извольте, я вамъ скажу, хотя за достовѣрность этихъ слуховъ нисколько не ручаюсь: — за что купилъ, за то и продаю.

— Ну-съ!—торопилъ его Марейнъ.

— Говорятъ, во-первыхъ, что Людмила Николаевна безъ ума влюблена въ племянника вашего, Ченцова.

Егоръ Егорычъ прижался поплотнѣе къ спинкѣ своего кресла.

— Потомъ, что будто-бы...— началъ Крапчикъ уже съ перерывами:—они всѣ вмѣстѣ даже уѣхали въ Москву, вслѣдствіе того, что... Людмилѣ Николаевнѣ угрожаетъ опасность сдѣлаться матерью.

О послѣднемъ обстоятельстве Крапчикъ чортъ

знаеть отъ кого и узналъ, но только узналъ, а не выдумалъ.

Егоръ Егорычъ вспыхнулъ въ лицѣ и вскочилъ.

— Вы врете!... лжете! — крикнулъ онъ, обращаясь почти съ кулаками къ Крапчику.

— Я никакъ не вру, потому что съ того и началъ, что не утверждаю, правда это, или нѣтъ! — возразилъ тотъ спокойно: — и потомъ, какъ-же мнѣ прикажете поступать. Сами вы требуете, чтобы я передалъ вамъ то, что слышалъ, и когда я исполнилъ ваше желаніе,—вы на меня-же кидаетесь!

— Но вы понимаете-ли, что говорить такія вещи о дѣвушкѣ, значитъ—позорить, убивать ее, и я не позволю того никому и всѣмъ ротъ зажму! — продолжалъ кричать Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ-съ, всѣмъ ротъ нельзя зажать!—не уступалъ Крапчикъ.

— Зажму, потому что если-бы тутъ что-нибудь такое было, то это мнѣ сказали-бы и племянникъ, и сама Людмила.

— Положимъ, что вамъ не сказали-бы того, — замѣтилъ усмѣхнувшись Крапчикъ, какъ-бы находившій какое-то наслажденіе для себя мучить Егора Егорыча.

— Отчего не сказали-бы? — проговорилъ тотъ запальчиво.

— Оттого, что я, опять-таки, передаю вамъ слухи,—что вы сами были равнодушны къ Людмилѣ Николаевнѣ.

Егоръ Егорычъ снова вспыхнулъ въ лицѣ. Отвергнуть свое увлеченіе Людмилою онъ, по своей

правдивости, не могъ, но и признаться въ томъ ему какъ-то было совѣстно.

Впрочемъ Егоръ Егорычъ успѣшилъ выкинуть изъ души этотъ ложный стыдъ.

— Да, былъ!—подтвердилъ онъ.

— Вотъ видите-съ, дѣло какое!—подхватилъ не безъ ядовитости Крапчикъ: — вы, конечно, должны согласиться, что отъ васъ было болѣе, чѣмъ отъ кого-либо, все скрывается.

— Но если отъ меня скрывали, то Людмила матери-бы сказала!

— Матери, можетъ быть, она и сказала, какъ дѣло-то въявь ужь подошло.

— Нечему тутъ въявь приходиться, — не смѣйте этого при мнѣ повторять!— снова вспылилъ Егоръ Егорычъ.

— Да я ничего такого и не повторяю, я хочу сказать только, что нынче дѣти не очень бываютъ откровенны съ родителями и не утѣшеніе, не радость наша, а скорѣй горе!—намекнулъ Крапчикъ и на свое собственное незавидное положеніе.

Егоръ Егорычъ ничего ему на это не сказалъ, чувствуя, что внутри у него, въ душѣ его, что-то такое какъ-бы лопнуло, потомъ все взбудоражилось и перевернулось вверхъ ногами.

Крапчикъ, въ свою очередь, немножко ужь и раснаивался, что такъ взволновалъ своего друга, понавѣвъ, что теперь никакимъ рычагомъ не своротишь того съ главнаго предмета его безпокойствъ, а потому рѣшился вытянуть изъ Егора Егорыча хоть малую толику пользы для своихъ цѣлей.

— Но когда-же вы выѣзжаете отсюда?—спросилъ онъ.

— Завтра!—отвѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— А не можете-ли вы мнѣ сказать, когда вы приблизительно изъ Москвы въ Петербургъ пріѣдете?...

— Черезъ мѣсяць! — сказалъ врядъ-ли не наобумъ Егоръ Егорычъ.

Крапчикъ поникъ головой.

— Ахъ, какъ это дурно и вредно можетъ отразиться на нашемъ общемъ дѣлѣ! — произнесъ онъ печально.

— Поѣзжайте пока одни!... Что я вамъ?—не маленькіе!—окрысился на него Марейнъ.

— Одинъ ужъ поѣду,—подчинился Крапчикъ:— но по крайней мѣрѣ вы должны снабдить меня письмами къ нѣсколькимъ вліятельнымъ лицамъ, — при-совокупилъ онъ жалобнымъ голосомъ.

— Къ кому?—пробормоталъ Марейнъ.

— Прежде всѣхъ, конечно, къ князю Александру Николаевичу, а потомъ и къ другимъ лицамъ, къ коимъ вы найдете нужнымъ.

— Пока достаточно написать одному князю,—перебилъ Крапчика Егоръ Егорычъ:—и смотря, что онъ вамъ скажетъ, можно будетъ отнестись и къ другимъ лицамъ.

— Хоть князю, по крайней, мѣрѣ, напишите,— произнесъ покорнымъ голосомъ Крапчикъ:—и главная моя просьба въ томъ, чтобы вы, не откладывая времени, теперь-же это сдѣлали: а то при вашихъ хлопотахъ и тревогахъ, пожалуй, вы забудете.

— Могу и теперь!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ и, проворно вынувъ изъ портфеля листъ почтовой бумаги, на верху котораго поставилъ первоначально маленькій крестикъ, написалъ князю письмо, какое швырнулъ Крапчику и проговорилъ:

— Я тутъ прошу князя, чтобы онъ вѣрилъ вамъ, какъ мнѣ-бы повѣрилъ.

— Конечно, такъ-же бы, какъ и вамъ!... Слава Богу, мы до сихъ поръ еще не различествовали въ нашихъ мнѣніяхъ, — говорилъ Крапчикъ, кладя письмо бережно себѣ въ карманъ, и затѣмъ распростился съ хозяиномъ масонскимъ поцѣлуемъ, пожелавъ какъ можно скорѣе опять увидаться.

Егоръ Егорычъ, оставшись одинъ, хотѣлъ было (къ чему онъ всегда прибѣгалъ въ трудныя минуты своей жизни) заняться умнымъ дѣланіемъ, и когда ради сего спустилъ на окнахъ шторы, заперъ входную дверь, сжалъ для полного безмолвія свои уста и, постаравшись сколь возможно спокойнѣе усѣсться на своемъ креслѣ, сталъ дышать не грудью, а носомъ, то черезъ весьма короткое время начиналъ уже чувствовать, что силы духа его сосредоточиваются въ области сердца или — точнѣе — въ солнечномъ узлѣ брюшныхъ нервовъ, то есть подъ ложечкой; однако, изъ такого созерцательнаго состоянія Егоръ Егорычъ былъ скоро выведенъ стукомъ, раздавшимся въ его дверь. Онъ поспѣшилъ ее отпереть, и передъ нимъ появился почтальонъ, подавшій ему письмо, взглянувъ на которое Егоръ Егорычъ былъ пораженъ, потому что письмо оказалось адресованнымъ рувою племянника, а штемпель обозначалъ, что оно послано было изъ Орла. Племян-

никъ писалъ Егору Егорычу, что онъ, рѣшившись снова поступить въ военную службу, поѣхалъ на Кавказъ, но въ Орлѣ такъ сильно заболѣлъ, что долженъ былъ пріостановиться.

Далѣе, Ченцовъ единственное небольшое имѣніе свое, оставшееся у него непромотаннымъ, умолялъ дядю продать или взять за себя, но только выслать ему—и выслать какъ можно скорѣе—денегъ, потому что онъ, выздоровѣвъ, все-таки предполагалъ непременно уѣхать на Кавказъ, гдѣ деньги ему будутъ нужны на экипировку. Егоръ Егорычъ ничего не могъ разобратъ: Людмила, Москва, любовь Людмилы къ Ченцову, Орелъ, Кавказъ, все это перемѣшалось въ его умѣ, и прежде всего ему представился вопросъ, правда или нѣтъ то, что говорилъ ему Крапчикъ, и онъ хоть кричалъ на того и сердился, но въ то-же время въ глубинѣ души его шевелилось, что это не совсѣмъ невозможно, ибо Егору Егорычу самому пришло въ голову нѣчто подобное, когда онъ слышалъ отъ Антипа Ильича объ отъѣздѣ Рыжовыхъ и племянника изъ губернскаго города; но все-таки, какъ истый оптимистъ, будучи болѣе склоненъ воображать людей въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, Егоръ Егорычъ успѣшилъ отклонить отъ себя эту злую мысль и почти вслухъ пробормоталъ: «Конечно, неправда, и доказательство тому, что если-бы существовало что-нибудь между Ченцовымъ и Людмилой, онъ не ускакалъ-бы на Кавказъ, а оставался-бы около нея». Кромѣ того и самое письмо Валеріана затронуло въ Егорѣ Егорычѣ все еще тлѣвшуюся въ племяннику родственную любовь, тѣмъ болѣе, что

Ченцовъ снова повторилъ очень непріятную для дяди фразу, что пропасть, въ которую суждено ему рухнуть, кажется, недалеко передъ нимъ зияеть. Чтобы не дать въ себѣ застынуть своему доброму движенію, Егоръ Егорычъ немедленно позвалъ хозяина гостиницы и поручилъ ему отправить по почтѣ двѣ тысячи рублей къ племяннику съ коротенькимъ письмецомъ, въ которомъ онъ увѣдомлялъ Валеріана, что имѣніе его оставляетъ за собой и будетъ высылать ему деньги по мѣрѣ надобности. Совершивъ все сіе, Егоръ Егорычъ опять началъ восклицать вслухъ: «Куда-же мнѣ беречь и для чего? Развѣ не Валеріану-же все достанется?..» Но тутъ у него промелькнула и другая мысль! «Надобно оставить какое-нибудь прочное обезпеченіе и Людмилѣ!...» А потомъ онъ вспомнилъ и объ адмиральшѣ и двухъ ея другихъ дочеряхъ. Не хорошо-же, казалось Егору Егорычу, обойти ихъ совѣмъ. «Всѣмъ дамъ!... между всѣми раздѣлю!...»—рѣшилъ онъ и вознамѣрился обо всемъ этомъ обстоятельно переговорить съ Рыжовыми при свиданіи съ ними въ Москвѣ.

Поутру Егоръ Егорычъ, проснувшись послѣ довольно сносно проведенной ночи, умылся, одѣлся, помолился и, когда ему донесли, что на пошевни его поставлена кибитка и что даже приведены и заложены почтовые лошади, онъ — это было часовъ около десяти—отправился, одѣтый совѣмъ по дорожному, въ домъ Рыжовыхъ, гдѣ засталъ сцену, умилившую его до глубины души. Въ моментъ пріѣзда его, тамъ приходскій священникъ съ причтомъ служилъ напутственный молебенъ. Впереди прочихъ

стояли: Сусанна въ ваточномъ платьѣ, съ лицомъ серьезнымъ, и Муза, съ лицомъ еще болѣе, чѣмъ у сестры, нахмуреннымъ; а за ними вся комнатная прислуга: двѣ-три хорошенькія горничныя, оборванный лакей, оборванный тоже поварь, вдобавокъ еще небритый и распространявшій отъ себя довольно сильный запахъ жаренаго луку. Священникъ довольно торопливо и переболтавшимся языкомъ читалъ евангеліе и произносилъ слова: «откуда мнѣ сіе да приидеть мати Господа моего ко мнѣ!» Увидавъ Марѳина, онъ сталъ читать нѣсколько медленнѣе, и даже дьячокъ, раздувавшій передъ тѣмъ съ раскраснѣвшимся лицомъ кадило, оставилъ занятіе и по окончаніи евангелія затянулъ вмѣстѣ съ священникомъ: «Заступница усердная, мати Господа вышняго...» Молебенъ собственно служили иконѣ Казанской Божіей Матери, считавшейся въ роду Рыжовыхъ чудотворною и стоявшей въ настоящемъ случаѣ съ почетомъ въ углу залы на столикѣ, покрытомъ бѣлою скатертью. Сусанна и Муза молились усердно, первая даже съ преклоненіемъ колѣнъ, но Муза стоя: ее замѣтно беспокоилъ рѣзкій и фальшивый басъ священника. Старушка монахиня спряталась въ углу за одну изъ половинокъ отворенныхъ изъ корридора дверей; что она тамъ дѣлала — неизвѣстно, и слышался только шепотъ ея; горничныя замѣтно старались дѣлать истовые кресты и имѣть печальныя лица; поварь употреблялъ надъ собой усиліе, чтобы не икнуть на всю комнату. Егоръ Егорычъ, ставъ около фортепіано, невольно началъ глядѣть на Сусанну, и часто повторяемыя священникомъ слова: «мати Господа моего», «мати

Господа вышняго», совершенно противъ воли его вызвали въ немъ воспомнаніе объ одной изъ множества видѣнныхъ имъ за-границей мадоннъ, на которую показалась ему чрезвычайно похожею Сусанна, — до того лицо ея было чисто и духовно.

Молебень вскорѣ пришелъ къ окончанію, и всѣ подошли къ кресту. Священникъ всѣхъ окроплъ слегка святой водой, послѣ чего сослекъ съ себя ризы и ушелъ вмѣстѣ съ причтомъ. Началось прощаніе; первыя поцѣловались обѣ сестры: Муза, сама не пожелавшая, какъ мы знаемъ, ѣхать съ сестрой къ матери, не выдержала, наконецъ, и заплакала; но что я говорю заплакала! — она зарыдала на всю залу, такъ что двѣ горничныя кинулись поддержать ее; заплакала также и Сусанна, заплакали и горничныя; даже поваръ прослезился и, подойдя къ барышнямъ, поцѣловалъ руку не у отъѣзжающей Сусанны, а у Музы; старушка-монахиня неожиданно вдругъ отмахнула скрывавшую ее дверь и начала всѣхъ благословлять обѣими руками, какъ—видала она—дѣлаетъ это архіерей. Егоръ Егорычъ, стоявшій по-прежнему у фортепіано въ нѣсколько рисующейся позѣ и тоже съ давно текущими по щекамъ слезами, торопливо подошелъ къ Сусаннѣ и, не допустивъ, чтобы она еще болѣе не разстроилась, проститься съ полусумасшедшей теткой, повелъ ее въ переднюю, надѣлъ на нее сальонъ, капоръ и, посадивъ въ повозку, вскочилъ вслѣдъ за тѣмъ и самъ туда. Почтовый извозчикъ, озлобленный съ виду парень, проговоривъ: «эхъ, вы, одры!» — сразу-же началъ загнанныхъ почтовыхъ лошадей дупить кну-

домъ по бокамъ, такъ что тѣ не выдержали, наконецъ,—отступились отъ дурака и заскакали.

Прислуга въ домѣ стала расходиться, но Муза, сѣвъ за фортепіано, все еще продолжала нѣкоторое время потихоньку плакать: чувство дочери и сестры въ ней пересилило на этотъ разъ артистку. Вирочемъ, убѣдившись, наконецъ, что не воротить того, что совершилось, она принялась играть. Звуки громкіе и даже правильно-сочетованные полились изъ-подъ ея маленькихъ пальчиковъ. Старый и пространный домъ, какъ-бы желая способствовать ея вдохновенію, вторилъ во всѣхъ углахъ своихъ тому, что она играла, а играла Муза на тему терзающей ее печали, и съумѣй она записать играемое ею, изъ этого, можетъ быть, вышло-бы нѣчто весьма замѣчательное, потому что тутъ работали заодно сила впечатлѣнія и художественный импульсъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ весьма грязномъ и безлюдномъ московскомъ переулкѣ на Гороховомъ-Полѣ существовалъ въ тридцатыхъ годахъ небольшой одноэтажный деревянный домишко, на воротномъ столбѣ котораго значилось: «Домъ вдовы подполковницы Миropy Митріевны Зудченки». Подъ этой дощечкой почти постоянно видѣлась записка: «отдаетца квартира о трѣхъ комнатахъ». Но послѣднее время записка эта исчезла по той причинѣ, что вышесказанныя три комнаты наняла пріѣхавшая въ Москву съ дочерью адмиральша, видимо выбиравшая уединенный переулокъ для своего мѣстопробыванія и желавшая непременно нанять квартиру у одинокой женщины и пожилой, за какую она и приняла владѣтельница дома; но Миropa Дмитріевна Зудченко вовсе не считала себя пожилою дамою и всѣмъ своимъ знакомымъ доказывала, что у женщины никогда не надобно спрашивать, сколько ей лѣтъ, а должно смотрѣть, какою она кажется на

видъ; на видъ-же Миропа Дмитріевна, по ея мнѣнію, казалась никакъ не старѣе тридцати пяти лѣтъ, потому что если у нея и появлялись сѣдые волосы, то она немедля ихъ выщипывала; три-четыре вынавшіе зуба были замѣнены вставленными; цвѣтъ ея лица постоянно освѣжался разными притираньями; при этомъ Миропа Дмитріевна была стройна; глаза имѣла хоть и небольшіе, но черненькіе и свѣтящіеся, носъ тонкій; ротъ, правда, довольно широкій, провалистый, но безъ пріятности; словомъ, всей своей фізіономіей она напоминала нѣсколько мышь, способную всюду пробѣжать и все вынюхать, что подтверждалось даже прозвищемъ, которымъ называли Миропу Дмитріевну сосѣдніе лавочники:—дама обдѣлистая.

Жила Миропа Дмитріевна въ своемъ маленькомъ домикѣ очень открыто: молодые офицеры учебнаго карабинернаго полка, расположеннаго неподалеку въ красныхъ казармахъ, были всѣ ей знакомы, очень часто приходили къ ней на цѣлый вечеръ, и она ихъ обильно угощала чаемъ, Жуковымъ табакомъ, ради котораго Миропа Дмитріевна сохранила всѣ трубки покойнаго мужа, а иногда и водочкой, сопровождаемой селедкой и сосисками подъ канустой.

Бесѣдуя съ молодыми людьми, Миропа Дмитріевна замѣтно старалась имъ нравиться и между прочимъ постоянно высказывала такого рода правила, чтобы богатые дѣвушки или вдовы съ состояніемъ непременно выходили за бѣдныхъ молодыхъ людей, какое ея мнѣніе было очень на руку офицерамъ карабинернаго полка, такъ какъ всѣ почти они не были надѣлены благами фортуны; съ другой стороны Ми-

ропа Дмитриевна полагала, что и богатые молодые люди должны жениться на бѣдныхъ невѣстахъ. Сверхъ того, она утверждала, что люди дѣловые, разсудительные пускай женятся на какихъ имъ угодно неземныхъ существахъ, но что людямъ съ душой доброй, благородной слѣдуетъ выбирать себѣ подругу жизни, которая умѣла-бы хозяйничать и вездѣ во всемъ распорядиться.

Единственнымъ оппонентомъ этой теоріи Миропы Дмитриевны являлся постоянно здоровнѣйшій и холостой еще капитанъ Аггей Никитичъ Звѣревъ, который утверждалъ, что для счастья брака нужны только любовь и хорошенькая жена. Надобно сказать, что капитанъ Звѣревъ по окончаніи польской кампаніи стоялъ нѣкоторое время въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ и пріобыкъ спорить съ паннами и панночками. Въ силу чего онъ обыкновенно осыпалъ Миропу Дмитриевну множествомъ примѣровъ тому, какъ черезъ золото слезы льются въ бракахъ, между тѣмъ съ красивой женой и въ бѣдности часто устроивается счастье.

— Ахъ, ко всякой красотѣ мужчины приглядываются!.. — восклицала съ одушевленіемъ Миропы Дмитриевна и объясняла далѣе, что это ей извѣстно изъ собственнаго опыта, ибо покойный мужъ ея, не смотря на то, что она была молоденькая и хорошенькая, спустя годъ послѣ свадьбы сталъ къ ней замѣтно холоденъ.

Возраженіе это нисколько не сбивало капитана: онъ продолжалъ упорно стоять на своемъ и вообще, по многимъ вопросамъ, расходился въ своихъ мнѣніяхъ съ Миропой Дмитриевною, причемъ въ ней,

сколько ни subtilна была ея фигура, всегда проглядывали нѣкоторая практичность и матеріальность, а у здоровеннѣйшаго капитана, напротивъ, поэзія и чувство.

Споря такимъ образомъ съ капитаномъ, Миропы Дмитріевна, впрочемъ, замѣтно предпочитала его другимъ офицерамъ и даже ему самому въ глаза говорила, что онъ душа общества. Капитанъ при этомъ самодовольно обдергивалъ свой виць-мундиръ, всегда у него застегнутый на всѣ пуговицы, всегда съ выпущенною изъ-за борта, какъ-бы эксельбантъ, толстою золотою часовою цѣпочкою, и просиживалъ у Зудченки до глубокой ночи, луна затѣмъ отъ нея въ красныя казармы пѣхтурой и не только не боясь, но даже желая, чтобы на него напали какіе-нибудь жулики, съ которыми капитанъ надѣялся самолично распорядиться, не прибѣгая ни къ чьей посторонней помощи: сплищи Звѣревъ былъ дѣйствительно неимовѣрной. Другіе молодые офицеры, знавшіе объ его позднихъ засиживаньяхъ у вдовушки, смѣялись ему:

— У тебя, Звѣревъ, съ этой шелкушкой Миропой должно-быть того?

— О, чортъ-бы ея дралъ!..—отшучивался онъ:— у меня, батеньки, можетъ быть того только съ хорошенькими женщинами, а мы такихъ видали въ Царствѣ Польскомъ между панночками.

Когда новые постояльцы поселились у Миропы Дмитріевны, она въ ближайшее воскресенье не преминула зайти къ нимъ съ визитомъ въ костюмѣ весьма франтоватомъ: волосы на ея вискахъ были, сколько только возможно, опущены низко; бархатная черная шляпка съ длинными и высоко-припод-

нятыми полями и съ тульей нѣсколько на-бекрень принадлежала къ самымъ моднымъ, называемымъ тогда шляпками Изабеллины; платье мериносовое, голубаго цвѣта, имѣло надутые, какъ пузыри, рукава; станъ Миропы Дмитріевны перетягивалъ шелковый кушакъ съ серебряной пряжкой напередѣ, и, сверхъ того, отъ всей особы ея вѣяло благоуханіемъ мусатовской помады и духовъ амбре.

Миропа Дмитріевна непремѣнно ожидала, что Рыжовы примуть ее привѣтливо и даже съ уваженіемъ, но, къ удивленію своему, она совершенно этого не встрѣтила, и началось съ того, что къ ней вышла одна только старуха адмиральша съ лицомъ какимъ-то строгимъ и печальнымъ и объявила, что у нея больна дочь, и что поэтому онѣ ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ своихъ видаться не будутъ. Миропа Дмитріевна, прямо принявшая эти слова на свой счетъ, очень недолго посидѣла и ушла, давъ себѣ слово больше не заходить къ своимъ постояльцамъ и за ихъ грубый приемъ требовать съ нихъ квартирныя деньги впередъ; но демонъ любопытства, терзавшій Миропу Дмитріевну болѣе чѣмъ кого-либо, не далъ ей покоя, и она строго приказала двумъ своимъ крѣпостнымъ рабамъ, горничной Агашѣ и кухаркѣ Семеновнѣ, разузнать, кто-же будетъ готовить кушанье и прислуживать Рыжовымъ. Оказалось, что адмиральша раннимъ утромъ куда-то ѣздила и привезла подслѣповатую старушонку, которая и предназначена была у нихъ исполнять ту и другую должность.

«Вотъ тебѣ на!» подумала не безъ ироніи Миропа Дмитріевна: «какимъ же это образомъ адмиральша, — все-таки, вѣроятно, женщина обезпечен-

ная пенсіей и имѣющая, можетъ быть, свое по-
мѣстье, — пріѣхала въ Москву безъ всякой своей
прислуги?»... Обо всѣхъ этихъ недоумѣніяхъ она
передала капитану Звѣреву, пришедшему къ ней ве-
черомъ, и тотъ, не задумавшись, рѣшилъ:

— Романъ тутъ какой-нибудь!

— Романъ?—воскликнула Миропа Дмитріевна съ
сильно засвѣтлѣвшими глазками.

— Конечно, романъ! — повторилъ Аггей Ники-
тичъ:—въ Варшавѣ это почти каждодневно бываетъ.

— Но романъ у дочери, я полагаю, а не у ста-
рухи, — замѣтила Миропа Дмитріевна.

— Вѣроятно!—подтвердилъ капитанъ.— И ска-
жите: эта дочка хорошенькая?

— Очень!.. очень!..—почти взвизгнула Миропа
Дмитріевна.—Сначала я ее,—продолжала она:—и не
разсмотрѣла хорошенько, когда отдавала имъ квар-
тиру; но вчера поутру, такъ, будто гуляя по тро-
туару, я стала ходить мимо ихъ оконъ, и вижу—въ
одной комнатѣ сидитъ адмиральша, а въ другой дочь,
которая, вѣроятно, только-что встала съ постели и
стоитъ недалеко отъ окна въ одной еще рубашечкѣ,
совершенно распущенной,—и что это за красота у
ней: личико и турниюръ весь — чудо что такое! Ну,
вообразите вы себѣ сливки, въ которыя опущены
листья розы!

Капитанъ при этомъ какъ-бы даже заржалъ слегка.

— Это хорошо, должно быть!—произнесъ онъ.

— Удивительно, неописанно хорошо!..—подхва-
тила Миропа Дмитріевна:—и я вотъ теперь припо-
минаю, что вы совершенно справедливо сказали, что
тутъ какой-нибудь романъ, потому что у дочери,

тоже какъ и у матери, лицо очень печальное, точно она всю ночь плакала.

— Будешь плакать, какъ эта проклятая любовь заползетъ червячкомъ въ душу!..—проговорилъ съ удареніемъ капитанъ.

Миропа Дмитриевна совершенно справедливо говорила, что на лицахъ Людмилы и адмиральши проглядывала печаль. Въ тотъ именно день, какъ за ними подсматривала Зудченко, у нихъ произошелъ такого рода разговоръ:

— Ты принимала ту микстуру, которую я тебѣ привезла?—спросила Юлія Матвѣевна сухимъ тономъ.

— Принимала, — отвѣчала дочь нехотя и съ оттѣнкомъ досады.

— И что-же, лучше, поспокойнѣе себя чувствуешь?

— Нѣтъ!

— А покушать чего не хочешь-ли?

— Нѣтъ!

Проговоря это, Людмила, видимо терзаемая мучащей ее тоской, встала и ушла въ свою комнату.

Старуха-же адмиральша подняла свои глаза на висѣвшій въ углу дорожный образокъ Казанской Божіей Матери, какъ-бы возлагая всѣ свои надежды на Владычицу.

Передъ тѣмъ какъ Рыжовымъ уѣхать въ Москву, между матерью и дочерью, этими двумя кроткими существами, разыгралась страшная драма, которую я даже не знаю, въ состояніи-ли буду съ достаточною прозрачностью и силою передать. Вскорѣ послѣ сенаторскаго бала Юлія Матвѣевна совершенно случайно и безъ всякаго умысла, но тѣмъ не менѣе тихо, такъ что не скрипнула подъ ея ногой ни одна пар-

кетинка, вошла въ гостиную своего хаотическаго дома и увидала тамъ, что Людмила была въ объятіяхъ Ченцова. Какъ-бы сразу все прояснилось и объяснилось въ недалекомъ умѣ старухи: и эта необыкновенная дружба дочери съ Ченцовымъ, и разныя, никогда прежде не замѣчаемыя въ Людмилѣ странности, и, наконецъ, прихварываніе ея. Людмила первая замѣтила мать и, вскрикнувъ съ ужасомъ: «мамаша!» убѣжала къ себѣ на верхъ. Юлія Матвѣевна, съ лицомъ какъ-бы мгновенно утратившимъ свое простодушіе и принявшимъ строгое выраженіе, обратилась къ Ченцову, тоже окончательно смущенному, и сказала:

— Я надѣюсь, что ваша нога больше не будетъ въ моемъ домѣ?

Ченцовъ, ничего не отвѣтивъ, а только неловко поклонившись, ушелъ изъ гостиной, а потомъ и совсѣмъ уѣхалъ изъ хаотическаго дома.

Адмиральша прошла на верхъ, въ комнату дочери. Людмила лежала въ постели, уткнувшись лицомъ въ подушки и плача.

— Мы съ тобой завтра-же ѣдемъ въ Москву!— проговорила рѣшительно и твердо адмиральша.

— Зачѣмъ?—отозвалась глухо и сквозь слезы дочь.

— Я тебѣ послѣ скажу!.. Поѣдешь?

Людмила нѣкоторое время не отвѣчала. Старуха, съ прежнимъ выраженіемъ въ лицѣ и въ какой-то окаменѣлой позѣ, стояла около кровати дочери и ожидала отвѣта ея. Наконецъ Людмила, не переставая плакать, отозвалась на вопросъ матери:

— Хорошо, мамаша, я поѣду съ вами... Я знаю, что мнѣ нужно уѣхать!..

Адмиральша сошла внизъ въ свою комнату и велѣла позвать Сусанну и Музу. Тѣ пришли. Юлія Матвѣевна объявила имъ, что она завтра уѣзжаетъ съ Людмилой въ Москву, потому что той необходимо серьезно полечиться.

— А насъ, мамаша, вы развѣ не возьмете? — спросила Сусанна съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, у меня денегъ теперь мало, чтобы васъ всѣхъ везти, — отвѣчала ей съ твердостью адмиральша.

— Но что же такое съ Людмилой?—не отставала Сусанна.

— Она за обѣдомъ еще ничего не говорила, что больна, — вмѣшалась въ разговоръ и Муза.

— Ей вдругъ сдѣлалось дурно!—объяснила, насколько не теряясь, адмиральша:—и вы, пожалуйста, не заходите къ ней... Она, кажется, немножко заснула.

Обѣ сестры, однако, не послушались матери и, возвратясь на верхъ, заглянули въ спальню Людмилы. Та лежала на постели неподвижно. Думая, что она, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ заснула, Сусанна и Муза отошли отъ дверей.

— Отчего-жъ за докторомъ не пошлютъ? — сказала послѣдняя.

— Не понимаю!.. Я, впрочемъ, пойду и скажу объ этомъ матери,—проговорила Сусанна и немедля же пошла къ адмиральшѣ. Она нашла ее уже стоявшею передъ чемоданомъ, въ который Юлія Матвѣевна велѣла укладывать какъ можно больше бѣлья Людмилы, а изъ нарядныхъ ея платьевъ она приказала не брать ничего.

— Надобно, по крайней мѣрѣ, послать за докторомъ, мамаша,—сказала ей Сусанна.

— Не нужно,—возразила ей рѣзко адмиральша:— докторовъ мѣнять нельзя: тамъ въ Москвѣ будутъ лечить Людмилу другіе доктора; а ты лучше съѣзди за тетей, скажи ей, чтобы она пріѣхала къ вамъ пожить безъ меня, и привези ее съ собой.

Сусанна, ничего болѣе не возразивъ матери, поѣхала въ монастырь исполнить данное ей порученіе. Муза-же, встревоженная всей этой непріятной новостью, сѣла за фортепіано и начала наигрывать печальную арію.

Сусанна вскорѣ возвратилась съ тетей-монахиней, съ которой Юлія Матвѣевна долго совѣщалась наединѣ, все что-то толкуя ей, на что монахиня кивала молча своей трясущейся головой.

На другой день Рыжовы уѣхали въ Москву. Людмила, прощаясь съ сестрами, была очень неразговорчива; адмиральша-же отличалась совершенно несвойственною ей умною распорядительностью: еще раннимъ утромъ она отдала Сусаннѣ пятьдесятъ рублей и поручила ей держать хозяйство по дому, сказавъ при этомъ, что когда у той выйдутъ эти деньги, то она вышлетъ ей еще. Свою поѣздку въ Москву Юлія Матвѣевна предпринимала, рѣшившись продать довольно цѣнныя бриллиантовыя вещи, которыя она получила въ подарокъ отъ обожаемаго ею адмирала, когда онъ былъ еще ея женихомъ. Сокровище это Юлія Матвѣевна думала сохранить до самой смерти, какъ безцѣнный залогъ любви благороднѣйшаго изъ смертныхъ; но вышло такъ, что залогъ этотъ приходилось продать. Сколь ни тяжело

было такое рѣшеніе для нея, но она утѣшала себя мыслью, что умершій супругъ ея, обрѣтавшійся ужь, конечно, въ раю и все вѣдавшій, что на землѣ происходитъ, не укоритъ ее, несчастную, зная, для чего и для какой цѣли продавался его подарокъ.

Бдучи дорогой, Юлія Матвѣевна не вскрикивала, когда повозка скашивалась на бокъ, и не крестилась боязливо при сѣздѣ съ высокихъ горъ, что она прежде всегда дѣлала; но, будучи устремлена мысленно на одинъ предметъ, сидѣла спокойно и расспрашивала издалика и тонко Людмилу обо всемъ, что касалось отношеній той къ Ченцову.

Людмила съ серьезнымъ и печальнымъ выраженіемъ въ глазахъ и не безъ борьбы съ собой рассказала матери все.

— По ты будешь и потомъ еще видаться съ Ченцовымъ?—проговорила какъ-бы спокойно Юлія Матвѣевна.

— Какъ-же я буду видаться съ нимъ?.. Онъ остался въ одномъ городѣ, а я буду жить въ другомъ!—возразила Людмила.

— Онъ, вѣроятно, пріѣдетъ за тобой въ Москву!—замѣтила мать.

Людмила закинула нѣсколько назадъ свою хорошенькую головку и какъ-бы что-то такое обдумывала; лицо ея при этомъ дѣлалось все болѣе и болѣе строгимъ.

— Нѣтъ, я не буду съ нимъ видаться и въ Москвѣ, и нигдѣ во всю жизнь мою!—сказала она.

Адмиральша несовсѣмъ довѣрчиво посмотрѣла на дочь, и ужь станціи черезъ двѣ послѣ этого разговора начала будто-бы такъ, случайно, разсуждать, что

если-бы Ченцовъ былъ хоть сколько-нибудь честный человѣкъ, то онъ никогда-бы не позволилъ себѣ сдѣлать того, что онъ сдѣлалъ, потому что онъ женатъ.

— Онъ двоюродный племянникъ мнѣ, а въ такомъ близкомъ родствѣ бракъ невозможенъ!—сказала она въ заключеніе.

Людмила чуть-ли не согласилась съ матерью безусловно.

Но откуда и какимъ образомъ явилась такая рѣзкая переменна въ воззрѣніяхъ, такая разсудительность и главное рѣшительность въ дѣйствіяхъ матери и дочери? спросить, пожалуй, читатель. Отвѣтить мнѣ легко: Юлія Матвѣевна сдѣлалась умна и предусмотрительна, потому что она была мать, и ей пришлось спасать готовую совсѣмъ погибнуть дочь... Что касается до Людмилы, то въ душѣ она была чиста и невинна и пала даже не подъ вліяніемъ минутнаго чувственнаго увлеченія, а въ силу раболѣпнаго благоговѣнія передъ своимъ соблазнителемъ; но разъ уличенная матерью, непогрѣшимою въ этомъ отношеніи ничѣмъ, она мгновенно поняла весь стыдъ своего проступка, и нравственное чувство дѣвушки заговорило въ ней со всей неотразимостью своей логики.

Какъ ожидала Юлія Матвѣевна, такъ и случилось: Ченцовъ, узнавъ чрезъ весьма короткое время, что Рыжовы уѣхали въ Москву, не медлилъ ни минуты и ускакалъ вслѣдъ за ними. Въ Москвѣ онъ недѣль около двухъ разыскивалъ Рыжовыхъ и, только ужъ какъ-то черезъ почтамтъ добывъ ихъ адресъ, явился къ нимъ. Юлія Матвѣевна, зорко и каждодневно поджидавшая его, вышла къ нему и по-прежнему сурово объявила, что его не желаютъ видѣть.

Ченцовъ, измученный и истерзаный, взбѣсился.

— Вы не имѣете права такъ безчеловѣчно располагать счастьемъ вашей дочери!—воскликнулъ онъ и пошелъ было въ сосѣдную комнату. Адмиральша обмерла, тѣмъ болѣе, что Людмила сама появилась навстрѣчу ему въ дверяхъ этой комнаты.

Ченцовъ провопіялъ къ ней:

— Людмила, прости меня!... Я разведусь съ женой и женюсь на тебѣ!

Людмила была съ опущенными въ землю глазами.

— Нѣтъ, вамъ нельзя жениться на мнѣ!... Я вамъ родня!... Уѣзжайте!

Произнеся это, Людмила захлопнула за собой дверь.

Ченцовъ остался съ поникшей головой, потомъ опустился на стоявшее недалеко кресло и, какъ малый ребенокъ, зарыдалъ. Адмиральша начинала ужъ смотрѣть на него съ нѣкоторымъ трепетомъ: видимо, что ей становилось жаль его. Но Ченцовъ не подмѣтивъ этого, всталъ, глубоко вздохнулъ и ушелъ, проговоривъ:

— Людмила, я вижу, никогда меня не понимала: я любилъ ее, и любилъ больше всѣхъ въ мірѣ.

Точно гора съ плечъ скатилась у адмиральши. Дальше бы, чего добраго, у нея и характера не достало выдержать. Спустя немного послѣ ухода Ченцова, Людмила вышла къ адмиральшѣ и, сѣвъ около нея, склонила на плечо старушки свою бѣдную голову; Юлія Матвѣевна принялась цѣловать дочь въ темя, Людмила потихоньку плакала.

— Не плавать, а радоваться надобно, что такъ случилось,—принялась Юлія Матвѣевна успокаивать

дочь:—онъ говорить, что готовъ жениться на тебѣ.—
Какое счастье!—Если-бы онъ былъ совершенно сво-
бодный человѣкъ и посторонній, то я скорѣе умерла-бы,
чѣмъ позволила тебѣ выйти за него.

Людмила слушала мать все съ болѣе и болѣе тоск-
ливымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Мнѣ Егоръ Егорычъ говорилъ, — а ты знаешь,
какъ онъ любилъ прежде Ченцова, — что Валеріанъ
погибшій человѣкъ: онъ пьетъ очень.... картежникъ,
безумный, и что ужаснѣе всего, — ты, какъ дѣвушка,
конечно, не понимаешь этого, — онъ очень непостоя-
ненъ къ женщинамъ, у него въ деревнѣ и вездѣ
цѣлый сераль.

При послѣднихъ словахъ Юлія Матвѣевна по-
краснѣла немного.

— Ну, мамаша, не браните его очень.... мнѣ это
тяжело!—остановила ее Людмила.

И адмиральша умоляла, понявъ, что она доста-
точно объяснила дочери все, что слѣдуетъ.

Ченцовъ, между тѣмъ, сходя съ лѣстницы, точно
нарочно, попалъ на глаза Миropy Дмитріевны, всхо-
дившей въ это время на лѣстницу. Она исполнилась
восторгомъ, увидавъ выходящаго изъ квартиры Ры-
жовыхъ мужчину.

— Вы были у адмиральши?—спросила она, почти
загораживая дорогу Ченцову.

— Да,—отвѣтилъ ей тотъ грубо.

— Я честь имѣю рекомендоваться: подполков-
ница Зудченко и хозяйка здѣшняго дома!—объявила
Миропа Дмитріевна.

Ченцовъ не понималъ, къ чему она это гово-
рить.

— Вы, конечно, часто будете бывать у адмиральши?—допытывалась Миропы Дмитриевна.

— Нѣтъ-съ, я скоро уѣзжаю изъ Москвы,—проговорилъ, едва владѣя собою, Ченцовъ и быстро сошелъ внизъ, причеиъ онъ даже придавилъ нѣсколько Миропу Дмитриевну къ периламъ лѣстницы, но это для нея ничего не значило; она продолжала наблюдать, какъ Ченцовъ молодцовато сѣлъ на своего лихача и сѣхалъ съ ея дворика.

— Весь остальной день Миропы Дмитриевна испытывала нестерпимое желаніе рассказать о случившемся капитану Звѣреву, который почему-то давно не былъ у нея. Произошло его отсутствіе отъ того, что капитанъ, возбужденный разказами Миропы Дмитриевны о красотѣ ея постоялки, далъ себѣ слово непременно увидать mademoiselle Рыжову и во что-бы то ни стало познакомиться съ нею и съ матерью ея, ради чего онъ, подобно Миропѣ Дмитриевнѣ, сталъ предпринимать каждодневно экскурсіи по переулку, въ которомъ находился доиикъ Зудченко, не заходя, впрочемъ, къ сей послѣдней, изъ опасенія, что она начнетъ подтрунивать надъ его увлеченіемъ, и въ первое же воскресенье Аггей Никитичъ, совершенно неожиданно для него, увидалъ, что со двора Миропы Дмитриевны вышли: пожилая, весьма почтенной наружности, дама и молодая дѣвушка, дѣйствительно красоты неописанной. Что это были Рыжовы, капитанъ не сомнѣвался и въ почтительномъ, конечно, отдаленіи послѣдовалъ за ними. Рыжовы вошли въ церковь ближайшаго прихода. Капитанъ тоже вошелъ туда и все время службы не спускалъ глазъ съ молившейся усердно и даже со слезами Людмилы.

Красота ея все болѣе и болѣе поражала капитана, такъ что онъ воспринялъ твердое намѣреніе каждый праздникъ ходить въ сказанную церковь, но дьявольски способствовавшее въ этомъ случаѣ ему счастье устроило ничто еще лучшее: въ ближайшую среду, когда капитанъ на плацу передъ красными казармами производилъ ученье своей ротѣ и, крикнувъ звучнымъ голосомъ; «налѣво кругомъ!» самъ повернулся въ этомъ же направленія, то ему прямо бросились въ глаза стоявшія у окружающей плацъ веревки мать и дочь Рыжовы. Капитанъ мгновенно скомандовалъ ротѣ: «стой, вольно!» Ружья у солдатъ опустились, офицеры всунули свои сабли въ ножны, послышались чиханье, сморканье и мелкіе разговорцы. Капитанъ, между тѣмъ, быстро подошелъ къ Рыжовымъ.

— Вы, можетъ быть, пріѣзжія и вамъ угодно видѣть наше ученье?.. Пожалуйте сюда за веревку! — проговорилъ онъ самымъ вѣжливымъ голосомъ, поднимая своей могучей рукой передъ головами дамъ веревку, чтобы удобнѣе было имъ пройти; но обѣ дамы очень сконфузились и Юлія Матвѣевна едва отвѣтила ему:

— Мерсі, мы и здѣсь стоимъ.

— Но васъ тутъ можетъ обезпокоить простой народъ! — подхватилъ капитанъ, хотя изъ простаго народа въ глазѣющей и весьма малочисленной публикѣ не было никого: — и вы, какъ я догадываюсь, изволите жить въ домѣ моей хорошей пріятельницы, мадамъ Зудченки? — продолжалъ Аггей Никитичъ, ввернувъ французское словцо.

— Да,— произнесла протяжно адмиральша и взглянула на дочь.

Въ отвѣтъ на ея взглядъ, Людмила сказала:

— Пойдемте, мамаша, я устала.

— Пойдемъ! — согласилась адмиральша, и онѣ пошли по направленію къ своей квартирѣ.

— Питаю надежду, что вы позволите мнѣ явиться къ вамъ!—крикнулъ имъ вслѣдъ капитанъ.

Адмиральша на это что-то такое неясно ему отвѣтила, но, какъ-бы-то ни было, Аггей Никитичъ остался безконечно доволенъ такимъ событіемъ и въ тотъ-же вечеръ отправился къ Миropъ Дмитріевичъ съ цѣлію быть поближе къ Людмилѣ и хоть-бы подышать съ нею однимъ воздухомъ.

Миропа Дмитріевна встрѣтила его съ радостнымъ восторгомъ.

— Я все разузнала, все!..—объявила она, какъ только онъ вошелъ.

— Что?—спросилъ капитанъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

— Онъ былъ у нея!

— Кто? — повторилъ тѣмъ-же тономъ капитанъ.

— Фамиліи его я не знаю; но это, я вамъ скажу, такой мужчина, что я молодцоватѣе и красивѣе его не встрѣчала.

Капитанъ передернулъ немного плечами. Ему нѣсколько странно было слышать, что Миропа Дмитріевна, по ея словамъ, никого молодцоватѣе какого-то тамъ господина не встрѣчала, тогда какъ она видала и даже теперь видѣла передъ собою Аггея Никитича.

— Сколько-же разъ этотъ баринъ былъ у Рыжовыхъ? — полюбопытствовалъ онъ.

— Всего одинъ разъ, и когда я его спросила, что онъ, вѣроятно, часто будетъ бывать у своихъ знакомыхъ, такъ онъ сказалъ: «нѣтъ, я скоро уѣзжаю изъ Москвы!» и, какъ я полагаю, что тутъ точно что романъ, но романъ, должно быть, несчастный.

«О, если это несчастный романъ», — подумалъ съ просіявшимъ лицомъ капитанъ: «то онъ готовъ покрыть все, что бы тамъ ни было, своимъ бракомъ съ этой прелестной дѣвушкой».

II.

Подъѣзжая къ Москвѣ, Егоръ Егорычъ сталъ разсуждать, какъ ему поступить: завезти-ли только Сусанну къ матери, или вмѣстѣ съ ней и самому зайти? То и другое какъ-то стало казаться ему неловкимъ, такъ что онъ посоветовался съ Сусанной.

— Ахъ, непременно зайдите со мною! — сказала та, чувствуя если не страхъ, то нѣчто въ родѣ этого при мысли, что она безъ позволенія отъ адмиральши поѣхала къ ней въ Москву; но Егоръ Егорычъ, конечно, лучше ея растолкуетъ Юліи Матвѣевнѣ, почему это и какъ случилось.

Когда они подѣхали къ дому Зудченки, первая ихъ увидала сидѣвшая у окна Людмила и почти закричала на всю комнату:

— Мамаша, мамаша, Егоръ Егорычъ и Сусанна къ намъ пріѣхали! Спасите меня! и не показы-

вайте Егору Егорычу!.. Мнѣ стыдно и страшно его видѣть!..—И затѣмъ, убѣжавъ въ свою комнату, она захлопнула за собою дверь и, по обыкновенію, бросилась въ постель и уткнула свое личико въ подушку.

Юлія Матвѣевна тоже совершенно растерялась; накопленное ею присутствіе духа начало оставлять ее, тѣмъ болѣе, что пріѣздъ Егора Егорыча и дочери случился такъ неожиданно для нея; но, Богъ, какъ она потомъ рассказывала, все устроилъ. Прежде Марейна къ ней вошла, и вошла довольно робко, Сусанна.

— Ты это какъ къ намъ пріѣхала?—проговорила Юлія Матвѣевна, съ одной стороны невольно обрадованная пріѣздомъ дочери.

— Меня привезъ Егоръ Егорычъ!..—поспѣшила та отвѣтить, цѣлуя и обнимая мать.

Марейнъ, съ умысломъ, кажется, позамедлившій нѣсколько въ маленькой прихожей, наконецъ предсталъ передъ Юліей Матвѣвной.

— Я счелъ нужнымъ,—забормоталъ онъ:—привести къ вамъ Сусанну Николаевну, потому что она очень и очень объ васъ скучала.

— Этоя предчувствовала!—отвѣчала адмиральша, отводя своихъ гостей подальше отъ комнаты Людмилы и усаживая ихъ.

— Что Людмила?—спросила Сусанна.

Егоръ Егорычъ понурилъ при этомъ голову.

— Она была очень больна... теперь ей нѣсколько лучше; но къ ней никакъ нельзя входить... такая нечаянная встрѣча можетъ ее чрезвычайно разстроить...—толковала Юлія Матвѣевна, чувствовавшая, что твердость духа опять возвращается къ ней.

— Мы къ ней и не пойдёмъ! — подхватила Сусанна, очень довольная пока и тѣмъ, что видитъ мать.

Егоръ Егорычъ продолжалъ держать голову потупленною. Онъ рѣшительно не могъ сообразить вдругъ, что ему дѣлать: спрашивать?.. но о чемъ?.. Юлія Матвѣевна все ужъ сказала!.. Уѣхать, и уѣхать, не выдавъ Людмилы?.. Но тогда, зачѣмъ-же онъ въ Москву пріѣзжалъ? Къ счастію, адмиральша принялась хлопотать объ чаѣ, а потому то уходила въ свою кухню, то возвращалась оттуда, и такимъ образомъ дала возможность Егору Егорычу собраться съ мыслями; когда-же она, наконецъ, усѣлась, онъ ей, прежде всего, объяснилъ:

— Музу мы оставили совершенно здоровою и покойною.

— Благодарю васъ, благодарю! — поблагодарила Юлія Матвѣевна.

— Потомъ... (это ужъ Егоръ Егорычъ началъ говорить настойчиво) вамъ здѣсь, вѣроятно, трудно будетъ жить съ двумя дочерьми!.. Вотъ, пожалуйста, возьмите!

Говоря это, Егоръ Егорычъ выложилъ цѣлую вучу денегъ передъ адмиральшей.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразила та вспыхнувъ.

— Не нѣтъ, а да!..—почти прикрикнулъ на нее Егоръ Егорычъ.

— Клянусь, что я не нуждаюсь, и вотъ вамъ доказательство! — продолжала адмиральша, выдвигая ящикъ, въ которомъ дѣйствительно лежала довольно значительная сумма денегъ: она еще съ недѣлю тому назадъ успѣла продать свои брилліанты.

Егоръ Егорычъ послѣ того схватилъ свои деньги

и сунулъ ихъ опять въ карманъ: ему словно-бы досадно было, что Юлія Матвѣевна не нуждалась.

— Теперь вамъ, конечно, не до меня! — бормоталъ онъ: — но когда-же я могу пріѣхать къ вамъ, чтобы не беспокоить ни васъ, ни Людмилу?

Этотъ вопросъ поставилъ Юлію Матвѣевну въ чрезвычайно затруднительное положеніе.

— Видите...—начала она что-то такое плести:— Людмилѣ дѣлаютъ ванны, но тогда только, когда приказываетъ докторъ, а ѣздитъ онъ очень неаккуратно, — иногда черезъ день, черезъ два и черезъ три дня, и если вы пріѣдете, а Людмилѣ будетъ назначена ванна, то въ этакой маленькой квартиркѣ... понимаете?..

— Понимаю!.. — перебилъ ее Марейнъ, уже догадавшійся, что адмиральша и Людмила стѣсняются его присутствіемъ, и прежнее подозрѣніе, касательно сей послѣдней, снова воскресло въ немъ и облило всю его душу ядомъ.

Онъ сталъ торопливо и молча раскланиваться.

— Я вамъ напишу, непременно напишу... Гдѣ вы остановитесь?—говорила ему адмиральша.

— У Шевалдышева, какъ и всегда у Шевалдышева!—повторилъ своей скороговоркой Егоръ Егорычъ.

По отъѣздѣ его, для Юліи Матвѣевны снова наступило довольно затруднительное объясненіе съ Сузанной.

— Но чѣмъ особенно больна теперь Людмила?—начала та допытываться, какъ только осталась вдвоемъ съ матерью.

— Ахъ, у нея очень сложная болѣзнь!—вывер-

тыбалась Юлія Матвѣевна, и она ужь, конечно, во всю жизнь свою не наговорила столько неправды, сколько она навыдумала и нахитрила послѣднее время, и неизвѣстно, долго-ли-бы еще у нея достало силы притворничать передъ Сусанной, но въ это время послышался голосъ Людмилы, которымъ она громко выговорила:

— Мамаша, позовите ко мнѣ Сусанну!

Адмиральша, кажется, не очень охотно и не безъ опасенія ввела ту къ Людмилѣ, которая все еще лежала на постели и указала сестрѣ на стулъ около себя. Сусанна сѣла.

— А вы, мамаша, уйдите! — проговорила Людмила матери.

Старушка удалилась. Людмила ласково протянула руку Сусаннѣ. Та долѣе не выдержала и, винувшись сестрѣ на грудь, начала ее цѣловать: ясное предчувствіе ей говорило, что Людмила была несчастлива, и очень несчастлива!

— Что такое съ тобой, Людмила?—произнесла она:—я прошу, наконецъ, умоляю тебя не секретничать отъ меня!

— Я не буду секретничать и все тебѣ скажу,—отвѣчала Людмила.

Тогда Сусанна снова сѣла на стулъ. Выраженіе лица ея хоть и было взволнованное, но не растерянное: видимо, она приготовилась выслушать много нехорошаго. Людмила, въ свою очередь, тоже поднялась на своей постели.

— Я не больна, ничѣмъ не больна, но я ношу подъ сердцемъ ребенка,—тихо объяснила она.

Сусанна все ожидала услышать, только не это.

— Я любила... или нѣтъ, это неправда, я и до сихъ поръ еще люблю Ченцова!... онъ божество какое-то для меня!—добавила Людмила.

Не смотря на совершеннѣйшую чистоту своихъ помысловъ, Сусанна тѣмъ не менѣе поняла хорошо, что сказала ей сестра, и даже чуткой своей совѣстью на мгновеніе подумала, что и съ нею то-же самое могло быть, если-бы она кого-либо изъ мужчинъ такъ сильно полюбила.

— Но я полагала, что ты любишь Егора Егорыча,—почти прошептала она.

— Нѣтъ, Марейна я никогда не любила!.. Онъ превосходнѣйшій человѣкъ, и ты вотъ гораздо достойнѣе меня полюбить его.

Сусанна почему-то покраснѣла при этомъ.

— А Ченцовъ теперь здѣсь въ Москвѣ? — спросила она робко и послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не знаю,—отвѣчала Людмила:—онъ прѣзжалъ тутъ; но я ему сказала, что не могу больше видаться съ нимъ.

— Какъ-же ты это сказала, когда еще любишь его?—замѣтила, по-прежнему тихо, Сусанна.

— Я люблю его и вмѣстѣ ненавижу... Но постой, мнѣ очень тяжело и тошно!.. Не спрашивай меня больше!..—проговорила Людмила и склонилась на подушку.

Сусанна пересѣла къ ней на постель и, взявъ сестру за руки, начала ихъ гладить. Средству этому научилъ ее Егоръ Егорычъ, какъ-то давно еще рассказывавшій при ней, что когда кто впадаетъ въ великое горе, то всего лучше, если его руки возьмутъ чьи-нибудь другія дружескія руки и начнутъ ихъ со-

грѣвать. Рекомендуемый имъ способъ удался Сусаннѣ. Людмила замѣтно успокоилась и сказала сестрѣ:

— Теперь пойди, поразговори мамашу, а то я ее, бѣдную, измучила.

Сусанна тотчасъ-же исполнила желаніе Людмилы и перешла къ адмиральшѣ, которую сильно волновала неизвѣстность, о чемъ сестры разговаривали.

— Тебѣ Людмила рассказала?.. — спросила она трепетнымъ голосомъ.

— Разсказала, и мы васъ просимъ объ одномъ— не тревожиться и беречь себя!

— Что ужъ мнѣ беречь себя! — полувоскликнула старушка: — вы-бы только были счастливы, вотъ о чемъ каждыминутно молитва моя! И меня теперь то больше всего тревожить,—продолжала она глубоко-мысленнымъ тономъ:—что Людмила рѣшительно не желаетъ, чтобы Егоръ Егорычъ бывалъ у насъ; а какъ мнѣ это сдѣлать?..

— Егора Егорыча нельзя намъ не принимать!— сказала съ твердостью Сусанна.

— Знаю и понимаю это!—подхватила адмиральша, обрадованная, что Сусанна согласно съ нею смотритъ:—ты вообрази одно:—онъ давно былъ благодѣтелемъ всей нашей семьи и будетъ еще потомъ, когда я умру; а то, на кого я васъ оставляю?.. Кромѣ его, не на кого!

— Не на кого!—подтвердила и Сусанна: въ сущности, она изъ всей семьи была болѣе другихъ разсудительна и, главное, надѣлена твердымъ характеромъ.

— Не внушишь-ли ты намъ яблудь Людмилѣ, а

я не берусь,—сказала, разводя по обыкновенію руками, адмиральша: увидавъ себѣ опору въ Сусаннѣ, она начала немножко прятаться за нее. Свою собственную рѣшительность она слишкомъ долго напрягала, и она у нея замѣтно начала таять.

— Я поговорю съ сестрою!—успокоила Сусанна мать, и на другой-же день, когда Людмила немножко повеселѣла, Сусанна, опять-таки оставшись съ ней наединѣ, сказала:

— Мамашу теперь безпокоитъ, что ты не хочешь встрѣчаться съ Егоромъ Егорычемъ.

— Да, мнѣ стыдно его... онъ долженъ презирать меня!—проговорила Людмила.

На высокомъ лбу Сусанны пробѣжали двѣ морщинки, совершенно еще несвойственныя ея возрасту.

— Егоръ Егорычъ не только что тебя, — возразила она: — но и никого въ мірѣ, я думаю, не можетъ презирать!.. Онъ такой добрый христіанинъ, что...

И Сусанна не докончила своей мысли.

Дѣло въ томъ, что Егоръ Егорычъ, дорогой, когда она ѣхала съ нимъ въ Москву, очень много разсуждалъ о разныхъ евангельскихъ догматахъ, и по преимуществу о незлобіи, терпѣніи, смиренномудрiи и любви ко всѣмъ, даже врагамъ своимъ; Сусанна хоть и молча, но внимала ему всей душой.

— Мамаша очень желаетъ написать ему, чтобы онъ пріѣхалъ къ намъ, а то онъ, боясь тебя безпокоить, вѣроятно, совсѣмъ не будетъ у насъ бывать,—докончила она.

— Хорошо, пускай напишетъ, — отвѣтила Людмила.

— И тебя это не разстроитъ сильно, когда онъ прїѣдетъ?

— Нѣтъ, не думаю.

Сусанна, опять-таки не скоро и поговоривъ еще разъ съ Людмилой на предыдущую тему, объявила, наконецъ, матери:

— Людмила сказала мнѣ, что ей ничего, если Егоръ Егорычъ будетъ у насъ... Вы ему напишите.

— Душечка, ангелъ мой! — воскликнула адмиральша:—напиши ему отъ меня... Ты видишь, какъ дрожать у меня руки.

У адмиральши дѣйствительно отъ всего почувствованнаго ею руки ходенемъ ходили, и даже голова, по семейному сходству съ монахиней, начинала немного трястись.

Сусанна съ удовольствіемъ исполнила просьбу матери и очень грамотнымъ русскимъ языкомъ, что въ то время было довольно рѣдко между русскими барышнями, написала Егору Егорычу, отъ имени, конечно, адмиральши, чтобы онъ завтра прїѣхалъ къ нимъ: не руководствовалъ-ли Сусанною въ ея хлопотахъ, чтобы Егоръ Егорычъ сталъ бывать у нихъ, кромѣ разсудительности и любви къ своей семьѣ, нѣкій другой инстинктъ—я не берусь рѣшать, какъ, вѣроятно, не рѣшила-бы этого и она сама.

Егоръ Егорычъ, все время сидѣвшій одинъ въ своемъ номерѣ и врядъ-ли не исключительно подвизавшійся въ умномъ дѣланіи и только тѣмъ сохранявшій въ себѣ нѣкоторый внутренній порядокъ, не замедлилъ явиться къ Рыжовымъ. Всю семью ихъ онъ засталъ собранными вкупѣ. Адмиральша встрѣтила его съ радостной улыбкой, Людмила старалась

держатъ себя смѣло и покойно, а Сусанна, при его появленіи, немного потупилась. Егоръ Егорычъ, подходя по обычаю къ рукѣ дамъ, прежде всего окинулъ короткимъ, но пристальнымъ взглядомъ Людмилу и въ ней многое показалось ему подозрительнымъ въ смыслѣ ея положенія. Когда поданъ былъ затѣмъ кофе, Егоръ Егорычъ, будто-бы такъ себѣ, къ слову, началъ говорить о разнаго рода ложныхъ стыдахъ и страхахъ, которые иногда овладѣваютъ людьми, и что подобнаго страха не слѣдуетъ быть ни у кого, потому что каждый долженъ бояться одного только Бога, который милосердъ и прощаетъ человѣку многое, кромѣ отчаянія.

Такого рода бесѣдованіе его было прервано появленіемъ въ довольно низкихъ комнатахъ квартиры Рыжовыхъ громаднаго капитана Аггея Никитича, который, на сколько только позволялъ ему его ростъ и все-таки отчасти солдатская выправка, ловко шаркался передъ дамами и проговорилъ, прямо обращаясь къ Юліи Матвѣевнѣ:

— Я воспользовался вашимъ позволеніемъ быть у васъ: капитанъ учебнаго карабинернаго полка Звѣревъ!

— Ахъ, мы рады вамъ...— говорила адмиральша, будучи въ сущности весьма удивлена появленіемъ громаднаго капитана, такъ какъ, при недавней съ нимъ встрѣчѣ, она вовсе не приглашала его, — напротивъ, конечно, не совѣмъ, можетъ быть, ясно сказала ему: «извините, мы живемъ совершенно уединенно!»—но какъ-бы ни было, капитанъ усѣлся и сейчасъ-же повелъ разговоръ.

— У насъ, наконецъ, весна!.. настоящая, пре-

красная весна!.. На нашемъ плацу передъ казармами совершенно уже сухо; въ саду Лефортовскомъ прилетѣли грачи, жаворонки, съ красными шейками дятлы; все это чирикаетъ и щебечетъ до невѣроятности. Въ воздухѣ тоже чувствуется что то животворное!..

— Воздухъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ здоровъ, — замѣтила ему адмиральша, считавшая всѣ свои недуги происходящими отъ воздуха, а не отъ множества горей, которыми послѣднее время награждала ее судьба.

— О, нѣтъ!.. — не согласился капитанъ: — весенній воздухъ и молодость живятъ все!

Марейнъ слушалъ капитана съ нахмуреннымъ лицомъ. Онъ вообще офицеровъ послѣдняго времени не долюбивалъ, считая ихъ шагистиками и больше ничего, а то, что говорилъ Аггей Никитичъ, на первыхъ порахъ показалось Егору Егорычу пошлымъ, а потому врядъ-ли даже не съ цѣлью прервать его разглагольствованіе онъ обратился къ барышнямъ:

— Вы не желаете-ли ѣхать со мной къ обѣднѣ... недалеко тутъ... на Чистые Пруды... въ церковь Архангела Гаврііла?.. тамъ поютъ почтамтскіе пѣвчіе...

— Людмилъ, я думаю, нельзя!.. Она слишкомъ устаетъ стоять въ церкви!.. — поспѣшила отвѣтить за ту адмиральша, предчувствовавшая, что такая поѣздка будетъ очень неприятна Людмилъ.

— Да я и не поѣду, — сказала та съ своей стороны.

— А вы? — спросилъ уже одну Сусанну Егоръ Егорычъ.

— Я... — начала было Сусанна и взглянула на мать.

— Она вотъ поѣдетъ съ вами съ удовольствіемъ!—
подхватила адмиральша.

Егоръ Егорычъ еще разъ спросилъ взглядомъ Сусанну.

— Поѣду,—объявила она ему.

Капитанъ тѣмъ временемъ всматривался въ обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ. Конечно, ему и Сусанна показалась хорошенькою, но все-таки хуже Людмилы: у нея были губы какъ-то суховаты, тогда какъ у Людмилы онѣ являлись сочными, розовыми, какъ-бы созданными для поцѣлуевъ. Услыхавъ, впрочемъ, что Егоръ Егорычъ упомянулъ о церкви Архангела Гавріила, капитанъ не преминулъ вмѣшаться въ разговоръ и сказалъ Людмилѣ:

— Вы напрасно не ѣдете!.. церковь эта очень извѣстная въ Москвѣ; ее строилъ еще Меншиковъ, и она до сихъ поръ называется башнею Меншикова... Потомъ она сгорѣла отъ грома, стояла запустѣлою, пока не подцѣпили ее эти, знаете, масоны, которые сдѣлали изъ нея какой-то костелъ.

Егоръ Егорычъ еще болѣе нахмурился.

— Что-же въ этой церкви похожаго на костелъ?— проговорилъ онъ мрачнымъ тономъ.

— Многое-съ, очень многое!... Я самъ три года стоялъ въ Польшѣ и достаточно видалъ этихъ костеловъ; кромѣ того, мнѣ все это говорилъ одинъ почтамтскій чиновникъ и онъ утверждалъ, что почтамтъ у насъ весь состоитъ изъ масоновъ и что эти господа, хоть и очень умные, но проходимцы великіе!...— дупилъ на всѣхъ парусахъ капитанъ.

Барышни и адмиральша обмирали, опасаясь, что новый знакомый ихъ, пожалуй, выскажетъ что-ни-

будь еще болѣе обидное для Егора Егорыча, а потому, чтобы помѣшать этому, Юлія Матвѣевна нашла сдѣлать одно, что проговорила:

— Позвольте васъ познакомить: это полковникъ Марейнъ, а вы?

— Капитанъ Звѣревъ!—напомнилъ ей тотъ свою фамилію.

Юлія Матвѣевна, потупляясь, сказала Марейну:

— Господинъ Звѣревъ!...

Капитанъ послѣ этой рекомендаціи поднялся на ноги и почтительно поклонился Егору Егорычу, который, хоть вѣжливо, но не приподнимаясь, тоже склонилъ голову.

— А какіе эти господа масоны загадочные люди!...—не унимался капитанъ: — я знаю это по одной исторіи объ нихъ!...

Егоръ Егорычъ отвернулся въ сторону, явно желая показать, что онъ не слушаетъ, но на разговорчиваго капитана это нисколько не подѣйствовало.

— Исторія такого рода,—продолжалъ онъ:—что вотъ въ томъ-же Царствѣ Польскомъ служилъ нашъ русскій офицеръ, молодой, богатый, и влюбился онъ въ одну панночку... (слово: панночка капитанъ умѣлъ какъ-то произнести въ одно и то же время насмѣшливо и съ увлеченіемъ). Ну, тамъ то и се идетъ между ними... только офицера этого отзываютъ въ Петербургъ... Панночка въ отчаяніи и говоритъ ему: «Сними ты съ себя портретъ для меня, но пусти передъ этимъ кровь и дай мнѣ нѣсколько капель ея, я ихъ вею положить живописцу въ краски, которыми будутъ рисовать, и тогда пор-

треть выйдетъ совершенно какъ живой, какъ ты!..»
Офицеръ, конечно—да и кто-бы изъ насъ не готовъ
былъ сдѣлать того, когда мы для женщинъ жизнью
жертвуемъ, — исполнилъ, что она желала... Пор-
третъ дѣйствительно вышелъ какъ живой... Офицеръ
уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ закружился въ боль-
шомъ свѣтѣ... панночку свою забылъ, не пишетъ
ей... Только вдругъ начинаетъ чувствовать тоску
ужасную—день, два, мѣсяць, такъ что онъ раска-
залъ объ этомъ своему другу, тоже офицеру. Тотъ
и говоритъ ему: «Сходи ты къ одному магнетизеру,
что-ли, или тамъ къ колдуну и гадальщику какому-
то, который тогда славился въ Петербургѣ»... Офи-
церъ идетъ къ этому магнетизеру... Тотъ сначала
своими жестами усыпилъ его и что потомъ было
съ офицеромъ въ этомъ снѣ, онъ не помнитъ; но
когда очнулся, магнетизеръ велѣлъ ему взять
ванну и далъ ему при этомъ восковую свѣчку, по-
лотенчико и небольшое зеркальце... «Свѣчку эту,
говорить, вы зажгите и садитесь съ нею и съ зер-
кальцемъ въ ванну, а когда вы тамъ почувствуете
сильную тоску подъ ложечкой, то окунитесь... свѣчка
при этомъ,—не бойтесь — не погаснетъ, а потомъ,
не выходя изъ ванны, протрите полотенчикомъ зер-
кальце и, свѣтя себѣ свѣчкою, взгляните въ него...
Такъ сдѣлайте четыре раза и потомъ мнѣ скажите,
что увидите!...» Офицеръ продѣлалъ въ точности,
что ему было предписано, и когда въ первый разъ
взглянулъ въ зеркальце, то ему представилась зна-
комая комната забытой имъ панночки (при этихъ
словахъ у капитана появилась на губахъ грустная
усмѣшка)... Въ другой, въ третій разъ онъ видитъ

уже самое панночку, и видитъ, что она стоитъ съ пистолетомъ въ рукѣ передъ его портретомъ... наконецъ явственно слышитъ выстрѣлъ... Зеркальце сразу померкло... Однако, офицеръ протеръ его, и ему представляется, что панночка лежитъ вся облитая кровью!... Онъ такъ перепугался всей этой чертовщины, что, одѣвшись наскоро, прямо побѣжалъ къ магнетизеру и рассказываетъ ему... Тотъ ему объяснилъ, что если-бы офицеръ не обратился къ нему, то теперь бы ужъ умеръ отъ тоски, но то что этотъ выстрѣлъ, которымъ панночка прицѣливалась-было въ его портретъ, магнетизеръ направилъ въ ее самое, и все это онъ могъ сдѣлать, потому что былъ масонъ.

Адмиральша и обѣ ея дочери невольно заинтересовались рассказомъ капитана, да и Егоръ Егорычъ очутился въ странномъ положеніи: рассказъ этотъ онъ давно зналъ и почти вѣрилъ въ фактическую возможность его; но капитанъ рассказалъ это такъ невѣжественно, что Егоръ Егорычъ не выдержалъ и рѣшился разъяснить этотъ случай по-серьезнѣе.

— Это, говорятъ, было! — забормоталъ онъ: — жизнь людей, нравственно связанныхъ между собою, похожа на концентрическіе круги, у которыхъ одинъ центръ, и вотъ, въ извѣстный моментъ два лица помѣщались въ самомъ центрѣ матеріальнаго и психическаго сближенія; потомъ они переходятъ каждый по своему отдѣльному радіусу въ одинъ, въ другой концентрикъ: такимъ образомъ все удаляются другъ отъ друга; но связь существенная у нихъ, замѣтьте, не прервана: они могутъ еще со-

общаться посредствомъ радіусовъ и, взаимно дѣйствуя, даже умерщвлять одинъ другаго и не встрѣломъ въ портретъ, а скорѣй глубокимъ помысломъ, могущественнымъ движеніемъ воли въ желаемомъ направленіи.

— Вѣрно!... вѣрно!... — воскликнулъ капитанъ первый.

А Людмила тотчасъ-же пришло въ голову, что неужели-же Ченцовъ можетъ умереть, когда она сердито подумаетъ объ немъ? О, въ такомъ случаѣ Людмила рѣшилась никогда не сердиться на него въ мысляхъ за его поступокъ съ нею... Сусанна ничего не думала и только безусловно вѣрила тому, что говорилъ Егоръ Егорычъ; но адмиральша—это немножко даже и смѣшно—ни звука не поняла изъ словъ Марейна, можетъ быть, потому, что очень была утомлена физически и умственно.

Проговоривъ свое поученіе и сказавъ на скоро Сусаннѣ: «Я завтра за вами въ десять часовъ утра заѣзжаю», Егоръ Егорычъ вскочилъ съ своего мѣста и проворно ушелъ.

Юлія Матвѣевна осталась совершенно убѣжденною, что Егоръ Егорычъ разсердился на неприличныя выраженія капитана о масонахъ, и чтобы не допустить еще разъ повториться подобной сценѣ, она рѣшилась намекнуть на это Звѣреву, и когда онъ, разспросивъ барышень все до малѣйшихъ подробностейъ объ Марейнѣ, сталъ, наконецъ, раскланиваться, Юлія Матвѣевна вышла за нимъ въ переднюю и добрымъ голосомъ сказала ему:

— Вотъ, буде вы встрѣтитесь у насъ съ этимъ

моимъ родственникомъ Марейнымъ, то не говорите, пожалуйста, о масонахъ.

— А развѣ онъ масонъ? — произнесъ, уже немного струсивъ, храбрый капитанъ: поступить противъ правилъ приличія въ обществѣ онъ чрезвычайно боялся.

— Нѣтъ, но у него отецъ былъ и много родныхъ масонами, — объяснила Юлія Матвѣевна.

— А, благодарю васъ, что вы меня предупредили!... — поблагодарилъ ее искренно капитанъ и, выйдя отъ Рыжовыхъ, почувствовалъ желаніе зайти къ Миropъ Дмитріевнѣ, чтобы поговорить съ ней по душѣ. Онъ засталъ ее недовольною и исполненною недоумѣнія касательно своихъ постояльцевъ.

— Вы были у Рыжовыхъ? — спросила она, еще прежде видѣвши, что капитанъ вошелъ къ ней на дворикъ и прошелъ, какъ безошибочно предположила Миropа Дмитріевна, къ ея жильцамъ, чѣмъ тоже она была немало удивлена.

— Цѣлое утро сидѣлъ у нихъ, — отвѣчалъ самодовольно капитанъ.

— И что-же, вы поняли тутъ что-нибудь? — продолжала язвительно Миropа Дмитріевна.

— Почти!... — проговорилъ капитанъ.

— Что именно? — допытывалась Миropа Дмитріевна.

— Это все семейство поэтическое! — рѣшилъ капитанъ.

Миropъ Дмитріевнѣ, кажется, не совсѣмъ пріятно было услышать это.

— Въ какомъ отношеніи? — спросила она не безъ насмѣшки.

— Во всѣхъ отношеніяхъ, и кромѣ старшей, Людмилы, кажется у адмиральши есть другая дочь,— прехорошенькая,—я и не воображалъ даже!—говорилъ съ явнымъ увлеченіемъ капитанъ.

Миропа Дмитриевна при этомъ не могла скрыть своей досады.

— Вамъ попадись только на глаза хорошеньбая женщина, такъ вы ничего другаго и не замѣчаете!— возразила она:—а я вамъ скажу, что эту другую хорошенькую сестру Людмилы привезъ къ адмиральшѣ новый еще мужчина, старикъ какой-то, но кто онъ такой...

— Онъ—полковникъ Марейнъ и масонъ!—перебилъ Миرونу Дмитриевну капитанъ.

— А вы какъ это знаете?—воскликнула она, снова удивленная, что капитанъ знаетъ объ Рыжовыхъ больше, чѣмъ она.

— Я сейчасъ бесѣдовалъ и даже спорилъ съ нимъ!—объяснилъ капитанъ:—чудакъ онъ, должно быть, величайшій; когда говоритъ, такъ наслажденіе его слушать, сейчасъ видно, что философъ и ученѣйшій человѣкъ, а по манерамъ какой-то прыгунчикъ.

Аггея Никитича очень поразила поспѣшность, съ какою Егоръ Егорычъ всталъ и скрылся.

— И прыгунчикъ даже!—подхватила опять-таки съ ядовитостью Митропа Дмитриевна:—стало-быть мое подозрѣніе справедливо...

— Подозрѣніе?—остановилъ ее капитанъ.

— Да, подозрѣніе, что этотъ старичекъ, должно быть, обожатель самой адмиральши.

Капитанъ сердито на нее взглянулъ.

— Она, какъ только онъ побывалъ у ней въ первый разъ, въ тотъ же день заплатила мнѣ за квартиру за три мѣсяца впередъ! — присовокупила Миропа Дмитріевна.

— Ну, старая пѣсня! — полувоскликнулъ капитанъ, берясь за свою шляпу съ чернымъ султаномъ: ему невыносимо, наконецъ, было слышать, что Миропа Дмитріевна сводитъ все свои мнѣнія на деньги.

— Если-бы такихъ полковниковъ у насъ въ военной службѣ было побольше, такъ намъ, оберъ-офицерамъ, легче было-бы служить!—внушилъ онъ Мировъ Дмитріевнѣ и ушелъ отъ нея, продолжая всю дорогу думать о семействѣ Рыжовыхъ, въ которомъ все его очаровывало: не говоря уже о Людмилѣ, а также и объ Сусаннѣ, но даже сама старушка адмиральша очень ему понравилась, а еще болѣе ея—полковникъ Марѣинъ, съ которымъ капитану чрезвычайно захотѣлось поближе познакомиться и высказаться передъ нимъ.

Егоръ Егорычъ тоже нѣсколько мгновений помыслилъ о капитанѣ, который, конечно, показался ему дубоватымъ солдафономъ, но не безъ нравственныхъ заложеній.

III.

Когда отъ Рыжовыхъ оба гостя ихъ уѣхали, Людмила ушла въ свою комнату и до самаго вечера оттуда не выходила: она сердилась на адмиральшу и даже на Сусанну за то, что онѣ, зная ея положеніе, хотѣли, чтобы она вышла къ Марѣину; это

казалось ей безжалостнымъ съ ихъ стороны, тогда какъ она для долга и для нихъ всѣмъ, кажется, не выключая даже Чендова, пожертвовала. При этомъ у Людмилы мысли, исполненныя отчаянія, начинали разрастаться въ воображеніи до гигантскихъ размѣровъ: «Гдѣ Чендовъ?... Что онъ дѣлаетъ?... Здоровъ-ли?... Не убилъ-ли себя?... Потомъ, что и съ ней самой будетъ и что будетъ съ ея бѣднымъ ребенкомъ?»—спрашивала она себя мысленно и дыханье у нея захватывалось, горло истерически сжималось, наконецъ всѣ эти мученія разрѣшились тѣмъ, что Людмила принялась рыдать. Мать и Сусанна сначала изъ сосѣдней комнаты боязливо прислушивались къ ея плачу; наконецъ Сусанна не выдержала и вошла къ ней.

— Ну, полно, Людмила, успокойся, не плачь!..—говорила она, садясь на постель около сестры и обнимая ее.

— Я непременно буду плакать, если вы будете Марейна принимать!... Мнѣ не легко его видѣть, вы должны это понимать!—отвѣчала почти дѣтски-капризнымъ голосомъ Людмила.

— Мы не будемъ его принимать, если ты не хочешь этого!—успокоила ее Сусанна.

— Какъ же не будете, когда онъ въ воскресенье пріѣдетъ за тобой!—замѣтила съ недоброй усмѣшкой Людмила.

— Ему можно написать, чтобы онъ не пріѣзжалъ! — успокоила Сусанна и въ этомъ отношеніи сестру.

Та нѣкоторое время размышляла.

— Нѣтъ, въ воскресенье онъ пускай пріѣдетъ!..

только я никакъ ужь не выйду при немъ!...—проговорила она.

— Ты и не выходи!... Никакой надобности тебѣ нѣтъ въ томъ!...—подтвердила Сусанна.

Людмила отвѣтила на это только глубокимъ взглядомъ.

Адмиральша весь этотъ разговоръ дочерей слышала отъ слова до слова, и онъ ее огорчилъ и испугалъ.

— Людмила опять не хочетъ, чтобы Егоръ Егорычъ бывалъ у насъ? — спросила она тревожнымъ голосомъ Сусанну, когда та вышла отъ сестры.

— Но это, мамаша, я вижу теперь, что и невозможно; Людмилу это такъ разстроиваетъ, что она можетъ сдѣлаться серьезно больна! — проговорила Сусанна.

— Можетъ, очень можетъ!—согласилась съ ней и старушка. — Но какъ-же тутъ быть?... Ты сама говорила, что не принимать Егора Егорыча намъ нельзя!... За что мы оскорбимъ челоуѣка?... Онъ не Ченцовъ какой-нибудь въ отношеніи насъ!

Сусанна на этотъ разъ тоже затруднилась и не могла вдругъ придумать, что-бы такое предпринять.

— Богъ какъ-нибудь устроить, мамаша! — сказала она.

— Конечно!... — не отвергнула и адмиральша, хотя, по опыту своей жизни и особенно подвигнутая послѣднимъ страшнымъ горемъ своимъ, она начинала чувствовать, что не все-же Богъ устраиваетъ, а что надобно людямъ самимъ заботиться, и у нея вдругъ созрѣла въ головѣ смѣлая мысль, что когда Егоръ Егорычъ пріѣдетъ къ нимъ въ воскре-

сенье, то какъ-нибудь, — безъ Сусанны, разумѣется, — открыть ему все о несчастномъ увлеченіи Людмилы и объ ея несчастномъ положеніи, не утаивъ даже, что Людмила боится видѣть Егора Егорыча, и умолять его посовѣтовать, что тутъ дѣлать.

Успокоившись на этомъ рѣшеніи, Юлія Матвѣевна съ твердостью ожидала пріѣзда Егора Егорыча, который, конечно, не замедлилъ явиться, какъ сказалъ, минута въ минуту. Сусанна въ это время одѣвалась въ своей маленькой комнаткѣ, досадуя на себя, что согласилась на поѣздку съ Егоромъ Егорычемъ въ церковь и думая, что это она — причина всѣхъ непріятностей, а съ другой стороны ей и хотѣлось ѣхать, или точнѣе сказать, видѣть Егора Егорыча. Странно, но она начинала ясно понимать, что этотъ человекъ какъ-бы каждую минуту все болѣе и болѣе привлекалъ ее къ себѣ. Адмиральша, очень довольная отсутствіемъ Сусанны, сейчасъ-же принялась шепотомъ, сбиваясь, не безъ слезъ, повѣствовать Егору Егорычу о постигшемъ ихъ семейство несчастіи и, къ удивленію своему, подмѣтила, что такое открытіе нѣсколько не поразило ея друга.

— Я это слышалъ и предчувствовалъ! — пробормоталъ онъ.

— Слышали?... но какимъ образомъ и отъ кого? — воскликнула съ ужасомъ адмиральша.

— Слухомъ земля полнится! — проговорилъ Егоръ Егорычъ, не отвѣчая прямо на вопросъ, и затѣмъ прямо перешелъ къ тому плану, который онъ, переживая столько мучительныхъ чувствованій и въ концѣ концовъ забывъ совершенно самого себя, на-

черталъ въ своемъ умѣ касательно будущей судьбы Людмилы и Ченцова.

— Прежде всего,—началъ онъ:—этого повѣсу, моего племянника, надобно развести съ его женой; это и для него и для жены его будетъ благодѣяніемъ, и я какъ-нибудь устрою это; а потомъ ихъ женить съ Людмилой.

— Ни за что, ни за что! — воскликнула Юлія Матвѣевна, отмахиваясь даже руками отъ подобнаго предположенія.—Какъ это возможно, когда Валеріанъ двоюродный братъ Людмилѣ?

Въ этомъ отношеніи адмиральша была преисполнена неотразимаго предубѣжденія, помня еще съ дѣтства разсказъ, какъ въ ихъ-же родѣ одинъ двоюродный братъ женился на двоюродной сестрѣ, и въ первую-же ночь брака они оба отъ неизвѣстной причины померли.

— Но вы желали-же, чтобы Людмила вышла за меня, а я вамъ тоже родня! — возразилъ ей Егоръ Егорычъ.

— Да, батюшка, развѣ вы въ такомъ близкомъ родствѣ намъ?—начала Юлія Матвѣевна заискивающимъ голосомъ. — Валеріанъ Людмилѣ троюродный братъ, а вы четвероюродный, да и то дядя ей!... Богъ, я думаю, различаетъ это.

— Богъ различаетъ, но другое!—окрысился Марѳинъ.

— Да и другое! — продолжала съ упорствомъ Юлія Матвѣевна. — Для васъ, разумѣется, не секретъ, что Валеріанъ очень дурной человѣкъ, и я-бы никакой матери не посовѣтовала выдать за него не только дочери своей, но даже горничной.

— Но вы забываете, — прикрикнулъ на нее Егоръ Егорычъ: — что она любитъ Валеріана.

— Нисколько, нисколько! — отпарировала ему смѣло адмиральша.

— Какъ нисколько?... Асверхъ того, ея положеніе?

— Она готова вынести свое положеніе, но чтобы только не видѣть и не быть женой Валеріана.

Егоръ Егорычъ отрицательно моталъ головой.

— Она вамъ это говорила? — спросилъ онъ почти строго.

— Говорила, — отвѣтила съ увѣренностью адмиральша, искренно убѣжденная, по своей недалновидности, что Людмила ужъ больше не любитъ Ченцова.

Егоръ Егорычъ послѣ этого умолкъ, тѣмъ болѣе, что въ это время вошла Сусанна, по наружности спокойная, хотя и стыдящаяся нѣсколько, и снова напомнившая Егору Егорычу мадонну. — Вскорѣ они отправились къ обѣднѣ. Егоръ Егорычъ захватилъ за Сусанной въ прекрасномъ фаetonѣ и на очень бойкихъ лошадяхъ, такъ что едва только онъ успѣлъ съ Сусанной сѣсть въ экипажъ, какъ лошади рванулись и почти что понесли. Юлія Матвѣевна, все это наблюдавшая, даже вскрикнула отъ испуга: считая Егора Егорыча за превосходнѣйшаго человѣка въ мірѣ, Юлія Матвѣевна, будучи сама великой трусихой лошадей, собакъ, коровъ и даже шипящихъ гусей, понять не могла этой глупой страсти ея кузена къ бѣшеннымъ лошадямъ. Марейнъ, дѣйствительно, кажется, только двѣ суетныя склонности и имѣлъ: страсть къ врестамъ государственнымъ и масонскимъ и страсть къ красивымъ и заносистымъ конямъ.

Вмѣстѣ съ господиномъ своимъ ѣхалъ также и Антипъ Ильичъ, помѣщавшійся рядомъ съ кучеромъ на козлахъ. Эта мода, чтобы лакеи не тряслись на запяткахъ, а сидѣли съ кучеромъ, только еще начинала входить, и Егоръ Егорычъ одинъ изъ первыхъ ею воспользовался, купивъ себѣ для того новый экипажъ съ широчайшими козлами.

— Антипъ Ильичъ, ты это какъ очутился въ Москвѣ?—спросила Сусанна.

— Самъ пріѣхалъ, безъ разрѣшенія даже моего!—отвѣчалъ за своего камердинера Егоръ Егорычъ.— Говорить, что мнѣ тяжело и трудно безъ него жить, да и правда, пожалуй, совершенная правда.

Антипъ Ильичъ слушалъ такой отзывъ барина съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

Фаетонъ между тѣмъ быстро подкатилъ къ бульвару *Чистые Пруды*, и Егоръ Егорычъ крикнулъ кучеру: «повъжай по лѣвой сторонѣ!» а велѣвъ свернуть близъ почтамта въ переулокъ и остановиться у небольшой церкви Θεодора Стратилата, онъ предложилъ Сусаннѣ выйти изъ экипажа, причемъ самымъ почтительнѣйшимъ образомъ высадилъ ее и попросилъ слѣдовать за собой внутрь двора, гдѣ и находился храмъ Архангела Гавріила, который, дѣйствительно, своими колоннами, выступами, вазами, стоявшими у подножія верхняго яруса, напоминалъ скорѣе башню, чѣмъ православную церковь,—на куполѣ его, впрочемъ, высился крестъ; наружныя стѣны храма были покрыты лѣпными пзображеніями съ таковыми же лѣпными надписями на славянскомъ языкѣ: съ западной стороны, наиримѣръ, подъ щитомъ, пзображающимъ Благовѣщеніе, значилось: «домъ

мой—домъ молитвы»; надъ дверями храма вокругъ Спасителя вѣнца виднѣлось: «Азъ есмь путь и истина и животъ»; около дверей, ведущихъ въ храмъ, шли надписи: «Господи, возлюблю благолюбіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея», «Азъ же множествомъ милости Твоея вниду въ домъ Твой, поклонюся храму святому Твоему во страхъ Твоемъ»; на паперти надписи гласили съ лѣвой стороны: «путь заповѣдей Твоихъ текохъ, егда расширилъ еси сердце мое»; съ правой: «законоположи мнѣ, Господи, путь оправданій Твоихъ и взыщи ихъ выну». На всѣ эти надписи Егоръ Егорычъ, ведя Сусанну въ храмъ, обратилъ ея вниманіе, и она всѣ ихъ прочла. Что касается Антипа Ильпча, то онъ тоже вслѣдъ за господами вошелъ въ церковь.

Во внутренности храма Сусанну нѣсколько поразило, что молящіеся все почти были чиновники въ фрачныхъ вицъ-мундирахъ съ черными бархатными воротниками и обшлагами и всѣ обильно увѣшанные крестами, а между этими особами размѣщалась уже болѣе мелкая служебная сошка: почтальоны въ форменныхъ и довольно поношенныхъ, съ стоячими плисовыми воротниками, сюртукахъ и съ невинными кортиками при бедрахъ своихъ. Помѣщавшійся у свѣчнаго ящика староста церковный и вмѣстѣ съ тѣмъ, должно быть, казначей почтамта, толстый, важный, съ Анною на шеѣ, увидавъ подходящаго къ нему Егора Егорыча, тотчасъ утратилъ свою внушительность и почтительно поклонился ему, причемъ торопливо приложилъ правую руку къ своей жирной шеѣ, держа почти перпендикулярно большой палецъ

къ остальной ручной кисти, каковое движеніе прямо обозначало *шейный масонскій знакъ ученика*.

Егоръ Егорычъ, пробурчавъ: «вкладъ въ церковь!»—подавъ старостѣ билетъ опекунскаго совѣта въ триста рублей. Другіе-же въ это время чиновники, увидавъ Сусанну, вошедшую вмѣстѣ съ Егоромъ Егорычемъ, поспѣшили не то что пропустить, но даже направить ее къ пожилой дамѣ, красовавшейся на самомъ почетномъ мѣстѣ въ дорогой турецкой шали; около дамы этой стоялъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати въ красивомъ пажескомъ мундирѣ, съ умненькими и какъ-то насмѣшливо бѣгающими глазками. Чиновникъ, подведшій Сусанну къ пожилой дамѣ, что-то шепнулъ сей послѣдней. Дама поспѣшила пододвинуться и дать Сусаннѣ мѣсто на коврѣ, которая, въ свою очередь, конфузясь и краснѣя, встала тутъ. Священникъ, старикъ уже и, вѣроятно, подагрикъ, потому что былъ въ теплыхъ плюсовыхъ сапогахъ, истово совершалъ службу. Ризы на немъ и на діаконѣ были темно-малиновыя, бархатныя, съ жемчужными крестами. Пѣвчіе,—вѣроятно, составленные все изъ служащихъ въ почтамтѣ и ихъ дѣтей,—пѣли превосходно, и между ними слышался чей-то чисто-грудной и бархатистый теноръ: это пѣлъ покойный Бантышевъ, тогда уже театральнй пѣвецъ, но все еще по старой памяти своей службы въ почтамтѣ участвовавшій иногда въ хорѣ Гаврило-Архангельской церкви. Сусанна, столь склонная подпадать впечатлѣнію религіозныхъ службъ, вся погрузилась въ благоговѣніе и молитву и ничего не видѣла, что около нея происходитъ; но Егоръ Егорычъ, проходя отъ старосты церковнаго на мужскую

половину, сейчасъ замѣтилъ, что тамъ, превышая всѣхъ на цѣлую почти голову, рисовался капитанъ Звѣревъ въ полной парадной формѣ и съ бакенбардами, необыкновенно плотно прилегшими къ его щекамъ: ради этой цѣли капитанъ обыкновенно каждую ночь завязывалъ свои щеки косынкой, которая и прижимала его бакенбарды, что, впрочемъ, тогда дѣлали почти всѣ франтоватые пѣхотинцы.

— Я тоже пришелъ сюда помолиться! — сказалъ капитанъ уважительнымъ тономъ Егору Егорычу.

— Да, вижу, это хорошо! — одобрилъ его Марейнъ, и потомъ оба они замолчали и начали каждый по своей манерѣ молиться. Егоръ Егорычъ закидывалъ все больше свою голову назадъ и въ тоже время старался держать неподвижно ступни своихъ ногъ подъ прямымъ угломъ одна къ другой, что было *ножнымъ знакомъ мастера*; капитанъ же, дѣлая небольшіе сравнительно съ своей грудью крестики и склоняя голову преимущественно по направленію къ большимъ мѣстнымъ иконамъ, при этомъ какъ-будто-бы слегка прищелкивалъ своими каблуками. Въ продолженіе всей обѣдни не слышалось ни малѣйшаго разговора: въ то время вообще считалось говорить въ церкви грѣхомъ и неприличіемъ. Съ окончаніемъ обѣдни къ кресту подошла прежде всѣхъ почтенная дама въ турецкой шали, а вслѣдъ за нею почтамтскіе чиновники опять-таки почти подвели Сусанну, послѣ которой священникъ — черезъ голову уже двоихъ или троихъ прихожанъ — протянулъ крестъ къ Егору Егорычу. Тотъ приложился.

— Давно-ли и надолго-ли вы осчастливили нашу

столицу?—спросилъ его священникъ; а вмѣстѣ съ нимъ произнесла и почтенная дама:

— Васъ-ли я вижу, Егоръ Егорычъ?

Марейнъ ей и священнику что-то такое бормоталъ въ отвѣты.

— А это ваша милая родственница, кажется?— продолжала дама въ шали.

— Племянница,—бормоталъ Егоръ Егорычъ.

— И какая собой прелестная!—воскликнула дама и, какъ-бы не удержавшись, поцѣловала Сусанну.

Та окончательно раскраснѣлась.

— А вашъ молодецъ выросъ, — сказалъ Егоръ Егорычъ, указывая на стоявшаго около дамы мальчика въ пажескомъ мундирѣ.

— А вы такъ не выросли!—отозвался вдругъ на это съ веселой усмѣшкой мальчикъ.

— А, какова острота!... Но смотри только, не злоупотребляй: съки плевелы, но не пшеницу!—говорилъ, грозя ему пальцемъ, Егоръ Егорычъ.

— Oh, il est très caustique, mais avec ça il a beaucoup d'esprit!...—прошептала почтенная дама на ухо Егору Егорычу и затѣмъ вслухъ прибавила:— Неужели вы къ намъ не заѣдете?

— Не знаю!... Можетъ-быть заѣду!... Можетъ быть!...—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

— Пожалуйста!... Мужъ безконечно радъ будетъ васъ видѣть, — почти умоляла его дама, а потомъ съ нѣкоторымъ величіемъ раскланиваясь на обѣ стороны съ почтительно стоявшими чиновниками, вышла изъ церкви съ мальчикомъ, который все обертывалъ головку и посматривалъ на Сусанну, видимо уже начиная разумѣть женскую красоту.

Егоръ Егорычъ, увидавъ въ это время, что священникъ выходитъ уже изъ церкви, торопливо и, вѣроятно, забывъ, что онъ говоритъ уже не съ дамой, отнесся къ нему: «*deux mots!*»

Священникъ остановился.

— Я желалъ бы сей дѣвицѣ показать храмъ!— продолжалъ Егоръ Егорычъ.

— Дѣло доброе!—сказалъ священникъ и хотѣлъ было самъ идти знакомить посѣтителей съ храмомъ, но Егоръ Егорычъ остановилъ его.

— Не безпокойтесь, не утруждайте себя! Я все знаю, все покажу!

— Это какъ соизволите!—проговорилъ священникъ и не безъ удовольствія зашаркалъ своими подагрическими ногами по церковному полу, спѣша поскорѣе напиться дома чайку.

— Подъ куполомъ, — началъ толковать Егоръ Егорычъ Сусаннѣ и оставшемуся капитану, — какъ вы видите, всевидящее око съ надписью: *illuxisti obscurum*—просвѣтилъ еси тьму! А надъ окномъ этимъ кругъ *sine fine...* безъ конца.

— А это какой-то якорь у столба и крестъ, — сказалъ, заинтересовавшись сими изображеніями, капитанъ.

— Это *spe*—надеждою и твердостію—*fortitudine!*—объяснилъ Егоръ Егорычъ.

Капитанъ, кажется, его понялъ, потому что какъ-бы еще больше приободрился и сдѣлался еще тверже.

— Чаша съ кровію Христовой и надпись: *redemptio mundi*—искупленіе міра!—продолжалъ Егоръ Егорычъ, переходя въ сопровожденіи своихъ слугъ къ южной стѣнѣ. А это агнецъ *delet peccata*—извѣст-

ный агнецъ, пріявшій на себя грѣхи міра и феноменирующій у всѣхъ почти народовъ въ ихъ религіяхъ при закланіи и сожженіи — очищеніе зараженнаго грѣхами и злобою людскою воздуха.

Передъ нарисованнымъ сердцемъ, изъ котораго исходило пламя и у котораго были два распростертыя крыла, Егоръ Егорычъ нѣсколько пріостановился и съ удареніемъ произнесъ:

— *Ascendit*—возносится!... Не влачиться духомъ по землѣ, а возноситься!

Сусанна и капитанъ слушали его съ глубокимъ вниманіемъ.

Далѣе въ алтарь Сусаннѣ нельзя было входить, и Егоръ Егорычъ, распахнувъ передъ ней сѣверныя врата, кричалъ ей оттуда.

— Молодой орелъ, летящій и смотрящій прямо на солнце—*virtute patrum*—шествующій по доблести отцовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ около жертвенника передъ короною, утвержденною на четвероугольномъ пьедесталѣ, а также и передъ короною со скипетромъ, онъ опять пріостановился съ большимъ вниманіемъ и громко произнесъ:—утверждена на уваженіе—*existimatione nixa!*... *constanter et sincere!*... постоянно и чистосердечно!...

Ко всѣмъ этимъ толкованіямъ Егора Егорыча Антипъ Ильичъ, стоявшій у входа церкви, прислушивался довольно равнодушно. Бывая въ ней много множество разъ, онъ зналъ ее хорошо и только при возгласѣ: *redemptio mundi* старикъ какъ-бы нѣсколько встрепенулся: очень ужъ звуками своими эти слова были пріятны ему.

На паперти Егоръ Егорычъ еще дообъяснилъ своимъ слушателямъ:

— Этими эмблемами одинъ мой пріятель такъ заинтересовался, что составилъ у себя цѣлую божницу иконъ, подходящихъ къ этимъ надписямъ, и присоединилъ къ нимъ и самыя подписи. Это — Крапчикъ!...—заклучилъ онъ, относясь къ Сусаннѣ.

— Крапчикъ?—повторила та, желая въ сущности спросить, что неужели и Крапчикъ масонъ, но, конечно, не посмѣла этого высказать.

Утро, между тѣмъ, было прекрасное; солнце грѣло, но не жгло еще; воздухъ былъ какъ-бы пропитанъ бодрящею свѣжестью и чѣмъ-то вселяющимъ въ сердце людей радость. Капитанъ, чуткій къ красотамъ природы, не могъ удержаться и воскликнулъ:

— Какой божественный день!

— Да, — согласилась съ нимъ и Сусанна.

Егору Егорычу на этотъ разъ восклицаніе Аггея Никитича вовсе не показалось пошлымъ, и онъ даже, обратясь къ Сусаннѣ, спросилъ ее:

— Вы, можетъ быть, желаете пройтись по бульвару?

— Съ удовольствіемъ-бы прошлась, — отвѣчала та.

— О, сегодня гулять восхитительно! — подхватилъ радостно капитанъ, очень довольный тѣмъ, что онъ можетъ еще нѣсколько минутъ побесѣдовать не съ Сусанной, нѣтъ, а съ Марѣинымъ: капитанъ оставался вѣренъ своему первому увлеченію Людмилою.

— Вы изволили сказать, — обратился онъ къ Егору Егорычу: — что надобно возноситься духомъ; но въ военной службѣ это рѣшительно невозможно: поду-

мать тутъ, понимаете, нѣ надъ чѣмъ, — шагай только, да вытягивай носокъ.

— Стало быть, вы по необходимости служите? — проговорилъ Егоръ Егорычъ, пристально взглянувъ въ добрые, какъ у верблюда, глаза капитана.

Тотъ пожалъ плечами.

— Почти!... Отецъ мой, бѣдный помѣщикъ, отдалъ было меня въ гимназію: но я, знаете, былъ этакій деревенскій дуботолкъ... Учиться сталъ я недурно, но ужасно любилъ драться, и не изъ злости, а изъ удалства какого-то, и все больше съ семинаристами на кулачки... Сила тогда у меня была ужъ порядочная, и разъ я одного этакого кутейника такъ съвздылъ по скулъ, что у того салазки выскочили изъ мѣста.... Жалоба на меня.... Директоръ вздумалъ было меня посѣчь, но во мнѣ заговорилъ горноръ.... Я не дался и этакихъ четырехъ сторожей раскидалъ отъ себя... Тогда меня, раба Божьяго, исключили изъ гимназіи.... Отецъ въ отчаяніи и говоритъ мнѣ: «Что я буду съ тобой дѣлать?... Не въ приказныхъ-же тебѣ служить... ты русскій дворянинъ... Ступай ужъ лучше въ военную службу!» Услыхавъ это, я даже обрадовался, что меня исключили... Впереди у меня мелькнули мундиръ, эполеты, сабля, шпоры, и въ самомъ дѣлѣ вначалѣ меня все это заняло, а потомъ открылась турецкая кампанія, а за ней польская... Я сдѣлалъ ту и другую и всегда буду благодарить судьбу, что она, хотя не надолго, но забросила меня въ Польшу и что-бы тамъ про поляковъ ни говорили, но послѣ кампаніи они насъ, русскыхъ офицеровъ, принимали чрезвычайно радушно, и я скажу откровенно, что только въ обще-

ствѣ ихъ милыхъ и очень образованныхъ дамъ я нѣсколько пообтесался и сталъ походить на чело-вѣка.

— Но теперь вы субалтернъ еще офицеръ? — перебилъ вдругъ капитана Марейнъ, искоса посматривая на высокую грудь того, украшенную нѣсколькими медалями и крестами.

— Нѣтъ, я уже ротный! — отвѣчалъ тотъ не безъ гордости.

— Однако, сама служба все-таки вамъ претить? — допытывался Егоръ Егорычъ.

— Какъ вамъ сказать?... И служба претить... Въ заряданіи ружья на двѣнадцать темповъ и въ вытягиванія носка ничего нѣтъ интереснаго, но главное, общество офицеровъ не по мнѣ. Можете себѣ представить: между всѣми моими товарищами одинъ только былъ у меня другъ — поручикъ Рибнеръ; по происхожденію своему онъ былъ нѣмецъ и человекъ превосходнѣйшій!... Исторію тридцатилѣтней войны Шиллера онъ зналъ отъ слова до слова наизусть, а я зналъ хорошо исторію двѣнадцатаго года... Бывало, схватимся да такъ всю ночь и споримъ... Полковой командиръ обоихъ насъ терпѣть не могъ, но со мной онъ ничего не могъ сдѣлать: я фрунтовикъ; а Рибнера, который, къ несчастію, былъ нѣсколько разсѣянъ въ службѣ, выжилъ!... Да-съ, — продолжалъ капитанъ:— я тамъ не знаю, можетъ быть, въ артиллеріи, въ инженерахъ, между штабными есть образованные офицеры, но въ арміи ихъ мало, и если есть, то они совершенно не цѣнятся... Всѣ только хлопчутъ, какъ-бы потанцовать, въ карты, на билліардѣ поиграть, а чтобы этакъ почи-

тать, потолковать о чемъ-нибудь возвышенномъ, — къ этому ни у кого нѣтъ ни малѣйшей охоты, а напротивъ, смѣются надъ тѣмъ, кто это любитъ: «ну, ты, — говорятъ, — философъ, занесся въ свои облака!»

Егоръ Егорычъ слушалъ капитана весьма внимательно: его начинало серьезно занимать, какимъ образомъ въ такомъ, повидимому, чувственномъ и мясистомъ тѣлѣ, каково оно было у капитана, могло обитать столько духовныхъ инстинктовъ.

Между тѣмъ бульваръ кончался.

— Намъ пора!... поѣдемте!... Мамаша, я думаю, давно насъ ждетъ! — проговорила Сусанна.

— Пора, пора! — согласился Егоръ Егорычъ. — Прощайте, капитанъ! — присовокупилъ онъ, протягивая тому почти дружески руку.

— Я бы безконечно былъ счастливъ, если-бы вы позволили мнѣ явиться къ вамъ! — сказалъ Аггей Никитичъ.

— Теперь некогда, я сегодня уѣзжаю въ Петербургъ, но когда потомъ я буду въ Москвѣ, то увидаюсь съ вами непременно, — бормоталъ Егоръ Егорычъ.

При этихъ словахъ его Сусанна сильно вспыхнула въ лицѣ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, къ вашей матушкѣ явиться! — обратился къ ней капитанъ, слегка приподнимая эполеты и кланяясь.

— И къ нимъ нельзя!... — подхватилъ Егоръ Егорычъ: — ея старшая сестра, Людмила Николаевна, больна, заболѣла!

— Больна?... заболѣла?—переспросилъ капитанъ, нивакъ не ожидавшій получить такое извѣстіе.

— Очень!—повторилъ Егоръ Егорычъ и, сѣвъ съ Сусанной въ фаэтонъ, скоро совсѣмъ скрылся изъ глазъ капитана, который остался на бульварѣ весьма опечаленный прежде всего, разумѣется, вѣстію о болѣзни Людмилы, а потомъ и тѣмъ, что, вслѣдствіе этого, ему нельзя было явиться къ Рыжовымъ.

Сусанна тѣмъ временемъ, ѣхавъ съ Егоромъ Егорычемъ, не смотря на свою застѣнчивость, спросила его, неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, сегодня уѣзжаетъ въ Петербургъ.

— Уѣзжаю!... я тутъ лишній!.. не нуженъ!... Но,—продолжалъ онъ уже съ одушевленіемъ и беря Сусанну за руку:—я прошу васъ, Сусанна Николаевна, заклиная писать мнѣ откровенно, что будетъ происходить въ вашей семьѣ.

— Я готова писать, если мамаша позволитъ!—отвѣчала Сусанна.

— Она позволитъ... Я самъ ей напишу объ этомъ,—говорилъ Егоръ Егорычъ и, торопливо вынувъ изъ кармана бумажникъ, вырвалъ изъ книжки чистый листокъ бумаги и тутъ-же на колѣняхъ своихъ написалъ: «Прощайте, позвольте и прикажите Сусаннѣ Николаевнѣ писать мнѣ чаще въ Петербургъ обо всѣхъ васъ. Адресуйте письма на имя князя Александра Николаевича, съ передачею мнѣ. Непремѣнно-же пишите, иначе я разсержусь на васъ, на всю жизнь.»

— Отдайте вотъ эту записку матери! — заключилъ Егоръ Егорычъ, суя исписанный имъ листокъ въ руки Сусанны.

— Развѣ вы не зайдете къ мамашѣ даже и проститься?—проговорила робко Сусанна.

— Нѣтъ, я лишній пока у васъ, лишній,—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ, стараясь не смотрѣть на Сусанну, тогда какъ лицо той ясно выражало: «нѣтъ, не лишній!»

IV.

Исполненіе человѣкомъ долга своего моралисты обыкновенно считаютъ за одну изъ самыхъ величайшихъ добродѣтелей, но врачи и физиологи,хлопочущіе болѣе о сохраненіи благосостоянія нашего грѣшнаго тѣла, не думаю, чтобы рекомендовали безусловно эту добродѣтель своимъ пациентамъ. Быть постоянно во имя чего-то отвлеченнаго и, можетъ-быть, даже предразсудочнаго не самимъ собою врядъ-ли кому здорово. Въ такомъ именно положеніи очутилась теперь бѣдная Людмила: она отринулась отъ Ченцова ради нравственныхъ понятій, вошедшихъ къ ней черезъ ухо изъ той среды, въ которой Людмила родилась и воспиталась; ей хорошо помнилось, какимъ ужаснымъ порокомъ мать ея, кротчайшее существо, и всѣ ихъ добрые знакомые называли то, что она сдѣлала. Подъ вліяніемъ своего безумнаго увлеченія Людмила могла проступить, но продолжать свое паденіе было выше силъ ея, тѣмъ болѣе, что тутъ ужъ являлся вопросъ о дѣтяхъ, которыя, по словамъ Юліи Матвѣевны, какъ незаконныя, должны были всѣ погибнуть, а между тѣмъ Людмила не переставала любить Ченцова и вѣрила,

что онъ тоже безумствуетъ объ ней: одно ее пора- жало, что Ченцовъ не только что не появлялся къ нимъ болѣе, но даже не пытался прислать письмо, хотя, говоря правду, отъ него приходило нѣсколько писемъ, которыя Юлія Матвѣевна, не желая ими ни Людмилу, ни себя беспокоить, перехватывала и, не читавъ, рвала ихъ. Такимъ образомъ неумолкающая ни на минуту борьба Людмилы со своей страстью потрясла, наконецъ, вкорень ея организмъ: изъ цвѣтущей, здоровой дѣвушки она стала тѣнию, при- видѣніемъ, что дѣлало еще замѣтнѣе округлость ея стана, такъ что Людмила вовсе перестала выходить изъ своей комнаты, стыдясь показаться даже на глаза вухарки. Тщетно Юлія Матвѣевна умоляла ее дѣлать прогулки, доказывая, какъ это необходимо; но Людмила и слышать того не хотѣла... Прошло уже, между тѣмъ, послѣ отъѣзда Егора Егорыча два мѣсяца страшныхъ, мучительныхъ для Рыжовыхъ. Нелегко эти мѣсяцы, кажется, достались и капитану Звѣреву, потому что онъ замѣтно поху- дѣлъ и осунулся. По нѣскольку разъ въ недѣлю ка- питанъ заходилъ къ Мирошѣ Дмитріевнѣ, стараясь всякій разъ выпросить ее о томъ, что творится у Рыжовыхъ, и всякій разъ Миропа Дмитріевна ядо- вито усмѣхалась на эти вопросы и также ядовито отвѣчала:

— Я ничего не знаю, да признаться, и не инте- ресуюсь нисколько знать!

Но вотъ однажды часу въ седьмомъ теплаго и яс- наго іюньскаго вечера (въ тотъ годъ все лѣто стояло очень хорошее), надъ Москвой раздавался благовѣстъ ко всенощной. Миропа Дмитріевна, въ капотѣ-распа-

шонкѣ, вышитой юпкѣ, въ торжковскихъ туфляхъ и въ малороссійскихъ монистахъ, сидѣла подъ тѣнью въ своемъ садикѣ и нила на воздухѣ чай. Стоявшій передъ нею на столѣ чисто вычпщенный самоваръ сердито пошумливалъ: Миропа Дмитриевна любила пить самый горячій чай. На столѣ, вромѣ ея чашки, были два стакана съ блюдечками, на всякій случай, если кто зайдетъ изъ мужчинъ. Въ садикѣ довольно немаленькомъ, обсаженномъ кругомъ, какъ бы сплошною стѣною, агаціями, воздушнымъ жасминомъ, душистыми тополями, липами, а также съ множествомъ левкоевъ, геліотроповъ, резеды, чувствовался сильно-ароматическій запахъ. Миропа Дмитриевна ужасно любила всѣ душистыя растенія и украшала свой садикъ почти собственными руками съ помощію только двухъ ея крѣпостныхъ дѣвокъ. Кромѣ того, она держала куръ съ безпощадно остриженными крыльями, чтобы онѣ не залетали въ садикъ, держала нѣсколько пидѣекъ, пѣтухъ которыхъ постоянно расхаживалъ у нея на дворѣ съ налитыми кровью балаболками надъ носомъ, и, наконецъ, въ дальнемъ хлѣвухѣ провизгивалъ, повременамъ, юный поросенокъ, купленный Миропою Дмитриевною для домашняго откорма въ послѣднее воскресенье недѣли православія; — вообще, надобно отдать честь Миропѣ Дмитриевнѣ, она была опытная, расчетливая и умная хозяйка.

Въ настоящій вечеръ она, кушая въ прикуску уже пятую чашку чаю, начинала чувствовать легкую тоску отъ этой пріятной, но, все-таки, отчасти мутящей жидкости, — вдругъ на дворѣ показалась высокая фигура капитана въ шинели. Миропа Дмитри-

евна грустно усмѣхнулась, заранѣе предчувствуя, зачѣмъ къ ней идетъ капитанъ, и крикнула ему, что она въ саду, а не въ домѣ.

Капитанъ вошелъ въ садикъ и показался Миropѣ Дмитріевнѣ не такимъ развареннымъ, какимъ онъ, къ великой ея досадѣ, являлся все послѣднее время.

— Садитесь, будьте гостемъ! — сказала она ему и стала наливать чай въ стаканъ.

Капитанъ снялъ съ себя шинель и повѣсплъ ее на сучекъ дерева. Миропы Дмитріевна, взглянувъ при этомъ на него, чуть не вскрикнула. Онъ былъ въ густыхъ штабъ-офицерскихъ эполетахъ.

— Вы произведены въ маіоры? — проговорила Миропы Дмитріевна въ одно и то-же время съ удивленіемъ и радостью.

— Да, на-дняхъ, — отвѣчалъ вновь испеченный маіоръ, садясь и, по возможности, равнодушнымъ тономъ, хотя въ лицѣ и во всей его фигурѣ просвѣчивало удовольствіе отъ полученнаго повышенія.

— Надобно выпить шампанскаго за ваше здоровье и провѣрять вамъ: ура! — говорила Миропы Дмитріевна.

— Зачѣмъ-же шампанскаго?... выпьемъ лучше чайку! — продолжалъ новый маіоръ тѣмъ-же тономъ философа.

Миропы Дмитріевна рѣшительно не могла отвести отъ него глазъ; онъ никогда еще не производилъ на нее такого сильнаго впечатлѣнія своей наружностью: густыя эполеты маіора живописно спускались на сукно рукавовъ; толстая золотая цѣпочка отъ часовъ извивалась около борта сюртука; по правиламъ лѣтней формы, онъ былъ въ бѣлыхъ брюкахъ; султанъ

на его новой трехугольной шляпѣ красиво развѣвался отъ дуновенія легкаго вѣтерка; кресты и медали какъ-то болѣе обыкновеннаго блистали и мелькали. Подъ вліяніемъ всего этого, Миропа Дмитріевна сама ужъ хорошенько не помнитъ, какъ подвинула къ маіору стаканъ съ чаемъ, какъ крикнула проходившей по двору Агашѣ, чтобы та принесла изъ комнатъ четверку Жукова табаку и трубку.

Впрочемъ, прежде чѣмъ я пойду далѣе въ моемъ разсказѣ, мнѣ кажется, необходимо предувѣдомить читателя, что отнынѣ я буду именовать Звѣрева маіоромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыть тайну, которой читатель, можетъ быть, и не подозрѣваетъ: Миропа Дмитріевна давно уже была, тщательно скрывая отъ всѣхъ, влюблена въ маіора, и хоть говорила съ нимъ, какъ и съ прочими офицерами, о другихъ женщинахъ и невѣстахъ, но въ сущности она приберегала его для себя... Появленіе противной Людмилы Рыжовой и смѣшное увлеченіе Аггея Никитича этой дѣвчонкой, конечно, много сбило Мирону Дмитріевну съ толку; но теперь, увидавъ маіора въ такомъ блестящемъ штабъ-офицерскомъ видѣ, она вознамѣрилась, во что-бы то ни стало, уничтожить въ глазахъ его свою соперницу.

— А что ваши Рыжовы? — спросилъ тотъ, по обыкновенію, издалека.

— Ничего. — отвѣчала Миропа Дмитріевна, на этотъ разъ не съ ядовитостью, а какъ-бы съ нѣкоторымъ даже участіемъ.

— Людмила Николаевна все болѣетъ? — продолжалъ маіоръ.

— Болѣетъ, — повторила Миропа Дмитріевна, оглядѣвшись кругомъ и, видя, что никого нѣтъ около, присоветовала негромко: — Врядъ-ли она не ждется на этихъ дняхъ!

Лицо маіора мгновенно потускнѣло.

— Но вы мнѣ прежде не говорили, чтобы она была въ такомъ ужь положеніи! — проговорилъ онъ явно недовольнымъ голосомъ.

— Что-жъ мнѣ было вамъ говорить!... — возразила Миропа Дмитріевна: — я думала, что вы сами догадываетесь объ этомъ!... А то къ чему-же такая таинственная жизнь!... Всѣхъ избѣгать, ни съ кѣмъ не знакомиться...

Маіоръ мрачно молчалъ.

— И я не знаю, какъ это у нихъ произойдетъ, — продолжала Миропа Дмитріевна: — здѣсь-ли?... что будетъ мнѣ очень непріятно, потому что, сами согласитесь, у меня въ домѣ дѣвушка производитъ, на свѣтъ ребенка!... Другіе, пожалуй, могутъ подумать, что я тутъ изъ корыстныхъ цѣлей чѣмъ-нибудь способствовала...

— Да гдѣ-же этому и произойти, какъ не здѣсь!.. — возразилъ ей маіоръ.

— А гдѣ имъ угодно!... Нускай отправится къ акушеркѣ... мало-ли ихъ здѣсь!.. или въ воспитательный домъ, — проговорила съ презрѣніемъ Миропа Дмитріевна.

Маіоръ принялся неистово курить и затягиваться.

— Но меня еще болѣе пугаетъ другое: онѣ, я подозреваю, ждуть къ себѣ и виновника всего этого

событія... Тогда во что-же мой домъ обратится, я и вообразить не могу!

Послѣднее предположеніе Миропа Дмитріевна рѣшительно выдумала отъ себя, чтобы сильнѣе очернить Людмилу передъ маіоромъ.

Тотъ, съ своей стороны, не отставалъ неистово курить и на нѣкоторыя мгновенія совершенно скрывался отъ Миропы Дмитріевны за густыми клубами табачнаго дыма.

— Очень жаль! — проговорилъ онъ въ такой именно моментъ:—и тѣмъ досаднѣе, что Людмила, все-таки, дѣвушка прелестная.

— Уродъ, чудище теперь она стала!—воскликнула Миропа Дмитріевна.

— Чтò такое вы говорите, Богъ васъ знаетъ!... Людмила уродъ!...—провзнесъ насмѣшливо маіоръ.

— Вы не вѣрите?... Ну, погодите!... Выйдите на улицу... на тротуаръ!... Первое окно отъ воротъ изъ спальни Людмилы... Она иногда сидитъ около него!...

Маіоръ, попрежнему, насмѣшливо пожалъ плечами, но послушался Миропы Дмитріевны; Людмила, какъ нарочно, въ это время сидѣла или, лучше сказать, полулежала съ закрытыми глазами въ креслѣ у выставленнаго окна. Маіоръ даже попытился назадъ, увидѣвъ ее... Передъ нимъ была не Людмила, а трупъ ея. Чтобы не мучить себя болѣе, онъ возвратился къ Миропѣ Дмитріевнѣ.

— Да, она перемѣнилась нѣсколько,—сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто.

— Не нѣсколько, а она, я вамъ говорю, уродъ!—настаивала Миропа Дмитріевна.

— Нѣтъ, не уродъ!—не согласился маіоръ.

Миропа Дмитріевна вышла, наконецъ, изъ себя.

— Аггей Нивитичъ, скажите, сколько вамъ лѣтъ?—воскликнула она.

— Около сорока, — отвѣчалъ тотъ, удивленный такимъ вопросомъ.

— А мнѣ всего еще только тридцать-пять лѣтъ!—вернула Миропа Дмитріевна и солгала въ этомъ случаѣ безбожнѣйшимъ образомъ, ей было ужъ за сорокъ. И я хоть женщина,—продолжала она: —но меня чрезвычайно удивляетъ ваше ослѣпленіе.

— Въ чемъ мое ослѣпленіе?—перебилъ ее съ досадою маіоръ.

— Касательно Людмилы!—отвѣчала ему рѣзко Миропа Дмитріевна.—Будемте разсуждать хладнокровно,—вы влюблены въ нее?

Такой вопросъ поставилъ въ затрудненіе маіора.

— Влюбленъ, если вы хотите,—отвѣчалъ онъ съ нѣсколько трусливою рѣшительностью:—или назовите иначе это чувство, но и очарованъ красотою Людмилы, какъ и вы также были очарованы этимъ.

— Ахъ, пожалуйста, оставьте насъ, женщинъ, въ покоѣ!... Мы совершенно иначе судимъ другъ о другѣ!...—вывертывалась Миропа Дмитріевна изъ прежде ею говореннаго.—Но вы мужчина, и потому признайтесь мнѣ откровенно, неужели-же-бы вы, увлекшись однимъ только хорошенькимъ личикомъ Людмилы и не сказавъ, я думаю, съ ней двухъ словъ, пожелали даже жениться на ней?

— Пожелалъ-бы!—отвѣчалъ маіоръ не задумавшись.

У Миропы Дмитріевны при этомъ все лицо пе-

рекосилось отъ злой гримасы: маіоръ просто показался ей сумасшедшимъ.

— Значить, — начала она припирать его къ стѣнѣ:—вы готовы жениться на дѣвушкѣ некрасивой, у которой есть обожатель и у которой будетъ скоро залогъ любви къ тому, и это еще когда Людмила соблаговолитъ за васъ выйти, а она вовсе не думаетъ того, и согласитесь, Аггей Никитичъ, что послѣ всего этого вы смѣшны вашими воздыханіями и мечтаніями!

Маіоръ молчалъ. Онъ самъ смутно сознавалъ, что въ отношеніи своей влюбчивости былъ нѣсколько смѣшонъ: но что прикажете дѣлать съ натурой? Какъ забралась у него въ мозгъ разныя идеальныя представленія, касательно семейства Рыжовыхъ, такъ они и не выходили до сихъ поръ изъ головы.

— Нечего вамъ объ этой пустой дѣвчонкѣ и думать! — благоразумно посовѣтовала ему Миропа Дмитріевна, и потомъ, какъ-бы что-то такое сообразивъ, она вдругъ сказала:

— А я, все-таки, хочу выпить за ваше повышение!... Шампанскаго, конечно, у меня нѣтъ, но есть отличная, собственной стряпни, наливка—вишневка!...

— Недурно!... идетъ!... — воскликнулъ маіоръ, такъ какъ подошелъ уже часъ, когда онъ привыкъ пить водку.

Миропа Дмитріевна сходила за вишневою и вмѣстѣ съ нею принесла колбасы, сыру. Наливъ сей вишневки гостю и себѣ по бокалу, Миропа Дмитріевна приложила два пальца правой руки ко лбу

своему, какъ-бы дѣлая подѣ козырекѣ, и произнесла рапортующимъ голосомъ:

— Честь имѣю поздравить, ваше высокоблагородіе, съ полученіемъ маіорскаго чина!

Звѣревъ, усмѣхнувшись и проговоривъ, въ свою очередь, уже начальническимъ тономъ: «благодарю!» протянулъ Миропѣ Дмитріевнѣ свою руку, въ которую она хлопнула своей ручкой, и эту ручку маіоръ поцѣловалъ съ чувствомъ, а Миропѣ Дмитріевна тоже съ чувствомъ поцѣловала его, но не въ голову, а второпяхъ въ щеку, и потомъ они снова занялись вишневкой, каковой маіоръ выпилъ бакальчиковъ пять, а Миропѣ Дмитріевна два. Вино, какъ извѣстно, измѣняетъ иногда характеръ и міровоззрѣніе людей: изъ трусовъ оно дѣлаетъ храбрецовъ, злыхъ и суровыхъ часто смягчаетъ, равно какъ тихихъ и смирныхъ воспаляетъ до буйства. Нѣчто подобное случилось и съ моими собесѣдниками: маіоръ сталъ болѣе матеріаленъ и попустился на землю, а Миропѣ Дмитріевна, наоборотъ, нѣсколько возлетѣла надъ расчетами жизни.

— Вамъ надобно выбрать жену не съ богатствомъ, — принялась она разсуждать:— котораго вы никогда не искали, а теперь и подавно, когда сами вступили на такую прекрасную дорогу, — вамъ нужна жена, которая бы васъ любила!

— Которая бы любила! — согласился маіоръ.

— И была-бы притомъ хозяйка хорошая!... — направляла прямо въ цѣль свое слово Миропѣ Дмитріевна.

— Да! — согласился и съ этимъ маіоръ.

— Кромѣ того, — продолжала Миропѣ Дмит-

ріевна,—вы не забывайте, Аггей Никитичъ, что вамъ около сорока лѣтъ, и, по моему странно было бы, еслибъ вы женились на очень молоденькой!...

— Что-жь тутъ страннаго, — возразилъ маіоръ, какъ-бы даже обидѣвшись.

Миропа Дмитріевна заранѣе предчувствовала, что этотъ пунктъ будетъ у нихъ самый спорный.

— Я сейчасъ вамъ докажу,—начала она со свойственною ей ясностью мыслей: — положимъ, вы женитесь на восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ; чрезъ десять лѣтъ вамъ будетъ пятьдесятъ, а ей двадцать-восемь, — за что-же вы загубите молодую жизнь?... Женѣ вашей захочется въ свѣтѣ быть, пользоваться удовольствіями, а вы будете желать сидѣть дома, чтобы отдохнуть отъ службы, чтобы почитать что-нибудь, что, я знаю, вы любите!

— Да, я нынче сталъ очень любить сидѣть дома и читать книги!—сознался Аггей Никитичъ.

— Ну, вотъ видите, и теперь вдумайтесь хорошенько, что можетъ изъ этого произойти! — продолжала Миропа Дмитріевна.—Я сама была въ замужествѣ при большой разницѣ въ лѣтахъ съ моимъ покойнымъ мужемъ и должна сказать, что не дай Богъ никому испытать этого; мнѣ было тяжело, а мужу моему еще тяжельше, потому что онъ, какъ и вы же, былъ человѣкъ умный и благородный и все понималъ.

Миропа Дмитріевна ударила маіора въ совершенно новую струну его добраго сердца, о которой онъ, мечтая о молоденькой и хорошенькой женѣ, никогда прежде не помышлялъ.

— Въ такомъ случаѣ, я лучше совсѣмъ не же-

нюю! — рѣшилъ онъ съ нѣкоторой дозой почти отчаянія.

— Это тоже нехорошо, — не одобрила и этого Миропы Дмитріевна: — представьте вы себя старикомъ... вамъ нездоровится... вамъ скучно... и кто же васъ разговорить и утѣшить?... Неужели прислуга ваша или деньщикъ вашъ?

— Что прислуга?... Они не понимаютъ ничего!... — отозвался маіоръ и затѣмъ, подумавъ немного, присовокуиилъ: — Мнѣ иногда, знаете, когда бываетъ очень грустно, приходитъ на мысль идти въ монахи.

Миропы Дмитріевна, услышавъ это, не въ силахъ была удержаться и расхохоталась.

— Чтобы васъ обобрали тамъ, какъ всегда обыкновенно у насъ въ монастыряхъ обираютъ.

— Обобратъ у меня нечего, — замѣтилъ мрачно маіоръ.

— Да ту-же пенсію вашу всю будутъ брать себѣ! — пугала его Миропы Дмитріевна и, по своей ловкости и хитрости (не даромъ она была малороссіянка), неизвѣстно до чего-бы довела настоящую бесѣду, но въ это время въ квартирѣ Рыжовыхъ замелькалъ огонекъ, какъ-бы перебѣгали со свѣчками изъ одной комнаты въ другую, что очень замѣтно было при довольно значительной темнотѣ ночи и при полнѣйшемъ спокойствіи, царствовавшемъ на дворѣ дома: куры и индѣйки всѣ сидѣли ужъ по своимъ хлѣвушкамъ и только майскіе жуки, въ сообществѣ разноцвѣтныхъ бабочекъ, кружились въ воздухѣ и все больше около огня куримой маіоромъ трубки, да еще чей-то бѣлый котъ лукаво и осто-

рожно пробирался по крышѣ дома къ слуховому окну.

— Что-же тамъ такое происходитъ? — спросилъ маіоръ, первый увидавъ суматоху на половинѣ Рыжовыхъ, и не успѣла ему Миропа Дмитриевна ничего отвѣтить, какъ на крыльцѣ домика показалась, вся въ бѣломъ, фигура адмиральши.

— Madame Зудченко, madame Зудченко! Гдѣ вы?— кричала она.

— Я здѣсь, здѣсь!—откликнулась та, подбѣгая къ рѣшеткѣ сада.

— Доктора, доктора, madame Зудченко!... Моя старшая дочь, Людмила, умираетъ! — продолжала кричать съ крылечка адмиральша.

— Сейчасъ, сейчасъ! — отвѣчала Миропа Дмитриевна, не находя впопыхахъ задвижки, чтобы отпереть садовую калитку.

— Мамаша, Людмила васъ зоветъ: ей еще хуже! — слышался голосъ Сусанны изъ распахнутаго ею окна.

— О, спасите, спасите насъ! — неистовствовала старушка, ломая себѣ руки.

— Я привезу вамъ доктора! — вмѣшался маіоръ и, накинувъ на себя шинель, быстро пошелъ.

Миропа Дмитриевна, между тѣмъ, забывъ, конечно, въ эти минуты всякія неудовольствія на Рыжовыхъ, бережно ввела старушку на дѣсенку и, войдя къ нимъ въ квартиру, прошла въ комнату больной, гдѣ, увидавъ стоявшую Сусанну и понявъ сразу, въ чемъ тутъ дѣло, проговорила той:

— Ну, вы, душенька, выйдите!

— Сестру надобно причастить!—попыталась сказать Сусанна.

— Это послѣ, погодите, — перебила ее Миропа Дмитріевна, — но теперь вы прикажите моимъ горничнымъ, чтобы онѣ пришли сюда, а то ваша старушонка очень глупа.

Сусанна повиновалась ей.

Маіоръ черезъ какой-нибудь часъ привезъ доктора и ни много, ни мало — тогдашняго главнаго врача воспитательнаго дома, который былъ въ бѣломъ галстухѣ и во фракѣ, съ нѣскольکو строгою и весьма важною физіономіей. Аггей Никитичъ подцѣпилъ его гдѣ-то ужъ на вечерѣ и оттуда привезъ. Ведомый маіоромъ, докторъ, слегка поклонившись адмиральшѣ и Сусаннѣ, вошелъ къ больной, которую засталъ въ безпамятствѣ. Разпросивъ обо всемъ шепотомъ Миропу Дмитріевну, онъ написалъ длинный рецептъ съ нѣсколькими подраздѣленіями и сказалъ, чтобы сейчасъ послали въ аптеку.

— Я полагаю, что роднымъ больной надобно быть подальше отъ нея! — замѣтила Миропа Дмитріевна.

— Непремѣнно!—подтвердилъ докторъ.

Миропа Дмитріевна послѣ того, выйдя къ нимъ, строго объявила:

— Ну, mesdames et monsieur, докторъ просить васъ всѣхъ уйдти ко мнѣ, на мою половину.—Агашѣ своей она приказала, что есть духу, бѣжать въ аптеку.

Адмиральша, Сусанна и маіоръ перешли въ квартиру Миропы Дмитріевны и размѣстились тамъ, какъ всегда это бываетъ въ минуты катастрофъ,

кто куда попалъ: адмиральша очутилась сидящею рядомъ съ маіоромъ на диванѣ и только-что не склонившею голову на его плечо, а Сусаннѣ, сѣвшею вдали отъ нихъ и бывшей, разумѣется, Богъ знаетъ до чего разстроенною, вдругъ почему-то кинулись въ глаза чистота, порядокъ и даже шеголеватость убранства маленькихъ комнатъ Миропы Дмитріевны: въ зальцѣ, напримѣръ, круглый столъ, на которомъ она обыкновенно угощала карабинерныхъ офицеровъ чаемъ, былъ покрытъ чистой коломенковой салфеткой; а про гостиную и говорить нечего: не говоря о разныхъ красивыхъ бездѣлушкахъ, о швейномъ столикѣ со всевозможными принадлежностями, тамъ видѣлось литографическое и разрисованное красками изображеніе Маврокордато, греческаго полководца, скачущаго на конѣ и съ рубящей на-отмашь саблей. Маврокордато этотъ, случайно или нѣтъ, но только чрезвычайно смахивалъ лицомъ на Звѣрева, такъ что Аггей Никитичъ самъ даже это замѣчалъ. Прошло около двухъ часовъ; адмиральша и Сусанна безпрестанно посылали пришедшую и стоявшую передъ ними ихъ старушонку справляться, уѣхалъ докторъ или нѣтъ, и каждый разъ получали отвѣтъ, что нѣтъ еще!

Звѣревъ все это время сидѣлъ, облокотившись на столъ и опустивъ свою голову, причемъ его штабъ-офицерскія эполеты низко, низко спускались съ плечъ.

Наконецъ, снова посланная Юліей Матвѣевной старушонка донесла, что докторъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нею появилась и Миропы Дмитріевна.

— Ну, что? — спросили ее всѣ въ одинъ голосъ.

— Ничего особеннаго; докторъ только велѣлъ не беспокоить больную! — отвѣчала она, хотя не было сомнѣнiя, что многого не договорила.

— А намъ можно войти туда къ нимъ? — спросила адмиральша; щеки у нея подергивало при этомъ, губы дрожали.

— Да, намъ-бы туда! — произнесла тихо Сусанна.

— Туда вы можете идти, но къ больной не входите! — полуразрѣшила имъ Миропа Дмитриевна,

— Мы и не пойдемъ къ ней! — сказала Сусанна и увела мать, поддерживая ее подъ руку.

Миропа Дмитриевна, оставшись вдвоемъ съ маіоромъ, опустилась въ утомленiи на кресло.

— Плохо значитъ? — сказалъ тотъ, не поднимая головы и не оборачиваясь къ Миропѣ Дмитриевнѣ.

— Очень даже!... Я не сказала, но докторъ объявилъ, что она безнадежна.

— Почему-же безнадежна? — переспросилъ маіоръ, не измѣняя своей позы.

— Она выкинула неблагополучно! — сказала тихо Миропа Дмитриевна. — Докторъ обѣщалъ, какъ пріѣдетъ домой, прислать своего помощника, чтобы былъ около нея.

Маіоръ при этомъ потеръ себѣ лобъ.

— А мнѣ тоже можно просидѣть у васъ тутъ и подождать, чѣмъ эта исторiя кончится? — сказалъ онъ, какъ-бы и усмѣхаясь.

— Конечно, можно! — произнесла съ легкимъ вос-
влицанiемъ Миропа Дмитриевна, хотя немножко ее и кольнуло такое желанiе маіора. — Однако, я опять пойду туда! — присовокупила она.

— Но миѣ, разумѣется, нельзя даже на минуту пойти съ вами?—попытался было маіоръ.

— Везъ сомнѣнія нельзя! — отвѣчала ему уже отрывисто Миропа Дмитріевна и ушла.

Маіоръ принялъ свою прежнюю позу, и только ужь на утрѣ, когда взошло солнце и окрасило верхушки домовъ московскихъ розоватымъ отливомъ, онъ перешелъ съ дивана къ окну и отворилъ его: воздухъ былъ чистый, свѣжій; отовсюду слышалось пѣніе и щебетаніе всевозможныхъ птичекъ, которыхъ тогда, по случаю существованія въ Москвѣ множества садовъ, было гораздо больше, чѣмъ нынѣ; но ничто это не оживило и не развлекло маіора. Онъ оставался у окна неподвиженъ до тѣхъ поръ, пока не вошла въ комнату Миропа Дмитріевна.

— Жива она? — спросилъ ее Аггей Никитичъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Померла!—отвѣчала Миропа Дмитріевна.

— И вѣрно это?

— Вѣрно!... Я приставляла ей къ ротику зеркало, не запотѣло нисколько!

Маіоръ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

Это показалось Миропѣ Дмитріевнѣ странно и опять-таки нѣсколько обидно.

— Что это такое?... Какъ-же вы на войнѣ послѣ этого были?

— Война другое дѣло-съ!—отвѣчалъ ей съ досадою маіоръ.—Но меня всегда бѣситъ, убиваетъ, когда умираетъ молоденькое, хорошенькое существо, тогда какъ самъ тутъ чортъ знаетъ, для чего живешь и прозябаешь!

Миропа Дмитріевна передернула плечами.

— Безспорно, что жаль, но приходится въ такое отчаяніе, что свою жизнь возненавидѣть,—странно, и я думаю, что вы должны еще жить для себя и для другихъ,—начала было она неторопливо и наставническимъ тономъ, но потомъ вдругъ перемѣнила на скороговорку:—Утрите, по крайней мѣрѣ, слезы!... Я слышу, Сусанна идетъ!...

Вошла дѣйствительно Сусанна. Лицо ея, какъ только сестра скончалась, перестало быть растеряннымъ и оставалось только серьезнымъ: Сусанна твердо была увѣрена, что тамъ, на небѣ, Людмилѣ гораздо лучше, чѣмъ было здѣсь, на землѣ, и только сожалѣла о томъ, что ее не успѣли причастить.

— Надобно распорядиться о похоронахъ!... Я тутъ никого не знаю! — обратилась она къ Миропѣ Дмитріевнѣ.

— Все это я устрою-съ, — отозвался маіоръ, вставая и выпрямляясь во весь свой могучій ростъ.

— Пожалуйста, и вотъ еще что!... — говорила Сусанна, слегка краснѣя: — отправьте это письмо эстафетою въ Петербургъ.

— Немедленно! — отвѣчалъ маіоръ, но, уходя завернулъ въ квартиру Рыжовыхъ, чтобы взглянуть на умершую Людмилу, которая лежала еще нетронутая на своей постели и показалась маіору снова похорошѣвшею до красоты ангеловъ.

V

Невскій проспектъ въ тридцатыхъ годахъ, конечно, представлялъ собою нѣсколько иной видъ, чѣмъ нынѣ: дома на немъ были ниже, въ окнахъ магазиновъ не виднѣлось еще такихъ огромныхъ стеколъ; около троттуаровъ, наподобіе парижскихъ бульваровъ, высились липки; Новаго Палкинскаго трактира вовсе не существовало, и вообще около Песковъ и Лиговки былъ полупустырь; о желѣзнодорожной дорогѣ и помину не было, да не было еще и омнибусовъ; словомъ, огуломъ, скопомъ, демократическаго передвиженія не происходило по всему Петербургу, а на Невскомъ и тѣмъ паче; ѣхали больше въ каретахъ; вмѣсто пролетокъ тогда были дрожки, на которыя мужчины садились верхомъ. Какъ-бы то ни было, впрочемъ, Невскій проспектъ въ то уже время считался, особенно между двумя и пятью часами дня, сборнымъ мѣстомъ щегольства, богатства, красоты, интеллигенціи и молодцоватости. Дамы, обыкновенно, шли по оному или подъ руку съ мужчинами, или въ сопровожденіи ливрейныхъ лакеевъ, причемъ, какъ выразился одинъ тогдашній, вѣроятно, озлобленный нѣсколько поэтъ, шли: «гордясь обnoxious выписной, гордясь роскошью постыдной и красотою незавидной». Мужчины весьма разнообразныхъ возрастовъ почти все были въ круглыхъ пуховыхъ шляпахъ, подъ коими они хранили свои завитые у парикмахеровъ алякоки, и самые франтоватые изъ нихъ были облечены въ длинные и по большей части

изъ бѣлаго сукна сюртуки съ выпущенными изъ заднихъ кармановъ кончиками красныхъ фуляровыхъ носовыхъ платковъ; тросточки у всѣхъ были тоненькія изъ жимолости, болѣе пригодныя для того, чтобы отдуть своего ближняго, чѣмъ имѣть въ сихъ посохахъ опору для себя. Точно въ такомъ-же нарядѣ въ одно между двухъ-и-пяти-часовое утро шелъ по Невскому и Крапчикъ. Любя подражать въ одеждѣ новѣйшимъ модамъ, Петръ Григорьичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, послѣ долгаго небыванія въ немъ, счелъ первую для себя обязанностью заказать наимоднѣйшій костюмъ у лучшаго портнаго, который и одѣлъ его буква въ букву по рецепту «Сына Отечества», издававшася тогда Булгаринымъ и Гречемъ, и въ костюмѣ этомъ Крапчикъ—не хочу того скрывать—вышелъ ужасенъ: его корявое и черномазое лицо отъ бѣлаго верхняго сюртука стало казаться еще чернѣе и корявѣе; надѣтыя на огромныя и волосатыя руки Крапчика палеваго цвѣта перчатки не покрывали всей кисти, а держащая имъ хлыстикъ-тросточка казалась просто чѣмъ-то глупымъ. Собственно говоря, Крапчикъ только и могъ быть приличенъ въ павловскихъ рукавицахъ и съ эспаптономъ въ рукѣ. Всего этого онъ самъ, конечно, нисколько не подозрѣвалъ и шелъ по Невскому съ лицомъ, сіяющимъ отъ удовольствія. Дѣло въ томъ, что Крапчикъ, давно уже передавшій князю Александру Николаичу письмо Егора Егорыча, не былъ имъ до сего времени принятъ по болѣзни князя, и вдругъ нынѣшнимъ утромъ получилъ весьма любезное приглашеніе, въ которомъ значилось, что его сіятельство покорнѣйше проситъ Петра Григорьича пріѣхать къ нему отобѣдать за-

просто въ числѣ двухъ-трехъ пріятелей князя. Петръ Григорьичъ исполнился восторга отъ такой чести: онъ, человѣкъ, все-таки, не Богъ знаетъ какого высокога полета, будетъ обѣдать у сильнѣйшаго въ то время вельможи и обѣдать въ небольшомъ числѣ его друзей. «Что значитъ умъ-то мой и расчеты!» восклицалъ онъ мысленно и вмѣстѣ съ тѣмъ соображалъ, какъ-бы ему на княжескомъ обѣдѣ посильнѣе очернить сенатора, а еще болѣе того губернатора, и при этомъ закинуть словцо о своей кандидатурѣ на мѣсто начальника губерніи. Съ Невскаго Крапчикъ свернулъ въ Большую Морскую, прошелъ всю ее и около Почтамта, приближаясь къ одному большому подъѣзду, замѣтно началъ утрачивать свое самодовольное выраженіе, вмѣсто котораго въ глазахъ его и даже во всей фигурѣ стала проглядывать нѣкоторая робость, такъ что онъ, отворивъ осторожно тяжелую дверь подъѣзда, проговорилъ ласковымъ голосомъ швейцару:

— Его сіятельство изволить быть дома?

— Дома,—отвѣчалъ швейцаръ, одѣтый въ почтамтскую форму и какъ-бы смахивающій своимъ лицомъ на Антипа Ильича, камердинера Марейна.

— А ваша фамилія?—спросилъ онъ, совлекая съ Крапчика его модный бѣлый сюртукъ.

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ и губернский предводитель дворянства Крапчикъ!..—произнесъ уже нѣсколько внушительно Петръ Григорьичъ.

— Князь васъ ждетъ!... Пожалуйте къ нему наверхъ.

Слова швейцара: «князь васъ ждетъ» ободрили Крапчика, и онъ по лѣстницѣ пошелъ совершенно

смѣло. Изъ залы со стѣнами, сдѣланными подъ розовый мраморъ, и съ лѣпнымъ потолкомъ Петръ Григорычъ направо увидалъ еще большую комнату, вѣроятно, гостиную, зеленого цвѣта и со множествомъ семейныхъ портретовъ, а налѣво — комнату сѣрую, на которую стоявшій въ залѣ ливрейный лакей въ штиблетахъ и указалъ Крапчику, проговоривъ:

— Князь здѣсь!

Крапчикъ съ снова возвратившеюся къ нему робостью вошелъ въ эту сѣрую комнату, гдѣ лицомъ ко входу сидѣлъ въ покойныхъ вольтеровскихъ креслахъ небольшого роста старикъ, съ остаткомъ слегка вьющихся волосъ на головѣ, съ огромнымъ зонтикомъ надъ глазами и въ сѣромъ широкомъ фракѣ. Это именно и былъ князь; одною рукою онъ облакачивался на столъ изъ чернаго дерева, на которомъ единственными украшеніями были часы съ мраморнымъ наверху бюстомъ императора Александра Перваго и нѣсколько въ сторонѣ таковой-же бюстъ императора Николая. Бюсты эти какъ-бы знаменовали, что князь былъ почти другомъ обоихъ императоровъ.

Крапчикъ на первыхъ порахъ имѣлъ смѣлость произнести только:

— Губернскій предводитель дворянства Крапчикъ!

— Да, знаю, садитесь!.. — сказалъ князь, приподнимая немного свой надглазныи зонтикъ и желая, повидимому, взглянуть на новаго знакомаго.

Крапчикъ конфузливо опустился на ближайшее кресло.

— Я по письму Егора Егорыча не могъ васъ принять до сихъ поръ: все былъ боленъ глазами, которые до того у меня нынѣшній годъ раздурачи-

лись, что мнѣ не позволяютъ ни читать, ни писать, ни даже много говорить: отъ всего этого у меня проходитъ передъ моими зрачками какъ-бы цѣлая сѣтка маленькихъ черныхъ пятенъ!—говорилъ князь, какъ замѣтно, сильно занятый и безпокоймый своей болѣзнию.

— Вѣроятно, все это происходитъ отъ вашихъ государственныхъ трудовъ,—думалъ польстить Крапчикъ.

Но князь съ этимъ не согласился.

— Государственные труды мои никакъ не могли дурно повліять на меня!—возразилъ онъ:—я никогда въ этомъ случаѣ не насилывалъ моего хотѣнія... напротивъ, всегда имъ предавался съ искреннею радостью и удовольствіемъ, и если что могло повредить моему зрѣнію, такъ это... когда мнѣ, послѣ одного моего душевнаго перелома въ молодости, пришлось для умственнаго и моральнаго довоспитанія себя много читать.

— А, это именно и причина,—подхватилъ Крапчикъ:—чтеніе всего вреднѣе для нашихъ глазъ!..

Князь, однако, и съ этимъ не вполне согласился.

— Тутъ тоже я встрѣчаю нѣкоторыя недоумѣнія для себя,—продолжалъ онъ:—окулисты говорятъ, что тѣлеснаго поврежденія въ моихъ глазахъ нѣтъ и что это суть нервные припадки; но я прежде-бы желалъ знать, что такое собственно нервы?.. По моему, они—органы, долженствующие передавать нашему физическому и душевному сознанію впечатлѣнія, которыя мы получаемъ изъ міра внѣшняго и изъ міра личнаго, но сами они ни болѣтъ, ни имѣть какихъ-либо болѣзненныхъ припадковъ не могутъ;

доказать это я могу тѣмъ, что хотя въ молодые годы нервы у меня были гораздо чувствительнѣе, — я тогда живѣе радовался, сильнѣе огорчался, — но между тѣмъ они мнѣ не передавали тѣлесныхъ страданій. Значить, причина таится въ мопхъ лѣтахъ, въ начинающемъ завядать моемъ архей!

— Для кого-жь архей не великое дѣло! — воскликнулъ съ чувствомъ Крапчикъ.

— Да, — подтвердилъ князь: — жаль только, что на горе человечества не отысканъ еще пока жизненный эликсиръ!

— Нѣтъ-съ, не отысканъ! — повторилъ опять съ чувствомъ Крапчикъ.

— А скажите, гдѣ теперь Егоръ Егорычъ? — перемѣнилъ вдругъ разговоръ князь, начинавшій, кажется, догадываться, что Крапчикъ былъ слишкомъ дубоватъ, чтобы вести съ нимъ отвлеченную бесѣду.

— Онъ въ Москвѣ и пишетъ, что скоро пріѣдетъ сюда! — счелъ за лучшее выдумать Крапчикъ, такъ какъ Егоръ Егорычъ не только этого, но даже ничего не писалъ ему.

— Буду ждать его съ нетерпѣніемъ, съ большимъ нетерпѣніемъ! — проговорилъ князь. — Для меня всякій пріѣздъ Егора Егорыча сюда душевный праздникъ!.. Я юнью, умнѣю, вхожу, такъ сказать, въ мою прежнюю атмосферу, и мнѣ легче становится дышать!

Крапчикъ, хотя прежде и слыхалъ отъ Егора Егорыча, что князь былъ очень благосклоненъ къ тому, но чтобы они до такой степени были между собою близки и дружны, Петръ Григорычъ даже не подозрѣвалъ, и потому немедленно же поспѣшилъ раз-

сыпаться съ своей стороны тоже въ похвалахъ Мар-
еину, лстыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и князю:

— Если ужъ вы, ваше сіятельство, такъ пони-
маете Егора Егорыча, то какимъ онъ долженъ являться
для насъ, провинціаловъ? И мы, безъ преувеличе-
нія, считаемъ его благодѣтелемъ всей нашей гу-
берніи.

— Почему-же именно благодѣтелемъ?—поинтере-
совался князь.

— Да потому что онъ, напримѣръ, вызвалъ ре-
визию на нашу губернію.

— А это вы считаете благодѣніемъ?—спросилъ
съ живостью князь.

— Рѣшительнымъ благодѣніемъ, если-бы только
ревизующій нашу губернію графъ Эдлерсъ... — хо-
тѣлъ было Крапчикъ прямо приступить къ извѣтамъ
на сенатора и губернатора; но въ это время вошелъ
новый гость, мужчина лѣтъ сорока пяти, въ зави-
томъ парикѣ, въ черномъ атласномъ съ красными
крапинками галстухѣ, въ синемъ, съ бронзовыми пу-
говицами, фракѣ, въ бѣлыхъ изъ нитянаго сукна
брюкахъ со штрипками и въ щеголеватыхъ лако-
выхъ сапожкахъ. По своей гордой и приподнятой фи-
зіономіи онъ напоминалъ нѣсколько англичанина.

— Очень радъ, Сергѣй Степанычъ, что вы урвали
время отобѣдать у меня! — сказалъ князь, догадав-
шійся по походкѣ, кто къ нему вошелъ въ кабинетъ,
а затѣмъ, назвавъ Крапчика, онъ сказалъ и фамилію
вновь вошедшаго гостя, который оказался бывшимъ
гросмейстеромъ одной изъ самыхъ значительныхъ
ложъ, существовавшихъ въ оно время въ Петер-
бургѣ.

Петръ Григорьичъ, какъ водится, исполнился благоговѣнiемъ къ этому лицу.

— Но что-же нашъ акуратнѣйшій Федоръ Ивановичъ не является? — проговорилъ князь, взглянувъ на часы.

— Я его обогналъ на лѣстницѣ вашей; онъ тащитъ какую-то картину! — сказалъ Сергѣй Степанычъ, едва кивнувшій Крапчику головой на низкiй поклонъ того.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ и названный Федоръ Ивановичъ въ вицъ-мундирѣ, съ лицомъ румянымъ, свѣжимъ, и, по своимъ лѣтамъ, а равно и по скромнымъ манерамъ, обнаруживавшiй въ себѣ никакъ не выше департаментскаго вице-директора. Въ рукахъ онъ дѣйствительно держалъ масляной работы картину въ золотой рамѣ.

— Я чуть-чуть не запоздалъ и вотъ по какой причинѣ! — началъ онъ съ прiятной улыбкой и глядя на столъ передъ княземъ картину.

— Евангелистъ Иоаннъ, какъ вы говорили! — сказалъ тотъ, всматриваясь своими больными глазами въ картину.

— Иоаннъ Евангелистъ... и что дорого: собственной работы Доминикино! — доложилъ съ замѣтнымъ торжествомъ Федоръ Ивановичъ.

— Но гдѣ-же вы счумѣли достать это? — вмѣшался въ разговоръ Сергѣй Степанычъ: — подлинный Доминикино, я думаю, очень рѣдокъ!

— Нѣтъ, не рѣдокъ, — скромно возразилъ ему Федоръ Ивановичъ: — и доказательство тому: я картину эту нашелъ въ маленькой лавченкѣ на Щукиномъ Дворѣ посреди [разнаго хлама](http://www.cis.org.ru) и, не давъ, конечно,

понять торговцу какая это вещь, купилъ ее за бездѣлицу, и она была, разумѣется, въ ужасномъ видѣ, такъ что я отдалъ ее реставратору, отъ котораго сейчасъ только и получилъ... Картину эту, — продолжалъ онъ, обращаясь къ князю:—я просилъ-бы, ваше сіятельство, принять отъ меня въ даръ, какъ изъявленіе моего глубокаго уваженія къ вамъ.

— Но, милѣйшій Федоръ Ивановичъ, — произнесъ нѣсколько даже сконфуженный князь:—вы сами любитель, и зачѣмъ же вы лишаете себя этой картины?

— Я, ваше сіятельство, начинаю собирать только русскихъ художниковъ! — объяснилъ Федоръ Ивановичъ.

— Русскихъ художниковъ!—воскликнулъ Сергѣй Степанычъ:—но гдѣ жь они?... По моему, русскихъ художниковъ еще нѣтъ!

— Нѣтъ-съ, есть!—произнесъ опять съ пріятной улыбкой Федоръ Ивановичъ.

— Но что-же вы, однако, имѣете изъ ихъ произведеній?—допытывался Сергѣй Степанычъ.

— Мало, конечно,—отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ, сѣвшій по движенію руки князя.—Есть у меня очень хорошая картина: *Петербургъ въ лунную ночь*—Воробьева.... потомъ *Богоматерь съ предвѣчнымъ младенцемъ и Іоанномъ Крестителемъ*—Боровиковскаго...

— Но развѣ это православная Божья Матерь?—перебилъ его Сергѣй Степанычъ:—У насъ она никогда не рисуется съ Іоанномъ Крестителемъ; это мадонна!

— Мало, что мадонна, но даже копія, написанная съ мадонны Корреджіо, и я разумѣю не русскую собственно школу, а только говорю, что желалъ-бы

имѣть у себя исключительно художниковъ русскихъ по происхожденію своему и по воспитанію.

— А, то другое дѣло!—сказалъ съ важностью Сергѣй Степанычъ.—Даровитые художники у насъ есть, я не спору, но оригинальныхъ нѣтъ, да не знаю, и будутъ-ли они!

— Даровитыхъ много, — подтвердилъ и князь:— что, какъ мнѣ извѣстно, чрезвычайно радуется Государя!... Но, однако, постойте, Федоръ Ивановичъ,— продолжалъ онъ, потерявъ свой лобъ подъ зонтикомъ:— чѣмъ-же я васъ возблагодарю за вашъ подарокъ?

Федоръ Ивановичъ зарумянился при этомъ еще болѣе.

— Однимъ-бы сокровищемъ вы больше всего меня осчастливили, — сказалъ онъ, понизивъ головой: — если-бы позволили списать портретъ съ себя для моей маленькой галереи.

— Готовъ... когда хотите... во всякое время!... говорилъ князь:— только какому-же художнику поручить это?

— Брюлову, полагаю! — отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ.

— Непремѣнно ему!—подхватилъ Сергѣй Степанычъ:—кто же можетъ, какъ не Брюловъ, передать вполне тонкія черты князя и выраженіе его внутренней жизни?

— Попросите его!... — отнесся князь къ Федору Ивановичу.

— Непремѣнно, завтра-же! — поспѣшно проговорилъ тотъ.—Одно несчастіе, что Карлъ Федорычъ ведетъ черезчуръ артистическую жизнь... притомъ такъ занятъ разными заказами и еще болѣе того за-

мыслими и планами о новыхъ своихъ трудахъ, что я не знаю, когда онъ возьмется это сдѣлать!

— Это Богъ съ нимъ,—отозвался князь:—пусть онъ и позамедлитъ; не нынѣшній годъ, такъ въ будущемъ, а то и въ послѣдующемъ!...

— *La table est servie!*—раздался голосъ вошедшаго метръ д'отеля, очень жирнаго и въ ливреѣ.

Князь вѣжливо пустилъ всѣхъ гостей своихъ впередъ себя. Крапчикъ тоже послѣдовалъ за другими, но замѣтно былъ смущенъ тѣмъ, что ни одного слова не въ состояніи былъ приспособить къ предъидущему разговору. «Ну, какъ,—думалъ онъ,—и за столомъ будутъ говорить о такихъ-же пустякахъ!» Однако, вышло не то: князь, скушавъ тарелку супу, кромѣ которой, по болѣзненному своему состоянію, больше ничего не ѣлъ, обратился къ Сергѣю Степанычу, показывая на Петра Григорьича:

— Господинъ Крапчикъ очень хорошій знакомый Егора Егорыча Марейна!

— Даже имѣю смѣлость сказать, что другъ его!—пробурчалъ себѣ подъ носъ Петръ Григорьичъ.

— А!—произнесъ на это бывший гросмейстеръ.

— Ихъ губернію ревизуетъ сенаторъ, графъ Эдлерсъ; вамъ, можетъ быть, это извѣстно?—продолжалъ князь.

Сергѣй Степанычъ наклоненіемъ головы выразилъ, что ему извѣстно это, и затѣмъ спросилъ Крапчика:

— И какъ-же у васъ дѣйствуетъ графъ?

Петръ Григорьичъ вначалѣ было загруднился, какъ ему отвѣчать: очень ужъ поражалъ его своимъ гордымъ видомъ бывший гросмейстеръ.

— Говорите совершенно откровенно! — поддержалъ его князь, и тутъ-же присовокупилъ Сергью Степанычу:—Егоръ Егорычъ въ письмѣ своемъ проситъ меня вѣрить господину Крапчику, какъ-бы мы вѣрили ему самому.

Ободренный этими словами, Петръ Григорычъ пустилъ сразу и во всю силу свою діалектику.

— Я, какъ губернской предводитель, какъ помѣщикъ мѣстный... наконецъ, по долгу чести моей, долженъ сказать, что мы крайне печалимся, что ревизовать нашу губернію присланъ не другой кто, а графъ Эдлерсъ.

Слова эти замѣтно удивили Сергѣя Степаныча: графъ Эдлерсъ былъ товарищъ его по службѣ и если считался всѣми не за очень серьезнаго человѣка, то во всякомъ случаѣ за весьма честнаго.

— Но чѣмъ-же васъ такъ опечалилъ графъ Эдлерсъ?—спросилъ онъ нѣсколько официально Крапчика.

Тотъ не безъ усилія надъ собой продолжалъ въ началомъ тонъ:

— Графъ... по прїѣздѣ въ нашу губернію... увлекся одною дамою—ближайшей родственницею губернатора, и потому все пошло шито и крыто, а какого рода у насъ губернаторъ, это я желалъ, чтобы вы изволили слышать лично отъ Егора Егорыча!

Сергѣй Степанычъ при этомъ гордо взмахнулъ головой.

— Вашего губернатора я отчасти знаю, потому что самъ былъ губернаторомъ въ смежной съ нимъ губерніи, и мнѣ всегда казалось страннымъ: какъ

только я откажу отъ мѣста какому-нибудь плутоватому господину, вашъ губернаторъ сейчасъ-же приметъ его къ себѣ и наоборотъ, когда онъ выгонялъ отъ себя чиновника, я часто бралъ того къ себѣ, и по большей части оказывалось, что чиновникъ былъ честный и умный.

— Вкусы, видно, были у васъ разные!—замѣтилъ съ усмѣшкой князь.

— Вѣроятно!—сказалъ, тоже усмѣхнувшись, Сергѣй Степанычъ.

— Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же Дмитрій Николаевичъ терпитъ на службѣ такого губернатора?—произнесъ съ удивленіемъ князь.

— Во-первыхъ, Дмитрій Николаевичъ не терпитъ его, потому что надъ губернаторомъ назначена ревизія...—возразилъ Сергѣй Степанычъ:— а тамъ ужь дѣло графа Эдлерса.

— Но все-таки Дмитрію Николаевичу слѣдуетъ написать письмо къ графу, что такъ дѣйствовать нельзя!—говорилъ князь, какъ видно, полагавшій, подобно Егору Егорычу, что моральными и наставительными письмами можно дѣйствовать на людей.

— Дмитрій Николаевичъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, никакого права не имѣетъ вмѣшиваться, когда ужь разъ начата ревизія!—возразилъ Сергѣй Степанычъ.

— Тогда пусть напишетъ графу министръ юстиціи!—настаивалъ на своемъ князь.— Не поручить-же Егоръ Егорычъ господину Крапчику говорить то, чего нѣтъ!

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ!—произ-

несъ Сергѣй Степанычъ и снова обратился къ Крапчику:

— Какіе-же факты существуютъ, гдѣ бы графъ скрылъ или промиротворилъ чему-нибудь?

— Факты: мое собственное дѣло! — воскликнулъ съ увлеченіемъ Крапчикъ (о, какъ впоследствии онъ раскаивался, что началъ съ этого проклятаго собственного дѣла).— Въ сосѣдствѣ съ однимъ моимъ маленькимъ имѣніемъ,—сталъ рассказывать далѣе Петръ Григорычъ: — появилась года четыре тому назадъ эта ужасная и совершенно правительствомъ нетерпимая скопческая ересь... Оскопителемъ оказался одинъ хлысть... Я, по вліянію своему на земскую полицію, настоялъ, чтобы хлыста этого привлекли къ слѣдствію и уличили... А что скопцы и хлысты одно и то-же, это мнѣ хорошо извѣстно, потому что, вращаясь безпрестанно между разными сектами, я много читалъ объ этомъ и слышалъ разсужденія отъ высшихъ духовныхъ лицъ. Хлысть этотъ, безъ сомнѣнія, былъ-бы осужденъ, ибо въ домѣ у него происходили ихнія радѣнія.

Князь, Сергѣй Степанычъ и Федоръ Иванычъ все съ большимъ и большимъ вниманіемъ прислушивались къ Крапчику.

— И что на этихъ радѣніяхъ происходитъ, вы вообразить себѣ не можете!—лупилъ тотъ слово въ слово, что онъ слышалъ отъ архіерея.—На этихъ радѣніяхъ они прежде убивали младенцевъ своихъ, причащались ихъ кровью, потомъ бѣгали, скакали около чана.

Говоря это, Крапчикъ и не помышлялъ нисколько, что его слушаетъ тотъ вельможа, который когда-то

самъ, если не на чисто-хлыстовскихъ радѣніяхъ, то на чемъ-то весьма похожемъ, попрыгивалъ у madame Татариновой.

Между тѣмъ безтактная ошибка его замѣтно смутила Федора Ивановича и Сергѣя Степаныча, которые оба знали это обстоятельство, и потому они одновременно взглянули на князя, выраженіе лица котораго тоже было не совсѣмъ довольное, такъ что Сергѣй Степанычъ нашелъ нужнымъ замѣтить Крапчику:

— Это — дѣло лично васъ касающееся, но другія-же какія дѣла?

— Другія-съ дѣла?—отвѣчалъ тотъ, будучи весьма опѣшенъ и понявъ, что онъ сказалъ что-то такое несовсѣмъ пріятное своимъ слушателямъ.—Обо всѣхъ этихъ дѣлахъ у меня составлена записка!—добавилъ онъ и вынулъ изъ кармана кругомъ исписанный листъ въ ожиданіи, что у него возьмутъ этотъ листъ.

Однако, его никто не бралъ, и, сверхъ того, Сергѣй Степанычъ прямо сказалъ:

— Вамъ эту записку лучше представить министру юстиціи.

— Я не имѣю чести быть извѣстнымъ его высокопревосходительству господину министру юстиціи,—проговорилъ на это раболѣннымъ голосомъ Петръ Григорычъ.

— Это ничего не значитъ: вы лицо официальное и по интересамъ вашего дворянства можете являться къ каждому министру!...—растолковывалъ ему Сергѣй Степанычъ.

— Но Егоръ Егорычъ,—продолжалъ тѣмъ-же то-

номъ Крапчикъ:—приказаль мнѣ прежде всѣхъ быть у князя и попросить, не примутъ-ли они участія въ нашемъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ!...—сказала князь, отмахнувшись даже рукой. — Я боленъ, старъ и не мѣшаюсь ни въ чьи чужія дѣла.

Крапчикъ, слыша и видя все это, не посмѣлъ болѣе на эту тему продолжать разговоръ, который и перешелъ снова на живописцевъ, причемъ стали толковать о какихъ-то братьяхъ Чернецовыхъ, которые, по словамъ Федора Иваныча, были чисторусскіе живописцы, на что Сергѣй Степанычъ возражалъ, что пока ему не покажутъ картины чисторусской школы по штилю, до тѣхъ поръ онъ русскихихъ живописцевъ будетъ признавать иностранными живописцами. Въ доказательство своего мнѣнія Федоръ Иванычъ приводилъ, что Чернецовы выводки и птенцы Павла Петровича Свиныина, «этого русскаго, по выраженію Пушкина, жука».

— Но вы замѣтите, — оспариваль его Сергѣй Степанычъ: — Пушкинъ-же совершенно справедливо говорилъ объ Свиныинѣ, что тотъ любить Россію и говорить объ ней совершенно какъ ребенокъ...

Потомъ стали говорить, что Жуковскій нѣсколько времени всюду ѣздитъ со стихотвореніями какого-то Бенедиктова и въ восторгѣ отъ нихъ.

— Слышалъ это я, — сказалъ князь: — и мнѣ передавали, что Вяземскій отлично съострилъ, говоря, что поэзія... какъ его?...

— Бенедиктова! — подсказаль Федоръ Иванычъ.

— Да, поэзія господина Бенедиктова похожа на

мелкій ручеекъ, въ который можно поглядѣться, но нельзя въ немъ выкупаться.

— Я думаю, что и поглядѣться даже не стоитъ,— отозвался насмѣшливо Сергѣй Степанычъ.—Кстати, по поводу *выкупаться*,—присовокупилъ онъ, исключительно обращаясь къ князю:—молодой Шевыревъ, который теперь въ Италиі, мнѣ пишетъ и выразился такъ объ Дантѣ: «Данта читать, что въ морѣ купаться!...» Это недурно!...

— Очень, очень,—одобрилъ князь.

Кранчикъ едва владѣлъ собой, слушая такія разсужденія Сергѣя Степаныча и князя. «И это,— думалъ онъ про себя—разговариваютъ сановники, государственные люди, тогда какъ по службѣ его въ Гатчинскомъ полку ему были еще памятны вельможи екатерининскаго и павловскаго времени: тѣ, бывало, что ни слово скажутъ, то во всемъ видѣнъ умъ, солидность и твердость характера; а это что такое?...» По окончаніи обѣда, какъ только позволяло приличіе, Петръ Григорьичъ, почтительно откланявшись князю и его гостямъ, поѣхалъ въ свою гостиницу, чтобы немедленно же написать Егору Егорычу отчаянное письмо, въ которомъ объявить ему, что все ихъ дѣло погибло и что весь Петербургъ за сенатора и за губернатора. Вслѣдъ за уходомъ Петра Григорьича сталъ раскланиваться и Ѳедоръ Ивановичъ.

— А вы на вашу службу?—сказалъ ему ласково князь.

— Уже восьмой часъ!—отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ и удалился.

— Этотъ господинъ Кранчикъ, должно быть, ду-

бина великая! — сказалъ князь, оставшись вдвоемъ съ Сергѣемъ Степанычемъ.

— Должно быть! — согласился тотъ.

— Однако, онъ губернской предводитель дворянства, — замѣтилъ князь.

— А развѣ большая часть изъ нихъ не такіе же?... — проговорилъ надменнымъ тономъ Сергѣй Степанычъ.

— Но вы забываете, что онъ другъ Егора Егорыча, — продолжалъ князь.

Сергѣй Степанычъ объяснилъ это, подумавши.

— Егоръ Егорычъ, — началъ онъ: — безспорно уменъ и самыхъ высокихъ душевныхъ качествъ, но не думаю, чтобы былъ осмотрителенъ и строгъ въ выборѣ своихъ друзей: очень ужъ онъ въ облакахъ витаетъ.

— Это, пожалуй, что правда! Во всякомъ случаѣ, Егоръ Егорычъ самъ скоро пріѣдетъ сюда, и я до его пріѣзда ничего не предприму по его письму! — рѣшилъ князь.

— Конечно! — подтвердилъ Сергѣй Степанычъ. — А я сегодня думалъ ѣхать къ вамъ до вашего еще приглашенія; вы давно видѣли Василя Михайлыча Попова?

— Давно; я, по болѣзни, изъ моихъ чиновниковъ никого не принимаю съ докладомъ.

— Екатерину Филипповну Татаринovu тоже давно не видали?

— А ту и не помню, когда видѣлъ.

— По городу ходятъ слухи, — продолжалъ Сергѣй Степанычъ: — что родная дочь Василя Михайлыча Попова явилась къ шефу жандармовъ и объявила,

что отецъ заставляеть ее ходить на ихъ тамъ дачахъ на собранія къ Екатеринѣ Филипповнѣ, и когда она не хотѣла этого дѣлать, онъ билъ ее за то, запералъ въ комнаты и не кормилъ.

— Вздоръ, вздоръ!—отвергнувъ съ негодованіемъ князь.—Бѣдный Василій Михайлычъ, вездѣ, какъ куръ во щи, попадается, тогда какъ все это, яувѣренъ, выдумки и продѣлки того-же Фотія и дѣвы его Анны.

— Фотій, говорятъ, очень болѣвъ!... Я недавно видѣлъ графиню въ одномъ салонѣ,—она въ отчаяніи!—объяснилъ Сергѣй Степанычъ.

— Это имъ обоимъ нисколько не помѣшаетъ козни строить... Я вамъ никогда не рассказывалъ, что эти лица со мною при покойномъ Императорѣ Александрѣ сдѣлали... передъ тѣмъ какъ мнѣ оставить министерство духовныхъ дѣлъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сергѣй Степанычъ.

— Ну, такъ слушайте!—началъ князь съ сильнымъ старческимъ одушевленіемъ. — Я, какъ человѣкъ довѣрчивый, всегда считалъ Фотія и графиню друзьями своими, а они, кажется, не считали меня своимъ другимъ. Вышелъ тогда переводъ книги Госнера, попавленный Василюмъ Михайлычемъ Поповымъ, на который, втайнѣ отъ меня, Фотій написалъ омерзительную клевету... Я это узналъ и, прѣхавъ къ графинѣ въ ея отсутствіе и заставъ тамъ Фотія, сталъ съ нимъ спорить о книгѣ Госнера. Вдругъ онъ началъ—буквально вамъ это говорю—кричать на меня. «Видѣлъ-ли ты, говоритъ, сатану, яко молнія, спадшаго съ неба? Такъ и ты и вси твои падутъ съ тобой». «Удержитесь, ваше высоко-

преподобіе, — возразилъ я ему. — Я самъ, можетъ быть, знаю лучше васъ, что истинно и что нѣтъ, и прямо вамъ говорю: ложь вы глаголете». Тогда онъ воскликнулъ: «Егда, говоритъ, не будетъ тебѣ, князь, бѣды на землѣ за невѣріе твое, то азъ простираю руку къ небу и призываю на тебя судъ Божій: анаеема!»

Сергѣй Степанычъ при этомъ даже вздрогнулъ.

— Ахъ, изувѣръ этакій! — произнесъ онъ.

— Нѣтъ, онъ мало что изувѣръ, но и плутъ великій! — возразилъ князь: — у него все въ этомъ случаѣ было рассчитано. Потомъ, когда я пожаловался на него, Государь чрезвычайно разгнѣвался; но тутъ на помощь къ Фотію не замедлили явиться разные друзья мои: Аракчеевъ, Уваровъ, Шишковъ, вкупѣ съ дѣвой Анной, и стали всевозможными путями доводить до свѣдѣнія Государя будто-бы ходящіе по городу толки о томъ, что нельзя же оставлять министромъ духовныхъ дѣлъ человѣка, который проклятъ анаеемой.

— Какое-жь это проклетіе? — воскликнулъ Сергѣй Степанычъ. — Какой-то архимандритъ, — значитъ, лицо весьма не высокое по своему іерархическому сану, — прокричалъ «анаеема»? Его-бы надо было разстричь за это!

— Казалось-бы, но вышло напротивъ! — воскликнулъ тоже и князь: — они объяснили это, что меня проклялъ не Фотій, а митрополитъ Серафимъ, который немедля-же прислалъ благословеніе Фотію на это проклетіе, говоря, что измѣнить того, что сдѣлано, невозможно, и что изъ этого даже можетъ произойти добро, ибо ежели царь, ради правды, не

хочетъ любимца своего низвергнуть, теперь, ради стыда, какъ проклятаго, онъ долженъ будетъ удалить. Теперь, конечно, это дѣло прошлое.

VI.

Егоръ Егорычъ пріѣхалъ, наконецъ, въ Петербургъ и остановился въ одномъ отелѣ съ Крапчикомъ, который немедля прибѣжалъ къ нему въ номеръ и нашелъ Егора Егорыча сильно постарѣвшимъ, хотя и самъ тоже не помолодѣлъ: отъ переживаемыхъ въ послѣднее время неприятныхъ чувствованій и при содѣйствіи петербургскаго климата Петръ Григорычъ каждодневно страдалъ желчною рвотою и голосъ имѣлъ постоянно оспллый.

— Мы теперь, — забасилъ онъ съ грустно-насмѣшливымъ оттѣнкомъ: — можемъ сказать, что у насъ все потеряно, кромѣ чести!

— Почему потеряно? Изъ чего вы это заключаете? — отозвался съ досадою Егоръ Егорычъ.

— Изъ того, что Петербургъ нынѣ совсѣмъ не тотъ, какой былъ прежде; въ немъ все измѣнилось: и люди, и мнѣнія ихъ! Всѣ стали какіе-то прапорщики гвардейскіе, а не правительственныя лица.

Егоръ Егорычъ молчалъ.

— Князя, конечно, я лично не зналъ до сего времени, — продолжалъ Крапчикъ: — но, судя по вашимъ рассказамъ, я его представлялъ себѣ совершенно инымъ, нежели какимъ увидалъ...

— Какимъ-же вы его увидали?... Что такое?... — спросилъ опять-таки съ досадою Егоръ Егорычъ.

— То, что... я побоялся въ письмѣ подробно описывать вамъ, потому что здѣсь рѣшительно говорятъ, что письма распечатываются, особенно къ масонамъ!...

— Ну, придумывайте еще что-нибудь!—перебилъ его Егоръ Егорычъ.

— Что дѣлать? Сознаюсь откровенно, что побоялся!—признался Крапчикъ, и затѣмъ принялся было точнѣйшимъ образомъ рассказывать, какъ онъ сначала не былъ принимаемъ княземъ по болѣзни того, какъ получилъ потомъ отъ него очень любезное приглашеніе на обѣдъ...

— А кто еще съ вами обѣдалъ у князя?—перебилъ его Егоръ Егорычъ.

— Обѣдали извѣстный, разумѣется, вамъ Сергѣй Степанычъ и какой-то еще Федоръ Иванычъ...

— Знаю!—какъ-бы отрѣзалъ Егоръ Егорычъ.

— За обѣдомъ князь, — продолжалъ Крапчикъ: — очень лестно отрекомендовалъ меня Сергѣю Степанычу, завелъ разговоръ объ нашемъ дѣлѣ, приказалъ мнѣ говорить совершенно откровенно. Я началъ съ дѣла, лично меня касающагося, объ одномъ раскольниѣ-хлыстѣ Ермолаевѣ, который, по настоянію моему, посаженъ въ острогъ и котораго сенаторъ оправдалъ и выпустилъ.

Егоръ Егорычъ, услыжавъ это, откинулся на задокъ кресла, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда его что-нибудь поражало или сердило.

— Но зачѣмъ-же вы съ этого какого-то глупаго дѣла начали?—произнесъ онъ.

— Потому что оно самое крупное, — объяснилъ Крапчикъ.

— Не можетъ оно быть крупное!... Это какая-нибудь сплетня, клевета поповская!... За что хлыстовъ преслѣдовать и сажать въ острогъ?... Послѣ этого князя и меня надобно посадить въ острогъ, потому что и мы, пожалуй, хлысты!...

Тутъ ужъ Крапчика точно кто по головѣ обухомъ ударилъ.

— Что это, Егоръ Егорычъ, шутите-ли вы или дурачите меня?!...—сказалъ онъ, потупляя глаза.— Я скорѣе всему на свѣтѣ повѣрю, чѣмъ тому, что вы и князь могли принадлежать къ этой варварской сектѣ!

— Къ варварской?... Вы находите, что эта секта варварская? — принялся уже кричать Егоръ Егорычъ.— Какія вы данныя имѣете для того?... Какія?... Тутъ зря и на-обумъ говорить нельзя!

— Нѣтъ-съ, я не на-обумъ говорю,—возразилъ обиженнымъ голосомъ Крапчикъ, и сталъ передавать все, что онъ слышалъ дурнаго о хлыстахъ отъ Евгенія.

Егоръ Егорычъ морщился и вмѣстѣ съ тѣмъ догадался, что Петръ Григорычъ не самъ измыслилъ рассказываемое и даже не съ вѣтру нахваталъ все это, потому что въ словахъ его слышалась если не внутренняя, то, по крайней мѣрѣ, фактическая правда.

— Кто вамъ повѣствовалъ такъ о хлыстахъ?—спросилъ онъ.

— Повѣствовалъ мнѣ объ нихъ ученѣйшій человекъ,—отвѣчалъ съ апломбомъ Крапчикъ:—мой и вашъ пріятель, нашъ архіерей Евгеній.

— Нѣтъ, и не считаю Евгенія своимъ пріате-

лемъ!—отрекся Егоръ Егорычъ.—Я Евгенія уважаю: онъ уменъ, безспорно, что ученъ; но онъ разсудочный историкъ!... Онъ въ каждомъ событіи ни назадъ заглядывать, ни впередъ предугадывать не любить, а дай ему все, чтобы пальцемъ въ документахъ можно было осязать... Я объ этомъ съ нимъ многократно спорилъ.

— Какъ-же иначе, на что же можно опираться, какъ не на факты,—возразилъ Крапчикъ.

— А на то, какъ говоритъ Бенеке, — хватилъ ужъ вотъ куда Егоръ Егорычъ,—что разумъ нашъ имѣетъ свой предѣлъ, и вотъ, положимъ его черта...

Сказавъ это, Егоръ Егорычъ провелъ ногтемъ дугу на столѣ.

— Далѣе этой черты умъ ничего не понимаетъ, и тутъ ужъ дѣйствуютъ наши чувства и воображеніе, и изъ нихъ проистекли пророчества, всѣ религіи, всѣ искусства, да, я думаю, и всѣ евангельскія истины: тутъ ужъ наитіе Бога происходитъ!

Такой отвлеченной тирады Крапчикъ, конечно, не могъ вполнѣ понять и придумалъ только сказать:

— Евгеній, впрочемъ, мнѣ доказывалъ,—съ чѣмъ я никакъ не могъ согласиться,—что масоны и хлысты одно и то-же.

— Масоны со всѣми сектами одно и то же и всѣмъ имъ благосклонствуютъ, потому что все это работа для очистки мѣста къ построению новаго истиннаго храма! Вы, какъ масонъ, чего ищете и къ чему стремитесь?—обратился Егоръ Егорычъ настойчиво къ Крапчику.

— Нравственнаго усовершенствованія,—проговорилъ тотъ обычную казенную фразу.

— Но посредствомъ чего?—допытывался Егоръ Егорычъ:—посредствомъ того, что вы стремитесь воспріять въ себя разными способами — молитвой, постомъ, мудромысліемъ, мудрочтеіемъ, мудробесѣдованіемъ—Христа!... Къ этому-же, какъ достовѣрно мнѣ извѣстно, стремятся и хлысты; но довольно! Скажите лучше, что еще происходило на обѣдѣ у князя?

— Происходило, — отвѣтилъ Крапчикъ, сразу вошедшій въ свою колею: — что Сергѣй Степанычъ сталъ меня, какъ на допросѣ, спрашивать, какія-же и серьезныя обвиненія имѣю противъ сенатора. Я тогда подалъ мою заранѣе составленную докладную записку, которую, однако, у меня не приняли ни князь, ни Сергѣй Степанычъ, и сказали мнѣ, чтобы я ее представилъ министру юстиціи Дашкову, къ которому я не имѣлъ никакихъ рекомендацій ни отъ кого.

Прослушавъ все это, Егоръ Егорычъ сурово молчалъ.

— И неужели-же, — продолжалъ Крапчикъ почти плачевнымъ голосомъ:—князь и Сергѣй Степанычъ разсердились на меня за хлыстовъ?... Кто-жь могъ предполагать, что такія высокія лица примуть на свой счетъ, когда говоришь что-нибудь о мужикахъ-дуракахъ?.

Егоръ Егорычъ и на это не сказалъ Петру Григорычу ни слова въ утѣшеніе и только переспросилъ:

— Вы говорите, что князь велѣлъ вамъ вашу докладную записку подать министру юстиціи Дашкову?

— Ему!..—отвѣчалъ Крапчикъ.—А вы знакомы съ господиномъ Дашковымъ?

— Нѣтъ, но это все равно: Дашковъ друженъ съ Сперанскимъ. Дайте мнѣ вашу записку! Я передамъ ее Михаилу Михайлычу,—проговорилъ Егоръ Егорычъ.

Крапчикъ не съ большой охотой передалъ Егору Егорычу записку, опасаясь, что тотъ, по своему раскиданному состоянію духа, забудетъ объ ней и даже потеряетъ ее, что отчасти и случилось. Выѣхавъ изъ своего отеля и направившись прямо къ Сперанскому, Егоръ Егорычъ тѣмъ не менѣе думалъ не объ докладной запискѣ, а о томъ, дѣйствительно-ли масоны и хлысты имѣютъ аналогію между собой,—вопросъ, который онъ хотъ и рѣшилъ утвердительно, но не вполне былъ убѣжденъ въ томъ.

Михаилъ Михайлычъ Сперанскій въ это время уже преподнесъ Государю напечатанный сводъ законовъ и теперь только наблюдалъ, какъ его дѣйствие всюду приводилось въ исполненіе. Если судить по настоящимъ порядкамъ, такъ трудно себѣ даже представить всю скромность квартиры Михаила Михайлыча. Егоръ Егорычъ, по своей торопливости, въ совершенно темной передней знаменитаго государственнаго дѣятеля чуть не расшибъ себѣ лба и затѣмъ повернулъ въ хорошо ему знакомый кабинетъ, въ которомъ прежде всего кидались въ глаза по всѣмъ стѣнамъ стоявшіе шкафы, сверху до низу наполненные книгами. На большомъ письменномъ столѣ лежало множество бумагъ, но въ совершеннѣйшемъ порядкѣ. Вообще во всемъ убранствѣ кабинета проглядывали умъ и строгая систематика Ми-

хаила Михайлыча. Когда Егоръ Егорычъ появился въ кабинетѣ, Михаилъ Михайлычъ сидѣлъ за работою и казался хоть еще и бодрымъ, но не столько, вѣжется, по тѣлу, сколько по духу, старикомъ. Одѣтъ онъ былъ во фракъ съ двумя звѣздами и въ бѣломъ высокоомъ жабо.

Егору Егорычу онъ обрадовался и произнесъ:

— Кого я вижу предъ собой?

Егоръ Егорычъ, по своему обыкновенію, съмъ торопливо на кресло противъ хозяина.

— Знаете-ли вы, о чемъ я думалъ, ѣхавъ къ вамъ?—началъ онъ.

— Конечно, не знаю, — отвѣчалъ Михаилъ Михайлычъ.

— Я думалъ о хлыстахъ!

Такое думаніе Егора Егорыча нисколько, кажется, не удивило Михаила Михайлыча и не вызвало у него ни малѣйшей улыбки.

— Ихъ секту преслѣдуютъ!.. За что? — дообъяснилъ Егоръ Егорычъ.

— Я думаю, не однихъ хлыстовъ, а вообще раскольниковъ начинаютъ стѣснять, и почему это дѣлается, причинъ много тому! — проговорилъ уклончиво Михаилъ Михайлычъ.

— Причина одна, я думаю, — пробормоталъ Марейнъ: — хлысты — мистики, а это не по вкусу нашему казенному православію.

Тутъ Сперанскій ужъ улыбнулся слегка.

— Если они и мистики, то очень грубые, — отозвался онъ.

— Чѣмъ?—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Во-первыхъ, своимъ пониманіемъ въ такой

грубой, чувственной формѣ мистическихъ экстазовъ и, наконецъ, своими бѣснующимися экстазиками, что, по моему, требуетъ полнаго подавленія!

— Но они все мужики, вы забываете это!

— И въ средѣ апостоловъ были рыбаки... Духовные отцы нашей церкви никогда не позволяли себѣ ни скаканій, ни экстазовъ, — вещей порядка низшаго; и потомъ эти видѣнія и пророчества хлыстовъ, — что это такое?

Егоръ Егорычъ былъ и согласенъ, и несогласенъ съ Михаиломъ Михайлычемъ.

— Но какъ же основать всеобщую внутреннюю церковь, какъ не этимъ путемъ? — кипятился онъ: — пусть каждый ищетъ Христа, какъ кто умѣетъ!

— И никто, конечно, самъ не найдетъ Его! — произнесъ усмѣхнувшись Михаилъ Михайлычъ. — На склонѣ дней моихъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что стихійная мудрость составила себѣ какую-то еезофически-христіанскую метафизику, воображая, что открыла какой-то путь къ истинѣ, удобнѣйшій и чиетѣйшій, нежели тотъ, который представляетъ наша церковь.

Эти слова ударили Егора Егорыча въ самую суть.

— Но тогда къ чорту весь нашъ мистицизмъ! — воскликнулъ онъ.

— Господь съ вами!.. Куда это вы всѣхъ насъ посылаете? — возразилъ ему Михаилъ Михайлычъ. — Я первый не отдамъ мистическаго богословія ни за какія сокровища въ мірѣ.

— Но что вы разумѣете подъ именемъ мистическаго богословія? — перебилъ его Егоръ Егорычъ.

— Я разумѣю... но, впрочемъ, мнѣ удобнѣе будетъ отвѣтить на вашъ вопросъ прочтеніемъ письма, которое я когда-то еще давно писалъ къ одному изъ друзей моихъ и отпущкъ съ котораго мнѣ, какъ нарочно, сегодня поутру, когда я разбиралъ свои старыя бумаги, попался подъ руку. Угодно вамъ будетъ прослушать его?—заклучилъ Михаилъ Михайлычъ.

— О, Бога ради, Бога ради!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

Михаилъ Михайлычъ началъ читать немножко нараспѣвъ:

«Путь самоиспытанія (очищеніе водою, путь Іоанна Предтечи) есть приготовленіе къ возрожденію. Затѣмъ начинается путь просвѣщенія или креста. Начатки духовной жизни во Христѣ бываютъ слабы: Христосъ рождается въ ясляхъ отъ бѣдной, горькой Маріи; однѣ высшія духовныя силы нашего бытія, ангелы и мудрые Востока, знаютъ небесное Его достоинство; могутъ, однако-же, и низшія душевныя силы, пастыри, ощутить сіе рожденіе, если онѣ бдятъ и примѣчаютъ. Примѣчайте: всякая добрая мысль, всякое доброе движеніе воли есть и движеніе Христова. «Безъ Меня не можете творити ничего-же». По мѣрѣ того какъ вы будете примѣчать сіи движенія и относить ихъ къ Христу, въ васъ дѣйствующему, Онъ будетъ въ васъ возрастать, и, наконецъ, вы достигнете того счастливаго мгновенія, что въ состояніи будете ощущать Его съ такой живостью, съ такимъ убѣжденіемъ въ дѣйствительности Его присутствія, что съ непостижимою радостью скажете: «такъ точно, это Онъ, Господь, Богъ мой!» Тогда

слѣдуетъ оставить молитву умную и постепенно привыкать къ тому, чтобы находиться въ общеніи съ Богомъ помимо всякихъ образовъ, всякаго размысленія, всякаго ошутительнаго движенія мысли. Тогда кажется, что въ душѣ все молчитъ, не думаешь ни о чемъ; умъ и память меркнутъ и не представляютъ ничего опредѣленнаго; одна воля кротко держится за представленіе о Богѣ, — представленіе, которое кажется неопредѣленнымъ, потому что оно безусловно и что оно не опирается ни на что въ особенности. Тогда-то вступаемъ въ сумракъ вѣры, тогда-то не знаемъ болѣе ничего и ждемъ вѣчнаго свѣта непосредственно свыше, и если упорствуемъ въ этомъ ожиданіи, то свѣтъ этотъ нисходитъ и Царствіе Божіе раскрывается... Но что-же такое Царствіе Божіе и въ чемъ оно состоитъ? Никто не можетъ ни описать вамъ его, ни дать о немъ понятія. Его чувствуешь, но оно несообщимо. Въ этомъ-то состояніи начинаетъ раскрываться *внутреннее слово*. Это-то состояніе, собственно, называется состояніемъ благодати. Это состояніе служатъ исходомъ ученія Христа, и лишь это состояніе Онъ пришелъ возвѣстить и уготовить намъ. Все то, что предшествуетъ этому состоянію (что я называю азбукою), составляетъ область Іоанна Предтечи, который уготовляетъ путь, но не есть путь. Это-же состояніе называется *мистическимъ богословіемъ*. Это не книжное ученіе. Наставникъ въ немъ самъ Богъ, и Онъ сообщилъ свое ученіе душѣ непосредственно, безъ словъ, и способомъ, который невозможно объяснить словами. Сообразно этимъ путямъ, по моему, три вида молитвы: *словесная, умная и созерцательная*. Восточ-

ные отцы послѣднее состояніе называли *безмолвіемъ*, а западные: *suspension des facultés de l'âme*».

Егоръ Егорычъ, прослушавшій съ глубочайшимъ вниманіемъ Сперанскаго, видимо подавленъ былъ возвышенностью взгляда Михаила Михайлыча, но тѣмъ не менѣе воскликнулъ:

— Что вы говорите, то превосходно, но этого не поняли ни многоумницы лютеране, ни католики, ни даже мы, за исключеніемъ только аскетовъ, аскетовъ нашихъ.

— И того довольно, а къ этому еще прибавьте себя,—сказалъ съ улыбкой Михаилъ Михайлычъ:—меня тоже, хоть и скуднаго, можетъ быть, разумомъ по этому предмету...

— Вы-то пуще скудны разумомъ! — снова воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — А знаете-ли, какой въ обществѣ ходитъ старый объ васъ анекдотъ, что когда вы побывали у Аракчеева, такъ онъ, когда вы ушли, сказалъ: «О, если-бы къ уму этого человѣка прибавить мою волю, такой человѣкъ много-бы сдѣлалъ».

Михаилъ Михайлычъ усмѣхнулся и не безъ ядовитости замѣтилъ:

— Это очень возможно. Аракчеевъ любилъ приписывать то, что онъ изъ заурядныхъ генераловъ такъ возвысился, твердому характеру своему, а не внѣшнимъ, въ пользу его сложившимся, обстоятельствамъ.

Затѣмъ Михаилъ Михайлычъ взглянулъ уже на часы.

— Вамъ пора ѣхать? — спросилъ его торопливо Егоръ Егорычъ.

— Да, въ одну изъ моихъ комиссій, гдѣ я даже предсѣдательствую,—отвѣчалъ Михаилъ Михайлычъ, поправляя свое жабо и застегивая фракъ.

— Поѣзжайте, но вотъ что, постоитъ!.. Я ѣхалъ къ вамъ съ кляузой, съ ябедой...—бормоталъ Егоръ Егорычъ, вспомнивъ, наконецъ, объ сенаторской ревизіи.—Нашу губернію ревизуютъ — вы тогда, помните, помогли мнѣ устроить это — и ревизующій сенаторъ, — графъ Эдлерсъ его фамилія, — влюбился или, — тамъ я не знаю, — сблизился съ племянницей губернатора и все покрываетъ... Я привезъ вамъ докладную записку объ этомъ тамошняго губернскаго предводителя.

Егоръ Егорычъ, вынувъ изъ кармана записку Крапчика, сунулъ ее въ руку Сперанскому.

— Но что-жь мнѣ дѣлать съ этой запиской?—я недоумѣваю,—произнесъ тотъ размышляющимъ тономъ и въ то же время кладя себѣ записку на столъ.

— Дашкову передайте, Дашкову, и скажите, что вотъ какого рода слухи идутъ изъ губерніи отъ самыхъ достовѣрныхъ людей!

— Я всего лучше передамъ Дашкову, что это я отъ васъ слышалъ,—сказалъ Михаилъ Михайлычъ:—онъ васъ, конечно, знаетъ?

— Немножко!.. Передайте, что и отъ меня слышали, если только это будетъ имѣть значеніе!

Навосклицавшись и набормотавшись такимъ образомъ у Сперанскаго, Егоръ Егорычъ отъ него поѣхалъ къ князю Александру Николаичу, швейцаръ котораго хорошо, видно, его зналъ.

— Принимаетъ?—пробормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Васъ-то?—Господи!—произнесъ какъ-бы съ

удивленіемъ швейцарь:—только теперь у нихъ дочь Василия Михайлыча Попова, но это ничего, пожалуйста!

Егоръ Егорычъ сталъ, по обыкновенію, проворно взбираться на лѣстницу.

— А Антипъ Ильичъ съ вами? — крикнулъ ему вслѣдъ швейцарь.

— Со мной! придетъ къ тебѣ въ гости! — прокричалъ ему Егоръ Егорычъ.

— Пожалуйста, чтобы непременно пришелъ! — упрашивалъ швейцарь, который тоже, кажется, былъ партикулярнымъ членомъ одной масонской ложи.

Князь на этотъ разъ былъ не въ кабинетѣ, а въ своей богато-убранной гостиной, и тутъ-же съ нимъ сидѣла не первой молодости, должно быть, дѣвица, съ лицомъ осмысленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно печальнымъ. Одѣта она была почти въ траурѣ. Услыхавъ легкое постукиванье небольшихъ каблучковъ Егора Егорыча, князь приподнялъ свой зонтикъ.

— Пріѣхали? Ну, подойдите, облобызаемтесь! — проговорилъ онъ.

Егоръ Егорычъ подошелъ, и они облобызались — по-масонски, разумѣется. Дѣвица, между тѣмъ, смущенная появленіемъ новаго лица, поспѣшила встать.

— Миѣ, ваше сіятельство, позвольте еще разъ побывать у васъ, — сказала она.

— Непременно, непременно!.. — повторилъ князь: — И послѣ завтра-же пріѣзжайте, а я до тѣхъ поръ поразузнаю и соображу.

Дѣвушка послѣ того сдѣлала прощальный кник-

сенъ князю и пошла, колеблясь своимъ тонкимъ станомъ. Видимо, что какое-то разразившееся надъ нею горе подсѣбло ее вкорень.

По уходѣ ея, князь нѣсколько мгновений не начиналъ разговора, какъ будто-бы ему тяжело было передать то, что случилось.

— Это дочь Василя Михайлыча Попова, — сказалъ онъ наконецъ.

— Мнѣ говорилъ это вашъ швейцаръ, — подхватилъ Егоръ Егорычъ.

— И она мнѣ принесла невѣроятное извѣстіе, — продолжалъ князь, разводя руками: — хотя правда, что Сергѣй Степанычъ мнѣ еще раньше передавалъ городской слухъ, что у Василя Михайлыча идутъ большія неудовольствія съ его младшей дочерью и что она даже жаловалась на него; но сегодня вотъ эта его старшая дочь, которую онъ очень любитъ, съ воплемъ и плачемъ объявила мнѣ, что отецъ ея усланъ въ монастырь близъ Казани, а Екатерина Филипповна — въ Кашинъ въ монастырь; также сосланъ и нѣкто Пилецкій, котораго, кажется, вы немножко знаете.

— Знаю, — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

— И что все это, — продолжалъ князь: — случилось по доносу ихъ регента Федорова.

Егоръ Егорычъ былъ совершенно афрапированъ тѣмъ, что слышалъ.

— Но что-же они дѣлали преступнаго? — спросилъ онъ.

— Вѣроятно, то-же, что и прежде: молились по своему... Я сначала подумалъ, что это продѣлки того-же Фотія съ дѣвой Анною, но Сергѣй Степа-

нычъ сказалъ мнѣ, что ей теперь не до того, потому что Фотій умираетъ.

Егоръ Егорычъ сильно задумался.

— Я совершенно незнакомъ съ madame Татариновой и весьма мало знаю людей ея круга; кромѣ того, что я тутъ? Последняя спица въ колесницѣ!... Но вамъ, князь, слѣдуетъ пособить имъ!...—проговорилъ, постукивая ножкою и съ обычной ему откровенностью, Егоръ Егорычъ.

Князь этими словами замѣтно былъ приведенъ въ смущеніе.

— А какъ я тутъ пособию?—сказалъ онъ.—Мнѣ доктора, по болѣзни моихъ глазъ, шагу не позволяютъ сдѣлать изъ дому... Конечно, Государь такъ былъ милостивъ ко мнѣ, что два раза изволилъ посѣтить меня, но теперь онъ въ отсутствіи.

— Тогда напишите Государю письмо,—рубнулъ Егоръ Егорычъ.

Князь сразу-же мотнулъ отрицательно головою и пропзнесъ нѣсколько сухимъ тономъ:

— Этого нельзя!... На словахъ я могъ-бы сказать многое Государю, какъ мое предположеніе, какъ мое мнѣніе; но написать — другое дѣло,— это ужъ, какъ говорится, лѣзть въ чужой огородъ.

— Это не чужой вамъ огородъ, не чужой!...— не унимался въ своей откровенности Егоръ Егорычъ.

— Да, онъ былъ когда-то и мой... — проговорилъ тѣмъ-же суховатымъ тономъ князь: — но я всёхъ этихъ господъ давнымъ-давно потерялъ изъ виду, и что они теперь дѣлали—развѣ я знаю?

— Ничего они не могли дѣлать, ничего!—пѣтушился Егоръ Егорычъ.

— Можетъ быть и ничего!—не отвергнулъ князь, но тутъ же и, кажется, не безъ умысла свелъ разговоръ на Кранчика, о которомъ отозвался не весьма лестно.

— Я этому господину, по вашему письму, ничего не выразилъ опредѣленнаго, *parcequ'il m'a paru être stupide.*

— Да, онъ солдатъ и солдатъ павловскій еще, но онъ человѣкъ честный!—опредѣлилъ Егоръ Егорычъ своего друга.

Князь, однако, врядъ-ли мысленно согласился съ нимъ.

VII.

Сусанна принялась аккуратно исполнять просьбу Егора Егорыча и черезъ недѣлю-же послѣ его приѣзда въ Петербургъ она написала ему, что у нихъ въ Москвѣ все идетъ попрежнему: Людмила продолжаетъ болѣть, мамаша страдаетъ и плачетъ, «а я,— прибавила она и о себѣ,— въ томъ только нахожу успокоеніе и утѣшеніе, что молюсь, и одно меня смущаетъ: прежде я всегда ходила за обѣдни, за всенощныя; но теперь мнѣ гораздо отраднѣе молиться, когда въ церкви никого нѣтъ. Что это такое и не грѣшно-ли это,—понять не могу! Надняхъ я ходила съ нашей старушкой горничной въ Кремль и была тамъ во всѣхъ церквахъ. Службы въ это время нигдѣ не было, и я такъ усердно молилась, что даже перезабыла всѣ молитвы и только повторяла: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Въ Архангель-

скомъ соборѣ я больше всего молилась. Тамъ все гробницы царей, и тутъ какой-то господинъ рассказывалъ двумъ дамамъ объ этихъ гробницахъ. Мнѣ очень хотѣлось подойти послушать, но я не посмѣла и мнѣ ужь наша Мареуша рассказала, что когда въ соборѣ похоронили царя Ивана Грознаго, который убилъ своего сына, такъ Николай Угодникъ на вѣшшемъ тутъ образѣ отвернулъ глаза отъ гробницы; видѣла я и гробницу младенца Димитрія, котораго убили по приказанію царя Бориса. Господи, думала я, если намъ жить такъ трудно, то каково же жить царямъ? Мы заботимся и думаемъ только объ родныхъ нашихъ, о себѣ, а они — обо всѣхъ насъ. Не даромъ мнѣ мамаша рассказывала, что когда она жалѣла покойнаго отца, очень устававшаго на службѣ, такъ онъ сердился на нее и говорилъ, что цари побольше нашего работаютъ, да не жалуются!»

Егора Егорыча несказанно поразило это письмо. Что Сусанна умна, онъ это предугадывалъ; но она всегда была такъ сосредоточена и застѣнчива, а тутъ оказалась столь откровенной и искренней, и, главнымъ образомъ, его удивилъ смыслъ письма: Сусанна до того домолилась, что могла только повторять: «Господи, помилуй!» «Теперь я понимаю, почему она напоминаетъ мадонну», сказалъ онъ самъ себѣ и, не откладывая времени, сѣлъ за письмо къ Сусаннѣ, которое вылилось у него экспромтомъ и было такого содержанія:

«Глубоко болѣю за Людмилу, а также и за вашу мать, но за васъ сердечно радуюсь: вы, по данной вамъ, конечно, отъ природы благодати, состоите въ

соприсутствіи Бога. Самъ я слишкомъ скудельный и надломленный сосудъ, чтобы говорить отъ себя, и взаимнѣ того спѣшу вамъ передать то, что на-дняхъ мнѣ читалъ одинъ изъ высочайшихъ духовныхъ мыслителей о молитвѣ. Заучите его изреченія наизусть; при дальнѣйшемъ ходѣ вашего духовнаго роста вы поймете всю глубину ихъ внутренняго смысла. Молитва бываетъ, говоритъ онъ, *словесная*, когда вы, сочувствуя, повторяете молитвы святыхъ отцовъ. Она бываетъ *умная*, когда вы сами сочиняете молитву. Вы тогда находитесь въ экстазѣ молитвенной импровизаціи и отъ избытка сердца вашего уста глаголятъ. Но есть еще высшая степень молитвы, въ которой нѣтъ ни чужихъ словъ, ни своихъ, а есть только упорное повтореніе: *Господи, помилуй! Господи, помилуй!* Молитва эта называется *созерцательною*, и она уже была въ душѣ вашей и на вашихъ устахъ. Вивать вамъ, кроткая голубица! Пишите мнѣ чаще и чаще; пишите все, что вы думаете: можетъ быть, я вамъ и пригожусь немало».

«Марейнъ (Firma rupes)».

Не прошло и двухъ недѣль, какъ Егоръ Егорычъ получилъ новое письмо отъ Сусанны, въ которомъ она опять увѣдомляла его, что у нихъ все идетъ по-прежнему, но что съ ней происходитъ что-то не прежнее. «Я не больна, не страдаю особенно,—объясняла она:—но чувствую какое-то томленіе и тоску. Мнѣ начинаетъ казаться, что въ этомъ мірѣ не стоитъ ни о чемъ заботиться и надобно только думать о смерти и что будетъ тамъ за гробомъ. Надняхъ у насъ былъ Звѣревъ, вошелъ почти на-

сильно; мамаша не вышла къ нему, и я ужь его приняла. Онъ меня убѣдительно звалъ пойти съ нимъ въ церковь на Мясницкую; мнѣ-бы самой хотелось; но не знаю, какъ мамашѣ это покажется, и онъ мнѣ говорилъ, что въ Москвѣ все теперь толкуютъ о скоромъ пришествіи антихриста и о страшномъ судѣ. Ахъ, какъ, должно быть, это будетъ страшно и непонятно!... Солнце померкнетъ, луна затмится, звѣзды спадутъ съ небесъ, и Христосъ явится на облакахъ съ тмою ангеловъ и поведить имъ собрать гласомъ трубнымъ избранныхъ отъ всѣхъ концовъ... Господи, мы увидимъ Христа! Но нѣтъ, голубчикъ Егоръ Егорычъ, скажите, такъ-ли это будетъ, и научите меня, что мнѣ читать и какія книги: я такая глупенькая, что ничего не знаю».

Посланіе это привело Егора Егорыча еще въ большій экстазъ, такъ что, захвативъ оба письма Сусанны, онъ поѣхалъ къ Михаилу Михайлычу Сперанскому, которому объявилъ съ первыхъ-же словъ, что привезъ ему для прочтенія два письма одной юной дѣвicy, съ тѣмъ, чтобы спросить у него мнѣнія, какъ слѣдуетъ руководить сію ищущую наставленій особу.

Михаилъ Михайлычъ внимательно прочелъ оба письма.

— Въ чемъ-же тутъ для васъ вопросъ?—проговорилъ онъ:—предоставьте этой дѣвicy — весьма, какъ мнѣ кажется, нервно-духовной субстанціи — идти нашимъ обычнымъ, религіознымъ путемъ.

— Какимъ?—спросилъ Егоръ Егорычъ не безъ ядовитости.

— Пусть она молится, одна ли въ храмахъ, или

при служеніи церковномъ,—это все равно, и пусть выберетъ себѣ духовника хорошаго.

— Но гдѣ они?—уже озлобленно спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Найдутся,—повѣрьте, ихъ много, но наше несчастіе — ихъ знать нынѣ не хотятъ! — отвѣчалъ усмѣхнувшись Михаилъ Михайлычъ.

— Но она спрашиваетъ меня, что ей читать: этотъ вопросъ очень щекотливый.

— Нисколько!... По моему ей слѣдуетъ читать житія святыхъ женщинъ... и, пожалуй, пусть прочтетъ мой переводъ Фомы Кемпійскаго: «О подражаніи Христу»...

Егоръ Егорычъ подумалъ нѣсколько мгновеній.

— Это такъ, да! — сказалъ онъ и, почему-то вспомнивъ при этомъ о Татариновой, присовокупилъ:

— Госпожу Татаринovu вмѣстѣ съ ея друзьями, говорятъ, сослали?

— Говорятъ! — отвѣчалъ довольно равнодушно Михаилъ Михайлычъ.

— А за что, за что именно? — допрашивалъ Егоръ Егорычъ.

— Подробностей я не знаю, но какъ рассказываютъ, они продолжали свои собранія и скаканія, имѣли что-то въ родѣ церкви у себя.

— Князь Александръ Николаичъ очень огорченъ этимъ слухомъ!—замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

При имени князя на губахъ Михаила Михайлыча появилась какъ-будто бы не совсѣмъ уважительная улыбка.

Егоръ Егорычъ больше ужъ объ этомъ не разго-

варивалъ и уѣхалъ на этотъ разъ недовольный Михайломъ Михайлычемъ.

«Попъ, попъ!...» — бормоталъ онъ, возвращаясь домой: — «напечаталъ въ законахъ, что у насъ православіе, и довольно!»

Слѣдующее затѣмъ утро Егоръ Егорычъ употребилъ на то, чтобы купить для Сусанны книгъ, изготовить ей письмо и самолично отправить все на почту. Написалъ онъ ей довольно коротко:

«Имѣю удовольствіе препроводить вамъ при семъ житія святыхъ и книгу Өомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу». Читайте все сіе со вниманіемъ: тутъ вы найдете вѣхи, поставленныя намъ на пути къ будущей жизни, о которой вы теперь болѣте вашей юной душой. Еще посылаю вамъ книгу, на русскомъ языкѣ, Сентъ-Мартена *объ истинѣ и заблужденіяхъ*. Переводъ очень вѣрный. Если что будетъ затруднять васъ въ пониманіи, спрашивайте меня. Можетъ быть, при моей душевной готовности помогать вамъ, я и съумѣю растолковать.»

Егоръ Егорычъ чрезвычайно желалъ поскорѣе узнать, какое впечатлѣніе произведутъ на Сусанну посланные къ ней книги, но она что-то медлила отвѣтомъ. Зато Петръ Григорычъ получилъ отъ дочери письмо, которое его обрадовало очень и вмѣстѣ съ тѣмъ испугало. Впрочемъ, скрывъ послѣднее чувство, онъ вошелъ къ Егору Егорычу въ номеръ съ гордымъ видомъ и усѣвшись проговорилъ:

— Записка моя, которую вы передали Михаилу Михайлычу Сперанскому, вѣроятно, сильно подѣйствовала.

— Изъ чего вы это заключаете? — отозвался Егоръ Егорычъ.

— Заключаю по письму дочери, которая мнѣ пишетъ, что господина Звѣздкина отозвали въ Петербургъ и что онъ не возвратится болѣе къ намъ, такъ какъ графъ Эдлерсъ прямо при всѣхъ изъявилъ радость, что его освободили отъ этого взяточника.

— Скажите, какая откровенность! — произнесъ усмѣхнувшійся Егоръ Егорычъ. — А съ губернаторомъ онъ что-же?

— Съ губернаторомъ, — продолжалъ Петръ Григорычъ: — графъ больше не видится, напротивъ того, онъ недавно заѣзжалъ къ дочери моей, непременно потребовалъ, чтобы она его приняла, былъ съ нею очень любезенъ, спрашивалъ объ васъ и обо мнѣ и сказалъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ нашего возвращенія, потому что мы можемъ быть полезны ему совѣтами. Изъ всего этого ясно видно, что нахлобучка его сіятельству изъ Петербурга была сильная.

— Ну, и чертъ его возьми! — произнесъ Егоръ Егорычъ, видимо желавшій поскорѣе окончить разговоръ объ ревизіи. — А какія другія еще есть тамъ новости? — присовокупилъ онъ.

— Да новость тоже, вѣроятно, для васъ интересная: въ нашемъ городѣ опять появился вашъ племянникъ, посѣтилъ Катринъ и объяснилъ ей, что онъ овдовѣлъ!

— Какъ овдовѣлъ и почему-же онъ мнѣ не написалъ объ этомъ?

— Ничего не знаю-съ, — отвѣчалъ на это сухо Петръ Григорычъ.

— Онъ помѣшался, значитъ! — Съ ума сошелъ!...

То тутъ, то тамъ, то сямъ, какъ молнія блеснитъ!—горячился Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ-съ, онъ не помѣшанный, а развратникъ великій!— возразилъ Крапчикъ, не могшій болѣе сдерживать своей досады на Ченцова, появленіе котораго на родинѣ было для Петра Григорыча хуже ножа остраго, такъ что, въ первыя минуты, послѣ прочтенія письма дочери, ему пришло было въ голову бросить все въ Петербургъ и скакать къ себѣ, чтобы спасти Катринъ отъ этого негодяя.

— Когда-же, однако,—продолжалъ онъ:—мы съ вами явимся на помощь къ его сіятельству?

— Что намъ ему помогать?... Пусть дѣйствуетъ самъ, если попомнился!—произнесъ рѣзко Егоръ Егорычъ.

— Такъ, стало быть, вы и не поѣдете совсѣмъ въ губернію и не возвратитесь туда?—допрашивалъ его Петръ Григорычъ.

Егоръ Егорычъ вышелъ, наконецъ, изъ себя.

— Что вамъ за дѣло до меня?—закричалъ было онъ; но въ это время Антипъ Ильичъ, почтительно предшествуя, ввелъ въ номеръ къ барину высокаго старика въ бѣломъ жабо и съ двумя звѣздами, при одномъ видѣ котораго Крапчикъ догадался, что это, должно быть, какой-нибудь сановникъ, а потому мгновенно-же исполнился уваженія и нѣкотораго страха; но Егоръ Егорычъ сказалъ прибывшему гостю довольно фамильярно:

— А, здравствуйте!—и затѣмъ представилъ ему Петра Григорыча, а сему послѣднему пробормоталъ:—Михаилъ Михайлычъ Сперанскій.

Петръ Григорьичъ исполнился еще большаго уваженія.

— Я ужь зайхалъ провѣдать васъ: вы меня совсѣмъ забыли,—глазь не кажете!—сказалъ Михайль Михайлычъ Егору Егорычу.

— А я этой дѣвицѣ послалъ книги, которыя вы рекомендовали, — отвѣтилъ тотъ ему свое.

— Что-жь, это хорошо, — одобрилъ Михайль Михайлычъ, и затѣмъ перемѣнилъ разговоръ: — Я вчера, между прочимъ, видѣлся съ Дашковымъ, который вамъ, Егоръ Егорычъ, очень благодаренъ за доставленную записку. Она оказалась весьма правдивою.

— Авторъ записки передъ вами, господинъ Крапчикъ! — объяснилъ Егоръ Егорычъ, показывая на Петра Григорьича, который съ трепетною радостью въ сердцѣ всталъ и поклонился Михайлу Михайлычу.

— Очень радъ познакомиться! Если я не ошибаюсь, вы губернской предводитель ревизуемой губерніи?

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство! — отвѣчалъ тотъ.

Михайль Михайлычъ тогда протянулъ Крапчику руку, которую Петръ Григорьичъ съ чувствомъ пожалъ; въ сущности онъ готовъ былъ поцѣловать эту руку.

— Ваше высокопревосходительство, — сказалъ онъ затѣмъ: — послѣ Звѣздкина слѣдовало-бы ограничить и губернатора, вліяніе котораго до сихъ поръ дѣйствуетъ на губернію пагубно.

— Его, вѣроятно, скоро причислятъ къ мини-

стерству, по крайней мѣрѣ такъ думаетъ Дашковъ,— отвѣчалъ Михаилъ Михайлычъ.

Егору Егорычу, между тѣмъ, было до тошноты скучно слушать этотъ дѣловой разговоръ.

— Все устроится!... Что тутъ беспокоиться объ этомъ? — произнесъ онъ, не вытерпѣвъ, и потомъ обратился къ Михаилу Михайлычу: — Я какъ только получу письмо отъ этой дѣвицы, привезу вамъ прочесть его.

— Привезите, прочту съ удовольствіемъ, — проговорилъ тотъ, ужь улыбнувшись; будучи самъ не чуждъ ивжности къ прекрасному полу, Михаилъ Михайлычъ немножко ужь тутъ и заподозрилъ Егора Егорыча и, какъ-бы желая его повывѣдать, онъ присовокупилъ:

— Я встрѣчалъ много женщинъ, религіозныхъ по натурѣ, и которыя, сколько я теперь припоминаю, только и находили успокоеніе своимъ стремленіямъ въ монастыряхъ.

— Именно, ваше высокопревосходительство, въ монастыряхъ! — воскликнулъ при этомъ Крапчикъ, чуть-ли не подумавшій при этомъ, что какъ-бы хорошо, напримѣръ, было посадить его дочь въ монастырь для преподаванія ей уроковъ покорности и нравственности.

Послѣднее разсужденіе Михаила Михайлыча Егоръ Егорычъ прослушалъ нахмурившись: не монахиню, не черноризную низкопоклонницу и притворщицу желалъ-бы онъ видѣть въ Сусаннѣ, а масонку, умѣющую практиковать *умное дѣланіе*.

Сперанскій, наконецъ, уѣхалъ, обязавъ Егора Егорыча непременно удѣлать ему цѣлый вечеръ.

— Пріѣду, пріѣду, — бормоталъ тотъ.

Михаплъ Михайлычъ поклонился Крапчику довольно благосклонно, но въ гости его къ себѣ не позвалъ. Уѣхалъ онъ, опять-таки почтительно провожаемый Антипомъ Ильпчемъ до самаго экипажа. Старый камердинеръ, чуждый всякой личной суетности, всегда, однако, былъ доволенъ, когда его господина посѣщали именитыя особы, понимая такъ, что въ этомъ случаѣ *достойные достойному честь воздавали*.

Оставшись съ Егоромъ Егорычемъ вдвоемъ, Крапчикъ воскликнулъ:

— Вотъ Михаплъ Михайлычъ такъ сейчасъ видно, что человекъ государственный, умнѣйшій и геніальный! Это, извините вы меня, не то что вашъ князь.

— Вы какъ узнали умъ князя?... Въ двадцать минутъ успѣли это извѣдать?... — оборвалъ его Егоръ Егорычъ.

— Конечно, что вполнѣ узнать я не могъ, — уступилъ Петръ Григорычъ и потомъ, будто-бы къ слову, присовокупилъ заискивающимъ голосомъ:

— А что, Егоръ Егорычъ, я давно хотѣлъ васъ попросить объ одной вещи: не можете ли вы замолвить за меня словцо Михаилу Михайлычу и министру внутреннихъ дѣлъ, — который, конечно, также васъ уважаетъ, какъ и весь Петербургъ, — чтобы, когда участь нашего губернатора будетъ окончательно рѣшена, то на мѣсто его назначить меня?

— Васъ? — крикнулъ Егоръ Егорычъ, какъ-будто бы кто его кольнулъ чѣмъ-то. — Но зачѣмъ?... За чѣмъ?...

Такой вопросъ немножко смутилъ Крапчика.

— Затѣмъ, что я буду полезень губерніи болѣе, чѣмъ всякій другой губернаторъ,—проговорилъ онъ.

— Но вамъ нельзя дать этого мѣста!... Вамъ стыдно просить этого мѣста!... Вы избличали губернатора... (заявленіемъ своего послѣдняго желанія Петръ Григорьичъ мгновенно сдѣлался понятенъ Егору Егорычу въ своихъ проискахъ противъ губернатора). Вы, значитъ, хлопотали не для губерніи, а для себя... Вы себѣ расчищали дорожку!...

Петръ Григорьичъ сдѣлалъ видъ, что онъ обидѣлся.

— Нѣтъ, я не расчищаль въ этомъ случаѣ дорожки для себя, потому что готовъ быть губернаторомъ и въ другой губерніи.

— Какой вы губернаторъ!.. Не годитесь вы на это! — кричалъ Егоръ Егорычъ.

Слова эти просто показались Петру Григорьичу глупы.

— Вы ошибаетесь, — произнесъ онъ съ достоинствомъ: — я буду благонамѣренный губернаторъ, ибо я не верхоглядъ, а человѣкъ практическій.

— Тогда лучше проситесь въ полицмейстеры, въ квартальные!... — язвилъ его Егоръ Егорычъ.

— Богъ знаетъ, что вы такое говорите! — думаль-было урезонить Марейна Петръ Григорьичъ: — Квартальный и губернаторъ, я думаю, разница; вы вспомните, что губернаторомъ былъ Сергѣй Степанычъ.

— И тотъ глупо это дѣлалъ, и тотъ!.. — не унимался Егоръ Егорычъ.

— Но зачѣмъ-же вы сами служили и полковникъ русской службы?.. — замѣтилъ Крапчикъ.

— Я шелъ на брань за отечество въ двѣнадцатомъ году... Я изъ посольскихъ секретарей поступилъ солдатомъ въ дѣйствующую армію, а вы, на старости лѣтъ, изъ какихъ нравственныхъ побужденій ищете губернаторства?

— Скажу вамъ откровенно, — можетъ быть, это и грѣхъ, — но я честолюбивъ... Послужа честно и полезно губернаторомъ, я могъ-бы надѣяться быть сенаторомъ.

— Въ Москвѣ, что-ли? — спросилъ насмѣшливо Егоръ Егорычъ.

— Въ Москву я больше-бы желалъ быть назначеннымъ, такъ какъ это ближе къ имѣніямъ моимъ.

— Ну, такъ видите-съ! — крикнулъ, взмахнувъ пальцемъ, Егоръ Егорычъ: — Когда московскому шути Ивану Савельичу кто-то сказалъ изъ его покровителей: «сѣзди въ Петербургъ, ты тамъ много денегъ собираешь», такъ онъ отвѣчалъ: «боюсь, батенька, — въ Москву сенаторомъ пришлютъ!»

— Ну, Егоръ Егорычъ! — отозвался Петръ Григорычъ, уже вставая, съ гордостью, что всегда онъ дѣлалъ, когда у него что-нибудь не выгорало: — Вы, я вижу, желаете только оскорблять меня, а потому я больше не утруждаю васъ ни этой моей просьбой и никакой другой во всю жизнь мою не буду утруждать.

Проговоривъ это, Петръ Григорычъ ушелъ.

Егоръ Егорычъ, не спавшій послѣ того всю ночь, только къ утру почувствовалъ, какъ онъ много оскорбилъ Крапчика, и потому пошелъ-было къ нему въ номеръ, чтобы попросить у него извиненія; но ему сказали, что <http://www.vostok.org.pl> Крапчикъ еще въ ночь

уѣхалъ совсѣмъ изъ Петербурга. Егоръ Егорычъ, возвратясь къ себѣ, сильно задумался.

«Да какъ-же было мнѣ не разсердиться на Крапчика? — принялся онъ оправдывать себя: — Онъ явился тутъ пролазомъ, какимъ-то мелкимъ чиновничьимъ честолюбцемъ... А я самъ-то, развѣ лучше его?... Я хуже его: я злецъ, я нетерпяшка!.. Гдѣ-жь мое духовное самовоспитаніе?... Его нѣтъ ни на грошъ во мнѣ!..» И чтобы облегчить свою совѣсть, Егоръ Егорычъ накаталъ письмо къ Крапчику:

«Простите великодушно, я противъ васъ вчера былъ неправъ, а можетъ быть и правъ, — разсудите сами и не питайте гнѣва ко мнѣ, ибо я васъ люблю по-прежнему».

Вечеромъ того-же дня Егоръ Егорычъ поѣхалъ къ Сперанскому, гдѣ у него дѣло обошлось тоже не безъ спора, и на одно замѣчаніе, которое сдѣлалъ Михаилъ Михайлычъ по поводу высылки Татаринновой, о чемъ тогда только и толковало все высшее общество Петербурга, Егоръ Егорычъ воскликнулъ:

— Я державства не трогаю, я благоговѣю передъ нимъ!

— И вы справедливы! — отвѣчалъ ему на это Михаилъ Михайлычъ: — вы вдумайтесь хорошенько, не есть-ли державство то же священство и не слѣдуетъ-ли считать это установленіе божественнымъ? Державецъ не человѣкъ, не лицо, а это — возможный порядокъ, высшій разумъ, изрекатель будущихъ судебъ народа!

— Я ничего противъ этого не говорю и всегда считалъ за благо для народовъ муромазанную власть, тѣмъ болѣе нынѣ, когда вся Европа и здѣсь

всѣ мнутя и чають скорого пришествія антихриста!.. Что́ это такое и откуда? Какъ по вашему?.. — спросилъ Егоръ Егорычъ со строгостью.

— По моему, страхъ этотъ, хоть и общій, но, по меньшей мѣрѣ, рановременный, — отвѣчалъ ему спокойно Михаилъ Михайлычъ: — ибо, какъ я всегда думалъ, явленію *мужа беззаконія* будетъ предшествовать въ продолженіе довольно значительнаго теченія времени величайшее изліяніе духа благодати... Мы не можемъ опредѣлить ни времени, ни способа этого изліянія, хоть касательно послѣдняго намъ не лишнее собирать предвѣщанія, соображать малѣйшіе признаки. Все это, конечно, можетъ насъ обмануть, но, все-таки, пусть лучше свѣтильники наши заранѣе будутъ зажжены, чтобы идти на встрѣчу жениху... Державство этому, повѣрьте, нисколько не помѣха, ибо я не знаю ни одного государственнаго учрежденія, которое не могло-бы быть сведено къ духу евангелія; мудрые государственные строители: Хименесы, Святые Бернарды, Святые Людовики, Альфреды, развѣ не черпали обильно изъ этого источника?

Егоръ Егорычъ съ одной стороны убѣждался возвышенностью и доказательностью доводовъ Михаила Михайлыча, а съ другой — въ немъ, въ глубинѣ его сознанія, шевелилось нѣчто и противъ.

«Попъ, попъ!..» — мыслилъ онъ и на этотъ разъ, ѣдучи домой.

Вскорѣ послѣ этого визита, Егоръ Егорычъ провелъ цѣлый вечеръ у Сергѣя Степаныча, который тоже ему очень обрадовался. Начавшійся между ними

разговоръ былъ исключительно посвященъ воспоминаніямъ о масонствѣ.

— Скажите, живъ-ли и здравствуетъ-ли Василій Дмитричъ Кавининъ?

— Живъ, но хвораетъ сильно.

— А не извѣстно-ли вамъ: сердится онъ на меня еще до сихъ поръ?

— Не сердится, но, кажется, огорченъ до сей поры!... Онъ, впрочемъ, никогда мнѣ не говорилъ въ подробностяхъ обо всей этой исторіи.

— Исторія весьма обыкновенная, случавшаяся почти во всѣхъ ложахъ,—началь разсказывать Сергѣй Степанычъ обычнымъ ему нѣсколько гордымъ тономъ:—Я былъ тогда ужъ предсѣдателемъ ложи ищущихъ манны... Василій Дмитричъ, бывший въ то время секретаремъ въ теоретической степени нашей ложи, оказался вдругъ предсѣдателемъ одной изъ самыхъ отдаленныхъ съ нами ложъ. Онъ, бывъ спрошенъ объ этомъ, отвѣчалъ письменно, что ему на то было дано разрѣшеніе отъ Іосифа Алексѣича Поздѣева, а потомъ и отъ Ѳедора Петровича Ключарева. Когда это объясненіе было прочитано въ засѣданіи, я, какъ предсѣдатель и какъ человекъ весьма близко стоявшій къ Іосифу Алексѣевичу и къ Ѳедору Петровичу, счелъ себя обязаннымъ заявить, что отъ Іосифа Алексѣича не могло послѣдовать разрѣшенія, такъ какъ онъ, удручаемый тяжелой болѣзнію, года за четыре передъ тѣмъ передалъ всѣ дѣла по ложѣ Ѳедору Петровичу, отъ котораго Василій Дмитричъ, вѣроятно, скрылъ свои занятія въ другой ложѣ, потому что, какъ вы сами знаете,

у насъ строго воспрещалось быть гросмейстеромъ въ отдаленныхъ ложахъ.

— Василий Дмитрпчь былъ на этомъ собраніи?— спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, онъ не былъ; но, вѣроятно, услыхавъ отъ кого-нибудь мой отзывъ, прислалъ въ ложу идовитаго свойства пасквиль на меня, а потомъ ужъ и съ нимъ не встрѣчался ни въ ложѣ нашей, ни въ обществѣ.

— Если вы хотите, я ему передамъ, что вы желаете помириться съ нимъ; онъ, вѣроятно, сознаетъ себя виновнымъ и покается.

— Э, нѣтъ, зачѣмъ?... Развѣ онъ одинъ виновенъ былъ въ томъ? Вы вспомните, что стало происходить передъ двадцать восьмымъ годомъ: за ищущихъ поручались безъ всякой осторожности, не испытывъ ихъ нисколько...

— Ну, Сергѣй Степанычъ, не говорите объ этомъ!...—воскликнулъ Егоръ Егорычъ: — я самъ ввелъ племянника неосмотрительно!... Не съ умысломъ-же я это дѣлалъ и не изъ пренебреженія къ ложѣ!

— Объ умыслѣ я не говорю, а о небрежности поручителей; кромѣ того,—продолжалъ Сергѣй Степанычъ: —пріемъ совершался самыми неправильными путями; вступавшіе питали дерзкое намѣреніе сами уловить тайну, а не получить оную за практическое исполненіе самой премудростью начертанныхъ должностей... Отъ одного руководителя они обыкновенно переходили къ другому и по большей части ходили слушать многихъ, подобно какъ студенты слушаютъ лекціи разныхъ профессоровъ...

Постранствовавъ такимъ образомъ, иные оставляли совсѣмъ братства, а другіе, нахватавшись не-связныхъ отрывковъ изъ разнохарактерныхъ раз-говоровъ, задумывали слѣплять себѣ ложныя систе-мы, устанавливая въ нихъ степени, собирать биб-ліотеки по собственному вкусу...

— Правда, правда и правда!—подтвердилъ Егоръ Егорычъ.

Антипъ Ильичъ, между тѣмъ, кромѣ церкви Бо-жіей не ходившій въ Петербургъ никуда и посѣтив-шій только швейцара въ домъ князя Александра Николаича, получилъ, когда Егоръ Егорычъ былъ у Сергѣя Степаныча, на имя барина эстафету изъ Москвы.

— Эстафетъ къ вамъ!—сказалъ онъ Егору Его-рычу при возвращеніи того.

Егоръ Егорычъ, взглянувъ на адресъ, ударилъ себя по лбу; онъ уже догадался, о чемъ была эта эстафета!

VIII.

Возвратясь въ Москву, Егоръ Егорычъ нашелъ Рыжовыхъ мало сказать, что огорченными, но ка-кими-то окаменѣлыми отъ своей потерп; особенно старуха адмиральша на себя не походила; она все время сидѣла съ опустившейся головой, безсвязно кой о чемъ спрашивала и такъ-же безсвязно отвѣ-чала на вопросы. О горѣ своемъ Рыжовы почти не говорили, какъ не говорилъ о томъ и Егоръ Его-рычъ, начавшій у нихъ бывать каждый день. Кажется, если-бы кто-нибудь изъ нихъ слово упомя-

нуль о Людмилѣ, то всё-бы разрыдались, до того имъ было жаль этого бѣднаго существа. Егоръ Егорычъ, конечно, ни однимъ звукомъ не позволялъ себѣ спросить Сусанну о посланныхъ ей книгахъ и о томъ, какое впечатлѣніе она почерпнула изъ нихъ; но Сусанна, впрочемъ, сама заговорила объ этомъ.

— Я вашихъ книгъ очень мало еще усилъ прочесть!—сказала она.

— О, Богъ съ ними!... Такое-ли теперь время!

— Я прежде всего стала-было читать Сень-Мартена и...

— И?... — успѣшилъ ее спросить Егоръ Егорычъ.

— И очень мало понимала его.

Егоръ Егорычъ нахмурился и потеръ себѣ лобъ.

— Это понятно!—проговорилъ онъ. — Я современемъ буду руководить васъ нѣсколько при чтеніи.

— Пожалуйста!—протянула Сусанна.

Вмѣсто того, чтобы начать свое руководство современемъ, Егоръ Егорычъ, по свойственной ему нетерпѣливости и торопливости, въ тотъ-же день, пріѣхавъ, послѣ этого разговора съ Сусанной, домой, принялся составлять для нея экстрактъ изъ книги Сень-Мартена.

«Что истина существуетъ, накидывалъ онъ своимъ крупнымъ почеркомъ, это такъ же неирежно, какъ то, что существуете вы, я, воздухъ, земля, и вящимъ доказательствомъ сего можетъ служить, что всякъ, стремящійся отринуть бытіе истины, прежде всего стремится на мѣсто ея поставить другую истину.

Отдѣливъ чертой этотъ тезисъ, онъ продолжалъ:

«Добро для всякаго существа есть исполненіе сродственнаго ему закона, а зло есть то, что оному противится; но такъ какъ первоначальный законъ есть для всѣхъ одинъ, то добро или исполненіе сего закона должно быть и само едино и безъ изъятія истинно, хотя-бы собой и обнимало безконечное число существъ».

Еще разъ отчеркнувши на этомъ мѣстѣ, Егоръ Егорычъ писалъ далѣе:

«Но откуда-же начало зла проистекло?... Не въ природѣ-же Бога оно таится?... Не самолично-же оно и не равносильно добру?... Оно, какъ я уже въ предыдущемъ параграфѣ опредѣлилъ, есть неисполненіе существами, по данной имъ свободѣ, своего прирожденнаго закона; примѣры тому: паденіе сатаны, паденіе Адама и Евы. Госнодь Богъ такъ благъ къ высшимъ существамъ мірозданія, что не хотѣлъ ихъ стѣснить даже добромъ. Они могутъ исполнять законы добродѣтели и не исполнять ихъ, и только съ удаленіемъ отъ добра они все больѣе будутъ чувствовать страданія. Положенія эти признавали всѣ великіе учителя церкви, и на нихъ-же утвердилъ основаніе своей книги Сень-Мартенъ».

На этомъ мѣстѣ снова черта и снова продолженіе:

«Если существа свободны, можетъ быть, скажете вы, то они могутъ дѣлать все, что пожелаютъ!... Нѣтъ, не все! возражаю я. Намъ дана воля, которая слагается изъ разума и чувства, и этими двумя орудіями должна ограничиваться наша сво-

бода. Положимъ, я хочу нѣчто сдѣлать, про что мой разумъ неодобрительно мыслить, и я долженъ воздержаться отъ сего. Положимъ, я, обуреваемый грубыми плотскими пожеланіями моего темперамента, стремлюсь осуществить, что противно мнѣ и отъ чего отвращается мое чувство, — опять слѣдуетъ воздержаться и уклониться».

Тихіе шаги вошедшаго въ комнату Антипа Ильича прервали занятія Егора Егорыча.

— Васъ желаетъ видѣть подполковница Зудченко!...—доложилъ онъ своимъ кроткимъ голосомъ.

Егоръ Егорычъ изобразилъ на лицѣ своемъ удивленіе.

— Онѣ говорятъ, что у нихъ живетъ на квартирѣ адмиральша Рыжова!—присовокупилъ Антипъ Ильичъ.

— Проси, проси!—затараторилъ Егоръ Егорычъ, видимо испугавшійся даже этого посѣщенія.

Приглашенная Антипомъ Ильичемъ Миропа Дмитриевна вошла. Она была, по обыкновенію, кокетливо одѣта; но въ то-же время выглядывала нѣсколько утомленною и измученною: освѣжающія лицо ея притиранья какъ-будто-бы на этотъ разъ были забыты; на вискахъ ея весьма замѣтно виднѣлось нѣсколько сѣдыхъ волосъ, которые Миропа Дмитриевна или не успѣла еще выдернуть, или ихъ такъ много вдругъ появилось, что сдѣлать это оказалось довольно труднымъ.

— Позвольте вамъ рекомендовать себя!—начала она, дѣлая почтительный и низкій реверансъ передъ Егоромъ Егорычемъ: — я хоть и вижу васъ, когда вы пріѣзжаете къ морямъ постояльцамъ, сама,

однако, до сихъ поръ не имѣла еще удовольствія быть лично съ вами знакома.

— Ужь не случилось ли у Рыжовыхъ опять какого-нибудь несчастія новаго?— спросилъ ее на это торопливо Егоръ Егорычъ.

— О, нѣтъ, нисколько! — успокоила его Миропа Дмитриевна:— у нихъ, слава Богу, идетъ все спокойно, какъ только можетъ быть спокойно въ ихъ положеніи; но я къ вамъ ирѣхала съ покорнѣйшей просьбой.

Егоръ Егорычъ наклонился ухомъ къ Миропѣ Дмитриевнѣ, желая тѣмъ выразить, что онъ готовъ выслушать ея просьбу.

— Меня просилъ съѣздить къ вамъ маіоръ Звѣревъ, Аггей Никитичъ!— сказала Миропа Дмитриевна.

Егоръ Егорычъ опять выразилъ въ лицѣ своемъ нѣкоторое недоумѣніе.

— Вы, вѣроятно, еще знали Аггея Никитича капитаномъ!— напомнила ему Миропа Дмитриевна.

— А, это высокій карабинеръ! — сообразилъ Егоръ Егорычъ.

— Да, онъ карабинеръ и теперь ужъ маіоръ!— продолжала Миропа Дмитриевна.— Онъ бѣдный, послѣднее время былъ чрезвычайно боленъ и умоляетъ васъ посѣтить его. «Если-бы, говорить, докторъ мнѣ позволилъ выходить, я-бы, говорить, сію же минуту явился къ Егору Егорычу засвидѣтельствовать мое уваженіе.

— Зачѣмъ-же?... Не нужно!... Я самъ у него буду!... Чѣмъ онъ и отчего заболѣлъ? На видъ онъ такой могучій и крѣпкій!...

— Онъ простудился на похоронахъ у Людмилы

Николаевны!... Когда у адмиральши случилось это несчастіе, мы всё потеряли голову, и онъ одинъ всёмъ распоряжался, по своему необыкновенно доброму сердцу, провожалъ гробъ пѣшкомъ до могилы, а когда мы возвращались назадъ, сдѣлался громъ, дождь, градъ, такъ что Аггей Никитичъ даже выразился: «Сама природа вознегодовала за смерть Людмилы Николаевны!».

Миропа Дмитриевна рассказывала всё эти подробности не безъ задней мысли. О, она была дама тонкая и далеко провидящая.

— Поэтому я еще болѣе обязанъ быть у него!— воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — Вы родственница Аггея Никитича?

При этомъ вопросѣ Миропа Дмитриевна нѣсколько сконфузилась.

— Нѣтъ, я другъ его и другъ старинный!... Онъ былъ друженъ съ моимъ покойнымъ мужемъ, а потомъ и я наследовала эту дружбу!— объяснила она весьма вѣроподобно.

— А гдѣ живетъ Аггей Никитичъ? — спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Къ сожалѣнію, весьма далеко!... Въ Красныхъ казармахъ!... Аггея Никитича очень тревожитъ, что вамъ безпокойно будетъ ѣхать такую даль.

— Нисколько, нисколько!.. Буду у него сегодня-же, въ шесть часовъ вечера.

— И я буду у него въ то-же время!—сказала съ удовольствіемъ, но не безъ маленькаго смущенія Миропа Дмитриевна.

— И прекрасно-съ, поэтому au revoir!—проговорилъ Егоръ Егорычъ.

Миропа Дмитриевна затѣмъ поднялась съ своего мѣста, сдѣлала глубокой реверансъ Егору Егорычу и удалилась.

Егоръ Егорычъ послѣ того отправился къ Рыжовымъ, которыхъ засталъ сидящими въ своей душной квартирѣ съ неотворенными даже окнами.

— Что это, какъ вы заперлись совсѣмъ!—произнесъ Егоръ Егорычъ, войдя къ нимъ.

— Ахъ, я и забыла совсѣмъ объ этомъ!—проговорила Сусанна.—А мамашѣ, я думаю, вредно даже сидѣть въ такой жарѣ!—присовокупила она и поспѣшила отворить окно, около котораго сидѣла адмиральша.

Та бессмысленно взглянула на дочь, какъ-бы не понимая, зачѣмъ она это дѣлаетъ, а потомъ обратилась къ Егору Егорычу и сказала плохо-служащимъ языкомъ:

— Муза пишетъ!

— Мамаша говоритъ, что мы сегодня получили письмо отъ Музы!—добавила послѣ нея Сусанна.

— Она здорова?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Кажется, что здорова, и только нетерпѣливо ждетъ насъ!—отвѣчала Сусанна.

Егоръ Егорычъ потеръ, по обыкновенію, себѣ лобъ.

— Когда-жъ вы думаете ѣхать?—сказалъ онъ.

— Я не знаю, какъ мамаша? — произнесла, потупляя глаза, Сусанна.

— Что мамаша?... Мамаша почти ребенокъ,—въ ней все убито! — бормоталъ полупшепотомъ Егоръ Егорычъ, воспользовавшись тѣмъ, что старушка

отвернулась и по-прежнему совершенно бессмысленно смотрѣла куда-то въ даль.

— Вамъ надобно уѣзжать отсюда скорѣе и ѣхать со мной въ Кузьмищево! — продолжалъ бормотать полусшепотомъ Егоръ Егорычъ; но, видя, что Сусанна все-таки затрудняется дать ему положительный отвѣтъ, онъ обратился къ адмиральшѣ:

— Юлія Матвѣевна, вы на этой-женедѣлѣ должны уѣхать со мною въ мое Кузьмищево, которое вы, помните, всегда такъ любили.

— А какъ-же Сусанна? — спросила адмиральша.

— Я, мамаша, тоже съ вами поѣду! — отозвалась Сусанна.

— А Муза? — спросила адмиральша.

— За Музой мы заѣдемъ и возьмемъ ее съ собой! — сталъ ей толковать Егоръ Егорычъ. — Докторъ, который живетъ у меня въ Кузьмищевѣ, пишетъ, что послалъ сюда мою карету, и мы все спокойно въ ней доѣдемъ.

При этомъ старуха какъ-то вдругъ на что-то такое упорно уставила глаза.

— А Людмила такъ тутъ и останется! — проговорила она и громко, громко зарыдала.

Сусанна бросилась къ ней, сжала ее въ своихъ объятіяхъ и уговаривала:

— Мамаша, успокойтесь!

— Людмила уже не здѣсь, не тутъ, а въ лонѣ Бога! — сказалъ почти строго Егоръ Егорычъ, у котораго у самого, однако, текли слезы по щекамъ.

Та мгновенно перестала рыдать.

— Ну, вината, вината, — проговорила она, будучи не въ состояніи выговорить слово: виновата.

— Мы такъ поэтому и распорядимся! — отнесся Егоръ Егорычъ къ Сусаннѣ.

— Такъ, хорошо, — отвѣчала она.

— А я сейчасъ ѣду къ Звѣреву, который, говорятъ, былъ очень боленъ и простудился на похоронахъ Людмилы Николаевны.

— Непремѣнно тутъ! — подтвердила Сусанна:— Онъ добрѣйшій и отличнѣйшій, должно быть, человекъ!

— Отличный! Это видно по всему, — согласился Егоръ Егорычъ и полетѣлъ въ Красныя казармы.

Въ убранствѣ небольшой казарменной квартирки Аггея Никитича единственными украшеніями были нѣсколько гравюръ и картинъ, изображающихъ чрезвычайно хорошенькихъ собою женщинъ, и на изображенія эти Аггей Никитичъ иногда цѣлые дни проглядывалъ, куря трубку и предаваясь мечтаніямъ. Въ настоящее время онъ былъ хоть еще и слабъ, но сидѣлъ на диванѣ, одѣтый по тогдашней домашней офицерской модѣ, занесенной съ Кавказа, въ демикатонный, простеганный архалукъ, въ широкія, тонкаго верблюжьяго сукна, шальвары и туфли. Когда Егоръ Егорычъ вошелъ, Мирона Дмитриевна была уже у Звѣрева.

Поздоровавшись почти дружески съ хозяиномъ, Егоръ Егорычъ раскланялся также съ замѣтной аттенціей и съ madame Зудченкою.

— Благодарю васъ, что вы не отказались посѣтить меня... Я всю жизнь буду это помнить!— говорилъ между тѣмъ ему съ чувствомъ Аггей Никитичъ.

Егоръ Егорычъ плюхнулъ на кресло.

— Прихворнули немножко?...—сказалъ онъ, стараясь не подать виду, что онъ былъ пораженъ тѣмъ, до какой степени Аггей Никитичъ измѣнился и постарѣлъ.

— Очень даже прихворнулъ,—отвѣчалъ тотъ.— Около недѣли думалъ, что живъ не останусь, и ужасно этого испугался, потому что мнѣ пришла вдругъ въ голову мысль: а что, если я оживу въ могилѣ?... Понимаете, здоровякъ этакой, пожалуй, не умрешь сразу-то... И что со мной было, передать вамъ не могу: во всемъ тѣлѣ сдѣлалась дрожь, волосы поднялись дыбомъ. Я рассказалъ объ этомъ доктору. Тотъ началъ меня успокоивать: «Если, говорите, хотите, я васъ вскрою». — «Сдѣлайте, говорю, милость, животъ мнѣ располосуйте и черепъ расишите».

— Что это, Аггей Никитичъ, какіе вы ужасы про себя говорите! — остановила было его Мирона Дмитриевна.

— Ужасъ побольше былъ-бы, когда въ могилѣ-то очнулся-бы,—возразилъ ей тотъ и продолжалъ, обращаясь къ Егору Егорычу:—Послѣ того я сталъ думать о душѣ и о будущей жизни... Тутъ тоже заскребли у меня кошки на сердцѣ.

— Объ этомъ нельзя думать, для этого нужна вѣра,—перебилъ Аггея Никитича Егоръ Егорычъ.

— Во что вѣра?—спросилъ мрачнымъ голосомъ Звѣревъ.

— Во что сказано въ Евангеліи.

— Стало быть, будутъ и страшный судъ, и рай, и адъ?

— Будутъ!... Объ этомъ не слѣдуетъ ни себя,

ни другихъ спрашивать, а надобно вѣрить въ это!...— бормоталъ Егоръ Егорычъ.

— А какъ это сдѣлать?... Я долженъ сознаться, что я—и особенно прежде—былъ почти человѣкъ невѣрующій.

— Не можетъ быть!...—воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — Такихъ людей нѣтъ въ цѣломъ мірѣ ни одного.

— А Вольтеръ?—возразилъ наивно Аггей Никитичъ.

— Нѣтъ, онъ вѣрилъ и вѣрилъ очень сильно въ своего только Бога—въ Разумъ, и ошибся въ одномъ, что это не Богъ, принимая самое близкое, конечное за отдаленное и всеобъемлющее.

— Но желательно-бы знать, что такое это отдаленное и всеобъемлющее?—говорилъ, въ недоумѣніи разводя руками, Аггей Никитичъ.

У Егора Егорыча лицо даже стало подергивать: по своей непосредственности, Аггей Никитичъ очень трудные вопросы задавалъ ему.

— Это всеобъемлющее словами нельзя опредѣлить, но можно только ощущать и соприкасаться съ нимъ въ нѣкоторые счастливые моменты своего нравственнаго бытія.

— Но какимъ путемъ и способомъ достигнуть этого?—вопіялъ Аггей Никитичъ.

— Первый способъ—молитва, простая молитва,—объяснялъ ему Егоръ Егорычъ...

— Я, Егоръ Егорычъ, во время моей болѣзни,—видитъ Богъ,—молился,—сказалъ Аггей Никитичъ.

— И какъ еще усердно!—Не всякій такъ съумѣетъ молиться!—подхватила Миропа Дмитриевна.

— И вамъ, безъ сомнѣнія, легче послѣ того было?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Точно будто-бы и легче нѣсколько,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Этого вдругъ и нельзя,—это гора, на которую надобно постепенно взбираться.—Слыхали вы объ Иоаннѣ Лѣствичникѣ?

Говоря это, Егоръ Егорычъ врядъ-ли не думалъ хватить въ своемъ поученіи прямо объ умномъ дѣланіи.

— Нѣтъ, не слыхалъ,—признался ему Аггей Никитичъ.

— А вы?—отнесся зачѣмъ-то Егоръ Егорычъ къ Миропѣ Дмитріевнѣ.

— Слыхала,—это вѣдь святой нашъ,—отвѣчала та совершенно смѣло.

Егоръ Егорычъ поморщился и уразумѣлъ, что его собесѣдники слишкомъ мало приготовлены къ тому, чтобы слушать и тѣмъ болѣе понять то, что задумалъ было онъ говорить, и потому рѣшился ограничиться какъ-бы нѣкоторою исповѣдью Аггея Никитича.

— Не слишкомъ-ли вы плоть вашу делѣете?—спросилъ онъ того.

Аггей Никитичъ при этомъ покраснѣлъ.

— То-есть въ чемъ и какъ?—проговорилъ онъ.

— Не любите ли, напримѣръ, покушать много?—продолжалъ Егоръ Егорычъ съ доброю улыбкой.

— Въ этомъ грѣшенъ,—отвѣчалъ откровенно Аггей Никитичъ.

— Не нужно того!... Пословица говоритъ: сытое брюхо къ ученю глухо; а кромѣ того, и въ смыслѣ

тѣла нашего нездорово!...—поучалъ Егоръ Егорычъ, желавшій, кажется, прежде всего, поумалить мяса въ Аггеѣ Никитичѣ и потомъ уже давать направленіе его нравственнымъ заложеніямъ.

— Насчетъ здоровья, я не думаю, чтобы намъ, военнымъ, было вредно влотно поѣсть: какъ прошагаешь въ день верстъ пятнадцать, такъ и не почувствуешь даже, что ѣлъ;—конечно, почитать что-нибудь не захочешь, а скорѣй-бы спать послѣ того.

— Полноте, пожалуйста, клеветать на себя!—перебила Аггея Никитича Миропа Дмитріевна.— Не вѣрьте ему: онъ очень мало, сравнительно съ другими мужчинами, кушаетъ,—пояснила она Егору Егорычу.

— Какъ мало?... Вы не видали, — сказалъ ей Аггей Никитичъ.—а я разъ, послѣ одной охоты въ Царствѣ Польскомъ — пропасть мы тогда дичи настрѣляли!—пятьдесятъ бекасовъ и куличковъ съѣлъ за ужиномъ!

— Много, и не рекомендую этого дѣлать впередъ!—посоветовалъ Егоръ-Егорычъ, и опять-таки съ доброй улыбкой перешелъ на другое.

— Ну, а какъ вы, маіоръ, на счетъ водочки?

— Этого совсѣмъ почти не пьеть, — поспѣшила отвѣтить за Аггея Никитича Миропа Дмитріевна.

— Водочки и вообще вина я могу выпить ведро и ни въ одномъ глазѣ не буду пьянъ, но не дѣлаю того, понимая, что человѣкъ бываетъ гадокъ въ этомъ видѣ!—добавилъ съ своей стороны Аггей Никитичъ.

— Это хорошо!—похвалилъ его Егоръ Егорычъ и, помолчавъ немного, присовокупилъ:—Вмѣстѣ съ

тѣмъ также слѣдуетъ и женщинъ избѣгать въ смыслѣ чувственномъ.

Сказавъ послѣднія слова, Егоръ Егорычъ вспомнилъ, что въ ихъ обществѣ есть дама, а потому онъ вѣжливо обратился къ Миропѣ Дмитріевнѣ и произнесъ:

— Pardon, madame!

— Ахъ, помилуйте, ничего, я не дѣвушка!— отозвалась она, держа, впрочемъ, глаза потупленными.

— За неволю станешь избѣгать, — проговорилъ на это невеселымъ голосомъ Аггей Никитичъ:— когда хорошенькія женщины все больше и больше переводятся и умираютъ, какъ умерла вотъ и Людмила Николаевна!

При этомъ Егоръ Егорычъ и Миропѣ Дмитріевна нѣсколько смутились по причинамъ понятнымъ, вѣроятно, читателю.

— Учиться мнѣ надобно, — вотъ что-съ! — продолжалъ майоръ.

— Учиться, конечно, — сказалъ Егоръ Егорычъ: — но не наукамъ, однако, матеріальнымъ, для которыхъ вы уже стары, а наукамъ духа.

— О, я только эти науки и желалъ-бы знать!... — воскликнулъ Аггей Никитичъ. — Но у меня книгъ такихъ нѣтъ... Гдѣ ихъ достанешь?

— Книги я вамъ доставлю и самыя нужныя для васъ; теперь же вы слабы, — пока вамъ нужно душевное и тѣлесное спокойствіе.

— Это совершенно справедливо, — поддержала такое мнѣніе Егора Егорыча Миропѣ Дмитріевна: —

но душевно Аггей Никитичъ не можетъ быть покоенъ,—это что тутъ?... скрывать нечего.

— Почему-же не можетъ?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Потому что Аггею Никитичу надобно устроить свое положеніе, — отвѣчала Миропа Дмитриевна:— они очень тяготятся службою своей...

— Службой?—переспросилъ ее Егоръ Егорычъ.

Аггей Никитичъ, между тѣмъ, продолжалъ сидѣть съ понуренной головой.

— Онъ теперь майоръ, и ему предлагаютъ даже быть начальникомъ кантонистовъ, а это рѣшительно Аггею Никитичу не по характеру! — рассказала за него Миропа Дмитриевна.

— Отчего-же не по характеру? — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Строгость тамъ очень большая требуется!— заговорилъ Аггей Никитичъ.—Ну, представьте себѣ кантониста: мальчикъ лѣтъ съ пяти вмѣстѣ съ матерью нищенствовалъ, занимался и воровствомъ,— нужно ихъ, особенно на первыхъ порахъ, сѣчь, а я этого не могу, и выходить такъ, что или службы не исполняй,—чего я тоже не люблю, — или будь жестокъ.

— Куда же бы вы желали перейти? — интересовался Егоръ Егорычъ.

— Я ничего не знаю и ничего не имѣю въ виду!— проговорилъ Аггей Никитичъ.

— По почтамту нынче очень хорошія мѣста,— вмѣшалась опять въ разговоръ Миропа Дмитриевна:— это было-бы самое настоящее для нихъ мѣсто.

— Какое-же мѣсто по почтамту?—вцѣпился какъ-бы во что-то свое Егоръ Егорычъ.

— Конечно, губернскаго почтмейстера: Аггей Никитичъ теперь маіоръ, при отставкѣ, можетъ быть, получать подполковника, — толковала Миропа Дмитриевна:—не уѣзднаго-же почтмейстера искать имъ мѣста?

— Стало быть, вы совсѣмъ желаете оставить военную службу? — обратился Егоръ Егорычъ къ Аггею Никитичу.

— Желалъ-бы,—отвѣчалъ тотъ, хоть по тону голоса его чувствовалось, что ему все-таки не легко было проститься съ мундиромъ.

Егоръ Егорычъ задумался на довольно продолжительное время.

— Я-бы могъ,—началъ онъ: — завъхать къ Александру Яковличу Булгакову, но онъ уѣхалъ въ свою деревню. Впрочемъ, все равно, я напишу ему письмо, съ которымъ вы, когда онъ возвратится, явитесь къ нему, — онъ васъ приметъ радушно. Дайте мнѣ перо и бумаги!

Миропа Дмитриевна поспѣшила исполнить его требованіе. Егоръ Егорычъ написалъ коротенькое, но внушительнаго свойства письмецо:

«Предъявитель сего письма — одинъ изъ людей, въ которыхъ очень много высокихъ началъ. Онъ желалъ-бы служить гдѣ-нибудь въ провинціи въ вашемъ вѣдомствѣ. Посодѣйствуйте ему: вы въ немъ найдете честнаго и усерднаго служаку!»

Сколько Егоръ Егорычъ написалъ въ жизнь свою ходатайствующихъ писемъ—и перечестъ трудно; но въ этомъ случаѣ замѣчательно было, что всѣ почти

его письма имѣли успѣхъ. Видно, онъ отъ очень добраго сердца и съ искреннимъ удовольствіемъ писалъ ихъ.

Все это болѣе чѣмъ кто-либо поняла и подмѣтила Миропа Дмитріевна: прежде всего она, конечно, понимала самое себя и свое положеніе: поняла, что такое Аггей Никитичъ; уразумѣла также очень вѣрно, какого сорта особа Егоръ Егорычъ. О службѣ Аггея Никитича въ почтовомъ вѣдомствѣ Миропа Дмитріевна заговорила, такъ какъ еще прежде довольно подробно развѣдала о томъ, что должность губернскаго почтмейстера, помимо жалованья, очень выгодна по доходамъ, и сообразила, что если-бы Аггей Никитичъ, получивъ сіе мѣсто, не пожелалъ имѣть этихъ доходовъ, то, будучи близкой ему женщиной, можно будетъ дѣлать это и безъ вѣдома его!... Словомъ, тутъ все было Миропою Дмитріевной предусмотрѣно и рассчитано съ математическою точностію, и лавочки, видимо, были правы, называя ее дамой *обдѣлистой*.

IX.

Кузьмищево рѣшительно ожило: помѣстительный домъ его обильно наполнился господами и прислугой. Большую половину верха занимала адмиральша съ дочерьми, а въ другой половинѣ жилъ Сверстовъ съ своею gnädige Frau. Егоръ Егорычъ обиталъ внизу въ своемъ небольшомъ отдѣленіи. Въ парадныя комнаты каждый вечеръ собиралось все обще-

ство, за исключеніемъ, разумѣется, адмиральши, совершенно не выходившей изъ своей комнаты. Ее началъ серьезно лечить Сверстовъ, объявивши Егору Егорычу и Сусаниѣ, что старуха поражена нервнымъ параличемъ и что у нея все болѣе и болѣе будетъ пропадать связь между мозгомъ и языкомъ, что уже и теперь довольно часто повторялось; такъ, желая сказать: «дайте мнѣ ложку!»—она говорила: «дайте мнѣ лошади!» Муза съ самаго перваго дня прїѣзда въ Кузьмищево все посматривала на фортепіано, стоявшее въ огромной залѣ и про которое Муза по воспоминаніямъ еще дѣтства знала, что оно было превосходное, но играть не рѣшалась, недоумѣвая, можно-ли такъ скоро послѣ смерти сестры заниматься музыкой. Наконецъ, не вытерпѣвъ, Муза спросила о томъ Сусанну и Егора Егорыча.

— Можно! — отвѣчалъ сей послѣдній: — музыка есть ближайшее искусство къ молитвѣ, а молитву ни въ какія минуты жизни нельзя возбранить.

Такимъ образомъ въ одинъ изъ вечеровъ послышалась игра Музы.

Gnädige Frau, управлявшая по просьбѣ Егора Егорыча всѣмъ хозяйствомъ, почти прибѣжала въ залу послушать игру Музы, и послѣ нѣсколькихъ отрывковъ, сыгранныхъ юною музыкантшей, пришла въ восторгъ.

— У васъ большой артистическій талантъ, Муза Николаевна! — воскликнула она съ вспыхнувшимъ взоромъ.—Вы изучали генераль-басъ?

— Да, немного!—отвѣчала Муза.

— Но кто-же вамъ преподавалъ его?—пожелала узнать gnädige Frau.

При этомъ вопросѣ Муза замѣтно сконфузилась.

— Одинъ нашъ хорошій знакомый, — отвѣтила она.

Нашъ хорошій знакомый былъ не кто иной, какъ Лябьевъ, о которомъ я упоминалъ и который сверхъ игры въ четыре руки съ Музой успѣлъ съ ней дойти и до генераль-баса.

— О, генераль-басъ надобно долго и прилежно изучать! — продолжала съ одушевленіемъ gnädige Frau.

Сама она когда-то очень много и подробно изучала генераль-басъ, но, къ сожалѣнію, въ игрѣ ея всегда чувствовалась нѣкоторая сухость.

Муза, впрочемъ, недолго поиграла и, почему-то вдругъ остановившись на половинѣ одной аріи, отозвалась усталостью и ушла къ себѣ наверхъ. Вообще она была какая-то непосѣдливая и какъ будто-бы ее что-то такое тревожило.

По уходѣ ея, gnädige Frau перешла въ гостиную, гдѣ бесѣдовали Сусанна, одѣтая въ черное траурное платье, Егоръ Егорычъ, тоже какъ-бы въ траурѣ, и докторъ Сверстовъ, по обыкновенію художественно-растрепанный. Балконная дверь изъ гостиной была отворена. Она прямо выходила на тѣнистую и длинную аллею Кузьмищевского сада, откуда вѣяло животельной свѣжестью, слышалось, что гдѣ-то кукушка кукуетъ, а тамъ, въ сосѣднихъ лугахъ, коростель кричитъ. Вдобавокъ къ этому въ концѣ аллеи на свѣтломъ фонѣ неба виднѣлся огромный и красноватый обликъ луны, какъ-бы выплывающій изъ сѣроватаго тумана росы.

Бесѣда между <http://royal.org.pl> тремя лицами, ко-

нечно, шла о масонствѣ и въ настоящее время исключительно по поводу книги Сень-Мартена *объ истинѣ и заблужденіяхъ*. Сусанна, уже нисколько не конфузясь, просила своихъ наставниковъ растолковать ей нѣкоторыя мѣста, которыя почему-либо ее или поражали, или казались ей непонятными.

— Что это такое; скажите вы миѣ, — говорила она съ настойчивостью и начала затѣмъ читать текстъ стариннаго перевода книги Сень-Мартена: «Миѣ могутъ сдѣлать возраженіе, что человѣкъ и скоты производятъ дѣйствія внѣшнія, изъ чего слѣдуетъ, что всѣ сіи существа имѣютъ нѣчто въ себѣ и не суть простыя машины, и когда спросятъ у меня: какая-же разница между ихъ началами дѣйствій и началомъ, находящимся въ человѣкѣ, то отвѣтствую: сію разность легко тотъ усмотритъ, кто обратится къ ней внимательно. Всѣмъ, думаю, вѣдомо, что нѣкоторыя существа суть разумѣющія, а другія суть токмо чувствующія; человѣкъ вмѣстѣ то и другое».

Прочитавъ это, Сусанна остановилась и съ раздумянившимся лицомъ взглянула на своихъ слушателей.

— Это просто объяснить!—отвѣчалъ ей первоначально Сверстовъ.—У человѣка есть плоть, т. е. кости, мясо и нервы, и душа божественная, а у животныхъ только кости, мясо и нервы.

— Слѣдуетъ взять дальше!—дополнилъ его Егоръ Егорычъ:—природа расположена по градаціямъ; камень только нарастаетъ, только сочетается и распадаясь стремится—по закону притяженія—сочетаться снова. Растенія тоже растутъ и хоть лишены

передвиженія, но, тѣмъ не менѣе, живутъ; животныя растутъ, двигаются и чувствуютъ. Человѣкъ, по затемненной своей природѣ, чувствуетъ то-же, что и онъ, но въ немъ еще таятся свѣтлый лучъ рая,— онъ стремится мало что двигаться физически, но и духовно, т. е. освобождать въ себѣ этотъ духовный, райскій лучъ и удовлетворяется лишь тогда, когда, побуждаемый этимъ райскимъ лучомъ, придетъ хоть и въ неполное, но приблизительное соприкосновеніе съ величайшей радостью, съ величайшей истиною и величайшимъ могуществомъ Божества.

— Такъ, превосходно!—воскликнулъ Сверстовъ, заерошивъ свою курчавую голову.

— Такъ!—подтвердила и gnädige Frau.

— Теперь я поняла!—сказала Сусанна въ отвѣтъ на брошенный къ ней Егоромъ Егорычемъ вопросительный взглядъ.

— Далѣе чтó вамъ показалось непонятно?—спросилъ онъ.

— Далѣе я не поняла совершенно, что вотъ тутъ говорится о числахъ *четыре* и *девять*! — отвѣчала Сусанна и снова принялась читать изъ книги: — «Числа *четыре* и *девять* я призналъ за свойственныя одно—прямой линіи, а другое—кривой; потщусь доказать это и начну съ числа девяти, съ числа линіи кривой. Безъ сомнѣнія, никому не покажется нескладнымъ представить себѣ окружность, какъ нуль, пбо какая фигура можетъ быть болѣе подобна окружности, какъ нуль? Тѣмъ паче не должно казаться нескладнымъ принять центръ за единицу, потому что въ окружности нельзя быть болѣе одного центра. Всякому же извѣстно, что единица, совокупленная

съ нулемъ, составляетъ десять. Итакъ, можемъ цѣлый кругъ вообразить себѣ яко-бы десять, окружность съ центромъ вмѣстѣ».

«Приступимъ теперь къ доводамъ, почему число *четыре* есть число прямой линіи: прежде всего скажу, что сіе слово — прямая линія, принимаю здѣсь не въ общепринятомъ смыслѣ, означающемъ то протяженіе, которое кажется глазамъ нашимъ ровною чертою, а яко начало токмо. Не видѣли-ль мы, что естественный кругъ растеть вдругъ во всѣ стороны и что центръ его вдругъ мещетъ изъ себя безсчетное и неистощимое множество лучей? Каждый сей лучъ не почитается-ли, по вещественному смыслу, прямою линіей? Да и воистину, по видимой прямизнѣ его и по способности продолжаться до безконечности, онъ есть линія; но поставляю и антитезу сему положенію: мы видимъ, что самый кругъ есть собраніе треугольниковъ, которые всѣ, по своей вещественной тройственности, трехсторонни и, будучи приведены въ союзъ ихъ съ центромъ, представляютъ намъ совершеннѣйшую идею о нашей невещественной *четверцицѣ*».

На послѣднемъ словѣ Сусанна прекратила чтеніе. Егоръ Егорычъ нѣкоторое время теръ себѣ лобъ, но потомъ отнесся къ ней:

— Мнѣ будетъ трудно вамъ это объяснить... Вы, вѣроятно, имѣете слабое даже представленіе о треугольникѣ, но какъ-же я вамъ растолкую, что собственно круга нѣтъ, а это есть многоугольникъ съ микроскопическими сторонами. Впрочемъ, существенно вы одно запомните, что ни линіи, ни точки въ вещественномъ мірѣ нѣтъ; первая есть четверо-

угольникъ, а вторая все-таки кругъ, многоугольникъ, и онъ въ чистомъ видѣ существуетъ только въ нашемъ умѣ; это — прирожденное намъ понятіе изъ міра духовнаго, и Сенъ-Мартенъ главнымъ образомъ хочетъ показать въ этихъ цифрахъ, какъ невещественныя точка и линія сливаются съ вещественными треугольникомъ и кругомъ, хотя то и другое никогда не утрачиваютъ своихъ различій. Впрочемъ какъ-бы тамъ ни было, всей этой части ученія Сенъ-Мартена я никогда не придавалъ особеннаго значенія. Остроумія, если хотите, много, и только!

— Кабалистика!—замѣтилъ Сверстовъ.

— По моему, кабалистическія цифры имѣютъ глубокое значеніе, это ужъ я знаю по собственному опыту!—произнесла *gnädige Frau*.

— А именно?—спросилъ ее Егоръ Егорычъ.

— Именно: тринадцатаго числа умерла мать моя, тринадцатаго по новому стилю скончался мой мужъ... восемнадцатаго мы получили указъ о переводѣ насъ изъ Ревеля.

— Эти цифры собственно апокалипсическія!—перебилъ *gnädige Frau* Егоръ Егорычъ.

— Да, я это знаю,—продолжала та:—и говорю только, что эти цифры были роковыя для меня и моей жизни.

Начавшіяся такимъ образомъ бесѣдованія стали повторяться каждодневно, а время между тѣмъ шло своимъ порядкомъ: жаркое и сухое лѣто смѣнилось холодною и ненастною осенью. Въ одно утро, когда дождь ливня лилъ и когда-бы хорошій хозяинъ собаки на дворъ не выгналъ, Антипъ Ильичъ, сидѣвшій въ своей комнатѣ, рядомъ съ передней, и быв-

шій весь погруженъ въ чтеніе «Сіонскаго Вѣстника», услыхалъ вдругъ колокольцы, которые все ближе и ближе раздавались и, наконецъ, ясно было, что кто-то подѣхалъ къ парадному крыльцу. Антипъ Ильичъ оставилъ свое занятіе и вышелъ на встрѣчу къ пріѣхавшему гостю, который съ виду оказался молодымъ человѣкомъ и уже всходилъ по лѣстницѣ, будучи весь закиданъ грязью. Антипъ Ильичъ, вѣроятно, зналъ этого гостя, потому что, поклонившись вѣжливо, отворилъ передъ нимъ дверь въ переднюю.

— Егоръ Егорычъ и Юлія Матвѣевна у себя?— спросилъ тотъ

— У себя-съ!... Какъ васъ всего измочило!... пожалуй, простудитесь!—произнесъ старикъ съ участіемъ.

— Во всю жизнь мою еще никогда не простуживался, — отвѣчалъ усмѣхаясь молодой человѣкъ, сбрасывая шинель и галоши, причемъ оказалось, что онъ былъ въ щеголеватомъ черномъ сюртукѣ и, имѣя какіе-то черезчуръ ужъ открытые воротнички у сорочки, всей своей наружностью, за исключеніемъ голубыхъ глазъ и некрасиваго, толстоватаго носа, мало напоминалъ русскаго, а скорѣй смахивалъ на итальянца; волосы молодой человѣкъ имѣлъ густые, вьющіеся и приподнятые вверхъ; небольшіе и сильно нафабранные усики лежали у него на губахъ какъ-бы двѣ приклеенныя раковинки, а также на подобную приклеенную раковинку походила и эспаньолка его.

— А тутъ я ничего?—продолжалъ молодой человѣкъ, показывая на платье свое.

— Тутъ франты! — говорилъ Антипъ Ильичъ, сѣвша обтереть немного загрязнившееся платье у гостя. Опрятность Антипъ Ильичъ ставилъ превыше многихъ добродѣтелей человѣческихъ.

Когда молодой человѣкъ, отпущенный, наконецъ, старымъ камердинеромъ, вошелъ въ залу, его съ оника встрѣтила Муза, что было и не мудрено, потому что она цѣлые дни проводила въ залѣ идѣя предлогомъ яко-бы игры на фортепіано, на котормъ, впрочемъ, играла немного, и все больше смотрѣла въ окно, изъ котораго далеко было видно, кто ѣдетъ по дорогѣ къ Кузьмищеву.

— Ахъ, это вы!... Вотъ кто пріѣхалъ!—произнесла какъ-бы съ удивленіемъ Муза, но врядъ-ли она искренно удивилась. — Подождите тутъ, я предупредю объ васъ мамашу и Сусанну!—присовокупила она, но и тутъ ей, кажется, предупредомлять было не для чего, — по крайней мѣрѣ Сусанну, — потому что та, услыхавъ отъ сестры, кто пріѣхалъ, не выразила никакого недоумѣнія касательно пріѣзда неожиданнаго гостя, а сейчасъ-же и прежде всего пошла къ Егору Егорычу.

— Къ вамъ пріѣхалъ нашъ общій съ вами знакомый, Лябьевъ; онъ такъ хорошо знакомъ со всѣмъ нашимъ семействомъ, — объявила она тому.

— Я радъ, я радъ! — забормоталъ Егоръ Егорычъ и торопливо пошелъ гостю на встрѣчу.

Лябьевъ началъ съ извиненія, что онъ явился.

— Что за извиненія, къ чему! — перебилъ его съ первыхъ-же словъ Егоръ Егорычъ.— Я радъ всякому, вамъ въ особенности: вашъ музыкальный талантъ дѣлаетъ честь каждому, кого вы посѣтите!

Въ отвѣтъ на это Лябьевъ слегка ему поклонился.

Сусанна потомъ пошла и сказала матери, что Лябьевъ пріѣхалъ. Старуха неимоверно обрадовалась и потребовала, чтобы къ ней тоже привели гостя. Сусанна сообща съ Музой привели ей того.

— Вотъ я какая стала! — сказала старуха, по-казывая на себя.

Лябьевъ постарался выразить на лицѣ своемъ сожалѣніе.

— А Людмила у насъ уѣхала... — рассказывала старушка, желавшая, конечно, сказать, что Людмила умерла.

Лябьевъ и на это выразилъ молчаливой миной сожалѣніе.

Передъ тѣмъ какъ сѣсть за столъ, произошло со стороны Егора Егорыча церемонное представленіе молодаго Лябьева доктору Сверстову и gnädige Frau, которая вслѣдъ затѣмъ не безъ важности сѣла на предсѣдательское мѣсто хозяйки, а мужъ ея принялся внимательно всматриваться въ молодаго человѣка, какъ будто-бы въ наружности того его что-то очень поражало.

Послѣ обѣда Муза и Лябьевъ, по просьбѣ хозяина, стали играть въ четыре руки, и хотя Лябьевъ игралъ секундо, а Муза primo, но gnädige Frau хорошо поняла, какъ онъ много былъ образованиѣе и ученѣе въ музыкальномъ смыслѣ своей соигрицы. Gnädige Frau втайнѣ чрезвычайно желала-бы сыграть съ Лябьевымъ что-нибудь, чтобы показать ему, какъ и она тоже была образована въ этомъ отношеніи;

но, оставъ столь давно отъ музыки, она не рѣшалась высказать этого желанія.

Вечеромъ масонскіе разговоры въ присутствіи новаго лица, конечно, не могли начаться, а дождь между тѣмъ хлесталъ въ окна. Музыка тоже утомила нѣсколько играющихъ.

— Въ бостонѣ надобно засѣсть! — подалъ мысль Сверстовъ, знавшій, что его *gnädige Frau* до страсти любитъ эту игру.

— Хорошо! — одобрилъ Егоръ Егорычъ. — А вы играете въ бостонѣ? — спросилъ онъ Лябьева.

— Играетъ! — отвѣчала за него Муза.

— Я играю во всѣ игры, — повторилъ за нею Лябьевъ.

Игроки усѣлись въ большой гостиной.

Партія собственно составилаь изъ Сверстова, *gnädige Frau*, Егора Егорыча и Лябьева; барышни же усѣлись около играющихъ: Муза возлѣ Лябьева, а Сусанна близъ Егора Егорыча.

— По маленькой мы, разумѣется, играемъ! — поставила *gnädige Frau* своимъ условіемъ.

— Конечно! — подхватилъ Егоръ Егорычъ.

— По какой только угодно вамъ цѣнѣ, — отозвался съ усмѣшкою Лябьевъ.

Сверстовъ весьма дурно и рѣдко игралъ въ карты и даже тасовалъ ихъ внатруску, какъ тасуютъ лакеи, играя въ свою *подкаретную*, вслѣдствіе чего, можетъ быть, онъ и обратилъ невольнo вниманіе на ловкость и умѣлость, съ какой молодой человѣкъ, когда ему пришла очередь сдавать, исполнилъ это. Затѣмъ въ самой игрѣ не произошло ничего осо-

беннаго, кромѣ развѣ того, что Либьевъ всѣхъ обыгралъ, что́, впрочемъ, и сдѣлать ему было очень не трудно, потому что Егоръ Егорычъ кидаль карты почти механически и все взглядывалъ безпрестанно на Сусанну; Сверстовъ, какъ и всегда это было, плелъ лапти; что-же касается до gnädige Frau, то она хоть и боролась довольно искусно съ молодымъ человѣкомъ, но все-таки была имъ побѣждена.

Послѣ ужина, когда всѣ разошлись по своимъ спальнямъ, между gnädige Frau и ея супругомъ произошелъ разговоръ, имѣющій нѣкоторое значеніе.

— Какой прекрасный и серьезный музыкантъ Либьевъ! — произнесла gnädige Frau, улегшись на свою отдѣльную отъ мужа постель и закидывая костлявыя руки себѣ подъ голову.

— Онъ, по моему, еще бѣльшій музыкантъ въ картахъ, — отвѣчалъ ей съ совершенно несвойственнымъ ему озлобленіемъ Сверстовъ.

— Это ты почему думаешь? — спросила его съ недоумѣніемъ gnädige Frau.

— Потому что фізіономія его мнѣ не нравится: въ ней есть что-то непріятное, какъ это бываетъ иногда у шулеровъ! — проговорилъ Сверстовъ и отвернулся къ стѣнѣ, чтобы не сказать какой-нибудь еще бѣльшей рѣзкости.

Въ послѣдовавшіе затѣмъ два-три дня началось въ кузьмищевскомъ домѣ какое-то всеобщее шушуканье. Прежде всего шушукала Муза съ Сусанной, шушукала Сусанна съ Егоромъ Егорычемъ, шушукала gnädige Frau съ супругомъ своимъ, причемъ докторъ замѣтно выражалъ неудовольствіе, а gnädige Frau что-то такое старалась втолковать ему,

но докторъ не убѣждался; шушукали затѣмъ Муза и Лябьевъ, начавшіе все время гулять вдвоемъ, не смотря на холодную погоду, въ длинной аллеѣ сада; шушукались, наконецъ, Фадѣевна съ Антипомъ Ильичемъ, который послѣ того напролетъ началъ промаливаться всѣ ночи, какъ-бы испрашивая чему-то благословеніе Божіе.

Въ результатъ всего этого на четвертый-же день Егоръ Егорычъ за обѣдомъ, за которымъ ради чего-то появилось шампанское, разлитое Антипомъ Ильичемъ по бокаламъ, вдругъ всталъ съ своего мѣста и провозгласилъ съ поднятіемъ бокала:

— Позвольте васъ просить, друзья мои, выпить тостъ за здоровье жениха и невесты, Музы Николаевны и Аркадія Михайлыча, которымъ сегодня Юлія Матвѣевна дала согласіе на вступленіе въ бракъ!

Gnädige Frau первая и съ замѣтнымъ удовольствіемъ вынила свой бокалъ; она очень любила, когда сочетавались брачными узами талантъ съ талантомъ, что и было ею высказано жениху и невестѣ. Выпилъ также и докторъ, но только совершенно молча, такъ что это замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Отчего вы такой недовольный? — сказалъ онъ своему другу, когда встали изъ-за стола и разошлись по разнымъ угламъ.

— Такъ себѣ, и самъ не знаю почему, — отвѣчалъ Сверстовъ сначала уклончиво.

— Можетъ быть, вамъ не нравится предстоящій бракъ Музы съ Лябьевымъ? — допытывался Егоръ Егорычъ.

— Не нравится!—отвѣтилъ ему уже откровенно Сверстовъ.

— По какимъ собственно соображеніямъ?

— Ни по какимъ особенно, больше по предчувствію,—проговорилъ Сверстовъ.

Сколь ни мало были опредѣленны слова друга, но они видимо обезпекчили Егора Егорыча, такъ что онъ отыскалъ Сусанну и сказалъ ей:

— Сверстову не нравится бракъ Музы съ Лябьевымъ.

Сусанна нахмурилась.

— Не нравится?—спросила она.

— Да, и не нравится по предчувствію,—отвѣчалъ ей Егоръ Егорычъ.

— Все въ волю Божіей, на предчувствіе нельзя вполнѣ полагаться,—возразила она, хоть, кажется, и самой ей не безусловно былъ по вкусу выборъ сестры: то, что Лябьевъ былъ такой-же страстный и азартный игрокъ, какъ и Ченцовъ, знала вся губернія, знала и Сусанна.

Всѣ хлопоты по свадьбѣ въ смыслѣ распоряженій пали на gnädige Frau, а въ смыслѣ расходовъ — на Егора Егорыча. Женихъ, какъ только дано ему было слово, объявилъ, что онъ Музу Николаевну беретъ такъ, какъ она есть, а потому проситъ не хлопотать о туалетѣ невѣсты, который и нельзя сдѣлать, хоть сколько-нибудь порядочный, въ губернскомъ городѣ, а также не отдѣлять его будущей женѣ какого-либо состоянія, потому что онъ самъ богатъ. Когда эти слова его были переданы Сусанной матери, старуха вдругъ взбунтовалась.

— Я не могу этого, не могу!—заговорила она

уже очень чисто и внятно.—У меня состояніе все не мое, а дѣтское, хоть мужъ и оставилъ его мнѣ, но я теперь-же хочу его раздѣлить между дочерьми.

— Это и раздѣлится!—хотѣлъ было успокоить ее Егоръ Егорычъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ.

— Бумагу, бумагу дайте мнѣ написать!... Музѣ отдаю подмосковное имѣніе, а Сусаннѣ прочее! — опять такъ же ясно и отчетливо выговорила Юлія Матвѣевна: инстинктъ матери, какъ и въ назначеніи дочерямъ именъ, многое ей подсказалъ въ этомъ ея желаніи.

Егоръ Егорычъ, понявъ, что старуху въ этомъ случаѣ не переубѣдишь, на другой день послалъ въ городъ за секретаремъ уѣзднаго суда, который и написалъ на имя Музы дарственную отъ Юліи Матвѣевны, а на имя Сусанны—духовную. Юлія Матвѣевна, подписавъ эти бумаги, успокоилась и затѣмъ начала тревожиться, чтобы свадьба была отпразднована какъ слѣдуетъ, то-есть, чтобы у жениха и невѣсты были посаженные отцы и матери, а также и шафера; но гдѣ-жъ было взять ихъ въ деревенской глуши, тѣмъ болѣе, что женихъ, оставшійся весьма недовольнымъ, что его невѣсту награждаютъ приданымъ и что затѣваютъ торжественность, просилъ объ одномъ, чтобы свадьба скорѣе была совершена, потому что московскій генералъ-губернаторъ, у котораго ояъ послѣднее время зачислился чиновникомъ особыхъ порученій, требовалъ, будто-бы, непременно его пріѣзда въ Москву. Принявъ послѣднее обстоятельство во вниманіе на семейномъ совѣщаніи, происходившемъ между Егоромъ Егорычемъ, Сусанной,

gnädige Frau и Сверстовымъ, положено было обмануть старуху: прежде всего, докторъ объявилъ ей, что она, — ежели не желаетъ умереть, — никакъ не можетъ сходить внизъ и участвовать въ свадебной церемоніи, а потомъ Егоръ Егорычъ ей сказалъ, что отцы и матери посаженные и шафера есть, которые дѣйствительно и были, но не въ томъ числѣ, какъ желала старушка. Посаженой матерью у Лябьева была gnädige Frau, посаженнымъ отцомъ у неvěсты Сверстовъ; Егоръ-же Егорычъ былъ шаферомъ у Музы и держалъ надъ нею вѣнецъ, а женихъ обошелся и безъ поддержки, надѣвъ самъ крѣпко на голову брачную корону.

На другой день послѣ свадьбы молодые уѣхали прямо въ Москву.

Х.

Съ отъѣздомъ Музы въ кузьмищевскомъ домѣ воцарилась почти полная тишина: игры на фортепіано больше не слышно было; по вечерамъ не устраивалось ни картъ, ни бесѣдъ въ гостиной, что, можетъ быть, происходило оттого, что въ послѣднее время Егоръ Егорычъ, вслѣдствіе-ли болѣзни или потому что размышлялъ о чемъ-нибудь важномъ для него, не выходилъ изъ своей комнаты и оставался въ совершенномъ уединеніи. Сусанна, между тѣмъ, все болѣе и болѣе сближалась пли, точнѣе сказать, дружилась съ gnädige Frau: цѣлые вечера онѣ ходили вдвоемъ по залѣ, которая иногда не была даже и освѣщена. Сначала gnädige Frau раз-

сказывала Сусаннѣ свою прошлую жизнь, описывая, какъ она въ юныхъ лѣтахъ была гувернанткою, какъ вышла за-мужъ за пастора, съ которымъ такъ же была счастлива, какъ и съ теперешнимъ ея мужемъ.

— А съ Егоромъ Егорычемъ вы давно знакомы?—спросила ее однажды Сусанна.

— Ближко я его узнала недавно,—отвѣчала gnädige Frau:—но много слышала объ немъ отъ мужа моего, Сверстова, съ которымъ Егоръ Егорычъ лѣтъ двадцать друженъ.

— Гдѣ-же они подружились?—интересовалась Сусанна.

Gnädige Frau на первыхъ порахъ затруднилась нѣсколько отвѣтить.

— Какъ мнѣ вамъ это сказать!—заговорила она съ осторожностью.—Они подружились потому, что, если только это знаете, Егоръ Егорычъ былъ масонъ.

— Да, знаю, — это мнѣ говорила тата и покойная сестра Людмила!—подхватила съ живостью Сусанна.

— Сверстовъ также былъ масонъ! — продолжала gnädige Frau все-таки съ осторожностью:—съ этого и началась ихъ дружба. И я тоже масонка!—присовокупла она послѣ нѣкотораго молчанія и немножко улыбаясь.

— А развѣ женщины могутъ быть масонками?—полувоскликнула Сусанна.

— Отчего-же имъ не быть? — воскликнула, въ свою очередь, съ нѣкоторымъ удивленіемъ gnädige

Грау.—Я даже была въ Геттингенѣ, по поручительству моего перваго мужа, принята въ ложу.

— Стало-быть, есть и женскія ложи?—разспрашивала съ возрастающимъ любопытствомъ Сусанна.

— Есть, но только смѣшанныя, состоящія изъ мужчинъ и женщинъ и работающія въ двухъ лишь степеняхъ: ученицъ и товаровъ, — хотъ покойный мужъ мнѣ говорилъ, что онъ зналъ одну даму, которая была даже гросмейстеромъ.

Сусанна слушала, какъ-бы не совсѣмъ понимая то, что говорила ей gnädige Frau. Та замѣтила это и спросила:

— Вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, что у масоновъ три степени: ученикъ, товарищъ и мастеръ, и изъ числа послѣднихъ выбирается начальникъ всей ложи, который носить титулъ великаго мастера.

— Въ первый разъ слышу объ этомъ!—призналась Сусанна.— Но что-же они обыкновенно работали?—прибавила она.

— Въ первой, ученической степени масонамъ преподавались правила любви и справедливости, которыми каждому челоуѣку необходимо руководствоваться въ жизни; во второй ихъ учили, какъ должно бороться со своими страстями и познавать самого себя, и въ третьей, высшей степени мастера, они подготовлялись къ концу жизни, который есть ни что иное, какъ долженствующее для нихъ вскорѣ настать безсмертіе.

— Но откуда-же произошли эти названія: ученикъ, товарищъ, мастеръ?

— Ахъ, эти названія я могу вамъ объяснить, но для этого должно начать со слова: масонъ! — вос-

кликнула съ одушевленіемъ *gnadige Frau*. — Вы, конечно, понимаете что по-русски оно значитъ каменьщикъ, и масоны этимъ именемъ назвались въ воспоминаніе Соломона, который, какъ вы тоже, вѣроятно, учили въ священной исторіи, задумалъ построить храмъ іерусалимскій; главнымъ строителемъ и архитекторомъ онъ выбралъ *Адомирама*; рабочихъ для постройки этого храма было собрано полтора ста тысячъ, которыхъ *Адомирамъ* раздѣлилъ на учениковъ, товарищей и мастеровъ, и каждой изъ этихъ степеней онъ далъ символическое слово: ученикамъ *Іоакимъ*, товарищамъ *Воозъ*, а мастерамъ *Іегова*, но такъ, что мастера знали свое наименованіе и наименованіе низшихъ степеней, товарищи свое слово и слово учениковъ, а ученики знали только свое слово. Сдѣлалъ онъ это затѣмъ, чтобы, расплачиваясь съ рабочими, не ошибиться какъ-нибудь, и когда тѣ получали отъ него плату, то каждый долженъ былъ шепнуть *Адомираму* свое наименованіе, сообразно которому онъ и выдавалъ, что слѣдовало. Догадавшись объ этомъ, три жадные ученика: *Фаноръ*, *Амру* и *Маѳусаилъ*, желавшіе получать больше денегъ, рѣшились выпытать у *Адомирама* слово мастеровъ. Воспользовавшись тѣмъ, что по вечерамъ *Адомирамъ* ходилъ осматривать въ храмъ работы, послѣдній изъ нихъ, *Маѳусаилъ*, остановилъ его у южныхъ воротъ и сталъ требовать отъ него слово мастеровъ; но *Адомирамъ* отказалъ ему въ томъ и получилъ за то отъ *Маѳусаила* ударъ молоткомъ; потомъ то-же повторилось съ *Адомирамомъ* у сѣверныхъ воротъ, гдѣ *Фаноръ* ударилъ его киркой. Несчастный *Адомирамъ* бро-

силея спастись, но едва онъ успѣлъ кинуть въ колодезь золотой священный треугольникъ, чтобы онъ не достался кому-либо изъ непосвященныхъ, какъ былъ встрѣченъ у воротъ Амру, которому онъ тоже не открылъ слова мастера и былъ имъ за то заколотъ на смерть циркулемъ. Тѣло Адонирама убійцы тайно вынесли изъ храма и вмѣстѣ съ этимъ тѣломъ куда-то скрылись. Соломонъ очень разгнѣвался по этому случаю и, выбравъ девять старѣйшихъ мастеровъ, велѣлъ имъ непремѣнно отыскать трупъ Адонирама и измѣнить свое символическое слово *Иегова*, ибо, по своей великой мудрости, Соломонъ догадался, что ученики убили Адонирама, выпытывая у него слово мастера. Избранники сѣи пошли отыскивать трупъ и, по тайному предчувствію, взошли на одну гору, гдѣ и хотѣли отдохнуть, но когда прилегли на землю, то почувствовали, что она была очень рыхла; заподозривъ, что это была именно могила Адонирама, они воткнули въ это мѣсто для памяти вѣтку акаціи и возвратились къ прочимъ мастерамъ, съ которыми на общемъ совѣщаніи было положено: замѣнить слово *Иегова* тѣмъ словомъ, какое кто-либо скажетъ изъ нихъ, когда тѣло Адонирама будетъ найдено; оно дѣйствительно было отыскано тамъ, гдѣ предполагалось, и когда одинъ изъ мастеровъ взялъ труиъ за руку, то мясо сползло съ костей, и онъ въ страхѣ воскликнулъ: *макбенакъ*, что по-еврейски значитъ: «плоть отдѣляется отъ костей». Слово это и взято было мастерами вмѣсто слова *Иегова*.

Сусанна прослушала эту легенду съ трепетнымъ вниманіемъ. Въ ея молодомъ воображеніи съ необы-

новенною живостью нарисовался этотъ огромный, темный храмъ іерусалимскій, сцена убійства Адонирама и, наконецъ, мудрость царя Соломона, нѣкогда изрекшаго двумъ судившимся у него матерямъ, что ребенокъ, предназначенный имъ къ разсѣченію, долженъ остаться живъ и принадлежать той, которая отказалась, что она мать ему.

Въ слѣдующіе затѣмъ вечера, а ихъ прошло немалое число, Сусанна начала ужь сама заговаривать объ масонствѣ и спрашивать gnädige Frau о разныхъ подробностяхъ, касающихся этого предмета.

— Но гдѣ-же и кто учить учениковъ?— пожелала она знать.

Gnädige Frau нѣсколько мгновений видимо колебалась, но потомъ, какъ-бы сообразивъ pro и contra, сказала Сусаннѣ:

— Вотъ видите, прелесть моя, то, что я вамъ уже рассказывала и буду дальше еще говорить, мы можемъ сообщать только лицамъ, желающимъ поступить въ масонство и которыя у насъ называются *ищущими*; для прочихъ-же всѣхъ людей это должно быть тайной глубокой.

— Ахъ, я готова быть ищущей! — проговорила почти умоляющимъ голосомъ Сусанна.

— Это я предчувствовала еще прежде, что меня и вызвало на пескромность, — продолжала gnädige Frau съ чувствомъ:—и я теперь прошу васъ объ одномъ, чтобы вы ни роднымъ вашимъ, ни друзьямъ, ни знакомымъ вашимъ не рассказывали того, что отъ меня услышите!... Даже Егору Егорычу не говорите, потому что это можетъ быть ему неприятно.

— Никому въ мірѣ не скажу того!—воскликнула, но почти шепотомъ, Сусанна.

— Вѣрю вамъ!—произнесла gnädige Frau и, поцѣловавъ съ нѣжностью свое «прелестное существо», приступила къ отвѣтамъ на вопросы:— Вы интересовались, гдѣ и кто училъ учениковъ масонскихъ?.. Это дѣлалось обыкновенно въ ложахъ, при собраніи многихъ членовъ и подъ руководствомъ обыкновенно товарища, а иногда и мастера.

— И какъ-же ихъ учили? — любопытствовала Сусанна.

— А такъ-же вотъ, какъ и Егоръ Егорычъ началъ васъ учить: имъ указывали книги, какія должно читать, и когда они чего не понимали въ этихъ книгахъ, имъ ихъ риторы растолковывали.

— Я не знаю, что такое риторъ? — произнесла съ наивностью Сусанна.

— О, риторъ—лицо очень важное! — толковала ей gnädige Frau.— По моему, его обязанности труднѣй обязанности великаго мастера. Покойный мужъ мой, который никогда не былъ великимъ мастеромъ, но всегда выбирался риторомъ, обыкновенно съ такою убѣдительностью представлялъ трудность пути масонства и такъ глубоко заглядывалъ въ душу ищущихъ, что нѣкоторые устранились и отказывались, говоря: «нѣтъ, у насъ не достанетъ силъ нести этотъ крестъ!»

— Чего-жь они больше устранились?... Совѣсти, что-ли, своей?...—спросила Сусанна.

— Конечно, прежде всего, совѣсти своей; а кромѣ того, тутъ и обряды очень страшные: васъ съ завязанными глазами посадятъ въ особую темную

комнату, въ которую входитъ риторъ. Онъ съ приставленною къ груди вашей шпагой водить васъ по ужасному полу, нарочно изломанному и перековерканному, и тутъ-же объясняетъ, что такъ мы странствуемъ въ жизни: прошедшее для насъ темно, будущее неизвѣстно, и мы знаемъ только настоящее, что шпага, приставленная къ груди, можетъ вонзиться въ нее, если избираемый сдѣлаетъ одинъ ложный шагъ, ибо онъ не видитъ пути, по которому теперь идетъ, и не можетъ распознавать препятствій, на немъ лежащихъ. «Васъ,—говоритъ риторъ,—ведетъ рука, которой вы тоже не видите; если вы будете ею оставлены, то гибель вашѣ неизбежна. Страсти и слабости, обыкновенно затмевая внутреннй свѣтъ, ведутъ насъ въ ослѣпленіи по неизвѣстнымъ путямъ, и если-бы невидимая рука не путеводствовала насъ, мы-бы давно погибли». Знаете, какъ послушаешь эти слова, то у кого на душѣ не совсѣмъ чисто и рѣшеніе его не очень твердо, такъ морозъ пробѣжитъ по кожѣ.

— Неужели-же съ вами все это дѣлали и вы не испугались?—проговорила съ удивленіемъ Сусанна.

— Рѣшительно все это исполнили и со мной!... Конечно, я чувствовала сильное волненіе и еще больше того—благоговѣйный страхъ; но ритору моему, однако, отвѣчала съ твердостью, что я жена масона и должна быть масонкой, потому что мужъ и жена въ такомъ важномъ предметѣ не могутъ разнo мыслить!

— А развѣ масонками могутъ быть только жены масоновъ?—замѣтила Сусанна.

— То есть, въ ложу вступить можетъ только жена масона.

Сусанна при этомъ печально потупила головку.

— Но что такое сама ложа представляетъ? — спросила она.

— Это обыкновенная комната!... Въ Геттингенѣ, гдѣ я была принимаема, она находилась въ бывшемъ винномъ погребѣ, но превосходно отдѣланномъ... Въ восточной сторонѣ ея помѣщался жертвенникъ, на которомъ лежала раскрытая библія; на полу разстился обыкновенный масонскій коверъ... Къ этому алтарю надзиратель подвелъ меня. Великій мастеръ сказалъ мнѣ привѣтствіе, послѣ чего я стала однимъ колѣномъ на подушку и они мнѣ дали раскрытый циркуль, ножку котораго я должна была приставить къ обнаженной груди моей, и въ такомъ положеніи заставили меня дать клятву, потомъ приложили мнѣ къ губамъ печать Соломона, въ знакъ молчанія, и тутъ-то наступила самая страшная минута! Я была брезглива съ рожденія, но никогда не была, въ то-же время, пуглива и труслива; но, признаюсь, чуть не упала въ обморокъ, когда приподняли немного повязку на моихъ глазахъ, и я увидала при синеватомъ освѣщеніи спиртовой лампы прямо передъ] собою только-что принятую передъ тѣмъ сестру въ окровавленной одеждѣ.

— Кто-жь это ее и зачѣмъ окровавилъ? — воскликнула Сусанна, даже дрожавшая отъ рассказа gnädige Frau.

— Это, какъ впоследствии я узнала, — продолжала та:—означало, что путь масоновъ тернистъ и

что они съ первыхъ шаговъ покрываются ранами и кровью; но, кромѣ того, я вижу, что со всѣхъ сторонъ братья и сестры держатъ обнаженные шпаги, обращенныя ко мнѣ, и тутъ ужь я не въ состояніи была совладать съ собой и вскрикнула; тогда великій мастеръ сказалъ мнѣ: «успокойтесь, *gnädige Frau*, шпаги эти только видимымъ образомъ устремлены къ вамъ и пока еще онѣ за васъ; но горе вамъ, если вы нарушите вашу клятву и молчаливость,—мы всюду имѣемъ глаза и всюду уши: при недостойныхъ поступкахъ вашихъ, всѣ эти мечи будутъ направлены для наказанія васъ», и что онъ дальше говорилъ, я не поняла даже и очень рада была, когда мнѣ повязку опять спустили на глаза; когда-же ее совсѣмъ сняли, ложа была освѣщена множествомъ свѣчей и мнѣ стали дарить разные масонскія вещи.

— Ахъ, я видала эти эти масонскія вещи! — перебила ее Сусанна.

— Гдѣ? — спросила ее *gnädige Frau* съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Вотъ здѣсь, у Егора Егорыча, въ Кузьмищевѣ! — объяснила Сусанна, покраснѣвъ въ лицѣ.

— Онъ вамъ самъ показывалъ ихъ? — продолжала *gnädige Frau* съ прежнимъ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала Сусанна: — но мы въ тотъ годъ цѣлое лѣто гостили у него, а покойная сестра Людмила была ужасная шалунья, и онъ съ ней былъ всегда очень откровененъ, — она меня тихонько провела въ его комнату и вынула изъ его стола какой-то точно передникъ, бѣлый, пребѣлый!...

— Это законъ! — доиснула ей *gnädige Frau*: —

Онъ изъ твердой замши дѣлается и дѣйствительно всегда очень бѣлъ, въ знакъ того, что всякій масонъ долженъ быть твердъ, постояненъ и чистъ!...

— Но потомъ Людмила мнѣ гораздо ужъ позже показывала бѣлыя женскія перчатки, которыя Егоръ Егорычъ ей подарилъ и которыя тоже были масонскія.

— Стало быть, онъ сватался къ ней?—воскликнула gnädige Frau.

— Да, — отвѣчала Сусанна, потупляя глаза: — онъ ее очень любилъ!...

— А она?—спросила gnädige Frau.

— Нѣтъ, она его уважала, но любила другаго!—объяснила Сусанна и поспѣшила перемѣнить тяжелый для нея, по семейнымъ воспоминаніямъ, разговоръ.—И этимъ кончилось ваше посвященіе?

— Почти,—сказала gnädige Frau: — потому что потомъ мнѣ стали толковать символическія изображенія ковра, который, впрочемъ, у масоновъ считается очень многознаменательною вещью.

— Почему-же многознаменательною?

— Теперь, моя прелесть, довольно поздно,—сказала въ отвѣтъ на это gnädige Frau:—а объ этомъ придется много говорить; кромѣ того, мнѣ трудно будетъ объяснить все на словахъ; но лучше вотъ что... завтрашній день вы поутру приходите въ мою комнату, и я вамъ покажу такой коверъ, который я собственными руками вышила по канвѣ.

Сусанна до глубины души обрадовалась такому предложенію и на другой день, какъ только одѣлась, сейчасъ-же пришла въ комнату gnädige Frau, гдѣ и нашла коверъ повѣшеннымъ, какъ ландкарта, на

стѣну, и онъ ее первоначально поразилъ пестротой своей и странными фигурами, на немъ изображенными. Она увидала тутъ колонны, солнце, луну, но gnädige Frau прежде всего обратила ея вниманіе на другое.

— Видите-ли вы эту рамку кругомъ? — начала она.

— Да, и какая она красивая! — отвѣчала Сусанна.

— Красоты особенной въ ней нѣтъ, — возразила gnädige Frau: — но она важна по символу.

Сусанна принялась слушать съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Рамка эта, заключающая въ себѣ фигуры, — продолжала gnädige Frau: — означаетъ, что хитрость и злоба людей заставляютъ нова масоновъ быть замкнутыми и таинственными, тѣмъ не менѣе эти буквы на рамкѣ: N, S, W и O, выражаютъ четыре страны свѣта и говорятъ масонамъ, что, не смотря на воздвигаемыя имъ преграды, они уже вышли чрезъ нарисованныя у каждой буквы врата и распространились по всемъ странамъ міра.

— А эта веревка съ кистями что такое? — спросила Сусанна.

— Это жгутъ, которымъ задергивалась завѣса въ храмѣ Соломона передъ Святой Святыхъ, — объяснила gnädige Frau: — а подъ ней, какъ видите, солнце, луна, звѣзды, и всеэто символизируетъ, что человѣкъ, если онъ удостоился любви Божіей, то можетъ остановить, какъ Иисусъ Навинъ, теченіе солнца и луны, — вы, конечно, слышали объ Иисусѣ Навинѣ?

— О, да, меня батюшка-священникъ въ инсти-

тутъ очень любила за то, что я отлично знала катехизисъ и священную исторію.

— Это я вижу теперь!—сказала gnädige Frau и продолжала толковать: — Эти фигуры изображаютъ камни; одинъ, неотесанный и грубый, представляетъ человѣка въ его грѣховномъ несовершенствѣ, а этотъ правильный и изящный, говоритъ, какимъ человѣкъ можетъ быть послѣ каменщицкой работы надъ своимъ сердцемъ и умомъ... Прямоугольникъ этотъ, отвѣсъ, циркуль, молотокъ—обыкновенныя орудія каменщиковъ; но у масоновъ они составляютъ матеріальные феномены: циркуль выражаетъ, что Богъ этимъ далеко распростертымъ циркулемъ измѣряетъ и разыскиваетъ работу масоновъ!... Отвѣсъ и прямоугольникъ указываютъ, чтобы мы во всѣхъ поступкахъ нашей жизни поступали по требованію нашей совѣсти!... Молотокъ предписываетъ послушаніе и покорность масонамъ, потому что великій мастеръ однимъ нешумнымъ и легкимъ ударомъ побуждаетъ все собраніе къ истинѣ и вниманію.

— А это какое изображеніе?—показала Сусанна на кирку.

— Это лопаточка каменщиковъ, которая повелѣваетъ масонамъ тщательно заравнивать разсѣлины и ямки сердца нашего, которыя производятъ въ насъ высокомеріе, гнѣвъ, отчаяніе...

— Господи, какъ это хорошо!—воскликнула Сусанна, уже садясь на стулъ и беря себя за голову.

— А эти столбы и мозаическій полъ взяты въ подражаніе храму Соломона; большая звѣзда означаетъ тотъ священный огонь, который постоянно горѣлъ въ храмѣ... — начала было дотолковывать

gnädige Frau, но, замѣтивъ, что Сусанна была очень взволнована, остановилась и, сѣвъ съ нею рядомъ, взяла ее за руку.

— Васъ заняло все это, мое прелестное существо?—сказала она растроганнымъ голосомъ.

— Ужасно, ужасно!... — воскликнула Сусанна:— я чрезвычайно-бы желала быть масонкой.

— Надѣюсь, что въ этомъ случаѣ вами руководить не одно только любопытство? — допрашивала ее, какъ-бы риторъ, gnädige Frau.

— Видитъ Богъ, нѣтъ!... Клянусь въ томъ моей матерью, тѣнью моей умершей сестры...

— Если въ васъ это душевное состояніе продолжится, то ваше желаніе исполнится, и вы будете масонкой! — произнесла съ торжественностью gnädige Frau.

— Но какъ-же это?... Я должна быть женой масона?

— Исполнится!—повторила еще разъ съ торжественностью gnädige Frau.—А теперь пока довольно: вы слишкомъ утомлены и взволнованы, — добавила она:—подите къ себѣ, уединитесь и помолитесь!

Сусанна повиновалась ей и ушла.

Gnädige Frau, между тѣмъ, объ этихъ разговорахъ и объясненіяхъ съ прелестнымъ существомъ въ непродолжительномъ времени сообщила своему мужу, который обыкновенно являлся домой только спать; цѣлые-же дни онъ возился въ больницѣ, объѣзжалъ сосѣднія деревни, изъ которыхъ доходилъ до него слухъ, что тамъ много больныхъ, лечилъ даже у крестьянъ лошадей, коровъ, и когда онъ такимъ образомъ возвратился однажды домой и, выпивъ

своей любимой водочки, принялся ужинать, то gnädige Frau подошла къ нему.

— Я очень начинаю любить Сусанну и много говорю съ ней о разныхъ разностяхъ, — начала она издалека.

— Отлично это дѣлаешь!... Ты совершенно справедливо прозвала ее прелестнѣйшимъ существомъ!.. — отозвался докторъ.

— Но извѣстно-ли тебѣ, — продолжала gnädige Frau послѣ короткаго молчанія: — что Сусанна жаждетъ быть масонкой?

Докторъ даже встрепенулся отъ удовольствія и удивленія.

— Превосходно! Какая-же можетъ быть помѣха тому? — проговорилъ онъ съ обычнымъ ему оптимистическимъ взглядомъ.

— Помѣха есть!... Ты забываешь, — возразила ему предусмотрительная gnädige Frau: — что для того, чтобы быть настоящей масонкой, не на словахъ только, надо вступить въ ложу, а гдѣ нынче ложа?

При этомъ замѣчаніи докторъ почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Это такъ! — согласился онъ.

— Потомъ, — развивала далѣе свое возраженіе gnädige Frau: — если-бы и была ложа, то у насъ существуетъ строгое правило, что всякая женщина, которая удостоивается сдѣлаться масонкой, должна быть женой масона.

— Правда! — согласился и съ этимъ докторъ. — Но погоди, постой! — воскликнулъ онъ, взявъ себя на нѣсколько мгновеній за голову: — Егоръ Егорычъ хотѣлъ сдѣлать старшую сестру Сусанны, Людмилу,

масонкой и думалъ жениться на ней, а теперь пусть женится на Сусаннѣ!

— Что ты такое говоришь, какія несообразности! — сказала gnädige Frau съ отѣвкомъ даже нѣкоторой досады: — Людмилу онъ любилъ, а Сусанны, можетъ быть, не любилъ!

— Не любилъ?... Не любилъ, ты говоришь? А развѣ ты не видишь, какъ онъ на нее взглядываетъ, — произнесъ, лукаво подмигнувъ, Сверстовъ.

— Взглядывать, онъ, конечно, взглядываетъ... — не отвергнула того и gnädige Frau.

— Значить, все и кончено! — воскликнулъ докторъ, хлопнувъ при этомъ еще рюмку водки, къ чему онъ всегда прибѣгалъ, когда его что-либо пріятное или непріятное поражало, и gnädige Frau на этотъ разъ не выразила въ своихъ глазахъ неудовольствія, понимая такъ, что дѣло, о которомъ шла рѣчь, стоило того, чтобы за успѣхъ его лишнее выпить!...

— Еще далеко не все кончено и едва только начато! — возразила gnädige Frau. — Теперь вотъ что мы должны дѣлать: сначала ты выпытай у Егора Егорыча, потому что мнѣ прямо съ нимъ заговорить объ этомъ никакого повода нѣтъ!

— Конечно, разумѣется! — согласился докторъ.

— Я-же, между тѣмъ, буду постепенно готовить къ тому Сусанну! — добавила gnädige Frau.

— Optime! — воскликнулъ докторъ и хотѣлъ-было идти лечь спать, но вошелъ, сверхъ всякаго ожиданія, Антипъ Ильичъ.

— Васъ Егоръ Егорычъ просятъ къ себѣ, — проговорилъ онъ своимъ кроткимъ голосомъ.

— Зачѣмъ?... Боленъ, что-ли, Егоръ Егорычъ? —

спросилъ докторъ, нѣсколько встревоженный такимъ позднимъ приглашеніемъ.

— Нѣтъ-съ, ничего, кажется!... — отвѣчалъ Антипъ Ильичъ:—тамъ чей-то дворовый человѣкъ привезъ имъ письмо отъ ихняго знакомаго.

Докторъ пошелъ и засталъ Егора Егорыча сидящимъ въ своемъ креслѣ и дѣйствительно съ развернутымъ письмомъ въ рукахъ.

— Вотъ такого рода посланіе сейчасъ получилъ я! — проговорилъ Егоръ Егорычъ и началъ читать самое письмо:

«Многоуважаемый Егоръ Егорычъ!»

«Беру смѣлость напомнить вамъ объ себѣ: я старый вашъ знакомый, Мартынъ Степанычъ Пилецкій, и по волѣ Божіей очутился неожиданно-негаданно въ весьма недалекомъ отъ васъ сосѣдствѣ—я гощу въ усадьбѣ Ивана Петровича Артасьева и нѣсколько дней тому назадъ столь сильно заболѣлъ, что едва имѣю силы начертать эти немногія строки, а между тѣмъ, по общимъ слухамъ, у васъ есть больница и при оной искусный и добрый врачъ. Не будетъ-ли онъ столь милостивъ ко мнѣ, чтобы посѣтить меня и уменьшить хоть нѣсколько мои тяжкія страданія?

«Принося извиненіе, что беспокою васъ, остаюсь вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою—Мартынъ Пилецкій».

— Такъ я сейчасъ и поѣду; мнѣ все равно спать — что въ постелѣ, что въ тарантасѣ! — объявилъ Сверстовъ.

— Поѣзжайте! — не сталъ его отговаривать Егоръ Егорычъ, и едва только докторъ ушелъ отъ него, онъ раскрылъ лежавшую передъ нимъ бумагу

и сталъ писать на ней уже не объясненіе масонское, не поученіе какое-нибудь, а стихи, которые, хотя и выходили у него отчасти придуманными, но, все-таки, не были лишены своего рода поэтическаго содержанія. Онъ бряцалъ на своей лирѣ:

•Какъ въ ясной лазури затихшаго моря
 Вся слава небесъ отражается,
 Такъ въ свѣтѣ отъ страсти свободнаго духа
 Намъ вѣчное благо является».

—

•Но глубь недвижимая въ мощномъ просторѣ
 Все та-же, что въ бурномъ волненіи.
 Духъ ясенъ и свѣтелъ въ свободномъ покоѣ,
 Но тотъ-же и въ страстномъ хотѣніи».

—

«Свобода, неволя, покой и волненье
 Проходятъ и снова являются,
 А онъ все одинъ, и въ стихійномъ стремленьѣ
 Лишь сила его открывается».

Кончивъ и перечитавъ свое стихотвореніе, Егоръ Егорычъ, видимо, остался имъ доволенъ и, слагая его, врядъ-ли не имѣлъ въ виду, помимо своего душевнаго изліянія, другой, болѣе отдаленной, цѣли!

XI.

На другой день къ вечеру докторъ возвратился въ Кузьмищево и былъ въ весьма веселомъ и возбужденномъ настроеніи, такъ что не зашелъ даже навѣрхъ къ своей супругѣ съ истеричнымъ и нѣко-

торымъ опасеніемъ, какъ всегда это было, его под-
ждавшей, а прошелъ прямо къ Егору Егорычу.

— Вы мнѣ ничего не сказали, къ какого сорта
господину я ѣду...—началъ онъ.

— И забылъ совсѣмъ объ этомъ, — отвѣчалъ
Егоръ Егорычъ, въ самомъ дѣлѣ забывшій тогда,
такъ какъ въ это время обдумывалъ свое стихотво-
реніе.

— Онъ сосланный сюда, оказывается, — продол-
жалъ докторъ.

— Да, эта высылка его произошла при мнѣ,
когда я въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ.

— Онъ мнѣ говорилъ, что его сослали за при-
надлежность къ нѣкой сектѣ, названіе которой я
теперь забылъ.

— Къ сектѣ Татариновой,—подсказалъ доктору
Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, иначе какъ-то,—возразилъ тотъ.

— Ну, такъ Никитовской, должно быть, — ото-
звался Егоръ Егорычъ.

— Это вотъ такъ! Но почему-же она Никитов-
ской называется?

— Она собственно называется Татарино-Ники-
товское согласіе, и послѣднее наименованіе ей дано
отъ имени одного изъ членовъ этого согласія, Ни-
киты Ѳедорова, который по своей профессіи музы-
кантъ и былъ у нихъ регентомъ при ихъ пѣніяхъ.

— Но сама Татаринова что за особа? Я объ ней
слыхалъ... Она, говорятъ, аристократка?

— Ну, какая-же аристократка!—отвергнулъ Егоръ
Егорычъ.—Она урожденная Буксгевденъ, и мать ея
была нянькой при маленькой княжнѣ, дочери покой-

наго Государя Александра Павловича; а когда дѣвочка умерла, то въ память ея Буксгевденъ была, вѣжется, сдѣлана статсъ-дамой, и ей дозволено было жить въ Михайловскомъ замкѣ... Дочь-же ея, Екатерина Филипповна, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, а потомъ вышла замужъ за полковника Татаринова, который былъ раненъ подъ Лейпцигомъ и вскорѣ послѣ кампаніи померъ, а Екатерина Филипповна пріѣхала къ матери, гдѣ стала заявлять, что она надѣлена даромъ пророчества, и собрала вокругъ себя нѣсколько адептовъ...

— Въ числѣ которыхъ былъ, конечно, однимъ изъ первыхъ Мартынъ Степанычъ Пилецкій?

— Да, онъ, деверья ея — Татариновы, — князь Енгальчевъ, Поповъ Василій Михайлычъ... — перечислялъ Егоръ Егорычъ.

— Но какая-же собственно это секта была и въ чемъ она состояла?—спросилъ докторъ.

— Разно ихъ понимаютъ, — отвѣчалъ неторопливо Егоръ Егорычъ, видимо, бывший въ рѣдко ему свойственномъ тихомъ и апатическомъ настроеніи: — Павелъ Петровичъ Свиньинъ, напримѣръ, доказывалъ мнѣ, что они чистые квакеры, но квакерства въ нихъ, на сколько мнѣ они извѣстны, я не признаю, а скорѣе это наши хлысты!

— Какъ хлысты! — воскликнулъ ошеломленный этими словами Егора Егорыча докторъ.

— Что-же васъ такъ удивило это?... — сказалъ тотъ. — Я говорю это на томъ основаніи, что Татарино-Никитовцы имѣли весьма сходные обряды съ хлыстами, также вѣрятъ въ сошествіе на нихъ

Духа Святаго... Екатерина Филипповна у нихъ также пророчествовала, какъ хлыстовки нѣкоторыя.

— Но меня удивляетъ, — отвѣчалъ докторъ, все еще остававшійся въ недоумѣніи: — что у нихъ въ союзѣ, какъ сказалъ мнѣ Мартынъ Степанычъ, былъ даже князь Александръ Николаичъ Голицынъ.

— Былъ! — подтвердилъ Егоръ Егорычъ.

— Какимъ-же образомъ, когда князь испоконъ вѣка масонъ?

— Хлысты очень близки къ масонамъ, — объяснилъ Егоръ Егорычъ: — они тоже мистики, какъ и мы, и если имѣютъ нѣкоторыя грубыя формы въ своихъ исканіяхъ, то это не представляетъ еще существенной разницы.

— Разумѣется! — воскликнулъ радостно докторъ. — Я давно это думалъ и, кажется, говорилъ вамъ, что изъ раскольниковъ, если только ихъ направить хорошо, можно сдѣлать масоновъ.

— Нѣтъ! — отвергнулъ рѣшительнымъ тономъ Егоръ Егорычъ: — не говоря уже о томъ, что большая часть изъ нихъ не имѣетъ ничего общаго съ нами, но даже и такіе, у которыхъ основанія ихъ вѣроученія тождественны съ масонствомъ, и тѣ, если-бы воззвать къ нимъ, потребуютъ, чтобы мы сдѣлались ими, а не они нами.

— Даже хлысты? — воскликнулъ докторъ.

— И хлысты даже! — повторилъ Егоръ Егорычъ.

— По грубости формъ своихъ исканій?

— Отчасти и по грубости своей.

— А если-бы малаканъ взять; у тѣхъ, я знаю, нѣтъ грубыхъ формъ ни въ обрядахъ, ни въ пониманіи! — возразилъ докторъ.

Егоръ Егорычъ сдѣлалъ гримасу.

— У малаканъ потому этого нѣтъ, что у нихъ не существуетъ ни обрядовъ, ни пониманія истиннаго,—они узкіе рационалисты! — проговорилъ онъ какъ-бы даже съ презрѣніемъ.

— Жаль!—сказалъ докторъ. — Но оиятъ вотъ о Пилецкомъ. Онъ меня увѣрялъ, что ихъ собранія посѣщалъ даже покойный государь Александръ Павловичъ.

Егоръ Егорычъ на нѣкоторое время задумался.

— Государь Александръ Павловичъ, — началъ Егоръ Егорычъ:—былъ одинъ изъ самыхъ острыхъ и тонкихъ умовъ, и очень возможно, что онъ бывалъ у madame Татариновой, желая вѣдать всѣ возрастанія и всѣ уклоненія въ духовномъ движеніи людей... Кромѣ того, я на это имѣю еще и другое подтвержденіе. Пріятель мой Милорадовичъ нѣкогда передавалъ мнѣ, что когда онъ сталъ бывать у Екатерины Филииновны, то старику, отцу его, это очень не понравилось, и онъ прислалъ сыну строгое письмо съ такого рода укоромъ, что Богъ знаетъ, у кого ты и гдѣ бываешь... Милорадовичъ показалъ это письмо государю, и Александръ Павловичъ по этому поводу написалъ старику собственноручно, что въ обществѣ госпожи Татариновой ничего нѣтъ такого, что отводило-бы людей отъ религіи, а, напротивъ того, ученіе ея можетъ сдѣлать человѣка еще болѣе привязаннымъ къ церкви.

— Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!— произнесъ и многознаменательно качнулъ головой докторъ. — Скажите, вы давно знакомы съ Пилец-

кимъ, который, говорю вамъ откровенно, мнѣ чрезвычайно понравился?

— Давно; я познакомился съ нимъ, когда мнѣ было всего только пятнадцать лѣтъ, въ Гёттингенѣ, гдѣ я и онъ студировали сряду три семестра. Пилецкій былъ меня старше лѣтъ на шесть, на семь.

— По происхожденію своему онъ, должно быть, полякъ.

— Нѣтъ, онъ родомъ сербъ и, по моему, чело-
вѣкъ высокихъ душевныхъ качествъ. Гёттингенскій университетъ тогда славился строгостью морали, философіей и идеалистическимъ направлениемъ!... Я, какъ мальчикъ, охваченъ былъ, конечно, всѣмъ этимъ и унесся весь въ небеса; Мартынъ-же Степанычъ свои доктрины практиковалъ уже и въ жизни; отличительнымъ свойствомъ его была простота и чистота сердечная, соединенная съ возвышеннымъ умомъ и съ искренней восторженностью! Лично я, впрочемъ, выше всего цѣнилъ въ Мартынѣ Степанычѣ его горячую любовь къ дѣтямъ и всякаго рода дурачкамъ: онъ способенъ былъ цѣлые дни ихъ занимать и забавлять, хотя въ то-же время я смутно слышалъ исторію его выхода изъ лица, гдѣ онъ былъ инспекторомъ классовъ и гдѣ, аки-бы, его обвиняли; а, по моему, тутъ были виноваты сами мальчишки, которые, конечно, какъ и Александръ Пушкинъ, затѣявшій всю эту исторію, были склоннѣе читать Апулея и Вольтера, чѣмъ слушать Пилецкаго.

— Въ чемъ-же собственно эта исторія состояла?— спросилъ съ большимъ любопытствомъ Сверстовъ.

— Исторія чисто-кадетская, изъ которой, по моему, Пилецкій вышелъ умно и благородно: всѣ

эти избалованные барченки вызвали его въ конференцъ-залу и предложили ему: или удалиться, или видѣть, какъ они потребуютъ собственнаго своего удаленія; тогда Пилецкій, вмѣсто того, чтобы наказать ихъ, какъ-бы сдѣлавъ другой, объявилъ имъ: «Ну, господа, оставайтесь лучше вы въ лицаѣ, а я уйду, какъ непригодный вамъ», и въ ту-же ночь выѣхалъ изъ лица навсегда!

— И, по моему, это благородно, — подхватилъ Сверстовъ:—и показываетъ, дѣйствительно, его снисходительность и любовь къ дѣтямъ. Теперь, впрочемъ, кажется,—присовокунилъ онъ съ улыбкой:—Мартынъ Степанычъ любитъ и почти боготворить одну только Екатерину Филипповну: онъ все почти время миѣ толковалъ, что она святая и что дѣйствительно имѣетъ даръ пророчества, такъ что я, грѣшный человѣкъ, заключилъ, что не существовало-ли даже между ними плотской любви.

— Это не одни вы, а многіе, въ томъ числѣ и князь Александръ Николаичъ, подозрѣвали и объясняли, что они не женятся единственно потому, что хлысты, кои какъ извѣстно, не признаютъ церковнаго брака!

Проговоривъ это, Егоръ Егорычъ сталъ легонько постукивать ногой. У Сверстова это не свернулось съ глаза. Сообразивъ, что это постукиванье какъ разъ началось при словѣ «бракъ», онъ нашелъ настоящую минуту удобною, чтобы приступить къ исполненію порученія своей gnädige Frau.

— Впрочемъ, Богъ съ ними, со всѣми этими господами, — началъ онъ: — миѣ еще лично васъ нужно повишытатъ; снажите миѣ, какъ врачу и другу,

успокоились-ли вы совершенно по случаю вашей душевной потери въ лицѣ Людмилы?

Егора Егорыча точно что кольнуло. Онъ ни слова не отвѣчалъ и даже отвернулся отъ дѣктора.

— Когда вы возвратились изъ Петербурга,—продолжалъ тотъ:—мнѣ показалось, что да: успокоились, стали бодрѣе, могучѣе физически и нравственно, но послѣднее время вы снова ослабли.

Егоръ Егорычъ вдругъ какъ-бы воспрянулъ.

— Я не ослабъ, — сказалъ онъ твердымъ и мужественнымъ голосомъ: — но я угнетенъ сомнѣніями...

— Въ чемъ?—спросилъ докторъ.

Прежде чѣмъ отвѣтить на это, Егоръ Егорычъ покраснѣлъ.

— Говорить предъ вами неправду,—забормоталъ онъ:—я считаю невозможнымъ для себя: память объ Людмилѣ, конечно, очень жива во мнѣ, и я бы, Богъ знаетъ чего не далъ, чтобы воскресить ее и сдѣлать счастливой на землѣ, но всѣмъ этимъ Провидѣніе не наградило меня. Сдѣлать тутъ что-либо было выше моихъ силъ и разума: а потомъ мнѣ закралась въ душу мысль—все, что я готовилъ для Людмилы, передать (тутъ ужъ Егоръ Егорычъ очень сильно сталъ стучать ногой)...—передать,—повторилъ онъ:—Сусаннѣ.

Докторъ готовъ былъ привскочить отъ радости до потолка, но на первыхъ порахъ удержался.

— Оно такъ и должно быть, это логическое послѣдствіе, больше ничего,—высказалъ онъ разсуждающимъ тономъ.

— Нѣтъ-съ, это не логическая послѣдователь-

ность,—воскликнулъ Егоръ Егорычъ: — это измѣна и вѣтренность! Когда Людмила умерла, или... нѣтъ, что я говорю!... раньше, — когда она отказала мнѣ въ рукѣ, я долженъ былъ-бы умереть.

— А это,—воскликнулъ ужь и докторъ, въ свою очередь:—было-бы признакомъ мелкой природы, а у васъ, слава Богу, силы гиганта,—признакомъ глупой сантиментальности, которой тоже въ васъ нѣтъ! Людмила, какъ вы говорили, не полюбила васъ, и поэтому не должна была болѣе существовать для васъ!

— Какъ не существовать!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ:—что-же я, какъ старый башмакъ, и выбросилъ-бы ее изъ души?

— Не то что башмакъ, я не такъ выразился,—объяснилъ докторъ:—я хотѣлъ сказать, что вы могли остаться для нея добрымъ благотворителемъ, какимъ вы и были. Людмилы я совершенно не зналъ, но изъ того, что она не отвѣтила на ваше чувство, я ее не высоко понимаю. Сусанна-же отвѣтитъ вамъ на толчекъ вашъ въ ея сердце, и скажу даже,—я тоже какъ и вы, считаю невозможнымъ скрывать передъ вами,—скажу, что она пламенно желаетъ быть женой вашей и масонкой: это мнѣ, не дальше какъ на дняхъ, сказала gnädige Frau.

— Сусанна, вы говорите, желаетъ быть масонкой?—произнесъ глухимъ голосомъ Егоръ Егорычъ.

— Да,—сказалъ съ сильнымъ удареніемъ Сверстовъ:—и такъ какъ масонкой можетъ быть только жена масона, то вы и должны жениться на Сусаннѣ.

— Другъ любезный, ты безумствуешь! Любовь твоя ко мнѣ совершенно ослѣпляетъ тебя!... Сусанна

никакъ ужъ не пойдетъ за меня!... Я слишкомъ старъ для нея!—вричалъ Егоръ Егорычъ.

— На это я вамъ ничего не стану отвѣчать,— возразилъ докторъ:—а вы позвольте мнѣ лучше позвать сюда gnädige Frau, и она будетъ съ вами разговаривать.

— Позовите!—крикнулъ Егоръ Егорычъ.

— Позовите сюда внизъ жену мою! — крикнулъ вслѣдъ затѣмъ докторъ, высунувъ голову въ корридоръ, около котораго была комната горничныхъ.

Тамъ произошелъ небольшой шумъ, и послышалось, что кто-то побѣжалъ наверхъ. Gnädige Frau не заставила себя долго ждать и въ весьма скоромъ времени явилась въ спальню Егора Егорыча.

— Gnädige Frau,—сразу-же объявилъ онъ ей:— я жажду съ вами на вашего мужа: онъ вызываетъ меня на безумнѣйшую глупость: онъ говоритъ, что я смѣло могу свататься къ Сусаннѣ!

— Мало, что можете, но вы должны это сдѣлать,—отвѣчала gnädige Frau, хоть и съ большимъ внутреннимъ волненіемъ, но все-таки ровнымъ и тихимъ голосомъ.

— Но какъ-же это! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.—Я старикъ, человѣкъ невѣдомый для Сусанны, terra incognita для нея... Я, наконецъ, являюсь передъ Сусанной, — что хуже всего, — вѣтреннымъ и измѣнчивымъ старикомъ!

— Ни то, ни другое, ни третье! — начала ему возражать по пунктамъ gnädige Frau:—Вы еще все не старикъ. Конечно, Людмила къ вамъ была нѣсколько ближе по возрасту, но, какъ я слышала,

только года на два, а это разница, думаю, небольшая!

Противъ такого аргумента Егоръ Егорычъ, безъ сомнѣнія, ничего не могъ возразить. Докторъ-же, сидѣвшій съ потупленною головою, въ душѣ наслаждался умомъ своей gnädige Frau.

— А что если вы говорите, что вы terra incognita для Сусанны, то вы совершенно ошибаетесь: terra incognita вы всегда были для Людмилы, но Сусанна васъ знаетъ и понимаетъ!

— И я это самое говорю,—подхватилъ докторъ.

— Ты теперь помолчи!—остановила его gnädige Frau.—Я-бы, Егоръ Егорычъ, объ Сусаннѣ звука не позволила себѣ произнести, если-бы я ея не узнала, какъ узнала въ послѣднее время: это дѣвушка религіозная и религіозная въ масонскомъ смыслѣ, потому что глубоко васъ уважаетъ,—скажу даже болѣе того: она любитъ васъ!

Глаза gnädige Frau при этомъ горѣли, мускулы въ лицѣ подергивало; несомнѣнно, что она въ эти минуты устраивала одно изъ самыхъ серьезныхъ дѣлъ, какое когда-либо предпринимала въ жизни.

Егоръ Егорычъ между тѣмъ молчалъ и впалъ въ глубокое раздумье. Докторъ хотѣлъ было заговорить, но gnädige Frau движеніемъ руки остановила его. Егоръ Егорычъ вскорѣ опять поднялъ голову.

— Благодарю васъ, друзья мои! — началъ онъ съ намернувшимися на глазахъ слезами: — Слова ваши такъ радостны и неожиданны для меня, что я не въ состояніи даже ничего отвѣчать на нихъ.

— Естественно!... — произнесла gnädige Frau.— Пойдемъ!—прибавила она повелительно мужу.

Тотъ, съ своей стороны, счелъ нужнымъ повиноваться ей.

— Gnädige Frau, завтра или, еще лучше, послѣ-завтра вы придите ко мнѣ въ эту мою комнату поутру!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ, когда Сверстовы уходили.

— Приду послѣ-завтра, въ десять часовъ утра, — отвѣтила ему съ точностью gnädige Frau.

Почти навѣрно можно сказать, что ни Егоръ Егорычъ, ни gnädige Frau, ни докторъ эту ночь не спали напролетъ, да не спала, кажется, и Сусанна, тревожимая раздававшимся шумомъ внизу.

Весь слѣдующій день Егоръ Егорычъ провелъ, запершись въ своей комнатѣ, и только къ вечеру спросилъ чаю съ хлѣбомъ и затѣмъ снова заперся. Вѣроятно, онъ этотъ день провелъ въ умномъ дѣланіи, потому что сидѣлъ неподвижно на своемъ креслѣ и держа свою руку подъ ложечкой, потомъ все болѣе и болѣе сталъ поднимать глаза къ небу и видимо одушевлялся.

— Gnädige Frau,—началъ онъ, когда та ровно въ назначенный часъ вошла къ нему: — вы были два раза замужемъ и были, какъ мнѣ извѣстно, оба раза счастливы; но... у васъ не было такой разницы въ лѣтахъ!

— Я, Егоръ Егорычъ,—начала gnädige Frau съ торжественностью:—никогда не считала счастіемъ равенство лѣтъ, а всегда его находила въ согласіи чувствъ и мнѣній съ мужемъ, и съ обоими мужьями у меня они были согласны, точно также какъ и взгляды Сусанны Николаевны согласны съ вашими.

Егоръ Егорычъ при этомъ опять застучалъ ногой.

— Хотя мнѣ и совѣстно, что я обременяю васъ, однако прошу: переговорите вы съ Сусанной Николаевной, о чемъ мы теперь съ вами говорили!— сказалъ онъ.

— Переговорю, и переговорю съ великимъ удовольствіемъ!—отвѣчала gnädige Frau, и хотѣла было уйти; но Егоръ Егорычъ воскликнулъ:

— Gnädige Frau, еще одно слово!... Если-бы предложеніе мое почему-либо показалось Сусаннѣ Николаевнѣ страннымъ, то вотъ отдайте ей это мое стихотвореніе, въ которомъ я, кажется, понятно выразилъ свои стихійныя стремленія и, пожалуй, прорухи.

Gnädige Frau прочла поданное ей стихотвореніе и, значительно качнувъ головою, проговорила:

— Я понимаю вашу мысль!

Затѣмъ она недолго медлила и на другой-же день, сойдясь съ Сусанной въ неосвѣщенной залѣ и начавъ ходить съ ней, по обыкновенію, подъ руку, заговорила:

— Третьяго дня мужъ уѣзжалъ на практику и, какъ рассказывалъ мнѣ, былъ у весьма интереснаго больнаго: вообразите, дворянинъ, статскій совѣтникъ, и принадлежитъ къ сектѣ хлыстовъ!

— Что-же эта секта какая-нибудь раскольникья?— сказала Сусанна.

— Да, и очень распространенная между простымъ народомъ, но меня удивляетъ тутъ одно, что мужикамъ позволяютъ быть хлыстами, а дворянамъ нѣтъ, потому что этотъ больной сосланъ сюда.

— Почему-же это?—поинтересовалась Сусанна.

— Я себѣ такъ это объясняю,—отвѣчала съ глу-

бокомысленнымъ видомъ gnädige Frau: — что тутъ что-нибудь другое еще было: во-первыхъ, во главѣ секты стояла знатная дама, полковница Татаринова, о которой и еще въ Ревелѣ слыхала, что она очень близка была ко двору, а потомъ, вѣроятно, какъ и масоны многіе, впала въ немилость, что очень возможно, потому что мужъ мнѣ говорилъ, что хлысты, по своему вѣроученію, очень близки къ намъ.

— Близки, вы говорите?—переспросила Сусанна.

— Очень!... Они также ищутъ единенія съ Богомъ... мистивы тоже!...

— А женщины у нихъ въ сектѣ есть, кромѣ Татаринной?—перебила Сусанна.

— Этого я не знаю!... Мужъ мнѣ ничего не говорилъ... Хотите, я спрошу его?

— Пожалуйста!...—пропзнесла почти умоляющимъ голосомъ Сусанна.

— Но почему-же васъ такъ это интересуетъ?—полюбопытствовала gnädige Frau.

Сусанна покраснѣла.

— Да потому, — сказала она, слегка улыбаясь:— что если мнѣ нельзя быть масонкой, такъ хоть-бы хлыстовкой сдѣлаться.

— А тогда сошлютъ васъ! — думала-было напугать ее gnädige Frau.

— О, этого я не испугаюсь! — отвѣчала даже усмѣхнувшись Сусанна.

— Нѣтъ, зачѣмъ вамъ дѣлаться хлыстовкой?—начала серьезнымъ тономъ gnädige Frau:— вы должны сдѣлаться масонкой!

— А какимъ образомъ я сдѣлаюсь масонкой?—Мнѣ это невозможно!—замѣтила Сусанна.

— Напротивъ, весьма возможно, да вы ужъ и начали ею быть!... Продолжайте съ тѣмъ-же рвеніемъ, какое теперь у васъ, учитесь, молитесь, думайте, читайте указанные вамъ книги и потомъ выйдите замужъ за масона!

— Но гдѣ-же мнѣ его взять? — произнесла опять съ легонькой улыбочкой Сусанна.

— Онъ у васъ есть подъ руками! — продолжала gnädige Frau тѣмъ-же серьезнымъ тономъ: — Егоръ Егорычъ очень желаетъ жениться на васъ.

Сусанна отрицательно покачала своей головкой.

— Нѣтъ, — сказала она: — Егоръ Егорычъ не захочетъ жениться на мнѣ... Я такая глупенькая!

— Это ужъ вы предоставьте судить другимъ, которые, конечно, найдутъ васъ неглупенькою, а, напротивъ, очень умной!... Наконецъ, о чемъ-же споримъ мы? Вы говорите, что Егоръ Егорычъ не пожелаетъ жениться на васъ, тогда какъ онъ просилъ меня сдѣлать вамъ отъ него формальное предложеніе.

— Но какъ-же это, — спросила gnädige Frau Сусанна: — онъ такъ еще недавно любилъ Людмилу?

— Я ваше сомнѣніе сейчасъ разсѣю: прочтите стихотвореніе Егора Егорыча, которое онъ поручилъ передать вамъ! — сказала gnädige Frau и подала Сусаннѣ стихи Марейна.

Та прочла ихъ и слегка вспыхнула. Она, кажется, не вполне поняла смыслъ стихотворенія. Gnädige Frau замѣтила это и объяснила:

— Тутъ говорится, что свободный отъ страстей духъ человѣка являетъ вѣчное благо, но онъ тотъ-же и въ своихъ стихійныхъ стремленіяхъ. Такъ и

съ Егоромъ Егорычемъ случилось. Въ Людмилѣ Николаевнѣ онъ ошибся: она его не оцѣнила, но вы его оцѣните, а что онъ свое чувство, устремленное прежде къ Людмилѣ Николаевнѣ, перенесъ на васъ, —это натурально! Вы ея родная сестра и, безъ сомнѣнія, награждены природою всѣми прелестными качествами, которыя она имѣла; сверхъ того, вы имѣете тотъ высоко-духовный темпераментъ, котораго, я убѣждена, Людмила Николаевна не имѣла. Поняли вы меня?

— Поняла...—сказала-было сначала Сусанна протяжно, но потомъ уже скоро и голосомъ, явно трепещущимъ отъ радости, присовокупила:—Я, конечно, сочту за счастье быть женой Егора Егорыча и всю мою жизнь посвятить ему, но какъ мамаша, —я не знаю—дастъ-ли она согласіе; она уже останется совершенно одна, если я выйду замужъ.

«Какое широкое и предусмотрительно-любящее сердце у этого прелестнаго существа!»—снова подумала gnädige Frau.

— Мамаша вовсе не останется одна!—поспѣшила она съ этой стороны успокоить Сусанну:—она будетъ жить съ вами; вы и Егоръ Егорычъ будете нѣжными дѣтьми къ ней,—чего-жь старушкѣ больше.

— Но вы все-таки предувѣдомьте Егора Егорыча, что я не въ состояніи ни для какихъ благъ въ мірѣ разстаться съ матерью!

Тутъ уже gnädige Frau улыбнулась.

— Ему говорить этого нечего; онъ самъ, еслибы вы пожелали разстаться съ вашей матушкой, не позволилъ-бы этого!...

— Я-то пожелаю разстаться съ мамашей!—вос-

кликнула Сусанна и, долѣе не выдержавъ, заплакала.

— Плачьте, плачьте, это такъ и слѣдуетъ!— одобрила ее gnädige Frau и тоже прослезилась.

— Но если я недостойна буду Егора Егорыча?— воскликнула еще разъ Сусанна.

— Будете достойны,—настойчиво повторяла gnädige Frau,—даже, можетъ быть, превзойдете его по высотѣ и изяществу вашихъ душевныхъ свойствъ!

Не смотря на всѣ эти утѣшенія и доказательства, Сусанна продолжала плакать, такъ что ея хорошенькіе глазки воспалились отъ слезъ, а ротикъ совершенно пересохъ; она вовсе не страшилась брака съ Егоромъ Егорычемъ, напротивъ, сильно желала этого, но ее мучила мысль перестать быть дѣвушкой и сдѣлаться дамой. Какъ-бы ни было, однако gnädige Frau, отпустивъ Сусанну наверхъ, въ ея комнату, прошла къ Егору Егорычу.

— Сусанна желаетъ и согласна быть вашей женой!—сказала она.

Въ отвѣтъ на это Егоръ Егорычъ схватилъ костлявую руку gnädige Frau и поцѣловалъ ее, а gnädige Frau почти-что обняла его. У обоихъ изъ глазъ текли слезы.

Съ тѣми-же неосушенными слезами на глазахъ gnädige Frau пошла въ свое отдѣленіе, гдѣ нашла мужа приготовляющимся завалиться спать.

— Дѣло рѣшено!—сказала gnädige Frau:—Егоръ Егорычъ сдѣлалъ черезъ меня предложеніе Сусаннѣ, и она приняла его.

Докторъ встрѣтилъ это извѣстіе съ бѣшенымъ восторгомъ; онъ заключилъ въ свои могучія объятія

супругу и такъ ее прижалъ къ своей груди, что той сдѣлалось даже больно.

— Ты забываешь мою слабую грудь! — проговорила она нѣжнымъ и сантиментальнымъ голосомъ и слегка отстраняясь отъ мужа.

Оба супруга безусловно вѣрили, что бракъ, который они устраивали, будетъ такъ-же счастливъ и согласенъ, какъ и ихъ бракъ.

XII.

На другой день Сусанна сама объявила матери, что Егоръ Егорычъ сватается къ ней и что она согласна на этотъ бракъ. Старуха услышала это съ полнымъ спокойствіемъ, какъ-будто бы она заранѣе ожидала этого брака. Своимъ невыговаривающимъ и туго двигающимся языкомъ Юлія Матвѣевна одного только потребовала, чтобы, прежде чѣмъ Сусанна и Егоръ Егорычъ повѣнчаются, всему ихъ семейству, не выключая и ея самой, съѣздить въ ближайшій уѣздный городокъ и испросить благословенія у проживающаго тамъ юродиваго Андреюшки.

— Мы съѣздимъ!—отвѣчала ей Сусанна и, уйдя отъ матери къ Егору Егорычу, рассказала ему о желаніи старушки.

— Я ничего не имѣю противъ того,—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ не задумавшись.

Потомъ, въ тотъ-же день объ этомъ намѣреніи узнала gnädige Frau и выразила, съ своей стороны, покорнѣйшую просьбу взять ее съ собой, по той причинѣ, что она никогда еще не видала русскихъ

юродивыхъ и между тѣмъ такъ много слышала чудеснаго объ этихъ людяхъ.

Егоръ Егорычъ и Сусанна, конечно, изъявили полную готовность исполнить ея просьбу; даже благодарили ее, что она пожелала съ ними ѣхать; такимъ образомъ одинъ только докторъ сдѣлалъ возраженіе касательно этой предлагаемой поѣздки.

— Все это прекрасно, — сказалъ онъ: — но я боюсь, чтобы дорога не растормошила очень старушки!... Чего добраго, ея медленный параличъ, пожалуй, перейдетъ въ скачущій.

Сусанна испугалась словъ доктора.

Егоръ Егорычъ подмѣтилъ это.

— Но везли-же мы ее изъ Москвы сюда, ничего не случилось, — замѣтилъ онъ.

— Если ты этого опасаясь, такъ и ты поѣзжай съ нами, — рѣшила *gnädige Frau*: — а то я полагаю, что если мы не поѣдемъ, или не возьмемъ съ собой Юліи Матвѣевны, такъ это ее очень огорчитъ, что, по моему, для нея гораздо вреднѣ всякихъ дорогъ!

— И это можетъ быть!... — не отвергнулъ докторъ. — Ты очень умно придумала, чтобы миѣ ѣхать!... Я поѣду!

Послѣ такого рода совѣщаній путешественники наши, на той-же недѣлѣ, отправились въ уѣздный городокъ, отстоявшій отъ Кузьмищева верстахъ въ тридцати. Порядокъ ихъ слѣдованія былъ таковъ:

Въ покойной каретѣ ѣхали адмиральша, Сусанна и докторъ, а также и Антипъ Ильичъ, который пожелалъ непременно ѣхать и которому, конечно, ни Егоръ Егорычъ, ни Сусанна, ни докторъ не позво-

лили стать на запятки, а посадили его съ собой. Впереди кареты, въ откидной бричкѣ, ѣхалъ Егоръ Егорычъ съ gnädige Frau. Погода, несмотря на конецъ октября, была теплая, такъ что всё скошенные луга покрыты были паутиной, что, какъ извѣстно, предвѣщало долгое вѣдро. Почтовая дорога, начавшаяся невдалекѣ отъ Кузьмищева, была недурна, благодаря тому обстоятельству, что въ концѣ сентября ревизующій сенаторъ объѣзжалъ уѣздные города, а потому всё земскія силы были вызваны исправниками для улучшенія путей сообщенія съ неумолимою строгостью.

Въ продолженіе всей дороги адмиральша блаженствовала: она безирестанно смотрѣла то въ одно окно кареты, то въ другое; при этомъ Сусанна и докторъ глазъ съ нея не спускали, а Антипъ Ильичъ сидѣлъ весь погруженный, должно быть, въ молитву.

Егоръ Егорычъ между тѣмъ въ своей бричкѣ молчалъ; не заговаривала съ нимъ и gnädige Frau, понимая, какія великія минуты своей жизни переживалъ онъ теперь.

Маленькій городокъ, куда ѣхали мои путники, стоялъ на судоходной рѣкѣ и имѣлъ довольно красивыя окрестности: по рѣкѣ его тихо шли небольшія барки; въ сторонѣ виднѣлись сосновый боръ и чье-то зеленѣющее озимое поле. Внутри городъ былъ довольно грязень: въ немъ всего только одна церковь высилась и бѣлѣлась, да бѣлѣлись еще, пожалуй, каменные присутственные мѣста; лавки-же были хоть и новыя, но деревянныя, и для пріѣзжающихъ въ городѣ не имѣлось никакихъ удобствъ, кромѣ

единственнаго постоялаго двора съ небольшимъ числомъ комнатокъ въ родѣ нумеровъ и съ огромнымъ крытымъ дворомъ для лошадей. Постоялый дворъ этотъ наши путники заняли весь. Что касается до пищи, то сей отель тоже представлялъ мало утѣшительнаго: въ немъ никогда ничего не готовилось. О пищѣ, впрочемъ, изъ моихъ прїѣзжихъ никто не думалъ, и всѣ намѣрены были ограничиться чаемъ, кофеемъ и привезенною изъ Кузьмищева телятиной, за исключеніемъ, однако, доктора, который, сообразивъ, что городъ стоитъ на довольно большой и, вѣроятно, многорыбной рѣкѣ, сейчасъ-же отправился въ сосѣдній трактирчикъ, выпилъ тамъ рюмки три водочки и заказалъ себѣ селяночку изъ стерляди, которую и съѣлъ съ величайшимъ наслажденіемъ.

Тѣмъ временемъ Егоръ Егорычъ послалъ Антипа Ильича къ Андреюшкѣ узнать, можно-ли къ нему идти, ибо юродивый не во всякое время и не всѣхъ къ себѣ пусквалъ. Антипъ Ильичъ исполнилъ это порученіе съ великимъ удовольствіемъ и, возвратясь отъ Андреюшки, доложилъ съ сіяющимъ лицомъ:

— Можно-съ, и сестрица ихняя, которая ходитъ за ними, приказала сказать вамъ, что Андреюшка даже закричалъ: «скорѣй-бы шли, скорѣй!»

Услышавъ это, всѣ, разумѣется, поспѣшили исполнить приказаніе юродиваго. Адмиральшу повезли въ бричкѣ на одной лошади, причемъ она не безъ важности объяснила шедшей около нея *gnädige Frau*:

— Я говорила, что Андреюшка будетъ! (то-есть приметъ, хотѣла она сказать); я у него ужъ разъ десять ѣхала (то-есть бывала)

Маленькій домишка Андреюшки стоялъ на самой окраинѣ города; прошло тридцать лѣтъ, какъ юродивый изъ него не выходилъ, сидя день и ночь на лавкѣ и держа даже себя прикованнымъ на цѣпи. Въ молодости Андреюшка, по мастерству своему, золотилъ иконостасы, и, какъ шла молва, всѣ вызолоченные имъ иконостасы до сихъ поръ нисколько не полиняли и не потускнѣли. Съ двадцатилѣтняго возраста Андреюшка, будучи грамотнымъ, сталъ читать Священное Писаніе и на Апокалипсисѣ какъ-бы нѣсколько тронулся: первоначально онъ пересталъ заниматься своимъ мастерствомъ, потомъ уединился совершенно и, въ концѣ-концовъ, самъ сѣлъ на цѣпь. Слухъ объ его подвижничествѣ очень быстро распространился, и къ нему отовсюду стали приходять за благословеніемъ. Бери Андреюшка деньгами, къ нему-бы стеклись богатства великія, но онъ этого не дѣлалъ, а принималъ подавнія только калачиками, которыми питался и которыхъ у него хватало для него самого и для всѣхъ родныхъ. Сверхъ того, ходившая за нимъ родная сестра много продавала этихъ калачей.

Въ довольно большую комнату Андреюшки первая введена была Антипомъ Ильичемъ адмиральша, а за нею вошли Сусанна и Егоръ Егорычъ, а также gnädige Frau и Сверстовъ. Андреюшкѣ было лѣтъ около шестидесяти: испитой до худобы скелета, съ курчавой, включенной, сѣдой головой и торчащей во всѣ стороны бороною, онъ имѣлъ на себѣ бѣлую, чистую рубаху и полосатыя перты, но былъ босикомъ и, держа ноги сложенными подъ себя, постоянно легонько покачивался на цѣпи. Вся комната его

была пропитана ладаномъ, которымъ Андреюшка разъ по десяти на день заставлялъ сестру курить.

Едва только вошли къ Андреюшкѣ его посѣтители, онъ, не взглянувъ даже на нихъ, запѣлъ: «со святыми упокой! со святыми упокой!»

Сусанна затрепетала: ей помстилось, что Андреюшка этимъ пророчить смерть ей, или,—что еще хуже,—смерть старухи адмиральши, но сія своимъ чуткимъ материнскимъ сердцемъ догадалась.

— Это онъ объ Людмилѣ поетъ,—повѣдала она *gnädige Frau*.

— Андреюшка,—обратилась она потомъ къ юродивому:—я повезла къ тебѣ, другъ мой, дочь... Она за Егорыча выходитъ... Будетъ-ли ей счи... счи?...

Юлія Матвѣевна, конечно, хотѣла сказать: «будетъ-ли ей счастье», и вмѣсто «другъ мой» «другую мою дочь», вмѣсто «Егорыча» «Егора Егорыча», но у нея не выходило этого.

Андреюшка на эти слова адмиральши какъ-то ухарски запѣлъ: «Исаія, ликуй! Исаія, ликуй!» потрясая при этомъ то въ одну сторону, то въ другую головой, и долго еще затѣмъ продолжалъ на весьма веселый напѣвъ: «Исаія, ликуй! Исаія, ликуй!»

— Давно такимъ радостнымъ не былъ... благословляетъ, значитъ!—отозвалась стоявшая нѣсколько въ сторонѣ сестра Андреюшки, младшая ему, но похожая на него, и по званію своему дѣвица.

Gnädige Frau больше всего поразили глаза Андреюшки — ясные, голубые, не имѣющіе въ себѣ ни малѣйшаго оттѣнка помѣшательства, напротивъ: очень умные и какъ бы въ душу вамъ проникающіе;

а докторъ глядѣлъ все на цѣпь; ему очень хотѣлось посмотреть подъ мышки Андреюшкѣ, чтобы удостовѣриться, существуютъ-ли на нихъ если не раны, то, по крайней мѣрѣ, мозоли отъ тридцатилѣтняго прикосновенія къ нимъ посторонняго твердаго тѣла. Андреюшка между тѣмъ такъ-же весело, но уже другое пѣлъ: «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь!» Далѣе онъ замѣтно утомился.

— Усталъ, батюшка, голубчикъ мой! — сказала ему сестра.

Андреюшка, однако, ничего на это не отвѣтилъ, но за то Егоръ Егорычъ спросилъ ее:

— Можетъ быть, намъ пора?

— Пора!... — шепнула ему та.

Сверстову, къ его удовольствію, удалось, наконецъ, когда онъ зашелъ сбоку къ Андреюшкѣ, черезъ разстегнутую рубаху, того заглянуть подъ мышки юродивому, причемъ онъ не увидѣлъ ни малѣйшаго пятнышка.

«Вотъ это чудо настоящее!» — подумалъ Сверстовъ про себя. Адмиральша-же, gnädige Frau, по знаку Егора Егорыча, которая сказала ей, что надо уходить, произнесла знаменательно:

— Онъ благословить... Андреюшка, благослови!

Андреюшка закачалъ отрицательно головой.

— Ему благочиннымъ здѣшнимъ года съ три какъ запрещено благословлять! — опять шепнула сестра Андреюшки Егору Егорычу.

— А! — полувоскликнулъ тотъ и во всеуслышаніе объявилъ, что пора удалиться; всѣ пошли, будучи очень довольны, что посѣтили и видѣли юродиваго.

Переночевавъ, кому и какъ Богъ привелъ, путники мои, едва только появилось солнце, отправились въ обратный путь. День опять былъ ясный и теплый. Верстахъ въ двадцати отъ города, докторъ, увидавъ изъ окна кареты стоявшую на горѣ и весьма недалеко отъ большой дороги помѣщицью усадьбу, попросилъ кучера, чтобы тотъ остановился, и затѣмъ, выскочивъ изъ кареты, подбѣжалъ къ бричкѣ Егора Егорыча:

— Это вѣдь усадьба, гдѣ живетъ Пилецкій?

— Да,—проговорилъ Егоръ Егорычъ, воспрянувъ отъ своихъ глубокихъ размышлений.

— Заѣдемте къ нему!... Мы сдѣлаемъ благое дѣло; старуха бодра и весела и безъ меня доѣдетъ благополучно!—продолжалъ Сверстовъ.

— А какъ-же Сусанна Николаевна? — спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Сусаннѣ Николаевнѣ я говорилъ, она проситъ даже, чтобы вы заѣхали!—отвѣчалъ Сверстовъ.

— Это хорошо будетъ!—одобрила и gnädige Frau, внимательно слушавшая весь этотъ разговоръ.

Егоръ Егорычъ, хоть ему, видимо, не хотѣлось разставаться съ Сусанной, согласился, однако, вслѣдствіе чего gnädige Frau пересѣла въ карету, взявъ на всякій случай отъ мужа всѣ пузырьки съ лекарствами, везомые имъ для адмиральши, а Сверстовъ влѣзъ въ бричку къ Егору Егорычу, и они повернули съ большой дороги, а карета поѣхала дальше по прежнему пути.

Артасьева усадьба хоть стояла на высокой горѣ, но была весьма неказиста, съ господскимъ домомъ помѣщиковъ средней руки и съ небольшими худо

обработанными полями. Войдя въ домъ по полу-сгнившимъ ступенямъ передняго крыльца, Егоръ Егорычъ и Сверстовъ пошли далѣе и застали Пилецкаго сидящимъ въ небольшой гостиной за книгой. Это былъ, повидимому, весьма хилый старикъ, съ лицомъ совершенно дряблымъ; на головѣ у него совсѣмъ почти не оказывалось волосъ, а потому дома, въ одиночествѣ, Мартынъ Степанычъ обыкновенно носилъ колпакъ, а при постороннихъ и въ гостяхъ надѣвалъ парикъ; бакенбарды его состояли изъ какихъ-то сѣдоватыхъ клочковъ; уши Мартынъ Степанычъ имѣлъ большія, торчащія и особенно правое ухо, что было весьма натурально, ибо Мартынъ Степанычъ всякій разъ, когда начиналъ что-либо соображать или высказывалъ какую-нибудь тонкую мысль, проводилъ у себя пальцемъ за ухомъ. Но всѣ эти недостатки и странности Мартына Степаныча сторицею выкупались развитымъ почти до сократовскихъ размѣровъ лбомъ и необыкновенно въ то-же время мечтательными сѣрыми глазами, которымъ соответствовалъ мягкій, убѣждающій голосъ, такъ что, кто-бы ни слушалъ Мартына Степаныча, никогда никто не могъ усомниться въ томъ, что говоримое имъ идетъ изъ глубины его сердечнаго убѣжденія.

Увидавъ прибывшихъ къ нему гостей, онъ выразилъ на своемъ подвижномъ лицѣ одновременно удивленіе и радость.

— Благодарю, глубоко благодарю васъ, что посѣтили меня!—воскликнулъ онъ съ мгновенно вспыхнувшимъ взоромъ и затѣмъ крѣпко обнялся и го-

рачо расцѣдовался съ докторомъ и съ Егоромъ Егорычемъ.

— Лучше вамъ?—было первое слово Сверстова.

— Какъ вамъ сказать? Нервы стали какъ будто-бы поспокойнѣе, — отвѣчалъ Мартынъ Степанычъ.—Но позвольте мнѣ, однако, мой дорогой другъ, взглянуть попристальнѣе на васъ!—обратился онъ къ Егору Егорычу и всматриваясь въ того. — Вы молодецъ, юноша еще!

«Женится на дняхъ», чуть было не бухнулъ докторъ, но удержался, предчувствуя, что, можетъ быть, это не понравится Егору Егорычу.

— Я не жалуясь, здоровъ, — отвѣчалъ тотъ прибодряясь.—А мы сейчасъ были у юродиваго одного!—присовокупилъ онъ затѣмъ, зная, что Пилецкій всегда интересовался всеми такъ называемыми божіими людьми.

— У какого юродиваго? — спросилъ Мартынъ Степанычъ съ вспыхнувшимъ снова взоромъ.

— Тутъ есть Андреюшка: тридцать лѣтъ онъ сидитъ по собственному хотѣнію на цѣпи, молится мысленно и, какъ рассказываютъ, пророчествуетъ!

— Весьма возможно! — сказалъ протяжно Мартынъ Степанычъ. — Даръ пророчества гораздо болѣе распространенъ между людьми, чѣмъ это предполагаютъ...

— Вы думаете?—перебилъ его Егоръ Егорычъ.

— Убѣжденъ глубоко въ томъ! — отвѣчалъ Пилецкій.—Возьмите вы одно: кромѣ людей къ Богу близкихъ, пророчествуютъ часто поэты, пророчествуютъ ученые и великіе философы, каковъ былъ, укажу прямо, Яковъ Бемъ! Простой сапожникъ,

онъ проревъ то, что и греческимъ философамъ не снилось!

— Да, онъ выше ихъ взялъ!—подтвердилъ Егоръ Егорычъ.—Но вы, перечисляя лицъ пророчествующихъ, забыли еще нашихъ аскетовъ!

— Да, и аскетовъ, конечно, надо было упомянуть!—сказалъ Мартынъ Степанычъ.

— Аскетовъ вашихъ, Егоръ Егорычъ, я прежде не признавалъ,—вмѣшался въ разговоръ Сверстовъ:—но теперь, повидавъ Андреюшку, котораго тоже надобно отнести къ разряду аскетовъ, долженъ сказать, что, по моему, онъ или плутъ великій, или представляетъ собою чудо.

— Чѣмъ собственно? — спросилъ Мартынъ Степанычъ.

— Тѣмъ-съ, что Андреюшка этотъ тридцать лѣтъ качается на проходящихъ у него подъ мышками цѣпяхъ и на тѣлѣ его нѣтъ ни малѣйшаго знака отъ прикосновенія цѣпей.

Пилецкій при этомъ на нѣсколько мгновений задумался.

— Можетъ быть, онъ удостоился уже получить тѣло преобразенное. Господь въ милости своей великъ: Онъ даритъ этимъ излюбленныхъ Имъ людей.

— Да, но, чтобы достичь этого, все-таки нуженъ извѣстный правильный путь! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Непремѣнно! — подтвердилъ Мартынъ Степанычъ.

— И аскеты его имѣли въ строгой опредѣленной формѣ *умнаго дѣланія*.

Мартынъ Степанычъ молчалъ.

— Вамъ знакомы эти формы? — спросилъ его Егоръ Егорычъ.

— Отчасти, но только весьма поверхностно! — отвѣчалъ Мартынъ Степанычъ.

— Хотите, я вамъ объясню подробно? — сказалъ Егоръ Егорычъ.

— Это будетъ манной для моей души, — проговорилъ Мартынъ Степанычъ.

— Въ такомъ случаѣ, я начну прямо, — продолжалъ Егоръ Егорычъ. — Я знаю, кто вы, и вы знаете кто я; мы, русскіе мартинисты, прежде всего мистики и съ французскими мартинистами сходствуемъ и различествуемъ: они непрерывно вводятъ мелкіе политическіе интересы въ свое ученіе, у насъ — ихъ нѣтъ! Сверхъ того, мы имѣемъ примѣръ въ нашихъ аскетахъ и признаемъ всю благодѣтельную силу путей умнаго дѣланія!

— Позвольте, — возразилъ ему на это Мартынъ Степанычъ: — я — давно, конечно, это было — читалъ объ умномъ дѣланіи на испанскомъ языкѣ, но, опять-таки повторяю, подробности совершенно утратились у меня изъ головы.

— Подробности умнаго дѣланія таковы! — перебилъ его Егоръ Егорычъ: — оно, что и вы, вѣроятно, знаете, стремится вывести темный огонь жизни изъ свѣта внѣшняго міра въ свѣтъ міра божественнаго. Но такъ какъ внѣшнія вещи міра мы познаемъ: первое, черезъ внѣшній свѣтъ, въ коемъ мы ихъ видимъ; второе, черезъ звуки, которыми онѣ съ вами говорятъ, и черезъ тѣлесныя движенія, которыя ихъ съ нами соединяютъ, то для отвлеченія всего этого необходимы мракъ, тишина и

собственное безмолвіе; а потому, приступая къ умному дѣланію, мы должны закрнуться въ тихой и темной кельѣ и безмолвно пребывать въ ней въ неподвижномъ положеніи, сидя или лежа. За снмъ самое умное дѣланіе совершается въ семи степеняхъ соотвѣтственно семи видамъ натуры: изъ сихъ семи степеней или видовъ три суть темныя, въ коихъ нашъ огненный духъ еще только стремится къ небесному свѣту, одинъ видъ есть переходный и три послѣдніе—вышіе. Въ частности сіи семь видовъ и степеней *умнаго дѣланія* суть слѣдующіе: отвлекшись отъ множественности чувствъ, мыслей и желаній, должно собрать и сосредоточить всю силу духа въ области сердца. Вспомогательными средствами для сего являются: задержаніе дыханія (ноздренное дыханіе), при мысленномъ повтореніи молитвы Иисусовой: «Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй мя!» Сіе называется *сжатіемъ* духа; сіе *сжатіе* переходитъ во внутреннее порывистое *движеніе*, выражающееся усиленнымъ біеніемъ сердца. Въ такомъ движеніи духъ, не будучи въ состояніи выйти изъ самого себя, впадаетъ въ *томленіе*. Но томленіе духа по небесномъ свѣтѣ приближаетъ къ намъ сей послѣдній; когда-же онъ соприкасается съ нашимъ духомъ, то происходитъ *сотрясеніе* или *толчекъ*, иначе называемый *небесною молніею*. Это есть переходъ или прорывъ изъ темной области въ свѣтлую. Здѣсь наше существо вводится въ райскую сущность, которая открывается, какъ божественная *теплота*, за каковою слѣдуетъ небесная *сладость*, ощущеніе коей не сопровождается никакимъ страстнымъ томленіемъ и никакими движеніями

въ тѣлѣ; послѣднюю-же степень составляетъ: видѣніе небеснаго *свѣта* и божественныхъ образовъ. Сія степень имѣетъ великое множество различій, сообразно большому или меньшему совершенству созерцающаго.

Прослушавъ все это со вниманіемъ, Мартынъ Степанычъ проговорилъ, наконецъ:

— Да, есть разные способы приближенія къ себѣ Бога!

Но по тону его голоса не трудно было догадаться, что хлыстовскій способъ верченія и круженія казался ему юнѣе, живѣе, человѣчнѣе и, можетъ быть, даже вѣрнѣе для призванія въ свое нравственное бытіе божественнаго духа.

Побесѣдовавъ такимъ образомъ съ Пилецкимъ часа съ два, Егоръ Егорычъ и докторъ отправились въ Кузьмпшево. Всю дорогу Егоръ Егорычъ разсуждалъ о Мартынѣ Степанычѣ.

— Пилецкій чрезвычайно перемѣнился, чрезвычайно!—говорилъ онъ.—Я года три назадъ его видѣлъ; это былъ старикъ еще крѣпкій, разговорчивый, а теперь что это такое?

— Я говорю, что онъ влюбленъ въ эту свою какъ ее?... Екатерину Филипповну, и теперь скучаетъ объ ней. Онъ мнѣ съ первыхъ словъ сталъ описывать ее, но съ вами, я не знаю почему, ни слова не заикнулся объ этомъ!

— Разговоръ не зашелъ о томъ. Кромѣ того, онъ прежде достаточно говорилъ мнѣ о своей духовной матери.

— А онъ называетъ ее духовной матерью? — спросилъ докторъ.

— Всегда, и еще тогда ходила по Петербургу острота Павла Катенина, который сказалъ, что Пилецкаго, какъ евангельскую ленту, отыскала вдовица и принесла ко Христу.

— Это не дурно!—замѣтилъ-было Сверстовъ. Но Егоръ Егорычъ нахмурился.

— Что-же тутъ недурнаго?—проговорилъ онъ.

— А самую вдовицу вы знаете?—разспрашивалъ Сверстовъ.

— Нѣтъ, и не видалъ даже никогда, но слыхалъ, что она умная, искренно-вѣрующая въ свой даръ пророчества, весьма сострадательная къ бѣднымъ и больнымъ; тутъ у нихъ, въ ихъ согласіи, былъ членомъ живописецъ Боровиковскій, талантливый художникъ, но, какъ говорили тогда, пошивалъ; Екатерина Филипповна, сообща съ Мартыномъ Степанычемъ, какъ самые нѣжные родители, возилсъ съ нимъ, уговаривали его, стыдили, наконецъ, наказывали притворнымъ аки-бы гнѣвомъ на него.

Пока, такимъ образомъ, рассказывалъ Егоръ Егорычъ, показалось и Кузьмищеву, гдѣ мои кавалеры нашли дамъ очень уставшими съ дороги и уже улегшимися спать.

На другой день поутру начались толкованія о предстоящемъ вѣнчаніи Егора Егорыча съ Сусанной, которое потомъ и совершилось съ полной простотой.

Въ избранный для вѣнчанія день Егоръ Егорычъ послалъ Антипа Ильича къ священнику, состоящему у него на ругѣ (Кузьмищеву, какъ мы знаемъ, было село), сказать, что онъ будетъ вѣнчаться съ Сусанной Николаевной въ пять часовъ вечера, а затѣмъ

всѣ, то-есть женихъ и невѣста, а также gnädige Frau и докторъ, отправились въ церковь пѣшкомъ; священникъ, впрочемъ, освѣтилъ храмъ полнымъ освѣщеніемъ и самъ съ дьякономъ облекся въ дорогія дородоровыя ризы, въ которыхъ служилъ только въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія. Всѣ дворовые и даже крестьяне Егора Егорыча сбѣжались на эту церемонію. Преобладающее въ этомъ случаѣ число было, конечно, женщинъ и ребятшекъ: послѣдніе безсмысленно, но съ большимъ любопытствомъ на все глядѣли, а изъ женщинъ, особенно молодыхъ, нѣкоторыя слегка вздыхали и проговаривали шепотомъ между собою:

— Ишь ты какая молоденькая идетъ за нашего барина!

Усердиѣ всѣхъ, въ продолженіе всей церемоніи, молились Антинъ Ильичъ и ключница Фадѣевна.

Подъ конецъ вѣнчанія священникъ сказалъ заранее сочиненное имъ слово:

«Тайна сія велика есть, азъ-же глаголю во Христа и во церковь» — такъ говоритъ о бракѣ богумудрый и боговдохновенный апостолъ. О сей великой тайнѣ вамъ, отнынѣ ея причастнымъ, не въ откровеніе неизвѣстнаго, а въ напоминаніе объ извѣстномъ, хочу я сказать богомысліемъ внушенное слово.

«Бракъ Христа и церкви есть возстановленный союзъ Бога съ твореніемъ. Союзъ возстановленный указываетъ намъ на союзъ первоначальный, коего нарушеніе потребовало возстановленія. Воистину Богъ отъ вѣка былъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ натурою, и союзъ сей ни на чемъ иномъ могъ быть основанъ,

вагъ на томъ, что служить основаніемъ всякаго истиннаго союза и первѣе всего—союза брачнаго,— разумѣю на взаимномъ самоотверженіи или чистой любви, ибо Богъ, изводя изъ Себя твореніе, на него, а не на Себя обращалъ волю Свою, а подобно сему и тварная натура не въ себѣ, а въ Богѣ должна была видѣть цѣль и средоточіе бытія своего; негнѣннымъ и чистымъ сіяніемъ божественнаго свѣта должна была она вѣчно питать пламенное горѣніе своего жизненнаго начала.

«Но владычествующій духъ первозданной природы, князь міра сего, первый носитель божественнаго свѣта въ природѣ, отчего и называется онъ Люциферомъ, сирѣчь свѣтоносцемъ или Денницею, дѣйствіемъ воли своей расторгъ союзъ Бога съ натурою, отдѣлилъ огонь своей жизни отъ свѣта жизни божественной, захотѣвъ самъ себѣ быть свѣтомъ. Обратившись противъ Сущаго, изрекъ онъ изъ себя: «я есмь!» и сіе «я есмь!» несокрушимую стѣну воздвигло и бездну непроходимую простерло между Богомъ и твореніемъ; расторгся союзъ ихъ, а съ нимъ расторглась и связь самого творенія, въ подчиненіи Единому Сущему состоявшая. Все безчисленное множество тварей, по примѣру вождя своего, воскликнуло: «я есмь!» — и воспламенился жизненный огонь всякой твари дикимъ и мрачнымъ пламенемъ; всѣ онѣ устремились другъ противъ друга, и каждая тщилась уничтожить всѣхъ другихъ, дабы можно было ей сказать: «я и только я есмь!»

«Но сіе незаконное дѣйствіе распавшейся природы не могло уничтожить вѣчнаго закона божественнаго единства, а должно было токмо вызвать противо-

дѣйствіе онаго, и во мракѣ духомъ злобы порожденнаго хаоса съ новою силою возсіялъ свѣтъ божественнаго Логоса; воспламененный княземъ вѣва сего великій всемірный пожаръ залитъ зиждительными водами Слова, надъ коими носился Духъ Божій; въ теченіе шести міровыхъ дней весь мрачный и безобразный хаосъ превращенъ въ свѣтлый и стройный космосъ; всѣмъ тварямъ положены ненарушимые предѣлы ихъ бытія и дѣятельности въ числѣ, мѣрѣ и вѣсѣ, въ силу чего ни одна тварь не можетъ внѣ своего назначенія одною волею своею дѣйствовать на другую и вредить ей; духъ-же беззаконія заключенъ въ свою внутреннюю темницу, гдѣ онъ вѣчно сгараетъ въ огнѣ своей собственной воли и вѣчно вновь возгарается въ ней.

«Но если низверженіе возставшаго духа въ мрачную бездну и приведеніе въ законный порядокъ всѣхъ тварей соотвѣтствовало правдѣ Божіей, то оно еще не удовлетворяло любви божественной. Не довляло любящему Божеству быть связаннымъ съ возлюбленною имъ натурою міра одною внѣшнею связью естественнаго закона и порядка; оно желало имѣть съ нею внутренній союзъ свободной любви, для коего твари являлись неспособными. А посему Божественное Слово, собравъ всѣ существенныя свойства тварей и совокупивъ ихъ въ одну умопостигаемую единицу, какъ настоящее зеркало всееднаго Бога, отразилось въ семъ живомъ зеркалѣ, и Богъ-Отецъ, узрѣвъ въ немъ точный образъ и подобіе возлюбленнаго Сына, излилъ въ него Духъ свой, сирѣчь волю любви своей,— и созданъ человекъ, и почи Богъ отъ дѣлъ своихъ. Но сей покой Божества могъ быть нарушенъ въ са-

момъ мѣстѣ его успокоенія, то есть въ человѣкѣ. Ибо человѣкъ, будучи одинаково причастенъ Духа Божія и стихійной природы міра, и находясь свободною душею своею среди сихъ двухъ началъ, какъ нѣкая связь ихъ и проводникъ дѣйствія Божія въ міръ, тѣмъ самымъ имѣлъ роковую возможность разъединить ихъ, уклонившись отъ божественнаго начала и переставъ проводить его въ природу. Дѣйствительно, человѣкъ, какъ и сатана, расторгъ сей божественный бракъ, нарушилъ сей союзъ любви. Но иной былъ здѣсь образъ нарушенія, иные и послѣдствія. Сатана утвердилъ волю свою въ себѣ самомъ и мнилъ собою замѣнить Божество; человѣкъ-же обратилъ свою волю на другое,—на низшую природу, стремясь соединиться съ нею не чрезъ одухотвореніе ея Духомъ Божиимъ, а чрезъ уподобленіе себя ей или свое овеществленіе. Согласно сему, какъ грѣхъ Сатаны былъ возстаніе и возношеніе, такъ грѣхъ человѣка былъ паденіе и униженіе: Сатана обратился противъ Божества, человѣкъ-же токмо отвратился отъ Божества; соотвѣтственно чему Сатана ввергъ себя въ мрачную бездну неугасимаго огня и ненасытимаго духовнаго глада, человѣкъ-же подвергся лишь работѣ тлѣнія, впавъ въ рабство матеріальной природы, и внутренней богатный свѣтъ божественной жизни обмѣнялъ на внѣшній свѣтъ вещественнаго міра. Отторгшись отъ всеединого божественнаго начала, человѣкъ утратилъ и внутреннюю связь существа своего: самый предметъ желанія его, начало натуральное, отдѣлилось отъ него и обособилось; человѣкъ распался на два внѣшнихъ существа—плотскаго мужа и жену, коимъ присуща лишь похоть внѣшняго,

матеріальнаго соединенія, ведущаго не къ истинному единству, а наипаче къ раздѣленію и размноженію. Итакъ, духовный райскій бракъ въ образѣ и подобіи Божиємъ замѣненъ плотскимъ бракомъ.

«Но и въ семъ жалкомъ состояніи паденія не въ конецъ порвалась связь человѣка съ началомъ божественнымъ, ибо человѣкъ не отвергъ сего начала въ глубинѣ существа своего, какъ сдѣлалъ сіе Сатана, а лишь уклонился отъ него похотью, и, въ силу сего внѣшняго или центробѣжнаго стремленія, подпавши внѣшнему рабству природы, сохранилъ, однако, внутреннюю свободу, а въ ней и залогъ возстановленія, какъ нѣкій слабый лучъ райскаго свѣта или нѣкое сѣмя божественнаго Логоса. И поколику Богъ только чрезъ свободную душу человѣка могъ имѣть союзъ съ тварію, то когда человѣкъ изъ райской ограды ниспалъ на землю труда и страданія, то и Божество должно было послѣдовать туда за нимъ, дабы на мѣстѣ паденія возстановить падшаго и стать плотію въ силу небесной любви. И слово плоть бысть и вселися въ ны. Райскій лучъ просіялъ полнымъ свѣтомъ, и заложенное въ естествѣ человѣческомъ сѣмя спасенія произрастило новое древо жизни. Распавшись въ Адамѣ, существо наше снова воссоединилось во всѣхъ частяхъ своихъ, человечество стало церковію и, какъ вновь обрѣтенная невѣста, сочеталось съ небеснымъ женихомъ своимъ. И если доселѣ всякій человѣкъ, какъ образъ перваго грѣховнаго Адама, искалъ плотскаго, на слѣпой похоти основаннаго союза съ своею отдѣленною натурою, то есть съ женою, такъ нынѣ, послѣ того какъ новый Адамъ возстановилъ духовный союзъ

съ новою Евою, сирѣчь церковью, каждый отдѣльный человѣкъ, сдѣлавшись образомъ этого небеснаго Адама, долженъ и въ натуральномъ союзѣ съ женою имѣть основаніемъ чистую духовную любовь, которая есть въ союзѣ Христа съ церковью; тогда и въ плотскомъ жителствѣ не только сохранится небесный свѣтъ, но и сама плоть одухотворится, какъ одухотворилось тѣло Христово. Такимъ образомъ въ самое тѣлесное общеніе мжемъ мы провести и чрезъ него осуществить возстановленный во Христѣ союзъ Бога съ натурою, если только внѣшнее единеніе будетъ для насъ не цѣлю и не первымъ побужденіемъ, а лишь крайнимъ выраженіемъ и послѣднимъ довершеніемъ того внутренняго духовнаго единства, про которое самъ Господь сказалъ: «что Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ».

«Такъ вы, нынѣ во Христѣ сочетавшіеся братъ и сестра, когда слышали заповѣдь Божию Адаму и Евѣ: «плодитесь, множитесь и населяйте землю», то заповѣдь сія, въ плотскомъ своемъ смыслѣ, не токмо язычниками, но и скотами безсловесными исполняемая, для васъ, христіанъ, дважды рожденныхъ, не плотское токмо должна содержать разумніе. «Плодитесь» — сирѣчь приносите плоды Духа Святаго во всякой добродѣтели. «Множитесь» — сирѣчь умножайте познаніе ваше о предметахъ божественныхъ. «И населяйте землю» — сирѣчь землю новую, идѣже правда живеть. Аминь».

Плакала, слушая эту проповѣдь, почти наварыдъ Сусанна; у Егора Егорыча также текли слѣзы; оросили онѣ и глаза Сверстова, который нѣтъ-нѣтъ, да и закидывалъ свою курчавую голову назадъ; кого-

же больше всѣхъ произнесенное отцомъ Василіемъ слово вышибло, такъ сказать, изъ сѣдла, такъ это gnädige Frau, которая передъ тѣмъ очень рѣдко видала отца Василія, потому-что въ православную церковь она не ходила, а когда онъ приходилъ въ домъ, то почти не обращала на него никакого вниманія; но тутъ, увидавъ отца Василія въ золотой ризѣ съ расчесанными сѣдыми волосами и услыжавъ, какъ онъ краснорѣчиво и правильно разсуждаетъ о столь возвышенныхъ предметахъ, gnädige Frau пришла въ несказанное удивленіе, ибо никакъ не ожидала, чтобы между русскими попами могли быть такія свѣтлыя личности. Ей, конечно, и въ голову не приходило, что отецъ Василій, содержимый Егоромъ Егорычемъ на ругѣ при маленькой церкви, былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и многосвѣдущихъ масоновъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Прошла осень, прошла зима и наступила снова весна, а вмѣстѣ съ нею въ описываемой мною губерніи совершились важныя событія: губернаторъ былъ удаленъ отъ должности,—впрочемъ, по прошенію; сенаторская ревизія закончилась, и сенаторъ—если не въ одномъ экипажѣ, то совершенно одновременно, уѣхалъ съ madame Клавской въ Петербургъ, послѣ чего прошелъ слухъ, что новымъ губернаторомъ будетъ назначенъ Крапчикъ, которому, будто-бы, обѣщаль это сенаторъ, дѣйствительно бывшій послѣднее время весьма благосклоненъ къ Петру Григорьичу; но вышло совершенно противное (Егоръ Егорычъ не даромъ, видно, говорилъ, что графъ Эдлерсъ — старая остзейская лиса): губернаторомъ, немедля-же по возвращеніи сенатора въ Петербургъ, былъ опредѣленъ не Петръ Григорьичъ, а дальній родственникъ графа Эдлерса—баронъ Висбахъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и тоже камергеръ.

Ударъ для самолюбія Крапчика былъ страшный, такъ что онъ пересталъ даже выѣзжать въ общество: ему стыдно было показаться кому бы то ни было изъ постороннихъ на глаза; но гнѣвъ Божій за всѣ темныя дѣянія Петра Григорьича этимъ еще не изсякъ, и въ одно утро онъ получилъ письмо отъ Катринъ, надписанное ея рукою и запечатанное. Не понимая, чтò значитъ такая затѣянная дочерью переписка, когда она жила съ нимъ въ одномъ домѣ, Петръ Григорьичъ не безъ испуга и торопливо раскрылъ письмо. Оно въ самомъ дѣлѣ оказалось роковымъ для него:

«Я отъ васъ бѣжала съ Ченцовымъ, — писала Катринъ:—не трудитесь меня искать; я еще третьяго дня обвинчалась съ Валеріаномъ, и теперь мы ѣдемъ въ мое имѣнье, на которое прошу васъ выслать мнѣ всѣ бумаги, потому что я желаю сама вступить въ управленіе моимъ состояніемъ».

«Остаюсь дочь ваша Екатерина Ченцова».

— Нѣтъ, врешь, ты не уйдешь отъ меня!—Лошадей!!—закричалъ-было Петръ Григорьичъ, но на томъ и смолкъ, потому что грохнулся со стула длиннымъ тѣломъ своимъ на полъ. Прибѣжавшіе на этотъ стукъ лакей нашлп барина мертвымъ. Помимо отталкивающаго впечатлѣнія всякаго трупа, Петръ Григорьичъ, въ то-же утро положенный лакеями на столъ въ огромномъ танцевальномъ залѣ и уже одѣтый въ свой павловскій мундиръ, лосиные штаны и вычищенные ботфорты, представлялъ что-то необыкновенно мрачное и устрашающее: огромныя ступни его ногъ, начавшія окостенѣвать, перпендикулярно торчали; лицо Петра Григорьича не поху-дѣло, но только почернѣло еще болѣе и исказилось;

изъ скривленнаго и немного открытаго въ одной сторонѣ рта сочилась бѣлая пѣна; подстриженные усы и короткіе волосы на головѣ оцетинились; закрытые глаза ввалились; обѣ руки, сжатые въ кулаки, какъ-бы говорили, что послѣднее земное чувство Крапчика было гнѣвъ!

Въ головѣ и въ ногахъ покойника стояли четыре огромныя и толстыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, и свѣтящееся черезъ открытыя окна, заходящее солнце слегка играло на нихъ, равно какъ и на ботфортахъ. Причетникъ читалъ или, лучше сказать, бормоталъ, глядя въ развернутую передъ нимъ на налоѣ толстую книгу, и въ это-же самое время слышались изъ сосѣднихъ комватъ шаги ходившихъ по дому частнаго пристава, стряпчаго, понятыхъ, которые печатавали всѣ ящики въ столахъ, всѣ комоды, шкафы и сундуки. Изъ знакомыхъ Петра Григорыча ни въ день смерти его, ни на другой день,—хотя слухъ о томъ облетѣлъ въ какой-нибудь часъ весь городъ,—никто не пріѣхалъ поклониться его тѣлу: Крапчика многіе уважали, иные боялись, но никто не любилъ.

Катринъ, увѣдомленная съ нарочнымъ о смерти отца, не пріѣхала на похороны, а прислала своего молодаго управляющаго, Василя Иваныча Тулузова, котораго иѣюгда съ такою недовѣрчивостью прінялъ къ себѣ Петръ Григорычъ и которому, однако, за его распорядительность, черезъ весьма недолгое время, поручилъ завѣдывать всѣми своими имѣньями и сталъ звать его почетнымъ именемъ: «Василій Иванычъ», а иногда и «господинъ Тулузовъ». Не было никакого сомнѣнія, что управляющій

былъ весьма распорядителенъ. Прибывъ въ губернскій городъ, онъ первое, что послалъ за приходскими священниками съ просьбою служить должныя панихиды по покойникѣ, потомъ строго разбранилъ старшихъ изъ прислуги, почему они прежде этого не сдѣлали, велѣвъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ безвыходно торчать въ залѣ и молиться за упокой души барина. Устроивъ это, Тулузовъ разослалъ именитымъ лицамъ города пригласительные билеты о томъ, чтобы они посѣтили панихиды по Петрѣ Григорьичѣ, а равно и долженствующее черезъ день послѣдовать погребеніе его. Независимо отъ того, Тулузовъ явился къ секретарю дворянскаго депутатскаго собранія и просилъ его, вмѣстѣ съ подвластными ему чиновниками, быть на погребеніи его превосходительства, какъ бывшаго ихъ благодѣтеля и начальника, присоединивъ къ сему еще и другую просьбу: принять трапезу, которая послѣдуетъ за погребеніемъ. Секретарь, хоть и не считалъ Петра Григорьича своимъ благодѣтелемъ, но, любя поѣсть и выпить, объявилъ, что онъ будетъ, а также и всѣ его чиновники, хорошо вѣдая, что тѣ тоже не прочь ублажить свой мамонъ при какомъ-бы то ни было случаѣ. Отъ секретаря управляющій проѣхалъ къ начальнику губерніи, барону Висбаху, которому въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ объяснилъ, что онъ управляющій бывшаго губернскаго предводителя Петра Григорьича Крапчика и пріѣхалъ просить начальника губерніи почтить своимъ посѣщеніемъ прахъ его господина. Начальникъ губерніи на это сказалъ, что онъ непременно будетъ и что это обязанность его даже.

Вслѣдствіе таковыхъ мѣръ, принятыхъ управляющимъ, похороны Петра Григорьича совершились съ полной торжественностью: впереди шелъ камердинеръ его съ образомъ въ рукахъ; за нимъ слѣдовали архіерейскіе пѣвчіе и духовенство, замыкаемое въ сообществѣ архимандритовъ самимъ преосвященнымъ Евгеніемъ; за духовенствомъ были несомы секретаремъ дворянскаго собранія, въ мундирѣ, а также двумя-тремя чиновниками, на бархатныхъ подушкахъ, ордена Петра Григорьича, а тамъ, какъ водится, тянулась погребальная колесница съ гробомъ, за которымъ непосредственно шелъ, въ золотомъ и блистающемъ камергерскомъ мундирѣ, губернаторъ, а также и другіе сильные міра сего, облеченные въ мундиры; ѣхали въ каретахъ три-четыре немолодыя дамы—дальнія родственницы Петра Григорьича,—и наконецъ, провожали барина всѣ его дворовые люди, за которыми бѣжала и любимая мосьга Петра Григорьича, пребезобразная и презлая. Хотя въ этомъ кортежѣ и старался всѣ имѣть печальныя лица (секретарь депутатскаго собранія успѣлъ даже выжать изъ глазъ двѣ-три слезинки), но истиннаго горя и сожалѣнія ни въ комъ не было замѣтно, за исключеніемъ, впрочемъ, дворовской прачки Петра Григорьича, женщины уже лѣтъ сорока и некрасивой собою: она ревмя-ревѣла въ силу того, что послѣднее время баринъ приблизилъ ее къ себѣ, и она ужасно этимъ дорожила и гордилась!

На данномъ послѣ похоронъ обѣдѣ присутствовали только чиновники депутатскаго собранія, имѣя во главѣ своей секретаря, пѣвчіе архіерейскіе и приходскій священникъ съ причтомъ; самый обѣдъ про-

шелъ весьма прилично; конечно, одинъ изъ столоначальниковъ депутатскаго собранія, подвыпивъ, негромко воскликнулъ своему собесѣднику: «Онъ меня гналъ, такъ и чортъ его дери, что умеръ!» Хотѣлъ-было также и басъ изъ пѣвчихъ провозгласить вѣчную память покойнику, но управляющій, ходившій около стола, успѣвалъ какъ-то во-время и сразу прекращать все это, и вообще виннаго снадобья немного красовалось на столѣ, и то это были одни только виноградныя вина, а водка еще съ самаго начала обѣда была куда-то убрана.

Предавъ съ столь великимъ почетомъ тѣло своего патрона землѣ, молодой управляющій снова явился къ начальнику губерніи и доложилъ тому, что единственная дочь Петра Григорьича, Катерина Петровна Ченцова, будучи удручена горемъ и потому не могшая сама пріѣхать на похороны, поручила ему почтительнѣйше просить его превосходительство, чтобы всѣ деньги и бумаги ея покойнаго родителя онъ приказалъ распечатать и дозволилъ бы полиціи, совместно съ нимъ управляющимъ, отправить ихъ по почтѣ къ госпожѣ его.

— Это, полагаю, что возможно?—сказалъ губернаторъ стоявшему у него въ это время полицмейстеру.

— Прежде никогда такъ не дѣлалось!—возразилъ было тотъ.

— Что-жъ изъ того, что не дѣлалось,—возразилъ ему въ свою очередь губернаторъ и обратился потомъ къ управляющему: — Завтрашній день я самъ пріѣду въ домъ Петра Григорьича, распечатаю деньги

и бумаги и лично вмѣстѣ съ вами отправлю ихъ Катеринѣ Петровнѣ!

Управляющій поблагодарилъ его низкимъ поклономъ.

Губернаторъ исполнилъ свое обѣщаніе и, при бытности того-же частнаго пристава, стряпчаго и прежнихъ понятыхъ, распечаталъ ящики въ письменномъ столѣ и конторкѣ, гдѣ хранились деньги и бумаги Петра Григорыча, и при этомъ нашлось три тысячи золотомъ, тысяча рублей серебряными деньгами, рублей на пятьсотъ бумажекъ, да, сверхъ того, въ особомъ пакетѣ изъ сахарной бумаги триста тысячъ именными билетами опекунскаго совѣта и затѣмъ цѣлый портфель съ разными документами. Губернаторъ все это, какъ и говорилъ, поѣхалъ самъ отправить на почту, взявъ съ собою въ карету управляющаго, причемъ невольно обратилъ вниманіе на то, что сей послѣдній, усѣвшись рядомъ съ нимъ въ экипажъ, держалъ себя хоть и вѣжливо въ высшей степени, но нисколько не конфузливо.

— Вы—извините мой вопросъ—вѣрностной Петра Григорыча?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, я нанятой!

— Званіе ваше?

— Изъ разночинцевъ!—отвѣтилъ неопредѣленно управляющій.

Губернаторъ, впрочемъ, этимъ удовлетворился.

Въ почтовой конторѣ, при появленіи начальника губерніи, произошелъ маленькій переполохъ: чиновники, удивленные и отчасти испуганные такимъ нечаяннымъ посѣщеніемъ его, принялись проворно за-наковывать и запечатывать деньги и документы

Петра Григорьича и писать со словъ управляющаго адресы, а губернаторъ тѣмъ временемъ, развернувъ книгу денежныхъ выдачъ, сталъ просматривать ее.

— Что это такое?—спросилъ онъ стоявшаго передъ нимъ на вытяжкѣ помощника почтмейстера:— Тутъ я вижу, что за какого-то крестьянина росписался почтальонъ Зубаревъ.

— Крестьянинъ неграмотный-съ,—отвѣчалъ-было бойко ему помощникъ почтмейстера.

— Это я вижу,—произнесъ уже строго губернаторъ:—но почтальоны, равно какъ и другіе чиновники конторы, не имѣютъ права ни за кого росписываться. Прошу васъ, чтобы впередъ этого не было!

— Слушаю-съ!—сказалъ, потупляя глаза, помощникъ почтмейстера.

Потомъ, когда надобно было выдать росписку въ принятыхъ почтою предметахъ, то ее унесли подписывать куда-то въ другія комнаты.

— Куда-жь росписку унесли!—спросилъ опять губернаторъ помощника почтмейстера.

— Къ подписанію господина губернскаго почтмейстера!—отвѣчалъ тотъ.

— А отчего его здѣсь нѣтъ?—воскликнулъ губернаторъ съ удивленіемъ и негодованіемъ.

— Они больны-съ!—пояснилъ помощникъ.

— Тогда въ исполненіе всѣхъ его обязанностей вы должны были вступить!

— Они больны очень продолжительною болѣзью, —водяной, и около года уже не выходятъ изъ своей комнаты,— проговорилъ, еще болѣе потупляясь, помощникъ почтмейстера.

— Понимаю,—отозвался на это губернаторъ: — но этого нельзя; отъ меня завтра-же будетъ предложеніе, чтобы больной господинъ почтмейстеръ сдалъ свою должность вамъ, а росписку, мнѣ выдаваемую, извольте разорвать и выдать мнѣ другую за вашимъ подписомъ!

Этого, впрочемъ, оказалось ненужнымъ дѣлать, потому что почтальонъ, носившій росписку къ губернскому почтмейстеру, принесъ ее неподписанною и напвно доложилъ:

— Борисъ Михайлычъ почиваютъ!

Губернаторъ на это злобно усмѣхнулся.

— Вотъ плоды существующихъ у насъ порядковъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ совершенно растерявшемуся помощнику почтмейстера и спѣшившему подписать росписку, которую онъ и преподнесъ губернатору, а тотъ передалъ ее управляющему.

По отбытіи начальника губерніи и молодаго управляющаго изъ конторы, помощникъ почтмейстера принялся ругать почтальона, носившаго росписку:

— Дуракъ и дуракъ! Я вотъ скажу Борису Михайлычу, что ты бухнулъ!

Почтальонъ и самъ ужъ понималъ, что онъ бухнулъ.

Слушавшій это, бухгалтеръ конторы,—большой, должно быть, философъ,—почесалъ у себя въ затылкѣ и проговорилъ усмѣхнувшись:

— Мы плакались и жаловались на чурбана, а Юпитеръ вмѣсто него, видно, прислалъ намъ журавля!

Пока все это происходило, Екатерина Петровна

поселилась съ мужемъ въ принадлежащей ей усадьбѣ Синьковѣ и жила тамъ въ маленькомъ флигелѣ, который прежде занималъ управляющій; произошло это оттого, что большой синьковский домъ былъ хоть и каменный, но внутри его до такой степени все сгнило и отсырѣло, что въ него войти было гадко: Петръ Григорьичъ умышленно не поддерживалъ и даже разорялъ имѣнье дочери. Впрочемъ, Катринъ была рада такому помѣщенію, такъ какъ ея Валеріанъ, по необходимости, долженъ былъ все время оставаться возлѣ нея. Смерть отца, повидимому, весьма мало поразила Катринъ, хотя она и понимала, что своимъ побѣгомъ, а еще болѣе того смысломъ письма своего неспособствовала Петру Григорьичу низойти въ могилу; на Ченцова же, напротивъ, это событіе, въ началѣ, по крайней мѣрѣ, сильно подѣйствовало.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ въ ужасѣ:—еще и еще смерть!

Катринъ неприятно было это слышать.

— Я не понимаю тебя! Неужели ты этими словами оплакиваешь смерть Людмилы или жены твоей!—проговорила она съ легкимъ укоромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смотря жгучимъ и ревнивымъ взоромъ на Ченцова.

— О, я оплакиваю также и смерть отца твоего!—отвѣчалъ Ченцовъ.

— Въ этомъ случаѣ ты успокойся!...—возразила ему Катринъ:—если тутъ кто погрѣшилъ, то это я; но, какъ ты видишь, я не плачу, и знаю, почему не плачу!

Ченцовъ не продолжалъ далѣе объ этомъ разговорѣ и вытянулся на стулѣ, что онъ всегда дѣлалъ, когда

былъ чѣмъ-нибудь взбудораженъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ нимъ, онъ сильно постарѣлъ, оплѣшивѣлъ; по лицу его проходило еще большее число бороздъ, а нѣкоторая одутловатость ясно говорила объ его усердномъ служеніи Бахусу. Не выдаясь болѣе съ дядей и не осмѣливаясь даже писать ему, онъ послѣднюю зиму, доживъ, какъ говорится до моту, что ни хлѣба, ни табаку, сдѣлалъ, полупьяный, предложеніе Катринъ, такой-же полупьяный обвѣнчался съ нею и совершенно уже пьяный выкралъ ее изъ родительскаго дома. Катринъ все это, безъ сомнѣнія, видѣла и тѣмъ не менѣе съ восторгомъ бѣжала съ нимъ; умная, эгоистичная и сухосердая по природѣ своей, она была въ то-же время неудержимо-пылкаго и страстнаго женскаго темперамента: еще съ юныхъ лѣтъ цѣловать и обнимать мужчину, проводить съ нимъ, какъ нѣбогда сказалъ ей Ченцовъ, *неправедныя ночи*, было постоянной ея мечтой. Двадцативосьми лѣтнее дѣвичество сдѣлало еще стремительнѣе въ ней эту склонность, и поэтому бракъ съ Ченцовымъ, столь давно и съ такою страстію ею любимымъ, былъ блаженствомъ, при которомъ для нея все другое перестало существовать.

«Пусть все погибнетъ,» мечтала она: «но только-бы утопать въ блаженствѣ съ этимъ человѣкомъ!...» Ченцовъ на первыхъ иорахъ не обманулъ ея ожиданій: онъ былъ именно таковъ, какимъ она его чаяла.

Въ одинъ изъ вечеровъ Катринъ велѣла накрывать ужинъ. Она давно знала, что Ченцовъ любитъ хорошо поѣсть, а потому, пріѣхавъ въ деревню, разыскала ихъ стараго повара, котораго Петръ Гри-

горичь не держалъ въ городѣ за то, что тотъ имѣлъ привычку покупать хорошіе, а потому не дешевые запасы, и поручила ему стряпать, убѣдительно прося его постараться и о цѣнѣ припасовъ не думать. Старикъ, найдя возможность прилагать свое дарованіе, началъ стряпать съ замѣчательнымъ искусствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ Катринъ запаслась и виномъ для мужа, попреимуществу шампанскимъ. Водки она упросила его, какъ только обвѣнчалась съ нимъ, не пить, и Ченцовъ обѣщалъ ей это, но за то налегъ на шампанское. Для настоящаго ужина поваръ имъ приготовилъ фаршированнаго поросенка подъ галантиромъ, соусъ изъ сморчковъ и чирковъ съ свѣжимъ салатомъ. Ченцовъ вѣлъ все это и пилъ шампанское съ великимъ удовольствіемъ, выпила и Катринъ стакана два; глаза у нея послѣ этого еще болѣе разгорѣлись, и она, обнявъ мужа, хотѣла было начать его цѣловать, но въ ихъ маленькомъ флигелѣ послышались чьи-то негромкіе шаги. Супруги послѣшили поотодвинуться другъ отъ друга. Оказалось, что это пріѣхалъ изъ губернскаго города управляющій, который, впрочемъ, предварительно спросилъ черезъ дверь, можетъ-ли онъ войти.

— Пожалуйста!—крикнулъ ему Ченцовъ.

Управляющій вошелъ. Онъ послѣ дороги успѣлъ уже умыться и пріодѣться.

— Кончили все?—спросила его Катринъ какъ-бы и печальнымъ голосомъ.

— Кончилъ! — отвѣчалъ управляющій и подаль ей три объявленія съ почты: одно на посылаемое ей золото и серебро, другое на билеты опекунскаго совѣта въ триста сорокъ тысячъ и, наконецъ, на имен-

ной билетъ самого Тулузова въ пять тысячъ рублей серебромъ. Катринъ хоть и быстро, но зорко прочитала эти объявленія и съ замѣтнымъ удовольствіемъ передала ихъ мужу; тотъ также пробѣжалъ глазами эти объявленія и произнесъ: «Ого!»

— Благодарю васъ! — сказала затѣмъ Катринъ, мотнувъ привѣтливо головой управляющему. — Но вы, надѣюсь, объяснили нашимъ знакомымъ, что я убита совершенно горемъ?

— Объяснилъ-съ и губернатору новому, и многимъ другимъ лицамъ: всѣ весьма соболѣзнуютъ объ васъ,—проговорилъ управляющій.

— Чѣмъ собственно умеръ Петръ Григорьичъ?—спросилъ Ченцовъ.

— Мудрено-ли умереть такому старому человѣку, какъ Петръ Григорьичъ! — отвѣчалъ управляющій безъ поясненія какихъ-либо подробностей.

— А похороненъ отецъ былъ прилично?—сказала Катринъ.

— Какъ онъ былъ похороненъ, это и описать трудно! — принялся ей докладывать управляющій:— На похороны стекался весь городъ: губернаторъ, архіерей, пѣвчіе, чиновники, и всѣ они оплакивали умершаго.

— Приятно это слышать, — произнесла Катринъ нѣсколько сантиментальнымъ голосомъ.

Затѣмъ управляющій еще подалъ Ченцову бумагу.

— Это еще что?—спросилъ тотъ.

— Счетъ, что стоили похороны,—объяснилъ управляющій.

— О, развѣ подобные расходы считаются!—отозвался Ченцовъ, отодвигая отъ себя бумагу.

— На всякій случай, все таки, взять надо,—замѣтила Катринь.

Управляющій поспѣшилъ подать ей счетъ, который она и положила себѣ въ карманъ.

— Вы такъ все это превосходно устроили,—говорилъ между тѣмъ Ченцовъ: — что позволите вамъ предложить ставанъ шампанскаго.

— Благодарю васъ, я не пью никакого вина!—отказался управляющій.

— Даже шампанскаго?—воскликнулъ Ченцовъ съ удивленіемъ.

— Никакого!—повторилъ управляющій.

— Но чѣмъ-же, однако, мы васъ вознаградимъ?—продолжалъ Ченцовъ, бывшій въ добромъ настроеніи духа частію отъ выпитаго шампанскаго, а также и мысли, что на похоронахъ Петра Григорьича все прошло болѣе, чѣмъ прилично. Надобно-же было, по его мнѣнію, хоть чѣмъ-нибудь почтить старика, смерть котораго, все-таки, лежала до нѣкоторой степени на совѣсти его и Катринь.

— А какое жалованье получали вы у Петра Григорьича?—отнесся онъ снова къ управляющему.

— Петръ Григорьичъ платили мнѣ по мѣрѣ моихъ заслугъ!—объяснилъ управляющій.

— Сколько именно?—добивался Ченцовъ.

— Не желаю этого говорить, потому что Петръ Григорьичъ награждали меня болѣе, чѣмъ я заслуживалъ, а вы сами будете видѣть, чего я стою!

— Увидимъ, конечно, и не обидимъ! — сказала Катринь, желавшая поскорѣе кончить разговоръ съ управляющимъ и остаться съ мужемъ вдвоемъ.

— Это, конечно, что не обидимъ, — подхватилъ

Ченцовъ,—но и желалъ-бы за то, что вы вотъ такъ умно распорядились съ похоронами и съ наслѣдствомъ Петра Григорьича, отдѣльно отъ жалованья поблагодарить васъ.

— Это я сдѣлалъ,—сказалъ управляющій, прижимая руку къ сердцу:—въ благодарность памяти Петра Григорьича и изъ усердія къ будущей моей госпожѣ, Катеринѣ Петровнѣ. За что-жь мнѣ деньги брать за это? Но я просилъ-бы оказать мнѣ другаго рода благодареніе; по званію моему я разночинецъ и желалъ-бы зачислиться въ какое-нибудь присутственное мѣсто для полученія чина, что я могу сдѣлать такимъ образомъ: въ настоящее время я уже выдержалъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища и потому имѣю право поступить на государственную службу, и мнѣ въ нашемъ городѣ обѣщали зачислить меня въ земскій судъ, если только будетъ письмо объ томъ отъ Петра Григорьича.

— Но онъ умеръ такъ не кстати! — возразилъ Ченцовъ.

— Это все равно,—продолжалъ управляющій:—память о Петрѣ Григорьичѣ такъ еще свѣжа, что и по письму Екатерины Петровны также исполнять.

— Напиши, Катринъ, если Василій Иванычъ желаетъ этого!—обратился Ченцовъ къ женѣ.

— Съ удовольствіемъ, но къ кому-же я напишу? —отнеслась она къ управляющему.

— Къ господину исправнику, и потомъ вотъ еще что осмѣлюсь доложить: въ деньгахъ Петра Григорьича находится мой именной билетъ, который Петръ Григорьичъ держалъ у себя на случай какого-

нибудь проступка съ моей стороны и о которомъ есть здѣсь особое объявленіе...

— Мы возвратимъ вамъ этотъ билетъ! Зачѣмъ онъ намъ?—воскликнулъ Ченцовъ.

— Нѣтъ-съ, вы тоже извольте его держать при себѣ, это будетъ покойнѣе для васъ и для меня; я просилъ-бы Катерину Петровну записку Петра Григорьича, которую онъ мнѣ выдалъ, измѣнить на свою.

Съ этими словами управляющій подалъ извѣстную намъ записку Петра Григорьича.

Катринъ прочитала ее.

— Вы желаете, чтобы я сейчасъ-же вамъ дала отъ себя записку?—спросила она.

— Да, если вамъ будетъ не затруднительно,—проговорилъ вѣжливо управляющій.

Катринъ изорвала записку отца и написала таковую отъ себя, получивъ которую управляющій ушелъ.

Оставшись съ глазу на глазъ съ мужемъ, Катринъ немедля-же принялась обнимать и цѣловать его, шепча при этомъ страстнымъ голосомъ:

— Всѣ эти деньги отца моего я тебѣ, тебѣ, мое сокровище, подарю!...

— Куда мнѣ деньги!?... Я еще въ карты ихъ проиграю!—говорилъ смѣясь Ченцовъ.—Вели лучше дать еще бутылку шампанскаго!

— Будетъ! — произнесла было упрашивающимъ голосомъ Катринъ.

— Нѣтъ, ничего!

Катринъ повиновалась и велѣла подать бутылку.

Ченцовъ выпилъ залпомъ изъ нея два стакана.

— А теперь спой что-нибудь изъ моихъ любимыхъ романсовъ!—сказалъ онъ.

— Сумасшедшій! — проговорила Катринъ, но и тому повиновалась.

Сѣвъ за перенесенное изъ большаго дома фортепiano, она сильнымъ и страстнымъ контральто запѣла знакомый намъ романсъ:

„Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!
Съ ней рай иной, но рай чудесный,
Съ ней гаснетъ вѣра въ лучшей край!“

— Нѣтъ, постой, и я пропою!—перебилъ ее Ченцовъ, имѣвшій, видимо, въ головѣ нѣсколько болѣе сантиментальное представленіе, чѣмъ то, которое слышалось въ пѣтомъ романсѣ, и, сѣвъ за рояль, запѣлъ хоть и осиплымъ, но умѣлымъ баритономъ:

«Соловей, мой соловей,
Голосистый соловей,
Кто-то, бѣдная, какъ я,
Ночь прослушаетъ тебя?»

Катринъ, впрочемъ, помѣшала ему докончить этотъ романсъ, потому что, стоя у него за стуломъ, она вдругъ обхватила его голову своими сильными руками и заглушила его пѣніе, прильнувъ губами къ его губамъ.

— Ну, будетъ!—сказала она.

— Будетъ! — отвѣчалъ ей Ченцовъ и, шедши въ спальню, проговорилъ: — Какое дарованіе у этого

Лябьева, чортъ его знаетъ!... По моему, онъ музыкантъ великій!

Управляющій тѣмъ временемъ въ своемъ совсѣмъ маленькомъ флигелькѣ, въ который онъ перебрался, когда Ченцовы заняли его флигель, все еще копошился. Войдя къ себѣ, онъ прежде всего заперъ изнутри дверь, потомъ затворилъ внутренніе ставни, заложилъ ихъ крючками, а затѣмъ засвѣтилъ свѣчку. Въ комнатѣ его былъ довольно большой письменный столъ и нѣсколько соломенныхъ плетеныхъ стульевъ, кровать съ весьма чистыми одѣяломъ и подушками и очень крѣпкій, должно быть, сундукъ, окованный желѣзомъ. Управляющій подошелъ къ этому сундуку и отперъ его; замокъ при этомъ прозвенѣлъ, чѣмъ явно намекалъ на свое дорогое и, можетъ быть, даже англійское происхожденіе. Когда онъ поднялъ крышку у сундука, то оказалось, что тотъ весь былъ наполненъ платьемъ, которое Тулузовъ сталъ выкладывать, и въ показавшееся потомъ дно сундука засунулъ какой-то особый крючекъ и имъ поднялъ это дно, при чемъ обнаружилось, что сундукъ былъ двухъярусный и въ нижнемъ этажѣ, очень небольшомъ, лежали билеты разныхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, примѣрно тысячъ на пятьдесятъ. Положивъ къ этимъ билетамъ росписку Еватерины Петровны, управляющій опустилъ верхнее дно на прежнее мѣсто, а затѣмъ, снова уложивъ въ сундукъ свое платье, заперъ его съ прежнимъ какъ-бы тоскующимъ звономъ замка, который словно давалъ знать, что подъ нимъ таится что-то очень нехорошее и недоброе!

II.

Съ каждымъ днемъ возобновлялось и застраивалось запущенное Петромъ Григорьичемъ *Синьково*. Прежде всего большой домъ былъ исправленъ внутри: мраморныя стѣны въ залѣ, лопнувшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, были сдѣланы совершенно заново; гостиная оклеилась начавшими тогда входить въ употребленіе насыпными суконными обоями зеленого цвѣта; боскетная была вновь расписана; но богаче всего, по желанію Катринъ, украсилась ихъ общая съ супругомъ спальня: она вся была обита въ складку розовымъ штофомъ; мебель въ ней имѣла таковую-же обивку. Прежняя обыкновенная печь въ спальнѣ замѣнилась затѣйливымъ каминомъ, и въ концѣ концовъ брачная кровать молодыхъ представляла нѣчто невѣроятное: она была широчайшая, изъ цѣльнаго красного дерева, и въ обопхъ спинкахъ ея были вдѣланы огромныя зеркала, такъ что всякій, ложившійся на эту кровать, видѣлъ себя съ головы до ногъ. За этой кроватью, да и вообще за многими вещами и даже мастерами, управляющій нарочно ѣздилъ въ Москву. Мебель, бронза и посуда были перевезены въ Синьково изъ городского дома Петра Григорьича. Флигеля и избы для двора тоже были поправлены съ подошвы. Объ этомъ собственно позаботился Ченцовъ, говорившій, что нельзя людей держать въ хлѣвахъ и развалняхъ, и вообще онъ приказалъ управляющему значительно улучшить содержаніе дворовыхъ людей сравнительно

съ тѣмъ, какое они имѣли у Петра Григорьича, который держалъ ихъ на такой антоніевской пищѣ, что нѣкоторые изъ дворни его въ праздники ходили христарадничать. Пожелалъ также Ченцовъ, чтобы въ Синьково былъ переведенъ и большой конскій заводъ, находившійся у Петра Григорьича въ усадьбѣ, нѣкогда подаренной ему Императоромъ Павломъ, и которую Крапчикъ благоустривалъ до послѣдней степени. Заводъ оказался весьма хорошимъ и многочисленнымъ, такъ что для него пришлось выстроить новый обширный и красивый, по своему фасаду, конскій дворъ. Кромѣ конскаго завода, Катринъ велѣла также перевезти изъ отцовской усадьбы и псовую охоту, которая у Петра Григорьича была не маленькая и съ достаточнымъ числомъ пріученныхъ охотниковъ. Словомъ, Ченцовы устроили свою деревенскую жизнь совершенно на широкую ногу русскихъ баръ. Одно, что они не знакомились ни съ кѣмъ изъ сосѣдей, да—признаться сказать—и не съ кѣмъ было, потому что близко отъ нихъ никого не жило изъ помѣщиковъ; знакомиться же съ чиновниками уѣзднаго города Катринъ не хотѣла, такъ какъ они ея нисколько не интересовали, а сверхъ того очень возможно, что въ ихъ кругу могла найтись какая-нибудь хорошенькая дама, за которой ея Валеріанъ, пожалуй, приволочнется. Такое опасеніе Катринъ, кажется, было по меньшей мѣрѣ преждевременно, ибо Ченцовъ пока еще совершенно былъ поглощенъ пылкою любовью своей супруги и потомъ искренно развлекался забавами Немврода: онъ охотился съ псовой охотой, въ которой иногда участвовала очень болѣе и смѣло вздвигшая верхомъ

Катринъ, одѣтая въ амазонку, въ круглую мужскую шляпу и съ нагайкой въ рукѣ; катались также молодые супруги въ кабриолетѣ на рысистомъ бѣгунѣ, причемъ Катринъ всегда желала сама править, и Ченцовъ, передавъ ей возжи, наблюдалъ только, чтобы лошадь не зарвалась очень; но Катринъ управляла ею сильно и умѣло. Съ наступленіемъ глубокой осени, конечно, всѣ эти удовольствія должны были прекратиться; единственнымъ развлеченіемъ для моихъ супруговъ остались пѣніе и музыка по вечерамъ, которые обыкновенно оканчивались небольшими оргіями за ужиномъ. Задумалъ было Валеріанъ приняться за чтеніе; но въ библіотекѣ Петра Григорьича, тоже перевезенной изъ его городского дома и весьма немноготомной, оказались только книги масонскаго содержанія и, къ счастью, въ одномъ маленькомъ шкафикѣ очутился неизвѣстно откуда попавшій Боккачіо на французскомъ языкѣ, за котораго Ченцовъ, какъ за сокровище какое, схватился и сталъ вмѣстѣ съ супругою цѣлые вечера не то что читать, а упиваться и питаться симъ нескромнымъ писателемъ. Катринъ тоже восхищалась этимъ чтеніемъ до такой степени, что, слушая описаніе нѣкоторыхъ сценъ, она чувствовала даже легкую дрожь во всемъ тѣлѣ. Боккачіо, наконецъ, былъ прочитанъ. Ченцовъ, не зная чѣмъ замѣнить его, спросилъ однажды управляющаго, не играетъ-ли онъ въ карты.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ тотъ.

— И ни во что не играете?

— Въ шашки играю!—проговорилъ управляющій улыбаясь.

— Ну, давайте хоть въ шашки! — воскликнулъ Ченцовъ, обрадовавшись и тому.

Тулузовъ елъ съ нимъ играть и съ первой-же партіи разбилъ весьма, кажется-бы, недурно игравшаго Чанцова въ пухъ и прахъ. Самолюбіе того было нѣсколько затруто.

Онъ предложилъ управляющему другую партію, третью, четвертую, и всѣ ихъ проигралъ.

— Гдѣ вы такъ отлично выучились играть въ шашки! — полюбопытствовалъ онъ.

— У меня монахъ одинъ знакомый былъ, и я къ нему мальчикомъ еще ходилъ и часто съ нимъ игралъ! — объяснилъ управляющій.

Начавъ послѣ того почти каждый вечеръ играть съ Тулузовымъ въ шашки, Ченцовъ все болѣе и болѣе убѣждался, что тотъ, кромѣ своего ума и честности, былъ довольно пріятный собесѣдникъ, и въ силу того Валеріанъ Николаичъ однажды сказалъ жентѣ:

— Катринъ, я непременно желаю, чтобы Василій Ивановичъ обѣдалъ съ нами; онъ не лакей нашъ и обѣдаетъ тамъ гдѣ-то, я и не знаю... тѣмъ больше что теперь онъ чиновникъ даже и — что важнѣй всего — нужнѣйшій намъ человекъ!

На это желаніе мужа Катринъ немножко поморщилась: прежде всего ей не понравилось, что на ихъ обѣденныхъ бесѣдахъ будетъ присутствовать посторонній человекъ, а Катринъ всѣ часы дня и ночи желала-бы оставаться съ глазу на глазъ съ мужемъ; сверхъ того, не имѣя ничего противъ управляющаго и находя его умнымъ и даже, по наружности своей, красивымъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала ка-

кую-то непонятную неловкость отъ его лукаворыссяго взгляда. Не сказавъ, впрочемъ, объ этомъ мужу, Катринъ проговорила съ покорностью: «Какъ тебѣ угодно!» и Василій Ивановичъ съ того-же дня сталъ обѣдать за однимъ столомъ съ своими господами. Держалъ онъ себя при этомъ весьма сдержанно и если что начиналъ говорить, то непременно или нужное для его господъ, или дѣловое вообще.

Но какъ бы ни было, всѣ эти развлеченія Ченцову скоро надоѣли до тошноты, и онъ принялся умолять жену поѣхать на зиму въ Москву и провести тамъ мѣсяца два. Катринъ съ полнымъ удовольствіемъ готова была исполнить эту просьбу, но ее только пугало и останавливало чувство ревности.

— А если ты въ Москвѣ начнешь ухаживать за какой-нибудь другой женщиной?...— сказала она откровенно мужу.

— О, Господи!—воскликнулъ Ченцовъ: — развѣ, будучи тебѣ мужемъ, достанетъ еще силы на это?

— Какъ кажется!...— отозвалась Катринъ, потупляясь нѣсколько.—Изволь, мы поѣдемъ; но вотъ мое условіе: веселись ты въ Москвѣ, какъ тебѣ угодно, только и я съ тобою буду участвовать во всѣхъ твоихъ развлеченіяхъ.

— Сдѣлай милость! — отвѣчалъ не подумавъ Ченцовъ.

Въ концѣ декабря молодые супруги отправились въ Москву въ сопровожденіи повара, лакеевъ, горничныхъ, лошадей, выѣздныхъ и экипажей. Посланный еще заранѣе туда управляющій нанялъ для нихъ цѣлый барскій домъ съ мебелью. Ченцовы, впрочемъ, не возобновили никакихъ своихъ прежнихъ зна-

комствѣ и стали развлекаться общественными удовольствіями. Они разъѣзжали по Москвѣ въ своихъ дорогихъ экипажахъ и на доморощенныхъ рысакахъ; гуляли среди самаго высшаго свѣта по Тверскому бульвару; ѣздили на Кузнецкій мостъ, гдѣ накупали всевозможныхъ модныхъ бездѣлушекъ, и, между прочимъ, Ченцовъ приобрѣлъ у Готье всѣ сочиненія Поль-де-Кока для развлечения себя и своей супруги. Катринъ сдѣлала себѣ туалетъ первой щеголихи; Ченцовъ тоже одѣлся утонченнымъ петиметромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось и другаго: ему хотѣлось, напримѣръ, заѣхать въ англійскій клубъ, пообѣдать тамъ, а главное поиграть въ карты, въ серьезенькую; но Катринъ ему напомнила его обѣщаніе не бывать нигдѣ безъ нея, и Ченцовъ повиновался. Вечера молодые супруги проводили по большей части въ театрахъ и по преимуществу въ балетахъ, откуда, возвращаясь прямо домой, они садились за прекрасно приготовленный имъ старымъ поваромъ ужинъ, за которымъ, мучимые возбужденною въ театрѣ жаждою, выпивали значительное количество шампанскаго. Бывали также Ченцовы нѣсколько разъ въ маскарадахъ дворянскаго собранія, причемъ Катринъ ходила неразлучно съ мужемъ подъ руку, такъ что Валеріанъ Николаичъ окончательно увидалъ, что онъ продалъ себя и теперь находится хоть и въ золотой, но плотно замкнутой клѣткѣ; а потому едва только наступилъ великій постъ, онъ возопіялъ къ женѣ, чтобы ѣхать опять въ деревню, гдѣ, все-таки, ему было попривольнѣе и посвободнѣе, а сверхъ того и соблазновъ меньше было. Катринъ тоже рада была уѣхать изъ Москвы: ее

очень утомляло это непрерывное смотрѣніе за мужемъ. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, супруги, съ прилетомъ жаворонковъ, были уже въ Сицьковѣ, съ прїѣздомъ куда Ченцовъ принялся просто-на-просто дурить: онъ самъ объѣзжалъ совершенно неприѣзженныхъ лошадей, — тѣ его разбивали и разъ даже чуть не сломали ему шеи. Катринъ плакала и умоляла его не дѣлать этого, но Ченцовъ не слушалъ ея и точно-бы искалъ смерти въ этой забавѣ. Напиваться онъ началъ не только на ночь, но и за обѣдомъ. Видимо, что его внутри что-то такое грызло и не давало ему минуты покоя.

За однимъ изъ ужиновъ между супругами произошелъ довольно колкій споръ, нѣсколько характеризующій разность ихъ міровоззрѣній. Они заговорили о весьма скандальной сценѣ въ романѣ Польде-Кока.

— Что за страсть у Польде-Кока описывать все это съ такой насмѣшкой?—замѣтила Катринъ.

— Да чего-же это иного, кромѣ насмѣшки, и стоять!—возразилъ съ гримасой Ченцовъ.

— Какъ, чего иного, когда это высшая поэзія!— произнесла Катринъ, удивленная словами мужа.

— Хороша поэзія!... — отозвался презрительно Ченцовъ.

— Но ты-же называлъ это самымъ привлекательнымъ наслажденіемъ въ жизни!—хотѣла-было Катринъ поймать мужа на его собственныхъ словахъ.

— Пьяному многое кажется привлекательнымъ!— сказалъ онъ, будучи самъ на этотъ разъ почти не пьянъ.

— Я не знала, что вамъ только пьяному такъ

это казалось и кажется!...—проговорила съ удареніемъ и съ замѣтнымъ неудовольствіемъ Катринъ, совершенно искренно считавшая любовь, со всеми ея подробностями, за высочайшую поэзію, и затѣмъ она съ гнѣвнымъ уже взоромъ присовокупила: — Значить, про тебя правду говорили, что ты совершенно испорченный человѣкъ?

— Можетъ быть, я и испорченный человѣкъ, но не стану называть небомъ то, что и животнымъ не кажется, я думаю, небомъ, а чистой землицей и гряздой!...

Катринъ очень хорошо, разумѣется, понимала, что мужъ этими словами язвилъ ее и язвилъ умышленно.

— Мнѣ это представлялось небомъ только съ вами, а вы, я не знаю, со сколькими пользовались этимъ небомъ!

— Мнѣ никогда не казалось это небомъ, а потому я въ этомъ случаѣ всегда былъ ищущій!

— И нашедшій, вѣроятно, это небо съ Людмилой, которая была такая неземная! — проговорила съ насмѣшкой Катринъ.

Объ идеальности Людмилы Ченцовъ, и особенно послѣднее время, неоднократно говорилъ Катринъ, которую, конечно, оскорбляли такіе отзывы мужа о прежнемъ предметѣ его страсти, и она только силою характера своего скрывала это.

— Да, дѣйствительно,—отвѣчалъ на этотъ разъ уже прямо Ченцовъ, выпивая стаканъ вина:—Людмила была единственная женщина, въ любви которой для меня существовалъ настоящій рай!

Услышавъ такой отвѣтъ, Катринъ не стала

больше говорить и, порывисто вставъ съ своего мѣста, ушла въ спальню.

Допивъ все оставленное на столѣ вино, поднялся также и Ченцовъ и ушелъ, но только не въ спальню къ женѣ, а въ свой кабинетъ, гдѣ и легъ спать на диванъ.

Это была первая ночь, которую супруги, со дня ихъ брака, провели врозь.

Поутру Катринъ думала нѣжностью поправить дѣло и до чаю еще вышла въ кабинетъ къ мужу. Ченцовъ, одѣтый въ охотничій костюмъ, спялъ насунившись передъ туалетнымъ столомъ.

— Ты прости меня!—сказала Катринъ, обнимая и цѣлуя его.

— Въ чемъ мнѣ тебя прощать? — возразилъ ей Ченцовъ:—ты ни въ чемъ не виновата и если тутъ кого прощать и извинять слѣдуетъ, такъ это твою натуру!

— Но и твою натуру тоже надобно немножко прощать!—продолжала, едва владея собой, Катринъ въ томъ-же кроткомъ тонѣ.

— Ну, что тутъ толковать объ этомъ? — Другъ друга стоимъ!... Я прежде еще зналъ это! — проговорилъ Ченцовъ, вставая и надѣвая на себя черезъ плечо ружье и прочія охотничьи принадлежности.

— Развѣ ты уходишь, и уходишь въ такую минуту?!—спросила съ ужасомъ Катринъ.

Ченцовъ ничего ей не отвѣтилъ и ушелъ. Цѣлый день онъ бродилъ по полямъ и по лѣсу и, возвратясь довольно поздно домой, почти прокрался въ кабинетъ, позвалъ потихоньку къ себѣ своего камердинера и велѣлъ ему подать себѣ... не ѣсть, —нѣтъ,

а одного только вина... и не шампанскаго, а водки. Лакей исполнилъ это приказаніе и принесъ огромный графинъ съ ерофеичемъ, который держался въ домъ для угощенія церковнаго причта. Ченцовъ ото-слалъ камердинера спать и, по уходѣ того, взялъ графинъ и черезъ горлышко вытянулъ его почти до дна. Глаза у него сразу осовѣли. Онъ хотѣлъ было лечь на диванъ, но въ это время вошла Катринъ въ одномъ бѣльѣ и чулкахъ; волоса ея были растрепаны и глаза воспалены отъ слезъ.

— Пойдемъ ко мнѣ!.. Ты не долженъ и не смѣешь тутъ спать!—сказала она мужу.

Тотъ насмѣшливо посмотрѣлъ на нее.

— Въ такомъ видѣ могу,—проговорилъ онъ со-всѣмъ пьянымъ голосомъ.

Катринъ взяла его за руку и увела съ собой.

Не для услады своей и читателя рассказываетъ все это авторъ, но по правдивости бытописателя, ибо картина человѣческой жизни представляетъ не одна благоухающіе сердечной чистотой свѣтлые образы, а большею частію она кишитъ фигурами непривлекательными и отталкивающими, и въ то-же время кто станетъ отрицать, что на каждомъ авторѣ лежитъ неотклонимая обязанность напрягать всѣ усилія, чтобы открыть и въ неприглядной группѣ людей нѣкоторыя, по выраженію Егора Егорыча, изящныя душевныя качества, каковы, напримѣръ, дѣйствительно и таились въ его племянникѣ? Ченцовъ, прежде всего, по натурѣ своей былъ великодушень: на дуэли, которую онъ имѣлъ съ человѣкомъ, соблазвившимъ его первую жену, онъ могъ, послѣ промаха того, убить его навѣрняка, потому

что имѣлъ право стрѣлять въ своего врага на десяти шагахъ; но Ченцовъ не сдѣлалъ того, а спросилъ противника, дастъ-ли онъ клятву всю жизнь не покидать отнятой имъ у него женщины. Противникъ струсивъ поклялся ему въ томъ, и Ченцовъ выстрѣлилъ на воздухъ. Съ дворовыми и крестьянами онъ былъ добръ и мягокъ до глупости, хоть въ тоже время не щадилъ цѣломудрія разныхъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, да тѣ, впрочемъ, и сами были рады тому: онъ очень имъ нравился своей молодцоватостью и своимъ залихвацкимъ удалствомъ Ченцовъ, говоря дядѣ, что онъ, какъ Донъ-Жуанъ, вѣроятно, недолгъ бухнется въ пропасть,—сказалъ не фразу: въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, было нѣсколько общихъ чертъ съ испанскимъ героемъ. «Ну, Ченцовъ еще такъ себѣ! можетъ быть, это и правда!» предчувствую я, что скажутъ мнѣ мысленно мои читательницы, «но ваша Катринъ, согласитесь!»... А Катринъ вотъ что такое, сударыни, отвѣчаю я имъ заранее:—Катринъ прежде всего недюжинное существо и не лимфа, условливающая во многихъ особахъ прекраснаго пола всевозможныя ихъ добродѣтели. Пылкая въ своихъ привязанностяхъ и гнѣвливая въ то-же время, она была одной изъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ, какъ сказалъ Лермонтовъ, пищи много для добра и зла, и если-бы ей попался въ мужья другой человекъ, а не Ченцовъ, то очень возможно, что изъ нея вышла-бы вѣрная и нѣжная жена, но съ Валеріаномъ Николаичемъ ничего нельзя было подѣлать; довести его до недолгаго раскаянія въ нѣкоторыя минуты была еще возможность, но напугать—никогда и ничѣмъ. Къ несчастію, къ по-

слѣднему-то способу Катринъ была болѣе склонна, чѣмъ къ первому, и не прошло еще года ихъ свадьбѣ, какъ не оставалось уже никакого сомнѣнія, что Ченцовъ механически разговаривалъ съ женой, механически слушалъ ея пѣніе, механически иногда читалъ ей, но уже не Боккачіо и не Поль-де-Кока, а нѣкоторые весьма скучныя и безтолковыя масонскія сочиненія изъ библіотеки Петра Григорьича, что онъ явно дѣлалъ на досаду Катринъ, потому что, читая, всегда имѣлъ ядовито-насмѣшливую улыбку и былъ несказанно доволенъ, когда супруга его, томимая скукой отъ такого слушанія, наконецъ, начинала зѣвать. При столь натянутыхъ отношеніяхъ къ женѣ, Ченцовъ, между тѣмъ, сблизился съ управляющимъ на дружескую ногу.

Разъ вечеромъ Катринъ была больна и лежала у себя въ спальнѣ, а Ченцовъ въ своемъ кабинетѣ пилъ шампанское и игралъ съ Тулузовымъ въ шашки.

— Ахъ, милѣйшій Василій Ивановичъ, — сказалъ онъ: — вы, вѣроятно, не вѣдаете, какое тяжелое положеніе для человѣка быть женатымъ!

— Почему? — спросилъ тотъ какъ-бы совершенно наивнымъ голосомъ.

— По очень простой причинѣ: человѣкъ тутъ прикованъ и скованъ!

Управляющій на это молчалъ.

— Можетъ быть, для другихъ это и ничего... удобно даже, — продолжалъ Ченцовъ: — но для меня нѣтъ!

Тулузовъ продолжалъ молчать.

— Я во всю жизнь мою; — снова продолжалъ Чен-

цовъ, закуривъ при этомъ новую трубку табаку и хлопнувъ залпомъ стаканъ шампанскаго: — никогда не могъ жить съ одной женщиной, и у меня всегда ихъ было двѣ и три!

— Это и для всѣхъ пріятнѣе, чѣмъ съ одной, отозвался наконецъ управляющій.

— Ну, а вы сами какъ по этой части поступаете?—спросилъ его Ченцовъ.

— Мнѣ какъ случится... я человѣкъ занятой,— объяснилъ управляющій.

— Ну, а я такъ нѣтъ!... Я не таковъ!—возразилъ смѣясь Ченцовъ.—Не знаю, хорошее-ли это качество во мнѣ или дурное, но только для меня безъ препятствій, безъ борьбы, безъ нѣкоторыхъ опасностей, короче сказать, безъ того, чтобы это былъ запрещенный, а не разрѣшенный плодъ, женщины не существуетъ: всякая изъ нихъ мнѣ покажется тряпкой и травой безвкусной, а съ женою, вы понимаете, какія-же могутъ быть препятствія или опасности!?..

Тулузовъ на это оиять ничего не сказалъ и только усмѣхнулся.

— Ужасно-бы мнѣ теперь,— признаюсь вамъ, какъ другу своему,—ужасно-бы хотѣлось найти здѣсь такое мѣстечко, гдѣ-бы именно можно было таинственно наслаждаться.

Говоря это, Ченцовъ пристально глядѣлъ въ лицо управляющаго; тотъ-же держалъ свои глаза опущенными на шахматную доску.

— Есть здѣсь такія мѣста?.. Скажите мнѣ откровенно, и вы мнѣ сдѣлаете въ этомъ случаѣ истинное благодѣяніе; иначе я такой пошлой жизни, какая

выпала въ настоящее время мнѣ на долю, не вынесу и застрѣлюсь.

— Зачѣмъ стрѣляться? — возразилъ усмѣхнувшійся управляющій. — Такихъ мѣстъ здѣсь даже очень много.

— Гдѣ-жь они именно? — допрашивалъ Ченцовъ.

— Въ каждой почти деревнѣ, — отвѣчалъ управляющій.

— На посидѣлки, что-ли, къ нимъ ѣхать надобно?

— Посидѣлокъ здѣсь нѣтъ, — произнесъ, какъ-бы нѣчто обдумывая, управляющій: — но мужики здѣшніе по лѣтамъ всѣ живутъ на промыслахъ и бабы ихнія остаются однѣ-однихоньки, развѣ съ какимъ-нибудь старикомъ хворымъ или со свекровью слѣпой.

— Это отлично! — воскликнулъ Ченцовъ съ восторгомъ. — И есть между ними хорошенькія?

— Есть, и даже вотъ въ деревнѣ Катерины Петровны, въ Оедюхинѣ, у одного мужика, пчеловода, есть сноха — прелесть что такое, и лицо-то у ней точно не крестьянское!

— Но какъ же-бы повидать ее и познакомиться съ ней? — спрашивалъ уже задыхающимся отъ волненія голосомъ Ченцовъ. — Не могу-же я зря ѣхать въ деревню, не зная, гдѣ, что и какъ?.. Вы поручайте меня!

Управляющій на это отрицательно качнулъ головой.

— Нѣтъ-съ, мнѣ васъ, Валеріанъ Николаичъ, въ этомъ нельзя руководствовать! — сказалъ онъ. — Вы изволите, конечно, понимать, что я человекъ подчиненный вамъ, и еще больше того Катеринѣ Петровнѣ; положимъ, я васъ научу всему, а вы вдругъ,

какъ часто это между супругами бываетъ, скажете о томъ Катеринѣ Петровнѣ!

— Oh, mon Dieu, mon Dieu!—воскликнулъ Ченцовъ:—скажу я Катеринѣ Петровнѣ!.. Когда мнѣ и разговаривать-то съ ней о чемъ-бы ни было противно, и вы, можетъ быть, даже слышали, что я женился на ней вовсе не по любви, а продалъ ей себя, и стану я съ ней откровенничать когда-нибудь, — и если-бы что-либо подобное случилось, такъ я предоставляю вамъ право ударить меня въ лицо и сказать: вы подлецъ! А этого мнѣ — смѣю васъ завѣрить, — никогда еще никто не говорилъ!.. Итакъ, вашу руку!..

Говоря это, Ченцовъ пилъ ставанъ за стаканомъ шампанское.

Управляющій подалъ ему руку, которую Ченцовъ сильно потрясъ и проговорилъ настойчивымъ голосомъ:

— Какъ это сдѣлать, вы должны мнѣ про то сказать!

— Сдѣлать это,—началъ управляющій, по-прежнему опустивъ глаза на шахматную доску:— можно такъ: въ нашемъ приходскомъ селѣ проживаетъ одна старуха,—Арина Семенова; она слыветъ знахаркой и свахой... Черезъ нее, полагаю, можно сдѣлать всякое знакомство.

— И что-же, къ ней я могу прямо пріѣхать?—спросилъ Ченцовъ.

— Въ какой угодно вамъ часъ дня и ночи,—проговорилъ управляющій.

— Merci, мой другъ, merci! — благодарилъ Чен-

цовъ, еще разъ пожимая крѣпко руку Тулузову и даже цѣлуя его, не вѣдая нисколько, кого онъ лобызаетъ!

III.

Иванъ Петровичъ Артасевъ, у котораго, какъ мы знаемъ, жилъ въ деревнѣ Пилецкій, прислалъ въ концѣ Ооминой недѣли Егору Егорычу письмо, гдѣ благодарилъ его за оказанное имъ участіе и гостепріимство Мартыну Степанычу, который дѣйствительно, поправившись въ здоровьѣ, нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Кузьмищево и прогащивалъ тамъ почти по недѣлѣ, проводя все время въ горячихъ разговорахъ съ Егоромъ Егорычемъ и Сверстовымъ о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ по части морали и философіи. Въ ихъ бесѣдахъ участвовали также и дамы, причемъ gnädige Frau нѣтъ-нѣтъ да и ввернетъ свое всегда очень основательное мнѣніе, равно и Сусанна дѣлала замѣчанія, отличающіяся добротой и идеальностью, такъ что Пилецкій, какъ-бы невольно при этомъ, останавливалъ на ней свой внимательный взглядъ.

«Мартынъ Степанычъ, теперь уже возвратившійся ко мнѣ въ городъ, — объяснялъ въ своемъ письмѣ Артасевъ,» — питаетъ нѣкоторую надежду уѣхать въ Петербургъ, и дай Богъ, чтобы это случилось, а то положеніе сего кроткаго старца посреди насъ печально: въ цѣломъ городѣ одинъ только я пріютилъ его; другія-же лица бѣжали отъ него какъ отъ зачумленнаго, и почти вслухъ восклицали: «онъ со-

сланный, сосланный!...» и никто не спросилъ себя, за что же именно претерпѣваетъ навазаніе свое Мартынь Степанычъ? Не за то-ли, можетъ быть, что онъ искреннѣе и горячѣе любить Бога, чѣмъ мы, столь много мнящіе о себѣ люди?!»

Артасьевъ былъ хоть и недалекаго ума, но очень добрый человекъ и, состоя тоже нѣкогда въ масонствѣ, со времени еще князя Александра Николаича Голлицына, служилъ директоромъ гимназіи въ изображаемой мною губерніи.

Кромѣ вышеизложеннаго, въ постскриптумѣ письма его было прибавлено, что Петръ Григорьичъ Крапчикъ одночасно скончался и что столь быстрая смерть его, главнымъ образомъ, послѣдовала отъ побѣга изъ родительскаго дома Екатерины Петровны, обвинчавшейся тайно съ господиномъ Ченцовымъ.

— Опять новый сюрпризъ отъ племянничка!— воскликнулъ Егоръ Егорычъ, разводя руками, и сейчас-же торопливо пошелъ къ Сусаннѣ, которая сидѣла въ своей комнатѣ и вышивала, по образцу масонскаго ковра gnädige Frau, точно такой-же коверъ.

— Не удивитесь и не взволнуйтесь!—сказалъ онъ ей и далъ прочесть конецъ письма Артасьева.

На первыхъ порахъ Сусанна въ самомъ дѣлѣ взволновалась немного, но потомъ ничего.

— Покойная сестра это предсказывала и незадолго до смерти своей мнѣ говорила, что если она умретъ, то Валеріанъ Николаичъ непременно женится на Катринѣ,—проговорила она, грустно улыбаясь.

— Почему-же Людмила думала это? — спросилъ Егоръ Егорычъ съ удивленіемъ.

— Она, вѣроятно, замѣчала, что mademoiselle Катринъ нравилась Валеріану.

— Фу, ты, чортъ возьми! Что въ ней могло ему нравиться? — вспылилъ Егоръ Егорычъ. — Я, какъ сужу по себѣ, то хоть и видѣлъ, что Петръ Григорычъ желалъ выдать за меня дочь, но я прямо показалъ, что она мнѣ противна!... Богъ знаетъ, что такое!... Черкеска какая-то или персіянка! А между тѣмъ Валеріанъ любилъ Людмилу, и она его любила, — понять тутъ ничего нельзя!

Сусанна слушала мужа молча.

— Этому браку, я полагаю, есть другая причина, — продолжалъ Егоръ Егорычъ, имѣвшей, какъ мы знаемъ, привычку всегда обвинять прежде всего самого себя. — Валеріанъ, вѣроятно, промотался въ конецъ, и ему, можетъ быть, ѣсть было нечего, а я не подумалъ объ этомъ. Но и то сказать, — принялся онъ далѣе разсуждать, — какъ же я могъ это предотвратить? Валеріанъ надѣлалъ всевозможныхъ безумствъ, не писалъ ко мнѣ и не увѣдомлялъ меня о себѣ ни единымъ словомъ, а я не Богъ, чтобы мнѣ все вѣдать и знать!

— Вы нисколько тутъ не виноваты! — проговорила наконецъ Сусанна.

— Вамъ это подсказываетъ ваша чуткая совѣсть? — спросилъ Егоръ Егорычъ, устремляя пристальный взглядъ на Сусанну.

— Да! — произнесла она твердымъ голосомъ.

— Ну, когда говорятъ ангелы, то имъ должно вѣрить, — пробормоталъ Егоръ Егорычъ и хотѣлъ было поцѣловать руку у жены, но воздержался: по-

добное выраженіе того, что происходило въ душѣ его, показалось ему слишкомъ тривіальнымъ. — Меня, впрочемъ, тутъ не одно это беспокоить. но и другое, — продолжалъ онъ: — хорошо еще, когда Валеріанъ не понимаетъ, что онъ натворилъ: онъ, называя вещи прямо, убійца Людмилы, онъ полуубійца вашей матери и онъ-же полуубійца Крапчика: если все это вѣдомо его сознанію, то онъ живетъ въ моральномъ аду, въ аду на землѣ... прежде смерти!

— Пусть и испытаетъ этотъ адъ!—разсудила съ своей стороны Сусанна: — онъ можетъ раскаяться и избѣгнуть ада вѣчнаго.

— Онъ непременно-бы раскаялся, — кинялся Егоръ Егорычъ:—когда-бы около него былъ какой-нибудь душевный руководитель, а кто имъ можетъ быть для него?... Не супруга-же его... Той самой надобна больше, чѣмъ ему, руководящая рука!... Мнѣ, что-ли, теперь написать Валеріану, я ужъ и не знаю?—присовокупилъ онъ въ раздумѣ.

— Вамъ, по моему, нечего писать ему въ настоящую минуту!—замѣтила Сусанна.—Укорять его, что онъ женился на Катринѣ, вы не станете, потому что вы ихъ только оскорбите!... Они, вѣроятно, любятъ другъ друга!... Иное дѣло, если Валеріанъ явится къ вамъ или напишетъ вамъ письмо, то вы, конечно, не отвергнете его!

— О, что объ этомъ и говорить! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.—Я не отвергалъ его тысячекратно и готовъ снова тысячекратно не отвергнуть!

Не ограничиваясь, впрочемъ, такого рода совѣщаніемъ съ своей юной супругой, Егоръ Егорычъ раз-

сказалъ о полученномъ имъ извѣстїи gnädige Frau и Сверстову, а также и о происшедшемъ по этому поводу разговорѣ между нимъ и женою. Gnädige Frau сразу-же и безусловно согласилась во всемъ съ мнѣніемъ Сусанны и даже слегка воскликнула, кладя съ нѣжностью свою костлявую руку на бѣлую и тонкую руку Сусанны:

— Сама мудрость говорила вашими устами!

Но докторъ сомнительно почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Все-таки, я вижу, что малый можетъ погибнуть! — произнесъ онъ. — Согласенъ, что писать къ нему Егору Егорычу неловко, ѣхать самому тѣмъ паче, но не выкинуть-ли такую штуку: не съѣздить-ли мнѣ къ Валеріану Николаичу и по душѣ поговорить съ нимъ?

— По какому-же праву ты прїѣдешь въ незнакомый тебѣ домъ? — сдѣлала первый вопросъ gnädige Frau.

— Ахъ, Боже мой,—закричалъ на это докторъ:— скажу, что ѣздилъ на практику и заблудившись заѣхалъ, увидавъ городскую усадьбу!

— Но это будетъ ложь, и такая явная, что ее сейчасъ поймутъ; потомъ, что именно и о чемъ ты будешь говорить съ господиномъ Ченцовымъ? — поставила второй вопросъ gnädige Frau.

— Я буду съ нимъ говорить, — началъ-было довольно рѣшительно докторъ:—что вотъ Егоръ Егорычъ, по прежнему, любитъ Валеріана Николаича и удивляется, почему онъ его оставилъ!

— И что-же изъ этого можетъ произойти? — поставила третій вопросъ gnädige Frau.

— Произойдетъ, что Валеріанъ Николаичъ опять пожелаетъ сблизиться съ дядей, — отвѣчалъ ей докторъ.

— Можетъ это произойти?—спросила уже Егора Егорыча gnädige Frau.

— Нѣтъ, не можетъ,—сознался тотъ съ печальнымъ выраженіемъ въ лицѣ:—и по многимъ причинамъ, изъ коихъ двѣ главныя: одна—его совѣсть, а другая — его супруга, которая не пожелаетъ этого сближенія!

— И я то-же думаю!—подтвердила Сусанна.

— Въ такомъ случаѣ вамъ, конечно, ваши семейныя дѣла и отношенія лучше знать! — уступилъ докторъ.

— Конечно, лучше!—подхватила gnädige Frau.— А пока, какъ совѣтовала Сусанна Николаевна, *надобно ждать!*

— Ждать, такъ ждать!—сказалъ съ тѣмъ-же невеселымъ лицомъ Егоръ Егорычъ и затѣмъ почти цѣлую недѣлю не спалъ ни одной ночи: живая струйка родственной любви къ Валеріану въ немъ далеко еще не изсякла. Сусанна все это, разумѣется, подмѣтила и постоянно обдумывала въ своей хорошенькой головкѣ, какъ-бы и чѣмъ помочь Валеріану и успокоить Егора Егорыча.

На слѣдующей недѣлѣ Марейны получили еще письмо уже изъ Москвы отъ Аггея Никитича Звѣрева, которое очень порадовало Егора Егорыча. Не было никакого сомнѣнія, что Аггей Никитичъ долго сочинялъ свое посланіе и весьма тщательно переписалъ его своимъ красивымъ почеркомъ. Оно у него вышло нѣсколько витіевато, и витіевато не въ

хорошемъ значеніи этого слова; ортографія у маіора мѣстами тоже хромала. Аггей Никитичъ писалъ:

«Милостивый государь, Егоръ Егорычъ!»

«Въ тотъ часъ, когда съ ударомъ къ заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенія въ почтамтской церкви отецъ іерей возгласилъ: «Христось воскресе!» я получилъ радостное извѣстіе отъ ея превосходительства Натальи Васильевны Углаковой, что вы сочетались бракомъ съ Сусанной Николаевной, и я увѣренъ, что ваше вѣнчаніе освѣщали не однѣ восковые наши свѣчи, а и райскій лучъ!»

Вотъ куда хватилъ мой милѣйшій Аггей Никитичъ, насосавшись нѣкоторыми масонскими трактатами, которые Егоръ Егорычъ, вѣрный своему общанію, выслалъ Звѣреву немедленно по прїѣздѣ своемъ въ деревню изъ Москвы.

Далѣе Аггей Никитичъ продолжалъ:

«Подполковница Миропа Дмитріевна Зудченко, у которой я занимаю теперь прежде бывшую квартиру почтеннѣйшей Юліи Матвѣевны, поручила мнѣ передать вамъ поздравленіе съ тѣмъ-же событіемъ, и оба мы возносимъ наши теплыя мольбы къ Зиждителю вселенной о ниспосланіи благословенія на ваше потомство. вмѣстѣ съ тѣмъ я беру смѣлость прибѣгнуть къ вашему великодушному сердцу».

Излагаемое потомъ въ письмѣ Аггея Никитича явно было ему диктуемо Миропою Дмитріевною, потому что имѣло чисто-дѣловой характеръ.

«На-дняхъ я узналъ», писалъ Звѣревъ (онъ говорилъ неправду: узналъ не онъ, а Миропа Дмитріевна, которая, будучи руководима своимъ природнымъ гениемъ, успѣла разнюхать всѣ подробности),

«узналъ, что по почтовому вѣдомству очистилось въ вашей губерніи мѣсто губернскаго почтмейстера, который по болѣзни своей и по неудовольствію съ губернаторомъ смѣщенъ. Столь много ласкаемый по вашему письму Александромъ Яковлевичемъ, рѣшился я обратиться съ просьбой къ нему о полученіи этого мѣста».

Опять-таки Аггей Никитичъ при этомъ выразился не точно, говоря я и я; гораздо было-бы правдивѣе ему сказать: я, по настойчивому внушенію Мироны Дмитріевны, рѣшился обратиться къ Александру Яковлевичу.

«На такое мое ходатайство его превосходительство мнѣ изволилъ отвѣтить»...

По случаю слова *изволилъ*, Аггей Никитичъ имѣлъ продолжительный споръ съ Мироной Дмитріевной, находя, что такое выраженіе слишкомъ лакейское, и по-солдатски просто-бы слѣдовало сказать: «его превосходительство *приказалъ*».

— Пишите, пожалуйста, какъ я вамъ говорю: я знаю, какъ пишутся такія письма! — настаивала на своемъ Мирона Дмитріевна, и стала затѣмъ прямо диктовать Аггею Никитичу:—«Его превосходительство изволилъ отвѣтить, что назначеніе на это мѣсто зависитъ не отъ него, а отъ высшаго петербургскаго начальства, и что онъ не преминетъ написать обо мнѣ рекомендацію въ Петербургъ, а также его превосходительство приказалъ мнѣ...»

— Вотъ гдѣ слѣдуетъ сказать *приказалъ*!—замѣтила Мирона Дмитріевна Аггею Никитичу, который на этотъ разъ, не отвѣтивъ ей ничего, не переставалъ писать:—«приказалъ попросить покорнѣйше и

вась о таковой-же рекомендаціи высшему петербургскому начальству».

Егоръ Егорычъ, разумѣется, немедля не минуты, написалъ къ князю Голицыну ходатайство объ опредѣленіи Звѣрева, и тотъ черезъ двѣ-же недѣли былъ назначенъ на просимое имъ мѣсто. Получивъ официальное увѣдомленіе о своемъ опредѣленіи, Аггей Никитичъ прежде всего сказалъ о томъ Миропа Дмитріевнѣ. Оно иначе и быть не могло, потому что вѣ дни невзгоды, когда Аггей Никитичъ оставилъ военную службу, Миропа Дмитріевна столько явила ему доказательствъ своей пріязни, что онъ считалъ ее за самую близкую себѣ родню: во-первыхъ, она настоятельно отъ него потребовала, чтобы онъ занялъ у нея въ домѣ ту половину, гдѣ жила адмиральша, потомъ, чтобы чай, кофе, обѣдъ и ужинъ Аггей Никитичъ также-бы получалъ отъ нея, съ непремѣннымъ условіемъ впредь до полученія имъ должной пенсіи не платить Миропа Дмитріевнѣ ни копейки. Противъ этого условія Аггей Никитичъ сильно возставалъ, пбо онъ, все-таки, имѣлъ капиталаецъ рублей въ пятьсотъ ассигнаціями, имѣлъ много вещей, которыя можно было продать, но Миропа Дмитріевна и слышать ничего не хотѣла.

— Неужели-же, Аггей Никитичъ, вы до сихъ поръ не считаете меня вашимъ лучшимъ другомъ,—говорила она прискорбнымъ тономъ:—и думаете, что я не готова для вашего спокойствія пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ?

— Благодарю васъ,—сказалъ на это маіоръ, пожимая по старой привычкѣ плечами, какъ будто-бы они были еще въ эполетахъ:—но согласитесь, что

я не имѣю никакого права пользоваться вашей добротой.

— Ахъ, тутъ никакой нѣтъ доброты, тутъ другое! — воскликнула Миропа Дмитріевна, вспыхнувъ при этомъ въ лицѣ.

Покраснѣлъ также и Аггей Никитичъ.

— И почему вы думаете, что не имѣете права этимъ пользоваться?—присовокупила Миропа Дмитріевна.

Аггей Никитичъ опять слегка пожалъ плечами.

— Потому, что я мужчина и самъ себѣ долженъ хлѣбъ добывать,—проговорилъ онъ.

— А я женщина и тоже могу зарабатывать для себя и для другихъ!—возразила ему Миропа Дмитріевна:—кромѣ того, и имѣю безбѣдное состояніе!... Значить, объ этомъ и говорить больше нечего; извольте жить, какъ я вамъ приказываю!

Аггея Никитича хоть и покоробливало, но онъ подчинился желанію Миропы Дмитріевны, и такимъ образомъ они стали обитать въ весьма близкомъ со-сѣдствѣ, сохраняя совершеннѣйшую непорочность и чистоту отношеній.

Когда Миропа Дмитріевна услышала отъ Аггея Никитича объ его назначеніи въ губернію, то сначала какъ-будто бы и ничего, даже обрадовалась, хотя все-таки слезы тутъ-же заискрились на ея глазахъ.

— Поздравляю васъ, отъ души поздравляю!—проговорила она.

Затѣмъ, послѣдовавшій обѣдъ шелъ какъ-то странно, и видно было, что Звѣревъ и Миропа Дмитріевна чувствовали большую неловкость въ отношеніи другъ друга, особенно Аггей Никитичъ, ко-

торый неизвѣстно ужь съ какого повода заговорилъ вдругъ о Канарскомъ.

— Да-съ, это былъ полячокъ настоящій, съ горомомъ и съ душой!—сказалъ онъ.

— Кто это такой?—переспросила Миропа Дмитріевна съ удивленіемъ и неудовольствіемъ.

— Канарскій—польскій бунтовщикъ и революціонеръ,—объяснилъ Аггей Никитичъ.

— Но съ какой-же стати онъ пришелъ вамъ въ голову?—продолжала съ тѣмъ-же недоумѣніемъ Миропа Дмитріевна.

— Да такъ, случайно! — отвѣчалъ опѣшенный этимъ вопросомъ Аггей Никитичъ, такъ какъ онъ вовсе не случайно это сдѣлалъ, а чтобы отклонить Миropу Дмитріевну отъ того разговора, который-бы собственно она желала начать и котораго Аггей Никитичъ побаивался.

— Мнѣ пришлось разъ видѣть этого Канарскаго въ одномъ польскомъ домѣ,—продолжалъ онъ разсказывать:—только не подъ его настоящей фамиліей, а подъ именемъ Януша Немрава.

— Что это такое: Янушъ Немрава?—произнесла насмѣшливымъ и досадливымъ голосомъ Миропа Дмитріевна.

— Это по-польски значитъ: неловкій,—пояснилъ ей Аггей Никитичъ: — хотя Канарскій былъ очень ловкій человекъ, говорилъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки и безпрестанно то тутъ, то тамъ появлялся, такъ что Государь, бывъ однажды въ Вильнѣ, спросилъ тамошняго генераль-губернатора Долгорукова: «Что творится въ нашемъ краѣ?»—«Все спокойно, говоритъ, Ваше Императорское Величество!»—

«Не смотря, говоритъ, на то, что здѣсь гостить Канарскій?» — и показала генераль-губернатору полученную депешу объ этомъ соколѣ изъ Парижа!

— Но неужели-же его и до сихъ поръ не поймали?—поспѣшила перебить его Миропа Дмитриевна, отъ души желавшая этому Канарскому въ землю провалиться, чтобы только Аггей Никитичъ прекратилъ о немъ свое разглагольствованіе.

— Какъ не поймать?... Пойманъ ужь!... Мнѣ недавно встрѣтился одинъ нашъ офицеръ изъ Вильны и рассказывалъ, что Канарскаго сцапали въ дорогѣ, и онъ теперь содержится въ упраздненномъ базильянскомъ монастырѣ... Я держалъ тамъ иногда караулъ; мѣсто, доложу вамъ, крѣпкое... хотя тотъ-же офицеръ мнѣ рассказывалъ, что не только польскаго закала офицерики, но даже наши чисто-русскіе, даютъ большія льготы Канарскому: уменьъ ужь очень, каналья, и лукавъ; конечно, строго говоря, это незаконно, но что-жь дѣлать?... И я-бы такъ же, разсуждая по-человѣчески, поступалъ!... Онъ не разбойникъ-же въ самомъ дѣлѣ, а только полякъ закоснѣлый.

— А вотъ если-бы вы попались Канарскому и другимъ полявамъ, такъ они съ вами такъ-бы нѣжничать не стали, извините вы меня!—замѣтила Миропа Дмитриевна.

— Стали-бы!—сказалъ утвердительно Аггей Никитичъ. — Повѣрьте, поляки народъ благородный и великодушный!

— У васъ всѣ обыкновенно добрые и благородные,—произнесла съ тѣмъ-же озлобленіемъ Миропа Дмитриевна, и на лицѣ ея какъ-будто-бы написано

было: хочется-же Аггею Никитичу болтать о такомъ вздорѣ, какъ эти поляки и разные тамъ ихъ Каиарскіе!

— Нѣтъ-съ, не всѣ, вы ошибаетесь!—возразилъ Аггей Никитичъ и всталъ, воспользовавшись тѣмъ, что обѣдъ весь былъ съѣденъ.

— Куда-же вы? Посидите еще со мной, и не уходите! — произнесла Мирона Дмитріевна жалобнымъ голосомъ.

— Не могу, мнѣ еще надобно поразобратъся съ моими вещами; мундиръ я тоже думаю заказать здѣсь, чтобы явиться къ Александру Яковличу и поблагодарить его.

Мирона Дмитріевна потупилась, понимая такъ, что Аггей Никитичъ опять-таки говоритъ какой-то вздоръ, но ничего, впрочемъ, не возразила ему, и Звѣревъ ушелъ на свою половину, а Мирона Дмитріевна только кинула ему изъ своихъ небольшихъ глазъ молніеносный взоръ, которымъ какъ-бы говорила: «нѣтъ, Аггей Никитичъ, вы отъ меня такъ легко не отдѣляетесь!» и потомъ, вечеромъ, одѣвшись, хотъ и въ домашній, но кокетливый и отчасти молодежавый костюмъ, сама пришла къ своему постояльцу, котораго застала въ халатѣ. Онъ ужасно переконфузился и бросился-было въ другую комнату, чтобы поприодѣться.

— Не смѣйте этого дѣлать!—остановила его повелительнымъ тономъ Мирона Дмитріевна.

— Но это невозможно! — возразилъ было Аггей Никитичъ:—ваша прислуга можетъ, Богъ знаетъ, что подумать!

— Прислуга моя ничего не посмѣетъ подумать!—

сказала, величественно усмѣхнувшись, Мирона Дмитриевна. — Сядьте на свое мѣсто!

Аггей Никитичъ опустился на занимаемый имъ до того стулъ, конфузливо сиѣша запахнуть свой не совсѣмъ полный и довольно короткій халатъ, а Мирона Дмитриевна помѣстилась нѣсколько вдали на диванѣ, принявъ хоть и грустную отчасти, но довольно красивую позу.

— Что-же вы тутъ подѣлывали?... Можетъ быть, я вамъ помѣшала? — спросила она тоже грустнымъ голосомъ.

— Я... ничего особеннаго не дѣлалъ и очень радъ, что вы пришли ко мнѣ... я долженъ еще заплатить вамъ мой долгъ!

И съ этими словами Аггей Никитичъ вынулъ слегка дрожащими руками изъ столоваго ящика два небольшіе столбика червонцевъ, которые были имъ сбережены еще съ турецкой кампаніи. Червонцы эти онъ пододвинулъ на столъ въ сторонѣ, обращенной къ Миронѣ Дмитриевнѣ.

— Вы мнѣ нисколько не должны, — проговорила она, не поднимаясь съ дивана и держа руки скрещенными на нѣсколько приподнятой, черезъ посредство ваты, груди: Мирона Дмитриевна знала изъ прежнихъ разговоровъ, что Аггею Никитичу больше нравятся женщины съ высокою грудью.

— Мирона Дмитриевна, вы меня этимъ оскорбляете, — сказалъ онъ, какъ-то мрачно потупляясь.

— А вы меня еще больше оскорбляете, — отпарировала ему Мирона Дмитриевна: — я не трактирщица, чтобы расплачиваться со мной деньгами! Развѣ могутъ окупить для меня всѣ сокровища міра,

что вы будете жить гдѣ-то тамъ далеко, заинтересуетесь какою-нибудь молоденькой (Миропа Дмитріевна не прибавила «и хорошенькой», такъ какъ и себя таковою считала), а я, — продолжала она: — останусь здѣсь скучать, благословляя и оплакивая ту минуту, когда въ первый разъ встрѣтилась съ вами!

У Аггея Никитича выступилъ даже потъ на лбу: то, что онъ смутно предчувствовалъ и чего ожидалъ, началось осуществляться. Онъ рѣшительно не находился, чтó-бы ему такое сказать.

— Впрочемъ, Аггей Никитичъ, я васъ нисколько не упрекаю; вы всегда держали себя какъ благородный человѣкъ, — говорила между тѣмъ Миропа Дмитріевна: — и никогда не хотѣли воспользоваться моею женскою слабостью, хотя это для меня было еще ужаснѣе! — и при этомъ Миропа Дмитріевна вдругъ разрыдалась.

Аггея Никитича точно кто острымъ ножомъ ударилъ въ его благородное сердце. Онъ понялъ, что влюбилъ до безумія въ себя эту женщину, тогда какъ самъ въ отношеніи ея былъ... Но что такое самъ Аггей Никитичъ былъ въ отношеніи Миropy Дмитріевны, этого ему и разобрать было не подъ силу.

— Любя васъ такъ много, — объясняла она сквозь слезы: — мнѣ-бы было не трудно сдѣлаться близкой вамъ женщиной: стоило только высказать вамъ мои чувства, и вы-бы, какъ мужчина, увлеклись, согласитесь сами!

— Увлекся-бы! — не заперся Аггей Никитичъ, вспомнивъ многіе случаи своей жизни, за которые

онъ послѣ знакомства своего и бесѣдъ съ Егоромъ Егорычемъ презиралъ себя.

— Но я этого не сдѣлала, потому что воспитана не въ тѣхъ правилахъ, какія здѣсь, въ Москвѣ, у многихъ женщинъ! — текла, какъ быстрый ручей, рѣчь Миропы Дмитріевны. — Онѣ обыкновенно сближаются съ мужчинами, забираютъ ихъ въ свои ручки, и даже обмануть ихъ, говоря, что имъ угрожаетъ опасность сдѣлаться матерями...

Аггей Никитичъ на это только пыхтѣлъ; въ головѣ и въ сердцѣ у него происходила, Богъ знаетъ, какая ломка и трескотня. То, что онъ по нравственному долгу обязанъ былъ жениться на Миропѣ Дмитріевнѣ, это было рѣшено имъ, но въ такомъ случаѣ предстояло измѣнить постоянно проповѣдуемой имъ аксіомѣ, что должно жениться на хорошенькой! «Но почему же Миропѣ Дмитріевнѣ и не хорошенькая?» — промелькнула въ его головѣ мысль. Противнаго и отталкивающаго онъ въ ней ничего не находилъ; конечно, она была не молода и несвѣжа, и при этомъ Аггей Никитичъ кинулъ взглядъ на Миропу Дмитріевну, которая сидѣла рѣшительно въ весьма соблазнительной позѣ, и больше всего Звѣреву кинулась въ глаза маленькая ножка Миропы Дмитріевны, которая, дѣйствительно, у нея была хороша, но потомъ и ея искусственная грудь, а тамъ какъ-то живописно расположенныя на разныхъ мѣстахъ складки ея платья. Надо всѣмъ этимъ, конечно, преобладала мысль, что всякій человѣкъ долженъ имѣть жену, которая-бы его любила, и что любви къ нему Миропѣ Дмитріевнѣ было не занимать-стать; но какъ ни являлось все это яснымъ,

червячокъ сомнѣнія шевелился еще въ умѣ Аггея Никитича.

— Миропа Дмитріевна, скажу вамъ откровенно, — началъ онъ суровымъ голосомъ: — я человѣкъ простой и не хитростный, а потому не знаю хорошенько, гожусь-ли я вамъ въ мужья, а также и вы мнѣ годитесь-ли?

— Вы мнѣ годитесь и я вамъ гожусь, — отвѣтила Миропа Дмитріевна. — Можетъ быть, вы иногда будете фантазировать о молоденькихъ женщинахъ...

— Нѣтъ, я больше не буду фантазировать объ этомъ: я теперь постарѣлъ, и мнѣ главное одно надо, — учиться, читать и прежде всего повидаться съ Егоромъ Егорычемъ.

— Съ Егоромъ Егорычемъ вы повидаетесь, какъ мы только поѣдемъ на вашу службу, и я вмѣстѣ съ вами заѣду къ нему и поучусь у него.

— Не мѣшаетъ это никому! — замѣтилъ Аггей Никитичъ, мотнувъ глубокомысленно головой.

Конечно, Миропа Дмитріевна, по своей практичности, втайнѣ думала, что Аггею Никитичу прежде всего слѣдовало заняться своей службой, но она этого не высказала и намѣрена была потомъ внушить ему, а если-бы онъ не внялъ ей, то она, что мы отчасти знаемъ, предполагала сама вникнуть въ его службу и извлечь изъ нея всевозможныя выгоды, столь необходимыя для семейныхъ людей, тѣмъ болѣе, что Миропа Дмитріевна питала полную надежду имѣть съ Аггеемъ Никитичемъ дѣтей, такъ какъ онъ не чета ея первому мужу, который былъ израненъ и весь больной.

IV.

Въ послѣднее время Ченцовъ чрезвычайно пристрастился къ ружейной охотѣ, на которую ходилъ одинъ-одинешенекъ въ сопровожденіи только своей лягавой собаки. Катринъ нѣсколько разъ и со слезами на глазахъ упрашивала его не дѣлать этого, говоря, что она умираетъ со страху отъ мысли, что онъ по цѣлымъ днямъ бродитъ въ лѣсу, гдѣ можетъ заблудиться или встрѣтить медвѣдя, волка...

— А если встрѣчу, такъ пристрѣлю: у меня съ собою ружье двухствольное: одно съ дробью, а другое съ пулей, — стѣбчалъ ей смѣясь Ченцовъ.

— Но, все-таки, бери съ собой кого-нибудь! — не отставала отъ него Катринъ: — ну, хоть управляющаго, что-ли... Онъ, конечно, знаетъ здѣшнюю мѣстность лучше, чѣмъ ты!

— Зачѣмъ-же я буду брать управляющаго, когда онъ вовсе не охотникъ; кромѣ того, онъ заваленъ дѣлами по хозяйству, а я, вдобавокъ, еще буду тащить его за собой верстѣ по тридцати въ день; это невѣжливо и безчеловѣчно! — возражалъ ей Ченцовъ.

— Если онъ не охотникъ, пусть ходитъ съ тобой кто-нибудь изъ людей: между ними много охотниковъ.

— Ни одного!

— Какъ ни одного, когда у насъ псарей двадцать человѣкъ! — воскликнула съ удивленіемъ Катринъ.

— То псари, а не ружейные охотники: они не

понимають этой охоты! И что-жь мнѣ за радость водить за собой ничего не понимающаго дурака, который будетъ мнѣ только мѣшать!—стоялъ упорно на своемъ Ченцовъ.

Тогда Катринъ придумала новое средство не пускать мужа одного на охоту.

— Если ужъ ты такъ любишь охотиться, — говорила она:—ѣзди лучше со псовой охотой, и я съ тобой стану ѣздить... По крайней мѣрѣ, я не буду тогда мучаться отъ скуки и отъ страха за тебя, а то это ужасно, что я переживаю; пощади ты меня, Валеріанъ!

— Какая-же въ іюлѣ псовая охота?—сказалъ ей тотъ: — она начнется съ осени, а теперь охота на дичь!

— Но ты и дичи ничего не застрѣливаешь и всегда возвращаешься съ пустымъ ягдташемъ!—замѣтила Катринъ.

Ченцовъ при этомъ покачалъ головой.

— Въ ягдташъ мой даже заглядываетъ!...—проговорилъ онъ съ досадой. — Ты скоро будешь меня держать, какъ Людовикъ одиннадцатый кардинала ла-Балю, въ клѣткѣ; женюсь я не продавалъ-же тебѣ каждой минуты своей жизни!

— Какъ ты не хочешь понять, что это отъ любви къ тебѣ проистекаетъ!—проговорила жалобнымъ голосомъ Катринъ.

— Любовь, напротивъ, дѣлаетъ людей снисходительными, а не деспотами!—возразилъ Ченцовъ.

Катринъ сама понимала, что она слишкомъ многого требовала отъ мужа. Добро-бы онъ возвращался домой пьяный или буйный, — ничего этого не

было. Ченцовъ, дома даже, сталъ гораздо меньше пить, спалъ онъ постоянно въ общей спальнѣ съ женой, хотя, конечно, при этомъ прежнихъ страстныхъ сценъ не повторилось. Словомъ все, что дѣлалъ и говорилъ мужъ, она находила весьма натуральнымъ; но непонятный страхъ и совершенно увѣренное ожиданіе какихъ-то опасностей и несчастій не оставляли ее ни на минуту, и — увы! — предчувствія не обманывали Катринъ. Дѣйствительно, надъ ее головой висѣла опасность, которая вскорѣ и разразилась. Дѣло въ томъ, что Ченцовъ, по указанію управляющаго, отыскалъ въ селѣ старуху Арину Семенову и достигнулъ, чрезъ посредство ея, возможности таинственныхъ наслажденій, каковыя Арина первоначально устроила ету съ одною сельскою дѣвицею по имени Маланьей; но та оказалась столь безстыжею и назойливою, что съ перваго-же свиданія опротивѣла Ченцову до омерзѣнія, о чемъ онъ объявилъ Аринѣ; тогда сія обязательная старуха употребила все свое стараніе и умѣнье и свела его съ тою снохою пчеловода, на которую намекнулъ ему Тулузовъ. Бабенка эта дѣйствительно оказалась прехорошенькой и премечтательной, такъ что въ этомъ отношеніи Людмилѣ не уступала. Ченцовъ увлекся ею до чортиковъ. Между тѣмъ Маланья, побуждаемая главнымъ образомъ корыстью, ждала съ великимъ нетерпѣніемъ получить отъ синьковскаго барина новое приглашеніе; когда-же такового не послѣдовало, она принялась развѣдывать, нѣтъ-ли у нея соперницы, и весьма скоро дознала, что баринъ этотъ сталъ возжаться съ своей крѣпостной крестьянкой изъ деревни Федюхиной. Прежде всего

Маланья прибѣжала къ старухѣ Аринѣ, разругалась съ ней, почестъ наплевала ей въ глаза, говоря, что это ей, старой чертовкѣ, а также и подлой Аксюткѣ (имя мечтательной бабенки) не пройдетъ даромъ. Все это старуха Арина скрыла отъ Ченцова, считывая такъ, что безстыжая Маланья языкомъ только брешетъ; анъ вышло не то, и разъ, когда Валеріанъ Николаичъ, пріѣхавъ къ Аринѣ, сидѣлъ у нея вмѣстѣ съ своей Аксюзей въ особой горенкѣ, Маланья нагрязнула въ избу къ Аринѣ, подняла съ ней ругню, мало того, добралась и до Ченцова.

— Такъ барину поступать не хорошо!—заорала она, распахнувъ дверь въ горенку. — Коли я теперича согласилась съ вами, такъ зачѣмъ-же вамъ брать другую?... Что-же я на смѣхъ, что-ли, далась? Я дѣвушка честная, а не какая-нибудь!

— Какая ты честная дѣвушка, коли ты въ острогѣ сидѣла за то, что купца обокрала! — кричала не тише Маланьи стоявшая за ней старуха Арина.

— Врешь, врешь!... Ты не клепли, вѣдьма!... А ужъ тебѣ, Аксинья, коли гдѣ встрѣчу, всю косу растреплю!... Ты не отбивай у другихъ! — продолжала орать Маланья.

Бѣдная Аксюзя при этомъ хлобыснулась своимъ красивымъ лицомъ на столъ и закрылась рукавомъ рубахи, какъ-бы желая, чтобы ей никого не видѣть и чтобы ея никто не видѣлъ. Ченцовъ, ошеломленный всей этой сценой, при послѣдней угрозѣ Маланьи, поднялся на ноги и крикнулъ ей страшнымъ голосомъ:

— Вонь!... Прогони ее, Арина!—приказалъ онъ старухѣ.

— А я ее вотъ чѣмъ смажу,—подхватила та и прямо-жехватила попавшею ей подъ руку метлою Маланью по шеѣ.

— Метла-то, дьяволица, о двухъ концахъ! — вскрикнула въ свою очередь Маланья и хотѣла было вырвать у Арины метлу, но старуха крѣпко держала свое оружіе и съѣздила Маланью уже по лицу, которая тогда заревѣла и побѣжала, крича: — Погодите! постойте! — Старуха Арина посиѣшила запереть весь свой домишко изнутри, но не прошло и пяти минутъ, какъ передъ ея избой снова оказалась Маланья и уже въ сопровожденіи своего стараго родителя, который явился босикомъ и въ совершенно разорванной рубахѣ. Онъ былъ пропившійся кузнецъ, передъ тѣмъ только пересланный изъ Москвы въ деревню по этапу. Кузнецъ и Маланья принялись стучать во входную дверь въ избу, но старуха Арина не отпирала; тогда Маланья и ея родитель подошли къ окнамъ горенки и нячали въ нихъ стучать. Ченцову наконецъ надоѣло такое осадное положеніе: онъ съ бѣшенствомъ въ лицѣ подскочилъ къ окну и распахнулъ его.

— Что вамъ надобно?—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ, такъ что кузнецъ видимо струхнулъ.

— Ваше превосходительство,—началъ онъ, прижимая руку къ своей полуобнаженной груди:—теперича я родитель этой дѣвушки, за что-жь такъ меня и ее обижать?...

— Не васъ обижаютъ, а вы буяните тутъ! —

кричалъ Ченцовъ.—Чего, собственно, вы хотите отъ меня?

— Ваше превосходительство, мы люди бѣдные,— продолжалъ кузнецъ: — а чужимъ господамъ тоже соблазнять не дозволено дѣвушекъ, коли нѣтъ на то согласія отъ родителей, а я какъ-же, помилуйте, могу дать позволеніе на то, когда мнѣ гривны какой-нибудь за то не выпало.

— Вотъ тебѣ не гривна, а больше! — проговорилъ Ченцовъ и кинулъ десятирублевую.

— Благодарю покорно, ваше высокопревосходительство!—сказалъ кузнецъ радостнымъ голосомъ и хватая бумажку съ земли.

— Ну, и убирайтесь сію-же минуту!

— Уберемся, ваше превосходительство, — отвѣчалъ кузнецъ.

Ченцовъ затворилъ окно, но еще видѣлъ, какъ родитель Маланьи медленно пошелъ съ нею отъ избы Арины, а потомъ, отойдя весьма недалеко, видимо, затѣялъ брань съ дочерью, которая кончилась тѣмъ, что кузнецъ схватилъ Маланью за косу и куда-то ее увелъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! — произнесъ Ченцовъ, садясь на небольшой диванчикъ: несмотря на разнообразіе его любовныхъ похожденій, съ нимъ никогда ничего подобнаго не случалось.

— Ахъ, баринъ, здѣсь ужасъ какой народъ супротивный, и всѣ, что ни есть, буяны! — проговорила тихимъ голосомъ Аксюша, поднимая наконецъ лицо свое.

— Пойдемъ, моя милая, я тебя провожу!—ска-

залъ Ченцовъ, вставъ съ диванчика и облакаясь въ свои охотничьи доспѣхи.

— Проводите, баринъ, а то они безпремѣнно подстерегутъ меня и избыютъ!

— Пусть себѣ попробуютъ!—произнесъ Ченцовъ, молодецки мотнувъ головой, и повелъ Аксюшу подъ руку по задворкамъ деревни.

Идти потомъ въ Федюхино пришлось имъ по небольшому березовому перелѣску. Ночь была лунная и теплая. Аксинья, одѣтая въ новый ситцевый сарафанъ, бѣлую коленкоровую рубаху и съ краснымъ платкомъ на головѣ, шла, стыдливо держась за руку барина. Она была изъ довольно зажиточнаго дома, и я объяснить даже затрудняюсь, какъ и почему сія юная бабенка пала для Ченцова: можетъ быть, тоже вслѣдствіе своей поэтичности, считая всякаго барина лучше мужика; да мужа, впрочемъ, у нея и не было, онъ цѣлые годы жилъ въ Петербургѣ и не сходилъ оттуда.

Версты черезъ три Аксинья, слабенькая физически, замѣтно утомилась.

— Присядь и отдохни, Аксюша, — сказалъ, замѣтивши ея усталость, Ченцовъ.

Въ это время они проходили довольно сухую поляну.

— Да, баринъ, ужь извините!—проговорила она и опустилась на траву.

Ченцовъ усѣлся рядомъ съ нею; Аксинья немедленно склонила свою голову на его ноги. Оба они при довольно тускломъ лунномъ освѣщеніи, посреди травы и лѣса, съ бѣгающею около и какъ-бы стерегущею ихъ собакою, представляли весьма кра-

сивую группу: молодцоватый Ченцовъ въ щеголеватомъ охотничьемъ костюмѣ, вооруженный ружьемъ, сидѣлъ какъ-бы нѣсколько въ грозной позѣ, а лежавшая головою на его ногахъ молодая бабеночка являла, Богъ знаетъ уже откуда, прирожденную ей грацію. Начавшійся между ними разговоръ тоже носилъ поэтическій характеръ.

— Ты меня любишь, Ксюша?—спрашивалъ Ченцовъ.

— Люблю, баринъ,—отвѣчала она, не поднимая головы.

— И я тебя люблю!—произнесъ трепетно-страстнымъ голосомъ Ченцовъ.

— Я знаю это, баринъ,—говорила Аксинья, не измѣняя своей позы.

— Но тебя, можетъ быть, безнокоить эта нахальная Маланья?—спросилъ Ченцовъ.

— Нѣтъ, баринъ... Что-жь это?... Нѣтъ, нѣтъ!—повторила Аксинья: — только, баринъ, одно смѣю вамъ сказать,—вы не разсердитесь на меня, голубчикъ, — я къ Аринѣ ходитъ боюсь теперь... она тоже женщина лукавая... Пожалуй, еще, какъ мы будемъ тамъ, всякаго народу напускаетъ... Куда я тогда дѣнусь съ моей бѣдной головушкой?...

— Гдѣ-жь мы будемъ видаться? Къ тебѣ въ избу мнѣ прѣхать нельзя?...—проговорилъ Ченцовъ.

— Ай, баринъ, какъ это возможно!—воскликнула Аксинья: —у насъ домъ очень строгій!...

— Такъ въ лѣсу, что-ли, гдѣ-нибудь?—спрашивалъ Ченцовъ.

— Нѣтъ, въ лѣсу нельзя! Онъ полнѣхонекъ те-

перь мальчишками и старухами: всё за ягодами ходять!

— Въ такомъ случаѣ, гдѣ же, милая моя? Неужели мы съ тобой и видаться перестанемъ?

— Какъ это возможно не видаться?!—опять воскликнула Авсинья.—А я, баринъ, вотъ что думала: я буду попервоначалу рожь жать, а опосля горохъ теребить, и какъ вы мнѣ скажете: въ какой день придете въ нашу деревню, я ужъ васъ безпремѣнно увижу и прибѣгу въ овины наши, и вы туда приходите!

— Но какъ я узнаю вашъ овинъ? Ихъ тамъ нѣсколько!—замѣтилъ Ченцовъ.

— Да я васъ подожду у нашего-то овина; тамъ теперь николи ни одинаго человѣка не бываетъ.

— Отлично придумала!... О, моя милушка, душка моя!—сказалъ Ченцовъ и началъ цѣловать Аксюшу такъ-же страстно и нѣжно, какъ когда-то цѣловалъ онъ и Людмилу, а затѣмъ Авсинья одна уже добѣжала домой, такъ какъ Федюхино было почти въ виду!

Условенныя такимъ образомъ свиданія стали повторяться почти каждодневно, но продолжались они, впрочемъ, не долго. Маланья, не получившая отъ родителя ни копѣйки изъ денегъ, данныхъ ему Ченцовымъ, и даже прибитая отцомъ, задумала за все это отомстить Авсиньѣ и барину, ради чего она набрала цѣлое лукошко красной морошки и отправилась продавать ее въ Синьково, и такъ какъ Екатерина Петровна, мелочно-скупая, подобно покойному Петру Григорьичу, въ хозяйствѣ, имѣла обыкновеніе сама покупать у проходящихъ крестьянокъ ягоды,

то Маланья, вѣроятно, слышавшая объ этомъ, смѣло и нагло вошла въ дѣвичью и потребовала, чтобы къ ней вызвали барыню. Катринъ вышла къ ней. Маланья запросила за свое лукошко очень дорого.

— Ты, дѣвушка, съ ума, я вижу, сошла! — возразила Катринъ: — я покупаю морошку втрое дешевле.

— Да вы, сударыня, можете, покупаете у вашихъ крестьянъ: они люди богатые и всѣ почести на оброкахъ, а намъ гдѣ взять? Родитель у меня въ задѣльѣ, господа у насъ не жалостливые, гдѣ хошь возьми, да подай! Не то, что вы съ вашимъ супругомъ! — выпечатывала бойко Маланья. — У васъ одинъ мужичекъ изъ Федюхина — Власій Македоничъ — домъ, говорятъ, каменный хочетъ строить, а тоже откуда онъ взялъ? — все по милости господской!

— Какая же ему особенная милость господская была? — спросила Катринъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ, такъ какъ она вовсе не считала ни себя, ни покойнаго отца своего особенно щедрыми и милостивыми къ своимъ крѣпостнымъ людямъ.

— Этого не сказываютъ, а хвастаютъ! — придумывала и врала Маланья, попадавшая, впрочемъ, безошибочно въ цѣль.

— А изъ кого семья Власія состоитъ? — спросила Катринъ; голосъ ея при этомъ былъ какой-то странный.

— Да у нихъ старикъ со старухой, сынъ ихній — питерщикъ и сноха.

— Молоденькая и хорошенькая эта сноха?

— Женщина очень красивая! — объяснила Маланья.

Для ревниваго и смѣтливаго ума Катринъ было достаточно этого короткаго разговора, чтобы заподозрить многое. Купивъ ягоды и сказавъ Маланьѣ, что она можетъ идти домой, Екатерина Петровна впала въ мучительное раздумье: основнымъ ея предположеніемъ было, что не отъ Валеріана-ли Николаевича полился золотой дождь на старика Власія, котораго Катринъ знала еще съ своего дѣтства и вовсе не разумѣла за очень богатаго мужика, — и полился, разумѣется, потому, что у Власія была сноха красивая. «Но тогда,—спрашивала себя Катринъ: — откуда у Валеріана могли появиться такія значительныя деньги, на которыя можно было-бы выстроить каменный домъ? Можетъ быть, онъ взялъ у управляющаго?» пришло на мысль Екатеринѣ Петровнѣ. Пользуясь обычнымъ отсутствіемъ мужа, она, не откладывая времени, позвала къ себѣ Тулузова.

— Послушайте, Василій Ивановичъ,—начала она довольно строгимъ тономъ: — не требовалъ-ли отъ васъ Валеріанъ Николаичъ значительной суммы денегъ?

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣчалъ тотъ, какъ-бы даже удивленный такимъ вопросомъ.

— И нисколько не требовалъ? — спросила еще разъ Катринъ.

— Нисколько-съ! — отвѣчалъ управляющій, не мигнувши ни однимъ глазомъ, хоть и говорилъ неправду: Валеріанъ Николаичъ бралъ у него деньги,

конечно, не въ такой значительной цифрѣ, какъ предполагала Катринъ.

— Ну, смотрите-же, — сказала она снова строгимъ тономъ: — я буду внимательно разсматривать ваши отчеты, и, наконецъ, если когда-нибудь мужъ будетъ просить у васъ денегъ, то вы должны мнѣ предварительно сказать объ этомъ.

— Я очень хорошо понимаю, кто владѣлецъ порученныхъ мнѣ имѣній!—проговорилъ на это, слегка улыбаясь, управляющій.

Катринъ, однако, этими распоряженіями не успокоилась. Не высказавъ мужу нисколько своихъ подозрѣній, она вознамѣрилась съѣздить въ деревню Оедюхино, чтобы взглянуть на житье-бытье Власія, съ каковою цѣлью Катринъ, опять-таки въ отсутствіе мужа, велѣла запретъ себѣ кабріолетъ и, никого не взявъ съ собою, отправилась въ сказанную деревню. Избу Власія Екатерина Петровна хорошо знала, а потому, подѣхавъ прямо къ ней, увидала Власія сидящимъ на прилавочкѣ около своей хаты. Онъ былъ еще старикъ крѣпкій, съ расчесанной бородой и головой, въ синей рубахѣ и въ валеныхъ сапогахъ, такъ какъ у него простужены были ноги.

Узнавъ госпожу свою, Власій всталъ и почтительно поклонился.

— А я, Власій, пріѣхала къ тебѣ полакомиться твоими сотами!—сказала Катринъ, вылѣзая изъ своего кабріолета.

— Великую милость, сударыня, мнѣ тѣмъ сдѣлала!—проговорилъ Власій, беря ея лошадь и призывая къ изгороди.

Катринъ пошла въ избу, а Власій сбѣгалъ въ

свой погребъ и, положивъ тамъ на деревянное блюдо сотовъ и свѣженькихъ огурчиковъ, принесъ и поставилъ все это на столъ передъ госпожей своей, произнося:

— Покушайте, сударыня, во здравіе!

Катринъ, отломивъ небольшой кусокъ сотовъ и положивъ его въ ротъ, насильно разжевала и проглотила.

— Они у тебя стали нынче не хороши! — замѣтила она и въ то же время окидывала быстрымъ взглядомъ избу Власія и все ея убранство.

— Нѣтъ-бы, кажись, нынче, — толковалъ ей Власій: — соты не водянистые, а многообильные и крѣпкіе!

— Скажи, изба у тебя давно строена?... Она какъ будто-бы даже новая! — продолжала разговаривать Катринъ.

— Что ей сдѣлалось, — изба хорошая, — всего годовъ десять, какъ строена! — объяснилъ Власій.

— А какъ-же, говорятъ, — продолжала Катринъ съ перекошенной и злой усмѣшкою: — что ты хочешь новый, каменный домъ строить?

— Господи! — произнесъ усмѣхнувшись Власій: — да нашто намъ здѣсь каменные дома и на какія деньги ихъ строить?

— Но у тебя сынъ есть, сколько я помню! — добиралась далѣ Катринъ: — онъ у тебя на чужой сторонѣ живетъ?

— Да, сударыня, въ Питерѣ пребываетъ съ малолѣтства.

— А въ деревню часто сходитъ?

— Ну, этимъ не похвастаюся! — сказалъ, пе-

чально мотнувъ головой, Власій: — три года, сударыня, какъ не бывалъ въ деревнѣ!

— Какъ же ты позволяешь это?... тѣмъ больше, что онъ женатъ.

— Женатъ, сударыня.

— Но, можетъ быть, жена съ нимъ въ Петербургѣ?

— Нѣтъ-съ, здѣсь въ деревнѣ ее держимъ, при насъ!

— А она баба хорошая?

— Хорошая, сударыня; женщина кроткая, умная, къ работѣ только маленько слабосильна, но мы ее не нудимъ, не принуждаемъ!

— Я-бы очень желала посмотрѣть на нее, — гдѣ она теперь?

— На полоскѣ!... Съ горохомъ убирается.

— А ее можно позвать?

— Для-че не позвать! Дмитревна, сходи за Аксютой!—проговорилъ Власій, обращаясь къ перегородкѣ, за которой сидѣла его жена, старуха безтолковая и лѣнивая.

— Гдѣ-жь ее тамъ сыскать?—отозвалась та недовольнымъ голосомъ.

— Ну, ну, ступай!—повторилъ ей хоть и тихимъ, но повелительнымъ голосомъ мужъ.

Старуха обряжалась нѣкоторое время за перегородкой и, выйдя оттуда, вивнула только на-скоро головой госпожѣ и ушла, а Екатерина Петровна снова встуила въ разговоръ съ Власомъ.

— Сноха твоя скучаетъ по мужѣ? — спросила она.

— Какъ, сударыня, не скучать? Вы вотъ изво-

лите говорить: какъ я позволяю сыну не сходить въ деревню,—продолжалъ Власій, видимо тронутый за самую слабую струну: — а какъ мнѣ и что сдѣлать супротивъ того... Я докладывалъ и покойному вашему родителю и нынѣшнему господину управляющему жаловался, отъ всѣхъ одни отвѣты были: «что-жь, говорятъ, если онъ оброкъ и подушные оплачиваетъ, какъ-же и за что-жь его задерживать?...» «Да, помилуйте, говорю, при чемъ-же мы тутъ, родители его? Намъ и взглянуть на него желается, не щенокъ-же онъ намъ подкинутый?...»

— Ну, вотъ что, старикъ!—успокоила его Катринъ:—я черезъ мѣсяць-же выпишу къ тебѣ сына.

— Сдѣлайте божескую милость! — провоциалъ Власій.

Въ это время возвратилась его старая жена.

— Нѣту-ти ее на полосѣ, не нашла! — проговорила она и пошла за перегородку.

— О, ворона уховислая! — сказалъ съ досадой Власій:—ничего путемъ не сдѣлаетъ.

— Да ты самъ, старикъ, сходи и отыщи сноху!—приказала ему Катринъ.

— Я-то разыщу ее!—проговорилъ самонадѣянно Власій и ушелъ.

Катринъ довольно долго ждала его и переживала мучительнѣйшія минуты. Что если ей придется всю жизнь такъ жить съ мужемъ? думалось ей: она любить его до сумасшествія, а онъ ея не любитъ ни сколько и, кромѣ того, обманываетъ на каждомъ шагу. «Неужели-же, — спрашивала себя далѣе Катринъ: — это чувство будетъ въ ней продолжаться вѣчно?» «Будетъ!»—отвѣтила-было она на первыхъ

порахъ себѣ. «Нѣтъ,—отвергнула затѣмъ,—это невозможно, иначе я не перенесу и умру!»

Власій, наконецъ, возвратился и былъ смущенъ.

— Въ самотко нѣтъ ея тамъ, убѣждала, видно, дура, за грибами съ другими бабами, — доложилъ онъ.

— Жаль! — проговорила недовольнымъ голосомъ Катринъ и встала:—Я къ тебѣ еще разъ заѣду взглянуть на твою сноху, которой совѣтую тебѣ не давать очень воли, а если она не будетъ слушаться, мнѣ пожалуйся!

— Это безпремѣнно-съ!—отвѣчалъ старикъ, усаживая Катринъ въ кабриолетъ и весьма опечаленный тѣмъ, что не могъ угодить ей на этотъ разъ.

Катринъ, будучи взволнована и разстроена, поѣхала не по той дорогѣ, по которой пріѣхала, и очутилась невдалекѣ овиновъ, гдѣ увидала, что въ затворенную дверь одного изъ нихъ тыкалась рыломъ лягавая собака Валеріана Николаича. Подстрекаемая предчувствіемъ, Катринъ остановила лошадь, соскочила съ кабриолета и торопливо распахнула дверь овина, въ которую быстро кинулась собака и, подбѣгая къ дальнему углу, радостно завизжала. Не смотря на темноту, Катринъ ясно усмотрѣла въ этомъ углу какую-то женщину, а также и мужа своего, который сидѣлъ очень близко къ той. Оба они, какъ ей показалось, были перепачканы въ золѣ и сажѣ.

— Какое приличное мѣсто для дворянина!—имѣла только силы произнести Катринъ и, захлопнувъ дверь въ овинъ, поскакала въ Синьково, куда пріѣхавъ, прошла во флигель къ управляющему, котораго застала дома.

<http://rcin.org.pl>

— Завтрашній-же день—сказала она тому:—распорядитесь, чтобы сноха мужика Власа изъ Оедюхина была, по моему желанію, сослана въ Сибирь.

Такое приказаніе удивило и опѣшило управляющаго.

— Но у ней мужъ есть! — возразилъ было онъ.

— Пусть сошлютъ и съ мужемъ, котораго извольте немедля-же вытребовать.

Все это Катринъ говорила строгимъ и отчасти величественнымъ голосомъ, а затѣмъ она ушла изъ флигеля управляющаго, который, оставшись одинъ, сдѣлалъ насмѣшливую и плутовскую гримасу и вмѣстѣ съ тѣмъ прошепталъ: «Пойдутъ теперь исторіи, надобно только не зѣвать!»

Ченцовъ между тѣмъ, желалъ успокоить трепетавшую отъ страха Аксюту, нагаль ей, что это заглядывала не жена его, не Катерина Петровна, а одна гостившая у нихъ дама, съ которой онъ, катаясь въ кабриолетѣ, зашелъ въ Оедюхино и которую теперь упрости не говорить никому о томъ, что она видѣла. Аксинья повѣрила, и онъ, обѣщавъ ей придти на другой-же день поутру въ ихъ деревню, отправился домой, неся въ душѣ бѣшеный гнѣвъ противъ супруги своей за ея подсматриванье. Въ томъ, что Катринъ затѣветъ съ нимъ сцену, Ченцовъ не сомнѣвался и, чтобы подкрѣпиться для оной, зашелъ въ стоявшій на дорогѣ кабакъ и выпилъ тамъ цѣлый полштофъ. Катринъ онъ нашелъ сидящею у него въ кабинетѣ. Она имѣла видъ разъяренной тигрицы: глаза ея были налиты кровью, губы пересохли, грудь высоко поднималась при дыханіи. Ченцовъ, однако,

спокойно встрѣтилъ ея огненный взглядъ и проговорилъ негромко:

— Прошу васъ уйти отъ меня!

— Нѣтъ, я не уйду прежде, чѣмъ не наплюю тебѣ въ глаза!—сказала Катринъ съ свойственною ей несдержанностью.

— А тогда я васъ угощу пулей!—объяснилъ ей Ченцовъ, показывая глазами на свое двухствольное ружье, которое онъ въ это время снималъ съ плечъ.

— Ахъ, скажите, какой воинъ!—пропнесла насмѣшливо Катринъ.—Если вы меня пулей угостите, васъ сошлютъ на каторгу за это.

— Каторги я не боюсь, потому что жить съ вами та-же каторга.

— Кто-жь васъ держитъ?.. Увѣжайте отъ меня!.. Силой я васъ не могу удержать.

— Да и уѣду, конечно!.. Что тутъ разговаривать объ этомъ! — отозвался презрительнымъ тономъ Ченцовъ.

— Взявъ, разумѣется, съ собой и свою прелестную Аксинью!—присовокупила Катринъ.

— Да, прелестную Аксинью я возьму съ собой!

— А если я вамъ скажу, что вы не имѣете права это сдѣлать! — проговорила Катринъ съ удареніемъ.

— Я никогда не справлялся, — возразилъ ей со злымъ смѣхомъ Ченцовъ:—имѣю-ли я на что право, или нѣтъ, а дѣлалъ всегда, какъ мнѣ хотѣлось!

— Ну, тутъ вамъ врядъ-ли удастся сдѣлать, какъ вы хотите, потому что я вашу мерзавку Аксинью сошлю на поселенье: она моя, а не ваша крестьянка!

Какъ ни отуманена была голова Ченцова, но онъ

дрогнулъ всёмъ тѣломъ отъ послѣднихъ словъ Катринъ и крикнулъ:

— Не смѣйте это дѣлать!

— Смѣю и сдѣлаю!—отвѣчала на это рѣшительнымъ тономъ Катринъ.

— Опомнись, дура ты этакая!—неистовствовалъ Ченцовъ и, поднявъ ружье, направилъ его на Катринъ:—Оно заряжено пулей у меня, пойми ты это!

— Эй люди, люди!—закричала Катринъ и бросилась было бѣжать.

— Не смѣй ссылатъ Аксиною!..—кричалъ побѣжавшій вслѣдъ за нею Ченцовъ.

— Не испугаете вы меня ничѣмъ, сошлю! — повторяла свое Катринъ.

Ченцовъ выстрѣлилъ въ нее изъ ружья; провизжавшая пуля ударилась въ гостиной въ зеркало и разбило его въ дребезги.

— Не смѣй!..—ревѣлъ на весь домъ Ченцовъ и выстрѣлилъ въ жену ужъ дробью, причемъ нѣсколько дробинокъ попало въ шею Катринъ. Она вскрикнула отъ боли и упала на полъ.

Прибѣжавшіе, наконецъ, люди и управляющій схватили Ченцова; онъ пробовалъ было отбиваться отъ нихъ прикладомъ ружья, но они, по приказанію управляющаго, скрутили ему руки и, отведя въ кабинетъ, заперли его тамъ.

Тулузовъ потомъ бросился къ лежавшей на полу Катринъ. Кровотеченіе у нея изъ плеча и шеи было сильное. Онъ велѣлъ ее поднять и положить на постель, гдѣ заботливо осмотрѣлъ ее ранки.

— Я смертельно ранена? — спросила Катринъ слабымъ голосомъ.

— Нѣтъ-съ, это дробью, пустяки!—успокоиваль ее управляющій.

— Я боюсь, что этотъ злодѣй захочетъ совсѣмъ убить меня!

— Мало-ли чего онъ захочетъ!.. Кто-жь ему позволить это?.. Я его заперъ въ кабинетъ и велѣлъ стеречь!—успокоилъ и на счетъ этого госпожу свою управляющій.

На другой день раннимъ утромъ Катринъ уѣхала въ губернской городъ; Тулузовъ тоже поѣхалъ вмѣстѣ съ нею, въ качествѣ оборонителя на тотъ случай, ежели Ченцовъ вздумаетъ преслѣдовать ее: ѣдучи въ одномъ экипажѣ съ госпожею своею, Тулузовъ всю дорогу то заботливо поднималъ окно у кареты, если изъ того чувствовался хотя малѣйшій вѣтерокъ, то поправлялъ подушки подъ раненымъ плечомъ Катринъ, причемъ она ласково взглядывала на него и произносила: «merci, Тулузовъ, merci». Объяснилъ онъ ей также, что Валеріану Ниволапчу не сдобровать и что его, можетъ быть, даже сошлютъ. Катринъ, въ первомъ пылу озлобленія на мужа, съ удовольствіемъ это выслушала и проговорила: «туда ему и дорога!»

У.

Случившійся у Ченцовыхъ скандалъ возбудилъ сильные толки въ губернскомъ городѣ; рассказывалось объ немъ разное и съ разныхъ точекъ зрѣнія; при этомъ, впрочемъ, можно было замѣтить одно, что либеральная часть публики, то-есть молодая

дамы, безусловно обвиняли Катринъ, говоря, что она сама довела мужа до такого ужаснаго поступка съ ней своей сумасшедшей ревностью и что если-бы, наприимѣръ, имъ, дамамъ, случилось узнать, что ихъ супруги унизились до какой-нибудь крестьянки, такъ онѣ постарались-бы пренебречь этимъ, потому что это только гадко и больше ничего! «Но позвольте, возражали имъ пожилыя дамы и солидные мужчины, madame Ченцова любила своего мужа, она для него пожертвовала отцомъ и оправдывать его странно,— что Ченцовъ человекъ безпутный, это всеѣмъ извѣстно!»—«Значить, извѣстно было и madame Ченцовой, а если она, все-таки, вышла за него, такъ и будь къ тому готова!» замѣчали ядовито молодыя дамы.—«Къ чему готова?.. Даже къ тому, что онъ выстрѣлитъ въ нее два раза изъ ружья?» спрашивали тоже не безъ ядовитости порицатели Ченцова.—«Онъ сдѣлалъ это въ запальчивости, заступаясь за женщину, которую любилъ, и потому поступилъ въ этомъ случаѣ благородно!» отстаивали молодыя дамы романическую сторону событія. — «Полноте, пожалуйста, возражали имъ ихъ противники: Ченцовъ никогда и ни одной женщины не любилъ, а только развращалъ каждую для минутной своей прихоти!» При такомъ раздвоеніи общественнаго мнѣнія, собственно городскія власти выразили большое участіе madame Ченцовой, по приѣздѣ ея въ губернскій городъ, гдѣ она остановилась въ гостиницѣ Архипова и почти лежала въ постели, страдая отъ своихъ хоть и не опасныхъ, но очень большихъ ранокъ. Губернаторъ, когда къ нему явился управляющій Тулузовъ и отъ имени госпожи своей доложилъ ему обо всемъ,

что произошло въ Спльковѣ, высказалъ свое глубокое сожалѣніе и на другой-же день, пріѣхавъ къ Екваторинѣ Петровнѣ, объявилъ ей, что она можетъ не просить его, но приказывать ему, что именно онъ долженъ предпринять для облегченія ея горестнаго положенія.

— Баронъ,—сказала на это Катринъ, потупляя свои печальные глаза:—вы такъ были добры послѣ смерти отца, что, я надѣюсь, не откажетесь помочь мнѣ и въ настоящія минуты: мужа моего, какъ вотъ говорилъ мнѣ Василій Ивановичъ...—и Катринъ указала на почтительно стоявшаго въ комнатѣ Тулузова:—говорилъ, что ежели пойдетъ дѣло, то Ченцова сошлютъ.

— Вѣроятно!—не отвергнулъ губернаторъ.

— Но я (сколько онъ ни виноватъ передо мною), обдумавъ теперь, не желаю этого: ссора наша чисто-семейная, и мнѣ потомъ, согласитесь, баронъ, остаться женою ссыльнаго ужасно!.. И за что-же я, безъ того убитая горемъ, буду этимъ титуломъ называться всю мою жизнь?

— Совершенно васъ понимаю,—подхватилъ губернаторъ:—и употреблю съ своей стороны всѣ усилія, чтобы не дать хода этому дѣлу, хотя также совѣтую вамъ попросить о томъ-же жандармскаго полковника, потому что дѣла этого рода больше зависягъ отъ нихъ, чѣмъ отъ насъ, губернаторовъ!

— Я, не смотря на болѣзнь, готова хоть сейчасъ ѣхать къ полковнику и умолять его! — произнесла Катринъ.

— Зачѣмъ-же вамъ ѣхать?.. Я ему скажу, и онъ самъ къ вамъ пріѣдетъ!—обязательно предложилъ ей

губернаторъ, а затѣмъ, проговоривъ чистѣйшимъ французскимъ прононсомъ: — *Soyez tranquille, madame!*» — уѣхалъ.

Подобно своему родственнику, графу Эдлерсу, баронъ Висбахъ былъ весьма любезенъ со всѣми дамами и даже часто исполнялъ ихъ не совсѣмъ законныя просьбы.

Жандармскій полковникъ, весьма благообразный изъ себя и, должно быть, по происхожденію полякъ, потому что носилъ чисто-польскую фамилію Пшедавскій, тоже не замедлилъ посѣтить Екатерину Петровну. Она рассказала ему откровенно все и умоляла его позволить не начинать дѣла.

— Я не имѣю права ни начинать, ни прекращать дѣлъ, — пояснилъ ей вѣжливо полковникъ: — а могу сказать только, что ничего не имѣю противъ того, чтобы дѣла не вчинали: наша обязанность скорѣе примирять, чѣмъ раздувать вражду въ семействахъ!

— Кромѣ того, полковникъ, — продолжала Катринъ тѣмъ-же умоляющимъ тономъ: — я прошу васъ защитить меня отъ мужа: онъ такъ теперь золъ и ненавидитъ меня, что можетъ каждую минуту вѣрваться ко мнѣ и надѣлать, Богъ знаетъ чего!

— Защитить васъ отъ этого рѣшительно внѣ нашей власти!.. Вотъ если-бы отъ васъ была жалоба, тогда господина Ченцова вѣроятно-бы арестовали.

— Я точно тоже докладывалъ Катеринѣ Петровнѣ, — вмѣшался въ разговоръ опять-таки присутствовавшій при этомъ объясненіи управляющій.

— Дѣла вести я не хочу, вы это слышали, какъ я говорила губернатору, и должны понимать, почему

я этого не желаю!—сказала тому съ оттѣнкомъ досады Катринъ.

Тогда Тулузовъ обратился къ жандармскому штабъ-офицеру.

— Въ такомъ случаѣ, господинъ полковникъ,—сказалъ онъ, почтительно склонивъ голову: — не благоугодно-ли будетъ вамъ обязать, по крайней мѣрѣ, господина Ченцова подпискою, чтобы онъ выѣхалъ изъ имѣнія Катерины Петровны.

— Это скорѣе можетъ сдѣлать губернаторъ и губернской предводитель, чѣмъ я: мы только наблюдаемъ, но никогда ничѣмъ не распоряжаемся,—отвѣтилъ ему полковникъ.

— О, если такъ, то я напишу губернатору, котораго я считаю рѣшительно своимъ благодѣтелемъ! А губернской предводитель теперь, говорятъ, князь Индобскій?

— Князь Индобскій! — подтвердилъ полковникъ.

— Князь тоже близкій пріятель моего отца: онъ нѣсколько лѣтъ служилъ у него уѣзднымъ предводителемъ, а потому я полагаю, что и онъ для меня сдѣлаетъ!—проговорила Катринъ, взглянувъ на Тулузова и какъ-бы совѣтуясь съ нимъ.

Тотъ ей ничего не отвѣтилъ.

Свиданіе съ жандармскимъ полковникомъ на этомъ кончилось. Затѣмъ Катринъ переписала съ заготовленныхъ для нея Тулузовымъ вчернѣ писемъ бѣловыя, которыя онъ и разнесъ по принадлежности.

Письма Катринъ воздѣйствовали: губернаторъ и губернской предводитель въ тотъ-же день пріѣхали въ ней. Катринъ высказала имъ свое ходатайство о высылкѣ изъ Синькова мужа, а также и о томъ,

чтобы эта негодяйка Аксинья была взята отъ нея, и пусть ее дѣнуть куда угодно. Касательно послѣдняго обстоятельства ни губернаторъ, ни губернский предводитель нисколько не затруднились и сказали Катринь, что она, на основаніи своей помѣщичьей власти, имѣетъ полное право требовать этого. Что же касается до высылки изъ нея имѣній мужа, то они, впавъ въ нѣкоторое недоумѣніе и разнорѣчіе, даже заговорили между собой по-французски, такъ какъ въ номеръ входила иногда горничная Екатерины Петровны и тутъ-же стоялъ ея управляющій. При этомъ случилось нѣчто хоть и неважное, но въ то-же время весьма странное: когда губернский предводитель, возражая губернатору, выразился, что Ченцова, какъ дворянина, нельзя изгнать, и въ заключеніе своей рѣчи воскликнулъ: «C'est impossible!» вдругъ въ разговоръ ихъ вмѣшался Тулузовъ, какъ бы отчасти понявшій то, о чемъ говорилось на французскомъ языкѣ.

— Я теперь служу у Катерины Петровны,—началь онъ:—но если Валеріанъ Николаичъ останутся въ усадьбѣ, то я долженъ буду уйти отъ нихъ, потому что какимъ-же способомъ я могу уберечь ихъ отъ супруга, тѣмъ болѣе, что Валеріанъ Николаичъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, бываютъ весьма часто въ полусумасшедшемъ состояніи; если-же отъ него будетъ отобрана подписка о невѣздѣ въ Спирково, тогда я его не пушу и окружу всю усадьбу стражей.

— Пожалуйста, господа, возьмите съ мужа эту подписку: я совершенно не желаю и боюсь его видѣть!—присовокупила къ этому и Катринь.

— Я отберу-съ!.. Посовѣтуюсь еще съ жандарм-

скимъ полковникомъ, и мы его вышлемъ изъ имѣній вашихъ!—сказалъ ей губернаторъ и отнесся потомъ къ губернскому предводителю: — Надѣюсь, что вы хоть косвенно посодѣйствуете намъ!

— Ни прямо, ни косвенно не могу принять участія въ этомъ щекотливомъ вопросѣ!—отказался тотъ.

Князь, кажется, имѣлъ твердое убѣжденіе, что, будучи выбранъ дворянами, онъ долженъ ихъ отстаивать, что бы они ни творили.

Покуда происходили всѣ эти обдумыванія и споры о мѣропріятіяхъ, въ дѣйствительности произошло то, что все это оказалось ненужнымъ. Ченцовъ уже болѣе недѣли какъ уѣхалъ изъ Синькова, а вмѣстѣ съ нимъ пропала и Аксюша изъ Федюхина. Сначала всѣ удивились тому и ахали, потомъ усадебный староста съѣздилъ къ старику Власію, строго, долго и секретно допрашивалъ того и, возвратившись въ Синьково, нацарапалъ каракулями длиннѣйшее донесеніе управляющему, который при отѣздѣ приказалъ ему писать немедленно, если что-нибудь въ усадьбѣ случится. Получивъ это донесеніе, Тулузовъ, не смотря на привычку не выражать своихъ чувствъ и мыслей, не выдержалъ и вошелъ въ комнату Екатерины Петровны съ сіяющимъ отъ радости лицомъ.

— Все устроилось какъ нельзя лучше! — проговорилъ онъ.

Екатерина Петровна бросила на него вопросительный взглядъ.

— Валеріанъ Николаичъ уѣхалъ изъ Синькова и больше уже недѣли не возвращается...

— Куда-жь онъ могъ уѣхать? — спросила Кат-

риня, тоже, какъ замѣтно, довольная этой новостью.

— Незвѣстно-съ, и староста нашъ увѣдомляетъ меня, что Валеріанъ Николаичъ сначала уходилъ куда-то пѣшкомъ, а потомъ пріѣхалъ въ Синьково на двухъ обывательскихъ тройкахъ; на одну изъ нихъ уложилъ свои чемоданы, а на другую сѣлъ самъ и уѣхалъ!

Катриня при этомъ грустно улыбнулась.

«Вѣроятно, на эти чемоданы съ платьемъ Валеріанъ и рассчиталъ свою будущую жизнь, — безумецъ, безумецъ!» подумала она. Конечно, у него былъ очень цѣнный туалетъ; однѣхъ шубъ имѣлось три, изъ которыхъ одна въ двѣ тысячи рублей, другая въ тысячу, третья хоть и подешевле, но у нея бобровый воротникъ стоилъ пятьсотъ рублей. Кромѣ того, Катриня подарила ему много бриллиантовыхъ вещей и очень дорогой хронометръ покойнаго Петра Григорьича. Все это она теперь ужъ и пожалѣла: знай Катриня, что супругъ съ ней такъ поступитъ, она, конечно-бы, никогда не позволила себѣ быть столь щедрою съ нимъ.

— А что-же Аксиныя?—спросила она управляющаго.—Вы, кажется, еще до сихъ поръ не сдѣлали никакого распоряженія насчетъ ея?

— Аксиныя тоже скрылась изъ своей деревни и не возвращается въ нее!—объяснилъ тотъ.

— Значитъ, она бѣжала съ Валеріаномъ? — произнесла Катриня.

— Въ народѣ идетъ другая молва! — отвѣтилъ управляющій:—старый свекоръ ея утверждаетъ, что она, испугавшись вашего гнѣва, утопилась!

— Какая чувствительная, скажите! — воскликнула Катринъ по наружности насмѣшливо, хотя въ глубинѣ ея совѣсти что-то очень боязливое и неприятное кольнуло ее. — Почему-жь старикъ Власій говорить, что Аксинья утопилась?

— Да будто-бы нашли ее платокъ съ головы и сарафанъ на берегу тамошней рѣчки.

— Вздоръ это!—перебила торопливо Катринъ.

— Конечно, вздоръ!—подхватилъ и Тулузовъ:— вы совершенно справедливо предположили, что ее увезъ съ собою Валеріанъ Николаичъ.

— Непремѣнно! — сказала Катринъ, съ одной стороны съ удовольствіемъ подумавшая, что Аксинья не утопилась отъ ея безчеловѣчнаго распоряженія, а съ другой это мучительно отозвалось на чувствѣ ревности Катринъ. «Такимъ образомъ, думала она, эта тварь совершенно замѣняетъ теперь меня Валеріану и, можетъ быть, даже милѣй ему, чѣмъ когда-либо я была!» Но тутъ ужъ въ Катринъ заговорило самолюбіе. «Пусть себѣ живутъ и наслаждаются, и интересно знать, надолго-ли хватить имъ этого туалета, увезеннаго Ченцовымъ на пропитаніе себя и своей возлюбленной», прибавила она себѣ мысленно и кинула довольно странный взглядъ на управляющаго.

Тулузовъ также отвѣтилъ ей страннымъ и весьма пронизательнымъ взоромъ.

Еще съ мѣсяцъ послѣ этой сцены Катринъ жила въ губернскомъ городѣ, обдумывая и рѣшая, какъ и гдѣ ей жить? Первоначально она предполагала уѣхать къ воторую-нибудь изъ столицъ съ тѣмъ,

чтобы тамъ жуировать и даже кутить; но Катринъ вскорѣ сознала, что она не склонна къ подобному роду жизни такъ, какъ все-таки была еще пока нравственна и боязливо смотрѣла на жизнь. Въ результатѣ такого соображенія она позвала къ себѣ однажды Тулузова и сказала ему ласковымъ и фамиллярнымъ тономъ:

— Василій Ивановичъ, я думаю опять переѣхать на житье въ Синьково.

— Что-жь, это будетъ даже полезно для вашего здоровья, — отвѣчалъ тотъ.

— Вѣроятно!... — согласилась Катринъ: — но вы сидьте, Василій Ивановичъ, а то, ей-богу, мнѣ неловко говорить съ вами: вы всегда какъ будто-бы слушаете мои приказанія, тогда какъ я желаю совѣтоваться съ вами!

— Я только-что вошелъ и не успѣлъ еще сѣсть! — ловко вывернулся Тулузовъ и поспѣшно опустился на стулъ.

Затѣмъ продолжалось молчаніе, прервать которое Катринъ какъ будто-бы было неловко, да и Тулузовъ тоже точно-бы не рѣшался и держалъ свои глаза обращенными въ сторону.

— Кромѣ ужъ моего здоровья, — стала продолжать прежній свой разговоръ Катринъ: — гдѣ я тутъ буду жить?... Въ нашемъ городскомъ домѣ? Но я его скорѣй желаю отдать внаймы, чѣмъ поселиться въ немъ, потому что онъ слишкомъ великъ для меня и я должна буду всю мебель и все перевозить опять изъ Синькова сюда.

— Разумѣется, это будетъ очень затруднительно, — согласился съ ея мнѣніемъ Тулузовъ.

— И потомъ, для какого удовольствія я буду здѣсь жить?... Чтобы въ здѣшнемъ обществѣ бывать? Но оно мнѣ давнымъ-давно надоѣло.

— Зачѣмъ вамъ жить въ здѣшнемъ обществѣ? По вашимъ средствамъ вы можете жить во всякой столицѣ, гдѣ изберете себѣ знакомыхъ, какихъ только пожелаете!...—проговорилъ на это Тулузовъ, уже слегка разваливаясь въ креслѣ и какъ-бы совершенно дворянскимъ тономъ.

— А если я надумаю ѣхать въ Петербургъ или въ Москву, вы поѣдете со мною? — спросила стремительно Катринь.

— Съ удовольствіемъ, если только вы прикажете!

— Да, непременно, а то я, откровенно вамъ говорю, безъ васъ буду каждую минуту думать, что мужъ ко мнѣ нагрянетъ.

Тулузовъ на это промолчалъ.

— А въ Синьково, какъ вы думаете, посмѣетъ онъ возвратиться?—продолжала Катринь.

Тутъ ужъ Тулузовъ усмѣхнулся.

— Пускай попробуетъ!... — проговорилъ онъ: — Собаки у насъ злыя, сторожа днемъ и ночью есть, и я прямо объясню господину Ченцову, что губернаторъ приказалъ мнѣ не допускать его въ ваши имѣнія.

— Такъ и сдѣлайте!—разрѣшила ему Катринь.— Пусть онъ жалуется губернатору.... тотъ не откажется отъ своихъ словъ.... Но, Василій Ивановичъ, я прежде всего хочу вамъ прибавить жалованья.... Что-же вы съ насъ до сихъ поръ получали?... Какую-нибудь тысячу?... Я желаю вамъ платить то,

что платилъ вамъ мой отецъ!... Сколько онъ вамъ платилъ? Говорите!

— Петръ Григорьичъ, когда мнѣ поручалъ всѣ имѣнья, такъ назначилъ три тысячи, — признался, наконецъ, Тулузовъ.

— И я вамъ такое-же назначаю жалованье!... — сказала Екатерина Петровна и самымъ любезнымъ образомъ кивнула ему головой.

— Это какъ вамъ угодно!... — согласился Тулузовъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго удовольствія отъ такого значительнаго повышенія въ платимомъ ему жалованьи.

Въ Синьковѣ Катринъ по-прежнему повела уединенную жизнь и постоянно видѣла передъ собой одного только управляющаго и больше никого. Для развлеченія своего Екатерина Петровна избрала не совсѣмъ обычное для молодыхъ дамъ удовольствіе и, пользуясь осенней порошей, стала почти ежедневно выѣзжать со псовой охотой, причемъ она скакала, сломивъ голову по лугамъ и по пахатымъ полямъ. Тулузовъ, сопровождавшій ее всюду въ этихъ случаяхъ, ни на шагъ, какъ подобаетъ вѣрному оруженосцу, не отставалъ отъ своей повелительницы, и однажды, когда онъ ловкимъ выстрѣломъ убилъ на довольно далекомъ разстояніи выгнаннаго гончими изъ перелѣска зайца, Катринъ не утерпѣла и воскликнула:

— Bravo!... Вы отлично стрѣляете?

— Да, я недурно стрѣляю, — отвѣчалъ Тулузовъ, молодцовато выпрямляясь на сѣдлѣ.

Катринъ смотрѣла на него внимательно: онъ почти напомнилъ ей въ эти минуты Ченцова.

— Какъ-же мужъ мнѣ говорилъ, что вы не охотникъ и что онъ потому не бралъ васъ съ собою!— сказала она.

— Валеріанъ Николаичъ ходилъ собственно не за охотой, — замѣтилъ усмѣхнувшись Тулузовъ.

— Именно, даже охотой нельзя назвать этой гадости, которую онъ позволялъ себѣ, — проговорила Катринъ презрительнымъ тономъ.

Возвратясь на этотъ разъ съ охоты въ какомъ-то особенно экзальтированномъ состояніи, она сказала Тулузову, когда онъ ее ссаживалъ съ лошади:

— Васплій Иванычъ, я сегодня проголодалась и буду ужинать, приходите раздѣлить со мной *mon souper froid!*

— Благодарю васъ!—отвѣчалъ Тулузовъ.

— Ну, смотрите-же, *je vous attends!*... Къ десяти часамъ, не позже!—проговорила Катринъ.

Тулузовъ на это только поклонился и въ десять часовъ былъ уже въ большомъ домѣ: не оставалось почти никакого сомнѣнія, что онъ понималъ нѣсколько по-французски. Ужинъ былъ накрытъ въ боскетной и вовсе не являлъ собою *souper froid*, а, напротивъ, состоялъ изъ трехъ горячихъ блюдъ и даже въ сопровожденіи бутылки съ шампанскимъ.

— Вы знаете-ли, Василій Иванычъ, — начала Катринъ, усѣвшись съ Тулузовымъ за столъ:—что Валеріанъ заставилъ было меня пристраститься къ вину, и не тогда, когда я сдѣлалась его женой, нѣтъ!... Еще прежде; когда я была дѣвушкой, онъ пріѣзжалъ иногда къ намъ поздно-поздно... ужинать, и я непременно ужъ съ нимъ бесѣдовала и бражничала.

— Вы поэтому были очень влюблены въ Валеріана Николаича?—поинтересовался Тулузовъ.

— Еще-бы!—воскликнула Катринъ.—Сколько-же я безумствъ сдѣлала для него!

— Ну, а теперъ что вы чувствуете къ нему?—спросилъ какъ-бы съ нѣкоторою робостью управляющій.

— Теперъ—отвѣчала Катринъ:—я не то чтобы совершенно разлюбила его, но онъ раздвоился для меня: прежняго Ченцова я люблю немного, но теперешняго ненавижу и презираю... Впрочемъ, что объ этомъ говорить? Скажите лучше: вы никогда не пили вина?

— Никогда!—отвѣчалъ Тулузовъ:—вредно оно мнѣ; шампанскаго я, конечно, могу еще выпить стаканъ или два съ удовольствіемъ.

— Ну, такъ выпьемте! — проговорила Катринъ и пододвинула бутылку къ Тулузову, которую онъ очень умѣло взялъ и, наливъ изъ нея цѣлый стаканъ, выпилъ его.

— Потомъ вотъ что, — продолжала она, хлопнувъ передъ тѣмъ стакана два шампанскаго и видимо желая воскресить тѣ поэтическіе ужины, которые она когда-то имѣла съ мужемъ: — вотъ что-сь!... Меня очень мучитъ мысль... что я живу въ совершенно пустомъ домѣ одна... Меня, понимаете, какъ женщину, могутъ напугать даже привидѣнія... наконецъ, вору, пожалуй, заберутся... Не желаете-ли вы перейти изъ вашего флигеля въ этотъ домъ, именно въ кабинетъ мужа, а изъ комнаты, которая рядомъ съ кабинетомъ, вы сдѣлаете себѣ спальню.

Проговоривъ это, Екатерина Петровна на мгно-

веніе остановилась, а потомъ снова продолжала съ небольшою улыбкой:

— Но вамъ, Василій Ивановичъ, можетъ быть, это будетъ неудобно на случай какихъ-нибудь рандеву, если только вы имѣете ихъ въ вашемъ отдѣльномъ флигелькѣ.

— Нѣтъ-съ, я ни въ моемъ флигелькѣ и нигдѣ никакихъ рандеву не имѣю.

— Ну, полноте, пожалуйста, повѣрю я вамъ!— перебила его Катринъ: — бывши такимъ молодымъ человѣкомъ, вы будете обходитесь безъ рандеву!

— Совершенно обхожусь безъ нихъ,—повторилъ Тулузовъ: — и въ доказательство того я съ величайшимъ восторгомъ принимаю ваше предложеніе поселиться въ одномъ съ вами домѣ, чтобы каждую минуту быть защитникомъ вашимъ, и надѣюсь, что скорѣе лягу костью, чѣмъ что-либо случится не-пріятное для васъ.

При такомъ изъясненіи Тулузова, Катринъ немного покраснѣла; но тѣмъ не менѣе ей, какъ кажется, было пріятно выслушать, что онъ ей высказалъ.

На другой день управляющій со всѣмъ своимъ имуществомъ, не выключая и окованнаго желѣзомъ сундука, переселился въ большой домъ и расположился тамъ съ полнымъ удобствомъ. По поводу сихъ перемѣнъ дворовые и крестьяне Екатерины Петровны, хотя и не были особенно способны соображать разныя тонкости, однако инстинктивно поняли, что вотъ-де прежде у нихъ былъ баринъ настоящій, Валеріанъ Николаевичъ Ченцовъ, баринъ души доброй, а теперь, вмѣсто него, полуба-

ринь, чортъ его знаетъ какой п откедова выходець. Слухи о томъ-же самомъ невдолгѣ дошли и до губернскаго города, и первая принялась ихъ распространять косая дама, если только еще не забылъ ее читатель. Дама сія, послѣ долгаго многогрѣшенія, занялась богомольствомъ п приемомъ разнаго рода странниковъ, странницъ, монахинь, монаховъ, ходящихъ за сборомъ, п между прочимъ разъ къ ней зашла старая-престарая богомолка, которая родомъ хотъ и происходила изъ дворянъ, но по густымъ и длиннымъ бровямъ, отвисшей на глаза кожѣ и по грубымъ морщинамъ на всемъ лицѣ и, наконецъ, по мужицкимъ сапогамъ съ гвоздями, въ которые обуты были ея ноги, она скорѣй походила на мужика, чѣмъ на благородную дѣвицу, тѣмъ болѣе, что говорила или, точнѣе сказать, токовала густымъ басомъ п все въ одинъ тонъ: «то-то-то!... то-то-то!...»

Косая дама сейчасъ принялась эту старицу начинивать чаемъ, а та въ благодарность за то начала ей толковать:

— Была я, сударыня, нынѣшнимъ лѣтомъ у Егора Егорыча Марейна; супруга у нихъ теперича молодая, имъ доложили обо мнѣ, она позвала меня къ себѣ въ комнату, напоила, накормила меня и говорятъ мнѣ: «Вы-бы, старушка, въ баню сходили и имѣете-ли вы рубашку чистую?» — «Нѣту, говорю, сударыня, была у меня всего одна смѣна, да и ту своя-же братья, богомолки, украли». — «Ну такъ, говоритъ, нате вотъ вамъ!» и подарила мнѣ отличнѣйшія три рубахи п тутъ-же приказала, чтобы баню про меня пстопили... Добрая, что ужъ

это говорить!... А тутъ, на родину-то придемши, заходила было я тоже къ племянничку Егора Егорыча, Валеріану Николаичу Ченцову; ну, барыню того нигдѣ и никому не похваляю: мужа теперь она прогнала отъ себя, а сама живетъ съ управляющимъ!

— Какъ съ управляющимъ? Со своимъ крѣпостнымъ, значитъ, мужикомъ? — воскликнула съ любопытствомъ косая дама.

— Можетъ, что и мужикъ, но ходитъ стриженный и въ дворянскомъ платьѣ.

— Да кто-же вамъ сказывалъ, что Катерина Петровна унизилась до какого-то лакея? — продолжала расспрашивать свою гостью косая дама.

— Кому сказывать, окромя людшекъ ихнихъ? Известно, кто про насъ, баръ, говоритъ—все рабы наши... Я тоже въ усадьбу-то прибрела къ вечеру, прямо прошла въ людскую и думала, что и въ домъ меня сведутъ; однако-че говорятъ, что никакихъ страницъ и богомолкъ отъ господъ есть приказаніе не принимать, и такъ тутъ какая-то старушонка плеснула мнѣ въ чашку пустыхъ шей; похлебала я ихъ, и она спать меня на полати услала... На-ко, почетъ какой воздали гостейкѣ почтенной! А мое тоже дѣло старое: вертѣлась, вертѣлась на голыхъ-то доскахъ, не спится!... Слышу, двѣ горничныя изъ горницъ прибѣжали полопать что-ли, али такъ!... Сначала ругмя ругали все господъ своихъ, а тутъ одна и говоритъ другой: «Я, говоритъ, дѣвонька, вчерася-тко видѣла, какъ управляющій крадется по корридору въ спальню къ барынѣ!» Тьфу,

согрѣшила грѣшная!—закончила сердито свое токованье старуха и отплюнулась при этомъ.

— Ахъ, это интересно, очень интересно!—воскликнула косая дама. — Недолго-же, Катерина Петровна грустила по своему мужѣ... скоро утѣшилась! Впрочемъ, если разсудить безпристрастно, такъ всѣ мужчины того и стоять! — проговорила она, припомнивъ, какъ сама, послѣ измѣны каждаго обожателя своего, спѣшила полюбить другаго!

VI.

Въ описываемое мною время судъ надъ женщинами проступившими былъ среди дворянскаго сословія гораздо строже, чѣмъ нынѣ: поэтической образъ Татьяны, сказавшей Онягину: «я васъ люблю—къ чему лукавить? — но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна!» еще жилъ въ сознаниіи читающаго общества. Конечно, дѣло обходилось не безъ паденій, и если оно постигало павшую съ человѣкомъ, равнымъ ей по своему воспитанію и по своему положенію въ свѣтѣ, то принимаемы были въ расчетъ смягчающія обстоятельства; но горе было той, которая снизошла своей любовью до мужчины, стоявшаго ниже ея по своему рангу, до какого-нибудь приказнаго или семинариста, тѣмъ паче до своего управляющаго или какого-нибудь лакея, хотя и это, опять повторяю, случалось нерѣдко, но такая женщина безусловно была неприняема ни въ одинъ такъ называемый порядочный домъ. Екатерина Петровна, хорошо знавшая законы и обычаи дворянскаго со-

словія, жила безвыѣздно въ своемъ Синьковѣ. Она даже за обѣдню не ѣздила къ приходу своему, опасаясь, чтобы тамошній священникъ, очень дерзкій на языкъ, не сказалъ чего-нибудь въ проповѣди на счетъ ея поведенія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ золь на Екатерину Петровну за скудость приношеній, которыя она дѣлала церкви и причту. Впрочемъ, Катринъ вовсе не скучала своей уединенной жизнью. Тулузовъ окончательно замѣнилъ для нея Ченцова и даже превосходилъ того тѣмъ, что никогда ничѣмъ не заставлялъ страдать Катринъ, а напротивъ всегда старался успокоить ее и сгладить неровности собственнаго ея характера.

За однимъ изъ обѣдовъ Тулузовъ, спдя, по обыкновенію, съ глазу на глазъ съ Катринъ, проговорилъ съ небольшою улыбкой:

— Я получилъ первый офицерскій чинъ.

— А!.. — воскликнула радостно Катринъ: — вы поэтому теперь дворянинъ?

— Какой еще дворянинъ!.. Личный, какъ определено въ законахъ, или личный, какъ чиновники называютъ.

— Но что-же это значитъ по закону: личный дворянинъ?

— Значитъ, что если-бы я женился, то дѣтямъ моимъ не передамъ дворянства своего!

— А когда-же вы можете передать это дворянство?

— Когда сдѣлаюсь потомственнымъ дворяниномъ.

— А этимъ скоро-ли вы сдѣляетесь? — спрашивала Катринъ.

— Думаю, что не скоро!

— Неужели-же никакого нѣтъ средства ускорить это... попросить, что-ли, кого... губернатора, что-ли?..

— Губернаторъ тутъ не причемъ, — возразилъ нахмуриваясь и потупляясь Тулузовъ.

— Ну, подкупить, что-ли, отъ кого это зависить? Покойный отецъ часто при мнѣ говорилъ, что деньгамъ у насъ все можно сдѣлать!

— Разумѣется, что многое можно сдѣлать, — отвѣчалъ Тулузовъ, попрежнему держа глаза устремленными въ тарелку. — Для меня собственно, — продолжалъ онъ неторопливо и какъ-бы соображая: — тутъ есть одинъ путь: по происхожденію моему я мѣщанинъ, но я выдержалъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища, слѣдовательно, мнѣ ближе всего держаться учебнаго вѣдомства.

— Вы и держитесь его! — воскликнула Катринъ.

— Держаться этого вѣдомства я теперь не могу, потому что числюсь въ другомъ вѣдомствѣ, по министерству внутреннихъ дѣлъ; но здѣсь открывается другое обстоятельство, которое уже прямо зависить отъ денегъ. Вамъ, вѣроятно, неизвѣстно, что года два тому назадъ въ учебномъ вѣдомствѣ произошли большія перемѣны: гимназіи вмѣсто четвероклассныхъ стали семиклассными; учениковъ поэтому прибавилось втрое. Въ нашемъ-же губернскомъ городѣ помещеніе для гимназіи небольшое, и вотъ мнѣ одинъ знакомый чиновничекъ изъ гимназической канцеляріи пишетъ, что ихнему директору секретно предписано министромъ народнаго просвѣщенія, что не можетъ-ли онъ отыскать на перестройку гимназіи какихъ-либо жертвователей изъ людей богатыхъ, съ обѣщаніемъ награды имъ отъ правительства.

Катринь хоть и женщина была, но очень хорошо поняла, что говорилъ Тулузовъ и даже ради чего онъ это говорилъ.

— Поэтому и вы можете быть такимъ жертвователемъ?—спросила она.

— Могу! — отвѣчалъ ей лаконически Тулузовъ.

— А чѣмъ-же васъ за это наградятъ?

— Дадутъ, можетъ быть, даже Владимира, а съ нимъ и потомственное дворянство.

— И что-же мѣшаетъ это сдѣлать?

— Мѣшаетъ, что у меня денегъ нѣтъ, чтобы пожертвовать значительную сумму.

— А у меня, Василій Ивановичъ, какъ вы думаете, есть на столько денегъ, чтобы ихъ достало на ваше пожертвованіе, за которое-бы дали вамъ дворянство?

— Безъ сомнѣнія, для этого всего надобно тысячъ тридцать!

— И какъ-же вы говорите, что у васъ нѣтъ денегъ? Я думаю, что мои деньги и ваши, при нашихъ отношеніяхъ, одно и то-же!

— Я вотъ и прошу васъ одолжить мнѣ эту сумму!—сказалъ Тулузовъ.

— Вамъ не просить слѣдовало этой суммы, а просто сказать мнѣ, что вамъ нужна такая-то сумма и именно на то-то! Какой вы скрытный человекъ!.. Мнѣ очень не нравится эта черта въ вашемъ характерѣ!

— Какъ-же я могъ говорить вамъ объ этомъ, когда я вчера только самъ узналъ и сообразилъ, что посредствомъ пожертвованія могу получить даже дворянство потомственное.

— Но когда вы должны сдѣлать это пожертвованіе?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

— Вамъ надобно ѣхать куда-нибудь для этого?

— Да, въ нашъ губернской городъ непременно, чтобы видѣться съ директоромъ гимназіи, а можетъ быть и въ Петербургъ придется съѣздить.

— Ну, вотъ видите-ли, Василій Ивановичъ,—начала Катринъ внушительнымъ тономъ:—мнѣ очень тяжело будетъ разстаться съ вами, но я, забывая о себѣ, требую отъ васъ, чтобы вы ѣхали, куда только вамъ нужно!.. Вѣтренничать, какъ Ченцовъ, вѣроятно, вы не станете, и я васъ прошу объ одномъ: писать ко мнѣ какъ можно чаще!

— Каждую почту буду писать, но и васъ прошу о томъ-же; мнѣ тоже не легка будетъ разлука съ вами!

— Вѣрю вамъ!—отвѣтила ему сантиментальнымъ голосомъ Катринъ.

Тулузовъ на другой день, послѣ трогательно-печальнаго прощанія съ Катринъ, происшедшаго, разумѣется, тайнѣ отъ прислуги, уѣхалъ въ губернской городъ. Слѣпая фортуна сильно благопріятствовала всѣмъ его начинаніямъ. По случаю ходившихъ по городу безспорныхъ слуховъ объ его отношеніяхъ къ madame Ченцовой, завись его дѣло отъ какого-нибудь другаго начальствующаго лица, а не отъ Ивана Петровича Артасьева, Тулузовъ врядъ-ли бы что-нибудь усиль. Въ то время еще обращали нѣкоторое вниманіе на нравственную сторону жизни господъ жертвователей, но простодушнѣйшій Артасьевъ, вѣроятно, и не слыхавшій ничего о Тулузовѣ, а если и слыхавшій, такъ давно это забыв-

шій, и имѣя въ головѣ одну только мысль, что какъ-бы никакъ расширить гимназическое помѣщеніе, не представилъ никакого затрудненія для Тулузова; напротивъ, когда тотъ явился къ нему и изъяснилъ причину своего визита, Иванъ Петровичъ распростеръ передъ нимъ руки; большой и красноватый носъ его затрясся, а на добрыхъ сѣрыхъ глазахъ выступили даже слезы.

— Душа моя!—воскликнулъ онъ:—вы намъ истинное благодѣяніе оказываете! Позвольте мнѣ познакомиться васъ съ моимъ другомъ Пилецкимъ!

И добрякъ хотѣлъ было Тулузова ввести въ комнату къ Мартыну Степанычу, до сихъ поръ еще проживавшему у него и тщетно ждавшему разрѣшенія воротиться въ Петербургъ. Тулузовъ уклонился отъ этого приглашенія и сказалъ, что онъ проситъ это дѣло вести пока конфиденціально.

— Извольте, извольте, душа моя, но чѣмъ-же вы желаете, чтобы васъ вознаградило правительство? Я на это имѣю такого рода бумагу!—говорилъ Иванъ Петровичъ все съ болѣе и болѣе краснѣющимъ и трясущимся носомъ и съ торжествомъ выкладывая передъ глаза Тулузова предложеніе министра, въ которомъ было сказано: отыскать жертвователей съ обѣщаніемъ имъ награды.

— Я желаю получить одну милость отъ правительства, — сталъ отвѣчать Тулузовъ: — я личный дворянинъ, и такъ какъ у меня могутъ быть дѣти...

— О, безъ сомнѣнія, Богъ благословитъ васъ этимъ!—перебилъ его Иванъ Петровичъ.

— Да-съ, и потому хотѣлось-бы, чтобы они наследовали отъ меня дворянство

— Да какъ-же пмъ и не наслѣдовать, когда вы для чужихъ дѣтей дѣлаете столько добра! — восклицалъ Иванъ Петровичъ.

— Способъ для этого такой: чѣобы дали мнѣ Владимира хоть третьей степени, — толковалъ ему Тулузовъ.

— Конечно, конечно! — соглашался Иванъ Петровичъ.

— Я-бы попросилъ васъ записать о моемъ желаніи! — добавилъ Тулузовъ.

— Сю-же секунду! — говорилъ Иванъ Петровичъ, торопливо записывая въ свою памятную книжку желаніе Тулузова.

— А кому деньги прикажете мнѣ представить? — спросилъ тотъ.

— Мнѣ, если только довѣряете! — сказалъ Иванъ Петровичъ.

— О, помилуйте, ваше превосходительство!.. — подхватилъ Тулузовъ, хотя и зналъ, что Артасьевъ былъ только еще статскій совѣтникъ, и потомъ, вынувъ изъ кармана безыменный билетъ, на которомъ внушительно красовалась цифра: тридцать тысячъ, почтительно подалъ его Ивану Петровичу.

— Святые эти денежки, святые! — говорилъ тотъ, смотря на билетъ. — Кто внушилъ вамъ эту благовую мысль, я не знаю!

— Собственное мое сердце, ваше превосходительство: я самъ вышелъ изъ людей бѣдныхъ и знаю, что образованіе намъ необходимое даже, чѣмъ богатымъ людямъ, и если на мои деньги хоть десять мальчиковъ получаютъ воспитаніе, такъ Богъ и за то меня вознаградитъ.

— Сторицею вознаградить и еще болѣе изольеть на васъ благодати, которую вы и безъ того уже издавна въ душѣ вашей пмѣли!

— Благодаря Бога, имѣю склонность къ добрымъ дѣламъ! — пропзнесъ съ чувствомъ Тулузовъ и, получивъ квитанцію въ представленныхъ имъ Артасьеву тридцати тысячахъ, раскланялся съ нимъ и уѣхалъ.

Добрякъ Артасьевъ, не медля ни минуты, поспѣшилъ придти къ другу своему Пилецкому, чтобы передать ему, какіе есть въ русской землѣ добрые и великодушные люди. Мартына Степаныча тоже обрадовала и умилила эта новость.

— Слава Всевышнему! — сказалъ онъ, поднимая глаза къ небу:—Его волей вселяется въ сердца людей маловѣдомыхъ великое изрѣченіе: *«Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ!»*

Собственно на любви къ дѣтямъ и была основана дружба двухъ этихъ старыхъ холостяковъ; весь остальной день они сообща обдумывали, какъ оформить затѣянное Тулузовымъ дѣло, потомъ сочиняли и переписывали долженствующее быть посланнымъ донесеніе въ Петербургъ, въ которомъ главнымъ образомъ ходатайствовалось, чтобы господинъ Тулузовъ былъ награжденъ владимірскимъ крестомъ, съ поясненіемъ, что если онъ не получитъ столь желаемой имъ награды, то это можетъ отворотить какъ его, такъ и другихъ лицъ отъ дальнѣйшихъ пожертвованій; но когда правительство явитъ отъ себя столь щедрую милость, то приношенія на этотъ предметъ потекутъ къ нему со всѣхъ концовъ Россіи. Последняя мысль была изобрѣтена Мартыномъ Степанычемъ, который былъ безконечно выше Артасьева

какъ по уму своему, такъ и по извѣстнаго рода хитрости. Донесеніе въ такомъ видѣ и полетѣло въ Петербургъ. Тулузовъ, получивъ отъ знакомаго гимназическаго чиновника съ этого донесенія копію и видя, какъ оно вѣско было написано и сколь много клонилось въ его пользу, счелъ преждевременнымъ ѣхать въ Петербургъ и отправился обратно въ Синьково, котораго достигнулъ на другой день вечеромъ. Прежде всего онъ спросилъ бывшаго камердинера Валеріана Николаича, а теперь у него находящагося въ услуженіи:—здорова-ли Катерина Петровна?

— Здоровы-съ! — отвѣчалъ тотъ. — У нихъ теперь стоитъ мужикъ изъ Федюхина.

— Какой мужикъ изъ Федюхина? — проговорилъ Тулузовъ.

— Сынъ Власія!

Тулузовъ не разспрашивалъ далѣе и пошелъ къ Екатеринѣ Петровнѣ въ боскетную, гдѣ она по большей части пребывала. Здѣсь я не могу не замѣтить, что Тулузовъ въ настоящія минуты совершенно не походилъ на того, на примѣръ, Тулузова, который являлся, пріѣхавъ изъ губернскаго города послѣ похоронъ Петра Григорьича: то былъ почти лакей, а нынѣ шелъ баринъ: походка его была смѣла, важна; видъ надмененъ; голову свою онъ держалъ высоко, какъ-бы предвкушая Владиміра не въ петлицѣ, а на шеѣ.

Катринѣ вскрикнула отъ радости, увидавъ его.

— Какое счастье, что вы пріѣхали! — сказала она: — вы мнѣ очень нужны!

Передъ ней дѣйствительно стоялъ сынъ Власія, Савелій Власьевъ, малый дѣтъ тридцати, съ лицомъ

корявымъ и ясно показывающимъ, что печенка у него порядкомъ подгнила. Онъ имѣлъ очень жиденькую бороду и былъ одѣтъ въ длиннополый, но изъ довольно тонкаго сукна сюртукъ, въ сапоги выростковые чищенные; на указательномъ пальцѣ его правой руки видѣлся позолоченный перстень; словомъ, Савелій скорѣе походилъ на мѣщанина, чѣмъ на мужика. По мастерству своему онъ былъ маляръ, но маляръ чистый, то есть онъ расписывалъ потолки по трафарету, занимался очисткою и убранствомъ церквей, былъ часто нанимаемъ иконописцами и даже академическими художниками готовить для нихъ полотно, закрашивать фонъ и тянуть, гдѣ имъ нужно было, филенки. Сверхъ того, Савелій умѣлъ подводить бѣлыя двери подъ слоновую кость, что тогда было въ большой модѣ. Такимъ образомъ онъ зарабатывалъ много денегъ, но все ихъ проживалъ, потому что любилъ играть на билліардѣ и вдобавокъ къ тому имѣлъ возлюбленную въ лицѣ одной, тоже чистой, кухарки. О женѣ и родителяхъ своихъ онъ нисколько не думалъ и отпихивался отъ нихъ деньгами. Когда-же до Савелья дошелъ слухъ, что жена его убивала съ бариномъ, онъ вдругъ вознегодовалъ и далъ себѣ слово разыскать жену... Имѣя въ Петербургѣ большія знакомства, Савелій... Но предоставимъ лучше ему самому рассказывать объ этомъ.

Когда первый пылъ радости отъ свиданья съ Тулузовымъ позатихъ въ Катринѣ, то она ему сказала, указывая на Савелья:

— Это сынъ Власія и мужъ Аксиньи.

Тулузовъ гордо взглянулъ на Савелья и ничего не проговорилъ. <http://rcin.org.pl>

— Онъ отыскалъ свою жену и привезъ ее сюда съ собой! — присовокупила Катринъ.

— Гдѣ-жь ты отыскалъ ее? — проговорилъ Тулузовъ Савелью весьма непривѣтливимъ тономъ.

— Въ Петербургѣ-съ, — отвѣчалъ тотъ не очень подобострастно.

— Она жила у Чендова на его квартирѣ, — дообъяснила Катринъ.

Тулузовъ нѣкоторое время соображалъ.

— А какъ-же ты разыскалъ Валеріана Николаича? — спросилъ онъ.

— Разыскалъ я, почестъ, и самъ не знаю какъ, — отвѣчалъ Савелій несовѣмъ охотно.

— Ты, пожалуйста, говори Василию Ивановичу все, что и мнѣ говорилъ, — сказала ему Катринъ.

— Говорить тутъ, сударыня, особенно нечего, — продолжалъ Савелій. — Я, слышучи, что Авсинья сбѣжала изъ дома и пріѣхала въ Петербургъ, первоначально пошелъ къ генералу Сквозникову...

— Къ какому это генералу Сквозникову? — остановилъ его Тулузовъ.

— Къ генералъ-архитектору, — отвѣчалъ, не запнувшись и не безъ важности, Савелій.

— Что-же это за должность такая генералъ-архитекторъ? — поинтересовался Тулузовъ.

— По дворцовой части они служатъ... Я имъ доложилъ, что вотъ такъ и такъ!... «Ахъ, говоритъ, братецъ, на тебѣ записку, ступай ты къ частному приставу Адмиралтейской части, — я теперь, говоритъ, ему домъ строю на Васильевскомъ острову, — и попроси ты его отъ моего имени разыскать твою жену!...» Господинъ частный приставъ рас-

просилъ меня, какъ и что, и приказалъ мнѣ явиться къ нимъ дня черезъ два, а тѣмъ временемъ, говорить, пока разыщутъ; туточе-же, словно нарочно, нашъ одинъ мужикъ встрѣтился со мной въ трактирѣ и говоритъ мнѣ: «Я, говоритъ, Савелій, твою жену встрѣтилъ, идетъ нарядная, пренарядная!... Знать, у кого-нибудь въ кормилицахъ живетъ!» — «Ты гдѣ-же, говорю, ее встрѣтилъ?» — «На Пескахъ, говоритъ, вышла изъ дома, что супротивъ самыхъ бань»... Я опять къ господину приставу Адмиралтейской части, объяснилъ ему. «Ну, говоритъ, значить, мы ее найдемъ!... Приходи ты опять дня черезъ два!» Я пришелъ. «Жена твоя живетъ въ квартирѣ отставнаго поручика Ченцова, и мы по твоему прошенію заарестовали ее: она призналась, что твоя жена... Хочешь, ты ее возьми на поруки; хочешь, мы ее отправимъ по этапу!» Я пожелалъ ее себѣ взять.

— А Валеріана Николаича ты видѣлъ? — спросилъ Тулузовъ.

— Никакъ нѣтъ-съ! Я къ нимъ даже и на квартиру не ходилъ, — отвѣчалъ Савелій: — а привезъ только сюда хозяйку мою, и теперь я ожидаю защиты отъ вашей господской власти!... Гдѣ-жь намъ ее стеречь!

— Стеречь и мы ея не можемъ! — проговорила Катринъ.

— Какъ-же намъ, сударыня, быть послѣ того? — произнесъ явно грубымъ тономъ Савелій.

— Ты тамъ какъ знаешь будь, — перебилъ его строго Тулузовъ: — а мы вотъ повидаемъ твоего

отца, который поумиѣ тебя, и съ тѣмъ разсудимъ, какъ лучше распорядиться.

— Это-съ какъ вамъ угодно, а я только къ тому говорю, что при женѣ жить не стану, чтобы ее беречь; пусть тотъ-же родитель мой будетъ ея стражемъ!

— Устережемъ и безъ тебя! — отозвался Тулузовъ.

— Сдѣлайте милость! — сказалъ Савелій и, по приказанію Екатерины Петровны, удалился.

Она-же, оставшись съ Тулузовымъ вдвоемъ, сообщила тому боязливымъ голосомъ:

— Кромѣ этого грубіяна, я отъ Валеріана получила письмо, которое я не знаю въ какое ставить меня положеніе. На-те, прочтите!

Тулузовъ сталь-было про себя читать письмо.

— Читайте вслухъ, тутъ каждое слово важно!

Тулузовъ началъ читать письмо вслухъ:

«Катринъ! Вы когда-то говорили миѣ, что для меня способны пожертвовать многимъ. Вы не лгали этого, я вѣрилъ вамъ, и если, не сверю того, не вполне отвѣчалъ вашему чувству, то потому что мы слишкомъ родственныя натуры, слишкомъ похожи одинъ на другаго, намъ нечѣмъ дополнять другъ друга; но теперь все это измѣнилось; мы, кажется, можемъ остаться друзьями, и я хочу подать первый руку: я слышалъ, что вы находитесь въ близкихъ сердечныхъ отношеніяхъ съ Тулузовымъ; нисколько не укоряю васъ въ этомъ и даже не считаю въ правѣ себя это дѣлать, а только совѣтую вамъ опасаться этого господина; я не думаю, чтобы онъ былъ искрененъ съ вами: я самъ испы-

талъ его дружбу и недружбу, и знаю, что первая гораздо слабѣ послѣдней. Надняхъ Тулузовъ сыгралъ со мной ужасную вещь: онъ напустилъ на меня мужа Аксины, которую я, какось, чтобы спасти отъ ссылки, увезъ съ собою при отъѣздѣ моемъ въ Петербургъ.»

— Я напустилъ Савелья, тогда какъ я и не зналъ ничего! — произнесъ Тулузовъ, остановившись на мгновеніе читать, и потомъ снова продолжалъ:

«Мужъ Аксины отнялъ ее у меня, а это все равно, что отнять жизнь у меня! Вы сами, Катринъ, знаете и испытали чувство любви и, полагаю, поймете меня, если я вамъ скажу, что во взаимной любви съ этой крестьянкой я очеловѣчился: я пересталъ пить, я работаю день и ночь на самой маленькой службѣ, чтобы прокормить себя и кроткую Аксиуту. Мнѣ еще въ молодости, когда я ѣздилъ по дорогамъ и смотрѣлъ на звѣздное небо, казалось, что въ сочетаніи звѣздъ было какъ-бы предназначено: «ты спасешься женщиной!»—и прежде я думалъ найти это спасеніе въ моей первой женѣ, чаялъ, что обрѣту это спасеніе свое въ Людмилѣ, думалъ, наконецъ, что встрѣчу свое успокоеніе въ вашей любви!»

— Вотъ ужъ я увѣрена, что отъ любви моей онъ никогда ничего не ожидалъ, кромѣ денегъ, — замѣтила грустнымъ голосомъ Катринъ.

— Конечно, — подтвердилъ съ усмѣшкою Тулузовъ: — и вообще все письмо есть пустословіе и ложь.

— Нѣтъ, тутъ не одно пустословіе, — возразила

Катринъ: — дальше, вы увидите, есть и болѣе серьезные вещи.

Тулузовъ снова сталъ продолжать чтеніе письма: «Въ Аксютъ для меня явилось это спасеніе, и неужели-же, Катринъ, вы захотите этого ангела-хранителя моего, а для васъ совершенное ничто, отнять у меня? Какъ помѣщица, Вы всегда можете отпустить ко мнѣ Аксюту въ Петербургъ, давъ ей паспортъ; а разъ она здѣсь, супругу ея не удастся насъ разлучить или я его убью; но ежели и вы, Катринъ, не сжалитесь надо мною и не внемлете моей мольбѣ, то противъ васъ я не рѣшусь ничего предпринять: достаточно и того, что я совершилъ въ отношеніи васъ; клянусь вамъ всѣмъ святымъ для меня, что я отъ тоски и отчаянія себя убью, и тогда смерть моя безраздѣльно ляжетъ на ваше, нѣкогда любившее меня сердце; а мнѣ хорошо извѣстно, какъ тяжело носить въ душѣ подобныя воспоминанія: у меня до сихъ поръ волосъ дыбомъ поднимается на головѣ, когда я подумаю о смерти Людмилы; а потому для вашего собственнаго душевнаго спокойствія, Катринъ, остерегитесь подводить меня къ давно уже ожидаемой мною пропасти, и еще разъ повторяю вамъ, что я *застрѣлюсь, если вы не возвратите мнѣ Аксюты*».

Послѣднія слова въ письмѣ были подчеркнуты два раза.

— Что вы думаете обо всѣхъ этихъ обѣщаніяхъ и угрозахъ?—спросила Катринъ.

Тулузовъ еще разъ прочиталъ про себя окончаніе письма: рысьи глаза его, нѣсколько налитые

кровью, какъ будто-бы въ эти минуты окаменѣли и были неподвижно уставлены на письмо.

— Такое-же пустословіе, — проговорилъ онъ, — какъ и въ началѣ письма.

— Ну, я вижу, вы мало знаете Валеріана! — произнесла съ удареніемъ Катринъ и кивнула много-знаменательно головой.

— Очень хорошо я его знаю! — сказалъ надменнымъ и насмѣшливымъ тономъ Тулузовъ: — Онъ и мнѣ кричалъ, когда я его заперъ въ кабинетъ, что разобьетъ себѣ голову, если я буду смѣть держать его взаперти, однако, проспалъ потомъ преспокойно всю ночь, царапки даже себѣ не сдѣлавъ.

— То другое дѣло: тогда у Валеріана оставалась нѣкоторая надежда; а когда мы отнимемъ у него Аксинью, у него будетъ все потеряно въ жизни.

— Много еще у него разныхъ надеждъ останется! — продолжалъ насмѣшливо Тулузовъ. — Потомъ-съ, вы хоть и помѣщица, но не имѣете права нарушать бракъ и принадлежащую вамъ крестьянку, отнявъ у мужа, отдать вашему супругу, и зачѣмъ, спрашивается, вы это дѣлаете? Отвѣтъ для важдого простъ.

— Какой-же это простой отвѣтъ? — спросила Катринъ, нѣсколько удивленная столь смѣлымъ тономъ, который принялъ въ разговорѣ съ ней Тулузовъ: она, безъ сомнѣнія, не могла догадаться, что тутъ говорилъ въ немъ ожидаемый Владиміръ.

— Такой отвѣтъ, — объяснилъ онъ ей, не понижая тона: — что вы способствуете Валеріану Николаичу за тѣмъ, чтобы и онъ вамъ не мѣшалъ.

Катринъ покраснѣла.

— Василій Ивановичъ,—произнесла она съ явной досадой:— вы этими словами хотите какъ будто-бы сказать, что я какая-то совершенно потерянная жеищина.

— Не я-съ говорю это, я и во снѣ-бы никогда не посмѣлъ подумать того,—отвѣчалъ ей немного уже опѣшившій Тулузовъ:— но это могутъ сказать другіе и, главное, можетъ такимъ образомъ понять правительство, которое зорко слѣдитъ за подобными отношеніями и обезпечиваетъ крѣпостныхъ людей отъ подобнаго самоуправства. Сынъ этого Власа, какъ вы сами видѣли, не изъ смиренныхъ: грубіанъ и проходимецъ великій; онъ найдетъ себѣ заступу, и вамъ можетъ угрожать опасность, что у васъ отберутъ ваше имѣніе въ опеку.

— Тогда я покажу правительству письмо Валеріана, въ которомъ онъ говоритъ, что убьетъ себя, если я разлучу его съ Аксиньей!—воскликнула Катринъ.

— А вамъ скажутъ на это, что въ письмѣ тоже значится, что Валеріанъ Николаевичъ убьетъ сына Власа, когда тотъ будетъ требовать у него жены своей!—возразилъ Тулузовъ и затѣмъ уже принялся успокоивать Евкаторину Петровну:—На самомъ дѣлѣ ничего этого не произойдетъ, а будетъ вотъ что-съ: Аксинья, когда Валеріанъ Николаичъ будетъ владѣть ею безпрепятственно, очень скоро надоѣстъ ему, онъ ее броситъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, видя вашу доброту и снисходительность, будетъ отъ васъ требовать денегъ и, когда ему покажется, что вы ихъ мало даете ему,

онъ, какъ мужъ, потребуеть васъ къ себѣ: у него, какъ вы хорошо должны это знать, семь пятницъ на недѣлѣ; тогда, не говоря уже о васъ, въ какомъ-же положеніи я останусь?

— Въ такомъ случаѣ что-же мнѣ написать Валеріану? Я совершенно растерялась и готова ума рехнуться!

— Написать вамъ слѣдуетъ, но, впрочемъ, я и самъ до такой степени утомился съ дороги и съ хлопотами по моему дѣлу, что тецерь вдругъ и сказать не могу!

— Но что-же ваше дѣло? — воскликнула Катринъ: — я съ моими тревогами и не спросила васъ объ этомъ.

— Дѣло мое, — отвѣчалъ, уже зѣвая, Тулузовъ: — находится въ отличнѣйшемъ положеніи: приношеніе мое принято, и я, вѣроятно, получу за него дворянство.

— Я это предчувствую, и вы совершенно достойны вашихъ успѣховъ, — проговорила Катринъ.

— Завтрашній день-съ я все хорошенько обдумаю и напишу вамъ, что вы должны отвѣчать Валеріану Николаичу.

— Да, да, напишите! — заключила Катринъ нѣжнымъ голосомъ.

Тулузовъ, взявъ съ собой письмо Ченцова, ушелъ въ свое отдѣленіе, гдѣ снова прочиталъ это письмо и снова главнымъ образомъ обратилъ свое вниманіе на послѣднія строки. «Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ застрѣлится!» — произнесъ онъ тѣмъ-же полупшепотомъ, какъ прежде сказалъ: — «пойдутъ теперь исторіи, надобно только не зѣвать!»

Явившись поутру къ Екатерины Петровны пить чай, Тулузовъ принесъ заготовленный имъ отвѣтъ.

— Вы написали? — спросила она, увидавъ въ рукѣ его четвертушку бумаги.

— Написалъ!

— Прочитайте!... Меня такъ мучить это, что я всю ночь не спала!

— Отвѣтъ очень короткій, какой только вы и можете написать! — объяснилъ Тулузовъ и началъ чтеніе:

«Милостивый государь, Валеріанъ Николаичъ!»

«Вы, надѣюсь, понимаете, что наши отношенія, послѣ того, что произошло между нами, суть отношенія людей совершенно постороннихъ. О разныхъ укорахъ и намекахъ, которые вы мнѣ пишете, я не хочу и говорить, потому что всѣ они несправедливы; но что касается до высылки къ вамъ крестьянки Аксины, то я по закону никакого права не имѣю это сдѣлать: мы можемъ нашихъ крестьянъ отчуждать изъ своего владѣнія, а нарушать ихъ браки не въ нашей власти; мужъ Аксины, который ее привезъ теперь сюда, очень хорошо это знаетъ, и мнѣ очень странна показалась ваша просьба: неужели вы думали, что я позволю себѣ высылать вамъ вашихъ любовницъ? Занимайтесь сами этимъ, а я тутъ умываю руки и даже считаю неприличнымъ для себя болѣе говорить объ этомъ!».

Прослушавъ письмо, Екатерина Петровна осталась недовольна имъ.

— Письмо ужасное! — проговорила она.

Тулузовъ усмѣхнулся.

— Тогда неудобно-ли вамъ самимъ написать!—
сказалъ онъ.

— Да, я сама напишу Валеріану, — произнесла
подумавъ Катринъ, полагавшая, что Тулузовъ изъ
ревности сочинилъ нарочно такое колкое письмо къ
Ченцову.

Оставшись одна, она дѣйствительно принялась
сочинять отвѣтъ мужу, но оказалось, что въ от-
вѣтъ этомъ наговорпла ему гораздо болѣе рѣзкихъ
выраженій, чѣмъ было въ письмѣ Тулузова: она
назвала даже Ченцова человѣкомъ негоднымъ, погу-
бившимъ себя и ее, уличала его, что объ Аксютѣ
онъ говорилъ все неправду; затѣмъ такъ запута-
лась въ изложеніи своихъ мыслей и начала писать
столь неразборчивымъ почеркомъ, что сама не могла
ни понять, ни разобрать того, что написала, а по-
тому, разорвавъ съ досадой свое сочиненіе, сказала
потомъ Тулузову:

— Дайте мнѣ ваше письмо, я перепишу его: у
меня голова такъ разстроена, что ничего не могу
придумать!

Тулузовъ подаль заготовленное имъ письмо, ко-
торое Катринъ почти цѣлый день переписывала,
какъ будто-бы ей каждое слово начертить было тя-
жело, грустно и страшно.

VII.

Аггей Никитичъ сидѣлъ въ губернской почтовой
конторѣ и принималъ денежные отправки, съ напря-
женнымъ вниманіемъ пересчитывая бумажки и сере-

бро. Было двѣнадцать часовъ дня. Вся фигура его была красива и представительна; бакенбарды плотно прилегали къ щекамъ, какъ издавна приученныя къ тому; усы, которыхъ онъ не сбрывалъ, по праву вышедшаго въ отставку съ мундиромъ, были воинственно внушительны; на груди Аггея Никитича изъ-подъ форменнаго жилета виднѣлась чистѣйшая, приготовленная подъ личнымъ наблюденіемъ Миropy Дмитріены, коленкоровая манишка, на которой покоился орденъ Станислава; но собственно главною гордостью для Аггея Никитича служили двѣ болтающіяся медали турецкой и польской кампаній, по поводу которыхъ онъ всегда говорилъ:

— Кресты не то-съ! Они часто даются несправедливо!... А что я былъ въ двухъ кампаніяхъ, это ужъ святая истина!

Часу во второмъ вошелъ въ контору высокій старикъ, нѣсколько согбенный, въ длинномъ изъ сѣро-нѣмецкаго сукна сюртукѣ и съ Анной на шеѣ. Аггей Никитичъ сразу-же подумалъ, что это какой-нибудь ученый человекъ.

— Я статскій совѣтникъ Урбановичъ-Пилецкій и, по распоряженію правительства, возвращаюсь въ Петербургъ обратно! — проговорилъ заискивающимъ голосомъ Мартынъ Степанычъ, подходя къ Аггею Никитичу.

— Вы поэтому имѣете казенную подорожную? — спросилъ тотъ съ приличнымъ къ службѣ вниманіемъ.

— Да, имѣю подорожную и получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ прогоны отъ казны, — отвѣчалъ Пилецкій.

— Вы изволите служить гдѣ-нибудь? — полюбопытствовалъ Аггей Никитичъ.

— Нѣтъ, но я присланъ былъ въ здѣшній городъ на временное житье, а теперь мнѣ снова разрѣшено возвратиться въ Петербургъ, — объяснилъ не совсѣмъ опредѣленно Мартынъ Степанычъ.

Но Аггей Никитичъ догадался.

— Понимаю!... — произнесъ онъ глубокомысленнымъ тономъ. — И вы, можетъ быть, — присовокупилъ онъ съ замѣтно уже большимъ уваженіемъ: — желаете, по преклонности вашихъ лѣтъ, получить проходной экипажъ вплоть до Петербурга, чтобы не тревожить себя перекладкою на станціяхъ?

— Благодарю васъ, перекладка меня не затруднить, потому что со мной всего одинъ небольшой чемоданъ, и я даже боюсь отчасти проходныхъ экипажей, въ одномъ изъ коихъ разъ уже и пріѣхалъ сюда, — проговорилъ, нѣсколько ядовито усмѣхнувшись, Мартынъ Степанычъ.

— Понимаю и это! — подхватилъ опять-таки глубокомысленно Аггей Никитичъ.

— Я прошу васъ, — продолжалъ Пилецкій: — объ одномъ лишь: мнѣ предстоитъ проѣзжать невдалекѣ отъ усадьбы одного моего друга, Егора Егорыча Маренна, то не позволите-ли вы свернуть почтовымъ лошадямъ съ большой дороги и завезти меня къ нему на именины? Разстояніе всего десять верстъ, за каковыя я готовъ заплатить хотя-бы двойные прогоны.

Аггей Никитичъ при этомъ вопросѣ прежде всего воскликнулъ:

— Вы другъ Егора Егорыча и хотите завѣхать къ нему на именины!?...

— Непремѣнно, во что бы то ни стало! — отвѣчалъ утвердительно Мартынъ Степанычъ.

— Почтеннѣйшій господинъ Урбановичъ, — заговорилъ Аггей Никитичъ: — вы мнѣ сказали такое радостное извѣстiе, что я не знаю, какъ васъ и благодарить! Я тоже, если не смѣю себя считать другомъ Егора Егорыча, то прямо говорю, что онъ мой благодѣтель!... И я, по случаю вашей просьбы, вотъ что-съ могу сдѣлать... Только позвольте мнѣ посовѣтоваться прежде съ женой!...

Проговоривъ это, Аггей Никитичъ всталъ и немедленно ушелъ въ свою квартиру, находившуюся въ одномъ домѣ съ почтовою конторою.

— Мира! — сказалъ онъ, войдя въ комнату супруги своей и заставъ ту что-то вычисляющею на бумажкѣ, на которой значилось: станція Вязниковская — шесть паръ, станція Антипьевская — восемь паръ...

Аггей Никитичъ, конечно, ничего этого не подмѣтилъ и продолжалъ:

— У меня тутъ въ конторѣ сидитъ одинъ сосланный, Пилецкiй, онъ ѣдетъ, вобрази, Мира, къ Егору Егорычу на именины! И я съ нимъ поѣду! Вѣдь надобно мнѣ когда-нибудь видѣться съ Егоромъ Егорычемъ.

— Но зачѣмъ-же тебѣ, губернскому почтмейстеру, ѣхать съ какимъ-то сосланнымъ?! — первое, на что ударила Миропа Домтрiевна.

— Это ужъ мое дѣло!... Онъ ближайшiй другъ Егора Егорыча!... Но я спрашиваю о томъ, какъ я долженъ ѣхать?... Не отпуска-же мнѣ спрашивать?... И чортъ его знаетъ, когда онъ еще придетъ ко мнѣ!...

Миропа Дмитриевна при этомъ не то что задумалаеъ, а только подумала и сообразила; всё служебныя отношенія мужа она знала и понимала въ тысячу разъ подробнѣе и точнѣе, чѣмъ онъ самъ.

— Зачѣмъ тебѣ просить отпуска? — возразила она. — Ты явись къ губернатору и доложи ему, что поѣдешь ревизовать уѣздныя почтовые конторы, а тамъ и поѣзжай, куда хочешь!

— Спасибо за совѣтъ! — проговорилъ Аггей Никитичъ и пошелъ обратно въ контору.

— Но только ты непременно долженъ обревизовать конторы! — крикнула ему вслѣдъ Миропа Дмитриевна.

— Обревизую, что тутъ говорить! — отозвался Аггей Никитичъ.

Собственно какой-нибудь существенной пользы для службы Миропа Дмитриевна совершенно не ожидала отъ ревизіи Аггея Никитича, но она все-таки, по нѣкоторымъ своимъ соображеніямъ, желала, чтобы Аггей Никитичъ, по крайней мѣрѣ, попугалъ своей наружностью уѣздныхъ почтмейстеровъ, которые, очень порядочно получая на своихъ должностяхъ, губернскаго почтмейстера почти и знать не знали.

Возвратясь въ мѣсто своего служенія, Аггей Никитичъ сказалъ:

— Мартынъ Степанычъ, вы ѣдете къ Егору Егорычу, и я тоже съ вами... Позвольте мнѣ это?

При такомъ вопросѣ Аггея Никитича, Мартынъ Степанычъ призадумался нѣсколько: ему помстилось, что не шпионъ-ли это какой-нибудь, потому что такъ къ нему навязывается, но, взглянувъ на открытую

и простодушную физиономию Аггея Никитича, онъ отвергнулъ это предположеніе и отвѣчалъ:

— Съ великимъ удовольствіемъ готовъ раздѣлить съ вами этотъ вояжъ.

— Въ какой-же день и въ какой часъ дня вы прикажете, чтобы я заѣхалъ за вами? — спросилъ его, почти какъ-бы начальника, Аггей Никитичъ.

— Да я просилъ-бы васъ завтра, часовъ въ семь вечера, выѣхать, чтобы не опоздать на именины; живу я у директора гимназіи Ивана Петровича Артасьева, — проговорилъ Мартынъ Степанычъ.

— Явлюсь! — подхватилъ Аггей Никитичъ и на другой день дѣйствительно къ семи часамъ вечера явился.

Мартынъ Степанычъ, съ своей стороны, тоже былъ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду, каковой нѣсколько замедлился тѣмъ, что Иванъ Петровичъ, прощаясь съ другомъ своимъ и вообразивъ, что это, можетъ быть, навсегда, расчувствовался и расплакался, какъ женщина, а потомъ, неизвѣстно почему, очень долго цѣловался съ Аггемъ Никитичемъ, съ которымъ и знакомъ былъ весьма мало. Впрочемъ, цѣловаться со всѣми было страстью этого добряка: онъ цѣловался при всякомъ удобномъ случаѣ съ подчиненными ему гимназистами, цѣловался со всѣми своими знакомыми и даже съ лицами, видавшимися съ нимъ по дѣламъ службы.

Распрощавшись, наконецъ, путники мои едва только выѣхали за городъ, какъ сейчасъ-же вступили между собою въ довольно отвлеченный разговоръ, который былъ начать Аггемъ Никитичемъ издалека.

— Я вотъ теперь ѣду къ Егору Егорычу и, признаюсь, побаиваюсь, — проговорилъ онъ.

— Чего? — спросилъ Пиледкій.

— Да того именно, что Егоръ Егорычъ мнѣ еще въ Москву прислалъ нѣсколько масонскихъ книгъ, а также и трактатъ о самовоспитаніи, рукописный и, надо быть, его собственнаго сочиненія. Я прочелъ этотъ трактъ разъ десять... Кое-что понялъ въ немъ, а другое пришлось совершенно не по зубамъ.

— Пришлось не по зубамъ?—повторилъ Мартынъ Степанычъ. — А что именно?

— Да вотъ тутъ слово мистицизмъ на каждой почти строкѣ повторяется, а что оно значитъ—чортъ его знаетъ, я никогда слова и не слыхивалъ. Не можете-ли вы растолковать мнѣ его?...

— Съ великимъ удовольствіемъ! — произнесъ, слегка улыбнувшись, Мартынъ Степанычъ: — мистицизмъ есть извѣстнаго рода философско-религіозное ученіе, въ которомъ поэтому два элемента: своя философія и свое вѣроученіе.

— А какая разница между этими двумя элементами? — бухнулъ Аггей Нивитичъ.

При такомъ странномъ вопросѣ своего собесѣдника, Мартынъ Степанычъ потупился, но продолжалъ:

— Такая-же, какъ между всякой философіей и религіей: первая учитъ познавать сущность вещей посредствомъ разума, а религія преподаетъ то, что сказано въ Божественномъ Откровеніи; но путь къ достиженію того и другаго познанія въ мистицизмѣ иной, чѣмъ въ другихъ философскихъ системахъ

и въ другихъ вѣроученіяхъ или, лучше сказать, оба эти пути сближены у мистиковъ: они въ своей философiи умъ съ его постепеннымъ ходомъ, съ его логическими выводами ставятъ на вторую ступень и даютъ предпочтеніе чувству и фантазіи, говоря, что этими духовными орудіями скорѣе и вѣрнѣе человѣкъ можетъ достигнуть познанія сущности міроваго бытія и что путемъ ума человѣкъ идетъ черепашинымъ шагомъ, а чувствомъ и созерцаніемъ онъ возлетаетъ какъ орелъ.

Аггей Никитичъ, инстинктивно поиявши, что онъ въ первомъ своемъ вопросѣ что-то такое проврался, уже молчалъ и только съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ Мартына Степаныча, который ему далѣе толковалъ:

— При созерцаніи необходимо полное отрѣшеніе отъ всего чувственнаго міра, дабы созерцающій совершенно вышелъ изъ предѣловъ ограниченнаго бытія своего и достигнулъ такъ называемаго экстаза.

Тутъ Аггей Никитичъ снова не совладѣлъ съ собой и спросилъ:

— А что такое значитъ экстазъ?

— Экстазъ, — объяснилъ ему Пилецкій: — есть то возбужденное состояніе, когда человѣкъ, подъ вліяніемъ духовно-нравственнаго движенія, ничего не сознаетъ, что происходитъ вокругъ него; такъ онъ не слышитъ боя часовъ, не ощущаетъ ни свѣта, ни темноты, ни даже тепла и холода, онъ какъ-бы умертвилъ тѣло свое и весь одухотворился. Понимаете?

— Понимаю! — отвѣчалъ Аггей Никитичъ, и онъ въ самомъ дѣлѣ, понялъ: съ нимъ самимъ даже

случалось нѣчто въ этомъ родѣ, когда, напримѣръ, бывалъ въ сраженіяхъ или увлекался какой-нибудь хорошенькой...

— Въ этомъ состояніи, — продолжалъ поучать Мартынъ Степанычъ: — мистики думаютъ созерцать идею міра прямо, непосредственно, какъ мы видимъ глазами предметы міра внѣшняго.

— Мартынъ Степанычъ, вы извините меня, что я васъ все перебиваю, — воскликнулъ на этомъ мѣстѣ Аггей Никитичъ: — но я не знаю, что значитъ слово идея.

Мартынъ Степанычъ провелъ у себя за ухомъ и видимо постарался перевести извѣстное опредѣленіе идеи, что она есть абсолютное тожество мысли съ предметностью, на болѣе понятный для Аггея Никитича языкъ.

— Идеей называется, когда человѣкъ угадаетъ главную причину какого-бы то ни было бытія. Представьте вы себѣ, что дикари смотрятъ на часы; они видятъ, что стрѣлки движутся, но что ихъ движетъ, имъ не понятно. Влекомые чувствомъ любознательности, они разломали часы, чтобы посмотреть, что внутри ихъ заключается, и видятъ тамъ колеса, маятникъ и пружину, и вдругъ кому-либо изъ нихъ пришла на умъ догадка, что стрѣлки двигаетъ пружина, значитъ, въ его умѣ явилась идея часоваго устройства... Я беру для выясненія моей мысли весьма узкій и ограниченный предметъ, но при этомъ, главнымъ образомъ, обращаю ваше вниманіе на то, что дикарь догадался; онъ понялъ суть посредствомъ вдохновенія. Словомъ, мистики признаютъ, что всѣ великія идеи — чудо, озаряющее головы людей, по

преимуществу наклонныхъ къ созерцательному мышленію.

Тутъ опять-таки Аггей Никитичъ сиутался въ своемъ вопросѣ.

— Значить, и Бога можно понять, какъ часовую пружину? — проговорилъ онъ почти съ какимъ-то азартомъ.

— Бога вы, пожалуйста, еще оставьте въ покоѣ! Я говорилъ вамъ о способахъ мышленія нашего разума... До Бога нельзя дойти этимъ путемъ; Его нужно любить; Онъ токмо путемъ любви открывается и даже, скажу болѣе того, нисходитъ въ насъ!

— Я Бога люблю больше всего въ мірѣ, — воскликнулъ Аггей Никитичъ: — и пламенно желаю, чтобы Онъ открылся мнѣ, но не знаю, что для этого нужно дѣлать!... Какъ объ этомъ говорятъ мистики?

На этотъ вопросъ Мартынъ Степанычъ не вдругъ отвѣчалъ и, прежде сообразивъ нѣсколько, проговорилъ наконецъ:

— По мнѣнію мистиковъ, для уразумѣнія Бога, кромѣ Откровенія, существуетъ въ человѣкѣ внутреннее сознаніе Божества, которое каждый изъ насъ можетъ развивать въ себѣ силою созерцательнаго чувствованія: русскіе масоны попреимуществу избрали для себя путь уединенія, путь жизни аскетовъ; но, по моему, это путь слишкомъ аристократическій и вмѣстѣ съ тѣмъ мрачный; онъ пригоденъ для людей, нѣжно и деликатно воспитавшихъ свое тѣло; тогда какъ есть еще гораздо большая масса людей, у которыхъ тѣло могучѣе духа...

— Это такъ!—подхватилъ Аггей Никитичъ, припомнившій, какъ Егоръ Егорычъ и ему самому говорилъ о преобладаніи плоти.

— Для этихъ людей нужно умерщвленіе плоти посредствомъ физическаго движенія... Пусть тѣло ихъ утомится и воспрянетъ духъ!

— Что-же для этого нужно?—спросилъ Аггей Никитичъ.

— Танцевать, пѣть и веселиться, и Духъ Господень въ васъ снизойдетъ такъ-же, какъ онъ нисходитъ на людей въ общемъ церковномъ поклоненіи.

Мысль эта ужасно аэрапировала Аггея Никитича.

Мартынъ Степанычъ поспѣшилъ прямѣе объяснить ему.

— Припомните слова царя Давида, который сказалъ: «Пойте Господеву въ гуслахъ, и гласъ псаломствъ: въ трубахъ кованыхъ и гласомъ трубы рожаны, вострубите предъ Царемъ Господемъ!»

— Да-съ, но чтобы послѣ танцевъ нисходилъ на насъ Духъ Господень, это не понятно! — возразилъ Аггей Никитичъ, знавшій по собственному опыту, что если послѣ танцевъ иногда и приходятъ въ голову нѣкоторыя поэтическія мысли, то никакъ ужь не богомольнаго свойства.

— Нисходитъ! — повторилъ свое Мартынъ Степанычъ:—и я самъ отчасти былъ свидѣтелемъ тому.

— Но какъ-же вы могли быть свидѣтелемъ тому?—воскликнулъ Аггей Никитичъ.

— Я видѣлъ плоды, которые были послѣдствіемъ этого наитія: одна дама, послѣ долгаго радѣнія въ танцахъ, пѣніи и музыкѣ, весьма часто начинала

пророчествовать и очень многимъ изъ насъ предсказывала будущее... Слова ея записывались и потомъ въ жизни каждаго изъ насъ повторилсь съ невѣроятною точностью.

— Что-же это въ обществѣ, что-ли, какомъ происходило?

— Да, то есть въ одномъ очень дружественномъ кружкѣ...

— А этакій кружокъ всего только одинъ и есть?

— Нѣтъ, такихъ кружковъ много и у насъ, и въ Европѣ!

— А какъ они называются?

— Ихъ всѣхъ называютъ, — отвѣчалъ, немного подумавъ, Мартынъ Степанычъ:—общимъ именемъ скачущихъ, прыгающихъ.

Аггей Никитичъ при этомъ только ужъ пожалъ плечами. «Богъ знаетъ, что такое? Послѣ этого каждаго скачущаго улана можетъ осѣнить Духъ Святой!» подумалъ онъ; но тутъ, какъ нарочно, пришелъ ему на память апостоль Павелъ, который тоже ѣхалъ на конѣ, когда услышалъ гласъ съ небеси: «Савле, Савле, что мя гониши?» — «Удивительно, и непонятно», повторялъ мысленно Аггей Никитичъ, а виѣтѣ съ тѣмъ ему ужасно хотѣлось спросить, что неужели и Мартынъ Степанычъ участвовалъ въ этомъ кружкѣ; но, по деликатности своей, онъ не сдѣлалъ того и погрузился въ грустные размышленія о своихъ скудныхъ знаніяхъ и о своемъ малопониманіи. Мартынъ Степанычъ тоже впалъ въ созерцательное состояніе, и трудно сказать, что въ эти минуты проносилось передъ его старческимъ умомъ: размышлялъ-ли онъ о

грядущей судьбѣ скачущихъ, или только вспоминаль объ обожаемой имъ Екатеринѣ Филипповнѣ.

Пріѣздъ Звѣрева и Пилецкаго былъ въ Кузьмищевѣ совершенною неожиданностью. Первый ихъ встрѣтилъ проходившій по залѣ докторъ Сверстовъ. Узнавъ Мартына Степаныча, онъ радостно воскликнулъ:

— Это какъ вы опять здѣсь и посреди насъ очутились?

— Возвращаюсь въ Петербургъ!—объяснилъ Мартынъ Степанычъ.

— Прощены, значить?—спросилъ Сверстовъ.

— Да,—отвѣтилъ ему тихо Пилецкій.

На Аггея Никитича Сверстовъ хоть и взглянулъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но все-таки вѣжливо ему поклонился, а Звѣревъ, съ своей стороны, отдалъ ему почтительный поклонъ.

Потомъ всѣ вошли въ гостиную, гдѣ спдѣли вдвоемъ Егоръ Егорычъ и Сусанна Николаевна, которые, увидавъ, кто къ нимъ пріѣхалъ, безъ сомнѣнія, весьма удивились, и затѣмъ началась обычная сцена задушевныхъ, хоть и безтолковыхъ, деревенскихъ свиданій: хозяйка и гости что-то такое восвлицали; всѣ чуть-чуть не обнимались; у Сусанны Николаевны оба прибывшіе гостя поцѣловали съ чувствомъ руку; появилась тутъ-же вдругъ и gnädige Frau, у которой тоже оба кавалера поцѣловали руку; всѣ о разныхъ разностяхъ отрывочно спрашивали другъ друга и, не получивъ еще отвѣта, рассказывали, что съ ними самими было. Аггей Никитичъ на первыхъ порахъ, вѣроятно, по воспоминаніямъ о Людмилѣ, подсѣлъ поближе къ Сусаннѣ

Николаевнѣ и поздравилъ ее со вступленіемъ въ бракъ, а Сусанна Николаевна, въ свою очередь, поздравила его съ тѣмъ-же, причемъ, желая сказать ему пріятное, она проговорила:

— Миропа Дмитриевна очень добрая женщина!

— Она благородная и умная, — опредѣлили нѣсколько иначе свою супругу Аггей Никитичъ.

Егоръ-же Егорычъ сталъ спрашивать Мартына Степаныча, какимъ образомъ того простили.

— Подробностей не знаю, — отвѣчалъ Пилецкій: — кромѣ того, что Екатерина Филипповна писала письмо къ Государю.

— Значитъ, и она освобождена?

— Да, ей позволено переѣхать въ Москву, съ воспрещеніемъ, впрочемъ, вѣзда въ Петербургъ.

— И вы поэтому въ Москву ѣдете?

— Пока нѣтъ; я ѣду въ Петербургъ теперь, но такъ какъ въ моемъ разрѣшеніи возвратиться въ столицу ничего не сказано, чтобы я не жилъ въ Москвѣ, то, вѣроятно, впоследствии и тамъ и поселюсь, ибо, сами согласитесь, Егоръ Егорычъ, въ мои годы одно только счастье и остается человѣку, чтобы жить около старыхъ друзей.

— Конечно, — согласился Егоръ Егорычъ: — но скажите, князь Александръ Николаичъ ходатайствовалъ сколько-нибудь объ Екатеринѣ Филипповнѣ и объ васъ?

— Очень даже много!... Черезъ него, собственно, и было доставлено письмо Екатерины Филипповны Государю.

Gnädige Frau, между тѣмъ, видимо, заинтересо-

валась Аггеемъ Никитичемъ, такъ что, наклонившись къ уху мужа, спросила шепотомъ:

— Wer ist dieser Herr?

— Не знаю,—отвѣтилъ тотъ, но и самъ немедленно наклонился къ уху Егора Егорыча и шепнулъ тому:—Кто это такой, незнакомый намъ баринъ?

— Ищущій!—отвѣтилъ лаконически Егоръ Егорычъ.

— Ищущій!—повторилъ затѣмъ докторъ своей супругѣ.

И оба они совершенно удовлетворились такимъ отвѣтомъ.

Что касается до самого Аггея Никитича, то онъ, побесѣдовавъ съ Сусанной Николаевной, впалъ въ нѣкоторую задумчивость. Его мучило желаніе, чтобы разговоръ поскорѣе коснулся масонства или чего-либо другаго возвышеннаго; но увы! его ожиданія и желанія не осуществились, а напротивъ, бесѣда перешла на весьма житейскій предметъ. Мартынъ Степанычъ, замѣтно вспомнивъ что-то важное и проведя, по своей привычкѣ, у себя за ухомъ, сказалъ:

— Чуть было не забылъ!... Иванъ Петровичъ Артасьевъ убѣдительно просилъ меня... Надѣюсь что здѣсь присутствуютъ все близкіе люди?...

— Все близкіе, всѣ!—посиѣшно отвѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Просилъ передать вамъ, что какой-то вашъ племянникъ....

— Ченцовъ? — подхватилъ Егоръ Еговичъ.

— Кажется, что такъ!... Фамиліи хорошенько

не помню; но дѣло въ томъ, что господинъ Чендовъ разошелся съ своей женой...

— Разошелся?!... По поводу чего? — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— По поводу ревности съ ея стороны, которая вызвала между ними трагическую сцену, дошедшую аки-бы до того, что вашъ племянникъ выстрѣлилъ два раза изъ ружья въ свою супругу!

При этомъ извѣстїи Сусанна Николаевна, Сверстовъ и gnädige Frau прежде всего взглянули на Егора Егорыча, который поблѣднѣлъ и забормоталъ:

— Ничего подобнаго я не слышалъ!... А вы слышали что-нибудь объ этомъ? — заключилъ онъ, взглянувъ одновременно на жену, gnädige Frau и доктора.

Тѣ всѣ въ одинъ голосъ объявили, что они тоже ничего не слышали.

— Какъ же намъ и отъ кого слышать?... Валеріанъ Николаичъ живетъ отсюда верстъ триста, знакомыхъ къ намъ впродолженіе лѣта и осени никто не прїѣзжалъ, — объяснила Сусанна Николаевна.

— Можетъ быть и то! — согласился Егоръ Егорычъ, по выраженію лица котораго и складу всего тѣла легко было понять, сколь много эта новая выходка племянника опечалила и какъ-бы пришибла его.

— Что Валеріанъ не уживется съ женой, этого надобно было почти ожидать, — хотѣла было Сусанна Николаевна успокоить мужа.

— Но не такъ-же скоро!... Думалъ-же онъ что-нибудь, женясь на ней! — почти прикрикнулъ на нее Егоръ Егорычъ.

— Да-съ, да,—произнесъ тихо и протяжно докторъ:—какъ-бы я тогда съѣздилъ къ господину Ченцову и сблизилъ-бы его съ дядей, такъ, можетъ, этого и не случилось-бы!

— Дядя никакъ-бы ужь не остановилъ женской ревности! — возразила ему нѣсколько насмѣшливо gnädige Frau.

Вслѣдъ затѣмъ Мартынъ Степанычъ, утомленный дорогою, попросилъ у хозяевъ позволенія отправиться въ свою комнату.

— О, пожалуйста! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ къ тому: — Я пойду съ вами, мнѣ нужно два слова вамъ сказать.

Такимъ образомъ оба старика удалились въ комнату, которую всегда занималъ въ Кузьмищевскомъ домѣ Мартынъ Степанычъ. Здѣсь Егоръ Егорычъ прямо началъ:

— При Сусанинѣ Николаевнѣ я не хотѣлъ говорить, чтобы не встревожить ея; но вотъ, что мнѣ пришло въ голову: если племянникъ мой дѣйствительно стрѣлялъ въ жену свою, такъ это уголовщина!... Это покушеніе на убійство!... Дѣло должно объ этомъ начаться!...

— Никакого дѣла не будетъ,—сказалъ Мартынъ Степанычъ: — о томъ просила сама госпожа Ченцова... Губернаторъ объ этомъ при мнѣ лично рассказывалъ Ивану Петровичу.

— Спасибо еще и за то, что не хотѣла совсѣмъ погубить несчастнаго, — произнесъ съ горькой ироніей Егоръ Егорычъ:— но куда-же онъ уѣхалъ отъ нея?

— Говорятъ, что въ Петербургъ.

Егоръ Егорычъ вдругъ какъ-бы ожилъ.

— Если это такъ, — заговорилъ онъ съ сильнымъ волненіемъ:— такъ вотъ къ вамъ отъ меня не просьба, нѣтъ, а болѣе того, мольба: когда вы пріѣдете въ Петербургъ, то разузнайте адресъ Ченцова и пришлите мнѣ этотъ адресъ; кромѣ того, лично повидайте Ченцова и скажите, что я ему простилъ и прощаю все, и пусть онъ требуетъ отъ меня помощи, въ какой только нуждается!

— Не промедлю дня по пріѣздѣ исполнить ваше порученіе и обо всемъ васъ подробно увѣдомлю, — отвѣчалъ на это Пилецкій.

Распростившись послѣ того съ своимъ гостемъ и пожелавъ ему спокойной ночи, Егоръ Егорычъ не возвратился въ гостиную, а прошелъ въ свою комнату. Сусанна Николаевна, чуткимъ ухомъ услышавшая его шаги, тоже оставила гостиную и прошла къ нему. По уходѣ ея gnädige Frau начала спрашивать Аггея Никитича:

— Вы, вѣроятно, служите здѣсь гдѣ-нибудь?

— Я здѣшній губернский почтмейстеръ — отвѣчалъ онъ.

— А!... — произнесла многозначительно gnädige Frau.

— И вы всегда по почтовой части служили? — спросилъ, съ своей стороны, Сверстовъ.

— Нѣтъ-съ, напротивъ, — отвергнулъ Аггей Никитичъ: — я до этого въ военной службѣ двадцать лѣтъ оттрубилъ.

— Что-жъ васъ заставило покинуть военную службу? — проговорила съ нѣкоторымъ удивленіемъ

gnädige Frau, всегда предпочитавшая военныхъ штатскимъ чиновникамъ, такъ какъ сихъ послѣднихъ она считала взяточниками.

— Какъ вамъ сказать, что заставило... многое! — отвѣчалъ неторопливо и соображающимъ тономъ Аггей Никитичъ. — Военная служба хороша, когда человѣкъ еще молодъ, любитъ бывать въ обществѣ и желаетъ нравиться дамамъ, а я ужь женатый... и поэтому, какъ говорится, ломоть отрѣзанный; но главнѣе всего-съ, — продолжалъ онъ все съ большимъ и большимъ одушевленіемъ: — служа здѣсь, я нахожусь въ такомъ недалекомъ разстояніи отъ Егора Егорыча, что могу воспользоваться его бесѣдой, когда только онъ позволитъ мнѣ... А это для меня теперь, говорю вамъ, какъ передъ образомъ, дороже всего въ мірѣ.

При такомъ откровенномъ изліяніи Звѣревымъ своихъ чувствъ, докторъ и gnädige Frau переглянулись между собою и оба окончательно убѣдились, что Аггей Никитичъ въ самомъ дѣлѣ *ищущій* и *искренно ищущій*. Gnädige Frau, впрочемъ, по своей точности хотѣла также довѣдаться, какъ собственно Егоръ Егорычъ понимаетъ этого ищущаго.

— Вы, можетъ быть, и самое мѣсто въ почтамтѣ получили по рекомендаціи Егора Егорыча? — спросила она.

— Конечно, черезъ него!... А то черезъ кого же? — воскликнулъ Аггей Никитичъ. — Словомъ-съ, онъ мой духовный и вещественный благодѣтель... Я даже не съумѣю вамъ передать, что со мной произошло передъ знакомствомъ моимъ съ Егоромъ Егорычемъ... Я еще прежде того имѣлъ счастье

встрѣтить семейство Сусанны Николаевны, а потомъ ужъ увидѣлъ у нихъ Егора Егорыча, и мнѣ показалось, что я прежде ходилъ и влачился по землѣ между людьми обыкновенными, но тутъ вдругъ очутился на небѣ между святыми.

— Вы сохранили этотъ взглядъ до сей поры?— проговорила gnädige Frau.

— До самой могилы сохраню его, — отвѣтилъ Аггей Никитичъ:—и скажу даже больше того, вы и вашъ супругъ мнѣ тоже кажетесь такими; извините меня за откровенность: я солдатъ и душа у меня всегда была нараспашку!

— Благодарю васъ за комплиментъ, — сказала gnädige Frau, нѣсколько потупляясь.

— Нѣтъ-съ, это не комплиментъ!—возразилъ съ настойчивостью Аггей Никитичъ.

— И я тоже думаю, что не комплиментъ,—подхватилъ Сверстовъ: — и прямо вамъ скажу, господинъ почтмейстеръ, вы не ошиблись: мы съ женой такіе-же!

— И Пилецкій, должно быть, такой-же?—подхватилъ Аггей Никитичъ.

Gnädige Frau замедлила отвѣтомъ, но Сверстовъ не задумавшись рѣшилъ:

— Такой-же!

— Но меня въ немъ одно удивляетъ, — продолжалъ Аггей Никитичъ:—онъ, ѣхавъ со мной сюда, рассказалъ мнѣ, что есть дружескіе кружки какихъ-то скачущихъ, прыгающихъ, и я думаю, что онъ самъ былъ въ этомъ кружкѣ.

— Это galopants!—перевела gnädige Frau.

— Стало быть, существуютъ такіе кружки? —

спросилъ какъ-бы все еще находившійся въ сомнѣ-
ніи Аггей Никитичъ.

— Существуютъ!—отвѣчалъ ему докторъ.

— А кто-же выше по своему ученію: масоны
или эти прыгающіе? — допытывался Аггей Ники-
тичъ.

— Тѣ и другіе одно и то-же, потому что ми-
стики!—сказалъ докторъ.

Gnädige Frau при этомъ непріязненно усмѣхну-
лась.

— Есть, мнѣ кажется, между масонами и gal-
orants большая разница,—возразила она:—масоновъ
милліоны, а galorants, я думаю, какая-нибудь тысяча.

— Какая-же тысяча, когда въ одной Россіи
сколько хлыстовъ насчитывается! — возразилъ док-
торъ.

— Ахъ, пожалуйста, не ссылайся ты на всѣхъ
этихъ вашихъ хлыстовъ, поповцевъ, безпопов-
цевъ! — заговорила съ явнымъ неудовольствіемъ и
какъ-бы забывъ свою сдержанность gnädige Frau:—
Всѣ они русскіе плуты мужики и больше ничего!

— Ну да, нѣмцы только хороши! — пробурчалъ
больше себѣ подъ носъ Сверстовъ.

— Безъ сомнѣнія, нѣмцы! — пробурчала тоже и
gnädige Frau.

Съ теченіемъ годовъ, какъ извѣстно, въ каж-
домъ человѣкѣ все болѣе и болѣе выясняется его
главная сущность. Такъ случилось и со Сверсто-
выми. Не смотря на продолжающуюся между ними
любовь, весьма часто обнаруживалось, однако, что
Сверстовъ былъ демократическій русскій мистикъ,
а gnädige Frau лютеранская масонна, рационалистка!

Аггей Никитичъ слушалъ споръ обоихъ супруговъ, какъ дикій скиеъ, и, види, что супруги почти разсердились другъ на друга, не позволилъ себѣ далѣе утруждать ихъ своими разспросами.

VIII.

На слѣдующій день были именины Егора Егорыча, но они прошли въ Кузьмищевѣ очень тихо и печально. Любя праздновать день своего ангела съ нѣкоторою торжественностью, Егоръ Егорычъ дѣлалъ прежде для дворовыхъ и ближайшихъ крестьянъ своихъ пиръ съ водкой и пивомъ и одѣлалъ ихъ подарками, но нынѣшній разъ ничего этого не было. Егоръ Егорычъ даже къ обѣднѣ не пришелъ, а была только Сусанна Николаевна съ пріѣхавшими гостями, Пидецкимъ и Звѣревымъ, и Сверстовы. Священникъ, отецъ Василій, при первомъ-же своемъ выходѣ съ евангеліемъ изъ алтаря, замѣтилъ отсутствіе Егора Егорыча и съ явнымъ нетерпѣніемъ послалъ дьячка спросить Сусанну Николаевну, почему нѣтъ Егора Егорыча. Та отвѣтила причетнику, что Егоръ Егорычъ нездоровъ и проситъ отца Василія придти къ нему тотчасъ послѣ обѣдни.

Услышавъ это, отецъ Василій очень затуманился: отъ здоровья и жизни Егора Егорыча зависѣло его благосостояніе, какъ священника, состоявшаго на ругѣ, а потому онъ замѣтно сталъ спѣшить дослужить обѣдню. Сусанна Николаевна, впрочемъ, все-таки не достояла до конца и ушла послѣ «Вѣрую» а вскорѣ

за ней ушли и Сверстовы, тоже, какъ видно, удивленные и обезпокоенные тѣмъ, что Егора Егорыча не было въ церкви. Такимъ образомъ, собственно изъ господъ только Мартынъ Степанычъ и Аггей Никитичъ дослушали обѣдню, по окончаніи которой они пошли вдвоемъ, довольно медленной походкой, направляясь къ дому, причемъ увидѣли, что отецъ Василій, въ своей лисьей шубѣ и бобровой шапкѣ, обогналъ ихъ быстрой походкой и даже едва отвѣтилъ на поклонъ Мартына Степаныча, видимо, куда-то спѣша.

— Куда это священникъ такъ спѣшитъ? — проговорилъ Аггей Никитичъ.

Мартынъ Степанычъ провелъ у себя при этомъ за ухомъ.

— Можетъ быть, къ Егору Егорычу — сказалъ онъ: — я былъ у него рано поутру и нашелъ его весьма разстроеннымъ.

— Чѣмъ? — спросилъ съ нѣкоторымъ испугомъ Аггей Никитичъ.

— Да, вѣроятно, тѣмъ извѣстіемъ о племянникѣ, которое я имѣлъ неосторожность ему сообщить... Этотъ неразсудительный Иванъ Петровичъ просилъ меня о томъ... Я не подумавъ согласился, и такъ мнѣ теперь это грустно и досадно на себя... Въ-место радости привезъ къ человѣку на именины горе великое...

— Что-же это за такое большое горе! — возразилъ Аггей Никитичъ: — Ченцовъ не сынъ родной Егора Егорыча... Мало-ли у кого племянники разводятся съ женами... Я, такъ сузу по себѣ...

— То-то что вы по себѣ не можете судить, —

перебилъ его Мартынъ Степанычъ: — вы еще молоды, а на насъ, стариковъ, всѣ непріятности иначе дѣйствуютъ.

— Безъ сомнѣнія! — согласился Аггей Нивитичъ, хотя все-таки оставался при убѣжденіи, что Егоръ Егорычъ не долженъ ничѣмъ земнымъ волноваться, а думать только о масонствѣ, которое онъ такъ хорошо знаетъ.

На этой мысли онъ вошелъ съ Мартыномъ Степанычемъ въ домъ, и они снова увидели отца Василя, который, нѣсколько важно раскланиваясь съ встрѣчавшеюся ему прислугою, прошелъ въ комнату Егора Егорыча, куда войдя, поздравилъ именинника со днемъ ангела, и, подавъ ему заздравную просфору, благословилъ его, причемъ Егоръ Егорычъ поцѣловалъ у отца Василя руку и сказалъ ему своей обычной скороговоркой:

— Садитесь, отче!

Отче сѣлъ и, не смотря на свою совершенную отесанность, проговорилъ все-таки по-поповски:

— Прихворнули!

— Да, — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ: — и вотъ поэтому я такъ и жаждалъ васъ скорѣй видѣть!... Сегодня ночью я думалъ, что живъ не останусь, а между тѣмъ на мнѣ лежитъ главнѣйшее дѣло моей жизни, не совершивъ котораго, я умру не спокойно!.. Я еще прежде вамъ говорилъ, что жена моя, по своимъ мыслямъ и по своимъ дѣйствиамъ, давно масонка!... Но ни она, ни я не желаемъ ограничиваться этимъ и хотимъ, чтобы она была принята въ ложу!...

Послѣднія слова Егора Егорыча видимо удивили и нѣсколько какъ-бы встревожили отца Василія.

— Но гдѣ-жь нынѣ ложи? — спросилъ онъ.

— Ложь нѣтъ, но есть масонство! — возразилъ ему Егоръ Егорычъ.

— И кромѣ сего, — продолжалъ отецъ Василій: — Сусанна Николаевна женщина...

— Женскихъ или, лучше сказать, смѣшанныхъ ложекъ было много!... Спросите gnädige Frau: она была принята въ одну изъ ложекъ!

— Она мнѣ говорила это, — сказалъ отецъ Василій: — но то было въ Ганноверѣ, а чтобы у насъ существовали смѣшанные ложки, я что-то не помню...

— Были, но недолгу существовали, потому что вкрадывалось распутство!

— Кромѣ того, тутъ, я полагаю, есть еще другое препятствіе, — продолжалъ возражать отецъ Василій: — какое мы изберемъ мѣсто для совершенія обряда принятія?

— Мѣсто для этого ваша церковь и мой домъ! — объяснилъ, начавъ уже покрикивать, Егоръ Егорычъ. — Весь обрядъ долженъ будетъ произойти слѣдующимъ образомъ, — продолжалъ онъ, заранѣе, какъ видно, все уже обдумавши: — поручителемъ Сусанны Николаевны будетъ Сверстовъ!... Васъ я прошу, какъ человѣка умнаго и масона ученаго, быть ея риторомъ!... Я-же, какъ не лишенный до сихъ поръ званія великаго мастера, исполню обязанности того!...

— Это распредѣлится не трудно! — произнесъ въ

сильномъ раздумьѣ отецъ Василій: — но избранное вами мѣсто, въ церкви, я нахожу совершенно невозможнымъ.... Если-бы даже во время процвѣтанія масонства я допустилъ въ храмъ, мною завѣдываемомъ, собраніе ложи, то и тогда-бы меня по меньшей мѣрѣ что разстригли....

— Никакого у васъ собранія ложи не будетъ! — возглашалъ вполголоса Егоръ Егорычъ. — Вы меня не поняли!... Что главнымъ образомъ нужно для принятія въ масонство?... Испытаніе и объясненіе ищущему со стороны ритора!... Положимъ, что Сусанна Николаевна въ ближайшій постъ пожелаетъ исповѣдаться, возможно это?

— Почему-жъ невозможно?! — отвѣтилъ отецъ Василій.

— Прекрасно, прекрасно!.. Больше ничего и не нужно!... И вы исповѣдуйте ее, преподайте все, что слѣдуетъ ритору!...

— Безъ облаченія въ одежду масона? — пожелалъ узнать отецъ Василій.

— Безъ всякихъ масонскихъ одеждъ!... Это нужно для начинающихъ, а Сусанна Николаевна, слава Богу, достаточный путь прошла: ей нуженъ внутренній смыслъ, а не символы!... Вы испытайте ее, какъ можно строже, и если она достойна будетъ принятія, удостовѣрьте это, а если нѣтъ, отвергните.

— Но остальная часть обряда гдѣ-же совершится? — началъ было отецъ Василій.

— У меня, въ моей комнатѣ... — перебилъ его Егоръ Егорычъ. — Я, въ присутствіи Сверстовыхъ,

моего Антипа Ильича и вашемъ, возьму съ нея клятву, и мы внесемъ ея имя въ списокъ нашей ложи!

— Но чтобы люди ваши не разгласили этого? вы знаете, какъ они любоньтны и болтливы...

— Люди мои ничего и понять не могутъ!... Но если-бы они и догадались что-нибудь, такъ развѣ пойдутъ на меня съ доносомъ?

— Ваши люди, конечно, къ вамъ привязаны... — проговорилъ отецъ Василій нервѣнительнымъ голо-сомъ и затѣмъ присовокупилъ: — Вы извините меня, Егоръ Егорычъ, что я обнаруживаю такую невозволительную для масона трусость, но вамъ извѣстно, что я вынесъ за принадлежность мою къ масонству.

— Знаю и понимаю! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — И неужели вы думаете, что я васъ захочу подвести подъ преслѣдованіе?... Чтобы отвратить это, я изобрѣтаю всякаго рода таинственность, и хотя скрытность въ масонствѣ мнѣ, по моему характеру, всегда была противна, но что дѣлать?... И Христось совершалъ тайную вечерю!

Выслушавъ Егора Егорыча, отецъ Василій замѣтилъ:

— Почему-же бы и самое испытаніе Сусаннѣ Николаевнѣ сдѣлать мнѣ не у васъ въ домѣ?

Егоръ Егорычъ нахмурился.

— Это — желаніе самой Сусанны Николаевны: она высоко цѣнитъ наши храмы, въ которыхъ съ дѣтства молилась, и потому только въ церкви хочетъ сдѣлать первый шагъ ко вступленію въ новую область вѣрованія и какъ-бы съ благословенія нашей церкви!... Это черта глубокая, не такъ-ли?... Мы

принимаемъ всѣхъ, примемъ и Сусанну Николаевну, не стѣсняя нисколько ея вѣрованія!...

— Если такъ, то дѣйствительно надобно сдѣлать наставленіе и поученіе въ храмѣ, — сказалъ послѣ краткаго размышленія отецъ Василій.

— И сдѣлайте, не робѣйте!... — бормоталъ Егоръ Егорычъ: — Возьмемъ самое дурное предположеніе, что васъ за совершеніе масонскаго обряда лишили-бы вашего сана, то, вотъ вамъ Богъ порукой, я обеспечиваю васъ и вашу семью на всю вашу жизнь; вѣрите вы мнѣ?

— Безъ сомнѣнія, вѣрю! — проговорилъ съ просіявшимъ лицомъ отецъ Василій. — Когда существованіе семьи моей, хоть-бы и маленькими средствами, будетъ обезпечено, то мнѣ, какъ масону, гнаться за іерархическими титулами не подобаесть.

— Не подобаесть, нѣтъ! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — И такъ, я могу на васъ рассчитывать?

— Вполнѣ! — отвѣтилъ отецъ Василій и сталъ прощаться съ Егоромъ Егорычемъ.

— Огобѣдали-бы вы у меня, тамъ есть и другіе гости! — сказалъ тотъ.

— Нѣтъ, мнѣ надобно еще съ требою ѣхать! — объяснилъ отецъ Василій и, не заходя къ Сусаннѣ Николаевнѣ, отправился домой.

Собственно говоря, я, какъ авторъ, не думаю, чтобы сей весьма просвѣщенный, способный и честолюбивый служитель алтаря былъ вкорень искреннимъ масономъ. Все зависѣло отъ духа времени, въ которое отецъ Василій выступилъ на свое священническое служеніе. Это было какъ разъ въ пятнадцатомъ году, когда масонство было въ періодѣ

своего сильнаго процвѣтанія. Всѣ почти богатые и знатные дворяне были, хоть и внѣшнимъ образомъ, но масоны; даже многіе архіереи, если не прямо, то косвенно склонялись къ масонству. Мудрено-ли послѣ того, что молодой бакалавръ схватился за масонство, пзучилъ его, а потомъ вскорѣ-же былъ назначенъ священникомъ въ Москву въ одинъ изъ богатѣйшихъ и обильнѣйшихъ дворянствомъ приходоѡ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ принятъ въ ложу ищущихъ манны, гдѣ, конечно, ужъ лучше всѣхъ, вѣроятно, знакомый съ мистической философіей и пріученный еще съ школьнической скамейки къ риторическому краснорѣчію, онъ сталъ произносить въ еобраніяхъ дожи рѣчи, исполненныя энергіи и учености. Такъ дѣло шло до начала двадцатыхъ годовъ, съ наступленіемъ которыхъ, какъ я уже сказалъ и прежде, надъ масонствомъ стали раздражаться ударъ за ударомъ, изъ числа которыхъ одинъ упалъ и на голову отца Василія, какъ самаго выдающагося масона изъ духовныхъ лицъ: изъ богатаго московскаго прихода онъ былъ переведенъ въ сельскую церковь. Отецъ Василій палъ духомъ и сталъ пить. Совершенная погибель его была почти несомнѣнна: его часто видали, какъ онъ съ растрепанными волосами, въ одной рубахѣ, босикомъ крался по заднимъ огородамъ въ кабакъ, чтобы затушить и успокоить свое похмѣлье; ходя съ крестомъ по деревнямъ, онъ до такой степени напивался, что не могъ уже стоять на ногахъ, и его обыкновенно крестьяне привозили домой въ своихъ почти навозныхъ телегахъ. Но тутъ къ нему явился ангелъ-спаситель въ лицѣ Егора Егорыча, который взялъ его къ себѣ въ Кузь-

мищеву на ругу, гдѣ овружилъ его довольствомъ и почетомъ. Отецъ Василій сразу-же пересталъ пить и началъ заниматься сочиненіемъ исторіи масонства въ Россіи.

Въ гостиной тѣмъ временемъ тоже происходило своего рода совѣщаніе между Сусанной Николаевной, Мартыномъ Степанычемъ и Аггеємъ Никитичемъ.

Та, выйдя изъ комнаты мужа, поспѣшила къ гостямъ, и Мартынъ Степанычъ прямо ей сказалъ:

— Сусанна Николаевна, послѣ принесеннаго мною неприятнаго извѣстія Егору Егорычу, вамъ, конечно, ужь не до насъ, а потому не разрѣшите ли вы намъ сейчасъ-же уѣхать?

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ-же?—возразила было Сусанна Николаевна.

— Затѣмъ, что намъ слѣдуетъ это сдѣлать... Егоръ Егорычъ поручилъ мнѣ разузнать въ Петербургѣ о нѣжнолюбимомъ имъ племянникѣ, и чѣмъ я скорѣе это сдѣлаю, тѣмъ скорѣе его успокою...

— Но я не знаю, что скажетъ на это Егоръ Егорычъ,—объяснила нерѣшительнымъ тономъ Сусанна Николаевна.

— Онъ ничего не скажетъ противъ этого, онъ пойметъ мое желаніе,—убѣждалъ ее Мартынъ Степанычъ.

Въ это время Сусанна Николаевна опять тоже своимъ чуткимъ ухомъ услышала, что отецъ Василій вышелъ отъ Егора Егорыча и, должно быть, совсѣмъ ушелъ.

— Вотъ я спрошу мужа, — проговорила она и, проворно войдя къ тому, сказала:

— Мартынъ Степанычъ, видя, что ты такъ разстроенъ, и желая тебя успокоить скорѣе, хочетъ сегодня уѣхать въ Петербургъ,

— Нисколько я не разстроенъ, нисколько!—заперся Егоръ Егорычъ.—Попросите ко мнѣ Мартына Степаныча, а также и Аггея Никитича.

Сусанна Николаевна позвала того и другаго.

Мартынъ Степанычъ вошелъ первый и произнесъ своимъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Милый другъ, позвольте мнѣ поправить мою погрѣшность, что я такъ неосторожно рассказалъ вамъ о племянникѣ, который, можетъ быть, нисколько не виноватъ, и не удерживайте меня отъ немедленнаго отъѣзда въ Петербургъ.

— Поѣзжайте, благодарю, благодарю! — бормоталъ Егоръ Егорычъ.

У обоихъ стариковъ при этомъ навернулись слезы.

— Позвольте и мнѣ тоже проститься съ вами,— произнесъ печальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то дивнымъ голосомъ Аггей Никитичъ: онъ никакъ не ожидалъ, что такъ скоро придется ему уѣхать изъ Кузьмищева.

— Вы-то зачѣмъ уѣзжаете?... Вы оставайтесь!— пробормоталъ ему Егоръ Егорычъ.

Аггей Никитичъ ужъ и расцвѣлъ, готовый хоть на недѣлю еще остаться, но Мартынъ Степанычъ покачалъ ему укоризненно головой, давая тѣмъ знать, что нельзя гостить, когда хозяевамъ вовсе не до гостей. Аггей Никитичъ понялъ это.

— Нѣтъ, разрѣшите и мнѣ, я ихъ долженъ довести!—проговорилъ онъ, показывая на Мартына

Степаныча:—но позвольте мнѣ, когда я назадъ поѣду черезъ мѣсяць, захватить къ вамъ.

— Непремѣнно, не премѣнно!—затараторилъ Егоръ Егорычъ и съ чувствомъ расцѣловался съ Аггеемъ Никитичемъ, который совершенно ожилъ отъ одной мысли, что онъ черезъ непродолжительное время снова можетъ пріѣхать въ Кузьмищево.

Сусанна Николаевна никакъ, однако, не хотѣла пустить гостей безъ обѣда и только попросила gnädige Frau, чтобы поскорѣй накрыли столъ. Та этимъ распорядилась, и черезъ какіе-нибудь полчаса хозяйка, гости ея и Сверстовы сядѣли уже за именинной трапезой, за которую самъ именинникъ, ссылаясь на нездоровье, не вышелъ.

По окончаніи обѣда, Мартынъ Степанычъ и Аггей Никитичъ сейчасъ-же отправились въ путь. Проѣхать имъ вмѣстѣ приходилось всего только верстъ пятнадцать до перваго уѣзднаго города, отбуда Пилецкій долженъ былъ направиться по петербургскому тракту, а Аггей Никитичъ остаться въ самомъ городѣ для обревизованія почтовой конторы. Но какъ ни вратко было время этого переезда, Аггей Никитичъ, томимый жаждой просвѣщенія, рѣшился воспользоваться случаемъ и снова заговорилъ съ Мартыномъ Степанычемъ о трактатѣ Марейна.

— Я сочиненіе Егора Егорыча о самовоспитаніи,—началъ онъ:—вчера ночью снова прочиталъ и очень благодаренъ вамъ за ваши наставленія; я гораздо въ немъ болѣе прежняго понялъ, и мнѣ теперь очень любопытно одно: кто такой господинъ

Бемъ, о которомъ тамъ тоже часто упоминается?..
Философъ онъ, вѣроятно?

У Мартына Степаныча пробѣжала на губахъ небольшая усмѣшка.

— Философъ, и даже можно его назвать родоначальникомъ мистическаго ученія.

— А, вотъ онъ кто!—произнесъ съ уваженіемъ Аггей Никитичъ.—Но кто онъ родомъ, не изъ русскихихъ.

Мартынъ Степанычъ опять незамѣтно улыбнулся.

— Нѣтъ, тевтонъ, германецъ изъ Герлица, п главнымъ образомъ въ немъ великаго удивленія достойно то, что онъ, будучи простымъ крестьяниномъ и пася въ полѣ стада отца своего, почти еще ребенкомъ имѣлъ видѣнія.

— Но, все-таки, онъ учился потомъ?—спросилъ Аггей Никитичъ.

— Учился, конечно, въ деревенской школѣ читать и писать, послѣ чего поступилъ въ ученье къ сапожному мастеру.

— Но какъ-же, однако, онъ вдругъ сдѣлался философомъ?

— А такъ, самъ собою, — объяснилъ съ полуулыбочкой Мартынъ Степанычъ: — захотѣлъ да и сдѣлался за свою кроткую и богомольную жизнь философомъ, и, какъ опредѣляютъ нѣкоторые изъ его современниковъ, проповѣдь его состояла не въ научныхъ словесѣхъ человѣческихъ, а въ явленіяхъ духа и силы, ниспосылаемыхъ ему свыше.

— А когда и давно-ли онъ жилъ? Можетъ быть,

въ одно время съ апостолами?—проговорилъ Аггей Никитичъ.

— Нѣтъ, поздиѣе! — продолжалъ съ прежнимъ слегка насмѣшливымъ выраженіемъ въ лицѣ Мартынь Степанычъ. — Онъ жилъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, но, подобно тѣмъ, не смотря на свои постоянные матеріальные труды, былъ введенъ въ такую высокую, людьми отвергаемую школу Святаго Духа, что почти постоянно былъ посѣщаемъ видѣніями, гласами и божественнымъ просвѣщеніемъ. Характерный въ отношеніи этомъ случай разсказываютъ про Бема. Однажды онъ послѣ продолжительнаго мистическаго бодрствованія, чтобы разсвѣять себя, вышелъ изъ дому и направился въ поле, гдѣ почувствовалъ, что чѣмъ далѣе онъ идетъ, тѣмъ проницательнѣе становится его умственный взоръ, тѣмъ понятнѣе ему дѣлаются всѣ видимыя вещи, такъ что по однимъ очертаніямъ и краскамъ оныхъ онъ началъ узнавать ихъ внутреннее бытіе. Словомъ, чтобы точнѣе опредѣлить его душевное состояніе, выражусь стихами поэта: «И внялъ онъ неба содроганье, и горнихъ ангеловъ полеть, и гадъ земныхъ подводный ходъ, и дольней лозы прозябанье!» Точно въ такой-же почти сверхъестественной власти у Бема были и языки иностранные, изъ которыхъ онъ не зналъ ни единого; не смотря на то, однако, какъ утверждалъ другъ его Кольберъ, Бемъ понималъ многое, когда при немъ говорили на какомъ-нибудь чужомъ языкѣ, и понималъ имени О потому, что ему хорошо извѣстенъ былъ языкъ природы. Желая, на примѣръ, открыть сущность какой-нибудь вещи, онъ часто спрашивалъ, какъ она

называется на языкѣ еврейскомъ, какъ ближайшемъ къ языку природы, и если сего названія не знали, вопрошаль о греческомъ имени, а если и того не могли ему сказать, то спрашиваль уже о латинскомъ словѣ, и когда ему нарочно сказывали не настоящее имя вещи, то Бемъ по наружнымъ признакамъ угадываль, что имя этой вещи не таково.

Слушая все это, Аггей Никитичъ невольно впадалъ въ зависть отъ мысли, что совершенно необразованный человѣкъ могъ понимать такіе возвышенные предметы.

— И Бемъ написалъ много сочиненій? — спросилъ онъ.

— Много, которыя еще во время жизни его были переводимы и извѣстны въ Голландіи и въ Англии...

— А въ Германіи онъ, я думаю, гремѣлъ?... — воскликнулъ Аггей Никитичъ.

— Извѣстность его, кажется, была велика и на родинѣ, но по изреченію: «не славенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ», тамъ-же терпѣлъ онъ и гоненія.

— Отъ кого? — спросилъ съ гнѣвомъ въ голосѣ Аггей Никитичъ.

— Конечно, отъ духовенства! Господинъ оберъ-пасторъ города Герлица Рихтеръ возсталъ на сочиненіе Бема, называемое «Аврора», за то, что книга эта стяжала похвалы, а между тѣмъ она была написана простымъ сапожникомъ и о предметахъ непонятныхъ даже людямъ ученымъ, значитъ, толковала о нелѣпостяхъ, отвергаемыхъ здравымъ

смысломъ, и господинъ пасторъ преслѣдованіе свое довелъ до того, что Бемъ былъ позванъ на судъ въ магистратъ, книга у него отобрана и ему запрещено было писать; но, разумѣется, хоть и смиренный, но въ то же время боговдохновляемый Бемъ не долго повиновался тому. Тогда пасторъ настоялъ, чтобы граждане Герлица изгнали Бема изъ его роднаго города.

— Ахъ, онъ негодяй! — воскликнулъ Аггей Никитичъ. — Но въ Польшѣ, скажите, Бемъ былъ уважаемъ? — добавилъ онъ, желая знать, какъ понимали Бема до сихъ поръ еще любезные сердцу Аггея Никитича польки и поляки.

— Не думаю! — отвѣчалъ Мартынъ Степанычъ: — поляки слишкомъ искренніе католики, хотя надо сказать, что во Франціи, тоже странѣ католической, Бемъ нашелъ себѣ самаго горячаго послѣдователя и самаго даровитаго истолкователя своего ученія: я говорю о Сенъ-Мартенъ.

Аггей Никитичъ, не желая прерывать Мартына Степаныча, притворился, что онъ знаетъ, кто таковой Сенъ-Мартенъ, а между тѣмъ сильно наострилъ уши, чтобы не проронить ни одного слова изъ того, что говорилъ Пилецкій.

— И этотъ Сенъ-Мартенъ, — продолжалъ тотъ: — вотъ что, между прочимъ, сказалъ, что если кто почерпнулъ познанія у Бема, считаемаго мудрецами міра сего за сумасшедшаго, то пусть и не раскрываетъ никакихъ другихъ сочиненій, ибо у Бема есть все, что человѣку нужно знать!

— Сенъ-Мартенъ также, вѣроятно, былъ изъ мужиковъ? — замѣтилъ Аггей Никитичъ.

— Напротивъ, онъ былъ весьма просвѣщенный офицеръ, спиритуалистъ по натурѣ, вѣрившій въ предчувствія, въ сомнамбулизмъ, склонный къ теозофiи и мистицизму. Вступивъ въ масонскую ложу въ Бордо, Сенъ-Мартенъ собственно и положилъ основанiе ученiю мартинистовъ.

— И что-же, ученiе это очень важное?—какъ-бы гудѣлъ уже своимъ голосомъ Аггей Никитичъ.

— Въ Европѣ не утверждаю, чтобы оно было знаменательно, но у насъ—да!—оно если не обширно, то весьма прочно распространилось, что доказывается тѣмъ, что всѣ московскiе масоны мартинисты!

— И Егоръ Егорычъ поэтому мартинистъ?—прогудѣлъ Аггей Никитичъ.

— И онъ, хотя въ молодости своей, сколько мнѣ это извѣстно, былъ розенкрейцеръ, но потомъ, послѣ знакомства своего съ ученiемъ православныхъ аскетовъ, онъ перешелъ въ мартинистамъ.

На этомъ мѣстѣ разговоръ по необходимости долженъ былъ прерваться, потому что мои путники въѣхали въ городъ и были прямо подвезены къ почтовой станци, гдѣ Аггей Никитичъ думалъ было угостить Мартына Степаныча чайкомъ, ужиномъ, чтобы съ нимъ еще побесѣдовать, но Пилецкiй рѣшительно воспротивился тому и, объяснивъ снова, что онъ спѣшитъ въ Петербургъ для успокоенiя Егора Егорыча, просилъ объ одномъ, чтобы ему дали скорѣе лошадей, которыя велѣдъ за громогласнымъ приказанiемъ Аггея Никитича: «Лошадей, тройку!» мгновенно-же были заложены, и Мартынъ Степанычъ отправился въ свой неблизкiй вояжъ, а Аггей Ни-

китичъ, забывъ о существованіи всевозможныхъ конторъ и о томъ, что ихъ слѣдуетъ ревизовать, прилегъ на постель, дабы сообразить все слышанное имъ отъ Пилецкаго, но это ему не удалось, потому что дверь почтовой станціи осторожно отворилась, и предъ очи своего начальника предсталъ уѣздный почтмейстеръ въ мундирѣ и съ лицомъ крайне оробѣлымъ.

— Ваше высокородіе, Аггей Никитичъ,—произнесъ онъ, держа руки по швамъ:—не окажете-ли мнѣ благодѣяніе остановиться здѣсь, а у меня въ домѣ.

Почтмейстеръ этотъ выслужился изъ почталъ-оноу.

— Нѣтъ-съ, это будетъ не благовидно, — отвѣчалъ ему рѣзко Аггей Никитичъ, поднимаясь съ постели.

Почтмейстеръ еще болѣе оробѣлъ.

— Прошу васъ!—добавилъ Аггей Никитичъ, помѣщаясь на стулъ возлѣ стола и движеніемъ руки приглашая тоже сдѣлать и почтмейстера.

Тотъ сѣлъ; руки у него при этомъ ходили ходенемъ, да и не мудрено: Аггей Никитичъ, раздосадованный тѣмъ, что былъ прерванъ въ своихъ размышленіяхъ о Бемѣ, представлялъ изъ себя весьма грозную фигуру. Не смотря на то, однако, робкій почтмейстеръ, что-бы тамъ ни произошло изъ того, рѣшился прибѣгнуть къ средству, которое по большей части укрощаетъ начальствующихъ лицъ и дѣлаетъ ихъ болѣе добрыми.

— Контора у меня здѣсь маленькая и совершенно безвыгодная,—началъ онъ:—но, считая себя виноватымъ, что не пріѣхалъ къ вамъ въ губернской го-

родъ представиться и, какъ супруга ваша справедливо мнѣ приказывала черезъ почтальона, что она и вы очень обпжааетесь, что всѣ мы, почтмейстера, точно будто-бы знать не хотимъ своего начальника, но видить Создатель, что это я по робости моей сдѣлалъ и что я готовъ съ полнымъ моимъ удовольствіемъ исполнить всегда, что слѣдуетъ... — И, не объясняя болѣе, почтмейстеръ выложилъ затѣмъ на столъ сто рублей.

Что произошло при этомъ съ Аггеемъ Никитичемъ, описать невозможно, и его главнымъ образомъ точно кнутомъ хлестнули по уху слова почтмейстера: «супруга ваша приказывала съ почтальономъ».

Въ первыя минуты онъ сообразилъ только отшвырнуть отъ себя деньги и проговорилъ со спазмами въ голосѣ:

— Возьмите это назадъ и не смѣйте никогда обращаться ко мнѣ съ такими приношеніями!.. Я человѣкъ военный, а не...

Почтмейстеръ, однако, не бралъ деньги, предполагая, что, можетъ быть, онъ мало преподнесъ начальнику.

— Берите, говорятъ вамъ, ваши деньги назадъ! — проревѣлъ Аггей Никитичъ, ударивъ кулакомъ по столу, такъ что столъ раскололся.

Почтмейстеръ схватилъ деньги и кое-какъ засунулъ ихъ себѣ за бортъ мундира.

Къ довершенію этой сцены, дверь почтовой станціи снова отворилась и показался господинъ весьма приличной наружности, должно быть, изъ отставныхъ военныхъ.

— Кто вы такой? — спросилъ его тѣмъ-же гроз-

нымъ тономъ, не помнившій себя отъ гнѣва Аггей Никитичъ.

— Я-съ помѣщикъ здѣшній и содержатель нѣсколькихъ почтовыхъ станцій!—отвѣчалъ тотъ ему не сконфузясь.

— Но что вамъ угодно?—продолжалъ Аггей Никитичъ.

— Мнѣ угодно объясниться съ вами,—отвѣчалъ помѣщикъ, садясь безъ приглашенія хозяина на стулъ: — супруга ваша поручала одному моему ямщику передать моему почтовому старостѣ, что вы недовольны той платой, которую мы, почтосодержатели, платили прежнему господину почтмейстеру, то-есть по десяти рублей съ дуги, и желаете получать по пятнадцати! Плата такая, говорю вамъ откровенно, будетъ для всѣхъ насъ обременительна!..

Аггей Никитичъ окончательно былъ пришибленъ тѣмъ, что услышалъ, и могъ только, трагически захохотавъ, проговорить:

— Все это, господа, одно вранье вашихъ почтальоновъ и ямщиковъ. Повѣрьте, я служу изъ чести, и мнѣ не нужно ни отъ васъ, — обратился онъ къ почтмейстеру, — ни отъ васъ, господинъ почтосодержатель, ни десяти, ни двадцати рублей, ни даже ста тысячъ, и потому прошу васъ удалиться и оставить меня!

Почтмейстеръ и почтосодержатель переглянулись между собой послѣ того и, кажется, одновременно подумали, что господинъ губерискій почтмейстеръ, должно быть, былъ сильно выпивши, что отчасти подтверждалось и тѣмъ, что Аггей Никитичъ былъ красенъ въ лицѣ, какъ вареный ракъ; но, какъ-бы ни было, они раскланялись съ нимъ и ушли. Аггей-же

Никитичъ позвалъ къ себѣ почтоваго смотрителя и велѣлъ ему подать себѣ самой холодной воды. Смотритель принесъ ему таковой цѣлый ковшъ. Аггей Никитичъ сталъ въ этой водѣ помачивать свой носовой платокъ и класть его, какъ компрессъ, на голову. Смотритель ушелъ отъ него тоже, кажется, съ увѣренностью, что господинъ губернской почтмейстеръ былъ маленько въ загулъ и что это теперь у него голова болить.

Аггей Никитичъ, оставшись одинъ, проговорилъ самъ съ собой:

— Супруга моя, вотъ, какова у меня оказалась! Вотъ она какая!.. Людмила Николаевна не была-бы, я думаю, такая!

IX.

Совершить пріемъ Сусанны Николаевны въ ложу между моими кузьмищевскими масонами положено было въ половинѣ филипповскаго поста, и посвященіе это произошло гораздо торжественнѣе, чѣмъ предполагалось. Часовъ въ десять вечера въ одну изъ субботъ Сусанна Николаевна должна была доѣхать на лошади, заложенной въ одиночку, вмѣстѣ съ своимъ поручителемъ, Сверстовымъ, до церкви, отстоящей отъ дому, по крайней мѣрѣ, въ полуверстѣ. Однако, сойдя съ лѣстницы, Сусанна Николаевна объявила рѣшительнымъ голосомъ, что она желаетъ идти пѣшкомъ.

— Но посмотрите, какая вьюга и темь!—возразилъ было ей Сверстовъ:

— Это и хорошо, пойдете!— настаивала Сусанна Николаевна и пошла.

Докторъ послѣдовалъ за ней.

Вьюга, дѣйствительно, была сильна. Сверстовъ, здоровый и крѣпкій еще мужчина, чувствовалъ, что вѣтеръ чуть не сшибалъ его съ ногъ, колючій снѣгъ слѣпилъ ему глаза. Онъ хотѣлъ было, по крайней мѣрѣ, подать Сусаннѣ Николаевнѣ руку; но она и отъ того отказалась, проговоривъ кроткимъ голосомъ:

— Вы мой поручитель, но не путеводитель.

Сверстовъ почесалъ у себя въ затылкѣ. «Ну, у этого прелестнаго существа, кромѣ бодрого духа, и ножки крѣпкія», подумалъ онъ, и въ этомъ еще болѣе убѣдился, когда Сусанна Николаевна на церковномъ погостѣ, съ его виднѣющимися повсюду черными деревянными крестами, посреди коихъ выселись два бѣлые мраморные мавзолея, стоявшіе надъ могилами отца и матери Егора Егорыча, вдругъ повернула и прямо по сумету подошла къ этимъ мавзолеямъ и перекрестившись поклонилась передъ ними до земли, а потомъ быстро пошла къ церкви, такъ что Сверстовъ едва успѣлъ ее опередить, чтобы отпереть церковную дверь, ключъ отъ которой ему еще поутру принесъ отецъ Василій. Внутри храма было почти совсѣмъ темно. Свѣтились всего только три или четыре краснаго стекла лампадки передъ мѣстными иконами. Сверстову, опять-таки повторяю, человѣку вовсе не слабонервному, сдѣлалось если не страшно, то какъ-то непріятно.

— Вы, конечно, помолитесь, пока придетъ отецъ Василій, — сказалъ онъ, торопливо пододвигая Сусаннѣ Николаевнѣ стулъ, на который она и опустилась.

— Да,—проговорила она:—но я еще прежде должна остаться одна въ церкви, и вы пока уйдите отсюда совсѣмъ!

— Но, Сусанна Николаевна... — началъ было Сверстовъ.

— Миѣ-бы теперь,—продолжала она, не слушая его:—слѣдовало по ритуалу имѣть повязку на глазахъ; но я не хочу того. Уйдите, Сверстовъ!

Сусанна Николаевна съ умысломъ пожелала не имѣть повязки на глазахъ, потому что остаться съ открытыми глазами въ полутемномъ храмѣ было, какъ ей думалось, страшнѣе; а она этого именно и желала, чтобы испытать свою волю. Сверстовъ не ушелъ, впрочемъ, совсѣмъ изъ церкви, а удалился только ко входнымъ дверямъ ея. Сусанна Николаевна услышала это и повторила ему еще разъ и недовольнымъ голосомъ:

— Уйдите, Сверстовъ!

Докторъ, дѣлать нечего, повиновался ей и проворно пошелъ къ священнику, чтобы тотъ, по крайней мѣрѣ, шелъ скорѣе къ Сусаннѣ Николаевнѣ. Онъ это весьма благоразумно сдѣлалъ, ибо едва только Сусанна Николаевна осталась одна въ храмѣ, какъ одушевлявшая ее энергія не то что оставила ее, но превратилась въ какой-то трепетъ во всемъ тѣлѣ. Сусанна Николаевна чувствовала, что у нея вся кровь бросилась въ голову. Сначала она держала глаза потупленными внизъ, боясь на что-нибудь окружающее взглянуть; потомъ подняла ихъ вверхъ, и ей сразу же представилось, что въ туманной высотѣ церковнаго свода летаютъ какія-то блѣдныя крылатыя существа, которыя она приняла за ангеловъ. Сусанна

Николаевна опустила глаза внизъ на мѣстных иконы иконостаса, но тутъ она почти въявь увидѣла, что Божія Матерь во имя всѣхъ скорбящихъ, написанная во весь ростъ, въ коронѣ и со скипетромъ, движется и какъ-бы идетъ къ ней; что Христосъ на крестѣ поднялъ свою склоненную голову и обратилъ на нее кроткій взглядъ свой. Сусанна Николаевна взглянула затѣмъ на темныя церковныя окна, гдѣ ей тоже мѣстами показались, хотя довольно блѣдныя, но уже огненные и злыя лица, которыя Сусанна Николаевна сочла за дьяволовъ и которыя были, вѣроятно, ничто иное, какъ отблескъ въ стеклахъ отъ свѣтящихся лампадокъ. Словомъ, съ Сусанной Николаевной происходилъ припадокъ религіозной галлюцинаціи, къ которой она была съ дѣтства склонна, и хорошо еще, что въ это время довольно шумно вошли въ церковь отецъ Василій и Сверстовъ. Последний прямоподошелъ къ Сусаннѣ Николаевнѣ, взялъ ее за руку и, пощупавъ пульсъ, вроеговорилъ:

— Ну, что?.. Ничего?..

— Ничего, — отвѣтила Сусанна Николаевна тихимъ голосомъ.

— Поспѣшите отпустить ее изъ церкви, у нея пульсъ билъ по полуторасту разъ въ минуту, — шепнулъ докторъ отцу Василю. -

— Богъ милостивъ, все совершится благополучно, — отвѣтилъ ему тотъ тоже шепотомъ.

Сверстовъ ушелъ изъ церкви, но все-таки сѣлъ на палерти изъ опасенія, чтобы не случилось чего съ прелестнымъ существомъ.

Отецъ Василій, оставшись вдвоемъ съ Сусанной Николаевной, прежде всего сказалъ ей:

— Крѣпитесь, Богъ за васъ!

— Я крѣплюсь, — проговорила Сусанна Николаевна.

Отецъ Василій послѣ того, засвѣтивъ восковую свѣчку, прошелъ за стоявшія въ одномъ изъ церковныхъ угловъ исповѣдальныя ширмы, гдѣ что-то такое покопошился, и потомъ, выглянувъ изъ-за ширмы, сказалъ Сусанинѣ Николаевнѣ:

— Пожалуйте сюда!

Она вошла и увидала отца Василія не въ эпитрахили, какъ обыкновенно священники бываютъ на исповѣди, но въ бѣломъ запонѣ и съ орденомъ на груди. Не смотря на свою осторожность, отецъ Василій не выдержалъ и облекся въ масонскіе доспѣхи, чѣмъ чрезвычайно осталась довольна Сусанна Николаевна, и когда онъ благословилъ ее, то она съ горячимъ чувствомъ поцѣловала его руку.

— Станьте вотъ тутъ, противъ наоя!—сказалъ ей отецъ Василій.

Сусанна Николаевна встала. На наюфъ этомъ были положены: черепъ, берцовыя кости, жестяная вѣтка акаціи и раскрытая библія.

Облокотившись и наклонившись нѣсколько на наюфъ, отецъ Василій началъ говорить:

— Какъ христіанку, я, будучи отцомъ вашимъ духовнымъ, знаю васъ и стану съ вами бесѣдовать, какъ со страждущей и ищущей. Егоръ Егорычъ, можетъ быть, говорилъ вамъ о краеугольномъ камнѣ, на коемъ основанъ и утвержденъ нашъ орденъ...

— Говорилъ, — отвѣчала тихо Сусанна Николаевна: — это — храненіе нѣкоторыхъ важныхъ тайнъ.

Отецъ Василій истовымъ наклоненіемъ головы одобрилъ сказанное ею.

— И потому цѣль каждаго масона?..—протянулъ онъ нѣсколько свой вопросъ.

— Въ познаніи и сохраненіи этихъ тайнъ,—проговорила Сусанна Николаевна.—Но въ чемъ состоятъ онѣ, Егоръ Егорычъ мнѣ не открылъ,—присовокупила она.

— Онъ и не могъ ихъ вамъ открыть,—замѣтилъ отецъ Василій, нѣсколько нутупля свои глаза.—Я тоже, хоть и риторъ вашъ, но имѣю право объяснить вамъ лишь одно, что онѣ исходятъ издревле, изъ первозданнаго рая, который, до грѣхопаденія чело-вѣка, былъ озаряемъ совершенно инымъ свѣтомъ, чѣмъ нынѣ мы озаряемы, и при свѣтѣ этомъ чело-вѣку были вѣдомы вся тварная природа, онъ самъ и бытіе Бога; послѣ-же склоненія чело-вѣка къ своей тѣлесной природѣ свѣтъ этотъ померкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чело-вѣкъ утратилъ и свои познанія; но милосердый Богъ не оскудѣлъ совсѣмъ для него въ своей благодати. Онъ повременамъ возжигалъ сей райскій лучъ въ умахъ и сердцахъ людей, имъ излюбленныхъ. Такъ, этотъ свѣтъ нисходилъ на Ноя, на нѣкоторыхъ патріарховъ, на Іосифа-пустынножителя, положившаго въ сооруженномъ имъ мемфисскомъ храмѣ смарагдовую таблицу съ начертаніемъ въ ней основаній символическаго ученія о высшемъ таинствѣ; хранилось потомъ это ученіе у маговъ, и, переходя путемъ преемства, хранится оно и у масоновъ.

— Неужели оно можетъ быть открыто и мнѣ?—

спросила съ трепетомъ въ голосъ Сусанна Николаевна.

— Какъ и всякому масону, если вы долговременнымъ и прилежнымъ очищеніемъ себя приуготовитесь къ тому. Орденъ нашъ можно уподобить благоустроенному воинству, гдѣ каждый по мѣрѣ усердія и ревности восходитъ отъ низшихъ къ высшимъ степенямъ. Начальники знаютъ расположеніе и тайну войны, но простые воины обязаны тоѣмъ повиноваться, а потому число хранителей тайны въ нашемъ орденѣ было всегда не велико.

— А вы, отецъ Василій, и мужъ мой знаете ужъ эту тайну? — спросила наивно Сусанна Николаевна.

Отецъ Василій при этомъ нѣсколько смутился, но постарался улыбнуться.

— На этотъ вопросъ вамъ можно будетъ отвѣтить, когда вы сами удостоитесь узнать хотя часть этихъ тайнъ, а теперь могу вамъ объяснить одно, что я и тѣмъ болѣе Егоръ Егорычъ, какъ люди давно подвизающіеся въ масонствѣ, способны и имѣемъ главною для себя цѣлію исправлять сердца ищущихъ, очищать и просвѣщать ихъ разумъ тѣми средствами, которыя намъ открыты, въ свою очередь, нашими предшественниками, тоже потрудившимися въ исканіи сего таинства.

— Но какія это средства, святой отецъ? — спросила Сусанна Николаевна, возведшая уже отца Василія въ святыя.

— Средства эти начертаны въ катехизисѣ и вообще въ правилахъ масонскихъ, которыя я вамъ передамъ вкратцѣ, и прошу только запомнить ихъ. Первое: вы должны быть скромны и молчаливы, аки

рыба, въ отношеніи нашихъ обрядовъ, образа правленія и всего того, что будутъ постепенно вамъ открывать ваши наставники; второе: вы должны дать согласіе на полное повиновеніе, безъ котораго не можетъ существовать никакое общество, ни тайное, ни явное; третье: вамъ необходимо вести добродѣтельную жизнь, чтобы, кромѣ исправленія собственной души, примѣромъ своимъ исправлять и другихъ, внѣ нашего общества находящихся, людей; четвертое: да будете вы тверды, мужественны, ибо человѣкъ только этими качествами можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать злу; пятое правило предписываетъ добродѣтель, каковою, кажется, вы уже владѣете, это щедрость; но только старайтесь наблюдать за собою, чтобы эта щедрость происходила не изъ тщеславія, а изъ чистаго желанія помочь истинно-бѣдному; и, наконецъ, шестое правило обязываетъ масоновъ любить размышленіе о смерти, которая такимъ образомъ явится передъ вами не убійцею всего вашего бытія, а другомъ, пришедшимъ къ вамъ, чтобы возвести васъ изъ міра труда и пота въ область успокоенія и награды. Вотъ и все-съ, высокопочтенная Сусанна Николаевна! А теперь поцѣлуйте насъ нашимъ братскимъ поцѣлуемъ, — заключилъ отецъ Василій и поцѣловался съ Сусанной Николаевной, однократно лишь приложивъ свою щеку къ ея щекѣ.

Сколь ни внимательно Сусанна Николаевна слушала отца Василія, тѣмъ не менѣе въ продолженіе всего наставленія взглядывала то вверхъ, подъ куполь, то на темныя окна храма, и ей представилось, что въ нихъ больше не видно было огненныхъ

злыхъ рожъ, но подъ куполомъ все какъ-бы сгущались крылатыя существа. Когда, наконецъ, она вышла изъ храма, въ сопровожденіи отца Василя, то еще слава Богу, что предусмотрительный Сверстовъ передъ тѣмъ сбѣгалъ въ усадьбу и пріѣхалъ оттуда на лошади въ саянхъ, въ которыя Сусанна Николаевна, совсѣмъ утомленная и взволнованная, сѣла. Рядомъ съ нею помѣстился отецъ Василій, и Сверстовъ, что есть духу, погналъ лошадь къ дому. Воздухъ мало оживилъ Сусанну Николаевну; галлюцинація съ ней продолжалась: въ полумракѣ кипящей вьюги, она все-таки видѣла сопровождавшія ее крылатыя существа, а тамъ вдали, на западѣ, слабо мерцали огненные лица, исчезающія одно за другимъ.

Въ домѣ въ это время шли большія хлопоты. Егоръ Егорычъ, предполагавшій вначалѣ совершить приемъ Сусанны Николаевны въ ложу безъ всякой обрядности, когда приблизился моментъ этого исполненія, проникся совершенно иными желаніями. Мѣстомъ для ложи онъ избралъ большую гостиную, потомъ предложилъ *gnädige Frau* и Антипу Ильичу принять званіе надзирателей, а послѣднему, сверхъ того, поручилъ быть обрядоначальникомъ. *Gnädige Frau* не преминула, конечно, принести и разложить въ гостиной свой коверъ. Антипъ-же Ильичъ, по указаніямъ Егора Егорыча, устроилъ на небольшомъ мраморномъ столикѣ что-то въ родѣ жертвенника, съ положенными на него углемъ и раскрытою библіей, а также и съ поставленною спиртовою зажженною лампою. Кромѣ того, Антипъ Ильичъ, едва осиливая, вдвинулъ въ гостиную стулъ великаго

мастера, уже лѣтъ пятнадцать, кажется, имъ хранимый въ каморѣ около своей комнаты. Устроивъ все это, Егоръ Егорычъ, gnädige Frau и Антипъ Ильичъ облеклись въ бѣлые запоны, ордена и знаки, каждому свойственные, а равно надѣли бѣлыя перчатки. Егоръ Егорычъ, рассчитавъ, что Сусанна Николаевна скоро должна воротиться изъ церкви, всталъ около стула великаго мастера и спросилъ:

— Братъ надзиратель, который теперь часть?

— Теперь полночь! — отвѣтила gnädige Frau, какъ принявшая на себя обязанности перваго надзирателя.

Егоръ Егорычъ. Гдѣ мѣсто великаго мастера?

Gnädige Frau. На востокъ!

Егоръ Егорычъ. Почему такъ?

Gnädige Frau. Потому что солнце начинаетъ теченіе свое съ востока, такъ и высокопочтенный мастеръ долженъ быть на востокъ, дабы освѣщать ложу, управлять ею и распределять работу братьямъ свободнымъ каменщикамъ!

Егоръ Егорычъ. Гдѣ мѣсто братьевъ надзирателей?

Gnädige Frau. На западъ, чтобы повиноваться достопочтенному мастеру!

— Ложа открыта! — произнесъ въ заключеніе Егоръ Егорычъ, возводя глаза къ небу, и ударилъ два раза масонскимъ молоткомъ, послѣ чего послѣдовалъ легкій стукъ въ заранѣе запертую дверь гостиной.

Егоръ Егорычъ. Второй братъ надзиратель, спросите, кто это стучится?

Антипъ Ильичъ (съ чувствомъ благоговѣнія).
 Это стучится ищущая съ ея риторомъ.

Егоръ Егорычъ. Отворите дверь ложи!

Антипъ Ильичъ отперъ дверь и, пріотворивъ ее
 немного, произнесъ:

— Наше проходное слово?

— Габаонъ! — отвѣтилъ ему отецъ Василій и,
 войдя первый, сказалъ:

— Ищущая достойна быть принята!

А потомъ, увидавъ, что всѣ были въ запонахъ,
 и самъ, поспѣшивъ надѣть таковой-же, сталъ въ
 недалнемъ разстояніи отъ великаго мастера. По-
 явившаяся велѣдъ за нимъ Сусанна Николаевна ви-
 димо употребляла всѣ усилія надъ собой, чтобы не
 поддаться окончательно физическому и нравственному
 утомленію.

— Милый другъ мой, — воскликнулъ Егоръ Его-
 рычъ, выскочившій изъ роли великаго мастера: —
 отдохните и успокойтесь!

У Сусанны Николаевны при звукахъ его голоса
 снова воскресла ея нервная энергія.

— Я не утомлена и готова къ продолженію об-
 ряда, — сказала она.

Сверстовъ-же, заглянувъ въ ложу, побѣжалъ въ
 свою комнату, чтобы надѣть тоже бѣлый запонъ.

Gnädige Frau и Антипъ Ильичъ продолжали
 стоять не отходя, на западъ, почти въ позѣ часо-
 выхъ.

— Мой милый другъ, — произнесъ Егоръ Его-
 рычъ, опять-таки не выдержавшій своей роли: —
 приблизьтесь ко мнѣ!

Сусанна Николаевна приблизилась.

— Ваши мужественные поступки, Сусанна Николаевна,—продолжалъ Егоръ Егорычъ дрожащимъ голосомъ: — и благое объ насъ, масонахъ, понятие удостовѣряютъ меня, что не свойственное женщинамъ любопытство, не дѣтское вещей воображеніе руководитъ вами и заставляетъ васъ стремиться поступить въ наши сочлены, но чувства болѣе серьезныя, цѣня которыя, мы спѣшимъ васъ принять въ наше братство. Господинъ секретарь, внесите имя Сусанны Николаевны въ списокъ членовъ нашей ложи!

Секретаремъ оказалась gnädige Frau, которая и исполнила это приказаніе великаго мастера.

— А вы, Сусанна Николаевна, прочтите масонскую клятву и подпишите ее! — заключилъ Егоръ Егорычъ, подавая ей исписанный листокъ бумаги, который Сусанна Николаевна и прочла громкимъ голосомъ:

«Я, Сусанна Николаевна Марейна, обещаюсь и клянусь передъ Всемогущимъ Строителемъ Вселенной и передъ собранными здѣсь членами сей достопочтенной ложи въ томъ, что я съ ненарушимою вѣрностью буду употреблять всѣ мои способности и усердіе для пользы, благоденствія и процвѣтанія оной, наблюдать за исполненіемъ законовъ, порядкомъ и правильностью работъ и согласіемъ членовъ сей ложи между собою, одушевляясь искреннѣйшею къ нимъ любовью. Да поможетъ мнѣ въ семъ Господь Богъ и Его милосердіе. Аминь!»

— Подпишись! — едва имѣлъ силы отъ полноты чувствъ проговорить Егоръ Егорычъ.

Gnädige Frau подала Сусаннѣ Николаевнѣ чер-

нильницу и присягу, къ которой та и подписалась. Затѣмъ начался полнѣйшій безпорядокъ въ собраніи. Сусайна Николаевна упала въ объятія мужа и плакала. Онъ тоже плакалъ. Ворвался въ собраніе Сверстовъ, успѣвшій, наконецъ, отыскать и надѣть свой бѣлый запонъ; онъ прежде всего обезпокоился, не случилось-ли чего-нибудь съ Сусанной Николаевной, и, видя, что ничего, шепнулъ женѣ:

— А трапеза любви будетъ?

— Будетъ, все ужь, вѣроятно, готово, — отвѣтила *gnädige Frau* и хотѣла-было пойти узнать, накрываютъ-ли ужинъ, забывъ совершенно, что она въ запонѣ и даже съ значкомъ на груди; но Антипъ Ильичъ остановилъ ее:

— Ложу, сударыня, надобно прежде закрыть!

— Ахъ, да, это правда! — отозвалась *gnädige Frau* и, подойдя къ Егору Егорычу, шепнула ему: — Пора ложу закрывать!

— Пора, пора! — пробормоталъ Егоръ Егорычъ и, отстранивъ нѣсколько отъ себя Сусанну Николаевну, принялъ приличную для великаго мастера позу и заговорилъ:

— Хотя по необходимости и пропущено много обрядовъ, но приѣмъ, полагаю, совершился: суть въ сути, а не въ феноменахъ, и потому намъ остается довершить послѣднее. Братъ обрядоначальникъ, убедите и сохраните коверъ и погасите всѣ свѣчи, кромѣ спиртовой лампы!

Антипъ Ильичъ хотя и медленно, но сдѣлалъ это, послѣ чего Егоръ Егорычъ, поднявъ начальническимъ образомъ голову, провозгласилъ:

— Приглашаю васъ, братья, приблизиться къ жертвеннику и составить цѣпь, насъ связующую!

Всѣ братья окружили жертвенникъ, и Егоръ Егорычъ прочелъ молитву:

«Благословеніе небесъ да снидетъ на насъ и на всѣхъ истинныхъ каменьщиковъ, и да украситъ оно и обновитъ насъ всѣми нравственными и общественными добродѣтелями!»

— Аминь!—воскликнули на это братья въ одинъ голосъ, а Егоръ Егорычъ въ заключеніе произнесъ:

— Благодарю васъ, любезные братья, за вашу сегодняшнюю работу и прошу впредь продолжать такуюю.

Въ отвѣтъ на это раздалось троекратное рукоплесканіе со стороны братьевъ; затѣмъ они принялись снимать съ себя ордена, знамя, запоны, которые Антипъ Ильичъ старательно прибиралъ, имѣя при этомъ, не смотря на всю свою кротость, недовольное и печальное лицо: такой скомканный приемъ Сусанны Николаевны въ масонство казался ему просто кощунствомъ. Когда потомъ со всѣми собранными масонскими нарядами входилъ онъ въ свою комнатку, чтобы ихъ тамъ пока убрать, то его остановила Оа-дѣвна.

— Свершилось?—спросила она голосомъ, исполненнымъ благоговѣнія.

— Свершилось!—отвѣтилъ ей тоже въ тонъ Антипъ Ильичъ.

Затѣмъ всѣ сошлись въ столовой къ трапезѣ, уставленной кушаньями и виномъ.

— Агапа!—сказалъ отецъ Василій, садясь рядомъ

съ Сверстовымъ и показывая ему на роскошно-убранный столъ.

— Да, по обычаю древнихъ христіанъ, вечера любви!—подтвердилъ тотъ.

Къ концу ужина, когда отецъ Василій и Сверстовъ порядочно подвыпили вина, то сей послѣдній воскликнулъ:

— Неужели мы не пропоемъ нашей пѣсни?

— Пропоемъ!—отвѣтилъ ему Егоръ Егорычъ и при этомъ выпилъ даже полстакана вина.

— Пропоемте! — отозвалась и Сусанна Николаевна своимъ мелодическимъ голосомъ.

— Нужно это!—рѣшила gnädige Frau и сѣла за фортепіано. Заиграла она очень знакомый мотивъ съ необыкновенною правильностью, такъ что когда запѣли ея собратья, то стали сильно съ ней расходиться. Говоря откровенно, съ нѣкоторымъ умѣніемъ пѣли только Сусанна Николаевна (очень, впрочемъ, слабымъ голосомъ) и отецъ Василій, владѣвшій хорошимъ баритономъ и приученный къ пѣнію.

Пятая ими пѣсня гласила:

Любовь, душа всея природы,
Теки сердца въ насъ воспалить,
Изъ плѣна въ царствіе свободы
Одна ты можешь возвратить.
Когда твой ясный лучъ сіяетъ,
Масонъ и видитъ, и внимаеть.
Ты жизнь всего, что существуетъ;
Ты внутренній, сокрытый свѣтъ;
Но тотъ, кто въ мірѣ слѣпотствуетъ,
Твердитъ: «любви, правдивой нѣтъ!»

Отецъ Василій не ошибся, предполагая, что совершеніе обряда принятія Сусанны Николаевны въ ложу будетъ замѣчено прислугою, среди которой дѣйствительно произошла большая сумятица. Горничныя и молодые лакеи сначала старались изъ наугольной подсмотрѣть въ дверную щелку на то, что дѣлалось въ гостиной. Не довольствуясь этимъ, нѣкоторые изъ нихъ убѣжали въ садъ, влѣзли на балконъ и оттуда смотрѣли въ гостиную. Старая горничная Юлія Матвѣевны, Агапія, предобрая, преглупая и прелюбопытная, принимала участіе въ этомъ подглядываньи; но когда господа сѣли за ужинъ и запѣли, она не выдержала, побѣжала на верхъ и разбудила Юлію Матвѣевну.

— Матушка — барыня, у насъ сегодня бари-то всѣ ряженые были, и Антипъ Ильичъ тоже ряженный, теперь даже кушаетъ съ барями вмѣстѣ... Диковина да и только!—доложила она.

— Кто? Что такое? спросила старушка.

— Антипъ Ильичъ!... Чу, слышите?... Поютъ всѣ!...

— Поютъ!—повторила и Юлія Матвѣевна:—Сусанна, сюда!

— Сусанну Николаевну вамъ позвать?—спросила Агапія.

— Да,—приказала Юлія Матвѣевна.

Агапія проворно побѣжала внизъ, чуть не слѣтѣла съ лѣстницы и, выругавшись при этомъ: «о, те, чортъ, дьяволъ! какая скользкая!» вошла впопыхахъ въ столовую.

— Вотъ и Агапія, сама любовь предстала! — замѣтилъ при этомъ отецъ Василій, знавшій Ага-

пю по исповѣди, на которой она всегда неизвѣстно уже о какихъ грѣхахъ своихъ ревмя ревѣла.

— Матушка, маменька васъ проситъ къ себѣ!— сказала Агапія Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Мы, вѣроятно, ее разбудили!—проговорила та и въ сопровожденіи Агапіи вошла къ матери.

— Тамъ что?—спросила старушка.

— Тамъ, мамаша, мы иразднуемъ сегодня праздникъ.

— А Егорычъ гдѣ?—спрашивала Юлія Матвѣевна, постоянно уже теперь называвшая зятя своего только по отчеству: *Егорычемъ*.

— Подите, Агапія, позовите сюда Егора Егорыча!—приказала Сусанна Николаевна.

— Сейчасъ, матушка, сейчасъ, сударыня!—отозвалась та и побѣжала внизъ съ прежнею-же неосторожностью.

— Я, мамаша, сегодня въ масоны окончательно поступила!—объяснила Сусанна Николаевна, оставшись вдвоемъ съ матерью.

— Такъ, да, — говорила глубокомысленно и съ удовольствіемъ старушка.

Вошелъ Егоръ Егорычъ съ бокаломъ шампанскаго.

— Юлія Матвѣевна, — сказалъ онъ:—вы должны этимъ виномъ поздравить вашу дочь: она сегодня принята въ ложу!

— Знаю, знаю, — говорила старушка, въ одно и то-же время смѣясь и плача.

А между тѣмъ внизу, подъ игру gnädige Frau, раздавалось громкое пѣніе отца Василя, Сверстова и даже Антипа Ильича:

Бѣги отъ насъ, непросвѣщенный
 Объятый тьмою рабъ страстей,
 Мiрскою суетой прельщенный,
 Страшись коснуться сихъ дверей!

X.

Отъ Мартына Степаныча недѣли черезъ двѣ было получено письмо, только адресованное не Егору Егорычу, а на имя Сусанны Николаевны, которая первоначально думала, что это пишетъ ей изъ Москвы Муза; но едва только прочла первую страницу письма, какъ на спокойномъ лицѣ ея отразился ужасъ, глаза наполнились слезами, руки задрожали.

— Господи, неужели это правда!... Бѣдный, бѣдный Валеріанъ! — проговорила она.

— Что такое съ вами, мое прелестное существо? — воскликнула испуганнымъ голосомъ сидѣвшая у нея въ комнатѣ gnädige Frau и бросилась къ Сусаннѣ Николаевнѣ, чтобы поддержать ее.

— Валеріанъ застрѣлился, но, Бога ради, не говорите этого пока Егору Егорычу! — стонала Сусанна Николаевна.

— Зачѣмъ ему говорить?... Зачѣмъ?... — тоже почти стонала и gnädige Frau, поднимая упавшее изъ рукъ Сусанны Николаевны письмо Пилецкаго и быстро пробѣгая его, причѣмъ у нея тоже какъ и у Сусанны Николаевны, задрожали руки и, глаза наполнились слезами.

— Значить, онъ былъ человекъ мало вѣрующій, — сказала она, не зная чѣмъ-бы успокоить Сусанну Николаевну.

— Ахъ, нѣтъ! Онъ былъ вѣрующій, добрый и хорошій человекъ, — говорила голосомъ отчаянія Сусанна Николаевна.

— Но все-таки вы совладѣйте немного съ собой и увѣритесь! — совѣтовала ей gnädige Frau. — Вы припомните, какой подвигъ еще вамъ предстоитъ!... Вы современемъ должны будете сказать о вашемъ несчастіи Егору Егорычу.

— Да, вы правы! — произнесла Сусанна Николаевна и затѣмъ помолчавъ, спросила: — А Егоръ Егорычъ не придетъ сюда, я думаю?

— Нѣтъ, онъ заснулъ, и вы знаете, какъ онъ съ поступленія вашего въ ложу сталъ спокойно поживать.

— Да, но онъ можетъ и проснуться! Вы поскорѣе мнѣ, gnädige Frau, прочтите письмо, а то я дурно разобрала его: у меня рябило въ глазахъ.

Gnädige Frau начала послѣшно читать письмо, но и она во многихъ мѣстахъ не разбирала его и безбожно ошибалась въ окончаніяхъ:

«Начинаю скорбное мое посланіе къ вамъ съ изложенія сказанія объ одномъ чернецѣ, который молился о томъ, чтобы дано было ему увѣдать, что суть суды Божіи. И разъ ему на пути явился ангелъ во образѣ черноризца, и пришли они къ нѣкому отшельнику, который пріялъ ихъ и почтилъ вельми, и когда они пошли отъ него, ангелъ взялъ золотое блюдо и бросилъ его въ море. Во второй день они пришли къ другому страннопріемлющему мужу, и тотъ пожелалъ, чтобы они благословили его сына; но ангелъ, взявъ отрока за гортань, задушилъ его. На третій день они обрѣли пустое зданіе, которое

ангелъ разрушилъ и вмѣсто него построилъ новое. Въ недоумѣніи все это видѣвшій чернецъ спросилъ ангела: «Ангелъ-ли ты еси или бѣсъ!.. У одного старца ты утопилъ блюдо, у другаго удавилъ сына и разрушилъ потомъ пустое зданіе?..» Тогда ему ангелъ отвѣчалъ: «Мнѣ повелѣлъ это Богъ: блюдо было единая вещь у старца, неправильно имъ стяжанная; сынъ-же другаго, если-бы живъ остался, то великому-бы злу хотѣлъ быть виновенъ; а въ зданіи пустомъ хранился кладъ, который я разрушилъ, да никто, ища злата, не погибнетъ здѣсь». И уразумѣйте изъ сего сказанія, что суды Божіи глубины неиспытваемой и недовѣдомой людямъ. Родственникъ вашъ, Валеріанъ Николаичъ Ченцовъ, покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ ружья, не оставивъ никакого объясненія о причинѣ своего самоубійства. Впрочемъ, нѣкоторые изъ его знакомыхъ которыхъ я, по указанію квартирной хозяйки господина Ченцова, посѣтилъ, всѣ мнѣ, отозвавшись, что послѣднее время Валеріанъ Николаичъ совершенно исправился отъ своей разгульной жизни, единогласно утверждали, что застрѣлился онъ отъ несчастной любви къ одной крестьянкѣ, принадлежащей его женѣ и которая, по ходатайству госпожи Ченцовой, была у него отобрана полиціей. Сей случай ясно свидѣтельствуешь, что Валеріанъ Николаичъ имѣлъ душу чувствительную и благородную. Но рѣчь теперь уже не о немъ, а о глубоко-сердечномъ и родственномъ Егорѣ Егорычѣ. Сколь понимаю я не по человѣческимъ какимъ-либо соображеніямъ, а по Божьему внушенію, онъ такъ обезпокоился, когда я ему рассказалъ, что господинъ

Ченцовъ разошелся съ женой, и твердо убѣжденъ, что Егоръ Егорычъ по живому предчувствію уже предугадывалъ, что изъ того можетъ проистечь, и пусть то-же предчувствіе скажетъ ему и нынѣ, въ силу какой правды совершлось и самое столь печальное для всѣхъ событіе. Богъ, можетъ быть, сего не утаитъ отъ него.»

По прочтеніи письма, вызвавшего у дамъ снова обильныя слезы, между ними началось несовсѣмъ складное совѣщаніе о томъ, какъ и когда объявить о семейномъ несчастіи Егору Егорычу.

— Чѣмъ дольше не объявлять, тѣмъ лучше! — рѣшила на первыхъ порахъ gnädige Frau.

— Какъ дольше?!... Егоръ Егорычъ вдругъ можетъ стороною узнать, и что тогда съ нимъ будетъ! — возразила Сусанна Николаевна.

— Какъ онъ можетъ и отъ кого узнать? — спросила gnädige Frau.

— У него много знакомыхъ въ Петербургѣ, которые, пожалуй, ему напишутъ.

На это gnädige Frau не нашлась, что и сказать. Въ первый еще разъ въ жизни своей она до такой степени растерялась, что у нея всѣ мысли какъ-бы перепутались въ головѣ.

— Пусть отецъ Василій объявитъ Егору Егорычу о смерти Валеріана, — придумала Сусанна Николаевна.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвергнула рѣшительнымъ тономъ gnädige Frau: — эти вещи, надобно, чтобы объявляло лицо любящее. Отецъ Василій, я не спорю противъ того, человѣкъ очень умный и ученый, но

не думаю, чтобы онъ вполне былъ привязанъ къ Егору Егорычу.

— Почему? — спросила Сусанна Николаевна, раскрывая въ удивленіи свои глаза на gnädige Frau.

— Потому что онъ русскій попъ! — отвѣчала gnädige Frau, не могшая преодолѣть въ себѣ неприязни къ русскимъ попамъ.

Сусанна Николаевна при этомъ невольно покраснѣла.

— Онъ духовникъ Егора Егорыча, — произнесла она тихо.

— Понимаю, — начала gnädige Frau, но не успѣла договорить своей мысли, потому что въ это время вошелъ Сверстовъ, только-что вернувшійся изъ больницы и отыскивавшій свою супругу. Войдя, онъ сразу-же замѣтилъ, что обѣ дамы были на себя непохожи. Растерявшись и самъ отъ того, что увидѣлъ, онъ за чѣмъ-то сказалъ женѣ:

— Ты здѣсь?

— Здѣсь, — отвѣчала та, стараясь смигнуть снова выступившія на глазахъ ея слезы.

— А вы больны, вѣроятно? — отнесся Сверстовъ къ Сусаннѣ Николаевнѣ, у которой дѣйствительно лицо имѣло совершенно болѣзненное выраженіе.

— Да, немножко... или нѣтъ, ничего... — проговорила она.

— Можетъ быть, случилось что-нибудь? — спрашивалъ Сверстовъ, не могшій понять, что-бы такое могло произойти.

Сусанна Николаевна не отвѣчала.

— Случилось! — объяснила за нее gnädige Frau,

совладѣвшая, сколько могла, съ собой: — Садись и п слушай, не тараторь только, пожалуйста! Сусанна Николаевна получила письмо отъ Мартына Степаныча Пилецкаго, который пишетъ, что Валеріанъ Николаичъ Ченцовъ отъ несчастной любви застрѣлся.

— Къ кому отъ любви? — воскликнулъ Сверстовъ, удивленный и испуганный.

— Къ крестьянкѣ одной, — сказала gnädige Frau, несовсѣмъ вѣрившая, чтобы Ченцовъ отъ любви пменно застрѣлся, и относившая это къ тому, что онъ очень развратился и запутался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ.

— Что же эта крестьянка не любила его? — допытывался Сверстовъ.

— Напротивъ, вѣроятно, любила, но жена Валеріана, которой она принадлежала, отняла ее у него, — объяснила ему Сусанна Николаевна,

— Ну да-съ, да! — произнесъ на это протяжно укоризненнымъ голосомъ докторъ. — Этого надобно было ожидать, я вотъ тогда хотѣлъ ѣхать къ Валеріану Николаичу, а вы, gnädige Frau, не пустили меня; такимъ образомъ, малаго, который, я убѣжденъ, былъ отличнѣйшій господинъ, бросили на произволь судьбы.

— Я сознаюсь, что тогда была неправа, — проговорила, вспыхнувъ въ лицѣ, gnädige Frau.

— Вы тогда всё рѣшили, чтобы ждать, ну я дождался! — продолжалъ тѣмъ-же укоризненнымъ тономъ Сверстовъ.

— Довольно ужъ объ этомъ!... Будетъ!... — остановила его съ досадой gnädige Frau. — Мы теперь

разсуждаемъ. какъ намъ объявить Егору Егорычу?

— Какъ объявить?!... Пойти да и объявить! — рѣшилъ Сверстовъ.

— Мой милый докторъ, — отнеслась къ нему какъ-бы съ мольбой Сусанна Николаевна: — я подумать боюсь, какъ это подѣйствуетъ на Егора Егорыча.

Gnädige-же Грац просто прикрикнула на мужа:

— Ты, по своей торопливости, становишься безжалостнымъ! Развѣ можно человѣку сказать про такое несчастье, не подготовивъ его?!

— Ну, да, ждать по твоему! — отвѣтилъ ей тоже съ запальчивостью Сверстовъ. — Когда человѣку, можетъ быть, угрожаетъ антоновъ огонь, а все-таки жди, подготавливай!... Какъ-бы мы въ операціяхъ ждали, такъ, пожалуй-бы, ни одна изъ нихъ и не удалась.

Въ сущности Сверстовъ торопился произвести надъ своимъ другомъ нравственную операцію единственно по своей искренней любви къ Егору Егорычу и изъ страха за него. «Ну,—думалъ онъ въ своей курчавой головѣ,—рѣшить вопросъ, такъ рѣшить сразу, а тамъ и видно будетъ, что потомъ слѣдуетъ предпринять.»

— И почему вы думаете, — заговорилъ онъ почти съ азартомъ: — что Егоръ Егорычъ такая старческая и слабая натура! Я видалъ его въ горяхъ посильнѣе нынѣшняго; онъ, конечно, былъ поражаемъ, но потомъ снова ободрялся и становился еще сильнѣе прежняго.

— Но ты забываешь, — урезонивала его gnädige

Грау: — до какой степени Егоръ Егорычъ встревожился, когда только узналъ, что племянникъ женился на дочери господина Крапчика.

— То другое дѣло!... Другое! — перебилъ свою супругу докторъ: — то находилось въ области гаданій и неизвѣстности, что всегда поражаетъ людей съ фантазійей, каковъ Егоръ Егорычъ, больше, чѣмъ встрѣча прямо лицомъ къ лицу съ совершившимся горемъ и несчастіемъ.

— А это еще больше, разумѣется, поразить его, — проговорила печально Сусанна Николаевна.

— Непремѣнно поразить! — согласилась съ ней gnädige Frau. — И ты когда-же намѣренъ сказать Егору Егорычу? — отнеслась она къ мужу.

— Сегодня за чаемъ, — отвѣчалъ тотъ.

Услыхавъ такое рѣшеніе, Сусанна Николаевна затрепетала всѣмъ тѣломъ, да покорило оно и gnädige Frau. Что касается до Сверстова, то онъ нервно потиралъ себѣ руки, приготовляясь къ труднѣйшей для него, но необходимой операціи. Моментъ совершенія этой операціи насталъ весьма скоро. Егоръ Егорычъ проснулся и, выйдя въ гостиную, послалъ Антипа Ильича собрать свое кузьмищевское общество. Всѣ сошлись къ нему и усѣлись на обычная мѣста свои. Gnädige Frau съ великою досадою на себя чувствовала, что у нея на половину убавилось прежней твердости характера; Сусанна Николаевна старалась объ одномъ, чтобы мужъ не видѣлъ выраженія ея лица, Сверстовъ былъ неестественно веселъ; Егоръ же Егорычъ точно нарочно являлъ во всей своей фигурѣ полнѣйшее спокойствіе духа. Чай былъ поданъ съ обычною церемонностью Антипомъ Ильичомъ.

Докторъ, беря свою чашку, подлилъ въ нее значительное количество рому и поспѣшно выпилъ ее.

— Ну-съ, — началъ онъ нѣсколько протяжно: — Мартынъ Степанычъ прислалъ намъ извѣстiе: Валерiанъ Николаичъ покончилъ съ собой!... Его нѣтъ болѣе въ живыхъ!

Егоръ Егорычъ строго взглянулъ на Сверстова.

— Какимъ образомъ покончилъ?—спросилъ онъ.

— Застрѣлся!—объяснилъ тотъ.

— Оставилъ послѣ себя какую-нибудь записку, по чему и для чего онъ это сдѣлалъ?

— Никакой!... Вѣроятно, потому что жизнь надоѣла.

— Гдѣ и у кого письмо Мартына Степаныча?

— У меня!—отвѣчала Сусанна Николаевна и подала мужу письмо Пилецкаго.

Егоръ Егорычъ быстро пробѣжалъ его.

— Пожинаю плоды отъ дѣлъ моихъ,—произнесъ онъ ироническимъ тономъ и стукнувъ ногой.

Затѣмъ всталъ вдругъ съ своего мѣста и довольно быстрыми шагами принялся ходить взадъ и впередъ по гостиной, безпрестанно хватая себя за голову и ероша свои волосы.

— Высадте!... Не ходите! Ходьба еще больше усиливаетъ волненiе, что при теперешнемъ вашемъ душевномъ настроенiи не хорошо,—замѣтилъ ему докторъ.

— Не хорошо, вы думаете?—переспросилъ Егоръ Егорычъ.

— Очень даже! Садитесь!—повторилъ докторъ.

Егоръ Егорычъ снова сѣлъ на диванъ.

— Не чувствуете-ли вы теперь чего-нибудь особеннаго? — добавилъ Сверстовъ.

— Я ничего даже теперь не чувствую, — произнесъ, горько усмѣхнувшись, Егоръ Егорычъ.

— А не хотите-ли вы воды? — предложила было gnädige Frau.

— Какой воды!... Глупости! — отвергнулъ докторъ: — вина бы, по моему, слѣдовало выпить!

Gnädige Frau почти со всѣхъ ногъ бросилась и принесла стаканъ и бутылку краснаго вина. Сверстовъ поспѣшилъ налить цѣлый стаканъ, который и подалъ Егору Егорычу. Тотъ, съ своей стороны, жадно выпилъ все вино, послѣ чего у него въ лицѣ заигралъ маленькій румянецъ.

Во все это время Сусанна Николаевна, сидѣвшая рядомъ съ мужемъ, глазъ не спускала съ него и, видимо, боясь спрашивать, хотѣла по крайней мѣрѣ, по выраженію лица Егора Егорыча, прочесть, что у него происходитъ на душѣ. Наконецъ, онъ взялъ ея руку и крѣпко прижалъ ту къ подушкѣ дивана.

— Ну, ты мнѣ осталась, — проговорилъ онъ.

— Оставайтесь и вы для меня! — сказала Сусанна Николаевна и, не выдержавъ долѣе, заплакала.

— Остаюсь и я! — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ и, не медля послѣ этого, поднявъ голову, сказалъ, обращаясь къ Сусаннѣ Николаевнѣ: — Тутъ, сколько это видно по письму Мартына Степаныча, мнѣ никакихъ не слѣдуетъ дѣлать распоряженій!

— Да какія-же распоряженія, я не вижу, — отозвалась она: — можетъ быть, откроются какіе-нибудь долги...

— О, это я немедля-же заплачу! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

На этомъ собственно настоящій вечеръ и кон-

чился, но на другой день Егоръ Егорычъ началъ всё въвншать серьезное опасеніе: онъ не то чтобы сдѣлался боленъ, а какъ-бы затихъ совсѣмъ и все прилегалъ то на одинъ диванъ, то на другой; ни за обѣдомъ, ни за ужиномъ ничего не ѣлъ, ночи тоже не спалъ.

Сусанна Николаевна стала со слезами умолять доктора сказать ей откровенно, что такое съ Егоромъ Егорычемъ.

— Ничего особеннаго, кромѣ нѣкотораго угнетеннаго состоянія, которое съ теченіемъ времени пройдетъ!—увѣрялъ ее тотъ клятвенно.

— Его надобно развлекать и не давать ему задумываться!—замѣтила gnädige Frau.

— Это такъ, справедливо!—одобрилъ такое мнѣніе супруги докторъ.

— И я сегодня-же заведу съ нимъ разговоръ, который, я знаю, очень его заинтересуетъ,—присовокупила та, нѣсколько лукаво прищуривая свои глаза, и вечеромъ, съ наступленіемъ котораго Егоръ Егорычъ сталъ еще мрачнѣе, она, въ присутствіи, конечно, Сусанны Николаевны и доктора, будто-бы такъ случайно спросила Егора Егорыча:

— Скажите, въ которомъ году швы тудировали въ Геттингенѣ?

Такой вопросъ удивилъ нѣсколько Егора Егорыча.

— Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ, въ восемьсотъ шестомъ, седьмомъ, что-то вотъ такъ!—проговорилъ онъ безъ всякаго вниманія къ своему отвѣту.

— Значить, —разсчитала gnädige Frau: —я десять

лѣтъ спустя послѣ васъ была въ Гёттингенѣ и провела тамъ цѣлое лѣто!... Неправда-ли, что прелестный городокъ?

— Городъ умный и ученый!—сказалъ Егоръ Егорычъ.

— И поэтическій!—дополнила съ чувствомъ gnädige Frau.

— Пожалуй, и поэтическій, благодаря университету!—замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Кромѣ того, и по окрестностямъ своимъ!... Одинъ Гардъ чего стоитъ!... Онъ какія-то волшебныя картины представляетъ! — воскликнула gnädige Frau съ одушевленіемъ, но такъ какъ Егоръ Егорычъ ничего ей на это не отвѣтилъ, то она продолжала, обращаясь къ Сусаннѣ Николаевнѣ:

— Вообразите, у васъ передъ глазами цѣлый хребетъ горъ, и когда вы поднимаетесь, то направо и налево на каждомъ шагу видите, что съ горъ текутъ быстрые ручьи и даже рѣчки съ чистой, какъ кристаллъ, водой... А сколько въ нихъ форелей и какого вкуса превосходнаго, описать трудно. Вотъ ты до рыбы охотникъ, тебѣ-бы тамъ слѣдовало жить! — отнеслась gnädige Frau въ заключеніе къ мужу своему, чтобы сообщая съ нимъ развлекать Егора Егорыча.

— Повѣль-бы! — отвѣтилъ тотъ ей лаконически.

Онъ очень хорошо видѣлъ, что разговоръ gnädige Frau нисколько не занималъ Егора Егорыча, который слушалъ ее почти что дремля.

Сусанна Николаевна тоже это видѣла и даже довольна была тѣмъ, полагая, что Егоръ Егорычъ, можетъ быть, заснетъ.

— Вамъ-бы прилечь теперь!—сказала она.

— Непремѣнно надобно прилечь и заснуть! — воскликнулъ докторъ.

— Хорошо!—произнесъ покорно Егоръ Егорычъ и вставъ пошелъ въ свою спальню. Сусанна Николаевна послѣдовала за нимъ. Тамъ онъ прилегъ на постель. Сусанна Николаевна сѣла около и, взявъ его руки, начала ихъ согрѣвать. Егоръ Егорычъ лежалъ совершенно тихо, но она очень хорошо чувствовала, что онъ не спитъ.

Прошло потомъ еще нѣсколько такихъ-же печальныхъ дней, и Егоръ Егорычъ по-прежнему оставался въ какомъ-то апатичномъ состояніи. Сверстовъ, какъ врачъ, окончательно убѣдился, что другъ его страдаетъ меланхоліей. Пожалѣвъ, что при господскихъ домахъ перевелись шуты, онъ задумалъ, за отсутствіемъ оныхъ, самъ лѣчить Егора Егорыча смѣхомъ, ради чего сталъ при всякомъ удобномъ случаѣ рассказывать разные забавные анекдоты, обнаруживая при этомъ замѣчательный юморъ; но, къ удивленію своему, докторъ видѣлъ, что ни Егоръ Егорычъ, ни Сусанна Николаевна, ни gnädige Frau не улыбались даже; можетъ быть, это происходило отъ того, что эти три лица, при всемъ ихъ умѣ, до тупости не понимали смѣшнаго! Тогда Сверстовъ рѣшился укрѣплять нервы своего пациента воздухомъ и почти насильно заставлялъ его кататься на тройкѣ въ самые холодные и вѣтренные дни и, всегда самъ сопровождая при этомъ Егора Егорыча, приказывалъ кучеру нести въ всѣ лопатки и по мѣстамъ преимущественно открытымъ, дабы больной какъ можно болѣе вдыхалъ <http://eicm.org.pl> и, такимъ обра-

зомъ, изъ меланхолика снова превратился-бы въ сангвиника; но и то не помогало: Егоръ Егорычъ, конечно, возвращался домой нѣсколько бодрѣе, но не надолго. Наконецъ, Сусанна Николаевна, понимавшая, вѣроятно, глубже Сверстовыхъ сердце Егора Егорыча, избрала иное средство помочь ему. Въ одно утро, не сказавъ никому ни слова, она отправилась пѣшкомъ къ отцу Василю, который, конечно, и передъ тѣмъ послѣ постигшаго Марейныхъ горя бывалъ у нихъ почти ежедневно; но на этотъ разъ Сусанна Николаевна, рассказавъ откровенно все, что происходить съ ея мужемъ, умоляла его придти къ нимъ уже прямо для поученія и подкрѣпленія Егора Егорыча. Отецъ Василій, разумѣется, изъявилъ полную готовность и въ тотъ-же день вечеромъ пришелъ къ Марейнымъ. Сусанна Николаевна, нетерпѣливо поджидавшая отца Василя, встрѣтила его почти-что въ передней.

— А мнѣ можно будетъ вмѣстѣ съ вами быть у мужа?—спросила она.

— Отчего-же? — отвѣчалъ отецъ Василій: — вы мнѣ поможете, а я вамъ въ нашемъ общемъ подвигѣ утѣшенія вашего супруга.

Затѣмъ они пошли и застали Егора Егорыча сидящимъ противъ портрета Юнга и какъ-бы внимательно разсматривающимъ тонкія и пріятныя черты молодого лица поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ на столѣ лежала передъ нимъ развернутая небольшая, въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, книжка.

Поздоровавшись съ Егоромъ Егорычемъ и благословивъ его, отецъ Василій сѣлъ по одну сторону стола, а Сусанна Николаевна по другую.

— Что это вы почитываете?—первое, что спросилъ отецъ Василій.

— Юнговы ночи! — сказалъ отрывисто Егоръ Егорычъ.

— По-англійски?—произнесъ нѣсколько семинарскимъ акцентомъ отецъ Василій.

— Нѣтъ, въ переводѣ Сергѣя Глинки, очень дубовомъ, но вѣрномъ.

— Можно взглянуть?—полюбопытствовалъ отецъ Василій, беря книжку.

Егоръ Егорычъ кивкомъ головы разрѣшилъ ему это.

Отецъ Василій взглянулъ на развернутую страничку и даже прочелъ ее вполголоса:

«Увы, не можетъ день вмѣстить тоски моей,
И ночь, мрачнѣйша ночь не можетъ быть сравнена
Съ страданьемъ тѣмъ, какимъ душа моя сражена!
Уже она въ сей часъ, въ часъ общей тишины,
Когда страны небесъ луной осребрены,
Стопою медленной на мрачный тронъ вступаетъ;
Простерла жезлъ,—и ходъ природа прекарщаетъ.
Непроницаемой завѣсой міръ покрытъ;
Оцѣпенѣли слухъ и взоръ, все смолкло, спить,
Все смерти, кажется, объемлется рукою:
Ахъ, сколь мятется духъ сей общей тишиною!
Такъ образъ то живой разрушенныхъ міровъ!
О, день, ужасный день, послѣдній день вѣковъ!
Приди! лишь ты одинъ прервешь мое страданье!»

— А этого-бы вамъ не слѣдовало читать,—произнесъ отецъ Василій, серьезнымъ тономъ и кладя книжку на столъ.

Егоръ Егорычъ вопросительно взглянулъ на него.

— Юнгъ—безспорно великій поэтъ,—разсуждалъ отецъ Василій:—но онъ нивакъ не облегчитель и не укротитель печали, а скорѣе питатель ея. Испытывая многократно мое собственное сердце и зная по исповѣди сердца многихъ другихъ людей, я напередъ увѣренъ, что каждое слово изъ прочитанной мною теперь странички вамъ сладостно!

— Сладостно!—сознался Егоръ Егорычъ.

— Но какъ-же вы,—возразилъ ему отецъ Василій:—забыли ученія нашихъ аскетовъ, столь знакомыхъ вамъ и столь вами уважаемыхъ, которые строго повелѣваютъ отгонять отъ себя духъ унынія и разрѣшаютъ печалованье только о грѣхахъ своихъ?

— Я о грѣхѣ моемъ и печалюсь, — забормоталъ Егоръ Егорычъ:—изъ него теперь и проистекло наше семейное несчастіе.

— А гдѣ-же и въ чемъ вы тутъ находите грѣхъ вашъ? — спросилъ отецъ Василій уже величавымъ голосомъ.

Сусанна Николаевна трепетала отъ радости, слыша, какъ искусно отецъ Василій навелъ разговоръ на главную причину страданій Егора Егорыча.

— Какъ гдѣ и въ чемъ? — воскликнулъ тотъ:—развѣ не я допустилъ роднаго моего племянника совершить надъ собой самоубійство?

— Почему вы это думаете, что вы?—произнесъ, разводя руками, отецъ Василій.

— Потому,—забормоталъ Егоръ Егорычъ:—что я пренебрегъ его воспитаніемъ, и изъ него вышелъ недоучка.

— Позвольте, позвольте! — остановилъ Егора

Егорыча отецъ Василій.—Васъ, вашего племянника и его мать, вашу сестрицу, я знаю давно, съ Москвы еще, и знаю хорошо... Сестрица ваша, скажу это при всемъ моемъ уваженіи къ ней, умѣла только любить сына и желала баловать его.

— Это такъ!... Но я-то тутъ какой же пѣшкой и болваномъ былъ?— снова воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Вы тутъ ничѣмъ не могли быть! Сестрица ваша нарочно разсорилась съ вами, чтобы только вы не беспокоили ея Валера своими наставленіями и выговорами... Она мнѣ въ этомъ сама открылась.

— Признавалась она вамъ въ этомъ?—переспросилъ Егоръ Егорычъ.

— Совершенно отврвенно, и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбѣла душой, что находится въ непріязни съ вами... Неужели вы это отвергаете?

Егоръ Егорычъ вздохнулъ и печально мотнулъ головой: ему живо припомнилась вся эта минувшая исторія, какъ сестра, совершенно несправедливо заступившись за сына, разбранила Егора Егорыча самыми ѣдкими и оскорбительными словами и даже просила его избавить отъ своихъ посѣщеній, и какъ онъ, не смотря на то, все-таки пріѣзжалъ къ ней нѣсколько разъ, какъ потомъ онъ ей писалъ длинныя письма, желая внушить ей все безуміе подобнаго отношенія къ нему, и какъ на эти письма не получилъ отъ нея ни строчки въ отвѣтъ.

— Нисколько не отвергаю того, но... — заговорилъ было онъ.

— Никакого *но* тутъ не существуетъ,—перебилъ его отецъ Василій:—тѣмъ болѣе, что послѣ смерти

вашей сестрицы развѣ вы не поспѣшили помириться съ вашимъ племянникомъ и не предались горячему желанію просвѣтить его масонствомъ?

— Да, я желалъ этого, горячо желалъ, — подтвердлъ Егоръ Егорычъ: — но что изъ того вышло?... Одно безобразіе, скандалъ!...

— И въ томъ вы не виноваты, ибо того, что случилось, нельзя было ни предусмотрѣть, ни предотвратить. Сосудъ былъ слишкомъ надломленъ, чтобы починить его.

Егоръ Егорычъ на это ничего не отвѣтилъ, и на глазахъ его замѣтно искрились слезы.

— Мы всѣ созданы, — заговорилъ отецъ Василій снова назидательнымъ тономъ: — не для земныхъ нашихъ привязанностей, а для того, чтобы возвратиться въ лоно Бога въ той духовной чистотѣ, каковая была вдохнута первому человѣку въ часъ его сотворенія, но вы вашимъ печалованіемъ отвращаетесь отъ того. Въ постигшемъ васъ горѣ вы нисколько не причастны, и оно постигло васъ по мудрымъ путямъ Божиимъ.

— То-же самое писалъ Егору Егорычу и Мартынъ Степаичъ; вотъ его письмо, прочитайте! — проговорила Сусанна Николаевна и съ нервною тропливостью подала письмо отцу Василю, который прочелъ его и проговорилъ, обращаясь къ Егору Егорычу:

— То-же, что и я вамъ говорю: печаль неосновательная и серьезно необдуманная нами влечетъ ропотъ. Припомните, Егоръ Егорычъ, какимъ вы нѣкогда нашли меня, растеряннаго и погибающаго! Неужели я справедливъ тогда былъ? не являлся-ли

я безумствующимъ рабомъ передъ моею житейскою невзгодой? Примомните, что вы мнѣ тогда сказали? Вы сказали, что и Христосъ Лазарю: возстань и гряди!... Сіе-же и я вамъ реку, Егоръ Егорычъ: — возстаньте и грядите!

Слова эти замѣтно подѣйствовали на Егора Егорыча внушительнымъ и ободряющимъ образомъ: выраженіе лица его если не сдѣлалось веселѣе, то стало какъ-то мужественнѣе.

Отецъ Василій, конечно, все это замѣтившій, постарался подкрѣпить свои поученія изреченіями аскетовъ:

— Исаакъ святой, — началъ онъ: — сказалъ ниже-слѣдующее: «Уста не ропщущія, но всегда благодарныя, удостоиваются благословенія Бога; но того, кто всегда предается ропотливости, Онъ не оставитъ безъ наказанія».

— Я не ропщу, но я упалъ и приникъ духомъ! — возразилъ Егоръ Егорычъ.

— Не-зачѣмъ, не нужно! Если Богъ поразилъ васъ жезломъ гнѣва своего, что Онъ часто дѣлаетъ для испытанія даже святыхъ людей, то неужели-же вы вознегодуете на Него за то?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ Егоръ Егорычъ.

Сусанна Николаевна при этомъ радостно умилилась душой: вѣдая хорошо мужа, она ясно убѣдилась, что онъ воспрянулъ духомъ.

XI.

Тулузова приношеніе было принято въ Петербургѣ; жертвователъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра четвертой степени. Ивану Петровичу тоже прислана была благодарность отъ начальства съ порученіемъ немедленно приступить къ расширенію гимназическаго помѣщенія. Старикъ принялся неистово хлопотать и увѣдомилъ съ нарочнымъ Тулузова о награжденіи его желаннымъ крестомъ. Тулузовъ не замедлилъ лично явиться въ губернской городъ для выраженія своей благодарности господину директору и, получая изъ рукъ Ивана Петровича патентъ на орденъ, тутъ-же, не задумавшись, сдѣлалъ новое предложеніе:

— Сколько я осчастливленъ этой наградой, могу доказать это тѣмъ,—сказалъ онъ:—что готовъ еще пятьдесятъ тысячъ пожертвовать на устройство пансіона для дворянскихъ дѣтей, съ единственнымъ условіемъ, чтобы я назначенъ былъ почетнымъ попечителемъ гимназіи.

— Да, непременно!... Что тутъ и говорить!... Кого-же и назначить, какъ не васъ?...—воскликнулъ Иванъ Петровичъ, одновременно потрясая своимъ краснымъ носомъ и толстымъ животомъ своимъ, но потомъ, сообразивъ, присовокупилъ нѣсколько опѣшеннымъ голосомъ:—Только вотъ тутъ одно: на эти мѣста назначаетъ не министерство наше, а выбираютъ дворяне!...

— Это я знаю хорошо съ,—отвѣтилъ ему Тулу-

зовъ:—но вы извольте принять въ расчетъ, что я вношу эту сумму исключительно на учрежденіе дворянскаго пансіона. Надѣюсь, что господа дворяне поймутъ, для чьей пользы я это дѣлаю, и оцѣнятъ мой поступокъ.

— Какъ-же не понять, помилуйте! Не олухи же они царя небеснаго!—горячился Иванъ Петровичъ.— Но теперь вопросъ, какъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать въ вашу пользу?... Когда по начальству это шло, я взялъ да и написалъ, а тутъ какъ и что я могу сдѣлать?... Конечно, я сегодня поѣду въ клубъ и буду говорить тому, другому, пятому, десятому; а кто ихъ знаетъ, послушаютъ-ли они меня; будутъ, пожалуй, только хлопать ушами... Я даже не знаю, когда баллотировка наступитъ...

— Баллотировка наступитъ въ началѣ будущаго года!—объяснилъ Тулузовъ:— и говорить отдѣльно каждому лицу, имѣющему право выбора, бесполезно. Гораздо лучше пока обратиться къ губернскому предводителю.

— Превосходнѣйшая мысль!... Отличнѣйшая!...— говорилъ искреннимъ голосомъ Иванъ Петровичъ:— я къ губернскому предводителю поѣду, когда вы только прикажете; онъ хоть чехвалъ и фанфаронъ, но онъ любитъ дворянство, преданъ ему, и я напередъ увѣренъ, что съ сочувствіемъ приметъ ваше благое дѣло.

— Поѣхать-бы я васъ просилъ,—сказалъ на это Тулузовъ:— завтра, часовъ въ одиннадцать утра, когда господинъ предводитель только еще просыпается и пьетъ чай; вы съ нимъ предварительно переговорите, передадите ему, какъ сами смотрите на мое

предложеніе, а часовъ въ двѣнадцать и я явлюсь къ нему!

— Отлично!... Безподобно!... — восклицалъ Иванъ Петровичъ, и когда Тулузовъ сталъ съ нимъ прощаться, онъ, по обыкновенію, обнялъ его крѣпко и расцѣловался съ нимъ, послѣ чего Тулузовъ поспѣшно обтеръ себѣ платкомъ лицо, которое Иванъ Петровичъ отъ полноты чувствъ обмазалъ слюнями.

На другой день въ одиннадцать часовъ Артасевъ, конечно, прѣвхалъ къ губернскому предводителю, жившему въ огромномъ домѣ Петра Григорьича, за который онъ хоть и долженъ былъ платить тысячу рублей въ годъ, но еще въ продолженіе двухъ лѣтъ ни копѣйки не внесъ въ уплату сей суммы, и здѣсь я считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія читателя, что сей преемникъ Крапчика являлъ совершенную противоположность своему предшественнику. У Петра Григорьича всегда было много денегъ, и онъ былъ въ этомъ отношеніи, по своему, честенъ: не любя уступать и давать своихъ денегъ другимъ, онъ за то и не одолжался ими ни у кого; нынѣшній-же губернской предводитель тоже никогда никому не давалъ денегъ, можетъ быть, потому, что у него ихъ никогда не было въ сколько-нибудь сносномъ числѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ онъ ссужался у всѣхъ, кто только имѣлъ глупость или надобность не отказывать ему. По наружности и манерамъ своимъ Петръ Григорьичъ былъ солдатъ, а преемникъ его — маркизь, съ подбородкомъ, выдающимся впередъ, съ небольшими красивыми руками, съ маленькими высокоподъемистыми ногами. По-французски онъ говорилъ правильнѣе и чище, чѣмъ по-русски. Крапчикъ, какъ мы знаемъ, выслужился изъ

ничтожества, а настоящій губернской предводитель былъ князь и происходилъ отъ стариннаго аристократическаго рода, давно уже, впрочемъ, захудалаго и обѣднѣвшаго. Въ молодости, служа въ гвардіи и будучи мужчиною красивымъ и ловкимъ, князь существовалъ на счетъ слабости женщинъ, потомъ женился на довольно, казалось бы, богатой женщинѣ, но это пошло не въ прокъ, такъ что, бывъ еще уѣзднымъ предводителемъ, успѣлъ все женино состояніе выпустить въ трубу и нынѣ существовалъ болѣе старымъ кредитомъ и нѣкоторыми другими средствами, о которыхъ намъ потомъ придется нѣсколько догадаться.

Сначала губернской предводитель слушалъ довольно равнодушно, когда Иванъ Петровичъ повѣствовалъ ему, что вотъ одинъ добрый человекъ изъ мѣщанскаго сословія, движимый патріотическими и христіанскими чувствами, сдѣлалъ пожертвованіе въ тридцать тысячъ рублей для увеличенія гимназіи, за что и получилъ отъ правительства Владимира.

— Ужь не на шею-ли даже?... — замѣтилъ при этомъ не безъ ироніи губернской предводитель.

— Гдѣ-жь на шею?... Будетъ съ него, что и въ петлицу дали; все-таки, согласитесь, получилъ чрезъ то дворянство,—продолжалъ Артасьевъ:—и онъ такъ за это благодаренъ, что жертвуетъ еще пятьдесятъ тысячъ на учрежденіе дворянскаго пансіона при гимназіи съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы дворянство выбрало его въ почетные попечители.

Послѣдними словами Артасьева губернской предводитель окончательно возмутился.

— Иванъ Петровичъ, что вы такое говорите!— началъ онъ:—какого-то тамъ вчера только испечен-

наго дворянина выбрать на такую видную должность! Что-же послѣ этого должны будутъ сказать родовые дворяне, которымъ будетъ этимъ дана чисто пощечина?

— Но вы поймите, — старался убѣдить его Иванъ Петровичъ: — дворянство это сдѣлаетъ за пожертвованіе имъ денегъ, на которыя двадцать или даже тридцать мальчиковъ получаютъ воспитаніе, будутъ лучшими гражданами своего отечества и образованными слугами государя. И что это за предразсудокъ, въ дѣлѣ столь полезномъ ставить вопросъ о томъ, что по кресту-ли дворянинъ или по рожденію?

— Вы ошибаетесь!... Это не предразсудокъ! Тогда какое-же это будетъ дворянское сословіе, когда въ него можетъ поступить каждый, кто получить крестъ, а кресты стали давать нынче за деньги... Признаюсь, я не понимаю правительства, которое такъ поступаетъ!... Иначе, ужь лучше совсѣмъ уничтожить дворянское сословіе, а то гдѣ-же тутъ будетъ какая-нибудь преемственность крови?... Что-же касается до вашего жертвователя, то я не знаю, какъ на это взглянуть дворянство, но самъ я лично положу ему налѣво.

— И грѣхъ вамъ будетъ, грѣхъ! — воскликнулъ почти что со слезами Иванъ Петровичъ.

Въ это время вошелъ хоть и въ сильно поношенномъ, но ливрейномъ фракѣ лакей.

— Господинъ Тулузовъ, управляющій госпожи Ченцовой, желаетъ видѣть ваше сіятельство! — доложилъ онъ своему барину.

— А вотъ значитъ и самъ жертвователъ пріѣхалъ!—добавилъ къ этому Иванъ Петровичъ.

При одномъ имени Тулузова губернской предводитель нѣсколько смутился, а отъ словъ Ивана Петровича растерялся.

— Развѣ этотъ жертвователъ господинъ Тулузовъ?—спросилъ онъ.

— Онъ, онъ именно самый!—подтвердилъ Иванъ Петровичъ.

Губернскій предводитель рѣшительно не зналъ, что ему предпринять.

— Проси!—приказалъ онъ медленно лакею.
Тотъ ушелъ.

— У меня съ господиномъ Тулузовымъ есть свое небольшое дѣло, и я просилъ-бы васъ, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, перейти на короткое время въ гостиную: я въ нѣсколько минутъ переговорю съ господиномъ Тулузовымъ, а потомъ и васъ снова приглашу сюда, чтобы разсудить о предполагаемомъ дворянскомъ пансіонѣ.

— Пожалуйста, пожалуйста! сколько угодно вамъ посижу и подожду!—произнесъ простодушный старикъ и вышелъ изъ кабинета.

Губернскій предводитель постарался придать своему лицу ласковое выраженіе, но, впрочемъ, не безъ важности.

Тулузовъ вошелъ, я не скажу, чтобы величаво, но совершенно спокойно, какъ входитъ обыкновенно равный къ равному. Одѣтъ онъ былъ въ черный фракъ съ висѣвшимъ Владиміромъ въ петлицѣ и распространялъ отъ себя по тогдашней модѣ довольно чувствительный запахъ пачули.

Губерискій предводитель дружески пожалъ ему руку и просилъ садиться.

Тулузовъ сѣлъ.

— Давно вы пріѣхали въ нашъ богоспасаемый градъ?—началъ губерискій предводитель.

— Вчера!—отвѣчалъ Тулузовъ.

— Но какъ вамъ совѣстно остановиться не у меня?—укорилъ его хозяинъ:—отдѣленіе, которое вы прежде всего занимали у Петра Григорьича, у меня совершенно свободно.

— Я не могъ этого сдѣлать, потому что и Катерина Петровна тоже здѣсь.

— Здѣсь?—воскликнулъ какъ-бы и радостнымъ голосомъ губерискій предводитель:—Гдѣ-жь она остановилась?... Опять въ гостиницѣ Архипова?

— Тамъ!

— Mais dites-moi,—продолжалъ губерискій предводитель:—не беспокоится-ли Катерина Петровна, что я такъ не аккуратенъ въ уплатѣ ей денегъ за квартиру?

— Не думаю, чтобы очень беспокоилась, но была-бы, разумѣется, довольна, еслибы вы уплатили ихъ ей,—проговорилъ Тулузовъ съ небольшою улыбкой, которая показалась предводителю почти улыбкой дьявола.

— Въ такомъ случаѣ я непременно пріѣду самъ успокоить ее и извиниться передъ нею,—произнесъ смущеннымъ голосомъ предводитель.

— Нѣтъ-съ, не нужно этого!—возразилъ ему Тулузовъ:—Катерина Петровна не вполнѣ и знаетъ это, потому что дѣлами этими исключительно занимаюсь я, и отъ меня все зависитъ.

— Отъ васъ?—переспросилъ губернской предводитель.

— Отъ меня, и я собственно пріѣхалъ сюда по совершенно иному дѣлу, которымъ очень заинтересованъ и по которому буду просить васъ посодѣйствовать мнѣ... Жаль только, что я Ивана Петровича Артасьева не вижу у васъ: онъ тоже хотѣлъ непременно пріѣхать къ вамъ съ такого-же рода просьбою.

— Онъ у меня и сидитъ только въ гостиной.

— Поэтому онъ передалъ вамъ, въ чемъ мое дѣло состоитъ.

— Все до малѣйшихъ подробностей, и я только желалъ-бы поточнѣе узнать отъ васъ, какого рода содѣйствія вы желаете имѣть отъ меня?

— Содѣйствія въ томъ отношеніи, чтобы вы повліяли на дворянъ, которые, какъ мнѣ извѣстно, всѣ очень васъ уважаютъ и любятъ; достаточно, я думаю, вамъ сказать имъ слово за меня, чтобы я былъ выбранъ на должность, которую мнѣ необходимо получить.

— Въ этомъ словѣ за васъ вы можете не сомнѣваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ я за всѣхъ поручиться не могу по многимъ причинамъ: вы человѣкъ новый среди дворянства, пришлый, такъ сказать; вы государственной службы, если я не ошибаюсь, совсѣмъ не несли; потомъ, вы человѣкъ молодой, неженатый, значить не были еще членомъ нашего общества. Во всемъ этомъ, можетъ быть, неосновательныя предубѣжденія, однако, они, я знаю, существуютъ между здѣшнимъ дворянствомъ; кромѣ того, у

меня есть и враги, которые потому положатъ вамъ нагѣво, что я буду за васъ.

— Но, какъ-бы то ни было, я увѣренъ,—возразилъ Тулузовъ:—что на баллотировкѣ вы будете имѣть сильную партію, и партію, надобно сказать, состоящую изъ лучшихъ лицъ дворянства, въ которыхъ вы легко можете разсѣять предубѣжденія, если они будутъ имѣть ихъ противъ меня.

— Что я буду имѣть партію, и партію лучшихъ людей въ губерніи, это правда!...—началъ было губернской предводитель.

— А мнѣ только того и нужно!—перебилъ его Тулузовъ.

— А если этого только и нужно, такъ это дѣло, значить, конченное!—заклучилъ губернской предводитель и затѣмъ, склонивъ голову къ дверямъ кабинета, довольно громко крикнулъ:—*Mon cher, monsieur Artashev, entrez chez nous s'il vous plait!*

Иванъ Петровичъ не замедлилъ войти и, мучимый чувствомъ нетерпѣнія, прежде всего обратился къ Тулузову и спросилъ:

— По нашему дѣлу переговоры что-нибудь съ его превосходительствомъ?

— Переговорилъ!—отвѣчалъ тотъ и опять, какъ показалось это губернскому предводителю, усмѣхнулся какой-то улыбкой дьявола.

Затѣмъ хозяинъ и гости чинно усѣлись по мѣстамъ и стали разсуждать о томъ, какъ предстоящее дѣло устройства дворянскаго пансіона при гимназій осуществить, и тутъ сразу же затѣялся споръ между Иваномъ Петровичемъ и губернской предводителемъ, изъ коихъ послѣдній объявилъ, что капиталъ,

жертвуемый господиномъ Тулузовымъ, долженъ быть внесенъ въ депутатское дворянское собраніе и причисленъ къ дворянскимъ суммамъ.

— Такой порядокъ невозможенъ! — воскликнулъ Артасьевъ:— прежде еще надобно испросить у министра народнаго просвѣщенія разрѣшеніе на устройство пансіона при гимназій, котораго у меня еще нѣтъ.

— Министръ не можетъ разрѣшить этого дворянству!—оспаривалъ его губернской предводитель:— оно устраиваетъ это на свои деньги, а не на казенныя; оно не стадо барановъ и въ массѣ своей не глупѣе вашего министерства.

— Нѣтъ, бараны!—бухнулъ на это Иванъ Петровичъ.—Я самъ здѣшній дворянинъ и знаю, что тоже баранъ, и никому не посоветую деньги, предназначенныя на воспитаніе и прокормленіе двадцати, тридцати мальчугановъ, изъ которыхъ, можетъ быть, выйдутъ Ломоносовы, Пушкины, Державины, отдавать въ коллегію.

— Но что вы разумѣете подъ именемъ коллегіи?... то-есть, наше депутатское дворянское собраніе?—спросилъ его съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства губернской предводитель.

— Я разумѣю всѣ коллегіи!—отгрызнулся Иванъ Петровичъ.—Министръ народнаго просвѣщенія лучше насъ распорядится, потому что онъ ближе знаетъ нужды образованія: и оно должно отъ него одного зависѣть, а не отъ нашихъ головъ, которыя еще скорбны для того разумомъ!

— Если вамъ угодно такъ думать о себѣ, то это

ваше дѣло, но я вовсе не имѣю такого дурнаго мнѣнія о своей собственной головѣ!—возражалъ, вспыхивая въ лицѣ, губернскаго предводитель.

— Обо всемъ этомъ, я полагаю, рановременно еще говорить,—вмѣшался въ разговоръ Тулузовъ:— и я просилъ-бы пока не рѣшать ничего по этому предмету, потому что я въ непродолжительномъ времени поѣду въ Петербургъ и тамъ посоветуюсь объ этомъ.

— Повзжайте, сударь, повзжайте, и я васъ благословляю на это! — воскликнулъ радостно Артасьевъ.

Губернскаго же предводитель молчалъ. Онъ, видимо, не благословлялъ такого намѣренія Тулузова, который изъ предыдущаго разговора очень хорошо понялъ, что почтенному маршалу дворянства просто-напросто хотѣлось жертвуемая на дворянскаго пансіонъ деньги прицарапать въ свое распоряженіе, и тогда, ужъ конечно-бы, большая часть сего капитала была израсходована не по прямому своему назначенію. Впрочемъ, не желая выводить губернскаго предводителя изъ его пріятныхъ чаяній, Тулузовъ успѣшилъ ему сказать:

— Въ Петербургъ, вѣроятно, такъ и распорядятся, какъ вы предполагаете.

— Безъ сомнѣнія! — произнесъ губернскаго предводитель увѣреннымъ тономъ.

— Не распорядятся такъ! — стоялъ на своемъ Иванъ Петровичъ и простился съ хозяиномъ, который, оставшись вдвоемъ съ Тулузовымъ, проговорилъ, указывая головой вслѣдъ ушедшему Артасьеву:

— Вотъ эти господа коронные чиновники!... Для того чтобы поддѣлаться къ министру, они готовы цѣлое сословіе очернить.

— Признаюсь, и мнѣ страннымъ показалось такое мнѣніе Ивана Петровича,— сказалъ тономъ сожалѣнія Тулузовъ, затѣмъ тоже раскланялся и вышелъ, но, сойдя на крыльцо, онъ, къ удивленію своему, увидалъ, что у подѣзда стояли безобразныя, обтертыя и облупившіяся дрожки Ивана Петровича, въ которыхъ тотъ возсѣдая крикнулъ ему:

— Сюда, сюда, ко мнѣ пожалуйте!

— У меня есть извозчикъ,—возразилъ было ему Тулузовъ.

— Это все равно! Сюда пожалуйте!—повторилъ Иванъ Петровичъ.

Тулузовъ, дѣлать нечего, сѣлъ. Дрожки, везомыя парюю высокихъ клячъ, тронулись, причемъ задрезжали, зазвенѣли и даже какъ-будто-бы завизжали. Иванъ Петровичъ сейчасъ началъ выговаривать Тулузову:

— Какъ вамъ не стыдно ваши деньги довѣрять депутатскому дворянскому собранію! Еще надобно спросить, цѣлы-ли у нихъ и прочія дворянскія суммы? Вы прислушайтесь, что объ этомъ говорятъ въ обществѣ!

— Но, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, мнѣ теперь недовко, въ чемъ-бы то ни было, противорѣчить господину губернскому предводителю, поймите вы это! Отъ него зависитъ успѣхъ моей баллотировки.

— О, если такъ, то конечно!—согласился Иванъ Петровичъ:—и я даже при встрѣчѣ съ княземъ по-

вторю ему, что вы желаете пожертвовать деньги собственно дворянству, а дѣло-то мы сдѣлаемъ по нашему,—заклучилъ онъ и щелкнулъ отъ удовольствія двумя пальцами.

— Сдѣлается по нашему! — повторилъ и Тулузовъ: — но только вы, Бога ради, не выдайте меня!

— О, пожалуйста, будьте покойны!... Я тоже, батенька, умю хитрить!... Не даромъ шестьдесятъ пять лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, и совершенно согласенъ съ Грибоѣдовымъ, что при нашихъ нравахъ умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!—проговорилъ Иванъ Петровичъ, простодушно считавшій себя не только умнымъ, но даже и хитрымъ человѣкомъ.

У гостиницы Архипова Тулузовъ вылѣзъ изъ экипажа Ивана Петровича и хотъ замѣтно былъ взволнованъ и утомленъ всѣми этими объясненіями, но какъ человѣкъ воли несокрушимой и привыкшій ковать желѣзо пока горячо, онъ, возвратясь домой, затѣялъ съ Екатериной Петровной довольно щекотливый разговоръ, еще и прежде того неоднократно имъ начинаемый, но какъ-то никогда не доходившій между ними до конца. Екатерина Петровна, которая, конечно, знала, куда и зачѣмъ ѣздилъ Тулузовъ, ждала его съ нетерпѣніемъ и, едва только онъ вошелъ къ ней, спросила:

— Ну что, съ успѣхомъ?

— Съ успѣхомъ и съ неуспѣхомъ! — отвѣчалъ ей Тулузовъ и сѣлъ.

Екатерина Петровна посмотрѣла на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, несовсѣмъ понимая его отвѣтъ.

— Въ чемъ-же неуспѣхъ состоялъ? — проговорила она.

— Въ томъ, что въ настоящемъ моемъ положеніи, какъ я есть, врядъ-ли меня выберутъ въ попечители гимназіи.

— Поэтому они и денегъ не принимаютъ?

— Деньги принимаютъ!.. Сколько угодно преподпеси! Всѣ примутъ!.. Но наградить за нихъ, это другое дѣло!

— Да ты не Вогъ знаетъ какой большой награды требуешь, и очень естественно, что, какъ ты говоришь, жертвуя деньги, хочешь хоть немного наблюдать, куда эти деньги будутъ расходоваться... И что же, дурачокъ Артасьевъ этотъ противъ твоего избранія?

— Наоборотъ, Артасьевъ очень желаетъ, чтобы я былъ выбранъ, а губернский предводитель, у котораго я сейчасъ былъ, колеблется дать мнѣ рѣшительное обѣщаніе.

— Ахъ, онъ панъ Гологордовскій, прощальга этакій!— произнесла съ гнѣвомъ Екатерина Петровна.— Онъ смѣетъ колебаться, когда я ему дѣлала столько одолженій: онъ живетъ въ моемъ домѣ въ долгъ; кромѣ того, у меня на него тысячи на три росписокъ, которыя онъ перебралъ у отца въ разное время... Въ случаѣ, если онъ не будетъ тебѣ содѣйствовать, я подамъ все это ко взысканію.

— Вы разсуждаете какъ женщина!— возразилъ ей съ легкой досадою Тулузовъ.— Чѣмъ тутъ виноватъ губернский предводитель?.. Какъ ни значительно его вліяніе на баллотировкѣ, но выбираетъ не онъ одинъ, а всѣ дворяне, которые—что по моему весьма спра-

ведливо—всѣ будутъ имѣть противъ меня предубѣжденіе.

— Какое-же и почему?—спросила Екатерина Петровна.

— Во-первыхъ, до сихъ поръ я еще только наемный управляющій вашъ, котораго вы каждую минуту можете прогнать... Потомъ, и человѣкъ холостой, одинокій, а поэтому никого не могу принять къ себѣ, чѣмъ-либо позабавить, что господа дворяне любятъ больше всего!

— Отчего-жь тебѣ не принять ихъ и не повеселить?—замѣтила Екатерина Петровна, но не очень рѣшительнымъ тономъ.

— Полу-лакею-то вашему?.. Неудобно, я думаю!—возразилъ съ саркастической усмѣшкой Тулузовъ.— Да, вѣроятно, изъ господъ дворянъ ко мнѣ никто и не поѣдетъ; словомъ, все это сводится къ тому, что если вы меня искренно любите, то должны осчастливить вашимъ супружествомъ со мной. Тогда я сразу дѣлаюсь инымъ человѣкомъ: я уже не прохожимецъ, не выскочка, я мужъ вашъ и зять покойнаго Петра Григорыча... Я, наконецъ, совмѣстный съ вами владѣлецъ одного изъ огромнѣйшихъ состояній въ губерніи, и тогда я посмотрю, какъ господа дворяне посмѣютъ не выбрать меня въ попечители гимназій!

Послѣднія слова Тулузовъ произнесъ съ замѣтнымъ пафосомъ, а Екатерина Петровна покраснѣла, и все лицо ея мгновенно подернулось какъ-бы облакомъ печали.

— Все это, не спорю, правда,—начала она:—но ты забываешь, что мнѣ, послѣ моего перваго не-

счастливаго брака, страшно даже подумать выйти когда-нибудь опять замужъ.

— Страхъ этотъ совершенно неоснователенъ; можно выходить и во второй разъ, и въ третій; надобно только знать, за кого выходите вы; и я, кажется, въ этомъ отношеніи не похожъ нисколько на господина Ченцова.

— Нѣтъ,—возразила Катринъ:—нельзя выходить такъ, безъ оглядки, какъ мы выходимъ въ первый разъ, и я теперь тебѣ скажу всю правду: когда я еще дѣвушкою до безумія влюбилась въ Ченцова, то однажды за ужиномъ прямо намекнула ему, что люблю его, и онъ мнѣ намекнулъ, что онъ это видитъ, но что онъ боится меня, а я ему тогда сказала, что я не боюсь его... Предчувствіе не обмануло Валеріана: я въ самомъ дѣлѣ погубила его моею любовью: а теперь, напротивъ, я, Василій Ивановичъ, боюсь васъ и предчувствую, что вы погубите меня вашей любовью!

Тулузовъ усмѣхнулся своей злой улыбкой и произнесъ:

— Извините меня, Катерина Петровна, я ничего не понялъ изъ всего, что вы изволили сказать!

— Что-же тутъ такое для васъ непонятно? можетъ быть, я дурно выразилась, но это такъ!—проговорила Екатерина Петровна.

Говоря правду, это было не вполнѣ такъ: страхъ къ Тулузову въ Катринъ, дѣйствительно, существовалъ, но къ этому примѣшивались и другія чувствованія и мысли. Почему Катринъ сошлась съ Тулузовымъ, она, вѣроятно, и сама-бы не могла съ точностью опредѣлить. Болѣе всего, думаю, тутъ власт-

вовало тс душевное настроеніе, которое французы давно уже назвали *rag dépit*, то-есть чтобы изъ гнѣва и досады на мужа за его измѣну отплатить ему поскорѣе тѣмъ-же. Можетъ быть, тутъ служила нѣкоторымъ импульсомъ и страстная натура Екатерины Петровны, извѣдавшей наслажденія чувственной любви, а, наконецъ, она видѣла въ Тулузовѣ чело-вѣка безусловно ей преданнаго и весьма по ея обстоятельствамъ полезнаго. Но въ то же время идеаломъ мужчины, какимъ нѣкогда являлся ей Ченцовъ, Тулузовъ никогда не могъ быть для нея. Сверхъ того, Катринъ почти буква въ бузвѣ раздѣляла мнѣніе губернскаго предводителя, сказавшаго, что Тулузовъ вчера только испеченный дворянинъ, и всегда даже старалась не думать, какого происхожденія былъ Тулузовъ, между тѣмъ какъ она дочь генерала и женщина съ такимъ огромнымъ состояніемъ. Имѣть своимъ любовникомъ Тулузова Екатерины Петровнѣ тоже казалось дѣломъ не совсѣмъ приличнымъ, но все-таки это оставалось въ полутайнѣ, въ полумракѣ, и она всегда и передъ каждымъ могла запереться въ томъ: новыйти за него замужъ,—это уже значило ясно передъ всѣмъ обществомъ признать его за чело-вѣка равнаго себѣ, чего Екатерина Петровна вовсе не думала. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній, Екатерина Петровна произнесла неторопливо:

— По пословицѣ: обожжешься на молочкѣ, будешь дуть и на воду, и я должна еще подумать и долго подумать о твоёмъ предложеніи, Базиль!

Лицо Тулузова при этомъ исказилось злостью.

— Думать долго тутъ невозможно,—сказалъ онъ:

— потому что баллотировка назначена въ началѣ будущаго года: если вы удостоите меня чести быть вашимъ супругомъ, то я буду выбранъ, а если нѣтъ, то не рѣшусь и баллотироваться и принужденъ буду, какъ ни тяжело мнѣ это, оставить службу вашего управляющаго и уѣхать куда-нибудь въ другое мѣсто, чтобы устроить себѣ хоть-бы маленькую карьеру.

— А меня такъ и повинешь совѣмъ?—спросила его Екатерина Петровна съ навернувшимися слезами на глазахъ.

— Я полагаю, что вы сами пожелаете этого, потому что вамъ неловко-же будетъ ѣздить всюду за мной, и въ качествѣ какого рода женщины? Вы мнѣ не сестра, не родственница...

— Я и не хочу ѣздить за тобой, а хочу, чтобы ты оставался здѣсь со мной... И неужели-же тебѣ карьера твоя дороже меня, и почему эта проклятая должность попечителя устроить твою карьеру?

— По весьма простой причинѣ!—объяснилъ ей Тулузовъ:—служа на этомъ мѣстѣ, я черезъ шесть лѣтъ могу быть утвержденъ въ чинѣ статскаго совѣтника, а отъ этого недалеко получить и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и такимъ образомъ я буду такой же генералъ, какимъ былъ и вашъ отецъ.

— Но за что-же все это тебѣ дадутъ и такъ тебя награждать?—допытывалась Катринъ.

— Да за тѣ-же пожертвованія, которыя, не скрою отъ васъ, можетъ быть, въ теченіе всей моей службы, достигнуть тысячь до ста, что конечно, несколько

не разорить васъ, между тѣмъ они мнѣ и вамъ дадутъ генеральство.

Катринъ сомнительно покачала головою. Тулузовъ, конечно, это замѣтилъ, и, понявъ, что она въ этомъ случаѣ не совсѣмъ довѣряетъ его словамъ, рѣшился направить ударъ для достиженія своей цѣли на самую чувствительную струну женскаго сердца.

— Кромѣ всего этого,—продолжалъ онъ:—есть еще одно, по моему, самое важное для васъ и для меня обстоятельство. Вы теперь вдова, вдова въ продолженіе десяти мѣсяцевъ. Всѣ очень хорошо знаютъ, что вы разошлись съ мужемъ, не бывши беременною, и вдругъ васъ постигнетъ это, что весьма возможно, и, вы не дальше какъ сегодня выражали мнѣ опасенія ваши на счетъ этого!

— Я до сихъ поръ опасаюсь и только думаю, что ребенка можно будетъ скрыть, отдать къ кому-нибудь на воспитаніе.

— Это вы такъ теперь говорите, а какъ у васъ явится ребенокъ, тогда ни вы, ни я на чужія руки не отдадимъ, а какая-же будетъ судьба этого несчастнаго существа, вслѣдъ за которымъ можетъ явиться другой, третій ребенокъ,—неужели же всѣхъ ихъ утаивать и забрасывать куда-то безъ имени, безъ званія, какъ щенятъ какихъ-то?...

Слова эти покоробили Екатерину Петровну.

— Неужели же я это думаю!—сказала она.

— Вы думаете или нѣтъ, но это необходимо заранее имѣть въ виду, потому что когда это случится, такъ поздно поправлять. Вы знаете, какъ нынѣшній государь строго на это смотритъ:—онъ на

ходатайствахъ объ усыновленіи пишетъ своей рукой: «на беззаконіе нѣтъ закона».

Катринъ промолчала и покочала только головой. Она очень хорошо понимала, что ея воля была гораздо слабѣе воли Тулузова и что она зашла въ своихъ дурачествахъ въ жизни такъ далеко, что ей воротиться назадъ было нельзя!

Перенесусь, однако, моимъ воображеніемъ къ другой женщинѣ, на которую читатель обратилъ, вѣроятно, весьма малое вниманіе, но которая, смѣло завѣряю, была въ извѣстномъ отношеніи поэтичнѣе Катринъ. Я разумью косую даму, которая теперь до того ужь постарѣла, что грѣшитель даже перестала. Ни на кого въ цѣломъ губернскомъ городѣ не произвело извѣстіе о самоубійствѣ Ченцова такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ на нее. Не смотря на нѣсколько паденій, которыя она совершила послѣ разрыва съ Валеріаномъ Николаичемъ, онъ до сихъ поръ оставался въ ея воображеніи окруженный ореоломъ поэзіи. Узнавъ, что онъ убилъ себя и убилъ отъ любви къ какой-то крестьянкѣ, она всплеснула руками и воскликнула:

— Этому и должно было быть!

Затѣмъ она не заплакала, а заревѣла и ревла всю ночь до опухли глазъ, а потомъ на другой день принялась ѣздить по всемъ знакомымъ и расспрашивать о подробностяхъ самоубійства Валеріана Николаича; но никто, конечно, не могъ сообщить ей того; однако, вскорѣ потомъ къ ней вдругъ неожиданно-негаданно явилась знакомая намъ старая богомолка съ усами, прямо изъ мѣста своего жительства, то-есть изъ окрестностей Синькова. Косая

дама несказанно обрадовалась сей дѣвицѣ и, усадивъ ее за самоваръ, начала накачивать ее чаемъ и даже водкой, которую странница, по своей свитальческой жизни, очень любила, а потомъ принялась спрашивать:

— Не бывали-ли вы въ Синьковѣ и не слыхали ли чего, что тамъ творится?

— Была, была, сударыня! — забасила словоохотливая странница, удовлетворивъ своему алчущему и жаждущему мамону:—супругъ Катерины Петровны удавился!

— Ахъ, нѣтъ, застрѣлился! — поправила ее сентиментальнымъ голосомъ косая дама.

— Такъ, такъ, такъ!—басила богомолва.—Ой, я больно натоптала снѣгомъ, вонъ какая лужа течетъ изъ-подъ меня!—добавила она, взглянувъ на полъ, по которому, въ самомъ дѣлѣ, текъ цѣлый потокъ отъ растаявшаго снѣга, принесеннаго ею на сапогахъ.

— Ничего, рассказывайте!—успокоила ее тѣмъ-же чувствительнымъ голосомъ косая дама, и чтобы возбудить старуху къ бѣльшей откровенности, налила ей еще рюмку, которую та, произнеся: «Христу во спасеніе!» выпила и, закусивъ кусочкомъ сахару, продолжала:

— Плева-то барпнова тоже померла; ишь дьяволицѣ, непонутру пришлось, какъ изъ барынь-то попала опять въ рабы!

— Марья Егоровна, какъ-же это вы такъ выражаетесь!—остановила богомолку косая дама.—Она любила его.

— Пожалуй, люби! Ишь пеццы этакія, мало-ли кого онъ любитъ.

— Но неужели-же вы сами никогда не любите?

Старуха на это отрицательно и сердито покачала головой. Что было прежде, когда сия странная дѣвица не имѣла еще столь большихъ усовъ и ходила не въ мужицкихъ сапогахъ съ подковами, неизвѣстно, но теперь она жила подъ вліяніемъ лишь трехъ нравственныхъ двигателей: во-первыхъ, благоговѣнія передъ мощами и обоготворенія ихъ; во-вторыхъ, чувства дворянки, никогда въ ней неумолкавашаго, и, наконецъ, неудержимой склонности шлендать всюду, куда только у нея доставало силы добраться.

— А сама Катерина Петровна здорова? Ничего съ ней не было послѣ ея потери?—продолжала расспрашивать косая дама.

— Что ей дѣлается? Барыня богатая!—почти что лаяла богомолка:—замужъ вышла за своего управляющаго...

— Вотъ это лучше всего! — произнесла разслабленнымъ голосомъ косая дама: — послѣ Валеріана сдѣлаться женой, я и незнаю, кого...

— Приказный, сказываютъ; за приказнаго вышла, изъ кутейниковъ али изъ мѣщанъ, прахъ его знаетъ! Все-же, матушка, лучше; тоже, сказываютъ, она тяжела отъ него, грѣхъ свой прикроетъ: святое все святить, хоть тоже, какъ прислуга рассказываетъ, ей шибко не хотѣлось идти за него. Помня родителя своего (тотъ большой былъ человекъ), цѣлую недѣлю передъ свадьбой-то плакала и все съ горничной своей совѣщалась. «Вы, говоритъ, мои милыя, не осудите меня, что я за Василья Иваныча выхожу, онъ теперь ужъ дворя-

нинъ и скоро будетъ генераль. Вы его слушайте и любите его! А что его хошь-бы дворовымъ али крестьянамъ любить? Какъ есть злодѣй! Можетъ, будетъ почище покойнаго Петра Григорьяча, и какой промежь всего ихняго народа идетъ плачь и стонъ, сказать того не можно!

Всѣхъ этихъ подробностей косая дама почти не слушала, и въ ея воображеніи носился образъ Валеріана, и особенно ей въ настоящія минуты живо представлялось, какъ она, дошедшая до физиологическаго отвращенія къ своему постоянно пьяному мужу, обманувъ его всевозможными способами, ускакала въ Москву къ Ченцову, бывшему тогда еще студентомъ, пріѣхала къ нему въ номеръ и поселилась съ нимъ въ самомъ верхнемъ этажѣ тогдашняго дома Глазунова, гдѣ цѣлые вечера, опершись грудью на горячую руку Валеріана, она глядѣла въ окна, прпчемъ онъ, взглядывая повременамъ то на нее, то на небо, произносилъ:

— Ночь лимономъ пахнетъ!

— Ночь лимономъ пахнетъ! — повторила и она за нимъ полупшепотомъ, между тѣмъ какъ Тверская и до сихъ поръ не пахнетъ какимъ-нибудь поэтическимъ запахомъ, и при этомъ невольно спросишь себя: гдѣ-жь ты, поэзія, существуешь? Въ окружающей-ли человѣка счастливой природѣ или въ душѣ его? Отвѣтъ, кажется, одинъ: въ духѣ человѣческомъ.

XII.

Однажды все вузьмищевское общество, со включеніемъ отца Василя, сидѣло, по обыкновенію, въ гостиной; сверхъ того, тутъ находился и пріѣзжій гость, Аггей Никитичъ Звѣревъ, возвратившійся съ своей ревизіи. Трудно вообразить себѣ, до какой степени измѣнился этотъ могучій человѣкъ за послѣднее время: онъ сгорбился, осунулся и имѣлъ какой-то растерянный видъ. Причину такой перемѣны читатель, вѣроятно, угадываетъ.

Егоръ Егорычъ, въ свою очередь, замѣтившій это, спросилъ его:

— Что вы довольны или недовольны вашей ревизіей?

— Развѣ можно тутъ быть довольнымъ — отвѣчалъ съ грустной усмѣшкой Аггей Никитичъ.

— Отчего и почему? — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Послѣ, я наединѣ, если позволите, переговорю съ вами объ этомъ.

— Позволю и даже прошу васъ сказать мнѣ это!

— Еще-бы мнѣ не сказать вамъ! Отцу родному чего не сказалъ-бы, а ужъ вамъ скажу!

Должно замѣтить, что все общество размѣщалось въ гостиной слѣдующимъ образомъ: Егоръ Егорычъ, Сверстовъ и Аггей Никитичъ сидѣли у средняго стола, а рядомъ съ мужемъ была, конечно, и Сусанна Николаевна; на другомъ-же столѣ gnädige Frau и отецъ Василій играли въ шахматы. Лицо

gnädige Frau одновременно изображало большое внимание и удовольствие: она вторую ужъ партію выигрывала у отца Василя, тогда какъ онъ отлично игралъ въ шахматы и въ этомъ отношеніи врядъ-ли уступалъ первому ея мужу, пастору, нѣкогда считавшемуся въ Ревелѣ, приморскомъ городѣ, первымъ шахматнымъ игрокомъ. Вообще, gnädige Frau съ самой проповѣди отца Василя, которую онъ сказалъ на свадьбѣ Егора Егорыча, потомъ, помня, какъ онъ пріятно и стройно пѣлъ подъ ея игру на фортепіано послѣ ихъ трапезы любви, масонскія пѣсни и, наконецъ, побесѣдовавъ съ нимъ неоднократно о догматахъ ихъ общаго ученія, стала питать большое уваженіе къ этому русскому попу.

Между тѣмъ Егоръ Егорычъ продолжалъ разговаривать съ Аггеемъ Никитичемъ.

— И что-жь вы, объѣзжая уѣзды, познакомились съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшняго дворянства?—спросилъ онъ, видя, что Звѣревъ нѣтъ-нѣтъ да и задумается.

— Почти ни съ кѣмъ! — проговорилъ Аггей Никитичъ:—Все какъ-то не до того было!... Впрочемъ, въ этомъ, знаете, самомъ дальнемъ отсюда городѣ, имѣлъ честь быть представленъ вашей, кажется, родственницѣ, madame Ченцовой, которой (что, вѣроятно, извѣстно вамъ супругъ скончался въ Петербургѣ.

— Да, онъ умеръ!—поспѣшила сказать Сусанна Николаевна, взглянувъ съ нѣкоторымъ страхомъ на Егора Егорыча, который, впрочемъ, при этомъ только нахмурился немного и отнесся къ Аггею Никитичу съ нѣкоторой ироніей:

— Ну, и какъ-же она вамъ понравилась?

Аггей Никитичъ глубокомысленно повелъ бровями.

— По наружности, это, что говорить, *belle femme*, — опредѣлили онъ французскимъ выраженіемъ, — но все-таки это не дворянская красота.

— А какая-же? — выискивалъ его Егоръ Егорычъ.

— Да такая, что она скорѣй жидовка, или цыганка, или зырянка изъ спбпрячекъ, какъ я вотъ видалъ этакихъ! — объяснилъ Аггей Никитичъ, видимо начавшій съ большимъ одушевленіемъ говорить, какъ только рѣчь зашла о женской красотѣ.

Егоръ Егорычъ и Сусанна Николаевна при этомъ переглянулись между собой.

— По какому-же поводу вы представлялись госпожѣ Ченцовой? — спросилъ опять съ тою-же ироніей Егоръ Егорычъ.

— Да я и самъ не знаю какъ! — отвѣчалъ наивно Аггей Никитичъ. — Она замужъ выходила въ этомъ городишкѣ, и мнѣ, вмѣстѣ съ другими, было прислано приглашеніе... Я думаю, что-жь, неловко не ѣхать, такъ какъ она родственница ваша!...

— Но за кого она могла выйти? — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Вышла она за управляющаго своего, господина Тулузова! — отвѣтилъ Аггей Никитичъ.

Услышавъ эту фамилію, Сверстовъ вдругъ приподнялъ свою наклоненную голову и сталъ гораздо внимательнѣе прислушивать сякъ тому, что рассказывалъ Аггей Никитичъ.

— И свадьба, я вамъ доложу, — продолжалъ тотъ, — была великолѣпная!... Вѣнчаніе происхо-

дило въ городскомъ соборѣ, потому что Катерина Петровна считала низкимъ для себя вѣнчаться въ своей сельской церкви, а потомъ все духовенство, всѣ чиновники, въ томъ числѣ и я, поѣхали къ молодымъ въ усадьбу, которая, вы знаете, верстахъ въ пяти отъ города.. Домъ тамъ, безъ преувеличенія можно сказать,—дворецъ! Все это вездѣ хрусталь, люстры, свѣчи восковыя!... За ужиномъ шампанское рѣвкой лилось... Послѣ того фейерверкъ, который дѣлалъ какой-то провизоръ изъ аптеки, а потому можете судить, что онъ понимаетъ?... Мнѣ сначала, знаете, какъ человѣку, тоже выдавшему на своемъ вѣку фейерверки, было просто смѣшно видѣть, какъ у нихъ то одно не загорится, то другое не во время лопнетъ, а наконецъ, сдѣлалось страшно, когда вдругъ этакихъ нѣсколько шутихъ пустили въ народъ и, главнымъ образомъ, въ бабъ и дѣвокъ... Слышу—крикъ, пискъ, визгъ промежь ихъ, а господа сидятъ и смѣются этому... Это, изволите видѣть, господинъ Тулузовъ приказалъ сдѣлать, чтобы развеселить свою супругу и гостей!... Глупо, по моему, и свинство еще вдобавокъ!...

— Что-же этотъ управляющій красивъ собой?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Ничего нѣтъ особеннаго; малый еще не старый, видный изъ себя, рыжеватый, глаза у него совсѣмъ желтые, какъ у волка, но умный, должно быть, и бойкій, только манеръ благородныхъ не имѣетъ, какъ онъ тамъ ни задаетъ форсу и ни важничаетъ.

— Но чѣмъ-же, однако, онъ плѣнилъ Катерину

Петровну?—отнесся Егоръ Егорычъ какъ-бы больше къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

Та отвѣчала ему только грустною улыбкой.

— Про это рассказываютъ...—началь-было Аггей Никитичъ нѣсколько таинственно, но тутъ-же и позамялся. Впрочемъ, припомнивъ, какъ въ подобномъ случаѣ поступилъ Мартынъ Степанычъ, онъ повторилъ его фразу:

— Я надѣюсь, что здѣсь можно говорить все откровенно?

— Все и непременно откровенно!—пробормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Рассказываютъ, — продолжалъ Аггей Никитичъ:—что онъ былъ приближенный Екатерины Петровны и что не она ревновала вашего племянника, а онъ, и изъ этого пошли у нихъ всѣ неудовольствія.

— Не можетъ быть! — отвергнула Сусанна Николаевна.

— Очень это возможно! — возразилъ ей Егоръ Егорычъ.

— А какъ имя и отчество господина Тулузова?—вмѣшался вдругъ въ разговоръ Сверстовъ.

— Имя-съ?.. Позвольте: Василій... или, какъ его?.. Но вотъ что лучше: со мной билетъ пригласительный на свадьбу!..

Проговоривъ это, Аггей Никитичъ вынулъ и подалъ доктору раздушенный празукрашенный виньетками свадебный билетъ Тулузовыхъ, начало котораго Сверстовъ прочелъ виолголоса:

— «Василій Ивановичъ Тулузовъ и Екатерина»... Гмъ!—заклучилъ онъ, какъ-бы нѣчто соображая, а потомъ обратился къ женѣ своей:

— Gnädige Frau, помнишь ты этого мальчика, котораго когда убили, то я написалъ письмо къ Егору Егорычу?

— Помню!

— А какъ его звали?

— Васинькой.

— И ты этого не перевираешь?

— Нисколько, потому что онъ ребенкомъ еще ходилъ къ намъ и приносилъ зелень отъ отца, — отвѣчала съ увѣренностью и точностью gnädige Frau, хотъ и занята была размышленіемъ о весьма важномъ ходѣ пѣшкой.

— Гмъ! — снова произнесъ какъ-бы больше самъ съ собою Сверстовъ.

На это восклицаніе его, а равно и на какое-то лувавое выраженіе въ лицѣ, что было совершенно несвойственно Сверстову, Егоръ Егорычъ невольно обратилъ вниманіе.

— Что васъ тутъ такъ интересуеть? — сказалъ онъ.

— Такъ, одно странное совпаденіе!.. — отвѣчалъ, видимо не договоривъ всего, Сверстовъ. — А не знаете-ли вы, изъ какого собственно званія господинъ Тулузовъ: поповичъ-ли онъ, дворянинъ-ли, чиновникъ-ли? — добавилъ онъ, обращаясь къ Аггею Никитичу.

— Говорятъ, вначалѣ былъ мѣщанинъ, — объяснилъ тотъ: — потомъ сталъ учителемъ, служилъ послѣ того въ земскомъ судѣ, гдѣ получилъ первый чинъ, и затѣмъ сдѣлалъ пожертвованіе на улучшеніе гимназіи ни много, ни мало, какъ въ тридцать тысячъ рублей; ему за это Владимира прицѣпили, и теперь онъ поэтому дворянинъ!

— О, проходимецъ, должно быть, великій!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Должно быть! — повторилъ и Аггей Никитичъ. — Но, говорятъ, онъ дальше того лѣзетъ и предлагаетъ устроить при гимназіи пансіонъ для дворянскихъ дѣтей и просить только, чтобы его выбрали въ попечители.

— Ну, это онъ шалить! — подхватилъ съ азартомъ Егоръ Егорычъ. — Я нарочно поѣду для этого на баллотировку, и мы его съ позоромъ черняками закатаемъ! Скорѣй верблюдъ пролѣзетъ въ игольное ухо, чѣмъ онъ попадетъ въ попечители!

— Вамъ всѣ тамошніе чиновники будутъ за это благодарны, — продолжалъ Аггей Никитичъ, совершенно неспособный отъ себя что-либо выдумывать, а передававшій только то, что ему натрубили со всѣхъ сторонъ въ уши. — Между прочимъ, мнѣ тутошній исправникъ, старичекъ почтенный, ополченецъ двѣнадцатаго года—(замѣчаю здѣсь для читателя, тотъ самый ополченецъ, котораго онъ встрѣтилъ на балу у Петра Григорыча) — исправникъ этотъ рассказывалъ: «Я, говоритъ, теперь, по слабости моего здоровья, оставляю службу... Мнѣ все равно, но обидно: сколько лѣтъ я прослужилъ дворянству и, по пословицѣ, рѣпы пареной не выслужилъ, а тутъ неизвѣстнаго человѣка возведутъ въ должность попечителя, и онъ прямо очутится въ бѣлоштанникахъ».

— Это еще буки!.. Пусть онъ лучше побережетъ свои черные штаны, а бѣлыхъ мы ему не дадимъ!— говорилъ гнѣвнымъ и рѣшительнымъ голосомъ Егоръ Егорычъ.

Сверстовъ, внимательно слушавшій весь этотъ разговоръ, тряхнулъ на этомъ мѣстѣ головою и спросилъ:

— А неизвѣстно-ли вамъ, откуда по мѣсту своего рожденія этотъ будущій бѣлоштанникъ?

— Нѣтъ-съ, не знаю и слышалъ только, что здѣсь у него нѣтъ ни роду, ни племени.

Доктору, кажется, досадно было, что Аггей Никитичъ не знаетъ этого, и, какъ-бы желая поразобратъ ся съ своими собственными мыслями, онъ вышелъ изъ гостиной въ залу, гдѣ принялся ходить взадъ и впередъ, причемъ лицо его изображало то какое-то недоумѣнiе, то увѣренность, и въ послѣднемъ случаѣ глаза его загорались и онъ начиналъ произносить самъ съ собою отрывистыя слова. Когда потомъ gnädige Frau, переставъ играть въ шахматы съ отцомъ Василиемъ, вышла проводить того, Сверстовъ сказалъ ей:

— Мнѣ нужно съ тобой переговорить.

— Хорошо, — отвѣчала gnädige Frau и, распростившись окончательно съ своимъ партнеромъ, подошла къ мужу; онъ взялъ ее за руку и, помѣстившись рядомъ съ нею на самыхъ отдаленныхъ отъ гостиной стульяхъ, вступилъ съ нею въ тихій разговоръ.

— Ты слышала, что этотъ баринъ, Звѣревъ, рассказывалъ про Ченцову, племянницу Егора Егорыча? — спросилъ онъ.

— Слышала, она вышла замужъ! — проговорила gnädige Frau.

— Это, чортъ ее дерн, пускай-бы выходила, но тутъ другая штука, — за кого именно она вышла?

— За управляющаго своего!

— И то-бы ничего, хоть-бы за конюха! — восклицала Сверстовъ: — но она вышла за Василя Иваныча Тулузова!

— За Тулузова? — повторила gnädige Frau: — это такая фамилія у тепершняго ея мужа?

— Такая! — отвѣчалъ со злобой въ голосъ Сверстовъ.

Gnädige Frau не совсѣмъ, впрочемъ, понимала, что именно хочетъ сказать докторъ и къ чему онъ клонитъ разговоръ.

— Ты, поэтому, и раскуси, въ чемъ тутъ загвоздка! — дополнилъ онъ ей.

Gnädige Frau соображала. Она далеко стала не столь проницательна, какъ была прежде.

— Я ничего не могу тутъ раскусить; полагаю только, что Катерина Петровна вышла не за того Василя Иваныча Тулузова, котораго мы знали, потому что онъ давно убитъ.

— Да-съ, но паспортъ его не убитъ и существуетъ и котораго, однако, при освидѣтельствovanіи трупа, также какъ и денегъ, не нашли, неужели же тебѣ и теперь не ясно?

Но для gnädige Frau теперь ужъ все было ясно, и она, только по своей разсудительности, хотѣла мужу сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ.

— Стало быть, ты думаешь, что здѣшній Тулузовъ убійца мальчика Тулузова? — произнесла неторопливо и все еще сомнѣвающимся тономъ gnädige Frau.

— А у кого-же у другаго могъ очутиться его паспортъ и кому нужно было имъ воспользоваться, какъ не убійцѣ?

Gnädige Frau была съ этимъ несогласна.

— Воспользовавшись, онъ скорѣй всего изобличилъ-бы себя тѣмъ!.. Ему было-бы безопаснѣе жить съ своимъ паспортомъ,—сказала она.

— Да собственнаго-то виду у него, можетъ быть, и не было!.. Онъ, можетъ быть, какой-нибудь бѣглый!.. Тамъ этакихъ господъ много проходитъ! — объяснилъ, въ свою очередь, тоже довольно правдоподобно Сверстовъ.—Мнѣ, главнымъ образомъ, надобно узнать, изъ какого именно города значится по паспорту господинъ Тулузовъ... Помнишь, я тогда еще сказалъ, что я и никто другой, какъ я, открою убійцу этого мальчика!

— А Егору Егорычу ты будешь говорить объ этомъ?—спросила gnädige Frau.

— Пока еще нѣтъ, а потомъ, какъ запасусь документикомъ, скажу.

— Ты при этомъ не забудь, что это будетъ ему очень неприятно узнать!.. Madame Ченцова—его племянница, и вышла замужъ... за кого?... Самъ ты посуди!

— Что-жь изъ того, что она племянница ему?—почти крикнулъ на жену Сверстовъ. — Неужели ты думаешь, что Егоръ Егорычъ для какой-бы ни было племянницы захочетъ покрывать убійство?.. Хорошо ты о немъ думаешь!.. Тутъ я думаю такъ сдѣлать... Слушай внимательно и скажи мнѣ твое мнѣніе!.. Аггей Никитичъ упомянулъ, что Тулузовъ учителемъ былъ, стало быть, свѣдѣнія объ немъ должны найдаться въ гимназiи здѣшней... Такъ?..

— Такъ!—подтвердила gnädige Frau.

— Слушай далѣе: директоръ тутъ Артасевъ...

Онъ хотъ и не знакомъ лично со мной, но почти пріятель мой по Пилецкому... Такъ?

— Я не знаю, такъ ли это! — возразила gnädige Frau.

— Да такъ!.. Что это?.. Во всемъ сомнѣніе! — воскликнулъ съ досадою Сверстовъ:—Егоръ-же Егорычъ—не теряй, пожалуйста, ийти моихъ мыслей!— ѣдетъ на баллотировку... Я тоже навяжусь съ нимъ ѣхать, да тамъ и явлюсь къ Артасьеву... Такъ, молъ, и такъ, покажите мнѣ дѣло объ учителѣ Тулузовѣ!..

— Но тебѣ, вѣроятно, не дадутъ этого дѣла, — замѣтила gnädige Frau.

— Почему-же не дадутъ? Что ты такое говоришь? Государственная тайна что-ли это?—горячился Сверстовъ: — Вѣдь, понимаешь-ли ты, что это мой нравственный долгъ!.. Я клятву тогда надъ трупомъ мальчика далъ, что я разыщу убійцу!... И какъ мнѣ Богъ-то поспособствовалъ!.. Вотъ ужъ справедливо, видно, изреченіе, что кровь человѣческая вопіетъ на небо...

— Конечно!—согласилась съ этимъ gnädige Frau.

— Ну, значить, объ этомъ и говорить больше нечего, а надобно дѣйствовать,—заклучилъ Сверстовъ.

Пока такимъ образомъ происходила вся эта бесѣда въ залѣ, Егоръ Егорычъ, вспомнившій, что Аггей Никитичъ хотѣлъ ему что-то такое сказать по секрету, предложилъ тому:

— Не желаете-ли вы уйти со мной въ мою комнату?

— Весьма желалъ-бы! — отвѣчалъ Аггей Никитичъ, вздохнувъ какъ паровой котель.

— Прошу васъ!—сказалъ на это Егоръ Егорычъ и увелъ гостя въ свою спальню, гдѣ Аггей Никитичъ, усѣвшись противъ хозяина, сейчасъ-же началъ:

— Вы, Егоръ Егорычъ, спрашивали меня, чѣмъ я остался недоволенъ на ревизіи?.. Собственно говоря, я, прежде всего, недоволенъ самъ собою и чувствую, что неспособенъ занимать мѣсто, котореоплучилъ по вашей протекціи, и долженъ оставить его.

Егоръ Егорычъ былъ сильно удивленъ, услышавъ такое рѣшеніе Аггея Никитича.

— Вслѣдствіе чего вы думаете, что неспособны?— сказалъ онъ немножко съ сердцемъ.

— Вслѣдствіе того-съ,—началъ Аггей Никитичъ неторопливо и какъ-бы обдумывая свои слова:—что я, ища этого мѣста, не зналъ себя и совершенно забылъ, что я человѣкъ военный и привыкъ служить на воздухѣ, а тутъ цѣлый день почти сиди въ душной комнатѣ, которая, ей-богу, нисколько не лучше нашей полковой канцеляріи, куда я и заглядывать-то всегда боялся, думая, что эти строкулисты, писаря, такъ тебѣ сейчасъ и впишутъ въ формуляръ какую-нибудь гадость... Потомъ, считай чужія деньги, а я и своихъ никогда не умѣлъ хорошенько считать, и въ утѣшеніе кури себѣ подъ носъ сургучемъ!...

— Все это вздоръ-съ!... Пустяки!... одно привередничанье ваше!... Что это такое?... Сургучъ?... Прпривыкъ служить на воздухѣ? Это чепуха какая-то! —уже закричалъ на Аггея Никитича Егоръ Егорычъ, разсерженный тѣмъ, что онъ рекомендовалъ Звѣрева, какъ чиновника усерднаго и полезнаго, а тотъ, прослуживъ безъ году недѣлю, изъ какихъ-то глупыхъ причинъ хочетъ ужь и оставить службу.

Аггей Никитичъ, въ свою очередь, хотъ и пони-

маль, что онъ, дѣйствительно, въ оправданіе своего рѣшенія оставить службу губернскаго почтмейстера, нагородилъ какой-то чуши, но тѣмъ не менѣе отъ самаго рѣшенія своего, замѣтно, не отказывался.

— Можетъ быть, вы имѣете въ виду другую должность?—принялся его спрашивать Егоръ Егорычъ.

— Никакой!—произнесъ Аггей Никитичъ.

— Но чѣмъ-же вы будете заниматься, оставивъ вашу службу?

— Буду заниматься масонствомъ!—объяснилъ Аггей Никитичъ.

Егоръ Егорычъ при этомъ невольно усмѣхнулся.

— Масонство нисколько вамъ не помѣшаетъ служить!—пробормоталъ онъ: — Скажите, состояніе вы имѣете?

— Маленькое!... Пенсію мою только!...

— А жена ваша съ состояніемъ?

— Съ небольшимъ.

— Но какъ-же вамъ не представляется мысль, что вы для семьи, для жены вашей должны трудиться?— началъ было Егоръ Егорычъ продолжать свои поученія, но при словахъ: «для жены вашей» Аггей Никитичъ вдругъ выпрямился на своемъ креслѣ и заговорилъ сначала глухимъ голосомъ, а потомъ все болѣе и болѣе возвышающимся:

— Жена-то моя и мѣшаетъ мнѣ продолжать мою службу!—Она очень ужъ хорошо узнала, какъ слѣдуетъ въ почтамтѣ служить, лучше даже, чѣмъ я, и начала тамъ распоряжаться черезчуръ свободно... Передъ тѣмъ какъ мнѣ ѣхать на ревизію, Миропѣ Дмитріевичъ угодно было (при этомъ Аггей Ники-

тичь потерь у себя подь глоткой, какъ-бы за тѣмъ, чтобы утишить схватившій его горло спазмъ)... угодно было:—повторилъ онъ:—поручить всеѣмъ ямщикамъ, всеѣмъ почтальонамъ, чтобы они въ каждой почтовой конторѣ говорили, что это ѣду я, мое высокоблагородіе, начальникъ ихъ, и чтобы господа почтмейстеры чувствовали это и понимали, такъ какъ я желаю съ нихъ хапнуть!...

Такимъ разказомъ Егоръ Егорычъ былъ сильно озадаченъ.

— И вы достовѣрно это знаете?—спросилъ онъ.

— Достовѣрно-съ,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, пронически грустно усмѣхнувшись:—такъ какъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ ко мнѣ являлся обыкновенно почтмейстеръ и предлагалъ взятку, говоря, что дѣлаеть это по моему требованію, которое передано имъ отъ моей супруги черезъ почтальона... Я говорю все это такъ откровенно вамъ, Егоръ Егорычъ, потому что мнѣ рѣшительно не съ кѣмъ совѣтоваться о такомъ моемъ большомъ горѣ!

— Но что-же, вама жена глупа что-ли?—спросилъ негромко Егоръ Егорычъ.

— Напротивъ,—отвѣчалъ, тоже вполголоса Аггей Никитичъ:—но хитра и жадна на деньги до невозможности... Видѣть этихъ проклятыхъ денегъ равнодушно не можетъ, задрожить даже; и такъ она мнѣ этимъ опротивѣла, что я развестись-бы съ ней желалъ!

— Развѣ это возможно и благородно!—снова прикрикнулъ на него Егоръ Егорычъ:—Вы забываете, что она, можетъ быть, дочь какого-нибудь небольшого необразованнаго чиновника, а потому въ семьѣ

своей и посреди знакомыхъ звука, вѣроятно, не слышала, что взятки мерзость и дѣло непозволительное!

— Нѣтъ-съ, это не отъ семьи зависитъ, а чело-вѣкомъ выходитъ!—воскликнулъ Аггей Никитичъ:— У насъ, на примѣръ, нѣкоторые ротные командиры тоже порядочно плутовали, но я, видитъ Богъ, ко-пѣйкой казенной никогда не воспользовался... А тутъ вдругъ какимъ хапаломъ оказался!... Какъ я тамъ ни увѣрялъ всѣхъ, что это глупая выдумка почтальо-новъ, однако всѣ очень хорошо понимаютъ, что тѣ бы выдумать не смѣли!

— Если вы и осрамлены, такъ не на долгое время,—сталъ его утѣшать Егоръ Егорычъ:—вѣдь поймутъ-же потомъ, что вы не такіе.

— А какъ поймутъ? Я, конечно, буду не такой, а другой, какимъ я всегда былъ, но за супругу мою я не поручусь... Она потихоньку отъ меня, пожалуй, будетъ побирать, гдѣ только можно... Значитъ, что-же выходитъ?.. Пока я не разойдусь съ ней, мнѣ нельзя служить, а не служить, значитъ, нечѣмъ жить!... Расходиться-же мнѣ, какъ вы говорите, не слѣдуетъ и неблагородно это будетъ!...

— Не слѣдуетъ!—повторилъ Егоръ Егорычъ:— Прежде надобно было объ этомъ думать, когда вы женились на ней!

— Я думалъ, Егоръ Егорычъ, много думалъ, но справедливо говорить, что женщина хитрѣе чорта... Хоть-бы на счетъ тѣхъ-же денегъ... Миропя Дмитріевна притворилась такой неинтересанткой, что и Боже ты мой, а тутъ вотъ что вышло на повѣрку. Вижу ужъ я теперь, что поги въ безвозвратно!

— Почему-же и погибли?—продолжалъ утѣшать Аггея Никитича Егоръ Егорычъ:—Вы такой добрый и душевный человекъ, что никогда не погибнете, и я вотъ теперь придумываю, какое бы вамъ другое мѣсто найти, если это, кромѣ семейныхъ причинъ, и не по характеру вамъ.

— Совершенно не по характеру,—отозвался Аггей Никитичъ.

— А мѣсто исправника, которое, полагаю, вамъ будетъ больше по душѣ, вы взяли-бы?

— Конечно-бы, взялъ, но супруга моя и тутъ, чего добраго, что-нибудь натворить!

— Нѣтъ, ужъ она тутъ у меня ничего не натворитъ: я вмѣшаюсь въ вашу семейную жизнь!... Митропа Дмитриевна, сколько я могъ это замѣтить, побаивается меня немножко.

— И очень побаивается!—подхватилъ Аггей Никитичъ:—Вы мнѣ истинное благодѣяніе окажете, если повліяете на нее, потому что, прямо вамъ говорю, мнѣ, по моему характеру, не совладать съ ней.

— Вижу,—произнесъ съ многотумчивымъ выраженіемъ въ лицѣ Егоръ Егорычъ:—и потому вотъ я какой смѣлъ-бы планъ... Не знаю, понравится-ли онъ вамъ... Вы останетесь погостить у меня и напишите вашей женѣ, чтобы она также пріѣхала въ Кузьмищево, такъ какъ я желаю поближе съ ней познакомиться... Пріѣдетъ она?

— Непременно пріѣдетъ!... Я самъ что-то въ родъ этого думалъ, но не смѣлъ обременять васъ!—произнесъ радостно Аггей Никитичъ.

— Но только напередъ знайте, что я буду къ женѣ вашей безжалостенъ и съ безпощадностью объ-

ясню ей все безобразіе ея поступковъ! — дополнилъ Егоръ Егорычъ.

— Чѣмъ безпощаднѣе, тѣмъ лучше, — воскликнулъ на это почти ожесточеннымъ голосомъ Аггей Никитичъ: — потому что если наказать Миropу Дмитріевну, чего она достойна по винѣ своей, такъ ее слѣдуетъ, какъ бывало это встарину, взять за косу да и объ полъ!

— Ну, и безъ косы обойдемся и объяснимъ ей! — остановилъ его Егоръ Егорычъ.

XIII.

Рѣшившись отдать свою супругу подъ начало и исправленіе, Аггей Никитичъ въ ту же ночь отправилъ съ привезшимъ его ящикомъ письмо къ ней довольно лукаваго свойства въ томъ смыслѣ, что оно было съ одной стороны не слишкомъ нѣжное, а съ другой и не слишкомъ суровое. Онъ писалъ, чтобы Миpопа Дмитріевна непременно пріѣхала въ Кузьмищево въ тѣхъ видахъ, что Егоръ Егорычъ, ихъ прежній, да, вѣроятно, и будущій благодѣтель, желаетъ поближе съ ней познакомиться, но о томъ, зачѣмъ собственно Миropу Дмитріевну выписывали, онъ ни однимъ словомъ ей не намекнулъ. Миpопа Дмитріевна, какъ и заранѣе можно предполагать, не заставила себя долго ожидать, и черезъ день-же, когда въ Кузьмищевѣ только-что сѣли за обѣдъ, она подкатила въ врыльцу въ коляскѣ шестерикомъ, съ колокольцами и даже съ почтальономъ на запят-

кахъ. Такой парадъ въ ея поѣздѣ былъ весьма натураленъ, потому что, по званію губернской почтмейстерши, Миропа Дмитріевна не могла-же трястись за сто слишкомъ верстѣ въ какой-нибудь бричкѣ, тѣмъ болѣе, что коляску и лошадей ей предложилъ почторсодержатель совершенно бесплатно. Бѣдучи всю дорогу въ пріятномъ настоеніи духа, она ожидала, что осчастливить всѣхъ въ Кузьмищевѣ своимъ пріѣздомъ, но, къ великому своему удивленію, на первыхъ-же шагахъ замѣтила, что Аггей Никитичъ, кажется, такъ давно съ ней невидавшійся, смотритъ на нее озлобленно; Егоръ-же Егорычъ едва ей поклонился, и одна Сусанна Николаевна какъ-бы нѣсколько попривѣтливѣе встрѣтила ее и усадила за обѣденный столъ; но и тутъ Миропа Дмитріевна очутилась въ нѣсколько неловкомъ положеніи, оттого что она не была знакома съ gnädige Frau, п, будучи посажена съ сею послѣднею рядомъ, Миропа Дмитріевна не вѣдала, кто такая эта дама: родственница-ли Марѣиныхъ, знакомая ихъ, или просто экономка, а потому рѣшительно не знала, какъ себя держать съ gnädige Frau. Тотчасъ послѣ обѣда Егоръ Егорычъ сказалъ потихоньку Сусаннѣ Николаевнѣ:

— Ты меня оставь на нѣсколько времени съ глазу на глазъ съ Миропой Дмитріевной и съ мужемъ ея!

— А что они? — спросила та.

— Ссорятся, помирить надо!

Gnädige Frau и Сверстова онъ также попросилъ не входить въ гостиную, когда онъ будетъ тамъ разговаривать съ пріѣзжей гостьей.

— Не входить? — спросила его при этомъ шут-

ливо gnädige Frau: — У васъ, значитъ, шуры-муры съ ней, и вы хотите поэтому мнѣ измѣнить?

— Хочу, хочу, пора!... Давно ужъ любимся.

Давно, но только очень холодно, — я нахожу, очень холодно! — шутила уходя gnädige Frau.

— Ахъ, ты старая грѣшница! — говорилъ шедшій вслѣдъ за ней мужъ.

— Вы-то пуце праведники! — отозвалась gnädige Frau.

Здѣсь я не могу не замѣтить, что сія почтенная дама съ теченіемъ годовъ все болѣе и болѣе начала обнаруживать смѣлости и разговорчивости съ мужчинами и даже позволяла себѣ иногда весьма и весьма вольныя шутки, что проходило, конечно, потому, что кто-же по лѣтамъ и наружности gnädige Frau могъ ее заподозрить въ чемъ-нибудь?!

Когда, такимъ образомъ, оставленная дамами, Миропя Дмитриевна очутилась въ гостинной съ глазу на глазъ съ Егоромъ Егорычемъ и своимъ мужемъ, то это ей показалось новымъ оскорбленіемъ и большой невѣжливостью со стороны Сусанны Николаевны. Кромѣ того она смутно предчувствовала, что ей угрожаетъ нѣчто худшее.

Предчувствіе Миропы Дмитриевны вскорѣ исполнилось. Егоръ Егорычъ, не любившій ничего откладывать въ дальній ящикъ, заговорилъ, относясь къ ней довольно суровымъ тономъ:

— Супругъ вашъ очень недоволенъ ревизіей, которую онъ произвелъ по своему вѣдомству!

— Недоволенъ? Но онъ мнѣ ничего не писалъ о томъ! — проговорила Миропя Дмитриевна, удивленная, что Егоръ Егорычъ съ ней началъ такой

разговоръ. — И чѣмъ-же ты тутъ недоволенъ? — обратилась она тоже строго къ Аггею Никитичу.

— А вотъ тебѣ Егоръ Егорычъ скажетъ, чѣмъ я тутъ недоволенъ! — произнесъ многозначительно Аггей Никитичъ, и онъ сваливалъ въ этомъ случаѣ отвѣтъ на Егора Егорыча не по трусости, а потому, что прилившій къ сердцу его гнѣвъ мѣшалъ ему говорить.

— Аггей Никитичъ недоволенъ въ этой ревизіи не столько своими подчиненными, сколько вами! — рубнулъ напрямикъ Егоръ Егорычъ и тѣмъ-же неумолимо-строгимъ голосомъ.

Миропа Дмитріевна тайно смутилась, но скрыла это и проговорила спокойно и съ нѣкоторою даже гордостью:

— Я никакимъ образомъ и ни при какой ревизіи моего мужа не могу быть виновна!

— Не запирайтесь, а лучше покайтесь! — воскликнулъ Аггей Никитичъ.

— Покайтесь, — повторилъ за нимъ и Егоръ Егорычъ: — и мы вмѣстѣ подумаемъ, какъ поправить учиненную вами бѣду!

Изъ этихъ намековъ мужа и Егора Егорыча Миропа Дмитріевна хорошо поняла, что она поймана съ полными, и ею овладѣло вовсе не раскаяніе, которое ей предлагали, а злость несказанная и неопишуемая на своего супруга; въ ея головѣ быстро промелькнули не мысли, нѣтъ, а скорѣе ощущенія мыслей: «Этотъ дуракъ, то-есть Аггей Никитичъ, говоритъ, что любитъ меня, а между тѣмъ разблаговѣщиваетъ всѣмъ, что я что-то такое не по его сдѣлала, тогда какъ я сдѣлала это для его-же, дурака,

пользы, чтобы придать ему вѣсь передъ его подчиненными!» Повторяемый столь часто въ мысляхъ эпитетъ мужу: дуракъ и дуракъ—свидѣтельствовавъ, что Миропа Дмитріевна окончательно убѣдплась въ неадалности Аггея Никитича, но, какъ-бы тамъ ни было, по чувству самосохраненія она прежде всего хотѣла вывернуться изъ того, что ставятъ ей въ обвиненіе.

— Я очень-бы готова была покаяться передъ вами, если-бы знала, въ чемъ вы меня укоряете, — отнеслась она, не обращая вниманія на мужа, исключительно къ Егору Егорычу

— Васъ обвиняютъ въ томъ, что передъ тѣмъ какъ вашъ мужъ поѣхалъ ревизовать почтмейстеровъ, вы черезъ почтальоновъ всѣмъ имъ объявили, что это ѣдетъ ихъ начальникъ, къ которому они должны являться съ приношеніями!... Что это такое?... Назовите мнѣ вашъ поступокъ и научите меня, какъ мнѣ именовать его? — кричалъ Егоръ Егорычъ.

— Да, пусть она сама наименуетъ свои дѣянья и скажетъ, чего она достойна за нихъ! — кричалъ и Аггей Никитичъ.

Хорошо, что Миропа Дмитріевна была не изъ такихъ дамъ, чтобы ее можно было очень запугать, и потому какъ ни дерзко отнеслись къ ней этотъ крикунъ Егоръ Егорычъ, а также и дуракъ супругъ ея, она не потерялась окончательно и успѣла придумать довольно благовидное объясненіе своей проделки.

— Теперь я понимаю! — заговорила она, почти смѣясь: — Это точно, что я разъ одному почтальону,

хоть тутъ стояли и другіе почталыоны, сказала, что Аггей Никитичъ начальникъ всѣхъ почтмейстеровъ, и пускай они его примутъ съ уваженіемъ!

— Но вы и этого не должны были дѣлать! — крикнулъ на нее Егоръ Егорычъ: — женщины рождены не для того, чтобы распорядиться въ служебныхъ дѣлахъ мужа, а чтобы не огорчать мужей, возбуждать въ нихъ благородныя чувства по общественной дѣятельности, утѣшать и успокоивать мужа въ случаѣ несправедливыхъ невзгодъ!

— А развѣ я не дѣлала того? — сказала кроткимъ голосомъ Миропа Дмитриевна. — Не дѣлала этого я?... Признайся! — обратилась она уже къ мужу, но тотъ, однако, ей на это ничего не отвѣтилъ.

— И видитъ Богъ, — продолжала Миропа Дмитриевна: — я всего только разъ и провинилась или, лучше, не сообразила хорошенько по своей торопливости!

— Вы вотъ поторопились и не сообразили, а мужъ вашъ долженъ изъ-за этого оставить службу!

Тутъ ужъ Миропа Дмитриева серьезно и сильно испугалась.

— Развѣ ты хочешь оставить службу? — спросила она трепетнымъ голосомъ.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Но ты послѣ этого съ ума сошелъ! — проговорила Миропа Дмитриевна, едва сдерживая себя.

— Это не сумашествіе, а тонкое чувство чести! — подхватилъ за Аггея Никитича Егоръ Егорычъ: — Ему стыдно теперь встрѣтиться со своими подчиненными, которые все-таки могутъ подозрѣвать его!

— Но тогда намъ будетъ нечѣмъ жить!... Егоръ Егорычъ, сжальтесь вы надъ нами! — обратилась Миропа Дмитріевна уже со слезами на глазахъ къ Егору Егорычу.

— Я ему найду другое мѣсто, — его исправникомъ сдѣлаютъ! — отвѣчалъ Марейнъ.

Миропа Дмитріевна еще болѣе испугалась.

— Но это мѣсто, — осмѣлилась она замѣтить: — гораздо ниже того, которое Аггей Никитичъ теперь занимаетъ.

— Не ваше дѣло разбирать, какія мѣста выше или ниже! — опять остановилъ ее рѣзко Егоръ Егорычъ. — На всякомъ маленькомъ мѣстѣ можно стоять высоко, служа честно и безкорыстно!

«Хорошо тебѣ, старому чорту, разсуждать о безкорыстїи, когда у тебя слишкомъ тысяча душъ!» подумала она, но вслухъ ничего не произнесла, а напротивъ, до поры до времени постаралась какъ можно дальше спрятать въ душѣ своей волновавшія ее чувствованія.

Егоръ-же Егорычъ, въ свою очередь, тоже опасаясь, чтобы не очень ужъ разстроить Миропу Дмитріевну, не сталъ болѣе продолжать и, позвонивъ, приказалъ вошедшему Антипу Ильичу пригласить въ гостиную Сусанну Николаевну, которая, придя и замѣтивъ, что Миропа Дмитріевна была какая-то растерянная, подсѣла къ ней и начала разспрашивать, какъ той нравится послѣ Москвы жизнь въ губернскомъ городѣ.

— Ахъ, очень, очень! — отвѣчала Миропа Дмитріевна: — тѣмъ больше, что послѣднее время я чрезвычайно сошлась съ тамошнимъ обществомъ, и очень

жалъ будетъ мнѣ, если намъ куда нибудь придется уѣхать.

Вслѣдъ за Сусанной Николаевной вскорѣ появились докторъ и gnädige Frau, и устроилась партія въ вистъ, въ которой Миропъ Дмитріевна тоже приняла участіе. Играли: она, Сверстовы и Сусанна Николаевна, которая до такой степени ошибалась въ ходахъ, что всѣ ея партнеры, не смотря на глубокое къ ней уваженіе, безпрестанно выговаривали ей.

Егоръ Егорычъ, сидѣвшій близко къ Аггею Никитичу, наклонился къ нему и, показывая глазами на Миропу Дмитріевну, шепнулъ:

— Кажется, ничего, обошлось, слава Богу, хорошо!

Аггей Никитичъ, бывшій какъ темная ночь, отрицательно мотнулъ головой.

— Маска, притворство!—сказалъ онъ тихо.

— Во всякомъ случаѣ, вы скажите ей, что я говорилъ не изъ зла на нее, а скорѣе изъ любви, и пусть-бы она не сердилась.

— Этимъ ее не урезонишь, она сердита теперь на всѣхъ, а всего больше на меня! — проговорилъ Аггей Никитичъ.

Такого рода предположеніе его, кажется, подтвердилось вполнѣ. По деревенскимъ обычаямъ, обоимъ супругамъ была отведена общая спальня, въ которую войдя послѣ ужина, они хоть и затворились, но комнатная прислуга кузьмищевская, долго еще продолжавшая ходить мимо этой комнаты, очень хорошо слышала, что супруги бранились или, точнѣе сказать, Миропъ Дмитріевна принялась ругать

мужа на всѣ корки и при этомъ, къ удивленію молодыхъ горничныхъ, произносила такія слова, что хоть бы въ пору и мужику, а Аггей Никитичъ на ея брань мычалъ только или произносилъ глухимъ голосомъ:

— Да полно, перестань, вѣдь ты въ чужомъ домѣ!

Но Миропа Дмитриевна не переставала, и видимо, что она утратила всякую власть надъ собою.

Въ результатъ столь пріятно проведенной ночи Аггей Никитичъ, совсѣмъ какой-то бронзовый, вошелъ къ Егору Егорычу поутру, едва лишь тотъ поднялся, и объявилъ ему, что онъ долженъ уѣхать.

— Что-же, плохо?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Ничего особеннаго, только настаиваетъ, чтобы я остался губерньскимъ почтмейстеромъ, но только это *attendez, madame*, и я васъ объ одномъ, благодѣтель мой, умоляю: пріѣхать на баллотировку и спасти меня несчастнаго!

— Буду, буду! — затараторилъ Егоръ Егорычъ, но сейчасъ же и смолкъ, потому что въ это время къ нему вошли Сусанна Николаевна и Миропа Дмитриевна. Последняя тоже имѣла довольно желтоватый цвѣтъ лица.

— Я пришла къ вамъ проститься,—сказала она Егору Егорычу: — и просить у васъ прощенія во всемъ и во всемъ!

— Во всемъ и во всемъ васъ прощаю! — отвѣтилъ ей тотъ и поцѣловалъ у нея руку.

Супруги скоро уѣхали, и въ дорогѣ между ними ссора продолжалась до такой степени сильно и такими голосами, что везшіе ихъ ямщики и стоявшій

на запяткахъ почтальонъ повременамъ ожидали, что господа начнутъ драться, и все больше барыня, которая такъ и наскакивала на барина.

XIV.

Дворянскіе выборы въ нынѣшній годъ имѣли болѣе торжественный характеръ, чѣмъ это бывало прежде. Произошло это оттого, что былъ окончательно устроенъ и отдѣланъ новый домъ дворянскаго собранія. Губернскій предводитель, завѣдывавшій постройкой совмѣстно съ архитекторомъ, употреблялъ все усилія сдѣлать залу собранія похожею на залу Всероссійскаго Московскаго Дворянскаго Собранія. Конечно, это осталось только попыткой и ограничивалось тѣмъ, что наверху залы были устроены весьма удобные хоры, поддерживаемые довольно красивыми колоннами; все стѣны были сдѣланы подъ мраморъ; и того, казалось-бы, достаточно для губерніи, однако, нашлись злые языки, которые стали многое во вновь отстроенномъ домѣ оуждать, осмѣивать, и первыя въ этомъ случаѣ возстали дамы, особенно тѣ, у которыхъ были взрослые дочери: онѣ въ ужасъ пришли отъ ажурной лѣстницы, которая вела въ залу.

— Но какъ-же мы, женщины, будемъ ходить по этой лѣстницѣ?—восклидали онѣ:—тамъ, вѣроятно, подъ ней будутъ стоять лакеи!

Когда объ этомъ дошло до губернскаго предводителя, то онъ поспѣшилъ объѣхать всѣхъ этихъ

дамъ и объявилъ, что лакеямъ не позволятъ находиться подъ лѣстницей и, кромѣ того, по всей лѣстницѣ будетъ посланъ коверъ. Дамы успокоились, но тогда нѣкоторые изъ мужчинъ, по преимуществу поклонники Бахуса, стали вопіять на счетъ буфета:

— Чортъ знаетъ, что такое, — говорили они: — буфетъ меньше курятника!... Гдѣ-жъ намъ сидѣть?... Не въ танцевальной-же залѣ торчать за спинами нашихъ супруговъ?... Будетъ ужь, налюбовались этимъ и дома!

По поводу дамской уборной было даже сочинено къ-мъ-то четверостишіе. Дѣло въ томъ, что на потолкѣ этой уборной была довольно искусно нарисована Венера, рассыпающая цвѣты, которые какъ-бы должны были упасть съ потолка на поправляющихъ свой туалетъ дамъ и тѣмъ ихъ еще болѣе украсить, — мысль, сама по себѣ прекрасная, но на бѣду въ уборной повѣсили для освѣщенія люстру, крючокъ которой пришелся на срединѣ живота Венеры, вслѣдствіе чего сказанное стихотвореніе гласило: *«Губернскій предводитель глупъ, ввинтилъ Венеръ люстру въ пупъ»*. Приличіе не дозволяетъ мнѣ докончить остальныхъ двухъ стиховъ. Но какъ-бы то ни было, не смотря на такого рода недоумѣнія и несправедливыя насмѣшки, труды губернскаго предводителя были оцѣнены, потому что, когда онъ, собравъ въ новый домъ пріѣхавшихъ на баллотировку дворянъ, ввелъ ихъ разомъ въ танцевальный залъ, то почти всѣ выразили восторгъ и стали, подходя поодиночкѣ, благодарить его: подавать адреса, а тѣмъ болѣе одобрительно хлопать тогда еще было не принято. Въ отвѣтъ на изъявленную благодар-

ность губернсвій предводитель, поднявъ голову, произнесъ:

— Главнымъ образомъ, господа, я желаю, чтобы вы обратили ваше вниманіе на хозяйственность произведенной мною постройки и довѣрчиво взглянули на представленный мною по сему предмету отчетъ!—и при этомъ онъ вынулъ изъ кармана заранѣе имъ написанный на почтовой бумагѣ отчетъ и хотѣлъ его вручить кому-нибудь изъ дворянъ; но въ этотъ моментъ громко раздался крикъ стоявшихъ около него лицъ:

— Мы не желаемъ вашего отчета!... Мы не желаемъ васъ считать!... Мы вѣримъ вамъ!...

Вслѣдъ затѣмъ повторились подобные возгласы и въ другихъ болѣе отдаленныхъ группахъ и закончились почти басистымъ ревомъ: «мы не желаемъ васъ считать!»—и басъ этотъ врядъ-ли не принадлежалъ секретарю депутатскаго собранія. Часамъ къ двѣнадцати, какъ водится, пріѣхалъ губернаторъ и, взоидя на небольшое возвышеніе, устроенное въ одномъ концѣ залы, произнесъ краткую рѣчь:

— Господа дворяне! Вамъ, конечно, понятна вся великость дарованнаго вамъ права выбирать изъ среды себя лицъ на службу государю и отечеству, и я сохраняю твердую увѣренность, что при выборахъ вы будете руководиться однимъ желаніемъ выбирать достойнѣйшихъ. Объявляю собраніе открытымъ!

И затѣмъ, ловко сойдя съ возвышенія и кланяясь направо и направо, губернаторъ уѣхалъ; губернсвій-же предводитель, взоидя на то-же возвышеніе, предложилъ дворянамъ начать баллотировку по уѣз-

дамъ. Толпа стала раздѣляться и сосредоточиваться около своихъ столиковъ.

Въ продолженіе всего предыдущаго времени Егора Егорыча какъ-то было не видать въ залѣ, но едва только началась баллотировка, какъ онъ появился и прямо прошелъ къ столу, около котораго стоялъ также и Тулузовъ въ мундирѣ дворянина съ Владиміромъ на груди, получившій выборный шаръ отъ жены своей.

— Я, между прочимъ, дворянинъ и вашего уѣзда! — сказала Мареннъ стоявшему около стола уѣздному предводителю.

— Кто-жь не знаетъ этого? — отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторой улыбкой.

— Вашъ исправникъ не желаетъ болѣе служить! — продолжалъ Егоръ Егорычъ.

— Къ сожалѣнію! — подтвердилъ предводитель.

— И потому на мѣсто его предлагаю выбрать честнѣйшаго человѣка:—здѣшняго губернскаго почт-мейстера господина Звѣрева!

Такое заявленіе Егора Егорыча замѣтно удивило всѣхъ.

— Господинъ Звѣревъ, занимая столь видную должность, желаетъ, однако, служить по выборамъ и мы должны оцѣнить это! — заключилъ Егоръ Егорычъ.

— Мы это, конечно, и оцѣнимъ! — произнесъ первый предводитель.

— Оцѣнимъ-съ! — повторили и другіе дворяне его уѣзда.

И Звѣревъ въ то-же утро былъ избранъ бѣлыми

шарами съ однимъ лишь чернымъ, который, какъ всё догадались, положилъ ему Тулузовъ.

Самого Аггея Никитича въ это время не было въ залѣ, но за то была на хорахъ Мирона Дмитриевна, которая, какъ листъ осиновый, трепетала. Что собственно говорилъ Егоръ Егорычъ, она не разслушала, но слова уѣзднаго предводителя: «Господинъ Звѣревъ выбранъ большинствомъ!» до нея ясно долетѣли. Забывъ всякое приличіе, Мирона Дмитриевна какъ-то злобно взвизгнула и впала въ настоящую, неподдѣльную истерику. Gnädige Frau, пріѣхавшая вмѣстѣ съ мужемъ и Марѣинымъ въ губернской городъ на баллотировку и тоже бывшая на хорахъ, первая бросилась къ Миронѣ Дмитриевнѣ и хотѣла было ее отпаявать водою, но Мирона Дмитриевна одно лишь повторяла: «домой, домой!» Избраніе мужа въ исправники рушило послѣднюю ея надежду: посредствомъ брани, проклятій и слезъ она добилась отъ Аггея Никитича обѣщанія, что если его забаллотируютъ, такъ онъ останется нѣкоторое время губернскимъ почтмейстеромъ, но если выберутъ, такъ ужь атанде!

Пока все это происходило, Сверстовъ, очень мало занятый собственно баллотировкой, преслѣдовалъ главную свою цѣль и нѣсколько разъ заѣзжалъ къ Арташеву, котораго, къ великому горю, все не заставалъ дома. Наконецъ, однажды онъ поймалъ его и то уже, когда Иванъ Петровичъ приготовлялся уѣхать и былъ уже въ передней, продѣвая руку въ рукавъ шубы, которую подавалъ ему гимназическій сторожъ. Сверстовъ назвалъ свою фами-

лію и объяснилъ, что онъ именно тотъ докторъ, который лѣчилъ Пилецкаго.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ Артасьевъ, проворно выдергивая свою руку изъ рукава шубы: — какъ я радъ, какъ я радъ; но я уѣзжаю по самонужнейшему дѣлу: у насъ есть возможность завести при гимназіи пансіонъ, и всѣ мы никакъ не можемъ столковаться, какъ намъ устроить это... Я черезъ четверть часа непременно долженъ быть у губернскаго предводителя, и можете вообразить себѣ, какой тутъ важный вопросъ: вопросъ, получать или нѣтъ воспитаніе нѣсколько мальчиковъ!

Сверстовъ былъ достаточно прозорливъ, чтобы сразу-же понять, какого сорта человекъ былъ Артасьевъ, а потому онъ началъ прямо:

— Мнѣ собственно нужно не къ вамъ, а въ канцелярію вашу, чтобы получить справку по дѣлу о полученіи у васъ господиномъ Тулузовымъ званія учителя. Вѣдь у васъ въ гимназіи онъ былъ удостоенъ этого званія?

— Не помню, голубчикъ, не помню!—восклидалъ Иванъ Петровичъ и, нисколько не подумавъ, зачѣмъ нужна Сверстову какая-то справка о Тулузовѣ, а также совершенно не сообразивъ, что учитель Тулузовъ и Тулузовъ, нынѣ ладящій попасть въ попечители гимназіи, одно и то-же лицо, онъ обратился къ сторожу, продолжавшему держать передъ нимъ шубу, и приказалъ тому:

— Шумиловъ, сведи господина доктора въ канцелярію и скажи письмоводителю, чтобы онъ выдалъ ему все, о чемъ онъ проситъ!—и затѣмъ, расцѣло-

вавшись съ Сверстовымъ и порядкомъ обслужививъ его при этомъ, уѣхалъ.

Шумиловъ, хоть и смѣло, но, по случаю маленькой булабочки въ головѣ, не совсѣмъ твердо ступая, повелъ доктора въ канцелярію, гдѣ тотъ увидѣлъ въ поношенномъ спиемъ виць-мундирѣ подслѣповатаго чиновника, съ лицомъ, вѣроятно, вслѣдствіе близорукости, нѣзко опущеннымъ надъ бумагою, которую онъ писалъ, имѣя при этомъ нѣсколько высунутый направо языкъ, что, какъ извѣстно, дѣлаютъ многіе усердные писцы.

— Иванъ Петровичъ приказали дать имъ всякія бумаги!—почти вкрикнулъ на него явно уже пьянымъ голосомъ Шумиловъ, такъ что чиновникъ даже вздрогнулъ и вслѣдъ затѣмъ, увидавъ передъ собой высокую фигуру Сверстова, робко проговорилъ:

— Какія собственно бумаги вамъ угодно?

— Мнѣ нужно имѣть справку объ учителѣ Тулузовѣ.

— Объ учителѣ Тулузовѣ! — повторилъ самъ съ собой письмоводитель, какъ-бы стараясь припомнить: — это дѣло, если я не ошибаюсь, тридцать шестаго года!—заклучилъ онъ и, подойдя къ одному изъ шкафовъ, прямо вынулъ изъ него дѣло Тулузова. Видимо, что сей скромный чиновникъ былъ надѣленъ отъ природы весьма хорошею памятью.

Докторъ, какъ коршунъ на добычу, бросился на поданное ему дѣло и на одной изъ первыхъ-же страницъ его увидалъ паспортъ Тулузова, выданный въ 1835-мъ году 5-го января изъ казначейства того именно городка, въ которомъ Сверстовъ тогда служилъ.

— Не можете-ли вы мнѣ дать съ этого билета копію?—сказалъ онъ, сильно опасаясь, что письмо-водитель откажетъ ему въ его просьбѣ, но тотъ былъ, видно, столь-же простодушенъ, какъ и начальникъ его, и отвѣчалъ покорнымъ голосомъ:

— Отчего-же? Можно! — и затѣмъ принялся переписывать копію съ билета Тулузова, каковую скрѣпилъ своимъ подписомъ: «съ подлиннымъ вѣрно» и приложилъ къ ней, сверхъ того, казенную гимназическую печать.

Положивъ въ карманъ этотъ документъ и поѣхавъ домой, Сверстовъ съ восторгомъ помышлялъ, какъ онъ черезъ короткое время докажетъ, что Тулузовъ не Тулузовъ, а нѣкто другой, и какъ того посадятъ за это въ тюрьму, гдѣ успѣютъ уличить его, что онъ убійца бѣднаго мальчика. Не смотря на свои сѣдые волосы, докторъ, видно, мало еще зналъ свою страну и существующіе въ ней порядки.

Но вотъ, наконецъ, приблизился и день выбора Тулузова въ попечители гимназіи. Дворянство собралось ровно въ назначенный часъ и, видимо, было въ возбужденномъ состояніи. Посреди этой разнообразной толпы величаво расхаживалъ Егоръ Егорычъ въ своемъ отставномъ гусарскомъ мундирѣ и съ усами, какъ-то болѣе обыкновеннаго приподнятыми вверхъ. Не нужно было имѣть большаго дара наблюденія, чтобы въ этомъ маленькомъ человѣчкѣ узнать главнаго вождя баллотировки, на которой онъ могъ сдѣлать все, что пожелалъ-бы. Между тѣмъ въ глубинѣ одного изъ оконъ стояли: губернский предводитель, Иванъ Петровичъ Артасевъ и Тулузовъ. Выраженіе лица послѣдняго было какое-то озлобленное

и насмѣшливое. До него уже стали доходить слухи, что Марейнъ поклялся закатать его черняками.

— Тѣмъ хуже для дворянства это будетъ! Тогда я имъ вмѣсто пятидесяти тысячъ на пансіонъ покажу шишъ!—отвѣчалъ на это Тулузовъ.

Въ настоящемъ случаѣ разговоръ шелъ тоже объ этомъ предметѣ.

— Я понять не могу, почему дворянство упирается и не хочетъ этого? — говорилъ Иванъ Петровичъ, топорщась и покачивая своимъ уже и не краснымъ, а фіолетовымъ носомъ.

— Причина весьма понятна!—объяснилъ губернский предводитель:—Василій Ивановичъ не внесъ еще, какъ предписало ему министерство, денегъ въ дворянскій комитетъ.

Лицо Тулузова искажилось при этомъ злой улыбкой.

— Мнѣ, какъ частному человѣку, никакое министерство не можетъ предписывать,—сказалъ онъ:— а не вношу я денегъ потому, что не увѣрею, буду ли выбранъ, и тогда зачѣмъ-же я брошу на вѣтеръ пятьдесятъ тысячъ!

— Понимаю васъ, и, будучи столько обязанъ Катеринѣ Петровнѣ, конечно, я стою за васъ и буду всегда стоять; но что-жь мнѣ дѣлать, когда всѣ почти въ одинъ голосъ мнѣ возражаютъ: «Положимъ, мы его выберемъ, а онъ не внесетъ денегъ?»

— Да какъ это возможно? — воскликнулъ на это Иванъ Петровичъ.

— Полагаю, что невозможно! — подхватилъ съ прежней усмѣшкой Тулузовъ: — Я тогда лицо официальное становлюсь!.. Если не по чувству чести, то изъ страха не пожелаю этого сдѣлать!

— И съ этимъ я согласенъ, но что-жь прикажете дѣлать, когда не убѣждаются?—произнесъ, пожимая плечами, губернской предводитель. — Я вчера въ клубѣ до трехъ часовъ спорилъ, и это, какъ потомъ я узналъ, дѣлается по вліянію вотъ этого господина! — заключилъ онъ, показывая глазами на проходившаго невдалекѣ Марейна.

— Его!—подтвердилъ и Тулузовъ.

— Тогда я пойду и попрошу его... Онъ повѣрить! — произнесъ Иванъ Петровичъ и тотчасъ-же подошелъ къ Марейну.

— Другъ любезный! — закричалъ онъ на всю залу:—не противодѣйствуйте выбору господина Тулузова!... Онъ намъ благодѣяніе дѣлаетъ: пятьдесятъ тысячъ жертвуетъ на пансіонъ для мальчиковъ.

Егоръ Егорычъ погрозилъ ему на это пальцемъ и проговорилъ наставническимъ тономъ:

— Иванъ Петровичъ, не забывайте поговорки: «не ходи съ хмѣльнымъ подъ ручку, а то самъ хмѣлень покажешься»!

— Ну, что такое это?.. Я не понимаю,—хмѣльной съ хмѣльнымъ?—продолжалъ было Иванъ Петровичъ, но Егоръ Егорычъ не сталъ слушать, а, повернувшись назадъ, подошелъ къ губернскому предводителю.

— Я слышалъ, что дворянство нуждается въ пансіонѣ при гимназій?.. Я готовъ устроить его на свой счетъ въ размѣръ пятидесяти тысячъ!..

— Благодѣтель вы нашъ, благодѣтель!—завопилъ подошедшій на эти слова Иванъ Петровичъ, которому было все равно, у кого-бы ни заручиться деньгами въ пользу мальчугановъ.

Поблагодарилъ Марѣина также и губернской предводитель, но довольно сухо. Егоръ Егорычъ, впрочемъ, нисколько этого и не замѣтилъ.

— Завтрашній день буду имѣть честь представить собранію пожертвованныя мною деньги! — проговорилъ онъ и пошелъ опять вдоль залы. Иванъ Петровичъ тоже пошелъ за нимъ, желая еще разъ поблагодарить и расцѣловать, что въ переводѣ значило облюбовать.

Губернскій предводитель, оставшись у окна съ Тулузовымъ, не преминулъ ему сказать заискивающимъ голосомъ:

— Вы извините меня-съ, я ничего не могъ тутъ сдѣлать въ вашу пользу: сами видите, какая тонкая тутъ интрига подведена!

— Да-съ, конечно, — отвѣчалъ Тулузовъ, не оставляя своей злой усмѣшки: — и я васъ прошу мое заявленіе о желаніи баллотироваться возвратить!.. Я не желаю быть избираемымъ!

— Все-таки, попробовали-бы! — проговорилъ губернской предводитель, но явно уже для виду только.

— Нѣтъ, не желаю! — повторилъ Тулузовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ взглянулъ на хоры, на которыхъ была Екатерина Петровна въ довольно взволнованномъ состояніи. Онъ ей сдѣлалъ знакъ, чтобы она сошла оттуда. Екатерина Петровна поняла его и стала сходить; онъ встрѣтилъ ее у лѣстницы и проговорилъ:

— Поѣдьте домой!

— Развѣ твоя баллотировка произойдетъ безъ тебя?

— Моей баллотировки не будетъ! Я отказался баллотироваться!

— Отчего?

— Марейнъ устроилъ интригу противъ меня и даже пожертвовалъ пятьдесятъ тысячъ дворянству, чтобы только я не былъ выбранъ!

— Но по какому же поводу онъ все это дѣлаетъ?

— Вѣроятно, изъ мести къ вамъ и ко мнѣ за племянника. Впрочемъ, объ этихъ господахъ не стоитъ и говорить, я найду себѣ дѣятельность, которая доставитъ мнѣ и чины, и деньги.

Екатерина Петровна ничего на это не возразила: она очень хорошо понимала, что ея супругъ успѣетъ пробить себѣ дорогу.

Въ собраніи между тѣмъ происходилъ шумъ. Всѣ уже успѣли узнать, что вмѣсто Тулузова Егоръ Егорычъ пожертвовалъ пятьдесятъ тысячъ на пансіонъ, и когда губернской предводитель подошелъ къ своему столу и объявилъ, что господинъ Тулузовъ отказался отъ баллотировки, то почти всѣ закричали: «Мы желаемъ выбрать въ попечители гимназій Марейна!» Но вслѣдъ затѣмъ раздался еще болѣе сильный голосъ Егора Егорыча:

— Я не желаю быть выбираемъ! Я деньгами моими не мѣсто покупалъ! Понимаете, — не мѣсто!

Всѣ смолкли, такъ какъ очень хорошо знали, что когда Егоръ Егорычъ такъ кричалъ, такъ съ нимъ ничего не подѣлаешь.

Затѣмъ онъ съ Сверстовымъ, бывшимъ вмѣстѣ съ Сусанной Николаевной и gnädige Frau на хорахъ, уѣхалъ домой изъ собранія; дамы тоже послѣдовали за ними.

Сверстовъ, усѣвшисъ съ своимъ другомъ въ возокъ, не утерпѣлъ долѣе и сказалъ:

— А я вдобавокъ въ падеію господина Тулузова покажу вамъ еще одинъ документикъ, который я отыскалъ.

И докторъ показалъ Егору Егорычу гимназическую копію съ билета Тулузова.

— Помните ли вы, — продолжалъ онъ, пока Егоръ Егорычъ читалъ билетъ: — что я вамъ, только что еще тогда пріѣхавъ въ Кузьмищево, рассказывалъ, что у насъ тамъ, въ этой дичи, убитъ былъ мальчикъ, котораго имя, отчество и фамилію, какъ теперь оказывается, носить претендентъ на должность попечителя дѣтей и юношей!

Егоръ Егорычъ, подобно gnädige Frau, не могъ сразу понять Сверстова:

— Что-жь изъ всего этого? — спросилъ онъ.

— А то, что у кого-же этотъ видъ могъ очутиться, какъ не у убійцы мальчика?!...

— А! — произнесъ протяжно Егоръ Егорычъ.

— Да-съ, — протянулъ и докторъ: — я съ этой цѣлью видъ этотъ и разыскалъ, чтобы сорвать маску съ этого негодяя, и это теперь будетъ задачей всей моей остальной жизни!

— И моей, и моей! — подтвердилъ двукратно Егоръ Егорычъ.

Оглавление XII-го тома.

МАСОНЫ.

	СТР.
Часть первая	1
Часть вторая	190
Часть третья	400

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
10-306 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.186/12